Битва за Сталинград

Битва за Сталинград

Издание третье,
исправленное
и дополненное

Нижне-Волжское
книжное издательство
Волгоград 1972

Битва за Стал

Эта книга посвящена Сталинградской битве — одной из величайших битв второй мировой войны, в огне которой человечество увидело занимающуюся зарю победы над фашизмом. Грандиозная по своим масштабам, величественная по своим последствиям, Сталинградская битва превзошла все сражения, какие до этого знала история, и никогда не померкнет в памяти поколений.

Победоносный исход великой битвы явился ярким свидетельством неодолимой силы Советского государства, рожденного Великим Октябрем, торжества советской военной науки, монолитного единства социалистического общества. Сталинградская победа продемонстрировала великое единство фронта и тыла, армии и народа, животворную силу социалистического патриотизма — патриотизма нового, высшего типа. В этой великой победе воплотилась коллективная воля, энергия и разум Коммунистической партии, народа и его могущественной армии.

Битва под Сталинградом подтвердила правильность ленинского положения о том, что во всякой войне победа в конечном счете определяется состоянием духа тех масс, которые на полях сражений проливают свою кровь.

Сталинград стал величайшим в истории примером воинской стойкости и мужества, равного которому человечество еще не знало. Такие моральные качества, как патриотизм, ратная доблесть, боевая дружба и товарищеская взаимопомощь, были

инград

иерушимым правилом, иормой поведения каждого солдата Сталинграда.
Родина высоко оцеиила заслуги тех, кто сражался на рубежах Сталинграда и в огне боев ковал победу над сильным и жестоким врагом. За ратные подвиги 86 воинских частей и соединений были награждены орденами Леиина, Красиого Знамеии и Красной Звезды. 187 частей, соединений и объединений были преобразованы в «гвардейские». Более 717 тысяч защитников волжской твердыни награждены орденами и медалями Советского Союза. Средн иих — 403 советских воина удостоены орденов Ленина, Суворова, Кутузова и Александра Невского. 112 участникам Сталиградского сражения присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Сталинград был городом-воином и городом-тружеником, в ием не было границ между фронтом и тылом. Боевое ядро фронта и тыла составляли коммунисты и комсомольцы.

Быть впереди всех, драться лучше всех — вот единственная привилегия, которую имели в рядах бойцов коммунисты и комсомольцы, защищавшие волжскую твердыню.

В рядах войск трех фроитов — Сталинградского, Юго-Западного и Донского — не было ни одной роты без крепкого партийно-комсомольского ядра. В войсках этих фронтов сражалось свыше 160 тыс. коммунистов и 240 тыс. комсомольцев.

В период Сталинградской битвы грозным идейным оружием в руках коммунистов-фронтовиков была военная печать. Печатное слово, поставленное иа службу Родине,

помогало громить врага, добиваться победы. На вооруженин советских войск, сражавшихся в районе Сталинграда, находилнсь фронтовые, армейские и дивизионные газеты. Всего на фронтах Сталинградского иаправления издавалось около 200 печатных газет, в том числе одна на казахском языке. Разовый тираж газет достигал 500 тыс. экземпляров.

Подвиг Сталинграда — это подвнг Родиины, слава и гордость всего советского иарода. В окопах Сталинграда сражались плечом к плечу сыны Россин и Украины, Белоруссин и Прибалтикн, Кавказа и Сибири, Казахстана и Средней Азин. Без всеиародиой поддержкн не было бы и сталниградской победы.

За 6 месяцев великой битвы советский рабочий класс дал войскам Сталинградского, Донского н Юго-Западного фронтов более 20 тысяч минометов, 25 270 ручных и станковых пулеметов, 23 284 противотанковых ружья, свыше 11 тысяч автоматов н 645 668 винтовок. В период Сталнниградской битвы израсходовано 9568 вагонов боеприпасов. Такого количества боеприпасов не расходовалось ни в одном крупном сражении. Если в Берлинской операции было израсходовано 7264 вагона мин н снарядов, то в Сталинградской — 8353 вагона.

Важный вклад в дело великой победы у Волги внесла Сталинградская партийная организация — один из крупных и боевых отрядов Коммунистической партии Советского Союза. Накануне Сталинградской битвы в составе областной партийной организации насчитывалось более 52 тысяч коммунистов.

История свидетельствует, что коммунисты Сталинграда достойно выполиили свой долг перед Родиной, не упустив ни одной возможности для укрепления обороны родного города.

Только за июль—август 1942 года заводы Сталинграда дали фронту 4800 танков, пушек и минометов.

Книга «Битва за Сталиниград» — не научное исследование н не художественное произведение, а сборник воспоминаний непосредственных участников великой битвы у Волги.

Среди них известные военачальники, политработники, командиры подразделений, частей, соединений и объединений. Выступают со статьями партийные, советские и комсомольские работники города, которые возглавляли и воодушевляли людей на трудовые подвиги.

Каждое воспоминание — это живая страница истории, правдивая и волнующая.

Двадцать девять лет отделяют нас от 2 февраля 1943 года — дня Сталинградской победы. Но чем дальше уходит от нас великая битва, тем полнее раскрывается ее историческое значение. **Славные дела отважных защитников Сталинграда, чудо-богатырей социалистической Родины будут вечно жить в памяти народов мира как ярчайший пример непревзойденного в истории войн мужества и героизма, будут вдохновлять молодежь на подвиги во имя мира, демократии и социализма, во имя народного счастья.**

В героике прошлого советские люди черпают новые силы для успешного строительства коммунизма — самого совершенного и справедливого общества на земле.

Подвиг Сталинграда служит примером отваги и мужества, любви к своей Родине, преданности ленинской партии и народу.

Поэтому книга «Битва за Сталинград» будет с интересом прочитана всеми, кто дорожит боевой и трудовой славой советского народа, кто любит свою Отчизну.

Составители:

А. М. Бородин, В. С. Красавин, И. М. Логинов, И. К. Морозов.

Г. К. Жуков,

четырежды Герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза

Исторический подвиг советских войск

Прошло более четверти века, как советские Вооруженные Силы разгромили в районе Сталинграда крупнейшую стратегическую группировку немецко-фашистских войск и окончательно сорвали гитлеровские планы успешного завершения войны на Востоке.

Советский народ и его Вооруженные Силы мужественно преодолели одно из самых тяжелейших испытаний. Руководимые ленинской партией, они добились выдающейся победы. Началось массовое изгнание вражеских войск из пределов нашей Родины.

★ ★ ★

В конце весны 1942 года на советско-германском фронте наступило затишье. Обе стороны перешли к обороне и усиленно готовились к летней кампании.

Войска, находившиеся на оборонительных позициях, рыли окопы, строили блиндажи, минировали подступы к переднему краю, ставили проволочные заграждения и проводили другие оборонительные работы. Командный состав и штабы отрабатывали систему огня и взаимодействие всех родов войск по фронту и в глубину.

В Ставке и частях подводились итоги пройденного этапа войны, критически рассматривались и осмысливались действия наших войск, глубже изучались тактика и оперативно-стратегическое искусство противника, его сильные и слабые стороны.

Воодушевленный разгромом немецких войск в районе Москвы, советский народ под руководством Коммунистической партии успешно осуществлял перестройку народного хозяйства страны. На вооружение наших войск все более широким потоком поступала новейшая техника, вооружение и боеприпасы.

Создавались новые стратегические резервы. Успехи нашей танковой и артиллерийской промышленности дали возможность Верховному Главнокомандованию начать формирование танковых корпусов и танковых армий, новых истребительных бригад и дивизий. Проводились большие организационные мероприятия по противовоздушной обороне войск и страны в целом. Военно-воздушные силы получили возможность приступить к формированию воздушных армий. В июне мы уже имели 8 воздушных армий. Общая численность наших действующих вооруженных сил к 1 мая 1942 года выросла до 5 534 500 человек, 4950 танков, 40 798 орудий и минометов, 2480 самолетов.

Центральный Комитет Коммунистической партии принял ряд важных решений по улучшению организационно-партийной и массово-политической работы в войсках, укреплению их дисциплины, стойкости и боеспособности.

Для фашистской Германии советский фронт по-прежнему был главным. Вместе со своими союзниками к лету 1942 года она сосредоточила против Советского Союза 232 дивизии и 10 бригад, в том числе германских 178 дивизий, 8 бригад и 4 военно-воздушных флота. К маю силы вермахта здесь насчитывали 6 миллионов 198 тысяч человек, 3230 танков и штурмовых орудий, 57 тысяч орудий и минометов, 3395 боевых самолетов. На остальных фронтах и в оккупированных странах, пользуясь отсутствием второго фронта, Германия держала не более 20 процентов своих войск. В людях, авиации, артиллерии и минометах немецкие войска по-прежнему имели превосходство. У нас было несколько больше танков, однако в качественном отношении наши танки пока еще уступали немецким.

Из ряда источников Ставке было известно о том, что военно-политическое руководство Германии, разрабатывая план военных действий против Советского Союза на 1942 год, исходило из того, что Англия и США в 1942 году не развернут своих действий на Западе и не откроют второй фронт в Европе, а перенесут это на более поздние сроки. Отсутствие второго фронта в Европе давало возможность гитлеровцам перебрасывать из оккупированных ими стран и Германии крупные силы на Восточный фронт. Гитлеровцы бросили на борьбу с Советским Союзом все, что могли.

В общих чертах военная стратегия Гитлера на ближайший период 1942 года сводилась к тому, чтобы разгромить наши войска на юге, овладеть районом Кавказа, выйти к Волге, захватить Сталинград, Астрахань и тем самым создать условия для уничтожения СССР как государства.

Директивой главного командования немецких войск № 41 от 5 апреля 1942 года предусматривалось отторгнуть от Советского Союза богатейшие промышленные и сельскохозяйственные районы юга страны, получить дополнительные экономические ресурсы (в первую очередь кавказскую нефть) и занять господствующее стратегическое положение для окончательного достижения своих военно-политических целей.

Гитлер и его окружение надеялись, что как только будет достигнут успех на юге нашей страны, немецкие войска сумеют нанести удары и на других направлениях, в частности, вновь атаковать Ленинград и Москву.

Проведя ряд тотальных мероприятий, гитлеровцы хорошо укомплектовали группу армий «Юг» и сосредоточили в ней силы, значительно превосходящие возможности наших войск Юго-Западного направления.

Весной 1942 года мне довелось часто бывать в Ставке, и я хорошо знал, как И. В. Сталин оценивал сложившуюся обстановку и перспективы войны на 1942 год.

Было совершенно очевидно, что Верховный Главнокомандующий не вполне верит заверениям Черчилля и Рузвельта об открытии второго фронта в Европе, но и не теряет надежды, что они в какой-то степени попытаются это осуществить в других районах. И. В. Сталин доверял больше Рузвельту и меньше Черчиллю, которого считал антисоветчиком до мозга костей и неискренним человеком.

И. В. Сталин предполагал, что немцы летом 1942 года будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего,— на московском и на юге страны.

Из этих двух направлений, на которых противник, по мнению И. В. Сталина, мог развернуть свои стратегические наступательные операции, его больше всего тревожило московское, где насчитывалось более 70 немецких дивизий.

В отношении наших планов на весну и начало лета 1942 года Верховный Главнокомандующий полагал, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной, но наряду с ней провести ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на Льговско-Курском и Смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска.

Ставка и Генеральный штаб особенно опасными направлениями считали орловско-тульское и курско-воронеж-

ское с возможным ударом противника по Москве — обходом с юго-запада. В связи с такими предположениями для защиты Москвы с Юго-Западного направления Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение значительную часть своих резервов к концу весны сосредоточить за Брянским фронтом.

В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами И. В. Сталина, но не мог согласиться с количеством намечаемых фронтовых операций наших войск, считая, что эти частные наступательные операции поглотят наши резервы и этим осложнится подготовка к генеральному наступлению советских войск.

Докладывая свои соображения, я предлагал в первую очередь нанести удары на западном стратегическом направлении, с целью разгрома Вяземско-Ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного и Калининского фронтов, авиацией Верховного Главнокомандования ПВО Москвы и ближайших фронтов, и частично силами Северо-Западного фронта. По моему мнению, разгром противника на западном направлении должен был серьезно ослабить немецкие силы и принудить их отказаться от летних крупных наступательных операций. Конечно, при ретроспективной оценке событий этот вывод не являлся бесспорным, но в то время, при отсутствии полных данных о противнике, я был уверен в своей правоте.

Ввиду сложности вопросов И. В. Сталин приказал обсудить в Ставке обстановку и возможные варианты действий наших войск в летней кампании.

На совещании, которое состоялось в конце марта, Б. М. Шапошников сделал обстоятельный доклад, который в основном соответствовал прогнозам И. В. Сталина. Но, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, на ближайшее время Шапошников предложил ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточивать ближе к центральному направлению и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом 1942 года могут разыграться главные события. При рассмотрении плана наступательной операции, представленного командованием Юго-Западного направления (силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов), маршал Шапошников пытался указать на трудности ее организации, но Сталин, не дав закончить Шапошникову, сказал:

— Не сидеть же нам в обороне сложа руки, не ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести

ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника.— И далее:—...Жуков предлагает развернуть наступление только на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, это полумера.

Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко доложил о том, что войска Юго-Западного направления сейчас, безусловно, должны нанести упреждающий удар и расстроить наступательные планы противника против Южного и Юго-Западного фронтов.

Совещание закончилось указанием Сталина подготовить и провести в ближайшее время ряд частных наступательных операций в Крыму, на харьковском направлении и в других районах.

И вот наступил май и июнь 1942 года. Наши войска на юге страны вновь подверглись суровым испытаниям.

В конце апреля войска Крымского фронта, начав наступление, не достигли цели и понесли значительные потери. 8 мая противник, сосредоточив против Крымского фронта свою ударную группировку и введя в дело многочисленную авиацию, прорвал нашу оборону. Советские войска были вынуждены покинуть Керчь.

Заняв Керчь, немецкое командование сосредоточило все силы против Севастополя.

4 июля, после девяти месяцев осады, многодневных и ожесточенных сражений, в которых советские моряки, бойцы сухопутных войск обрели бессмертную славу, наши войска ушли из Севастополя. Крым был полностью потерян, что в значительной степени осложнило тогда для нас общую обстановку и, соответственно, улучшило ее для противника, который высвободил одну из боеспособных армий и значительные средства усиления.

3 мая Северо-Западный фронт начал наступление против войск 16-й немецкой армии в районе Демянска. Сражение, длившееся целый месяц, не принесло ожидаемого успеха. Правда, противнику был нанесен большой урон.

12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление на Харьков, нанося два удара: один из района Волчанска, другой — из Барвенковского выступа.

Обеспечение операции на участке Лозовая, Барвенково, Славянск возлагалось на Южный фронт. Однако командование Юго-Западного направления не учло угрозы со стороны Краматорска. Там заканчивала сосредоточение крупная наступательная группировка войск.

Перейдя в наступление с Барвенковского выступа, войска Юго-Западного фронта прорвали оборону противника

и через трое суток продвинулись на всех участках на 25—50 километров, однако операция дальнейшего успеха не получила.

Утром 17 мая 11 дивизий из состава армейской группы «Клейст» перешли в наступление из района Славянск — Краматорск против 9-й и 57-й армий Южного фронта. Прорвав оборону, враг за двое суток продвинулся на 50 километров и вышел во фланг войскам левого крыла Юго-Западного фронта в районе Петровского.

19 мая Военный совет Юго-Западного фронта, поняв резко осложнившуюся обстановку, начал принимать меры к отражению ударов противника, но уже было поздно.

22 мая 6-я, 57-я и часть 9-й армии и оперативная группа генерала Л. В. Бобкина оказались полностью окруженными.

Некоторым частям удалось вырваться из окружения и присоединиться к фронту, но многие части дрались до последней капли крови.

28 июня противник начал широкие наступательные действия. Им был нанесен удар в районе Курска на Воронежском направлении. 30 июня из района Волчанска перешла в наступление в направлении Острогожска 6-я немецкая армия, которая и прорвала оборону 21-й и 28-й армий. Положение наших войск на Воронежском направлении резко ухудшилось.

Противник вновь захватил стратегическую инициативу и, введя в дело крупные резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. К середине июля, отбросив наши войска за Дон от Воронежа до Клетской и от Суровикино до Ростова, войска противника завязали бои в районе большой излучины Дона, стремясь прорваться к Сталинграду.

В руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась угроза выхода противника на Волгу и на Северный Кавказ, угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом, потери важнейшего экономического района, который обеспечивал нефтью армию и промышленность.

Войска Юго-Западного направления понесли большие потери и не могли успешно сдерживать продвижение противника. Не мог остановить врага на Кавказском направлении и ослабевший в предыдущих боях Южный фронт.

Чтобы преградить путь немецким войскам к Волге, Ставка 12 июля на базе Юго-Западного фронта создала новый Сталинградский фронт, включив в него: 62-ю армию под командованием генерал-майора В. Я. Колпакчи, 63-ю

под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, 64-ю под командованием генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, затем В. Н. Гордова и 21-ю армию из состава Юго-Западного фронта. Так сделали потому, что Юго-Западное направление, как утратившее свое значение, было ликвидировано. Военный совет бывшего Юго-Западного фронта в полном составе возглавил вновь образованный Сталинградский фронт.

Уцелевшие части 28, 38, 57-й армий также были переданы в состав Сталинградского фронта. Для усиления фронта Ставка из своего резерва передала ему 1 и 4-ю танковые армии. В оперативное подчинение командования фронтом поступила и Волжская военная флотилия.

На подступах к Сталинграду развернулось строительство оборонительных и укрепленных рубежей. Как и москвичи при обороне Москвы, так и сталинградцы в эти тревожные дни самоотверженно готовили свой город к обороне.

Большую организаторскую работу провели также обком и горком партии Сталинграда по формированию и подготовке народного ополчения, рабочих отрядов самообороны, по реорганизации производства на нужды фронта, по эвакуации из города детей, стариков и государственных ценностей.

Сталинградский фронт с 17 июля занял следующую линию обороны: Павловск-на-Дону и далее по левому берегу Дона от Серафимовича, затем Клетская, Суровикино вплоть до Верхне-Курмоярской.

В этот период Сталинградский фронт насчитывал 187 тысяч человек, 360 танков, 337 самолетов, почти 7900 орудий и минометов. А у противника было 250 тысяч солдат и офицеров, около 740 танков, 1200 боевых самолетов, до 7500 орудий и минометов. Соотношение сил, таким образом, было следующим: по людям 1 : 1,2, по орудиям и минометам 1 : 1, по танкам 1 : 2, по самолетам 1 : 3,5. В дальнейшем из-за упорного сопротивления наших войск на подступах к Сталинграду, противник вынужден был перебросить для удара со стороны Котельниково с Кавказского направления 4-ю танковую армию и дополнительно развернуть часть сил армий своих сателлитов.

В соответствии с директивой верховного немецкого командования (ОКВ) № 45 от 23 июля 1942 года группа армий «Б», прикрываясь с севера средним течением реки Дона (где последовательно развертывались венгерские, итальянские и румынские войска), намеревалась стремительно захватить Сталинград, Астрахань и твердо закре-

питься на Волге, отрезав Кавказ от центра Советского Союза.

26 июля бронетанковые и механизированные немецкие войска прорвали оборону 62-й армии и вышли в район Каменского. Для противодействия прорыва Ставка приказала немедлеино ввести в дело формируемые 1-ю и 4-ю танковые армии. Однако эти армии, имевшие всего 240 танков и две стрелковые дивизии, не могли дать надлежащего отпора немецким бронетанковым войскам.

Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но у Ставки в то время не было иного выхода. Противника все же мы задержали. Тяжелые сражения развернулись и на участке 64-й армии. И здесь противнику не удалось с ходу прорваться в Сталинград.

В течение первой половины августа на дальних и ближних подступах к Сталинграду шли ожесточенные сражения. Наши войска, опираясь на укрепленные рубежи, героически отстаивали каждую пядь земли, наносили по врагу удары, изматывали и обескровливали вражеские войска, рвавшиеся к Сталинграду.

Сталинградский фронт растянулся до 700 километров. Трудно стало управлять войсками. 5 августа Ставка решает разделить его на два фронта: Сталинградский и Юго-Восточный.

Командующим Сталинградским фронтом был оставлеи генерал-лейтенант В. Н. Гордов, сменивший 23 июля 1942 года Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. В состав фронта вошли 63, 21, 62, 4-я таиковая армии, а также формируемая 16-я воздушная армия под командованием генерал-майора С. И. Руденко.

Командующим Юго-Восточным фронтом назначается генерал-полковник А. И. Еременко. В состав фронта были включены 57, 51, 64, 1-я гвардейская и 8-я воздушная армии.

Для координации действий войск, находящихся под Сталинградом, 12 августа Государственный Комитет Обороны послал начальиика Генерального штаба генерал-полковника А. М. Василевского.

После многодневных ожесточенных сражений 23 августа 14-й таиковый корпус противника прорвался в район Вертячего. Рассекая сталинградскую оборону на две части, его 16-я танковая дивизия вышла к Волге в районе Латошинка—Рынок. 62-я армия оказалась отрезанной от основных сил Сталинградского фронта и была передана в состав Юго-Восточного фронта.

Немецкая бомбардировочная авиация подвергла Сталинград варварским бомбардировкам. Цветущий город был превращен в груды развалин. Гибли тысячи мирных жителей, уничтожались промышленные предприятия и культурные ценности.

Утром 24 августа части 16-й танковой дивизии противника перешли в наступление в направлении тракторного завода. Разгорелись ожесточенные бои, в которых приняли участие отряды народного ополчения сталинградских заводов. Гитлеровцам не удалось прорваться к тракторному.

Одновременно войска Сталинградского фронта, отошедшие на северо-запад, атаковали противника с севера на юг, заставили его развернуть значительные силы, предназначенные для захвата Сталинграда. Этим маневром удалось во многом ослабить удар противника. Его 14-й танковый корпус, отрезанный от своих тылов, вынуждеи был несколько дней получать снабжение по воздуху.

К этому времени гитлеровцы переправили свои главные силы через Дон и развернули энергичное наступление, поддержав его мощными ударами авиации. К 30 августа войска Юго-Восточного фронта под давлением превосходящих сил противника отошли на внешний сталинградский обвод, а затем и на внутренний. 62-я и 64-я армии заняли оборону на линии: Рынок — Орловка — Гумрак — Песчанка — Ивановка. Командовал 62-й армией в те дни генерал Антон Иванович Лопатин. Он сделал все, что требовал от него воинский долг и даже больше, поскольку хорошо известно, что враг действовал в значительном численном превосходстве против 62-й армии. И все же А. И. Лопатии предусмотрительно сохранил 62-ю армию для дальнейшей борьбы с противником, для боев в Сталинграде, где впоследствии враг был смертельно истощен.

27 августа мне позвонил И. В. Сталин. Справившись о положении дел на Западном фронте, он сказал: «Вам нужно как можно быстрее приехать в Ставку. Оставьте за себя начальника штаба,— а затем добавил: — Подумайте, кого следует назначить командующим вместо вас».

На этом разговор был окончен. Сталин не сказал о назначении меня заместителем Верховного. Видимо, об этом он хотел объявить при личной встрече. Надо сказать, Сталин вообще по телефону говорил только о том, что крайне необходимо сказать в этот момент. От нас требовал быть крайне осторожными при пользовании телефонами, особенно в зоне действующих войск, где не было стационарных средств засекречивания разговоров.

Поздно вечером этого же дня я прибыл в Кремль.

И. В. Сталин работал у себя в кабинете. Там же находились некоторые члены ГКО. А. Н. Поскребышев доложил о моем прибытии, и я тут же был принят.

Сталин сказал, что у нас плохо идут дела на юге и может случиться так, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе.

— ГКО решил назначить вас заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда,— сказал Сталин и спросил:— Когда вы можете вылететь?

Я ответил, что мне потребуются сутки для изучения обстановки. 29-го я смогу вылететь в Сталинград.

— Ну вот и хорошо.

Вскоре принесли чай. За чаем И. В. Сталин вкратце сообщил мне сложившуюся обстановку на 27 августа. Он сказал, что Ставка решила передать Сталинградскому фронту 24-ю, 1-ю гвардейскую и 66-ю армии.

— 24-й армией командует генерал Козлов, 1-й гвардейской армией — Москаленко, 66-й армией — Малиновский. 1-я гвардейская армия генерала Москаленко перебрасывается в район Лозное. С утра 2 сентября она должна нанести контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-й армией. Под прикрытием армии Москаленко выводите быстрее в исходное положение 24-ю и 66-ю армии и немедленно вводите их в бой, иначе можем потерять Сталинград.

Мне было ясно, что битва за Сталинград имеет крупнейшее военно-политическое значение. С падением Сталинграда вражеское командование получало возможность, прикрываясь Волгой, развивать удар на север, выходя в глубокие тылы страны. Кроме того, мы могли потерять Волгу — важнейшую водную артерию, по которой большим потоком шли грузы с Кавказа.

Вылетев 29 августа, мы через четыре часа сели на полевую площадку в районе Камышина.

Позвонив в штаб 1-й гвардейской армии, где в это время находился командующий Сталинградским фронтом генерал В. Н. Гордов, я сказал ему, чтобы он ждал нас в штабе командующего армией К. С. Москаленко, куда сейчас же выезжаем с А. М. Василевским.

На командном пункте 1-й гвардейской армии мы встретились с генералами В. Н. Гордовым и К. С. Москаленко. Их доклады произвели на меня отрадное впечатление. Чувствовалось, что они хорошо знают силы противника, возможности своих войск. Обсудив обстановку и состояние наших войск, мы пришли к выводу, что хорошо подготовить все сосредоточиваемые армии к контрудару мы не

сможем ранее 6 сентября. Я тут же доложил об этом по «ВЧ» Сталину. Сталин, выслушав доклад, сказал, что у него возражений нет.

Назначенное Ставкой на 2 сентября наступление 1-й гвардейской армии не смогло осуществиться. Ее войска из-за отсутствия горючего и растяжки в пути к утру 2 сентября не вышли в исходные районы. По просьбе командарма К. С. Москаленко атака мною была перенесена на 3 сентября, о чем я 2 сентября донес в Ставку. В донесении говорилось:

«1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как ее части не сумели выйти на исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и чтобы не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте, перенес наступление на 5 часов 3 сентября...

Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5—6 сентября. Сейчас идет детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции...»*

Утром 3 сентября после артиллерийской подготовки войска 1-й гвардейской армии перешли в наступление, но продвинулись в направлении Сталинграда всего лишь на 2—4 километра, нанеся противнику некоторое поражение. Дальнейшее продвижение 1-й гвардейской армии было остановлено непрерывными ударами авиации и контратаками танков и пехоты противника, поддержанных артиллерией из района Сталинграда.

3 сентября за подписью Сталина мною была получена телеграмма следующего содержания:

«Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросить на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации мало»**.

---

* Архив МО СССР, ф., 1, гв. А, оп. 6914, д. 17, л. 146.

** Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 9988, л. 7.

Я тут же позвонил Сталину и доложил, что могу приказать завтра же с утра начать наступление, но войска всех трех армий будут вынуждены начать бои почти без боеприпасов, так как их могут доставить на артиллерийские позиции не раньше вечера 4 сентября. Кроме того, мы не можем раньше вечера чертвертого увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией, а без этого ничего не получится..

— Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь?— сказал Сталин.— Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедля не ударите с севера.

Я ответил, что не разделяю эту точку зрения и прошу разрешения начать наступление 5 сентября, как было приказано ранее. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами.

— Ну хорошо,— согласился Сталин.— Если противник начнет общее наступление на город, немедля атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск.

На рассвете 5 сентября по всему Сталинградскому фронту — 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий — началась артиллерийско-минометная и авиационная подготовка. Плотность артиллерийского огня даже на направлении главных ударов армии была небольшой. После залпов «катюш» началась атака.

По мощности огня, которым встретил противник наши атакующие войска, мы определили, что артиллерийская подготовка не дала нужных результатов и что глубокого продвижения наших наступающих частей ожидать не следует.

Так оно и случилось. Примерно через полтора-два часа из докладов командующих войсками стало известно, что на ряде участков противник своим огнем остановил наше продвижение и контратакует пехотой и танками. Авиационная разведка установила, что из района Гумрака, Орловки, Бол. Россошки на север движутся большие группы танков, артиллерии и мотопехоты противника. Авиация противника начала бомбардировку наших боевых порядков.

Весь день шел напряженный огневой бой. К вечеру он почти затих. Мы подвели итоги. За день сражения наши части продвинулись всего лишь на два — четыре километра, а кое-где, особенно в 24-й армии, остались почти на старых позициях.

К вечеру войскам подвезли снаряды, мины и другие боеприпасы. С учетом выявленных за день боя дополни-

тельных данных о противнике, было решено в течение ночи подготовить новую атаку, произведя в пределах возможного необходимую перегруппировку сил.

Поздно вечером меня вызвал к телефону Сталин.

Я доложил, что в течение всего дня шло очень тяжелое сражение. К северу от Сталинграда противник ввел в бой новые войска, переброшенные из района Гумрак.

— Это уже хорошо,— сказал Сталин.— Это большая помощь Сталинграду.

Я продолжал:

— Наши части имеют незначительное продвижение, а в ряде случаев остались на исходных рубежах.

— А в чем тут дело? — спросил Сталин.

— Дело в том,— ответил я,— что из-за недостатка времени наши войска не успели хорошо подготовить наступление, провести артиллерийскую разведку и выявить систему огня противника и поэтому, естественно, подавить ее не смогли. Когда же наши части перешли в наступление, враг своим огнем и контратаками остановил наступление. Кроме того, авиация противника весь день господствовала в воздухе и непрерывно бомбила наши части.

— Продолжайте атаки,— приказал Сталин.— Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника.

На другой день бой разгорелся с еще большим ожесточением. Наша авиация бомбила гитлеровцев в ночь на 6 сентября.

В течение 6 сентября противник подтянул новые части. На ряде господствующих высот он зарыл в землю танки, штурмовые орудия и основательно организовал опорные пункты, которые можно было разбить только мощным огнем артиллерии. Но ее у нас тогда было очень мало. Третий и четвертый день сражения прошли, главным образом, в состязании огневых средств и боях в воздухе.

10 сентября, объехав части и соединения армий, я пришел к выводу, что прорвать боевые порядки врага и ликвидировать его коридор наличными силами и в той же группировке невозможно. В том же духе высказались и командармы К. С. Москаленко, Р. Я. Малиновский, Д. Т. Козлов и командующий фронтом генерал-лейтенант В. Н. Гордов.

В тот же день в докладе Сталину я сказал:

— Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать «коридор» и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет

вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного фронтового удара. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника.

Сталин ответил, что было бы неплохо мне прилететь в Москву и доложить лично эти вопросы.

12 сентября я вылетел в Москву и через четыре часа был в Кремле, куда был вызван и начгенштаба А. М. Василевский.

Александр Михайлович доложил последние сведения о подходе в район Сталинграда новых частей с направления Котельниково, о ходе сражения в районе Новороссийска, а также о сражениях на Грозненском направлении.

Сталин, внимательно выслушав доклад Василевского, резюмировал:

— Рвутся любой ценой к грозненской нефти. Ну, теперь послушаем Жукова о Сталинграде.

Я повторил то же, о чем докладывал по телефону, и, кроме того, сказал, что 24-я, 1-я гвардейская и 66-я армии, участвовавшие в наступлении 5—11 сентября, показали себя боеспособными объединениями. Основная их слабость — это отсутствие в армиях качественных средств усиления. Мало гаубичной артиллерии и танковых частей, необходимых для непосредственной поддержки пехоты. Местность на участке Сталинградского фронта крайне не выгодна для наступления наших войск — открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнее артиллерийское наблюдение и возможность во всех направлениях маневрировать огнем. Кроме того, у противника есть возможность вести дальний артиллерийский огонь и из района Кузьмичи—Акатовка—совхоз «Опытное поле». При этих условиях 24, 1, 66-я армии Сталинградского фронта прорвать фронт обороны противника не могут.

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать «коридор» противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом? — спросил Сталин.

— Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее четырехсот стволов гаубичной артиллерии,— ответил я.— Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

Сталин достал свою карту с расположением резервов Ставки и долго ее рассматривал.

Мы отошли с Александром Михайловичем подальше от стола в сторону и очень тихо заговорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое «иное» решение?— вдруг, подняв голову, спросил Сталин.

Я никогда не думал, что у Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

— Вот что,— продолжал он,— поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской группировки. Завтра в 9 часов вечера соберемся здесь.

Весь следующий день мы с А. М. Василевским проработали в Генеральном штабе. Все внимание сосредоточили на возможности осуществления операции более крупного масштаба с тем, чтобы не расходовать резервы Ставки на частные операции. В октябре у нас заканчивалось формирование и сколачивание стратегических резервов, в составе которых были танковые соединения, хорошо укомплектованные новейшей материальной частью.

Перебрав все возможные варианты, мы с А. М. Василевским договорились предложить Верховному следующий план действий: первое — активной обороной продолжать изматывать противника; второе — приступить к подготовке контрнаступления с тем, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда сокрушительный удар, который должен будет резко изменить всю стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу.

Что же касается конкретного плана контрнаступления, то мы, естественно, за один день не могли подготовить для Сталина детальные расчеты, но нам было ясно, что основные удары нужно нанести по флангам сталинградской группировки, прикрывавшимся румынскими войсками. Ориентировочный расчет перехода в контрнаступление показывал, что раньше середины ноября подготовить необходимые силы и средства для контрнаступления будет невозможно. При оценке противника мы исходили из того, что фашистская Германия уже не в состоянии выполнить свой стратегический план 1942 года. Тех сил и средств, которыми к осени 1942 года располагала Германия, не хватит для завершения задач ни на Северном Кавказе, ни в районе Дона — Волги.

Все, что гитлеровское командование могло использовать на Кавказе и в районе Сталинграда, было в значительной степени уже обескровлено и морально надломлено. Ничего более значительного оно явно не могло бросить

на юг нашей страны. Немецкие войска, безусловно, будут вынуждены так же, как и после разгрома под Москвой в 1941 году, перейти к обороне на всех направлениях.

Из опроса многочисленных пленных нам было хорошо известно, что 6-я армия фон Паулюса и 4-я танковая армия Гота, которые втянулись в изнурительные кровавые бои, уже не в состоянии завершить операцию по захвату Сталинграда.

Советские войска в смертельных схватках с врагом на подступах к Сталинграду и в самом городе тоже понесли большие потери и наличными силами не имеют возможности разгромить врага. Но у нас закончилась подготовка крупных резервов, имевших новейшее оружие и новейшую боевую технику. В ноябре в распоряжении Ставки будут механизированные и танковые соединения, вооруженные известными всему миру танками Т-34, что позволяло нам ставить своим войскам более серьезные задачи. Наши командные кадры за первый период войны многому научились, многое переосмыслили и, пройдя тяжелую школу, стали мастерами оперативно-стратегического искусства. Остальной командно-политический состав, все воины Красной Армии на опыте многочисленных боев и сражений в полной мере освоили способы и методы боевых действий в любой обстановке.

Генеральный штаб на основе данных фронтов изучил сильные и слабые стороны немецких, венгерских, итальянских и румынских войск. Войска сателлитов по сравнению с немецкими были хуже вооружены, менее опытны и недостаточно боеспособны даже в обороне. И самое главное — их солдаты, да и многие офицеры, не хотели умирать за чужие интересы на далеких полях России, куда их забросили по воле Гитлера, Муссолини, Антонеску, Хорти и других фашистских главарей.

Положение противника усугублялось еще и тем, что в районе Волги и Дона он имел в своем оперативном резерве не более шести дивизий, да и те были разбросаны на широком фронте. Сосредоточить их в кулак в короткое время было невозможно. Нам благоприятствовала и оперативная конфигурация всего фронта противника — наши войска занимали охватывающее положение и имели вместительные плацдармы в районах Серафимовича и Клетской.

Вечером 13 сентября мы были у И. В. Сталина, в его кабинете.

Поздоровавшись за руку (что с ним редко бывало), Сталин сказал:

— Советский народ десятками, сотнями тысяч отдает свои жизни в борьбе с фашизмом, а Черчилль торгуется из-за двух десятков «харикейнов». А их «харикейны» — дрянь, наши летчики не любят эти машины...— и совершенно спокойным тоном продолжал:— Ну что надумали? Кто будет докладывать?

— Кому прикажете,— сказал Александр Михайлович,— мнение у нас одно.

Сталин подошел к нашей карте.

— Это что у вас?

— Это предварительные наметки плана контрнаступления в районе Сталинграда,— ответил Василевский.

— Что это за фронт в районе Серафимовича?

— А это новый фронт. Его нужно создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

— У нас сейчас не хватит сил для такой большой операции,— сказал Сталин.

Я доложил, что мы подсчитали — через 45 дней операцию можно обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо ее подготовить.

— А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль реки Дон?— возразил Сталин.

Я сказал, что в этом случае немцы могут быстро повернуть из-под стен Сталинграда свои бронетанковые части и парировать наши удары. Глубокий удар наших войск западнее Дона не даст возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать своими бронетанковыми войсками и своевременно выйти навстречу нашим окружающим группировкам.

— А не далеко ли вы замахнулись своими ударными группировками? Может быть, лучше сократить размах?— спросил Сталин.

Мы с Александром Михайловичем объяснили, что операция делится на два основных этапа. Первый этап: прорыв обороны, окружение сталинградской группировки гитлеровцев и создание прочного внешнего фронта с тем, чтобы изолировать ее от внешних сил. Второй этап: уничтожение окруженного противника и пресечение его попыток деблокировать окружение.

— Над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы,— сказал Сталин.— А сейчас главная задача — удержать в своих руках Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина.

Вошел Поскребышев и доложил, что звонит Еременко.

Закончив телефонный разговор, Сталин сказал:

— Еременко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара.— А затем, обратившись к Василевскому, добавил:— Дайте сейчас же указание о немедленном направлении в Сталинград 13-й дивизии Родимцева и посмотрите, что еще можно двинуть туда.

Обратившись ко мне, Сталин сказал:

— Позвоните Гордову и Голованову, чтобы они немедля вводили в дело всю авиацию. Пусть Гордов атакует с утра, скует противника. Сами вылетайте обратно в войска Сталинградского фронта и приступайте к изучению обстановки в районе Клетской и Серафимовича. Василевскому через несколько дней надо вылетать на Юго-Восточный фронт для изучения обстановки на его левом крыле. Разговор о плане продолжим позже. То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать.

Через час я уже был в самолете и летел в штаб Сталинградского фронта.

13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом пробивался через развалины города ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы в упор расстреливали его, руины Сталинграда стали крепостью. Однако сил у защитников города с каждым часом оставалось все меньше.

Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й дивизией А. И. Родимцева (переданной из резерва Ставки). После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия Родимцева вместе с другими частями 62-й армии отбила Мамаев курган. Очень помогли защитникам Сталинграда своими ударами по врагу авиационные соединения А. Е. Голованова и С. И. Руденко, контратаки войск Сталинградского фронта с севера.

Надо сказать, что если бы не было настойчивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических атак авиации, то, возможно, Сталинград не был бы удержан 62-й и 64-й армиями Юго-Восточного фронта.

Небезынтересно, что по этому поводу пишет немецкий офицер, находившийся в армии Паулюса:

«В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсеченные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были

обескровлены, в ротах оставалось, как правило, по 30—40 человек».*

В конце сентября я вновь был вызван Верховным Главнокомандующим в Москву для обсуждения плана контрнаступления. К этому времени вернулся в Москву и А. М. Василевский, изучавший условия для контрнаступления армий левого крыла Юго-Восточного фронта.

Прежде чем явиться в Ставку, мы встретились с Александром Михайловичем для обсуждения итогов изучения условий для осуществления контрнаступления. Во время обсуждения обстановки на участке Сталинградского фронта Сталин спросил меня, что собой представляет генерал Гордов. Я доложил, что Гордов в военном отношении грамотный генерал, но как-то он не может наладить отношения со штабом и командным составом.

Сталин сказал, что в таком случае во главе фронта следует поставить другого командующего. Кандидатом на этот пост я предложил генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. А. М. Василевский поддержал меня. Тут же было решено: Сталинградский фронт переименовать в Донской, Юго-Восточный в Сталинградский. Командующим Донским фронтом назначить К. К. Рокоссовского. Командующим вновь создаваемым Юго-Западным фронтом был намечен генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

После детального обсуждения вопросов по плану контрнаступления И. В. Сталин сказал мне:

— Вылетайте обратно на фронт. Принимайте все меры к тому, чтобы еще больше обессилить противника. Посмотрите еще раз намеченные планом районы сосредоточения резервов и исходные районы для Юго-Западного фронта. Товарищу Василевскому с этой целью следует выехать еще раз на левое крыло Юго-Восточного фронта.

После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления мы с Василевским вернулись в Ставку Верховного Главнокомандования, где еще раз был обсужден во всех основных деталях план контрнаступления и после этого утвержден. Карту-план контрнаступления подписали: Г. К. Жуков и А. М. Василевский. «Утверждаю», — подписал И. В. Сталин.

И. В. Сталин сказал А. М. Василевскому:

— Не раскрывая смысла нашего плана, надо спросить мнение командующих фронтами в отношении их дальнейших действий.

---

* Воспоминания офицера Иоахима Видера «Катастрофа на Волге». Изд. «Прогресс», М., 1965, стр. 52.

28 сентября Сталинградский фронт был преобразован в Донской фронт.

Мне было приказано лично проинструктировать Военный совет Донского фронта о характере действий войск с целью всемерной помощи Сталинграду.

Хорошо помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда, где размещался командный пункт командарма Москаленко.

Я указал на то, что не следует прекращать активные действия, чтобы противник не перебрасывал силы и средства с участка Донского фронта для штурма Сталинграда. Константин Константинович Рокоссовский ответил: поскольку сил и средств у фронта очень мало, мы ничего серьезного здесь не сможем сделать. Я тоже был такого же мнения, но без активной помощи Юго-Восточному фронту (теперь Сталинградскому), удержать город было невозможно.

1 октября я вернулся в Москву для дальнейшей работы над планом контрнаступления. От Сталинграда до Москвы летел в самолете, которым управлял лично А. Е. Голованов. Я с удовольствием сел в кабину к отличному летчику.

Не долетая до Москвы, почувствовал, что самолет неожиданно делает разворот и снижается. Я решил, что мы, видимо, уклонились от курса. Однако спустя несколько минут А. Е. Голованов повел машину на посадку на незнакомой мне местности. Приземлились благополучно. Я спросил А. Е. Голованова:

— Почему вы посадили машину здесь?

— Скажите спасибо, что были рядом с аэродромом, а то могли бы свалиться.

— А в чем дело?— удивился я.

— Обледенение.

Естественно, что полеты в сложных условиях не могли быть все удачными. Я хорошо помню еще одну «самолетную» историю, едва не стоившую нам жизни. Это было в полете из Сталинграда в Москву, несколькими днями позже. Погода в этот день стояла «нелетная», шел дождь. Москва сообщила, что погода плохая, над городом туман, видимость ограниченная. А лететь надо было, вызывал Сталин.

До Москвы летели неплохо, но на подходе к Москве видимость не превышала ста метров. По радио летчику была дана команда из отдела перелетов ВВС идти на запасной аэродром. В этом случае мы наверняка опаздывали в Кремль, где нас ждал И. В. Сталин.

Приняв всю ответственность на себя, я приказал летчику садиться на Московский Центральный аэродром и остался в его кабине. Пролетая над Москвой, мы неожиданно увидели в 10—15 метрах от левого крыла горловину фабричной трубы. Я взглянул на летчика, он, что называется, «не моргнув глазом», поднял самолет чуть выше и через 2—3 минуты повел его на посадку. Когда мы приземлились, я сказал:

— Кажется, счастливо отделались от той ситуации, про которую говорят: делу — труба!

Улыбаясь, он ответил:

— В воздухе все бывает, если летный состав игнорирует погодные условия.

— Моя вина! — ответил я летчику, пожав при этом ему крепко руку.

За давностью времени я забыл фамилию летчика. Если не ошибаюсь, это все же был Беляев, очень славный человек и очень опытный летчик. С товарищем Беляевым мы налетали более 130 часов. К сожалению, он погиб в одной авиационной катастрофе.

В сентябре — октябре в Сталинград по решению Ставки было переправлено через Волгу более шести доукомплектованных дивизий, так как от старого состава 62-й армии, по сути дела, ничего не осталось, кроме тылов и штабов.

Особую заботу Ставка и Генеральный штаб проявляли об укомплектовании и сколачивании вновь созданного Юго-Западного фронта.

В сентябре — ноябре продолжались ожесточеннейшие сражения в самом городе и в прилегающих районах.

Гитлер требовал от командования группы армий «Б» и от командующего 6-й армией фон Паулюса в самое ближайшее время взять Сталинград.

Для решительного штурма гитлеровское командование сняло с обороны флангов немецкие войска и заменило их румынскими, чем ослабило боеспособность своей обороны в районах Серафимовича и южнее Сталинграда.

В середине октября противник развернул новое наступление, надеясь на этот раз обязательно покончить со Сталинградом. Но вновь, как и прежде, он встретил упорную оборону советских войск. Особенно ожесточенно и умело дрались 13-я дивизия А. И. Родимцева, 95-я дивизия В. А. Горишного, 37-я дивизия В. Г. Жолудева, 112-я дивизия И. Е. Ермолкина, группа С. Ф. Горохова, 138-я дивизия И. И. Людникова, 84-я танковая бригада Д. Н. Белого.

Несколько дней и ночей не прекращались бои на улицах города, в домах, на заводах, на берегу Волги — везде и всюду. Наши части, понеся большие потери, остались на небольшнх «островках» Сталинграда.

В целях содействия сталинградцам, 19 октября в наступление перешли войска Донского фронта. Немцы были вынуждены и на этот раз, как это было и раньше, снять со штурма города значительную часть авиации, артиллерии и танков и повернуть их против наступающего Донского фронта.

В этот же период 64-я армия нанесла контрудар с юга в районе Купоросное—Зеленая Поляна во фланг наступающих частей противника. Наступление Донского фронта и контрудар 64-й армии облегчили тяжелое положение 62-й армии и сорвали усилия противника, нацеленные на овладение городом. Не будь этой помощи, 62-я армия была бы добита и город Сталинград, возможно, был бы взят противником.

В начале ноября противник несколько раз пытался ликвидировать отдельные очаги обороны города. 11 ноября, когда наши войска заканчивали грандиозную подготовку к контрнаступлению, гитлеровцы вновь попытались наступать, но безрезультатно.

Враг был уже измотан до предела. Из опроса пленных мы установили, что части и соединения противника стали крайне малочисленны, морально-политическое состояние не только его солдат, но и офицеров резко понизилось, что мало кто из них надеялся уже выйти живым из кромешного ада многомесячных сражений.

Советские войска на Дону занимали выгодные рубежи, обеспечивавшие исходное положение для контрнаступления Юго-Западного и Донского фронтов. Южнее Сталинграда 51-я армия частным контрударом вышибла противника из озерных дефиле и прочно удерживала в своих руках рубеж Сарпа — Цаца — Барманцак.

За величайшей битвой в районе Дона, Волги и Сталинграда с затаенным дыханием следили народы всего мира. Успехи советских войск, их мужественная борьба с врагом вдохновляли все прогрессивное человечество и вселяли в силы Сопротивления Европы уверенность в окончательной победе над фашизмом.

Сталинградская битва явилась огромнейшей школой побед для наших войск. Командование и штабы получили большую практику организации взаимодействия пехоты, танков, артиллерии, авиации. Войска научились вести упорную оборону в городе, сочетая ее с маневром на флангах.

Моральное состояние наших войск значительно повысилось, и все это, вместе взятое, подготовило благоприятные условия для перехода советских войск в контрнаступление.

★ ★ ★

В середине ноября 1942 года оборонительными сражениями в районе Сталинграда и Северного Кавказа заканчивался первый период Великой Отечественной войны, который в жизни и деятельности советского народа и советских войск занимает особое место. К ноябрю 1942 года вражеские войска оккупировали огромную территорию нашей страны площадью около 1 млн. 800 тысяч кв. км, на которой до войны проживало около 80 миллионов человек. Многие миллионы советских людей, застигнутые войной, покинули родные города и села и ушли на восток. Советские войска в результате катастрофически сложившейся военной обстановки вынуждены были отступать в глубь страны, неся при этом значительные людские и материальные потери. Однако и в это тяжелое время советский народ и наши Вооруженные Силы не теряли веру в возможность разгрома вражеских полчищ. Смертельная опасность еще теснее сплотила наш народ вокруг Коммунистической партии, и, несмотря на трудности, враг на всех направлениях был окончательно остановлен.

За шестнадцать месяцев борьбы вражеские войска на советско-германском фронте, встретив упорное сопротивление советских войск и всего советского народа, понесли колоссальнейший урон. К ноябрю 1942 года их потери достигли двух миллионов человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Это были лучшие кадры германских войск, которые к концу первого периода войны фашистскому командованию заменить было уже нечем.

В ходе ожесточеннейших сражений первого периода войны с особой силой проявились массовый героизм советских воинов и мужество их военачальников, воспитанных нашей ленинской партией. Особенно положительную роль сыграл личный пример коммунистов и комсомольцев, которые, когда было необходимо, шли на самопожертвование ради победы над врагом.

До предела напряженная вооруженная борьба с немецко-фашистскими войсками вызвала большой расход боевой техники, вооружения и материальных средств. Несмотря на большие потери и утрату значительной части важнейших экономических районов, фабрик и заводов, наш народ своим самоотверженным трудом обеспечил войска минималь-

но необходимыми средствами для ведения войны. Страна была превращена в военный лагерь. Советские люди считали своим долгом сделать все возможное для победы над врагом.

Большая организаторская и вдохновляющая работа нашей ленинской партии дала блестящие результаты как в области военного строительства, так и мобилизации советского народа на создание материально-технической базы, обеспечившей вооруженную борьбу Красной Армии с немецко-фашистскими войсками.

К концу первого периода войны были созданы необходимые условия для перехода к крупным контрнаступательным операциям, захвата стратегической инициативы и начала коренного перелома в ходе войны.

Итак, первый период Великой Отечественной войны закончился провалом всех стратегических планов гитлеровского командования и значительным истощением сил и средств Германии. Этот главный итог борьбы с немецко-фашистскими войсками в значительной степени предопределил дальнейший ход всей второй мировой войны.

После тяжелейших для нас сражений на юге страны: в районе Сталинграда, на Северном Кавказе, гитлеровское военное руководство считало, что советские войска не в состоянии провести на юге зимой крупное наступление.

Активные действия наших войск осенью 1942 года на Западном направлении против группы армий «Центр», которые по замыслу Ставки должны были дезориентировать противника, создали впечатление у немецкого командования, что именно здесь, а не где-либо в другом месте, мы готовим зимнюю наступательную операцию. Поэтому в октябре гитлеровское командование начало большое сосредоточение своих войск против наших западных фронтов. К началу ноября для усиления группы армий «Центр» было переброшено двенадцать дивизий, не считая других средств усиления.

Оперативные просчеты немцев усугубились плохой работой их разведки, не сумевшей вскрыть подготовку нами такого крупнейшего контрнаступления в районе Дона — Волги, в котором участвовали 11 армий, несколько отдельных танковых, механизированных, кавалерийских корпусов, 13,5 тысячи орудий и минометов, 1100 зенитных орудий, 115 дивизионов реактивной артиллерии, около 900 танков, 1115 самолетов.

К началу контрнаступления наших войск в районе Дона — Волги противник на юге нашей страны занимал следующее оперативно-стратегическое положение. В районе

Дона, Волги и Сталинграда и южнее по Сарпинским озерам действовали войска 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий и германские войска 6-й армии и 4-й танковой армии. В среднем на дивизию приходилось до 15—20 километров.

В этой группировке насчитывалось более миллиона человек, 675 танков и штурмовых орудий, более 10 тысяч орудий и минометов. Количественное соотношение сил сторон почти равное, за исключением небольшого превосходства противника в танках.

Советское Верховное командование, разрабатывая план разгрома врага в районе Дона — Волги, исходило из того, что это поставит в тяжелое положение фашистов на Северном Кавказе, заставит их поспешно отступить или драться в условиях окружения.

После смерти И. В. Сталина появились разные суждения о том, кто же все-таки является автором такого значительного по своим масштабам и результатам контрнаступления.

Хотя этот вопрос в наших условиях и не имеет особого значения, но я все же внесу здесь некоторые дополнения.

Одно предположение построено на том, что якобы первые наметки будущей наступательной операции разрабатывались в Ставке еще в августе 1942 года, притом первоначальный вариант плана носил ограниченный характер.

Но это были не наметки будущей контрнаступательной операции, а план контрудара с целью задержания противника на подступах к Сталинграду. О большем тогда в Ставке никто и не думал, так как на большее у нас в то время не было ни сил, ни средств.

Из второго предположения следует, что 6 октября Военный совет Сталинградского фронта направил в Ставку свои предложения по организации и проведению контрнаступления.

На эту версию дает ответ А. М. Василевский:*

«С рассветом 6 октября мы вместе с Н. Н. Вороновым и В. Д. Ивановым... отправились на НП 51-й армии... Здесь мы заслушали доклад командарма Н. И. Труфанова. В тот же вечер на КП фронта, встретившись с командующим войсками и членом Военного совета, мы еще раз обсудили предложенный Ставкой план предстоящего контрнаступления, и так как никаких принципиальных возражений у командования фронта план не вызвал, подготовили в ночь

---

* Военно-исторический журнал, № 10, 1965, стр. 20.

на 7 октября на имя Верховного Главнокомандующего соответствующее донесение».

Думаю, что-либо добавлять к тому, что сказал Александр Михайлович, не следует. Данные, изложенные им, убеждают в несостоятельности претензий командования Сталинградским фронтом на авторство плана контрнаступления.

В исторических разработках также упоминается о том, что несколько позже камандующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин направил свой план. Возникают вопросы: когда позже, какой план, план фронта или план общего контрнаступления?

Как известно, Юго-Западный фронт был образован только в конце октября, в период, когда средства и силы фронта уже заканчивали свое окончательное сосредоточение, согласно плану контрнаступления, и общий план в основном уже был сверстан.

О чем здесь необходимо сказать, так это о том, что каждый командующий фронтом, согласно существующей практике и порядку, разрабатывая план действия вверенного ему фронта, докладывал его на утверждение в Ставке или ее представителям на месте и при этом, естественно, излагал свои соображения о взаимодействии с соседями и просьбы к Ставке.

Чтобы разработать такой крупнейший план контрнаступления, как план наступления трех фронтов в районе Сталинграда, Дона — Волги, нужно было основываться не только на оперативных выводах, а и на конкретных материально-технических расчетах.

Кто же мог производить конкретные расчеты сил и средств для операции такого масштаба?

Конечно, только тот, кто держал в руках эти материальные силы и средства. В данном случае это могли быть только Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб.

Вполне естественно, что Ставка и Генштаб в процессе боевых действий тщательно изучали разведывательные данные о противнике, поступавшие от фронтов и войск, анализировали их, делали выводы из характера действий противника и своих войск и принимали то или иное решение.

Следовательно, план проведения операции стратегического масштаба мог родиться только в результате длительных творческих усилий всех войск, штабов, командиров.

Основная и решающая роль в планировании и обеспечении крупной стратегической операции неоспоримо принад-

лежит Верховному Главному Командованию, то есть Ставке и Генеральному штабу. Точно так же неоспоримо принадлежит приоритет в непосредственном разгроме врага тем, кто своим смелым ударом, метким огнем, отвагой и мастерством громил не на жизнь, а на смерть противостоящего врага. Я здесь говорю о наших славных бойцах, сержантах, офицерах, генералах и военачальниках, которые, преодолев суровые испытания первого периода войны, были накануне контрнаступления в полной готовности взять инициативу сражений в свои руки и учинить врагу катастрофический разгром.

Величайшая заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, научно предвидеть ход ее развития и завершения. Следовательно, не о персональных претендентах на идею контрнаступления должна идти речь.

На первом этапе контрнаступления главную роль выполнял Юго-Западный фронт, командующим которого был генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Юго-Западный фронт, нанося мощные и глубокие удары, действовал с плацдармов на правом берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской. Сталинградский фронт наступал из района Сарпинских озер. Ударные группировки обоих фронтов должны были соединиться в районе Калач-на-Дону — хутор Советский и тем самым завершить окружение основных сил противника под Сталинградом.

Юго-Западный фронт развернул свою главную группировку на плацдармах юго-западнее Серафимовича и в районе Клетской, которая должна была прорвать оборону 3-й румынской армии и стремительно развивать удар подвижными соединениями на юго-восток с целью выхода в тыл сталинградской группировке.

Обеспечение наступления ударной группировки фронта с юго-запада и запада и образование внешнего фронта окружения на этом направлении возлагалось на правофланговую армию Юго-Западного фронта, на 1-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко и часть сил 5-й танковой армии. Эти войска, развивая наступление на запад, на юго-запад и юг, должны были на третий день операции выйти на рубеж от Вешенской до Боковской и далее по р. Чир до Обливской.

Действия наземных войск Юго-Западного фронта поддерживались авиацией 2-й и 17-й воздушных армий, которыми командовали генерал-майор авиации К. Н. Смирнов и генерал-майор авиации С. А. Красовский.

Донской фронт должен был нанести два вспомогательных удара. Один одновременно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток силами 65-й армии, с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. Второй — силами правого фланга 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий, с целью отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от его группировки в районе Сталинграда.

66-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. С. Жадова своими активными действиями севернее Сталинграда должна была прочно сковать противника и лишить его возможности маневрировать резервами.

Действия наземных войск Донского фронта поддерживались 16-й воздушной армией под командованием генерал-майора авиации С. И. Руденко.

Сталинградский фронт своей ударной группировкой, в которую входили 51, 57 и 65-я армии, должен был перейти в наступление на фронте от Ивановки до северной оконечности оз. Барманцак. Этой группировке ставилась задача прорвать оборону противника на двух участках и, развивая удар в северо-западном направлении, выйти в район Калача, Советский, где и соединиться с войсками Юго-Западного фронта, завершив окружение вражеских сил в районе Сталинграда.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова прорывала оборону противника на перешейках между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак и основными силами развивала наступление на юго-запад в общем направлении на Абганерово.

57-я армия генерала Ф. И. Толбухина и 64-я армия генерала М. С. Шумилова переходили в наступление из района Ивановки в западном и северо-западном направлениях, с целью охвата вражеской группировки с юга.

62-я армия генерала В. И. Чуйкова должна была сковать войска противника, действовавшие непосредственно в городе, и быть в готовности к переходу в наступление.

Для обеспечения наступления войск ударной группировки Сталинградского фронта с юго-запада и создания внешнего фронта окружения на этом направлении использовалась 51-я армия (в том числе и 4-й кавалерийский корпус Т. Т. Шапкина), которая должна была наступать на юго-запад в общем направлении на Абганерово, Котельниково.

Обеспечение войск Сталинградского фронта с воздуха возлагалось на 8-ю воздушную армию.

При подготовке контрнаступления предстояло провести

колоссальные перевозки войск и материально-технических средств для всех фронтов, особенно для вновь создаваемого Юго-Западного фронта. Надо отдать должное Генеральному штабу и штабу тыла Красной Армии. Они блестяще справились с сосредоточением сил и средств для операции.

На перевозке войск и грузов работало 27 тысяч машин. Железные дороги ежесуточно подавали более тысячи трехсот вагонов грузов. Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге. С 1 по 20 ноября через Волгу было переправлено более 160 тысяч солдат и офицеров, свыше 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тысяч автомашин, более 10 тысяч тонн боеприпасов и продовольствия.

В октябре и начале ноября мне, А. М. Василевскому и другим представителям Ставки пришлось основательно поработать в войсках, чтобы помочь командованию, штабам и войскам полностью освоить план контрнаступления и способы его выполнения.

С 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта, планы действия 21-й армии, 5-й танковой и 1-й гвардейской армий. В штабе Юго-Западного фронта, кроме меня, присутствовали и другие представители Ставки, которые помогали глубже отработать вопросы применения авиации, артиллерии, бронетанковых войск и инженерного обеспечения. В штабе 21-й армии мы рассмотрели ход подготовки к наступлению 21-й и 65-й армий. На это совещание было приглашено командование Донского фронта и 65-й армии.

А. М. Василевский в эти дни работал в 51, 57 и 64-й армиях. Мы с ним условились, что я прибуду туда же.

Работая в войсках, мы особо детально изучали сведения о противнике, характере его обороны, расположении основных сил и общей системе огня, наличии и месте противотанковых средств и противотанковых опорных пунктах.

Определялись способ и план артиллерийской подготовки, ее плотность, вероятность уничтожения и подавления обороны противника, а также способ сопровождения артиллерией боевых порядков при наступлении.

Определялся и увязывался план взаимодействия авиации и артиллерии, распределялись цели между ними; план и способ взаимодействия с танковыми войсками при прорыве и после ввода их в прорыв.

Увязывалось взаимодействие на флангах с соседями, особенно во время ввода в прорыв подвижных войск и их

действия в оперативной глубине обороны противника. Тут же давались практические указания: что нужно еще доразведать о противнике, что доработать в планировании, какую работу провести непосредственно на местности и с войсками.

Главное внимание всего командно-политического состава было сосредоточено на необходимости стремительно прорвать тактическую оборону румынских войск, ошеломить их мощным ударом и быстро ввести в дело вторые эшелоны для развития прорыва.

При отработке задач в корпусах, дивизиях и частях мы добивались от командного состава глубокого изучения и осмысления поставленных задач и способов взаимодействия со средствами усиления и соседями, особенно в глубине обороны противника.

Для всех категорий командно-политического состава эта работа была трудной, и она требовала напряжения всех способностей, но все это хорошо окупалось в ходе сражений.

Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьянку утром 10 ноября, где к тому времени, кроме членов Военного совета фронта, были: М. М. Попов, М. С. Шумилов, Ф. И. Толбухин, Н. И. Труфанов, командиры корпусов В. Т. Вольский и Т. Т. Шапкин и другие генералы фронта. Перед совещанием мы с Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями, с М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армий с тем, чтобы еще раз посмотреть местность, на которой предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта.

После рекогносцировки были рассмотрены вопросы взаимодействия Сталинградского с Юго-Западным фронтом, увязана техника встречи передовых частей в районе Калача, вопросы взаимодействия частей после завершения окружения и другие вопросы предстоящей операции. Затем были внимательно рассмотрены армейские планы, о которых докладывали командующие армиями и командиры корпусов.

Вечером 11 ноября я сообщил И. В. Сталину по «Бодо»:

«В течение двух дней работал у Еременко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану».

Проверка показала: лучше идет подготовка к «Урану» у Толбухина...

Мною приказано провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма...

Две стрелковые дивизии, данные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Еременко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мехбригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.

Необходимо немедленно подбросить Еременко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю с. д.; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14.11.1942 г.

Константинов*.

№ 4657
11. 11. 1942 г.».

Надо сказать, что И. В. Сталин уделял большое внимание авиационному обеспечению операций. Получив мое сообщение о неудовлетворительной подготовке авиационного обеспечения предстоящего контрнаступления, Сталин прислал мне следующую телеграмму:

«Товарищу Константинову

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое.— Сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе.— Пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье.— Преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых дейст-

* Мой псевдоним.

вий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне ваше общее мнение.

Васильев*.

12. 11. 42 2 часа
№ 170686».

Завершив отработку планов войск Сталинградского фронта 12 ноября, мы с Василевским позвонили И. В. Сталину и сказали, что нам нужно лично доложить ему ряд соображений, связанных с предстоящей операцией.

13 ноября утром мы были у Сталина. Он был в хорошем расположении духа и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом и ходе подготовки контрнаступления.

Основные положения нашего доклада сводились к следующему.

Касаясь соотношения сил как в качественном, так и в количественном отношении, мы указали, что на участках наших главных ударов (Юго-Западный и Сталинградский фронт) по-прежнему обороняются части румынских армий. По данным пленных, общая боеспособность румынских войск невысокая. В количественном отношении на этих направлениях мы будем иметь значительное превосходство, если к моменту перехода в наступление германское командование не перегруппирует сюда свои резервы, но пока никаких перегруппировок наша разведка не обнаружила. 6-я армия генерала фон Паулюса и часть сил 4-й танковой армии находятся в районе Сталинграда, где они скованы войсками Сталинградского и Донского фронтов.

Наши части, как и предусмотрено планом, сосредоточиваются в назначенных районах, и, судя по всему, разведка противника их перегруппировки не обнаружила. Нами приняты меры к еще большей скрытности передвижения сил и средств.

Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Предусмотренная планом встреча войск ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов отработана с командующими, штабами фронтов, армий и

* Псевдоним Сталина.

тех войск, которые будут выходить в район Советский и Калач. В авиационных армиях подготовка, видимо, будет закончена не раньше 15 ноября.

Подвоз боеприпасов, горючего и зимнего обмундирования несколько задерживается, но есть все основания рассчитывать, что к исходу 16—17 ноября материальные средства будут доставлены войскам.

Контрнаступательную операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского фронта на сутки позже, так как до района встречи с войсками Юго-Западного фронта ему значительно ближе.

Пока мы докладывали, в кабинете собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения готовности контрнаступления Сталин сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте еще раз готовность войск и командования к началу операции.

14 ноября я вновь был в войсках Н. Ф. Ватутина, А. М. Василевский — у А. И. Еременко. На следующий день я получил от И. В. Сталина следующую телеграмму:

«Товарищу Константинову

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова* можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномачиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев.

15. 11. 42 г.
13 час. 10 минут».

Переговорив с А. М. Василевским, мы назначили срок перехода в наступление для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, для Сталинградского фронта — 20 ноября. И. В. Сталин утвердил наше решение.

* День наступления Ватутина и Еременко.

19 ноября в 7 час. 30 мин. войска Юго-Западного фронта могучим ударом прорвали оборону 3-й румынской армии одновременно на двух участках: 5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-я армия под командованием генерал-майора И. М. Чистякова — с плацдарма у Клетской.

Румынские войска не выдержали удара и начали отступать или сдаваться в плен. Противник сильной контратакой немецких частей (стоявших сзади румынских войск) пытался остановить продвижение наших войск, но был смят введенными в дело 1-м и 26-м танковыми корпусами. Тактический прорыв на участке Юго-Западного фронта был завершен.

Командарм П. Л. Романенко находился в своей стихии. Надо сказать, что это был отважный человек и способнейший командир. По своему характеру он как нельзя лучше подходил именно к такого рода стремительным действиям.

Против 21-й армии генерала И. М. Чистякова противник бросил свои резервы в составе 1, 14, 22-й танковых дивизии и 7-й кавалерийской дивизии, считая, что именно здесь, а не где-либо в другом месте наносится главный удар. Но затем 22-я немецкая и 1-я румынская танковые дивизии развернулись против 1-го танкового корпуса 5-й танковой армии, которым командовал генерал-майор В. В. Будков.

26-й танковый корпус под командованием генерал-майора А. Г. Родина нанес тяжелое поражение 1-й танковой дивизии румын и разгромил штаб 5-го румынского армейского корпуса. Часть личного состава в панике бежала, а большая часть сдалась в плен.

С выходом наших войск на оперативные просторы, основные силы 3-й румынской армии, оборонявшиеся против Юго-Западного фронта, и немецкие резервные части, брошенные на ее спасение, были полностью разгромлены и фактически перестали существовать. 26-й танковый корпус А. Г. Родина и 4-й танковый корпус А. Г. Кравченко стремительно продвигались в район Калача-на-Дону на соединение с 4-м мехкорпусом Сталинградского фронта генерала В. Т. Вольского.

В ночь на 23 ноября передовой отряд 26-го танкового корпуса, возглавляемый подполковником Г. Н. Филипповым, смелым налетом захватил мост через реку Дон, обеспечив быструю переправу всего танкового корпуса и захват города Калача. За героический подвиг подполковнику Филиппову было присвоено звание Героя Советского

Союза, а личный состав отряда награжден орденами и медалями.

24 ноября 21-я и 5-я танковая армии, разгромив окруженные группировки румынских войск, взяли в плен более 30 тысяч солдат, офицеров и генералов.

Левее 21-й армии наступала 65-я армия Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова, но она не сумела быстро прорвать оборону противника.

И. В. Сталин, будучи серьезно обеспокоен неудовлетворительными действиями правого крыла войск Донского фронта, 23 ноября послал следующее указание командующему Донским фронтом:

«Товарищу Рокоссовскому

Копия: Товарищу Василевскому

По докладу Василевского, третья мотодивизия и шестнадцатая танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с вашего фронта, и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.

Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо.

Сталин.

23. 11. 42 г.
19 час. 40 мин.».

В результате успешного наступления 21-й армии генерала И. М. Чистякова и принятых командованием фронта мер положение с 65-й армией выправилось, и она начала более энергичное продвижение вперед.

51, 57, 64-я армии Сталинградского фронта начали действия 20 ноября, как это было предусмотрено планом.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова начала наступление в общем направлении на Плодовитое и далее на Абганерово.

57-я армия, которой командовал генерал-майор Ф. И. Толбухин, наступала в общем направлении на Калач.

64-я армия под командованием генерал-майора М. С. Шумилова из района с. Ивановки своей левофланговой группировкой нанесли удар в общем направлении на Гавриловку, Варваровку, содействуя правофланговой группировке 57-й армии.

Успешно прорвав оборону и разгромив 1, 2, 18 и 20-ю румынские дивизии, а также 29-ю немецкую мотодивизию, на участке 51-й армии был введен в прорыв на Плодовитое 4-й механизированный корпус генерала В. Т. Вольского, а в полосе действия 57-й армии введен в дело 13-й механизированный корпус под командованием генерал-майора Т. И. Танасчишина. Тогда же был введен в прорыв 4-й кавалерийский корпус генерала Т. Т. Шапкина, который в тот же день захватил станцию Абганерово.

Противник, пытаясь преградить путь 57-й армии на Калач, бросил туда из-под Сталинграда 16-ю и 24-ю танковые дивизии. Но их действия были запоздалыми, к тому же они не имели той силы, которая могла бы выдержать мощные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, вышедших своими танковыми частями днем 23 ноября в район хутора Советского.

Переправившись через Дон, 4-й танковый корпус Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Г. Кравченко и 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта В. Т. Вольского встретились в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения сталинградской группировки противника.

После этого 64, 57, 21, 65, 24, 66-я армии получили возможность развивать наступление в общем направлении на Сталинград, сжимая железными клещами внутреннее кольцо окружения противника.

Левое крыло 1-й гвардейской армии, 5-я танковая армия Юго-Западного и 51-я армия Сталинградского фронта, усиленные танковыми соединениями, преследуя отходящего противника, получили задачу отбросить разбитые части противника подальше от окруженной сталинградской группировки и создать прочный внешний фронт, необходимый для успешной ликвидации окруженного врага.

На этом первый этап контрнаступления закончился.

К началу декабря кольцо окружения противника было сжато крепко, и войска приступили к следующему этапу — ликвидации окруженной группировки.

Все это время я хорошо был информирован Александром Михайловичем и Генеральным штабом о ходе контрнаступления. После окружения 6-й армии и соединений 4-й танковой армии немецких войск наступал самый ответ-

ственный момент — не дать вражеским войскам вырваться из окружения.

28 ноября я находился в штабе Калининского фронта. Мне позвонил И. В. Сталин и спросил, знаком ли я с последними данными в районе Сталинграда. Я ответил утвердительно. Тогда И. В. Сталин приказал продумать и передать мои соображения по ликвидации немецких войск, окруженных под Сталинградом.

Утром 29 ноября мною была послана телеграмма следующего содержания:

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирской, Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Германское командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинграда, Вертячего, Мариновки, Карповки, совхоза «Горная Поляна» и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирской, Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку с тем, чтобы разорвать фронт наших частей, образовать коридор для снабжения войск окруженной группы, а в последующем для вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка, Ляпичев, Верхне-Чирский фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток,— по линии Цыбенко, Зеты, Гниловская, Шабалин.

Чтобы не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

— как можно быстрее отбросить нижнечирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская, Тормосин, Котельниково. В районах Нижне-Чирская и Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

— окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего — нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, выс. 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части, нужно... в первую очередь уничтожить более слабую

группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда.

Жуков.

№ 02
29. 11. 42 г.».

После доклада Сталину мы разговаривали по ВЧ с Александром Михайловичем, который был согласен с моими соображениями. Одновременно мы обменялись мнениями и относительно предстоящих действий войск Юго-Западного фронта. Александр Михайлович согласился временно отказаться от операции «Большой Сатурн» и направить удар Юго-Западного фронта во фланг тормосиновской группировки противника.

Юго-Западный фронт получил задачу под условным названием «Малый Сатурн»: нанести удар силами 1-й и 3-й гв. армиями и 5-й танковой армией в общем направлении на Морозовск с тем, чтобы разгромить в том районе группировку противника. Удар Юго-Западного фронта был поддержан 6-й армией Воронежского фронта, которая наступала в общем направлении на Кантемировку.

Гитлеровское командование испытывало острую нужду в резервах, чтобы с их помощью выправить катастрофическое положение своих войск на сталинградском и кавказском направлениях.

Чтобы не допустить переброску немецких войск из группы армии «Центр», Ставка приняла решение одновременно с контрнаступлением в районе Сталинграда организовать наступление Западного и Калининского фронтов против немецких войск, занимавших Ржевский выступ.

В первой половине декабря операция по уничтожению окруженного противника войсками Донского и Сталинградского фронтов развивалась крайне медленно. Сталин требовал от командования фронтов быстрейшего завершения разгрома окруженной группировки.

Войска противника, ожидая обещанную Гитлером поддержку, дрались упорно за каждую позицию. Наступление наших войск, в связи с отвлечением значительной их части для ликвидации немецкой группировки, перешедшей в наступление из района Котельниково, не давало желаемых результатов.

Для немцев разгром в районе Волги— Дона грозил разрастись в катастрофу большого стратегического масштаба. Чтобы спасти общее положение, гитлеровское командование прежде всего считало необходимым стабилизировать

фронт обороны своих войск на сталинградском направлении и под его прикрытие отвести с Кавказа группу армий «А».

Для этих целей оно сформировало новую группу армий «Дон», командующим которой был назначен генерал-фельдмаршал Манштейн.

Чтобы спасти окруженные в районе Сталинграда войска, фельдмаршал Манштейн, как теперь стало известно, предполагал создать две ударные группы. Одну — в районе Котельниково, другую — в районе Тормосина. Но судьба не улыбалась ни Манштейну, ни окруженным немецким войскам.

Наши партизаны в тылу врага, зная, куда и с какой целью спешат немецкие войска в южном направлении, делали все, чтобы задержать их продвижение.

Время шло, а сосредоточение войск, на которые фашисты возлагали все надежды по деблокированию и созданию нового фронта обороны, срывалось. Гитлер, предчувствуя гибель своих войск под Сталинградом, торопил Манштейна начать операцию, не ожидая полного сосредоточения войск.

Манштейн начал операцию 12 декабря только из района Котельниково, вдоль железной дороги.

В котельниковскую группу Манштейн включил 6-ю и 23-ю, а затем 17-ю танковые дивизии, отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми танками «Тигр», четыре пехотные дивизии и ряд частей для усиления группы, а также две румынские кавдивизии. За три дня боев противнику удалось продвинуться вперед к Сталинграду на 45 километров и даже переправиться через реку Аксай Есауловский.

В районе хутора Верхне-Кумского разгорелось ожесточенное сражение, в котором обе стороны несли большие потери. Враг, не считаясь с жертвами, рвался к Сталинграду. Но советские войска, закаленные в предшествующих боях, упорно защищали оборонительные рубежи. Только под давлением вновь подошедшей сюда 17-й танковой дивизии и резко усилившейся авиационной бомбардировки части 51-й армии и кавалерийского корпуса генерала Т. Т. Шапкина отошли за реку Мышкова.

Теперь противник находился в 40 километрах от Сталинграда, и ему, видимо, казалось, что победа близка и реальна. Но это были преждевременные надежды. Согласно указаниям Ставки, А. М. Василевский ввел здесь в сражение дополнительно усиленную 2-ю гвардейскую армию, хорошо оснащенную танками и артиллерией.

16 декабря начали наступление войска Юго-Западного и 6-я армия Воронежского фронтов* с целью разгрома немцев в районе Среднего Дона и выхода в тыл тормосиновской группировки противника, готовившейся к удару на сталинградском направлении.

1-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, 3-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко, 6-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. М. Харитонова, разгромив оборону 8-й итальянской армии, стремительно развили удар в общем направлении на Морозовск во фланг и тыл тормосиновской группировки противника.

В первом оперативном эшелоне, таранным ударом опрокидывая сопротивлявшегося врага, наступали 24-й и 25-й танковые корпуса, 1-й гвардейский механизированный корпус. Уступом справа, в район Миллерово, выходили 17-й и 18-й танковые корпуса.

Стремительные действия наших войск на этом направлении заставили Манштейна отказаться от мысли бросить в наступление тормосиновскую группу на помощь окруженной сталинградской группировке. Ее силы он обратил против Юго-Западного фронта, выходившего во фланг и тыл всей группе армий «Дон».

Докладывая по «Бодо» 28 декабря Ставке о ходе наступательной операции, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин так характеризовал сложившуюся обстановку:

«Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, и запасы захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тыс. человек, не менее этого убито. Таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления, за редким исключением. Перед войсками фронта противник продолжает упорно обороняться на фронте Обливская, Верхне-Чирская. В районе хутора Морозовского сегодня уже захвачены пленные 11-й танковой дивизии и 8-й авиационной полевой дивизии, которые раньше были перед армией Романенко... Наибольшее сопротивление армии Лелюшенко и нашим подвижным войскам оказывают части противника, которые из района Котельниково переправились через Дон и выдвинулись на фронт Чернышковский, Морозовский, Скосырская, Тацинская. Эти войска

* 6-я армия 19 декабря 1942 г. была передана в состав Юго-Западного фронта.

противника стремятся занять рубеж, чтобы воспрепятствовать дальнейшему... наступлению наших подвижных соединений и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск, а, может быть, противник, при благоприятных для него условиях, попытается вообще удержать за собой весь этот выступ с тем, чтобы потом стремиться выручить через него свою окруженную группировку. Однако это ему не удастся. Все силы будут приложены к тому, чтобы... отрезать этот выступ». И далее... «Авиаразведка ежедневно отмечает выгрузку войск противника в районах: Россошь, Старобельск, Ворошиловград, Чеботовка, Каменск, Лихая, Зверево. О намерениях противника судить трудно. Видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северный Донец. Противник вынужден в первую очередь затыкать сделанную нашими войсками брешь, шириною по прямой 350 км... Было бы хорошо... без особой паузы продолжать бить неготового противника, однако для этого надо давать сюда подкрепление, так как те силы, которые здесь есть, заняты завершением «Малого Сатурна», а для «Большого Сатурна» нужны дополнительные силы».

И. В. Сталин и я, находившиеся на проводе, ответили Н. Ф. Ватутину;

«Первая ваша задача не допустить разгрома Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Русиянова. Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую. Ваш встречный удар на Тормосин 8-го кавалерийского корпуса хорошо бы подкрепить еще какой-либо пехотной частью. Что касается 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и одной стрелковой дивизии, направляемых через Суворовский на Тормосин, это очень кстати. Для того, чтобы превратить «Малый Сатурн» в «Большой Сатурн», мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса и три-четыре стрелковые дивизии... У нас имеется сомнение насчет 18-го танкового корпуса, который хотите вы направить в Скосырскую... Лучше оставить его в районе Миллерово, Верхне-Тарасовский вместе с 17-м танковым корпусом. Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова».

— Где сейчас 18-й танковый корпус? — спросили Ватутина.

— 18-й танковый корпус находится непосредственно восточнее Миллерово... 18-й корпус изолированным не будет,— ответил он.

—Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало.

— Приму абсолютно все возможные меры, и Баданова выручим,— заверил Ватутин.

24-й танковый корпус под командованием генерала В. М. Баданова особенно отличился во время развития наступления войск Юго-Западного фронта. За пять суток он продвинулся на двести километров и с ходу захватил ст. Тацинскую, перерезав железнодорожную магистраль Лихая — Сталинград. Однако случилось так, что корпус В. М. Баданова оказался сам в окружении значительно превосходящих сил противника, подошедших из района Котельниково и Тормосина.

И в этой обстановке танкисты не растерялись. Под их ударами враг понес тяжелые потери. Мужественно и умело руководил генерал В. М. Баданов. Корпус благополучно вышел из окружения.

Учитывая значительный вклад в общее дело разгрома вражеских войск в районе Волги — Дона, 24-й корпус был преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус и получил почетное наименование «Тацинский», а комкор В. М. Баданов первым в стране был награжден орденом Суворова 2-й степени. Многие солдаты, командиры и политработники также были награждены правительственными наградами.

Успешные удары Юго-Западного и Сталинградского фронтов на Котельниковском и Морозовском направлениях окончательно решили судьбу окруженной 6-й армии Паулюса в районе Сталинграда.

Гитлеровское военно-политическое руководство после полного провала котельниковского контрудара видело главную задачу уже не в том, чтобы спасти окруженные и обреченные на гибель свои войска, а в том, чтобы заставить их дольше драться в окружении, чтобы сковать советские войска. Ему необходимо было выиграть максимум времени для отвода своих войск с Кавказа, для переброски сил с других фронтов, чтобы создать новый фронт армий «Юг», способный в какой-то степени остановить наше контрнаступление.

Ставка и командование советских войск в свою очередь принимали меры к тому, чтобы быстрее покончить с окруженной группировкой и высвободить войска двух фронтов, необходимые для быстрейшего разгрома противника, отходящего с Кавказа, и на юге нашей страны.

В конце декабря в Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение дальнейших действий. И. В. Сталин предложил:

— Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствующие члены ГКО поддержали это мнение.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника? — спросил Сталин.

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовского.

— А вы что молчите? — обратился Сталин ко мне.— Или вы не имеете своего мнения?

— На мой взгляд, оба командующих достойны,— ответил я.— А. И. Еременко будет обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование К. К. Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться,— отрезал Сталин. И приказал мне:—Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

Директивой от 30 декабря в состав Донского фронта были переданы 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта. Командование и штаб Сталинградского фронта получили задачу возглавить группу войск, действующую на Котельниковском направлении. Вскоре Сталинградский фронт был переименован в Южный фронт и действовал на Ростовском направлении.

На 1 января Донской фронт имел в своем составе: 212 тысяч активных бойцов, около 6500 орудий и минометов, более 250 танков и до 300 самолетов.

В конце декабря А. М. Василевский занимался главным образом вопросами ликвидации немецких войск в районе Котельниково, Тормосин и Морозовск. Своим представителем в Донской фронт Ставка назначила генерала Н. Н. Воронова, который вместе с Военным советом фронта представил план ликвидации окруженной группировки немецких войск. Ставка, рассмотрев этот план, указала генералу Воронову:

«Главный недостаток представленного вами плана по «Кольцу» заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов, Бабуркино, Мариновка, Карповка, с тем чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка, совхоз № 1, Бабуркино повернуть на юг в район станции Карповская, а вспомога-

тельный удар 57-й армии из района Кравцов, Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направление поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару — удар 62-й армии, с тем чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основании изложенного переделать план. Предложенный вами срок начала операции Ставка утверждает. Операцию по первому этапу закончить в течение 5—6 дней после ее начала. План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин.
Г. Жуков*.

№ 170718.
28. 12. 42 г.».

В январе 1943 г. внешний фронт в районе Дона был отодвинут на 200—250 километров на запад. Положение немецких войск, зажатых в кольцо, резко ухудшилось. Никаких перспектив на спасение у них уже не было. Материальные запасы истощались. Войска получали голодный паек. Госпитали переполнились до предела. Смертность от ранений и болезней резко возросла. Наступала неотвратимая катастрофа.

Чтобы прекратить кровопролитие, командование Донским фронтом предъявило немцам ультиматум о сдаче в плен на общепринятых условиях. Несмотря на неизбежную катастрофу, гитлеровское командование приказало войскам отвергнуть наш ультиматум и драться до последнего патрона, обещая спасение, которого не могло быть, и это понимали немецкие солдаты.

В своих воспоминаниях офицер-разведчик 6-й армии Паулюса так описывает отступление немецких частей под ударами советских войск: «Мы вынуждены были начать отход по всему фронту... Однако отход превратился в бегство... Кое-где вспыхнула паника... Путь наш был устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом... Мы уже отступали без приказа»**.

---

* Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 31, лл. 314—315.

** Иоахим Видер. Катастрофа на Волге. Изд. «Прогресс», М., 1965, стр. 95.

31 января была окончательно разгромлена южная группа немецких войск. Ее остатки во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, а 2 февраля сдались и остатки северной группы. На этом была полностью завершена величайшая битва на Волге, где катастрофически закончила свое существование крупнейшая группировка немецких войск и сателлитов фашистской Германии.

Битва в районе Сталинграда была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой за столицу нашей Родины Москву. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года противник потерял полностью 32 дивизии (другие 16 дивизий были обескровлены и утратили боеспособность), около 2 тысяч танков и штурмовых орудий, свыше 10 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники.

Общие потери вражеских войск в районе Волга — Дон — Сталинград составили около 1,5 млн. человек.

Победа советских войск под Сталинградом положила начало коренному перелому в войне в пользу Советского Союза.

Это была долгожданная и радостная победа не только для войск, непосредственно осуществлявших разгром врага, но и всего советского народа, который дни и ночи упорно трудился, чтобы обеспечить армию всем необходимым. Эта победа была достигнута благодаря огромной политической и организаторской работе, которую провела Коммунистическая партия, сплотившая наш народ на разгром ненавистного врага.

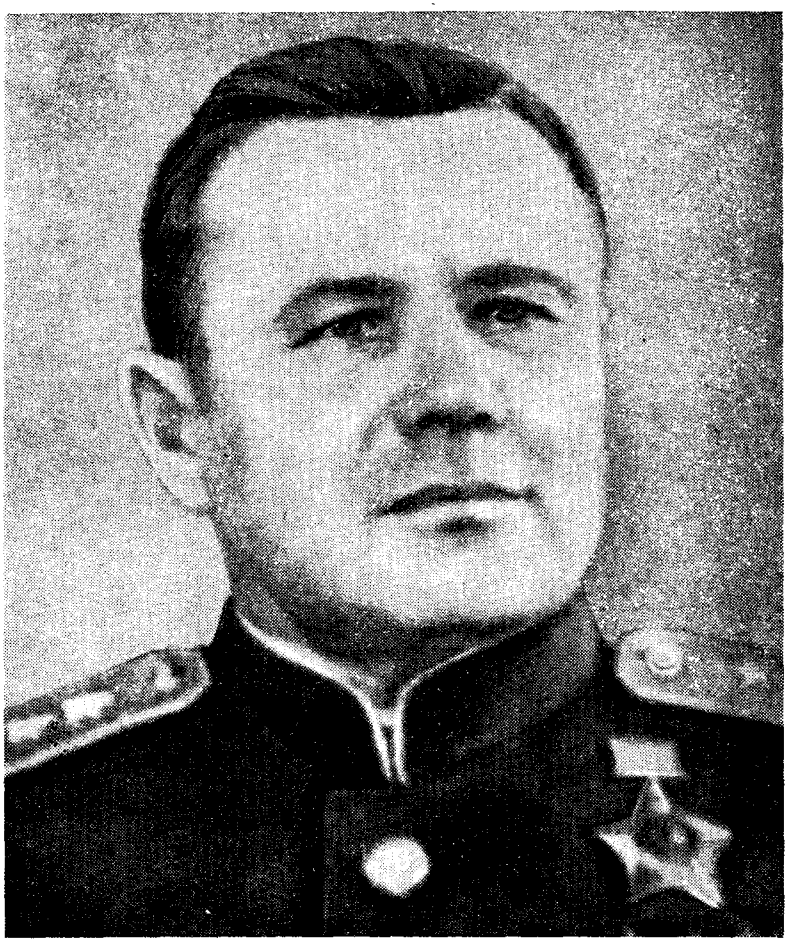
У противника среди офицерского и генеральского состава, а также среди немецкого народа стало более резко проявляться отрицательное отношение к Гитлеру и всему фашистскому руководству.

Вследствие разгрома немецких, итальянских, венгерских и румынских армий на Волге и на Дону резко упало влияние Германии на своих союзников. Начались разногласия, вытекавшие из потери веры в гитлеровское руководство и желания как-то выпутаться из войны.

Отрезвляюще подействовал разгром немецких войск у Сталинграда на нейтральные страны и на страны, все еще придерживавшиеся выжидательной тактики. Они убедились в величайшем могуществе Советского Союза и поняли, что гитлеровской Германии не избежать поражения.

А. И. Еременко,

Герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза



Один из 200 огненных дней

Более трех месяцев продолжалась героическая оборона непосредственно Сталинграда. Отважные защитники города-героя пережили за это время немало острых моментов. Всего не опишешь в небольшой статье. Я хочу рассказать лишь об одном дне Сталинградской эпопеи.

23 августа 1942 года утром мне доложили, что войска вражеской группировки, сосредоточенные на левом берегу Дона, перешли в наступление и наносят главный удар в стык наших армий: 4-й танковой* и 62-й. В ближайшие часы выяснилось, что гитлеровцы развивали наступление в общем направлении: Вертячий, разъезд 554-й километр, Рынок. У нас не хватало ни сил, ни средств, чтобы парировать таранный удар противника, и в тот же день передовые части немецкого клина вышли к Волге на участок Латошинка — Рынок.

Сталинградский фронт был расчленен на две части, и узкий восьмикилометровый коридор, пробитый в его боевых порядках, заняли войска противника. 62-я армия оказалась отрезанной от других частей Сталинградского фронта. В образовавшийся прорыв враг ввел еще одну мотодивизию и несколько пехотных дивизий.

Вот как развивались события этого тяжелого дня.

На рассвете я вызвал начальника гарнизона — командира 10-й дивизии полковника А. А. Сараева, являвшегося в то же время комендантом городского обвода укреплений, которые проходили непосредственно по окраине города. Эти укрепления и занимала, растянувшись на 50 километров, дивизия, которой он командовал. Оборона, естественно, была очень «жиденькой». К этому надо добавить, что соединение совершенно не имело артиллерии. Ознакомив-

* 4-я танковая армия сохраняла свой прежний номер и наименование, но состояла из стрелковых дивизий.

шись с характером обороны, я дал ряд указаний товарищу Сараеву.

В 8 часов я позвонил в штаб 62-й армии. Начальник штаба генерал-майор Н. А. Москвин доложил, что танки противника при поддержке крупных сил авиации атакуют из района Вертячий в общем направлении на восток. Его авиация усиленно обрабатывает полосу севернее Большой и Малой Россошки. Стало ясно, что гитлеровцы перешли в наступление непосредственно на Сталинград.

В 9 часов раздался звонок.

— Докладывает начальник штаба 8-й воздушной армии полковник Н. Г. Селезнев,— послышалось в трубке.

— Я слушаю.

— Только что возвратились из разведки летчики-истребители,— сообщил Селезнев.— Они донесли, что в районе Малой Россошки идет сильный бой. На земле все горит. Летчики видели две колонны примерно по сто танков каждая, а за ними сплошные колонны автомашин с пехотой. Все это движется на Сталинград. Головные колонны проходят рубеж Малая Россошка. Авиация противника большими группами бомбит наши войска, расчищая путь своим колоннам.

Я приказал немедленно поднять всю авиацию армии — нанести мощный удар по колоннам танков и мотопехоты противника.

— Слушаюсь! — ответил Селезнев.

Такое же приказание я отдал и командующему ВВС Юго-Восточного фронта генерал-майору авиации Т. Т. Хрюкину, обязал его увязать удары своей штурмовой авиации с авиацией Сталинградского фронта. Отдал ряд других распоряжений, диктуемых обстановкой.

Полковник Е. А. Райнин (командир корпуса противовоздушной обороны) сообщил, что в 9 часов с поста ВНОС из района Большая Россошка доложили о движении колонны танков (свыше ста машин) севернее этого населенного пункта в общем направлении на восток.

— Усильте наблюдение и будьте готовы к отражению танковой и воздушной атак,— распорядился я.

Прибыли вызванные мной начальник автобронетанкового управления фронта генерал-лейтенант танковых войск А. Д. Штевнев и начальник оперативного отдела фронта генерал-майор И. Н. Рухле. Познакомил их с последними данными обстановки и отдал приказ немедленно образовать под командованием генерала Штевнева группу из остатков двух танковых корпусов, которые предполагалось отправить на формирование. Корпуса эти имели в своем

составе всего по 20—25 танков, главным образом Т-70. Группе поставил задачу не допустить танки и мотопехоту противника к Сталинграду с северо-запада и подготовить контрудар.

Наш короткий разговор прервал новый телефонный звонок.

— Между станцией Котлубань и разъездом Конный,— докладывал начальник военных сообщений фронта генерал-майор А. А. Коршунов,— танки противника разбили наш эшелон с боеприпасами, продовольствием и пополнением. Вражеские танки движутся на Сталинград.

В это время вошел вызванный мною вновь А. А. Сараев.

— Танки противника,— сказал я ему,— в 14—15 километрах от Сталинграда. Они стремительно продвигаются к северной части города.

— Мне это известно,— вполголоса ответил Сараев.

— Что вы предприняли?

— Двум полкам, занимающим оборону на северо-западном и на северном направлениях, дал команду быть в готовности к бою,— доложил Сараев.— Напомнил о том, чтобы эти полки имели связь с командирами артиллерийских дивизионов ПВО, расположенных на огневых позициях в том районе, приказал резервный полк из района пригорода Минина немедленно перебросить в район завода «Баррикады».

Только отпустил Сараева, как позвонил мой заместитель по Юго-Восточному фронту генерал-лейтенант Ф. И. Голиков или начальник штаба фронта Г. Ф. Захаров, точно я уже сейчас не помню, и проинформировал:

— Противник с 7 часов возобновил атаку и к 12 часам занял станцию Тингута и разъезд 74-й километр. На остальных участках атаки отбиты. 38-я стрелковая дивизия ведет бой в полуокружении. Принимаются меры для контратаки на Тингуту.

— Хорошо, действуйте. Отдайте приказ 56-й танковой бригаде, находящейся в резерве Юго-Восточного фронта, подготовиться к немедленному выступлению.

Доложили, что вызывает Москва.

— Кто просит?

— Заместитель начальника Генерального штаба.

Москва требовала доклада о происшедшем. Не успел я окончить разговор по «Бодо» с Москвой, как дежурный по связи сообщил, что командующий 62-й армией срочно просит к телефону.

— До 250 танков и около 1000 автомашин с мотопехотой,— сказал генерал Лопатин,— при одновременной,

очень сильной поддержке авиации смяли полк 87-й стрелковой дивизии и правый фланг 35-й гвардейской стрелковой дивизии севернее Малой Россошки.

Мне это было уже известно. Приказав отбросить противника от среднего обвода и восстановить положение, я возвратился в кабинет. Новое сообщение передал полковник Райнин: в районе Орловки зенитная артиллерия ведет бой с танками противника, есть подбитые орудия. Вслед за ним полковник Сараев доложил, что 282-й полк 10-й дивизии ведет бой с танками и мотопехотой противника в районе высоты 136,0, что восточнее Орловки.

Обстановка все усложнялась. Перебрал в памяти, что и где еще можно взять, чтобы скорее перебросить в Сталинград. На особом учете мы держали замечательные части, которые не раз в тяжелые моменты выправляли положение: 38-ю мотострелковую бригаду, 20-ю истребительную бригаду, 738-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 33-ю танковую бригаду. Подходила 124-я стрелковая бригада. Может, их выдвинуть вперед?

Звонок телефона прервал мои мысли. Говорил В. А. Малышев. Он был тогда наркомом танковой промышленности и представителем Государственного Комитета Обороны. В этот момент Вячеслав Александрович находился на СТЗ. Это был душевный человек, прекрасный работник, мужественный, с широким кругозором, с большевистским подходом к любому вопросу. Он сообщил:

— С завода наблюдаем бой, идущий севернее города. Зенитчики дерутся с танками. Несколько снарядов уже упало на территорию завода. Танки противника движутся на Рынок. Заводу грозит опасность. Наиболее важные объекты мы приготовили к взрыву.

— Пока ничего не взрывать,— ответил я.— Завод будем оборонять во что бы то ни стало. Нужно немедленно подготовить к бою и вывести на рубежи рабочие дружины, не допустить противника к заводу. К вам уже вышла поддержка.

Малышев передал трубку генерал-майору Н. В. Фекленко, который доложил:

— Я нахожусь в танковом учебном центре завода, имею до двух тысяч человек и 30 танков; решил оборонять завод.

— Решение правильное,— ответил я.— Назначаю вас начальником боевого участка. К вам перебрасываются две бригады: одна танковая и одна стрелковая.

Прибыли начальник инженерных войск фронта генерал-майор В. Ф. Шестаков и начальник тыла генерал-май-

ор Н. П. Анисимов. Они доложили, что поставленная задача — за 12 дней построить наплавной мост через Волгу в районе Сталинградского тракторного — выполнена досрочно, за 10 дней. Общая длина моста более трех километров.

— Очень хорошо,— сказал я, стараясь казаться спокойным.— Объявите от лица службы благодарность людям, строившим мост, и командирам, которые руководили работами, в частности товарищу Н. Н. Степанову. Мост же приказываю уничтожить.

Шестаков и Анисимов переглянулись между собой. От неожиданности Шестаков сделал даже шаг назад.

— Да, да, уничтожить и немедленно,— сказал я тоном, не терпящим возражения.

Шестаков и Анисимов не знали о резком изменении обстановки и не предполагали, что только что построенный мост уже находится под непосредственной угрозой захвата противником. Я объяснил им кратко создавшееся положение. Поняв его, глубоко потрясенные, инженер и начальник тыла ушли выполнять приказ.

После них явился начальник группы минометных частей генерал-майор А. Д. Зубанов. Это был способный артиллерийский начальник (в 1943 году он погиб при катастрофе). С ним пришел генерал-майор П. А. Дегтярев, посвятивший себя работе в области развития реактивной артиллерии и сделавший много полезного для нашей армии.

Им стало известно, что противник близко подошел к основным складам с боеприпасами, где хранились и реактивные мины. «Что делать?» — спрашивали они. Действительно, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы эти виды боеприпасов попали в руки врага. Для нас они были нужны как воздух. Вместе обсудили, что надо сделать для вывозки мин в безопасное место.

Позднее прибыл полковник С. Ф. Горохов, командир 124-й стрелковой бригады.

— Прибыл с бригадой в ваше распоряжение,— доложил он.

— Ускорьте переправу бригады в район тракторного завода. Явитесь там к генералу Фекленко, от которого получите задачу.

Снова попросили к телефону. Полковник Райнин доложил:

— С запада и юго-запада на Сталинград идут большие группы немецких бомбардировщиков по 30—40 самолетов каждая. Через 3—5 минут они будут над городом. Воздуш-

ная тревога объявлена. Команда к бою дана. Истребительная дивизия поднимается в воздух.

— Правильно. Действуйте! — спокойно сказал я, а у самого заколотилось сердце, на лбу появились капли пота. Опасность громадная. «Не менее 100 самолетов — прикидываю в уме» (в действительности самолетов оказалось около 600, хотя точно подсчитать их не удалось, город очень растянут, а вражеские самолеты делали по нескольку заходов).

Ровно в 18 часов 23 августа фашисты обрушили массированный удар с воздуха на Сталинград. Одновременно их танки и моторизованные войска вышли к Волге в районе Рынка и сразу же развернули наступление на Сталинград с севера. Мощному артиллерийскому и минометному обстрелу подвергся Сталинградский тракторный завод.

Первыми вступили в бой с танками противника минометчики и зенитчики. Заняли рубеж у Мокрой Мечетки, в одном километре севернее тракторного завода, рабочие истребительные батальоны. Завязался упорный бой. И врагу, несмотря на превосходство в силах, не удалось прорваться к заводу. Ночью наши позиции севернее Сталинграда были укреплены и усилены новыми частями.

Напряженнейшая борьба носила исключительно маневренный характер и протекала в обстановке беспрерывного движения сил и средств противника и его ударов с самых различных направлений. Выдвижение войск на угрожаемые участки, организация и создание новых оборонительных рубежей, наведение порядка в самом городе —все это происходило в неимоверно трудных условиях, особенно после того, как противник начал страшную бомбардировку города.

У того, кто был в Сталинграде 23 августа, никогда не изгладится из памяти город, охваченный огненным смерчем. Враг бросил на Сталинград весь свой 4-й воздушный флот. Гитлеровские воздушные пираты буквально засыпали город фугасными и зажигательными бомбами.

Август 1942 года в Сталинграде выдался чрезвычайно знойным, два месяца стояла сухая жаркая погода, не было ни одного дождя. Густо застроенный город имел много деревянных зданий с кровлями из легковоспламеняющихся материалов. Немало в нем было нефтехранилищ. Значительные запасы сырья и топлива хранились на заводах. Не удивительно, что Сталинград сразу потонул в огне.

Бомбовый удар воздушных пиратов обрушился в основном на жилые кварталы города, на его население: стариков, женщин, детей. Войск в городе почти не было, они

вели бои далеко на подступах к Сталинграду, и фашисты это, конечно, знали.

Первые бомбы разрушили водопровод. При отсутствии колодцев это страшно затрудняло борьбу с очагами огня. Нарушилась проводная связь, из строя вышли все радиостанции.

Многое пришлось мне пережить в минувшую войну, но то, что предстало нашим глазам 23 августа в Сталинграде, поразило, как тяжелый кошмар. Беспрерывно то там, то здесь взмывали вверх огненно-дымные султаны бомбовых взрывов. Огромные столбы пламени поднялись к небу в районе нефтехранилищ. Потоки горящей нефти и бензина устремились к Волге. Горела река, горели пароходы на сталинградском рейде. Смрадно чадил асфальт улиц и площадей. Как спички, вспыхивали телеграфные столбы.

Стоял невообразимый шум, надрывавший слух своей адской музыкой. Визг летящих с высоты бомб смешивался с гулом взрывов, скрежетом и лязгом рушащихся построек, треском бушевавшего огня. Стонали гибнущие люди, надрывно плакали и взывали о помощи женщины и дети. Сердце сжималось невыносимой болью, состраданием к невинным жертвам фашистских извергов.

Да, тяжело было видеть эту картину разрушения и смерти. Но мы видели и другое: решимость советских людей — военных и гражданских — в любых условиях, перед лицом самых невероятных трудностей, противостоять врагу.

По самолетам воздушных пиратов вели непрерывный меткий огонь более 500 орудий зенитной артиллерии, одновременно отбивавшей танковые наскоки фашистов. Отважно вступали в воздушный бой наши истребители. То и дело, оставляя за собой полосу черного дыма, фашистские стервятники врезались в землю.

Все гражданское население — рабочие предприятий, служащие, молодежь, домохозяйки, сплоченные и руководимые коммунистами, боролись с пожарами, отстаивали от огня заводы и фабрики с их ценным оборудованием, спасали материальные ценности, укрывали от опасностей детей и раненых.

Советские люди не пали духом, не спасовали. Они противопоставили свою несгибаемую волю фашистским варварам, сохранили спокойствие, не поддались панике и укрепили свои силы для дальнейшей победоносной борьбы.

Овладеть Сталинградом с ходу врагу не удалось. Фашисты продвинулись лишь там, где имели огромное количественное превосходство, где им удавалось полностью вы-

вести из строя защитников того или иного участка обороны.

День 23 августа был для сталинградцев беспредельно тяжелым, но вместе с тем он показал врагу, что стойкость и героизм наших людей, их выдержка и беспримерное мужество, воля к борьбе и вера в победу не могут быть поколеблены ничем.

Это было результатом той большой воспитательной работы, которую вела Коммунистическая партия с советскими людьми в мирные годы, которую в дни тяжелых испытаний вели партийные организации, наши командиры и политработники. Сталинградские коммунисты показывали пример железной стойкости и бесстрашия в бою, энтузиазма и самоотверженности в труде.

К 9 часам вечера на наш КП приехали секретарь Сталинградского обкома А. С. Чуянов, В. А. Малышев. Здесь уже был начальник Генерального штаба А. М. Василевский. Настроение у всех тяжелое. Городу нанесен огромный ущерб. Погибли плоды многолетнего вдохновенного труда десятков тысяч советских людей. Имеется много жертв среди мирного населения. Противник достиг немаловажного тактического успеха.

Прежде всего были подведены итоги разведки, поставлены задачи авиации на ночь и на завтрашний день. По окончании этой работы обсудили вопросы подготовки предприятий к обороне, формирования новых рабочих дружин и т. д.

В 23 часа мы с начальниками штабов обоих фронтов рассмотрели данные для боевых донесений Ставке, направлявшихся в 24 часа ежедневно. В боевом донесении по Юго-Восточному фронту излагался ход напряженного боя в районе станции Тингута и разъезда 74-й километр. Этот документ почти ничего не говорил о происшедших в Сталинграде грозных событиях. При составлении же донесения по Сталинградскому фронту все мы вновь пережили страшные события истекшего дня. Теперь, когда все они были сведены вместе и излагались лаконичным языком оперативного документа, значение их, казалось, стало еще более отчетливым.

Содержание донесения, которое направлялось Ставке, сводилось к следующему.

Противник прорвал оборону Сталинградского фронта на его левом фланге в районе х. Вертячий, с. Песковатка и стремительным ударом на восток в районе Латошинки вышел к Волге, разрезав таким образом фронт на две части.

Противник вплотную подошел к северной окраине Сталинграда, где был остановлен, и начал обстрел Сталинградского тракторного завода. Перерезаны две железнодорожные линии, подходящие к Сталинграду с севера и северо-запада. Таким образом, оказались серьезно нарушенными наши коммуникации: волжский водный путь, по которому шло снабжение горючим не только армии, но и страны, и железнодорожные линии, питавшие войска обоих фронтов.

В 24.00 мы с болью в сердце подписали это донесение Верховному Главнокомандованию.

Сразу же после этого мы составили обращение: одно к войскам и другое к населению Сталинграда. В них было указано, что Государственный Комитет Обороны требует вернуть захваченную врагом узкую полосу сталинградской земли, окружить находящихся здесь гитлеровцев и истребить их. С этой целью необходимо усилить контратаки на этом участке с тем, чтобы закрепиться вновь на внешнем сталинградском обводе, мобилизовать все силы на отпор наглому врагу.

День 23 августа для нас заканчивался, когда уже заалело небо за Волгой. И день этот оставил в нашей памяти глубочайший след, который не может стереть время.

В последующие дни фашисты продолжали беспрерывно атаковать Сталинград с севера, но быстро принятыми мерами этот участок фронта был укреплен.

К юго-западу от Сталинграда врагу также удалось прорвать оборону наших войск и выйти в район села Тундутово. Но в развернувшемся ожесточенном бою нам удалось его остановить. Однако положение Сталинграда в связи с выходом противника к Волге оставалось чрезвычайно тяжелым, и с каждым днем оно еще больше усугублялось.

Известно, как события развивались дальше. Вермахт увяз в боях тактического характера, его командование просмотрело подготовку нашего контрнаступления. И три фронта сталинградского стратегического направления, блестяще оснащенные и вооруженные, благодаря беспримерному трудовому подвигу всего нашего народа, вдохновленного Коммунистической партией, начали то грандиозное наступление, которое в конечном итоге привело к полному разгрому фашистской Германии.

Ф. И. Голиков,

Маршал Советского Союза

Незабываемые встречи

В Сталинград я прибыл в первых числах августа 1942 года как командующий 1-й гвардейской армией. Сама армия еще заканчивала формирование в районе Москвы и Подмосковья. В ее состав входило шесть стрелковых дивизий. Все — гвардейские. Пять из них были созданы из воздушно-десантных корпусов.

Однако обстановка сложилась так, что дивизии армии сразу бросались в бой, подчас не полностью выгрузившись, порою на разных направлениях, передавались в другие армии. Все дивизии отлично показали себя в боях в малой излучине Дона, в междуречье Волги и Дона, в Сталинграде.

Почти сразу же по прибытии в Сталинград мне, к сожалению, пришлось расстаться с 1-й гвардейской армией: я получил новое назначение — на должность заместителя А. И. Еременко по Юго-Восточному фронту, одновременно командовавшего и Сталинградским фронтом.

Ставившиеся Военным советом фронта задачи требовали от меня почти непрерывного нахождения в войсках. Это я и делал вместе с созданным вспомогательным пунктом управления (ВПУ) в составе 23 офицеров и генералов. Первоначально ВПУ работал в Варваровке, но недолго, а потом в совхозе «Горная Поляна», на Мамаевом кургане, на берегу Волги (возле пристани) и после реорганизации — в районе волжских переправ.

11 августа я доносил командующему фронтом о выполнении ряда мероприятий в 64-й армии М. С. Шумилова. Главным для меня была работа в оперативной группе, находившейся под непосредственным командованием генерала В. И. Чуйкова.

Мне надлежало проверить отход группы с рубежа реки Аксай Есауловский на внешний обвод Сталинградского укрепленного района по реке Мышкова и помочь ей в за-

нятии обороны на новом рубеже. Необходимость в этом была острой: 4-я танковая армия врага при участии мощных сил авиации еще с 5 августа начала массированные атаки против левого крыла 64-й армии в районе разъезда 74-й км, станции и поселка Абганерово. Часть этих вражеских сил наступала уже на Капкинский, что на реке Мышкова, угрожая не только флангу, но и тылу войск оперативной группы.

В состав опергруппы входили три стрелковые дивизии — 29, 138, 157, и 154-я стрелковая бригада морской пехоты, а также отдельные части усиления. Личный состав отходивших с Аксая войск был крайне переутомлен и немало пережил в предыдущие дни боев.

Части и соединения группы к рассвету 12 августа вышли на северный берег р. Мышкова и заняли оборону фронтом на юг. Румыны не заметили отхода, не смогли помешать ему и сильно отстали.

В хлопотах этих дней мне довелось познакомиться с некоторыми командирами соединений и частей. Из них больше всего мне запомнился командир 154-й стрелковой бригады морской пехоты Александр Максимович Смирнов. Он шел от Аксая пешком во главе своих батальонов. Такой же, как все, покрытый пылью, подвижной, удивительно практичный, Смирнов быстро занял бригадой свой участок обороны. Командиры и бойцы понимали его, казалось, с полуслова.

Здесь я впервые во фронтовой обстановке встретился с В. И. Чуйковым. Лишь в полночь после долгих поисков мы нашли его в одном из дворов селения Черномор. После ряда бессонных ночей он находился в состоянии сильного переутомления. Беседа наша была не очень эффективной, но все же небесполезной. С раннего утра Василий Иванович с новой энергией взялся за дело.

В. И. Чуйков в оборонительный период Сталинградской битвы проявил себя наилучшим образом, и особенно после того, как он стал командующим 62-й армией. Требовательный и настойчивый, инициативный и решительный, Чуйков целесообразно распоряжался теми силами и средствами, которые все время шли на помощь Сталинграду и вливались в его армию. В. И. Чуйков накопил большой опыт еще будучи командиром стрелкового полка в годы гражданской войны, а также во время его военной деятельности за рубежом перед Великой Отечественной войной. И в этом я убедился уже во время нашей первой встречи, видел, как он умело организовывает боевые действия оперативной группы.

В целом отход оперативной группы на реку Мышкова прошел вполне благополучно. Однако по обстановке надобность в существовании оперативной группы уже миновала. Ее штаб был превращен во вспомогательный пункт управления войсками правого фланга 64-й армии. Во главе его остался В. И. Чуйков, являвшийся заместителем командарма М. С. Шумилова.

Совсем иной была обстановка на левом фланге 64-й армии, в полосе железной дороги Котельниково — Сталинград. Здесь, в районе поселка и станции Абганерово, Плодовитое, разъезда 74-й км, вела наступление 4-я танковая армия врага.

Проезжая в полки, ведущие бои, мы на дорогах видели много разбитых немецких танков. Они свидетельствовали об успехе проведенного 9 августа контрудара 64-й армии, хотя этот успех ей дался недешево. Однако вскоре 4-я танковая армия перегруппировалась и через несколько дней вновь перешла в наступление, стремясь быстрее прорвать нашу неокрепшую оборону в полосе железной дороги и тем самым кратчайшим путем захватить Сталинград. Враг свой главный удар нацелил против левого фланга 64-й и войск 57-й армий. Обе армии сражались героически.

В те дни мне вместе с начальником артиллерии фронта генералом В. Э. Тарановичем, начальником бронетанковых войск фронта генералом Н. А. Новиковым и офицерами ВПУ неоднократно приходилось встречаться с командующими 64-й и 57-й армиями М. С. Шумиловым и Ф. И. Толбухиным. В любой обстановке они проявляли высокое присутствие духа, ясность мысли, веру в свои войска.

В Федоре Ивановиче Толбухине особенно привлекала пытливость и глубина мысли, способность предвидения, кропотливое изучение обстановки, осмотрительность. К числу его особо важных заслуг в обороне Сталинграда я отношу заблаговременное и прочное занятие крупными силами второго эшелона 57-й армии Сарпинских высот. А принять и провести в жизнь это решение было не так-то просто, ибо первая полоса армейского оборонительного рубежа занималась довольно ограниченными силами и в ней имелись весьма уязвимые места.

При проверке рубежа этих высот, начиная от озера Сарпа, пришлось с удовлетворением убедиться, в частности, в весьма целесообразном боевом использовании курсантских полков, о которых я скажу позже, обладавших большой ударной способностью в контратаках и огромной стойкостью в обороне даже в условиях полного окружения.

Из 57-й армии в ходе боев было по необходимости изъято много сил на другие участки фронта, особенно в состав 62-й армии. Можно было понять, как это переживал Ф. И. Толбухин, но он ни разу не проявил даже малейшей неисполнительности, не вступил в какое-либо оспаривание и только один раз в переговорах со мною (и то по телефону) позволил напомнить, какой его армия была по первой директиве Ставки и что из этого состава у него было взято.

Михаил Степанович Шумилов, мой земляк — уралец, в дни трудных оборонительных боев на юго-западных подступах к Сталинграду отличался постоянным здравым беспокойством за положение дел в армии, высокой бдительностью в отношении врага, способностью к проведению гибких и своевременных мер к срыву его намерений. Могу сказать, что благодаря этим качествам своего командира, 64-я армия почти весь август удерживала 4-ю танковую армию Гота на почтительном удалении от Сталинграда и вообще сорвала замысел Гитлера захватить ее силами город с ходу по кратчайшему направлению.

На подступах к Сталинграду и в борьбе за город мне довелось довольно близко узнать в ходе боев многих командиров стрелковых дивизий и бригад. Здесь я должен был бы назвать не один десяток славных имен. О некоторых из них нашему народу известно уже немало — я имею в виду таких героев Сталинградской битвы, как командиры гвардейских воздушно-десантных дивизий С. С. Гурьев, В. Г. Желудев и В. А. Глазков, 138-й стрелковой дивизии — И. И. Людников, 124-й стрелковой бригады — С. Ф. Горохов, 10-й дивизии НКВД — полковник А. А. Сараев, 244-й стрелковой дивизии Г. А. Афанасьев, 29-й стрелковой дивизии — А. И. Колобутин, 42-й отдельной стрелковой бригады — Герой Советского Союза М. С. Батраков, 87-й стрелковой дивизии А. И. Казарцев, командир фронтовой артиллерийской группы полковник И. С. Туловский и другие.

Один раз я встретился с А. И. Лопатиным, предшественником В. И. Чуйкова на посту командующего 62-й армией. Я запомнил его как человека с сильным характером, самостоятельными суждениями, настойчиво отстаивавшего свои мнения и действия. Он хорошо ориентировался в оперативной обстановке, отлично понимал задачи армии, твердо ею командовал, старался в меру своих прав своевременно перегруппировать войска, чтобы избежать напрасных потерь.

Мне хочется хотя бы коротко остановиться еще на ряде

не менее достойных имен. Прежде всего на командире 38-й отдельной мотострелковой бригады И. Д. Бурмакове. Вверенная ему бригада, как одна из самых надежных и маневренных, бросалась по фронту во все армии, в самые опасные места и в самые критические моменты. И полковника Бурмакова мы всегда видели спокойным, собранным, уравновешенным.

В напряженные дни боев в двадцатых числах августа состоялось мое знакомство с командиром 422-й стрелковой дивизии 57-й армии И. К. Морозовым. Вместе мы торопились прямо с ходу развернуть только что подведенную в его распоряжение группу истребительно-противотанковых частей, прикрыть их пехотой, расставить собственные противотанковые средства стрелковых батальонов и полков дивизии. Человек подготовленный и деятельный, Морозов сноровисто и быстро делал свое дело.

Во время августовских боев в районе фермы № 3 Тингутинского лесничества я часто встречался с командиром 38-й стрелковой дивизии 64-й армии полковником Г. Б. Сафиулиным. В те дни его дивизия снискала себе боевую славу не только в рядах своей армии, но и на всем фронте. Враг не раз испытал на себе силу ее ударов. Сафиулин был настоящим командиром-строевиком, человеком привычным к «черновой» работе и вместе с тем инициативным. Простой и прямой в обращении, спокойный и сдержанный в своих чувствах, скромный и немногословный, он пользовался у своих подчиненных авторитетом и любовью.

29 августа 4-я танковая армия противника добилась серьезного успеха на участке Тебектенерово, Капкинский, нанеся новый массированный удар через позиции нашей 126-й стрелковой дивизии. Прорыв ее обороны поставил 64-ю армию перед тяжелыми испытаниями.

Утром 30 августа Шумилов отдал общий приказ об отходе к р. Червленая. 31 августа им был отдан приказ, которым ставилась задача нанести контрудар по появившемуся севернее Червленой противнику и восстановить нашу оборону на среднем обводе по рубежу этой реки.

Для заблаговременного занятия среднего обвода я и Шумилов, каждый в пределах своей власти и по своей инициативе, смогли сделать немного: поставили в оборону несколько пулеметно-артиллерийских батальонов и срочно выдвинутую из Сталинграда по моей просьбе малочисленную 10-ю запасную стрелковую бригаду во главе с Ф. А. Веревкиным.

В условиях создавшейся обстановки ввод в дело на-

ходившейся в резерве на стыке 57-й и 64-й армий 36-й гвардейской стрелковой дивизии, усиленной всем, чем можно, был единственной мерой, которая могла облегчить положение отходивших соединений 64-й армии и помочь удержать за собой рубеж р. Червленая.

В дни организации и проведения контрудара мне много раз приходилось бывать в 36-й гвардейской стрелковой дивизии. Полнокровная, состоявшая из переформированного воздушно-десантного корпуса, она являлась главной силой контрудара (вместе с нею действовали 133-я танковая бригада и 13-й танковый корпус). В ходе работы в 36-й дивизии я чаще всего имел дело с заместителем комдива полковником М. Ф. Борисовым. Кадровый боец и командир воздушно-десантных войск, он успешно справлялся со сложными вопросами общевойскового и пехотного боя, толково разбирался в обстановке и в целом грамотно решал стоящие задачи.

Наступательные действия наших частей на фланге ударной группировки врага сорвали его замысел пробиться к Сталинграду в районе левого крыла 64-й армии и ее стыка с 57-й армией на участке Нариман, Гавриловка, вынудили (в который раз!) перенести основные усилия дальше к северу через район Цыбенко и вдоль железной дороги.

А на этом участке у нас было неблагополучно. Я два раза выезжал на станцию Карповская, в окружающие ее деревни и лично убедился в том, что 62-я армия в этом районе не располагает достаточными силами, которые могли бы остановить противника. Путь на Карповскую и далее вдоль железной дороги на ст. Басаргино фактически был открыт. Кроме того, не успели выйти в район Переславской, Цыбенко по приказу генерала Шумилова ни 66-я морская бригада, ни 157-я стрелковая дивизии, отступившие с р. Мышкова.

Однако и противник не мог добиться желаемого успеха. Немецкие пехотные дивизии к среднему обводу на р. Червленая продвигались гораздо медленнее, чем рассчитывало гитлеровское командование. Сказалось упорное сопротивление отходящих с фронта войск 64-й армии. Преследуемые и подвергавшиеся почти непрерывным ударам авиации врага, они не поддались панике, стойко выдерживали все боевые испытания, отходя по голым солончаковым степям и почти безводным дорогам с р. Мышкова.

К 3 сентября 64-я армия, несмотря на серьезные потери, обрела свою прежнюю организованность и прочно заняла оборону против атакующего ее противника на фронте Песчанка, Елхи, Ивановка, в 10—12 километрах к западу

от правого берега Волги. Здесь войска армии удерживали занятые позиции до самого перехода наших фронтов под Сталинградом в общее контрнаступление. 57-я армия также прочно удерживала оборону на юге в 15 километрах от Волги и на стыке с 64-й армией, фронтом на запад.

Более сложным и трудным продолжало оставаться положение 62-й армии, куда с начала сентября было перенесено наше ВПУ. Правое крыло 62-й армии растянулось с востока на запад на 40 километров от Волги, а центр и левый фланг занимали фронт с севера на юг почти в два раза уже полосы обороны первого крыла и были как бы выпячены вперед. Войска армии, не сумев закрепиться на среднем обводе по р. Россошка, с тяжелыми боями отходили на рубеж Нов. Надежда, Алексеевка, Песчанка.

Сильные группировки противника продолжали развивать наступление из района разъезда Конный в направлении Городище, Сталинград и вдоль железной дороги Карповская, Воропоново, Садовая, Сталинград. 1 сентября ст. Воропоново была в руках врага.

Требовалась исключительная организованность и дисциплина, чтобы сорвать планы противника, измотать его ударные группировки. На это и были направлены усилия нашего ВПУ, совместно с командованием 62-й армии. Дел было, как говорится, по горло. Мы работали со свежей 42-й отдельной стрелковой бригадой при вводе ее в бой в районе больницы. Проверяли состояние обороны 87-й стрелковой дивизии и 189-й танковой бригады в районе высоты 126,6. Разыскивали и срочно выводили 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию на крайний левый фланг армии к Песчанке для укрепления стыка с 64-й армией.

Проверяли ход смены одних частей другими, помогали им в выдвижении на позиции и в умелом занятии обороны. Между пригородом Минина и ст. Садовая помогали полку НКВД организовать систему огня в обороне и в налаживании его взаимодействия с танковыми частями.

В дни критической обстановки в районе Каменный Буерак — поселок Сталинградский восстановили управление, наводили порядок в частях и подразделениях.

Немало пришлось нам потрудиться, поволноваться в районе Городища, аэродрома и на подступах к рабочим поселкам заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады».

На Мамаевом кургане вновь встретился с В. И. Чуйковым, теперь командующим 62-й армией. На этой же высоте довелось познакомиться с начальником штаба армии Н. И. Крыловым. Оба они с вниманием относились к нашим советам и указаниям. И в дальнейшем с генералами

Н. А. Новиковым, В. Ф. Шестаковым и офицерами ВПУ я несколько раз бывал на КП, в штабе 62-й армии и в ее частях. Как правило, мы работали по ночам, но, конечно, не только в ночное время. Командный пункт командарма тогда находился на самом берегу Волги. Легкие блиндажи были врезаны в землю почти у самой кромки реки. Навесной огонь вражеских минометов, а тем более авиационные бомбежки создавали большие трудности для работы КП: часто нарушалась связь, в светлое время весьма затруднялось живое общение с войсками. Особенно трудно было, когда потоки горящей нефти из разбитых хранилищ одно время потекли в Волгу у самого КП.

3 сентября командный пункт фронта вынужден был уйти за Волгу в район Ямы. ВПУ на некоторое время осталось в городе, первоначально в убежище штаба фронта, а потом на берегу Волги возле самой пристани.

В эти дни коллектив нашего ВПУ продолжал работать в передовых соединениях 62-й армии, одновременно налаживая гарнизонную службу вместе с начальником гарнизона полковником А. А. Сараевым, поддерживая тесную связь с городскими партийными и советскими организациями. И здесь мне хочется теплое слово сказать о секретаре обкома ВКП(б), скромном и деловом коммунисте А. С. Чуянове. Работали мы с ним дружно, всегда чувствовали помощь и поддержку сталинградской партийной организации.

В середине сентября ВПУ было реорганизовано в небольшую оперативную группу фронтовых работников. Наша новая задача состояла в том, чтобы встречать подходившие к фронту резервы Ставки, выводить их из-за Ахтубы к Волге и перебрасывать в Сталинград. Одновременно нам приходилось много заниматься налаживанием боевых действий фронтовой артиллерийской группы, созданием обороны левого берега Волги и ее островов, приемом свежих соединений, проверкой и помощью командованию Сталинградского района противовоздушной обороны.

Основными ведущими работниками в аппарате опергруппы по-прежнему были заместитель начальника оперативного отдела штаба фронта полковник Е. И. Иванов и заместитель начальника разведки фронта подполковник М. Ф. Зайцев. С нами работала сильная группа работников управления инженерных войск фронта во главе с генерал-майором В. Ф. Шестаковым, а также командующий артиллерией фронта генерал-майор В. Э. Таранович и начальник бронетанковых войск генерал-майор Н. А. Новиков, каждый со своими группами.

Вместе мы прилагали все силы к тому, чтобы как можно эффективнее справиться с тем огромным объемом работы, который возлагался на оперативную группу.

Встречать, быстро и скрыто выводить к волжским переправам в должной боевой готовности подходившие войска было далеко не простым делом. Выгружались они на значительном удалении от Сталинграда, и продвигаться им приходилось в ночное время. Дорог было мало.

Подходившие дивизии и бригады располагали весьма ограниченным транспортом, недоставало порою вооружения и боеприпасов. А части нельзя было перебрасывать через Волгу, не обеспечив оружием, боеприпасами, продовольствием, не подтянув к ним своей артиллерии. Нам приходилось брать любой автотранспорт, который встречали на дорогах в районе Красной Слободы, и обеспечивать выполнение главной задачи.

Всю эту сложную задачу мы вели в условиях господства в воздухе авиации врага. Кроме того, противник еще с 23 августа получил возможность из района Латошинки вести наблюдаемый артиллерийско-минометный огонь по руслу Волги и по районам наших переправ.

Первой, 15 сентября, начала переправляться через Волгу полностью укомплектованная 13-я гвардейская стрелковая дивизия А. И. Родимцева. Задача была решена успешно, хотя и не обошлось без осложнений, так как одну часть пришлось переправлять уже на рассвете, и противник это увидел. Были потери в людях и плавсредствах. А все это произошло из-за нераспорядительности и опоздания в доставке к берегу боеприпасов. Под огонь противника попал штаб дивизии во главе с ее командиром, который переправлялся в светлое время. Ему пришлось с середины Волги даже вернуться обратно, потому что вышел из строя двигатель десантного баркаса, а затем снова проделать этот опасный путь.

Насколько напряженной была работа по встрече и переброске резервов Ставки в Сталинград, можно судить хотя бы по тому, что с 18 сентября по 8 октября были переправлены 92-я отдельная стрелковая бригада майора В. И. Самодая, 284-я стрелковая дивизия полковника Н. Ф. Батюка, Урало-сибирская 193-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. Н. Смехотворова, 300-я стрелковая дивизия И. М. Афонина, 39-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора С. С. Гурьева, 37-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора В. Г. Желудева, две танковые бригады — 84-я и 90-я, 308-я сибирская дивизия

полковника Л. Н. Гуртьева, 95-я стрелковая дивизия В. А. Горишного.

Таким образом, 62-я армия получала новые соединеиия. Девять же истощенных стрелковых дивизий в последней декаде сентября были выведены Ставкой на переформирование.

Рассказывая об этом, мне хочется особо отметить боевую работу речников Волжского пароходства и воинов-моряков Волжской военной флотилии в дни обороны Сталинграда. Действовали они поистине геройски, решая одновременно множество других важных задач. В своей подавляющей массе речники состояли из пожилых мужчин, женщин.

О достойном поведении советских воинов тех соединений, которые нами переправлялись в огонь Сталинграда, очень много говорило уже то, что за все время нам ни разу не пришлось услышать голоса недовольства или ропота, как и видеть какой-либо паники. Слова «в огонь Сталинграда» сказаны мною не для красоты изложения. Они буквальны! С левого берега Волги, с переправочных барж, катеров, буксиров и лодок Сталинград виделся как раскинувшаяся громада, над которой день и ночь висели тучи дыма пожарищ, где неумолимо рвались бомбы, снаряды и мины.

Ожесточенность боев за Сталинград непрерывно нарастала. Увеличивался расход сил и средств. В связи с этим мне, временно оставшемуся за командующего фронтом, в последней неделе сентября пришлось дважды обратиться к Верховному Главнокомандующему, а в копии — к Г. К. Жукову, с настойчивой просьбой в самом срочном порядке усилить фронт тремя — четырьмя стрелковыми дивизиями, 50 тысячами пополнения, 250—300 самолетами и таким же количеством танков. В результате помощи, оказанной Ставкой, несмотря на возрастающее ожесточение боев и большие потери, положение с боевым составом, особенно в 62-й армии, было сносным.

Хуже было с танками, авиацией.

Танкисты дрались в неимоверно трудных условиях: там, где у нас действовали 2, 3, 4 танка, враг имел 10, 20, 30. Несмотря на это, наши танковые части и соединения наряду с нашей артиллерией были грозой для врага, в том числе и для его танкистов. Там, где появлялось заметное количество наших танков, противник старался не наступать своими основными танковыми силами и уходил в сторону. Если же наступать он был вынужден, то с утра и до ночи его танки поддерживало очень большое количество авиации, которая тогда господствовала в воздухе и охотилась

за каждым нашим танком, за каждым орудием ПТО. В решающие дни августа, сентября и октября 1942 года против войск Юго-Восточного фронта враг бросал в бой по 400—500 танков и делал по 2—3 тысячи самолето-вылетов.

В те трудные дни мне довелось довольно близко познакомиться с танкистами — тремя танковыми корпусами и некоторыми отдельными танковыми бригадами: с 13-м танковым корпусом — в ходе ожесточенных боев против 4-й танковой армии противника на внешнем обводе, а затем в боях на р. Червленая и, наконец, на внутреннем обводе города; с 23-м танковым корпусом — во время тяжелых для него боев в районе Городище и на северо-западных окраинах Сталинграда; со 2-м корпусом — в основном уже за Волгой, куда он, оставшись без танков, был переброшен для частичного восстановления и для организации обороны остатками своих сил на островах и по левому берегу Волги.

64-я армия своими успехами в боях на внешнем обводе во многом обязана 13-му танковому корпусу Танасчишина. Ему же — при отступлении с р. Мышкова, в боях на р. Червленая, на подступах противника к совхозу «Горная Поляна», к Песчанке, Бекетовке, ст. Садовая.

Большую роль сыграли 23-й танковый корпус под командованием А. Ф. Попова и 2-й танковый корпус под командованием А. М. Хасина в дни, когда 6-я немецкая армия рвалась к Сталинграду с северо-запада и запада.

В сентябре на подступах к Сталинграду наши танкисты потеряли многих своих славных воинов, в их числе командира 13-й танковой бригады подполковника Ивана Трофимовича Клименчука, начальника штаба 19-й танковой бригады полковника Виктора Васильевича Лебедева, командира 99-й танковой бригады Павла Семеновича Житнева.

Мне особенно запомнились превосходные действия двух бригад — 133-й тяжелой танковой под командованием майора Н. М. Бубнова и 6-й гвардейской во главе с подполковником М. Н. Кричманом.

Хотелось бы подробнее сказать о Николае Матвеевиче Бубнове. Это был танкист выдающихся способностей. Тогда ему было 37 лет. Член партии с десятилетним стажем, он дважды был ранен в боях на Халхин-Голе и за боевые отличия там получил орден Ленина. Бубнов сочетал в себе качества требовательного, волевого командира, чуткого наставника и прекрасного воспитателя, он умел быстро ориентироваться в боевой обстановке, спокойно и разумно

руководить людьми в бою, не прибегал к окрикам и дерганью. Бубнов отличался не только исполнительностью и храбростью, как многие другие, но обладал и завидной инициативой, умением творчески решать каждую новую задачу. Действия вверенной ему бригады были стремительны и эффективны.

В непрерывных боях 133-я тяжелая танковая бригада несла немалые потери, но комбриг умел сохранить ее живучесть, и в памятное мне время у нее всегда было от 21 до 25 наших грозных «КВ». Фашистские танкисты панически ее боялись.

Большую роль сыграла 133-я бригада при осуществлении контрудара 64-й армии в районе разъезда 74-й км. 9 августа, в обеспечении стыка между этой и 57-й армиями, в двадцатых числах августа, во время тяжелого отхода 64-й армии после прорыва ее фронта на р. Мышкова 29 августа, в контрударе 36-й гвардейской стрелковой дивизии на р. Червленая 31 августа — 1 сентября.

В этих боях Бубнов хорошо взаимодействовал с малочисленным (не более чем 35—40 средних и столько же легких танков) 13-м танковым корпусом, которым командовал полковник Танасчишин. Действуя заодно, оба эти соединения представляли для врага грозную силу.

Мужественно дрались с врагами и наши летчики. Обстановка в ходе боевых операций войск фронта заставляла наш ВПУ часто обращаться к командующему 8-й воздушной армией генерал-майору Т. Т. Хрюкину. Мое знакомство с ним состоялось на фронтовом командном пункте в Сталинграде. Тогда это был молодой 32-летний авиационный командарм, отличный летчик, человек энергичный, прямой, смелый, никогда не унывающий, хотя обстановка была тогда весьма тяжелой. Враг располагал крупными авиационными силами и господствовал в воздухе. Силы же 8-й армии были весьма скромными — 249 исправных и 182 неисправных самолета на 1 августа, соответственно — 189 и 232 — на 1 сентября, 153 и 194 — на 1 октября 1942 года. Особенно неблагополучно было с истребителями. К 1 октября их осталось лишь 16.

Несмотря на это, наши летчики не щадили ни сил, ни жизни и наносили врагу ощутимый урон: сбили 399 самолетов противника в августе и 319 в сентябре.

До оборонительных боев в районе Сталинграда мне не доводилось видеть такого большого количества и столь разнообразного применения нашей артиллерии. Поэтому об артиллерии хочется сказать особо.

Первое слово — о тех, кто борьбу с множеством танков врага вел прямой наводкой. А ее вели почти все артиллерийские подразделения и части 45-мм орудий, 76-мм пушек, 122-мм гаубиц, 107, 122 и 152-мм полков РГК, 85-мм зенитных орудий, артиллерийские расчеты укрепленных районов, все калибры Волжской военной флотилии. Огонь артиллерии прямой наводкой, в сочетании с действиями наших танков и противотанковых средств пехоты, имел решающее значение в срыве массированных ударов 4-й танковой армии Гота через фронт обороны наших 57-й и 64-й армий.

Очень важной, нередко решающей была роль отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов (ОПАБ) укрепленных районов, а тем более истребительно-противотанковых артиллерийских полков (ИПТАП). В августовских и сентябрьских боях в 57-й, 64-й и 62-й армиях действовало по пяти-шести ОПАБов и по шести-семи ИПТАПов. Хорошим примером к сказанному может быть выброска из Сталинграда восьми ИПТАПов на угрожаемый участок стыка 64-й и 57-й армий в район Тундутово, Чапурники, Солянка против массированных атак 4-й танковой армии врага, пытавшейся 20—25 августа прорвать наш фронт с юга. У Ивановки эти полки с ходу были введены в бой — шесть на участке 57-й, два — на участке 64-й армий — и сделали свое дело!

Верхом достижений в применении артиллерии для решительного маневра огнем явилось создание фронтовой артиллерийской группы (ФАГ).

Необходимость в сильной артиллерийской группе за Волгой появилась со дня прорыва 23 августа танкового корпуса врага к Волге в районе Рынок — Латошинка и усилилась после неудачи наших войск ликвидировать этот процесс. Еще больше почувствовалась необходимость в сильной артиллерии за Волгой в конце августа в связи с потерей нашими войсками среднего обвода Сталинградского укрепленного района, тем более в связи с последовавшим за этим отходом наших войск на внутренний обвод. Сталинград тянется в общем-то узкой полосой вдоль Волги. Это позволило нашу довольно мощную артиллерию — артполки корпусного и армейского типов, тяжелые полки РГК — перевести за Волгу, развернуть их на ее левом берегу и вести массированный огонь с закрытых позиций. Возможность централизованного управления действиями всей этой артиллерии обеспечивалась тем, что ширина полосы обороны 62-й армии не превышала 25—30 километров.

Соответствующее решение Военного совета фронта об организации ФАГ было принято лишь 13—14 сентября 1942 года. Запоздание объясняется непониманием важности этой меры со стороны отдельных руководящих лиц фронта, предвзятости в суждениях и ложного самоуспокоения. Однако здравый смысл победил, и группа была создана. К 20 сентября ФАГ имела уже 250 стволов, основной калибр их — от 120 до 152 миллиметров. В нее входило и несколько полков реактивных минометов (катюш), включая тяжелые. В последующем состав группы был усилен еще четырьмя артполками большой мощности и отдельным дивизионом особой мощности.

Не касаясь чисто артиллерийских вопросов, скажу лишь о том, сколь замечательной была сеть артиллерийских наблюдательных пунктов на городском берегу Волги и на островах, сколь прочной была личная связь артиллерийских командиров с командирами соединений, полков, батальонов и даже рот, сколь продуманным был порядок вызова и открытия огня фронтовой группы, ее подгрупп и отдельных артчастей как по приказу сверху, так и по собственному решению командиров батарей и дивизионов.

Вместе с бывшим начальником артиллерии фронта В. Э. Тарановичем 22—25 сентября мне довелось проверять ФАГ, инструктировать и помогать ее руководящему составу. Недочетов было немало, но в целом она была высоко боеспособна. Вот что говорится, к примеру, в книге «Великая победа на Волге» об огневом ударе по врагу 27 сентября: «На участке шириною около 1 километра одновременно вели огонь более 150 орудий и 3 полка реактивной артиллерии... В результате проведения контрподготовки атака противника была сорвана... Артиллерийским огнем нанесены большие потери двум полкам 100-й легкопехотной дивизии».

В этой же книге говорится, что в другом случае в результате 40-минутного удара трехсот орудий и минометов ФАГ на участке в три километра противник понес такие потери, что смог возобновить наступление лишь спустя пять суток.

Централизованный, гибкий и массированный огонь фронтовой артгруппы, открывавшийся только по наблюдаемым целям, вносил страх и смятение в стан врага, срывал и расстраивал его планы. Не случайно неудачи в «окончательном взятии г. Сталинграда» гитлеровцы объявили «внезапным» появлением массы советской тяжелой артиллерии на восточном берегу Волги.

Все мы, наблюдая за смерчем летящих из-за Волги сна-

рядов и мин, неизменно испытывали чувство радости и гордости за свою советскую артиллерию.

Вражеская авиация ничего не могла поделать с ФАГ; так как она превосходно прикрывалась мощным огнем Сталинградского корпусного района ПВО, возглавляемого отлично подготовленным, деятельным и строгим полковником Е. А. Райниным.

Вообще надо сказать, что в частях и штабах фронтовой и армейской артиллерии Юго-Восточного фронта были собраны очень хорошие огневики и организаторы. Заслуженной славой отличного организатора стремительного артиллерийского маневра огнем и колесами пользовался начальник штаба артиллерии 64-й армии полковник А. Н. Янчинский. Глубоким пониманием поставленных перед ним задач отличался командующий артиллерией 57-й армии полковник Ю. М. Федоров.

В ходе оборонительных боев 57-й, 64-й и 62-й армий мне неоднократно доводилось в боевой обстановке встречаться с курсантскими полками. К сожалению, об их роли в Сталинградской битве сказано до сих пор мало. Между тем она была выдающейся.

На нашем фронте действовало семь курсантских полков и один отдельный артиллерийский дивизион. Они были созданы из состава Житомирского, Винницкого, Грозненского и двух Орджоникидзенских пехотных училищ, из Краснодарского пулеметно-минометного училища и из двух артиллерийских училищ — Ростовского и Винницкого. Всем им рано пришлось вступить в боевые действия на Сталинградском направлении. К концу августа вступило в бой Сталинградское военно-политическое училище.

Боевой и численный состав курсантских полков был весьма солидным. Почти в каждом из них к началу имелось по 2—2,5 тысячи человек. Все полки имели в достаточном количестве пулеметы, автоматы, минометы, противотанковые ружья. Хуже обстояло дело с автотранспортом и полевой артиллерией.

Курсантские полки, как правило, ставились на опасных направлениях. На их боеспособность можно было вполне положиться, все они имели опытный и подготовленный командный состав, исключительно высокую комсомольскую и партийную прослойку. Физически крепкие, морально стойкие курсанты были большой силой.

В большинстве случаев курсантские полки действовали самостоятельно, не объединяясь в группы или соединения и не привязывались к какому-то одному направлению или участку боевых действий. Командармы использовали их

для маневра, и это было весьма важно в условиях напряженной боевой обстановки.

Посещая курсантские полки, мы с товарищами по ВПУ всегда испытывали приподнятое, светлое настроение. Так было во время проверки обороны некоторых из них в дни переноса главного удара 4-й танковой армии врага на нашу 57-ю армию. Так было после встреч с курсантскими подразделениями Военно-политического училища в Сталинграде. Очень хорошая память у меня осталась о Винницком училище, да и о других.

Все они сражались геройски. Где стояли курсанты — противник не мог пробиться. Многие из них отдали свою молодую жизнь за свободу и счастье своей Родины — честь и слава им!

25 сентября из первых четырех училищ был создан сводный курсантский полк численностью в 1016 человек при 6 пулеметах, 13 минометах и 9 орудиях. Им командовал полковник С. П. Затулей.

На одном-двух примерах хочется показать, как много делали для успеха своих стрелковых частей наши саперы. 308-я стрелковая дивизия прибыла в Сталинград в самом начале октября, и за десять суток в середине декабря один из инженерно-заградительных фронтовых батальонов установил для нее десять минных полей против танков, построил 22 пулеметных гнезда, дзоты для 33 противотанковых ружей. Два минных поля саперы установили в 25 метрах от противника. Гитлеровцы забрасывали саперов ручными гранатами из окон домов и из окопов, вели по ним пулеметный огонь.

В 64-й армии, где начальником инженерной службы был мой старый сослуживец по 32-й Саратовской дивизии полковник Ю. В. Бордзиловский, саперами только в сентябре было взято из фронтового склада и применено 4100 противотанковых мин, 4500 противопехотных и 12,2 тонны тола. Своими средствами саперы этой армии изготовили в сентябре 152 бронеколпака, 8 железобетонных колпаков, 14 тонн колючей проволоки и снарядили 2400 мин.

В изготовлении мин саперам самоотверженно помогали местные жители. Из моей памяти до этих пор не выходит рассказ начальника инженерных войск фронта генерал-майора В. Ф. Шестакова. Он лично видел, с каким напряжением всех своих физических и духовных сил трудились работницы кирпичного завода, расположенного несколько восточнее станции Садовой. Они начиняли взрывчаткой противотанковые мины для войск. Работали

круглосуточно, без смены, питались всухомятку. Но ни слова ропота или недовольства от них не было слышно.

Работая в войсках, мы со своим ВПУ общались не с одними командармами или командирами соединений и частей, а, конечно, с их штабами, с членами Военных советов, с комиссарами и политорганами. Можно сказать больше: очень часто мы опирались на них.

Штаб 64-й армии был наиболее организованным из всех армейских штабов. В нем имелось ядро очень сильных работников в лице начальника штаба И. А. Ласкина, начальника оперативного отдела Г. С. Лукина, его заместителя П. М. Журавлева и начальника разведки И. М. Рыжова.

Хочется отметить начальника штаба 57-й армии полковника Н. Я. Прихидько, отличавшегося огромной работоспособностью. Начальником штаба в 62-й армии был Н. И. Крылов. За его плечами к тому времени имелся весьма основательный опыт ведения боев в крупных городах. Он запомнился мне своим трудолюбием, скромностью, исполнительностью, а также способностью быстро ориентироваться в любой обстановке.

Все штабы — и высшие, и низшие — работали с колоссальным напряжением. Видел я это и по вверенному мне ВПУ, в котором было совсем немного оперативников и разведчиков, и по штабу фронта. В тех условиях, в обстановке огромной и непрерывной перегрузки в работе штаба фронта, было немало нервозности, немало было дерганья и грубости.

Хорошо, что начальник оперативного отдела генерал-майор А. М. Досик отличался большой выдержкой, человечностью и тактом во взаимоотношениях. Большую помощь штабу фронта оказывал А. М. Василевский, начальник Генерального штаба. Своей организованностью, пониманием людей и роли сплоченного коллектива он оказывал благотворное влияние на работу фронтового командного пункта.

Александр Михайлович заставлял всех больше думать и серьезнее относиться к общему анализу обстановки, к выработке более крупных решений и рассмотрению ближайших перспектив борьбы на сталинградском стратегическом направлении.

Хорошо запомнились мне члены Военных советов: 62-й армии — К. А. Гуров и 64-й армии — К. К. Абрамов. У Гурова я часто бывал в трудные для Сталинграда дни: на армейском КП — на Мамаевом кургане и на кромке Волги, с Абрамовым встречался в частях, например, при «про-

талкивании» 36-й гвардейской стрелковой дивизии на высоту 128,2, в критические дни на р. Червленая.

Оба они умели глубоко оценивать обстановку, особенно Гуров, отличались личной храбростью.

Во время работы на КП 57-й армии я часто встречался с членом Военного совета Н. Е. Субботиным. Он хорошо знал свои части, людей.

Начинающий начальник политического управления фронта П. И. Доронин и его заместитель Е. Е. Кащеев, настоящие массовики, энергичные, подвижные, поддерживали деловую связь с отделами полевого управления, с вниманием относились к нуждам войск. Нередко доводилось мне встречаться и работать с начальниками политотделов Н. Т. Зяблицыным из 57-й армии и И. В. Васильевым из 62-й армии. Это были боевые политработники.

Нельзя не сказать теплые слова о начальнике связи фронта генерал-майоре А. С. Яковлеве, начальнике связи ВПУ полковнике С. Н. Кокорине, о всем коллективе фронтового управления связи. Они всегда с пониманием и доброжелательностью делали для ВПУ все, что могли.

Много было незабываемых встреч на фронтовых дорогах. И те, о ком я коротко говорю в этих воспоминаниях, и те, кого я, за недостатком места, не имею возможности даже назвать, все они были отважными солдатами невиданной доселе битвы.

В Сталинграде каждый становился героем. И рядовой воин, сходившийся в рукопашной схватке с врагом, и командир дивизии, управляющий боем тысяч вверенных ему людей. Командиры всех степеней в силу исключительной близости места расположения своих командных и наблюдательных пунктов к зоне боевого расположения своих частей, нередко непосредственно принимали участие в схватках. На моих глазах и невдалеке от меня у разъезда 74-й километр командир малочисленной тогда 138-й стрелковой дивизии полковник И. И. Людников под артиллерийским огнем врага наступал в боевых порядках одного из своих полков. Командир 126-й стрелковой дивизии полковник В. Е. Сорокин при прорыве 4-й танковой армией врага оборонительной полосы 64-й армии 29 августа вместе со своим штабом вступил в рукопашный бой с танковым десантом немецких автоматчиков и геройски погиб.

Поистине титаническим был боевой труд всех командиров. От каждого из них требовались колоссальная работа мысли, творческий подход к делу, решительность и инициатива, самостоятельность и риск вместе с высокой дисциплинированностью и исполнительностью, чрезвычайное

моральное напряжение и полное использование всех своих духовных и физических сил.

Любому из них в те дни часто приходилось получать такие понятные в боевых условиях приказания, как например: «восстановить положение», «немедленно закрыть прорыв», «ускорить выполнение приказа» и другие. Причем не всегда эти требования могли быть подкреплены необходимой помощью. И командир обязан был сам найти пути и способы, силы и средства, выдержку и момент для решения поставленной перед ним боевой задачи. Найти и доложить по команде.

Единый сплав — вот те слова, которые мне хочется произнести, когда я думаю о важнейших условиях нашей победы под Сталинградом. Сплав отваги и мужества, питаемых убежденностью и верностью Коммунистической партии, сплав высокого мастерства и самопожертвования людей во имя борьбы против ненавистного врага. В этом сплаве выковалась наша Победа.

М. М. Попов,

Герой Советского Союза,
генерал армии

В наступлении

Начало

Октябрь 1942 года. Я только вступил в должность заместителя командующего Сталинградским фронтом и сразу окунулся в самую гущу ожесточенных боев. Из машины почти не вылезал: знакомился с войсками, контролировал организацию и проведение частных операций, проверял боевую деятельность артиллерийских групп, созданных на левом берегу Волги, восточнее Сталинграда.

...Этот вызов застал меня тоже на командном пункте одной из наших армий. Я хорошо знал командующего фронтом А. И. Еременко, по рекомендации которого, собственно, и очутился под Сталинградом, и сразу понял, что столь срочный вызов связан с чем-то весьма важным. В блиндаж командующего я зашел, успев только наскоро отряхнуть пыль с одежды и сапог. Здесь уже собрались начальники родов войск и служб фронта. Будто только меня ожидая, открылась дверь, и Андрей Иванович пригласил нас к себе. Мы зашли в его рабочую комнату. Рядом с Еременко сидели представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский, начальник штаба фронта генерал И. С. Варенников. На стене висела крупномасштабная карта района боевых действий с нанесенными на ней стрелами.

Уже сама карта нас нацелила на предстоящий разговор. Речь шла о готовящемся наступлении советских войск под Сталинградом. В той или иной степени все мы, здесь собравшиеся, догадывались об этой крупной операции. Но с замыслом Ставки по разгрому южного стратегического фланга немецких войск знакомились только сейчас. И нас, надо прямо сказать, этот замысел поразил своей исключительной смелостью. И такой смелостью, которая подкреплялась продуманным, точным расчетом, сосредоточением необычно большого по тому времени количества танковых

и других подвижных соединений и частей, артиллерии и авиации.

Общий план и ход этой операции хорошо известен и подробно описан. Ныне все ясно. Но тогда мы слушали А. М. Василевского, как завороженные. Слушали и смотрели на карту, на сходившиеся красные стрелы, замыкавшие в железное кольцо прорвавшиеся к Сталинграду немецко-фашистские войска. Юго-Западный и Донской фронты охватывали группировку противника и с севера, и с запада, наступая в общем направлении на Калач и Вертячий. Наш, Сталинградский фронт, наносил удар с юга и в северо-западном направлении, наступая также на Калач. Здесь он соединялся с подвижными войсками Юго-Западного фронта, завершая окружение противника. Часть сил нашего фронта выдвигалась на Абганерово и Котельниково, а также от Астрахани на Элисту, обеспечивая операцию с юга.

Заканчивая свои разъяснения, А. М. Василевский сказал, что в целях сохранения в тайне предстоящего наступления никаких письменных директив не будет. Более того, командующие армиями и их штабы пока что к этой работе не привлекаются. Им задача будет поставлена позднее, примерно в ноябре. Поэтому необходимые перегруппировки, а также встреча и размещение прибывающих войск возлагаются на управление фронта.

Мы расходились глубоко взволнованные услышанным, преисполненные какого-то особого подъема. К этому времени я успел уже достаточно войти в курс дела, знал положение на нашем фронте и хорошо представлял себе масштаб операции, ее сложность и ее трудности. Предстояло крупнейшее наступление, операция, какой еще не знала история войн. Но пока что у стен Сталинграда шли ожесточенные бои, бои за каждый дом, за каждый метр искореженной и выжженной огнем земли. От упорства, от стойкости защитников Сталинграда во многом зависел успех предстоящего наступления. Догадывается ли о нем противник?

Немецкое верховное командование, командование группы армий «Б» и генерал Паулюс, видимо, как-то были информированы о том, что Красная Армия ведет подготовку к наступлению на Сталинградском направлении и, в частности, в полосе Сталинградского фронта. Об этом свидетельствовала повышенная активность воздушной разведки противника, отдельные случаи бомбовых ударов небольших групп вражеской авиации по переправлявшимся через Волгу войскам 4-го механизированного корпуса.

Но противнику, конечно, не были известны ни состав, ни силы советских войск, и уж наверняка он не знал ни о характере предстоящих действий, ни об их размахе, ни о дате перехода наших войск в наступление. В самоуверенных руководящих кругах командования немецкой армии, и ранее неоднократно недооценивавших наши возможности, господствовало убеждение, что русские вообще больше вести наступления крупного масштаба не в состоянии. Это было нам на руку, и мы всячески старались держать противника в заблуждении.

Ставка запретила пересылать какие бы то ни было соображения по плану операции, издавать и рассылать приказы и распоряжения. Вся документация велась только от руки и доставлялась исполнителям ответственными офицерами. Запрещались всякие телефонные и другие переговоры, всякая переписка и записи в журналах боевых действий во всех инстанциях. Перегруппировка войск производилась только по ночам. Даже приказ о подготовке к наступлению командующим армиями А. И. Еременко отдал устно. Срок готовности установлен был самый жесткий — 10 ноября.

Наше временное полевое управление (ВПУ), которое я возглавлял, переместилось в эти дни в Райгород, на западный берег Волги. Этим мы значительно приблизились к штабам армий, особенно к подвижным войскам. 5 ноября к нам прибыл представитель Ставки Г. К. Жуков. Я получил приказание сопровождать его на рекогносцировку. Начали мы с 57-й армии, которой командовал Ф. И. Толбухин. С наблюдательного пункта 422-й стрелковой дивизии он доложил Г. К. Жукову о характере обороны противника, свое решение на наступление. Пробыли мы здесь недолго и отправились к генералу Н. И. Труфанову, в 51-ю армию.

С небольшой высотки между озерами Цаца и Барманцак он тщательно осмотрел местность. Слушая доклад Труфанова, все время уточнял сведения о противнике. Г. К. Жукова особенно интересовал характер противотанковой обороны немцев в межозерном дефиле, однако на этот вопрос командарм не мог дать сколько-нибудь исчерпывающего ответа. Оно и понятно. Ведь здесь велась преимущественно пехотная разведка, по которой противник, естественно, огня противотанковыми средствами не открывал. Г. К. Жуков потребовал от Н. И. Труфанова в ближайшие же дни тщательно подготовить и провести сильную боевую разведку с обязательным привлечением хотя бы небольшого количества танков.

Забегая вперед, скажу, что такая разведка была проведена, и она в какой-то мере вскрыла систему противотанковой обороны противника в межозерном дефиле.

Рекогносцировка раскрыла представителю Ставки конкретную обстановку в связи с иаступлением. 10 ноября, в день, когда истекал срок готовности войск к наступлению, командование фронтом созвало в селе Татьянка совещание командармов, командиров корпусов и дивизий, принимавших участие в наступлении. Присутствовали на нем и мы, заместители командующего,— я и Г. Ф. Захаров, а также начальники родов войск.

Мы собрались в домике, вблизи командного пункта 57-й армии и только развернули карты, как вошел Г. К. Жуков. Он объявил о целях совещания и сразу приступил к заслушиванию докладов сперва командармов, а затем командиров корпусов и дивизий. Доклады, как правило, были лаконичны, четко формулировали существо решения. В ряде случаев они дополнялись необходимыми мотивировками, а также неизбежными в подобных случаях просьбами. В ходе докладов начальники родов войск вносили свои поправки. Несколько раз с вопросами или с поправками выступал и Г. К. Жуков. И хотя он был немногословен, но по самому тону, по интонации чувствовалось, что Георгий Константинович в общем доволен готовностью войск к наступлению.

Особое внимание уделял Г. К. Жуков встрече войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов при завершении окружения врага. В заключение выступил Г. К. Жуков. Он дал оценку решениям, высказал ряд пожеланий. Совещание нацелило командующих армиями, командиров соединений на более конкретную подготовку к предстоящим боям. Были распределены и обязанности в управлении фронта. Мне поручалось отработать порядок и технику ввода в прорыв на участке 51-й армии 4-го механизированного и 4-го кавалерийского корпусов. Намечался он ко времени, когда атакующая пехота продвинется примерно на 6—7 километров в глубину вражеской обороны. Такого опыта ни у нас, представителей фронтового командования, ни у самих командиров подвижных соединений еще не было. Приходилось опираться на свой академический багаж. Такие проблемы наши академии еще до войны уже достаточно серьезно разрабатывали. И, как показали последующие бои, в общем мы неплохо справились с поставленной задачей.

Точную дату начала операции Ставка уточнила незадолго до перехода наших войск в наступление. Наш фронт

начинал не 19 ноября, как намечалось раньше, а 20-го, на сутки позже, чем Юго-Западный и Донской.

Утром 19 ноября руководящий состав фронта собрался на ВПУ. Состоялось короткое совещание. Еременко и с ним большинство начальников родов войск направились после этого в 57-ю армию. Под мою опеку отдана была 51-я армия. На все время от начала наступления, прорыва и до окружения противника.

Прорыв

Утро 19 ноября не порадовало нас хорошей погодой. Ударил довольно крепкий мороз, поле укутал туман, пошел снег. В общем, видимость самая плохая. Юго-Западному и Донскому фронтам она помешала использовать авиацию на полную силу.

Встретил меня Н. И. Труфанов и сразу доложил об обстановке. К моему прибытию смена войск уже закончилась. Проведена она была ночью и прошла совершенно незамеченной для противника. Разведывательные поиски в ночь на 19 ноября подтвердили, что перед нами находятся те же румынские части, которые здесь отмечались и раньше, следовательно, противник никаких перегруппировок здесь не предпринимал и тем более не усиливал этот участок фронта.

Артиллерия армии и дивизий уже развернулась на своих позициях и находилась в готовности к открытию огня. Конкретные боевые задачи были доведены до всего личного состава. Большую работу в войсках провели политорганы и партийные организации. Все с нетерпением ожидали начала наступления.

Перед рассветом весь личный состав получил горячую пищу. День предусматривалось провести на сухом пайке, а с наступлением темноты опять дать горячий ужин и перед рассветом следующего дня — горячий завтрак.

Командарм высказал некоторые опасения насчет того, насколько успешно сумеют саперы проделать проходы в румынских минных полях. Правда, саперы уже достаточно натренировались у себя в тылу. Все же грунт крепко промерз, и извлечь из него мину было делом далеко не легким. Со своими минными полями было проще. В них проходы проделает наша артиллерия во время артподготовки. И проще и безопаснее.

— Ну ничего,— сказал Труфанов,— саперы свое дело знают.

Весь день, 19 ноября, мы провели в делах, которых было более чем достаточно. Проверяли готовность соединений и частей, выслушивали донесения, утрясали недоработки, уточняли некоторые детали. Все мы в ожидании перед решающим событием волновались в первую очередь за соседей: как они там начали? И, естественно,— за свои войска. К вечеру получили донесение от генерала Вольского. Войска его корпуса начали марш в исходный район. До утра им предстояло преодолеть 60—80 километров. Вскоре аналогичное донесение прислал и командир 4-го кавалерийского генерал Шапкин.

Под вечер мы спустились в землянку Труфанова. Прямо у порога радостный дежурный доложил нам приятные известия о наступательных действиях Юго-Западного и Донского фронтов. Первый из них на отдельных направлениях продвинулся за день до 35 километров и успешно развивает прорыв.

Я связался с командующим фронтом, рассказал об обстановке на участке Труфанова и, в свою очередь, получил от него информацию о положении в 57-й армии Толбухина. Там дела обстояли примерно так же, как и здесь. Все шло по плану.

На всю жизнь запомнится мне эта ночь на 20 ноября — ночь перед наступлением, спать никто не мог: ни солдаты в траншеях, у танков и орудий, ни командиры в своих землянках и окопчиках наблюдательных пунктов. Как заснешь, когда считанные часы отделяют тебя от схватки с зарвавшимся, ненавистным врагом!? Схватки не на жизнь, а на смерть.

Задолго до рассвета мы перешли в перекрытый маскировочной сетью окоп. Утро было морозное. Стояла редкая на фронте тишина. «Как и полагается перед боем»,— пошутил кто-то. Все улыбнулись. Фронт и тишина — непривычное сочетание. Тем ощутимее она была сейчас, перед наступлением.

Я стою около Н. И. Труфанова, который по телефону связывается с войсками. Отовсюду докладывают — все на местах, все готово, одно плохо: очень густой туман, войска ничего не видят, артиллерийские наблюдатели буквально слепы.

Я несколько раз пытаюсь связаться с командующим фронтом, но связь ни по ВЧ, ни по простому телефону и телеграфу не работает. Танки, выдвигаясь ночью на исходное положение, посбивали шесты и столбы с проводами. Радиостанция командующего фронтом почему-то тоже не отвечает.

А до начала артиллерийской подготовки оставались считанные минуты. Труфанова, да и меня обуревали сомнения: начинать наступление или подождать, пока рассеется туман? Если и другие армии отложат, то несогласованность действий может не только создать осложнения, но и нарушить весь план операции. Однако войска Ватутина и Рокоссовского стремительно продвигаются. Нашим промедлением может воспользоваться Паулюс, вздумай он выскользнуть из подготавливаемой ему петли. Еще раз взвесив все за и против, мы решаем начинать и подаем соответствующие команды войскам.

В 8 часов 30 минут 20 ноября 1942 года, как и намечалось по плану, несмотря на густой туман, началась артиллерийская подготовка. Хотя плотность артиллерии у нас была и не особенно большой (всего 32 ствола на один километр фронта прорыва), грохот выстрелов и разрывов сливался в сплошной гул, который произвел сильное впечатление и на нас, особенно, как выяснилось впоследствии, на оборонявшихся румын. Впервые попав в подобный «переплет», они не выдержали и в своем большинстве побежали с поля боя. Артиллерия 51-й армии хорошо поражала цели. Сказались тренировки в стрельбе ночью и в тумане, а также тщательная пристрелка целей.

В 9.30 наши пехота и танки перешли в атаку. Бой все больше и больше разгорался. До НП доносились разрывы снарядов и отдаленные пулеметные очереди. Но что творилось на поле боя невозможно было увидеть. Все скрыл туман.

Труфанов не отходил от телефона и радио, принимал донесения командиров дивизий. Войска успешно продвигались вперед, ломая сопротивление противника. Это и радовало, и вызывало некоторую тревогу. В своих донесениях командиры дивизий опирались на доклады командиров полков. А те, как и мы, тоже не видели поля боя. Достоверность донесений, естественно, вызывала у нас некоторое сомнение. Сплошь и рядом местоположение КП дивизий и полков определялось числом размотанных катушек кабеля. От своих войск мысль перебрасывалась к другим армиям. Как там у них?..

Наконец меня вызвал к телефону командующий фронтом. На сердце сразу стало легче. Андрей Иванович начал с погоды и обстановки. Голос его звучал бодро, и это уже веселило. Одобрив мой краткий доклад, Еременко просил не опаздывать с вводом в прорыв корпусов Вольского и Шапкина. Предупредив мой вопрос, кратко рассказал об обстановке в полосах 64-й и 57-й армий. Они тоже продви-

гаются вперед в тумане, и наступление развертывается успешно.

Около 10 часов туман начал быстро рассеиваться. Ясно обозначились холмы, удаленные от переднего края на 5—6 километров и ранее занимавшиеся румынами.

Бой постепенно удалялся. Мы видели, а вскоре это подтвердили по радио и командиры дивизий, что рубеж, на котором намечался ввод в прорыв 4-го механизированного корпуса, уже преодолен нашей пехотой. Вольский стоял рядом и тоже сосредоточенно смотрел в стереотрубу.

— Ну что, Василий Тимофеевич, видите, как хорошо продвигаются наши дивизии? Не пора ли и вашему корпусу начинать движение вперед? — спросил я.

Вольский еще колебался, продолжая изучать поле боя.

— Засидимся, можем многое проворонить, и как бы тогда танкам не плестись в хвосте у пехоты,— заметил я.

Решили начинать выдвижение корпуса. Около одиннадцати часов В. Т. Вольский подал своим танкистам условный радиосигнал — «Вперед!»

Наши взоры устремились на восток в ожидании появления танков. Но их все не было. Генерал Вольский попросил разрешения выехать навстречу своим бригадам.

Как оказалось, соединения корпуса замешкались на исходных позициях. Выступили они только около 13 часов. В подготовительный период в корпусе слабо отработали готовность войск к немедленному выдвижению в прорыв по сигналу.

Выехав вслед за Вольским в одну из бригад его корпуса, мы застали ее, к нашему большому удивлению и возмущению, в момент заправки машин горючим. Много горьких слов и упреков выслушал с нашей стороны тогда командир бригады. И как было их не сказать, когда он приступил к дозаправке машин после получения сигнала — «Вперед!»

Это промедление послужило хорошим уроком. В дальнейшем наши механизированные и танковые корпуса и армии начинали выдвижение из исходных районов в прорыв немедленно по получении сигнала, затрачивая только минуты на заводку моторов.

Немало трудностей создал выпавший глубокий снег. Он закрыл знаки, установленные на проходах в минных полях, что крайне замедлило продвижение войск.

К исходу дня части 4-го механизированного корпуса обогнали стрелковые дивизии и овладели большим селом Плодовитое, захватив там много пленных. Но этот частный успех не восполнял потерянного времени. Корпусу так

и не удалось совершить глубокий бросок в тыл противника. Более того, мы опасались, что противник сумеет за это время подтянуть свои резервы и особенно противотанковые средства.

В связи с медленным продвижением корпуса Вольского, усложнился и ввод в прорыв 4-го кавалерийского корпуса. Ввести его засветло в прорыв мы не смогли, так как все дороги были заняты тылами 4-го механизированного корпуса. Протолкнуть конницу нам удалось только в 22 часа. Обе кавалерийские дивизии вводились рядом. Сбив прикрытие противника, они к 10 часам 21 ноября вышли на подступы к Абганерово.

Поздно вечером, вернувшись на ВПУ, я подробно доложил А. И. Еременко о ходе наступления за день и план действий на 21 ноября. Командующий фронтом, конечно, выразил недовольство промедлением с вводом в прорыв подвижных войск, однако мои распоряжения на ночные действия корпусам он полностью утвердил. Утром по поручению командующего я выехал в кавалерийский корпус. При общем успехе, его действия на Котельниковском направлении приобретали исключительно важное значение.

Развитие успеха

Догнать кавалеристов было не просто. Не без риска мы объезжали подорвавшиеся на минах автомашины, осторожно обгоняли повозки, артиллерийские упряжки, машины с пушками на прицепе. Утром 21 ноября мы, наконец, достигли КП корпуса, расположенного в балке села Плодовитое.

На одной из придорожных высот бросилась в глаза умолкнувшая батарея с искореженными и перевернутыми орудиями. Мы остановили машины и, увязая в снегу, подошли к некогда грозной позиции. Перед нами были немецкие противотанковые пушки, возле которых валялись трупы немецких артиллеристов. Характерные широкие следы гусениц наших танков пересекали всю позицию и уходили вдаль. Темневший поблизости подбитый танк свидетельствовал о разыгравшейся в тумане горячей схватке.

Но как попала сюда немецкая батарея? Только позже мы установили, что за 10—12 дней до нашего наступления немецкое командование усилило оборону румын своей противотанковой артиллерией, перекрыв отдельными батаре-

ями основные направления нашего вероятного наступления. Такие же батареи были обнаружены и в ряде других районов. Видимо, немецкое командование не очень-то верило в стойкость румынских войск.

Заехали в Плодовитое и попали в хорошо известную фронтовикам «пробку». Нам доложили, что дальше следовать нельзя потому... что все село заполнено румынскими войсками. Творилось что-то непонятное: впереди нас наступают механизированный и кавалерийский корпуса, на одной линии с нами находятся стрелковые дивизии и вдруг — скопление румынских войск.

Мы сошли с машин и, сопровождаемые небольшой группой автоматчиков, двинулись вдоль хат и заборов к центру села. Вскоре нашим глазам открылось неожиданное зрелище: широкая улица была битком набита румынскими солдатами в характерных высоких бараньих шапках. Все они были без оружия, о чем-то говорили, кричали и курили. Мы переглянулись между собой. Надо было что-то предпринять. Взобравшись на сугроб, я громко объявил:

— Прошу всех, кто говорит по-русски, подойти ко мне!

Приблизился молодой, заросший румын и приложил руку к папахе. Оказалось, что он долго жил в Кишиневе и достаточно свободно владеет русским языком.

— Становитесь рядом и скажите, чтобы слышали все румыны, что русский генерал просит господ румынских офицеров подойти к нему.

Переводчик что-то громко объявил на своем языке, однако из толпы никто не вышел.

— Вы, вероятно, неточно перевели мои слова,— вновь обратился я к переводчику.— Повторите еще раз, только как можно вежливее.

После повторного обращения к сугробу стали осторожно проталкиваться отдельные лица, по облику похожие на офицеров, но без погон. Вскоре их собралось десятка полтора. Спустившись вниз, я жестом пригласил офицеров расположиться полукольцом, достал коробку «Казбека» и предложил им закурить. Недоверчиво поглядывая, они потянулись к папиросам, и коробка мгновенно опустела. Закурив, офицеры о чем-то оживленно заговорили между собой. Их группа между тем понемногу разрасталась. Но папирос, к сожалению, у меня уже не было.

— Кто из вас старший по должности и званию?— спросил я.

Началось шушуканье: никому из румын не хотелось быть старшим в этом тревожном и неясном для них положении.

Пока офицеры решали этот вопрос между собой, я заметил в общей толпе высокого, подтянутого и гладко выбритого румына в сравнительно чистой белой папахе и пригласил его выйти вперед.

— Кто вы по должности? — спросил я его через переводчика.

— Командир 36-го артиллерийского полка 18-й пехотной дивизии, полковник Журка,— доложил он.

— Что это за войска, почему и для чего собрались они в этом селе?

— Вчера вы прорвали нашу оборону. Связь со штабом дивизии прекратилась во второй половине дня. До вечера мы еще удерживали некоторые участки фронта, но затем в наши тылы ворвались советские танковые колонны. Связаться с командиром дивизии и командирами полков я не мог. Все бежали. С наступлением темноты стало ясно, что произошла катастрофа и сопротивляться далее бессмысленно. Тогда я принял решение спасать то, что осталось от нашей дивизии и отдал распоряжение: русским сопротивления не оказывать и следовать в Плодовитое, чтобы утром организованно сдаться в плен. Как видите, многие это распоряжение выполнили. Своему полку я приказал сняться с позиций, выйти на западную окраину Плодовитого, выстроить пушки и сложить личное оружие. Помимо моего полка, здесь находится много солдат 92-го, 5-го егерского и других полков дивизии.

Мы одобрили действия командира румынского артиллерийского полка.

— Принимаем вашу капитуляцию и считаем ее самым разумным решением в этой обстановке,— сказал я.— Она спасет жизнь многих тысяч румынских солдат. Вам поручаю организовать их и вести к Волге в лагеря военнопленных.

Несколько минут спустя полковник Журка, переходя от группы к группе пленных, энергично подавал команды. Все принимали его указания к исполнению. Беспорядочная толпа румын постепенно превращалась в более или менее организованную колонну.

Мне захотелось поговорить с Журкой. Предложив румынскому офицеру назначить старшего по колонне и отдать соответствующие распоряжения, я зашел с ним в натопленную хату, и у нас завязалась оживленная беседа. Он подробно и откровенно рассказал о боевом пути своей дивизии и ее последнем дне. Я посоветовал ему обратиться ко всем офицерам румынских войск, еще оказывающим сопротивление, с письмом за своей подписью.

— Предложите и им прекратить борьбу,— сказал я.— Ведь их положение безвыходно. Зачем им умирать за фюрера.

Журка, конечно, колебался, хотя считал дальнейшее сопротивление бессмысленным. Он опасался, что за такое обращение в Румынии репрессируют его семью. Однако благоразумие и истинный патриотизм взяли верх. Он взял вырванный из моего блокнота листок бумаги и стал вдумчиво писать. Я всматривался в его лицо и видел, какой важный жизненный шаг делает этот, уже немолодой человек. Скоро он протянул нам бумагу. Переводчик перевел текст. Мы предложили исправить в нем некоторые места. После краткого размышления полковник согласился с этими поправками.

Пожелав Журке здоровья и всяческого благополучия, мы отправили его на машине догонять уходивших на восток бывших солдат своей 18-й пехотной румынской дивизии.

Из Плодовитого мы повернули в Абганерово. Штаб кавалерийского корпуса застали в центре еще дымившегося Абганерово. В просторной хате у стола, заваленного картами, нас встретил Т. Т. Шапкин. Здесь же были начальник политотдела и начальник штаба корпуса. Мы тепло поприветствовали друг друга, с удовольствием сняли полушубки, присели к разложенной на столе карте, и Т. Т. Шапкин доложил обстановку.

Ночью части 4-го механизированного корпуса овладели поселком и станцией Абганерово, а утром после напряженного ночного марша кавалеристы разбили румын и захватили село Абганерово. Сейчас обе дивизии приводят себя в порядок. Румыны, отброшенные с позиций у Тингуты, Абганерово, пытаются оказать сопротивление на подступах к Аксаю. В это направление выслана сильная разведка. Шапкин был уверен, что и здесь противник будет сбит и Аксай захвачен. В общем, конники сражались неплохо. Захватили около двухсот пленных и много военного снаряжения.

Я спросил о потерях корпуса в бою за Абганерово. Генерал Шапкин, хитро улыбаясь в густые черные усы, ответил:

— Конники у меня по службе молодые, необстрелянные. Завязали у Абганерово бой. Я выехал вперед. Чувствую, противник слабый, огня немного. Подходы к нему хорошие и снега на полях мало. Вот я поразмыслил и, посоветовавшись с товарищами, решил: если спешиваться, много времени потеряем, да и бойцов можем положить немало. А вот, если коротким артиллерийским налетом оше-

ломить врага, да ударить в конном строю, то цель будет достигнута малой кровью. Кроме того, и людей хотелось поучить конной атаке. Ну так и сделали. Как видите, вышло, и потери небольшие.

Нам понравился бесхитростный рассказ этого старого, умного кавалериста, участника первой мировой и гражданской войн, опытнейшего командира и боевого педагога, «отца», как его называли в корпусе, честного и преданного Коммунистической партии и социалистической Родине человека.

Ознакомившись с планом дальнейших действий корпуса и напомнив о той значительной роли, которую играет конница на данном этапе операции, я указал командиру корпуса на необходимость скорее захватить Аксай и двигаться далее на Котельниково.

Поговорили и стали прощаться с конниками. Нам не терпелось догнать штаб 4-го механизированного корпуса, повидаться с В. Т. Вольским. Но прежде надо было попасть на свое ВПУ.

Следуя навстречу вереницам тыловых обозов, мы только поздно вечером сумели добраться до Плодовитого, куда уже подтянули ВЧ и прибыла группа офицеров ВПУ. Отсюда я связался по телефону с генералом Вольским. За день боя его войска значительно продвинулись вперед, но рубежей, которыми по плану операции ему надлежало овладеть еще в первый день, он не достиг. Это не могло не вызвать тревоги, тем более, что корпус не имел запаса боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

Считая обстановку чреватой опасными последствиями, я потребовал от Вольского точных донесений через каждые два часа о положении частей и состоянии запасов. Со своей стороны стал принимать все меры к тому, чтобы ускорить доставку необходимых ему боеприпасов, горючего и других материальных средств.

Окружение

С утра 22 ноября войска 4-го механизированного корпуса, нацеленные на Советский, успешно развивали наступление, при возрастающем сопротивлении противника. Как нам сообщили по радио, войска Юго-Западного фронта к исходу 21 ноября своими подвижными соединениями вышли: 4-й танковый корпус генерала А. Г. Кравченко к Дону, севернее Калача, а 26-й танковый корпус генерала А. Г. Родина к Калачу, захватив здесь переправу. В этой

обстановке надо было тем более ускорить наступление 4-го механизированного корпуса на Советский.

Около 15 часов стало известно, что в 12 часов 20 минут 36-я механизированная бригада 4-го мехкорпуса стремительным ударом овладела Советским. А на следующий день пришло радостное сообщение о встрече наших войск с войсками Юго-Западного фронта — танкистами корпуса А. Г. Кравченко.

Ближайшая задача была выполнена. Мы сделали важный, решающий шаг на пути к общей цели — окружению и разгрому группировки противника под Сталинградом. Основные коммуникации немецких войск, в том числе и последняя железная дорога, были перехвачены, и враг попал в чрезвычайно тяжелое положение. Не было сомнений в том, что немецкое командование предпримет самые решительные меры, чтобы освободить свои войска, открыть им путь на запад или на юг и не допустить образования сплошного фронта окружения.

Предвидя это, мы стали форсированно продвигать в район Советского стрелковые дивизии.

На другой день, 24 ноября, я выехал к Вольскому, в Советский.

Стройный, высокий, всегда подтянутый, командир корпуса выглядел торжественно и взволнованно. Мы долго и тепло жали руки, поздравили друг друга с достигнутым успехом.

Доложив обстановку, Вольский рассказал о встрече.

— А где сейчас штаб Кравченко и он сам? — спросил я.

— Здесь, на западной окраине поселка.

— А вы с ним уже виделись?

— Нет еще, не успел, разъезжаю по войскам.

— Тогда у меня есть предложение, поедемте вместе к Кравченко.

В чудом сохранившемся домике нас встретил широкоплечий, рослый, утомленный, но сияющий комкор. Поздоровались как старые знакомые. С Кравченко я близко сталкивался во время битвы под Москвой, где он был начальником бронетанковых войск в армии, которой я командовал.

Встреча была очень взволнованной, теплой и радостной. Встреча в тылу противника, где сомкнулось стальное кольцо Юго-Западного и Сталинградского фронтов.

Мы разговорились о боевых действиях. Кравченко рассказал о своем корпусе и фронте. Я о нашем. Затем перешли к ближайшим перспективам завязавшейся под Сталинградом огромной битвы. Мы были уверены, что Паулюс,

конечно, попытается вырваться из окружения, и Гитлер, безусловно, постарается оказать ему посильную помощь ударами извне.

Это значило, что предстоят еще упорные бои на внутреннем и внешнем фронтах окружения. Кравченко и Больский были уверены, что выручить Паулюса противнику не удастся. Я полностью разделял их уверенность.

★ ★ ★

На этом я заканчиваю свои воспоминания. О главном, самом трудном в наступлении войск нашего фронта, в котором я принял непосредственное участие, рассказано.

Судьба окруженных войск под Сталинградом известна. Они были зажаты в котел и разгромлены.

П. И. Доронин,

генерал-майор

И слово — боец

В начале сентября 1942 года самолет уносил меня в Сталинград. Еще несколько дней тому назад я был сугубо гражданским человеком. Сейчас мою фигуру облегала военная форма. Недавний секретарь Курского обкома партии направлялся под Сталинград в должности начальника политуправления Юго-Восточного фронта. Я все еще находился под впечатлением разговора с начальником Главного Политического Управления Красной Армии А. С. Щербаковым.

— У нас на Юго-Восточном фронте под Сталинградом нет начальника политуправления,— сказал Александр Сергеевич.— Я предлагал товарищу Сталину несколько кандидатур, но он их отклонил и попросил подумать еще. При следующей встрече товарищ Сталин сказал, что у него есть кандидатура на начальника политуправления Юго-Восточного фронта и назвал вашу фамилию. Приказ уже подписан.

Это был совсем неожиданный поворот в моей жизни. Я с волнением слушал начальника Главпура, понимая, какое большое доверие мне оказывается и какую большую ответственность беру на себя. Под Сталинградом решалась во многом судьба Родины. Я пообещал Александру Сергеевичу, что все зависящее от меня сделаю.

Приземлились мы в районе Камышина. Поздней ночью добрался до Средней Ахтубы, а оттуда на КП фронта, в Ямы. Рано утром встретился с членом Военного совета Н. С. Хрущевым. Расспросив меня о московских новостях, он рассказал о положении под Сталинградом. Бои уже шли в городе, и обстановка была тяжелой. Борьба в городе имела свои особенности и требовала новых специфических форм политической работы. Об этом он просил меня подумать.

После беседы с первым членом Военного совета я представился командующему фронтом генерал-полковнику А. И. Еременко. Встретились мы как старые знакомые. Ранее Еременко командовал Брянским фронтом и неоднократно бывал у нас в Курске, выступал перед партийными работниками. В том, что почти в безлесной Курской области во время оккупации действовали три партизанские бригады и много отдельных отрядов, была и его немалая заслуга.

Хорошо знал я второго члена Военного совета Алексея Семеновича Чуянова — секретаря Сталинградского обкома партии, заместителя командующего фронтом Филиппа Ивановича Голикова. Все это помогло мне быстро войти в колею фронтовой жизни. Серьезную помощь оказал мне мой заместитель бригадный комиссар Е. Е. Кащеев.

Я только покончил с визитами к руководству фронта, как в мою землянку зашел начальник политотдела 62-й армии бригадный комиссар И. В. Васильев. Я был этому весьма рад. Именно с 62-й армии мне и хотелось начать свое знакомство с организацией политической работы в войсках.

Встреча наша затянулась. Мне хотелось узнать как можно больше об этой армии, о ее прошлом и настоящем. Васильев умел говорить четко, ясно, не отягощая рассказ излишними подробностями. Чувствовалось, что его суждения о людях и фактах были глубокими, опирающимися на хорошее знание жизни.

Мы в это время посылали в 62-ю армию группу работников. Кроме оказания помощи, они должны были собрать материалы о новых формах политической работы в условиях уличных боев. На инструктаж отъезжавших товарищей я пригласил и Васильева. Он рассказал, что с началом боев в городе требования к политработникам, коммунистам резко возросли, что вести политическую работу в условиях уличных боев значительно сложнее. Невозможно проводить митинги, широкие собрания, больше приходится работать с отдельными группами бойцов.

О боях 64-й армии на дальних и ближних подступах к Сталинграду мне рассказывали руководящие работники армии: командующий армией генерал М. С. Шумилов, члены Военного совета З. Т. Сердюк, К. К. Абрамов, начальник политотдела М. П. Смольянов и другие. С членом Военного совета Абрамовым, человеком очень подвижным, мне часто приходилось ездить по дивизиям. Обычно по дороге он мне выкладывал все, что знал об этом соединении.

Я довольно быстро, по-фронтовому, входил в курс ар-

мейской жизни, работы политорганов. Вначале не столько учил других, сколько учился у тех, кто имел уже опыт боев. Больше всего, конечно, нас занимало настроение в войсках. Вера в победу по-прежнему у всех была непоколебимой, но быстрое продвижение фашистов на юге очень тревожило бойцов и командиров. Это особенно чувствовалось в соединениях и частях, которые, отходя, в этих ожесточенных боях понесли тяжелые потери.

К этому времени произошла некоторая реорганизация фронтов. Наш фронт стал называться Сталинградским. Перед политическим управлением фронта стояла задача сплотить весь личный состав частей и соединений вокруг партийных организаций, выковать у людей стойкость, ненависть к врагу, готовность любой ценой остановить фашистские полчища, рвущиеся к Волге.

Как? Какими средствами и мерами? Это подсказывала сама боевая обстановка, фронтовая жизнь. Она диктовала формы и методы политической работы в войсках.

17 июля началась Сталинградская битва. На направлении главного удара противник создал значительное превосходство в силах, особенно в технике. Непрерывные танковые атаки одновременно с действиями авиации оказывали сильное воздействие на наших необстрелянных бойцов. Но несмотря на это они держались.

В первый день боев в главной полосе обороны произошел исключительный случай героизма. В 33-й гвардейской стрелковой дивизии на участке 84-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал подполковник Г. П. Бардалян, немцы яростно атаковали наши позиции. В течение трех часов гвардейцы отбивали натиск врага. Тогда гитлеровцы ввели в бой танковую дивизию и часть свежих сил пехотной дивизии. Полк вынужден был отойти. Случилось так, что на одной из высот южнее Клетской остались четыре бойца: Петр Болото, Григорий Самойлов, Александр Беликов и Иван Алейников.

У них было всего два противотанковых ружья — против 30 вражеских танков. Тридцать танков — это тридцать пушек, шестьдесят пулеметов. Но гвардейцы не покинули позиции. Они упорно отражали натиск озверевшего врага.

Немецкие танки два раза ходили на высоту в атаку. Земля стонала от разрывов снарядов, дрожала под гусеницами танков и осыпалась в окопы. И все же герои выстояли. После второй атаки на поле боя осталось пятнадцать уничтоженных танков. Петр Болото подбил восемь танков, Александр Беликов — семь. Вражеские танки не решились на новую атаку и в беспорядке отошли.

Политотдел 33-й гвардейской стрелковой дивизии немедленно сообщил об этом беспримерном героизме бронебойщиков в политотдел армии. В тот же день это событие стало известно в политуправлении фронта. Рассказ о бесстрашных воинах был немедленно напечатан во всех газетах фронта. В близлежащих частях организовали выступления героев. Агитаторы рассказали о них во всех частях, подразделениях. У Болото и его боевых друзей появились десятки последователей, отважно вступивших в единоборство с бронированными чудовищами врага. У бойцов появилась вера в надежность советского оружия.

В конце июля был получен приказ наркома обороны № 227 от 28 июля. Это был документ большой силы, написанный остро, суровыми, но правдивыми словами. Это был приказ не только наркома, но и партии, народа, Родины, и его следовало довести до сознания каждого командира и красноармейца, следовало добиться, чтобы воины поняли, что дальнейшее отступление смерти подобно. Вся устная и печатная пропаганда была направлена на решение этой задачи. Работа велась с группами бойцов и индивидуально.

Решающее значение в укреплении дисциплины и стойкости в бою играл личный пример командира, политработника, коммуниста, комсомольца. На собраниях обсуждались задачи коммунистов и комсомольцев. Резко критиковались товарищи, проявившие неустойчивость.

Стойкость бойцов зависела не только от их желания хорошо воевать, но и от их воинского умения. Командование и политорганы проводили большую работу по изучению воинами оружия и методов его применения. Серьезное внимание уделялось умению быстро и надежно укреплять рубежи.

Героически дрались наши воины за каждый клочок сталинградской земли. Вот пример. Группа бойцов в шестнадцать человек заняла высоту 180,9 в районе станицы Сиротинской. Бойцы были опытные и подготовились к встрече противника хорошо. Командовал группой младший лейтенант В. Д. Кочетков. В течение двух дней бойцы вели неравный бой с танками и пехотой противника. В конце второго дня Кочетков был тяжело ранен. Собрав последние силы, он обратился к бойцам со словами:

— Страна удостоила нас высокого звания гвардейцев, оправдаем же это звание!

Двенадцать танков врага двинулись на высоту. Вот первый из них подошел почти вплотную к окопам. Навстречу ему поднялся гвардеец с противотанковой гранатой и взо-

рвал его. Второй воин последовал примеру товарища. За ним третий, четвертый... Ранен был Кочетков. Бойцы уложили в окоп командира, а сами со связками гранат двинулись навстречу танкам. Враг не прошел. Так выполнили свой долг гвардейцы 40-й гвардейской стрелковой дивизии.

Едва политработники разнесли эту весть по войскам, как стал известен подвиг тридцати трех богатырей. Вот как это было.

20 августа противнику удалось в районе Нижне-Чирской переправиться через Дон. В ночь на 23 августа восточный берег заняли четыре вражеские дивизии, из них две моторизованные и одна танковая. На рассвете противник овладел Вертячим, а к середине дня на участке Ерзовка — Рынок вышел к Волге.

62-я армия в течение всего дня вела бои с танками и пехотой противника. Особенно отважно дрались красноармейцы 35-й гвардейской и 87-й стрелковой дивизий.

В районе Малой Россошки на высоту, которую заняли 33 бойца 1379-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии, устремились 70 танков и до батальона пехоты. Враг, чувствуя свое превосходство в снлах, шел напролом. Но тридцать три героя, которые во главе с младшим политруком А. Г. Евтифеевым, младшим лейтенантом Г. А. Стрелковым, замполитруком Л. И. Ковалевым и старшиной Д. И. Пуказовым не испугались, не дрогнули. Заняв круговую оборону, бойцы стали ждать приближения танков. Когда они оказались на расстоянии выстрела бронебойки, храбрецы открыли огонь. Несколько танков было подбито, но остальные рвались вперед.

На окоп Семена Калиты навалился первый танк. Боец залег на дно окопа, а когда танк отошел, бросил вслед ему бутылку с горючей смесью. Машину объяло пламенем, и она стала. Вслед за первым Калита подбил еще два танка. Калита поджигал танки, а разведчик Василий Матюшенко отсекал идущую вслед за танками пехоту. Но танки продолжали наседать. Следуя примеру Калиты, младший сержант Владимир Исаакович Пасхальный также поджег три танка.

Пять связистов, оказавшихся невдалеке от подразделения, которым командовал Ковалев, тоже приняли участие в бою. На них с фланга двигалось несколько машин. Младший политрук Евтифеев взял у бойцов противотанковое ружье и двадцать штук патронов. Подпустив немцев поближе, он подбил четыре танка. Враг вынужден был откатиться назад.

Немцы не смогли сломить упорства защитников высоты.

Фашисты потеряли 27 танков и более 150 солдат и офицеров. Фахри Гайнутдинов убил 18 гитлеровцев. После каждого убитого он докладывал командиру: «Обратно есть одна штука, товарищ командир».

Из тридцати трех героев лишь один боец оказался легкораненым. Это было весьма важно и весьма показательно: отважный одерживает победу и сам остается невредим.

Политуправление фронта организовало обращение тридцати трех героев ко всем защитникам Сталинграда. Это обращение прославленных воинов, доведенное всеми формами и средствами фронтовой агитации и пропаганды до каждого бойца фронта, вызвало горячий отклик во всех частях и подразделениях, породило еще большую решимость во что бы то ни стало остановить врага, преградить ему путь к Волге, к Сталинграду. Советское правительство высоко оценило подвиг тридцати трех героев. Все они были награждены орденами и медалями.

Большое внимание все мы, политработники, уделяли воспитанию бойцов на героических традициях прошлого.

Когда бои за Сталинград развернулись на тех самых местах, где молодая Красная Армия разгромила белогвардейские полчища, как тут было не вспомнить о славных днях обороны Царицына!

Еще когда бои шли на дальних подступах к городу, политуправление собрало совещание начальников отделов агитации и пропаганды армий и лекторов. На этом совещании был заслушан доклад на тему: «Умножим боевые традиции обороны Царицына — остановим и разгромим врага на подступах к Сталинграду». После совещания лекторы и работники политуправления и политотделов армий многократно выступали среди бойцов на эту тему.

30 августа 1942 года политуправление направило в войска директиву, в которой потребовало в докладах и беседах обратить особое внимание на широкое использование боевых традиций царицынской обороны. «Каждый боец и командир, — говорилось в директиве,— должен отчетливо сознавать, что земля, где сейчас идут бои, полита кровью отцов, и оставление хотя бы вершка этой земли врагу — кощунство перед памятью тех, кто пал в боях с белогвардейцами, и тяжелое преступление перед потомством. Остановить врага немедленно, не допустить его в город, к великой русской реке Волге, отбросить, разгромить его — таков приказ Родины войскам фронта».

Неизгладимое впечатление на молодых бойцов производили выступления участников обороны Царицына. По-

литотдел 64-й армии создал из ветеранов гражданской войны группу агитаторов. Эта группа побывала во всех дивизиях и провела сотни бесед. На одном из митингов мне самому пришлось слушать участника обороны Красного Царицына красноармейца Ступина. Он рассказывал, что на фронте воюют два его сына, и сам он, несмотря на возраст, встал в ряды защитников Родины. Ветеран вспоминал, в каких тяжелых условиях им приходилось оборонять Царицын. Не хватало оружия и боеприпасов. «А теперь — вон какая у вас сила! — говорил Ступин.— Главное — не трусить, не малодушничать! Трусость — наш главный враг. Победите ее в себе, победите и немца». И я видел, как загорались глаза у бойцов.

Но митинги не всегда удавалось собирать. В 62-й армии и вовсе стало невозможно. Надо было работать с небольшими группами бойцов. В политуправлении возникла мысль обобщить думы защитников Царицына в письме к защитникам Сталинграда. Я рассказал об этом А. И. Еременко, членам Военного совета, работникам политуправления фронта. Идея была одобрена. И вот в результате коллективного творчества появилось на свет обращение ветеранов Царицынской обороны к защитникам Сталинграда:

«Дорогие товарищи, бойцы, командиры и политработники!

В дни, когда в окрестностях Сталинграда звучит артиллерийская канонада, когда разрывы тысяч снарядов и бомб разносятся по улицам нашего родного города, у нас, бывших защитников Царицына, сердце сжимается от боли и гнева, а в глазах невольно встают картины боевого прошлого.

Давно прошли те дни, а слава о них звучит и поныне. В сотнях книг и на десятках картин, в песнях и сказаниях народных живут имена героев тех дней...

На наших глазах за эти годы небольшой Царицын вырос в гигантский город — Сталинград. Десятки новых фабрик и заводов, школы, театры, клубы появились в городе. Все это давало возможность радостно жить и работать... Мы, бывшие защитники Царицына, радовались и гордились, что кровь, обильно пролитая нашими товарищами, не пропала даром. Вот почему сейчас, когда сотни вражеских стервятников рыщут над нашим родным городом, когда тысячи снарядов и бомб рвутся в стенах построенных нами фабрик и заводов, когда под обломками домов гибнут наши жены и дети,— мы, защитники Царицына, решили обратиться к вам, защитникам Сталинграда. Не сдавайте врагу наш любимый город! Любой ценой защитите Ста-

линград! Бейтесь так, чтобы слава о вас, как и о защитниках Царицына, звенела в веках!

Помните, дорогие друзья, помните, сыновья и дочери, народ не забудет ваших имен. Не забудет имен тех, кто героически сражался за счастье народное...

Мы глубоко уверены, что стоит вам напрячь все силы — и враг будет разбит... Помните, что сердце всего советского народа сейчас бьется вместе с вашими героическими сердцами, мысли всех советских людей вместе с вами...

Помните, что каждый убитый фашист, каждый подбитый танк или орудие приближают день нашей победы. Тверже боевой шаг, товарищи! Крепче сжимайте оружие в руках, больше ненависти в сердцах к фашистским мерзавцам — и вы победите».

Письмо подписали по поручению участников героической обороны Царицына бывший командир взвода 4-й кавалерийской дивизии 1-й конной армии М. Е. Чертихин, бывший командир 2-й батареи 18-й кавалерийской дивизии А. С. Назаров, бывший артиллерист-наводчик, награжденный орденом Красного Знамени, А. Б. Травянов и другие ветераны.

Одновременно с обращением участников царицынской обороны был выпущен сборник материалов, относящихся к тому времени, телеграммы В. И. Ленина, И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова. Весь аппарат политуправления фронта, армий, соединений, все агитаторы и коммуинсты доводили эти документы до сознания каждого бойца. И трудно переоценить силу воздействия этого обращения. Его слова воодушевляли воинов, и они еще с большей силой громили врага.

Гвардейцы 13-й стрелковой дивизии, обсудив письмо и выражая мнения всех воинов, написали обращение к защитникам Сталинграда.

«Братья по оружию,— писали они,— с волнением и трепетом слушали мы призыв поседевших бойцов. Каждый из нас в эти минуты думал об одном: от нас и только от нас зависит исход борьбы за любимый город. Каждый из нас еще и еще раз проникся сознанием того, как велика ответственность, возложенная на нас народом, страной.

Сегодня мы обращаемся к вам с этим письмом, дорогие друзья. Родина приказала нам отстоять Сталинград. Наши отцы и матери, жены и дети работают, не покладая рук, день и ночь производя для нас оружие и танки, самолеты и пушки, снаряды и патроны. Они надеются на нас. Они призывают жестоко и беспощадно мстить врагу за потоптанную русскую землю, за разрушенные города и села, за

убийство русских людей. Они призывают нас, невзирая на жертвы и лишения, сражаться так, как сражались герои царицынской эпопеи в годы гражданской войны».

Дальше гвардейцы рассказывали о своих боевых успехах, о том, как они преодолевают трудности борьбы с врагом. В заключение письма воины писали:

«Отвечая на призыв царицынцев, мы хотим напомнить вам, наши боевые соратники: приближается 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Не омрачим этого великого праздника, не отступим ни на шаг. Умрем, но отстоим Сталинград!.. Помните, дорогие друзья, что счастья не будет на земле, пока на ней ходят коричневые чудовища».

Это письмо печаталось во фронтовой, в армейских и дивизионных газетах, было выпущено отдельными листовками. Оно обсуждалось во всех частях, подразделениях. В ответ воины клялись не сдать город врагу, любой ценой отстоять Сталинград, не омрачить самый большой праздник советского народа.

Особое внимание уделялось развитию снайперского движения, которое в период боев в городе получило большое распространение. Командование фронта, армий, дивизий, частей, политработники повседневно занимались подбором снайперов, организацией их учебы, передачей боевого опыта. Лучшие снайперы фронта готовили из своих учеников мастеров огня, как шутили солдаты, «без отрыва от производства».

Самым популярным снайпером фронта был старшина первой статьи Василий Зайцев. О нем ходили легенды. Однажды прибежал к нему боец-наблюдатель и доложил, что в районе завода немцы подтягивают пополнение. Зайцев взял шесть своих учеников и отправился встречать это пополнение. Зайцев убил 11 немцев, а все вместе — 40 фашистов.

Снайперы набирали себе учеников из коммунистов, комсомольцев, боевого актива. Знатный снайпер 57-й армии гвардии заместитель политрука Ильин подготовил 10 снайперов. Хаит Хужматов, один из замечательных стрелков, стал инструктором по подготовке снайперов.

Нанаец Алексей Самар, в прошлом хороший охотник, замечательный стрелок, действовал по принципу «одна пуля — один немец», и это ему удавалось. Он умел хорошо маскироваться и терпеливо ждать врага. Попавший на его мушку враг через доли секунды становился покойником.

Командир Алексея Самара старший лейтенант Дурнев рассказывал мне: «Пошли мы в наступление вместе с Алек-

сеем. На одном участке нас контратаковала фашистская пехота. Впереди офицер, рыжий, здоровый детина.— Снять офицера! — приказал я.— Самар винтовку навскидку. Выстрел. «Есть офицер» — доложил Самар. Метким выстрелом он разбивал приборы наблюдения, истреблял артиллерийских разведчиков. Я был ранен. Упал у окопа. Находящийся невдалеке немецкий автоматчик, вижу, целится в меня, чтобы добить. Вдруг выскакивает из окопа Алексей. Вскинул винтовку. Выстрел — и немецкий автоматчик упал. Так Самар спас мне жизнь».

Снайперское движение росло. Бойцы, добившиеся хороших результатов, становились известными в части, соединении. А таких, как В. Г. Зайцев, А. Г. Самар, Н. Я. Ильин, Х. Хужматов, А. И. Чехов, В. И. Сотников, знал весь фронт. Постепенно снайперами становились пулеметчики, минометчики, артиллеристы.

Огромную роль в распространении снайперского движения сыграла фронтовая, армейская и дивизионная печать. Фронтовая газета «Сталинское знамя» систематически публиковала материалы о снайперах. Она организовала соревнование между двумя лучшими снайперами фронта Василием Зайцевым и Хаитом Хужматовым. Часто в газете помещались итоги этого соревнования. Газета печатала рассказы снайперов о боевом опыте, организовывала обмен письмами между лучшими стрелками. Снайперам посвящались очерки, зарисовки, рассказы и даже стихи.

Мне особенно запомнились стихи красноармейца Н. Наумова о снайпере 57-й армии Ильине.

Бывает, мина не найдет,
Где спрятался бандит,
Снаряд в него не попадет
И бомба не сразит.

Тогда над линией огня
Знакомый слышен свист.
Помчится пуля Ильина —
И падает фашист.

Об этой пуле говорят
Бойцы и вся страна,
И сам великий Сталинград
Прославил Ильина.

К концу ноября 1942 года только в одной 62-й армии было 340 опытных снайперов. Они уничтожили 6250 солдат противника. Выйдя в ряде мест к Волге, гитлеровцы не могли даже попить волжской воды. Разъяренные фашисты вызвали в Сталинград руководителя берлинской школы

снайперов майора Конингса, чтобы уничтожить нашего лучшего снайпера Васю Зайцева. Но убитым в этой дуэли оказался сам майор Конингс.

К концу сентября стало ясно, что расчет немцев за несколько дней овладеть Сталинградом провалился. Правда, им удалось в районе Купоросного на стыке 62-й и 64-й армий прорваться к Волге и несколько потеснить наши войска в центре города, но это было совсем не то, на что рассчитывало немецкое командование.

Надо было подготовить войска фронта к новым тяжелым боям. С начала октября 1942 года Военный совет и политуправление обратились с письмом ко всем коммунистам фронта, в котором разъяснялась создавшаяся обстановка и определялись задачи партийных организаций и каждого коммуниста-воина в отдельности.

Письмо напоминало, что не раз коммунистам приходилось нести на себе всю тяжесть борьбы, отстаивая Родину, в минуты кровавых сражений и грозной опасности зажигать сердца бойцов правдивым большевистским словом. Личный пример коммуниста в бою вел бойцов к победе.

Многие коммунисты Сталинградского фронта, говорилось далее в письме, вписали славные страницы в героическую историю обороны волжской твердыни. Командир отделения коммунист Котляр, тяжело раненный осколками вражеской мины, продолжал бить по танкам и пехоте противника. «Я — член партии и не имею права уходить до тех пор,— заявил он,— пока в силах истреблять ненавистных фашистов».

Летчик коммунист 944-го штурмового полка Иван Прокофьевич Веденин, штурмуя скопления врага, бесстрашно, по-гастелловски, твердой рукой направил свой горящий самолет на вражеские танки. Сердце большевика билось в груди этого пилота, и свою смерть он превратил в героический бессмертный подвиг.

Напомнив эти примеры героизма, мужества и отваги, письмо призывало воинов-коммунистов «своей доблестью и отвагой, пламенным словом большевистского агитатора вдохновлять и поднимать всю массу красноармейцев на беспощадную борьбу с немецкими захватчиками».

Письмо было обсуждено во всех партийных организациях. Собрания тщательно готовились и проходили при активном участии всех коммунистов. Некоторые собрания прерывались для того, чтобы отбить очередную атаку. В ходе этих собраний родилась инициатива написать письмо в Центральный Комитет нашей партии и Верховному Главнокомандующему.

«Сражаясь сегодня под Сталинградом,— говорилось в этом письме,— мы понимаем, что деремся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем все то, что нам дорого, без чего мы не можем жить. Здесь, под Сталинградом, решается судьба нашей Родины. Здесь, под Сталинградом, решается вопрос — быть или не быть свободным советскому народу...

Вот почему мы считаем своим долгом перед Родиной не только остановить врага, но и разгромить его и освободить наши земли от фашистской тирании. С этими мыслями каждый день вступаем мы в бой, сжимая наше боевое оружие, уничтожаем мы врага».

Письмо готовилось в дни тяжелых боев, и его подписывали все защитники Сталинграда. В политотделы иногда привозили тексты письма, залитые кровью. Где представлялась возможность — устраивали митинги.

Красноармеец 91-й стрелковой дивизии Смирнов, выступая на одном из таких митингов, сказал: «Товарищи, взгляните на запад, на поруганную нашу замлю, на разрушенные города и села, на все, что было завоевано кровью наших отцов, на все то, что было построено нашими руками, на все дорогое сердцу русского человека. На все это посягнуло фашистское зверье, оскверняя его грязным сапогом. Клянусь в том, что никогда не дрогнет моя рука, направляя пулю в звериное сердце фашистского гада».

В октябрьские дни многие бойцы подавали заявления о вступлении в ряды ВКП(б). В них они клялись перед партией, советским народом насмерть стоять у стен Сталинграда.

4 ноября 1942 года мне было поручено доставить письмо в Центральный Комитет партии. Я радостно взялся выполнить поручения Военного совета фронта. Прибыв в Москву, я позвонил помощнику И. В. Сталина А. Н. Поскребышеву, передал ему письмо и попросился на прием к И. В. Сталину. Поскребышев сказал, что Верховный Главнокомандующий проводит с военными заседание. Как только появится малейшая возможность, о моей просьбе ему будет доложено.

Вечером меня вызвали в Кремль. Поздоровавшись, Сталин указал мне на лежащую на столе бумагу и сказал: «Читаю ваше письмо». Закончив чтение, он встал, подал мне руку и произнес:

— Спасибо, сталинградцы.

Немного помолчал, еще раз повторил:

— Большое спасибо.

Затем вызвал Поскребышева и распорядился:

— На первую страницу «Правды».

Поскребышев молча вышел, через несколько минут вернулся, доложил:

— «Правда» печатается.

Сталин ответил:

— Снять все с первой полосы. Дать письмо сталинградцев.

Важную роль в разъяснении обстановки и требований командования фронта по обороне Сталинграда играли приказы Военного совета. Их было сравнительно немного, но издавались они в ответственные моменты.

В приказе № 4 от 1 сентября 1942 года говорилось:

«Не жалея сил, презирая смерть, не допустим немцев к Волге, не сдадим Сталинград. Каждый из нас должен понимать, что захват немцами Сталинграда и выход их на Волгу будет усиливать наших врагов и ослаблять наши силы. Ни шагу назад».

Военный совет требовал от всех защитников Сталинграда беззаветной храбрости, стойкости и геройства в борьбе с зарвавшимся врагом. Эти слова приказа политработники, коммунисты несли в массы бойцов, звали их к беспощадной борьбе с врагом.

Приказ № 5 был издан 2 сентября 1942 года, когда немцы начали бои на окраинах Сталинграда.

«Пусть о каждом из вас,— говорилось в приказе,— скажет советский народ, что он был смелым, храбрым бойцом в Великой битве под славным городом Сталинградом, отстоял его. Разбил немецких оккупантов и не отдал город на поругание врагам».

Далее в приказе указывалось, что в Сталинград идут свежие силы, что недалек тот день, когда враг будет окончательно разбит и отброшен от города.

Приказ № 6 был отдан 13 сентября. В эти дни немцы, создав большое превосходство в силах, пытались прорваться в центр города и захватить центральную переправу. Приказ начинался следующими словами:

«Уже больше месяца противник рвется к городу Сталинграду, ведя непрерывные атаки. Доблестные войска Юго-Восточного фронта геройски и мужественно отражают эти атаки и уничтожают врага. Только за последние двадцать дней отражено до восьмидесяти танковых и пехотных атак. Истреблены при этом сотни немецких танков и тысячи вражеских солдат и офицеров. Темпы наступления врага с каждым днем заметно падают...

Никогда не отдадим Сталинграда. Таков приказ Родины».

Особенно большое значение имел приказ Военного совета № 7 от 20 сентября 1942 года, в котором определялись задачи для всех родов войск. Заканчивался он словами: «Общая задача всех родов войск — уничтожить врага под Сталинградом и положить начало его разгрому и очищению нашей страны от кровавых захватчиков. И мы этого добьемся обязательно».

Большую работу проводило политуправление фронта в частях и соединениях, прибывавших на защиту Сталинграда. Работники политуправления встречали их в местах высадки из эшелонов, подробно информируя их об обстановке на фронте и стоящих задачах. В походе, на привалах, проводились собрания и митинги, на которых чаще всего зачитывалось обращение защитников Царицына к защитникам Сталинграда. Незаменимыми помощниками политработников были бывалые воины. Из них и создавался боевой актив подразделений, подбирались агитаторы.

Наводчик 820-го артиллерийского полка Егор Акиньшин, истребивший в одном бою 14 немецких танков, на митинге рассказал об этом бойцам. Заканчивая речь, он заявил:

«Мы, артиллеристы, клянемся здесь, у берегов великой русской реки Волги, клянемся отстоять Сталинград и еще больше прославим русскую артиллерию».

С большим вниманием слушали вновь прибывающие бойцы выступления бывших участников царицынской обороны. На митинге в 284-й стрелковой дивизии выступил красноармеец Аксенов. Он сказал:

«Я защищал Царицын. Своими руками строил Сталинград. Теперь вновь встал на защиту города. Я стар, но глаз токаря точен. Целясь в этих гадов, не промахнусь!»

У переправы вновь прибывающим частям приходилось задерживаться на день-два. Это время использовалось для организации демонстрации мощи нашего советского оружия. Фронтовой Дом Красной Армии устраивал концерты. Патриотическая песня, солдатская пляска, художественное слово воодушевляли бойцов, звали на подвиги.

В общей системе мер, направленных на повышение боеспособности войск фронта, важное значение отводилось политуправлением фронта наглядной агитации. Все подходы к городу, по которым двигались воинские части, были оформлены лозунгами, плакатами, портретами героев фронта, карикатурами на врага. Лозунги, плакаты популяризировали наиболее важные документы, адресованные к защитникам города.

Огромное эмоциональное воздействие на воинов производили плакаты: «Воин Красной Армии, спаси!» — худож-

ника П. Корецкого. «Отстоим Сталинград, все на защиту Сталинграда» — художника-фронтовика Коваленко.

На дорогах, у контрольных пунктов, на переправах людей встречали лозунги: «Боец, стойко, непоколебимо защищай Сталинград, священные берега Волги!», «Армия защитников Сталинграда должна стать и станет армией героев-победителей!», «За Сталинградом для нас дороги нет, она закрыта велением Родины, приказами народа».

Лозунги писались на щитах, на стенах домов, на заборах.

При подходах к переправам стояло несколько арок, хорошо оформленных художниками. На арках лозунги писались с обеих сторон. Идущие в Сталинград читали: «Защитники Сталинграда, бейтесь так, чтобы слава о вас, как и о защитниках Царицына, гремела в веках!».

Отбывающие из Сталинграда раненые бойцы читали другой лозунг: «Слава о героях-защитниках Сталинграда никогда не померкнет в памяти народа».

Политическая агитация не только повышала сознательность воинов, но и учила их владеть оружием и приемами боя в самых сложных условиях. Особое внимание мы уделяли опыту ведения уличных боев, действиям штурмовых групп.

Вот один из примеров боев в городе.

Рота 109-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал лейтенант Злобин, мощным натиском выбила немцев из одного дома. Фашисты отошли и закрепились по соседству. Не успели еще бойцы привести себя в порядок после горячего боя, как поступил приказ: выбить немцев с новых позиций. Чайкин собрал в подвале коммунистов и комсомольцев, разъяснил им предстоящую боевую задачу.

В это время вернулся в роту разведчик Антонов и сообщил, что подход к позициям врага прикрывает станковый пулемет. Для уничтожения пулемета командир роты выделил группу во главе с парторгом Большаковым. В нее вошли разведчики Рязанов и Антонов. Скрытно подобравшись к дому, группа забросала пулеметную точку врага гранатами. Пулемет замолчал. Это позволило роте приблизиться к окопам врага на 40 метров, затем стремительной атакой бойцы ворвались в траншею. Немцы дрогнули. Политрук Чайкин с возгласом: «Враг бежит, вперед, товарищи!» увлек бойцов в рукопашную схватку. Задача, поставленная командованием, была выполнена, враг уничтожен.

Специфика уличных боев определила и формы агитационно-массовой работы. Собирать большие митинги, собра-

ния было нельзя. Работа проводилась, как правило, с наступлением темноты, в подвалах, блиндажах и убежищах, с небольшими группами бойцов. Особое распространение получили листовки, забрасываемые в окопы, здания. В отдельных случаях эти листовки были единственной формой политической информации. Из них бойцы узнавали о важнейших событиях на фронтах, о боевых делах в их части, о подвигах товарищей.

Часто наши бойцы находились в нескольких метрах от врага. В отдельных домах, на разных этажах находились немцы и наши бойцы. Их политработники информировали о ходе боев и о событиях в стране через мощную громкоговорящую установку. Работники отдела агитации, пропаганды и печати политуправления фронта заботились о том, чтобы программа передач была разнообразной и интересной: передавались боевые песни, читались стихи поэтов, материалы из фронтовой газеты.

Солдаты Сталинграда отважно дрались за каждую улицу, за каждый этаж, подъезд, лестничную клетку, за каждую квартиру и даже комнату. Когда дома превращались в развалины, дрались и за развалины. Многие бойцы фронта покрыли себя неувядаемой славой.

Связист штаба 308-й стрелковой дивизии комсомолец Матвей Мефодьевич Путилов получил приказ исправить повреждение на линии. При выполнении задания ему раздробило обе руки. Истекая кровью, отважный воин все-таки дополз до места повреждения и, теряя сознание, зубами соединил концы порванного провода. Связь заработала. Так же поступил связист Титаев.

Бессмертные подвиги совершали целые подразделения, части, соединения. Героизм в те решающие дни был массовым, и это позволило в невероятно тяжелых условиях отстоять Сталинград.

Исключительную стойкость проявил взвод автоматчиков 254-й танковой бригады, которым командовал кандидат в члены ВКП(б) младший лейтенант Калашников. На позицию взвода наступали две роты немецких автоматчиков. Несмотря на многократное превосходство врага, взвод Калашникова принял бой. Он подпустил немцев на 40—50 метров и открыл по ним уничтожающий огонь. Атака врага захлебнулась. Потеряв до роты, противник в беспорядке отошел.

На другой день немцы повторили атаку. Они двигались густыми цепями. В это время, во взводе Калашникова оставалось всего 11 бойцов, но они снова приняли бой. Потеряв много солдат и офицеров, фашисты вынуждены были опять

откатиться назад. Через час они повторили атаку и снова были отбиты. Разъяренные гитлеровцы открыли артиллерийский огонь и бросили на окопы горстки наших храбрецов несколько десятков бомбардировщиков. Герои погибли, не сдав своей позиции.

3-й батальон 115-й отдельной стрелковой бригады был окружен врагом. Восемь суток он отбивал многочисленные вражеские атаки. 5 октября немецкое командование предъявило командиру и комиссару батальона ультиматум о сдаче в плен, на размышление дало двое суток. В шесть часов утра 7 октября противник начал наступление. Три часа шел этот кровопролитный бой. Атака противника была отбита. Немцы, потеряв 4 танка и до роты пехоты, откатились назад. В середине дня противник начал новую атаку, ему удалось прорвать оборону батальона. К исходу дня командование батальона приняло решение пробиться к своим частям — через совхоз «Орловский» к тракторному заводу. Отход прикрыла группа бойцов во главе с начальником штаба батальона старшим лейтенантом Кондрушиным. Он сам лег у станкового пулемета и сдержал наседавших немцев. К вечеру остатки батальона во главе с командиром, начальником штаба и секретарем партбюро вышли из окружения.

В октябре главные бои шли по-прежнему за Мамаев курган, за заводские поселки и заводы — тракторный, «Красный Октябрь» и «Баррикады». Особенно тяжелые дни пришлось пережить защитникам города в середине месяца. Разрезанная на несколько частей, 62-я армия продолжала борьбу. Нужны были нечеловеческие усилия, чтобы выстоять под беспрерывными бомбежками и артиллерийским обстрелом. Воины Сталинграда не только воевали, но и строили укрепления, рыли траншеи.

Изучая доклад И. В. Сталина на торжественном заседании, посвященном 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, его приказ, посвященный этой же годовщине, и последующие приказы, политработники особо подчеркивали слова Верховного Главнокомандующего о том, что «Будет и на нашей улице праздник».

Убеждение в нашей победе крепло с каждым днем. Наше сопротивление росло, силы врага истощались. Это видели все бойцы. Если в начале летнего наступления немцы продвигались за день в среднем на 10 километров, то в ноябрьских боях они не смогли пробиться вперед за день и на 10 метров.

Лекторы, агитаторы выступали перед красноармейцами с новыми темами бесед, которые должны были воспи-

тывать у бойцов наступательный порыв. Наступление готовилось в строжайшем секрете. О нем знал небольшой круг руководящих работников фронта. Поэтому, инструктируя политработников всех степеней, мы не могли приоткрывать завесу над нашими планами. Это создавало известные трудности. Наиболее часто политработники выступали с такими докладами: «Будет и на нашей улице праздник». «Всегда, везде бить врага по-сталинградски», «Готовить сокрушительный удар по врагу».

Накануне дня наступления Военный совет фронта обратился к войскам с приказом:

«За время войны мы с вами закалились в борьбе,— говорилось в приказе,— получили большой военный опыт. К нам на усиление фронта прибыли новые части. Мы имеем все условия, чтобы наголову разбить врага, и мы это сделаем обязательно.

Мы сумеем отстоять волжскую твердыню — Сталинград, мы сумеем сокрушить и отбросить вражеские полчища далеко от Волги. Приказываю: войскам Сталинградского фронта перейти в решительное наступление на заклятого врага — немецко-фашистских оккупантов. Разгромить их и с честью выполнить свой долг перед Родиной»

Приказ был напечатан листовкой и доставлен в части накануне наступления. Были проведены партийно-комсомольские собрания, митинги, а если не было этой возможности — групповые и индивидуальные беседы. В войсках царил небывалый подъем.

Переходу наших частей в наступление были посвящены специальные номера фронтовых и армейских газет, «боевых листков», листовки-обращения к пехотинцам, танкистам, артиллеристам.

И вот пришел этот долгожданный момент. 20 ноября началось наступление. 23-го в районе Советский — Калач войска нашего фронта соединились с войсками Юго-Западного фронта. С самого начала наступления все политработники фронта, армий, соединений и частей находились среди бойцов. Основной формой политической работы с воинами в наступлении была задушевная беседа перед боем, в перерыве между боями и после боя. Темы этих бесед и политических информаций обычно рождались тут же, на месте. Чаще всего это были рассказы об отличившихся в бою, об успехах соседних подразделений, о выявленных зверствах врага, о работе советского тыла, и, конечно, обязательная читка сообщений Совинформбюро.

В политдонесениях, на страницах газет в те дни часто

появлялась фамилия командира 1378-го полка 87-й дивизии полковника М. С. Диасамидзе. Этот полк вместе с соседями, при поддержке первого дивизиона 1058-го артиллерийского полка, в течение пяти суток отбил три десятка атак противника и не пропустил немцев к окруженной группировке. Об этом беспримерном факте мужества целого полка мы сообщили в Политуправление Красной Армии. 18 декабря поздно вечером в полку была получена телеграмма из ставки Верховного Главнокомандующего:

«Горжусь вашей упорной борьбой. Ни шагу назад. Отличившихся бойцов и командиров представить к правительственной награде. И. Сталин».

Исключительную доблесть показали танкисты 55-го отдельного танкового полка под командованием подполковника А. А. Асланова. Полк совместно с другими частями 4-го механизированного корпуса отбил 12 атак противника. Силы немцев превосходили силы полка в три-четыре раза. Но полк выстоял.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря М. С. Диасамидзе и А. А. Асланову за умелое и мужественное руководство боевыми действиями было присвоено звание Героя Советского Союза.

Бессмертной славой покрыл себя бронебойщик 86-й гвардейской стрелковой дивизии Илья Макарович Каплунов. На его позицию устремилось пять танков. Каплунов решил их не пропускать. Меткими выстрелами он уничтожил все пять танков, но и сам был тяжело ранен. Придя в сознание, Каплунов увидел перед собой еще четыре танка. Истекая кровью, мужественный боец подбил три из них и получил новое ранение. Собрав последние силы, Каплунов метнул гранату в четвертый вражеский танк. Возле него боевые друзья и нашли отважного бронебойщика.

Илье Макаровичу Каплунову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом командующего войсками Южного фронта от 13 мая 1943 года рядовой Каплунов навечно зачислен в списки своей части.

Героическая оборона Сталинграда, показавшая невиданные образцы стойкости, мужества, подтвердила марксистско-ленинские положения о том, что воин, знающий, за что он борется, понимающий высокие цели войны и в совершенстве владеющий своим оружием,— непобедим.

М. М. Мальцев,

Герой Социалистического Труда,
генерал-майор

Труженики войны

Строительство оборонительных рубежей в районе Сталинграда началось задолго до возникновения угрозы немецкого наступления на город. Глубокой осенью 1941 года на берега Дона и его притоков прибыли части 5-й саперной армии, которой командовал бригадный инженер А. Н. Комаровский. На огромном полукольце протяженностью около 500 километров развернулись работы по сооружению внешнего обвода сталинградской обороны.

Рука об руку с военными саперами на строительстве оборонительных рубежей работали десятки тысяч сталинградцев и жителей области.

В марте 1942 года часть подразделений 5-й саперной армии во главе с А. Н. Комаровским по заданию Государственного Комитета Обороны выехала в Нижний Тагил на возведение объектов черной металлургии, а под Сталинград прибыло 24-е Управление оборонительного строительства (УОС), руководить которым тогда было поручено мне.

В Управление влились оставшиеся на Дону части 5-й саперной армии. Мы принялись усиливать важнейшие участки внешнего оборонительного обвода. Рядом трудились саперные подразделения, возглавляемые опытными военными инженерами И. П. Корявко и И. С. Маренным.

Внешний обвод обороны проходил от Горной Пролейки, по левобережью рек Бердия, Иловля, Дон, по правому берегу р. Мышкова и далее на Абганерово и Райгород.

Средний обвод длиной 150 километров шел через Пичугу, Самофаловку, по левому берегу р. Россошки и правому — р. Червленой, через станцию Тундутово и Красноармейск.

Внутренний оборонительный обвод протяженностью 70 километров был сооружен на рубежах: Рынок, Орловка, Городище, Гумрак, Песчанка, Елхи, Красноармейск.

Особое внимание обращалось на южный участок внешнего обвода — от Райгорода на Волге до Нижне-Чирской на Дону, так как немецко-фашистские войска форсировали Дон в его нижнем течении и угрожали Сталинграду с юга.

Участки внешнего обвода, усиленные новыми километрами противотанковых рвов, сотнями огневых точек, передавались войскам. Подразделения УОС переходили на средний, внутренний и городской обводы.

Оборонительные рубежи занимали войска, понесшие значительные потери в июньских боях. Советские воины, несмотря на численное превосходство врага, сражались стойко и мужественно. Их упорное сопротивление на дальних подступах к Сталинграду вынудило гитлеровское командование перевести на сталинградское направление 4-ю танковую армию, что облегчило положение наших войск на Северном Кавказе.

Ценою огромных потерь вражеские войска в первой половине августа прорвались в район Тундутово. Наши части отошли с упорными боями на оборонительный рубеж у Красноармейска. Вместе с ними отошли к Сталинграду подразделения 24-го УОС.

В то грозное время каждый военный строитель, каждый сталинградец и житель области, все, кто были заняты на оборонительных работах, жили одним стремлением: остановить врага, отстоять Сталинград.

Громадными были масштабы оборонительного строительства на подступах к Сталинграду. Об этом говорят такие цифры: 20 миллионов кубометров переработанного грунта, 1900 километров противотанковых рвов, 203,5 тысячи огневых точек. Общая протяженность всех оборонительных сооружений составляла свыше 2750 километров.

Невозможно даже подумать о выполнении таких колоссальных работ без массового участия в них населения. По призыву партийных организаций города и области на стройку пришли десятки тысяч рабочих, колхозников, служащих, учащихся, домохозяек... Всего на оборонительных рубежах Сталинграда работало почти четверть миллиона человек.

Среди строителей было много женщин, замечательных тружениц и патриоток. До сих пор я с теплотой вспоминаю старшего прораба оборонительных сооружений Эмилию Ильиничну Савченко — хорошего специалиста, умелого руководителя производства.

Для проведения политической работы в трудовые коллективы направлялись опытные партийные и советские ра-

ботники города и области. Прямым результатом деятельности коммунистов явились исключительная спаянность строителей, их неугасимый трудовой задор и поистине геройское поведение в самые критические минуты.

Оставаться на посту до конца выполнения боевого задания стало традицией доблестных саперов управления. Под жестокими бомбежками и обстрелом вражеской авиации, они за несколько суток восстановили переправу через р. Дон, а на другом участке за 48 часов под ружейно-пулеметным огнем построили два моста, семь десятитонных плотов, причалы с подъездами, отремонтировали и спустили на воду три плашкоута.

На самых ответственных и опасных работах всегда были отлично знающие свое дело коммунисты: военинженер III ранга А. И. Краснобаев, начальник управления военно-полевого строительства А. А. Ижиков, партийный организатор Г. Л. Кравцов, начальник службы связи М. Х. Вильшанский, комиссар А. С. Зельцер и многие другие товарищи.

На совесть сооружали строители огневые позиции и точки. Самой высокой наградой за это была благодарность воинов, оборонявшихся в этих укреплениях. Как радовались рабочие-бойцы письму, в котором сообщалось, что дзоты прекрасно выдерживают огонь тяжелого оружия, что небольшая группа защитников Дона, засев в одной из огневых точек, отразила попытку 56 танков врага переправиться через реку. Таких отзывов было много.

Тяжелые переходы, преклонный или, наоборот, юный возраст многих бойцов не сказывались на темпах работы. Немолодой уже боец Я. С. Кушнеров за день вынимал свыше 16 кубометров грунта, выполняя более трех норм. Таких примеров самоотверженного труда было много, перевыполнение норм в 2—3 раза стало массовым явлением.

Работая в безводных степях, зачастую лишенные горячей пищи, под воздушным и наземным обстрелом противника, вступая и в боевые стычки с врагом, подразделения строителей километр за километром передавали войскам подготовленные к обороне рубежи полевого типа, в ходе боев улучшали его и подолгу задерживали движение фашистских орд, не давали осуществиться основному замыслу гитлеровцев — овладеть Сталинградом с ходу.

23 августа 1942 года на город обрушились тысячи бомб. Когда фашисты прорвались к поселку Рынок, строители укрепленного района на Мокрой и Сухой Мечетках не прекращали работ и приготовились к отражению натиска противника.

Началась осада города. В сложной обстановке бойцы 24-го УОС продолжали сооружать к северу от города оборонительные полосы, прикрытые противотанковыми рвами и насыщенные огневыми точками. Здесь же создавала минные поля инженерная бригада полковника М. Ф. Иоффе.

Рубежи строились в труднейших условиях, но невиданный героизм защитников Сталинграда рождал в сердцах строителей страстное желание выполнить свой долг до конца, придавал силы для преодоления любых тягот и лишений. За два с половиной месяца к северу от города выросла могучая преграда. Ей не пришлось стать ареной боев, но это ничуть не умаляет заслуг славных тружеников войны — саперов и военных строителей.

Семь суток войска генерала Ф. И. Толбухина сдерживали бешеный натиск врага на линии обороны, созданной из вкопанных в землю танковых коробок, и не допустили прорыва фашистов.

Много внимания и помощи оказывал нам начальник инженерных войск Сталинградского фронта А. И. Прошляков, ныне маршал инженерных войск.

Когда наши войска перешли в наступление, мы двигались вслед за ними. Возводили рубежи в районе Ерзовки, Орловки, укрепляли тылы.

Настал день полного разгрома группировки Паулюса под Сталинградом — 2 февраля 1943 года. Закончилась битва, повергшая в прах военный и политический престиж гитлеровской Германии. Радостно встречали это событие герои Сталинграда: солдат, дравшийся на передовой; ополченец, уходивший в бой прямо от станка; матрос, переправлявший под обстрелом войска и боеприпасы через Волгу; военный строитель, готовивший оборонительные рубежи,— все, кто вкладывал свой труд в победу над ненавистными захватчиками.

Родина высоко оценила ратный труд военных строителей под Сталинградом. Орденами и медалями было награждено более 30 тысяч человек. В их числе были и Эмилия Савченко, строитель по профессии. В годы довоенных пятилеток она участвовала в возведении жилого дома, который в дни Сталинградской битвы стал неприступной крепостью для врага и получил название Дома Павлова. Когда отгремели бои, Савченко стала прорабом на восстановлении города-героя. Василию Сычугову до войны довелось штукатурить Центральный универмаг, в подвале которого впоследствии был пленен Паулюс. А пулеметчик Сычугов крепко бил гитлеровцев в родном городе. После войны он, как и прежде, стал строителем. Активно включившись в со-

циалистическое соревнование, Сычугов вышел в число лучших рабочих города, был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Достойный вклад в возрождение города-героя на Волге внесли и многие другие бывшие саперы.

В. И. Чуйков,

дважды Герой Советского Союза.
Маршал Советского Союза

Мамаев курган

К вечеру 12 сентября проскакиваем на автомашине в Красную Слободу и к переправе. На моторный паром уже погружен один и грузится другой танк «Т-34». Мою машину не пускают. Предъявляю свои документы командующего 62-й армией и въезжаю на палубу судна.

Мне представляется заместитель командира танкового соединения по технической части.

— Как дела? — спрашиваю его.

— Вчера к вечеру,— отвечает он,— в соединении было около сорока танков, из них только половина на ходу, остальные подбиты, но используются в качестве неподвижных огневых точек. Сейчас везу еще два танка, но сколько подбито и сожжено за сегодняшний день, не знаю.

Наш паром огибает с севера песчаную косу острова Голодный и направляется к центральной пристани. Изредка на воде рвутся снаряды. Огонь не прицельный. Не опасно. Приближаемся к берегу. Издали видно, как при подходе нашего парома пристань заполняется народом. Из щелей, воронок и укрытий выносят раненых, появляются люди с узлами и чемоданами. Все они до подхода парома спасались от огня в щелях, ямах, воронках от бомб.

Глаза у всех этих людей суровые, на закопченных лицах засохшие полосы грязи — слезы смешались с пылью. Дети, измученные жаждой и голодом, уже не плачут, а только пищат, тянутся ручонками к воде... Сердце сжимается, к горлу подступает комок горечи.

Наша машина быстро соскальзывает с парома, и мы едем на командный пункт штаба 62-й армии; как мне сообщили в штабе фронта, он находится в балке реки Царица, неподалеку от ее устья.

Улицы города мертвы. Ни одной зеленой ветки на деревьях: все погибло в огне пожаров. От деревянных домов остались только кучи золы, торчат печные трубы. Многие

каменные дома — обгорелые, без окон и дверей, с провалившимися перекрытиями. Изредка попадаются уцелевшие здания. В них копошатся люди: вытаскивают узлы, самовары, посуду, все несут к пристани.

Едем по берегу Волги вдоль железной дороги до устья Царицы, затем по балке до Астраханского моста и нигде не находим командного пункта. Темнеет. Кого ни спрошу, где штаб армии,— не знают...

Недалеко от вокзала встречаем офицера. Выясняется, что это комиссар саперной части. Радость: комиссар знает, где командный пункт армии. Сажаю его в машину, и он провожает нас до подножия Мамаева кургана.

Оставив машину, поднимаюсь на курган пешком. В темноте цепляюсь за кусты, за какие-то колючки. Наконец слышу долгожданный окрик часового:

— Стой! Кто идет?

И вот я на командном пункте. Иду по оврагу, шагаю и прыгаю через щели и выходы из блиндажей. Конец путешествия — я в блиндаже начальника штаба армии Н. И. Крылова, он же временно исполняет обязанности командующего. Это плотный, коренастый, с волевым лицом генерал.

Собственно говоря, блиндаж Крылова вовсе и не блиндаж, а широкая щель с земляной лавкой по одну сторону, земляной кроватью по другую и с земляным столом у ее изголовья. Перекрытие из хвороста, сквозь который торчит солома, а поверх соломы — слой земли в 30—40 сантиметров. Вблизи рвутся снаряды и мины. От взрывов блиндаж содрогается, и земля сыплется на стол, на разложенные карты, на головы находящихся в блиндаже людей.

В этом блиндаже двое: генерал Крылов с телефонной трубкой в руке и дежурная телефонистка Елена Бакаревич, голубоглазая девушка лет восемнадцати. Крылов с кем-то крупно разговаривает. Его голос звучит твердо, громко, рассерженно. Бакаревич сидит у входа с двумя трубками на ушах и кому-то отвечает:

— Занят по другому телефону...

Я достаю документ и кладу его перед Крыловым. Не прекращая отчитывать кого-то, он пробегает бумагу глазами, потом заканчивает разговор, и мы здороваемся. При скудном свете коптилки вижу энергичное, суровое и в то же время приятное лицо.

— Видите ли, товарищ командарм,— говорит Н. И. Крылов,— командир танкового соединения без моего разрешения снял командный пункт с высоты 107,5 и перенес его на самый берег Волги. Другими словами, командный пункт

соединения находится сейчас позади нас. Это безобразие...

Соглашаюсь с ним, что это безобразие, и пересаживаюсь к столу. То и дело раздаются телефонные звонки. Бакаревич передает трубку Крылову. Он отдает распоряжение на завтрашний день. Я слушаю, стараясь вникнуть в смысл разговора: решил не мешать Крылову. Слушая его и одновременно изучая его рабочую карту, отметки и стрелы на ней, хочу войти в курс происходящих событий. Чувствую, что для спокойного доклада об обстановке у него нет времени. Я должен довериться Крылову, не нарушать его действий, не изменять его плана на завтра, потому что все равно ничего не смогу исправить, если даже это и нужно.

Американцы говорят «время — деньги». В обстановке тех дней можно было бы сказать «время — кровь»: ведь за упущенное время придется расплачиваться кровью наших людей. Крылов, очевидно, понял мое желание: во время своих телефонных разговоров он острием карандаша показывал на карте участок, о котором шла речь, очень подробно, с повторениями, разъяснял командирам задачи, вводя меня таким образом в боевую обстановку. Я почувствовал, что мы нашли общий язык.

С Николаем Ивановичем Крыловым мы были неразлучны весь период боев за город. Мы жили в одном блиндаже или щели, вместе спали и ели, если позволяли обстоятельства, вместе мылись под волжским берегом, не обращая внимания на вражеский огонь.

Он был начальником штаба армии и моим первым заместителем. В то трудное время мы хорошо узнали друг друга, и в оценке событий, как бы сложно ни складывалась обстановка, у нас не было расхождений. Николай Иванович умел подхватывать решения и так четко проводить их в жизнь, что подчиненные командиры в разговорах с ним всегда чувствовали: иного решения быть не может.

Я особенно ценил боевой опыт Николая Ивановича, полученный им во время обороны Одессы и Севастополя, его глубокие знания, организаторский талант, умение работать с людьми.

Я отправил телеграмму Военному совету фронта о прибытии на место и о вступлении в командование 62-й армией и взялся за работу. Прежде всего я решил выяснить, почему командир танкового соединения самовольно переместился на берег Волги, когда есть приказ: «Ни шагу назад!», и попросил вызвать его к телефону.

— Командир танкового соединения у аппарата,— доложила Бакаревич, передавая мне трубку.

Назвав себя, я спросил, почему он без разрешения сменил свой командный пункт. Генерал начал объяснять, что к этому его вынудили минометный огонь, потери в людях, неустойчивость подчиненных ему частей на фронте и ряд других причин. Я поинтересовался, была ли связь с командным пунктом штаба армии, когда он принимал такое решение. Он ответил:

— Не знаю, сейчас выясню...

Было ясно, что таких людей по телефону не проймешь, и я приказал генералу вместе с комиссаром немедленно явиться ко мне на Мамаев курган.

В блиндаж вошел член Военного совета армии дивизионный комиссар Кузьма Акимович Гуров. Поздоровались. Мы были знакомы и раньше. Гуров уже знал, зачем я приехал. Я только добавил: прибыл сюда, чтобы не уезжать.

Он ответил на это кратко: «Правильно». Мы поняли друг друга без лишних слов.

В блиндаж входили и представлялись начальники отделов штаба, их заместители.

Вскоре мне доложили о прибытии командира и комиссара танкового соединения. Я немедленно пригласил их в блиндаж, задержав у себя всех, кто находился здесь, и спросил:

— Как вы, советский генерал, будучи начальником боевого участка, будете смотреть на то, если ваши подчиненные командиры и штабы отойдут без вашего разрешения в тыл? Как вы расцениваете свой поступок — самовольный перенос командного пункта соединения в тыл командного пункта армии?

Ответа на свои вопросы я не получил. И командир, и комиссар соединения сгорали от стыда. Это было видно по их глазам.

Я строго предупредил, что расцениваю их поступок как трусость и впредь буду смотреть на подобные действия как на измену Родине, как на дезертирство с поля боя, и приказал им к четырем часам 13 сентября быть с командным пунктом на высоте 107,5.

Гуров подтвердил мое решение своим кратким «правильно», а комиссару приказал зайти к нему в блиндаж. Не знаю, о чем они там говорили, но, когда мы вновь встретились, Гуров сказал:

— Давай и впредь делать именно так...

В этот момент к нам прибыл заместитель командующего фронтом генерал Ф. И. Голиков. Я был очень рад встретиться с ним на Мамаевом кургане в часы моего вступления в командование 62-й армией.

Мы с ним часто виделись на поле боя. Непрестанно разъезжая по фронту, он отлично знал положение во всех армиях, всегда здраво смотрел на обстановку и откровенно высказывал свое мнение о ходе боев и всего сражения. И на этот раз Голиков сообщил мне ценные сведения, дал полезные советы.

Я представил ему командира танкового соединения и рассказал причину его вызова на командный пункт. Генерал-лейтенант в свою очередь сделал сильное внушение этому командиру, прямо сказав, что подобные действия подрывают боеспособность войск.

Филипп Иванович вскоре уехал, пообещав доложить Военному совету фронта о необходимости помочь армии несколькими свежими дивизиями.

Наблюдая, как работает Крылов, знакомясь со своими заместителями, я часам к двум ночи уже основательно вошел в курс дел, хотя многих деталей еще не схватил.

Обстановка к исходу дня 12 сентября сложилась так: против войск 62-й армии наступали войска 6-й полевой и несколько дивизий 4-й танковой армий противника. Отдельные его части вышли к Волге севернее поселка Рынок и южнее города у Купоросного. Наша армия была прижата к Волге с фронта и флангов мощной подковой немецко-фашистских войск.

На севере участок от Латошинки до отметки 135,4 занимала 16-я танковая дивизия гитлеровцев фронтом на юг.

Левее, от отметки 135,4 до отметки 147,6, занимала участок фронтом на юг 60-я механизированная дивизия противника.

Далее, от отметки 147,6 через 108,8 до высоты 129,1, фронтом на восток стояла 389-я пехотная дивизия.

От высоты 129,1, включая Городище, располагалась 100-я пехотная дивизия.

Эти четыре дивизии со средствами усиления занимали фронт протяжением около двадцати километров, но особой активности не проявляли. По-видимому, они были изрядно потрепаны в предыдущих боях, пополнялись и временно перешли к обороне.

Южнее, включая Городище, Александровку, больницу, на фронте протяжением около шести километров действовала ударная группа из трех пехотных дивизий: 295, 76 и 71-й с большими средствами усиления. Направление ее удара — через Мамаев курган и Центральный вокзал на центральную пристань.

На участке отметка 147,5, пригород Минина, Купоросное на фронте протяжением шесть километров действова-

ла южная ударная группа в составе четырех дивизий: 24-й танковой, 94-й пехотной, 14-й танковой и 29-й механизированной. Направление ее удара — прямо на восток, с задачей выйти на Волгу.

Ближайшие резервы противника, по сведениям разведки, находились в районе Гумрака (одна дивизия) и в районе Воропоново, Карповки, Малой Россошки (две-три дивизии).

Вся группировка в составе одиннадцати-четырнадцати дивизий со средствами усиления, наступавшая против 62-й армии, поддерживалась 4-м воздушным флотом, в котором была тысяча действующих самолетов всех типов. Задача всей этой мощной группировки немецко-фашистских войск была проста: взять город и выйти на Волгу, то есть пройти с боем 5—10 километров и сбросить нас в реку.

Количество дивизий и бригад, входивших в состав 62-й армии, не дает правильного и полного представления о численном составе и силе ее войск. Например, одна танковая бригада утром 14 сентября имела только один танк, две другие танковые бригады оказались вовсе без танков и вскоре были переправлены на левый берег на формирование. Сводный полк дивизии Глазкова вечером 14 сентября имел в своем составе около ста штыков, то есть меньше одной штатной роты; численность соседней с ним дивизии не превышала 1500 человек, а штыков в дивизии было не больше одного штатного батальона; мотострелковая бригада имела 666 человек, а штыков — не более двухсот; гвардейская дивизия полковника Дубянского на левом фланге — не более 250 штыков. Лишь одна дивизия полковника Сараева да две отдельные стрелковые бригады были укомплектованы более или менее нормально.

Шестьдесят вторая армия не имела локтевой связи с соседями справа и слева. Наши фланги упирались в Волгу. Если немцы могли совершать в сутки до 3000 самолето-вылетов, то наша авиация не могла ответить им даже одной десятой этого числа.

Противник прочно удерживал превосходство в воздухе. Это угнетало наши войска больше всего, и мы лихорадочно думали над тем, как выбить из рук врага его козырь? Каким тактическим приемом? Вопрос нелегкий, если учесть, что противовоздушная оборона города была уже значительно ослаблена. Часть нашей зенитной артиллерии враг разбомбил, и ее остатки отошли на левый берег Волги, откуда они могли прикрывать реку и узкую полосу вдоль правого берега. Фашистские самолеты с рассвета и дотемна висели над городом.

Но прежде всего надо было поднять боевой дух армии. И эту задачу следовало решать немедленно. Боевые потери, отходы, недостаток боеприпасов и продовольствия, трудности с пополнением людьми и техникой — все это отрицательно влияло на моральное состояние войск.

Партийные организации, политический отдел армии стремились поднять боевой дух воинов. Много сделали мои боевые помощники и друзья: дивизионный комиссар Гуров, генералы Крылов и Пожарский, полковник Витков, бригадный комиссар Васильев и другие. Мы быстро сумели сломить унылое настроение. Командиры и политработники частей поняли, что за город мы будем драться до последнего человека, до последнего патрона.

Партийные организации армии развернули широкую неутомимую работу среди масс, доводя до сознания каждого бойца значение и смысл этого решения. Сотни коммунистов шли на фронт, на переднюю линию борьбы.

К двум часам ночи мы выработали план действий на ближайшие два-три дня. Теперь до рассвета можно было немного отдохнуть. Я почувствовал голод: не ел с самого утра.

— У вас когда-нибудь едят или так обходятся? — спросил я у Крылова.

— Да, бывает, едим,— ответил за него Гуров.

Наши адъютанты достали где-то хлеба, консервов и холодного чая. Перекусив, мы разошлись спать, каждый с одной и той же думой: «Что день грядущий нам готовит?»

Мы решили прежде всего защитить переправы от артиллерийского огня противника, для чего на правом и левом флангах перейти к жесткой обороне, а в центре частными атаками занять разъезд Разгуляевка и идущую от него на юго-запад железную дорогу до крутого поворота на Гумрак. Это позволило бы выпрямить фронт в центре и, опираясь на железнодорожную насыпь, как на противотанковую преграду, в дальнейшем занять Городище и Александровку. Для выполнения этой задачи предназначалось танковое соединение, усиленное пехотными частями, при поддержке основной массы артиллерии армии. 13 сентября им приказано было перегруппироваться, 14 — атаковать.

Рано утром нас разбудил интенсивный артиллерийский огонь противника и авиабомбежка.

В 6 часов 30 минут из района разъезда Разгуляевка фашисты перешли в наступление силами до пехотной дивизии с 40—50 танками. Направление их удара — через Авиагородок на Центральный вокзал и Мамаев курган.

На обоих флангах нашей армии противник ограничился

сковывающими действиями, атакуя одним батальоном боевые порядки стрелковой бригады с севера на Орловку, а на левом крыле бросая отдельные батальоны на позиции нашего сводного полка.

В центре и на левом крыле армии сражение продолжалось весь день. Противник, вводя новые резервы, развивал наступление. Он буквально засыпал наши боевые порядки снарядами и минами. Его авиация непрерывно висела над полем сражения.

С Мамаева кургана были хорошо видны и поле боя и воздушные схватки. На наших глазах около десятка самолетов — наших и противника, — объятые пламенем, врезались в землю. Несмотря на упорное сопротивление советских наземных войск и авиации, противник благодаря своему численному превосходству брал верх.

На наш командный пункт, находившийся на самой вершине Мамаева кургана, ливнем сыпались мины, снаряды и бомбы противника. Несколько блиндажей было разбито, имелись потери в личном составе штаба армии.

То и дело обрывались провода проволочной связи, радиоузел работал с большими и частыми перебоями. На восстановление связи были брошены все имевшиеся у нас связисты. Даже дежурные телефонистки в нашем блиндаже то и дело оставляли телефоны и ползли искать повреждения на линии. За весь день 13 сентября мне только раз удалось поговорить с командующим фронтом. Я кратко доложил ему обстановку и просил в ближайшие сутки дать мне две-три свежие дивизии: отражать удары врага было нечем.

Несмотря на все усилия наших связистов, к 16 часам связь с войсками почти прекратилась.

Обстановка к этому времени сложилась малоутешительная. Хотя батальон противника, наступавший с севера на Орловку, был уничтожен стрелковой бригадой, в центре армии наши части, понеся потери, вынуждены были потесниться на восток, на западную опушку леса, западнее поселка Баррикады и поселка Красный Октябрь. Фашисты захватили высоту 126,3, Авиагородок и больницу. На левом крыле наш сводный полк оставил МТС восточнее станции Садовая. На остальных участках фронта отдельные атаки были отбиты, сожжено 16 танков противника.

Что происходило после, мы выяснили только с помощью посыльных и офицеров связи штаба армии. Все атаки противника во второй половине дня были отбиты.

До наступления темноты я должен был принять решение: выполнять ли план активной обороны, выработанный

и принятый накануне, или, учитывая начавшееся наступление противника, перейти к более решительным действиям. Медлить было нельзя, потому что перегруппировку войск мы могли произвести только под покровом ночи: днем из-за налетов авиации противника сделать это было невозможно.

Мы решили контратаковать. Чтобы опередить противника, начало контратаки было назначено на раниее утро 14 сентября. Мы понимали, что возможности армии весьма ограничены, и не могли выделить большие силы для контратаки, но были уверены, что и враг хорошо знает это и менее всего ожидает наших активных действий. Вспомнился суворовский принцип: «Удивить — значит победить». На быструю победу мы не рассчитывали, а удивить противника и перепутать ему карты старались. Нам было важно внезапной контратакой, хотя бы частично и временно, лишить его инициативы.

Приказ о контратаке был направлен в войска в 22 часа 30 минут. Он определял конкретные задачи каждой части.

Тридцать восьмая мотострелковая бригада с усиленной ротой мотострелков и приданным артиллерийским дивизионом наступает в направлении юго-восточнее поселка Разгуляевки. Дивизия Сараева силами одного полка контратакует противника в направлении высоты 126,3, а затем высоты 144,3.

Сводный полк с приданной танковой бригадой контратакует в направлении Авиагородка и высоты 153,7. Отдельная 92-я стрелковая бригада находится в готовности содействовать контратаке ударом в направлении больницы и высоты 153,7.

Всем частям, принимающим участие в контратаке, предписывалось взаимодействие друг с другом, обеспечив между собой надежную связь.

Остальные части армии должны прочно удерживать занимаемые рубежи.

Контратаку будут поддерживать три истребительных противотанковых артиллерийских полка, три артиллерийских полка РГК и три полка гвардейских минометов (катюш).

День, проведенный на Мамаевом кургане, показал, что управлять войсками с этого командного пункта невозможно. Беспрерывное, вследствие обстрелов, нарушение связи вело к потере управления войсками. Решили перенести командный пункт армии в балку реки Царицы. На Мамаевом кургане оставался армейский наблюдательный пункт.

На переход командного пункта армии мы имели разрешение штаба фронта еще два дня до этого.

Я никогда не забуду день 14 сентября. В этот день немцы ворвались в Сталинград большими колоннами западнее вокзала. Они уже думали, что Сталинград ими захвачен. Фашисты выскакивали из машин, играли на губных гармошках, приплясывали, рыскали в жилых кварталах с целью поживиться тем, что еще уцелело от пожара.

Нельзя по-иному назвать эти действия немцев, как психическая атака. Но встреченные дружным огнем, они весьма скоро поубавили свою спесь. Их внешне кажущаяся непобедимость растаяла, как дым. Наши снайперы били фашистов по выбору — любого. Это и явилось началом того долгожданного перелома, который нужно было закрепить в дальнейшем успешными боевыми действиями. Побитые немцы перестали уже так нагло вести себя в бою.

Особенно угнетающе действовало на наши войска еще при отступлении к Сталинграду, да и в самом городе — это превосходство авиации противника на направлении главного удара. Нужно сказать откровенно, что у немцев было отработано взаимодействие сухопутных войск с авиацией неплохо. Их бомбардировщики успевали нанести удар перед атакой и тем самым прижать наши войска к земле, а наблюдательные пункты загнать под землю. За этот период танки противника вместе с пехотой врывались почти безнаказанно в наши боевые порядки, и дело кончалось тем, что мы вынуждены были отходить. Мы много ломали головы, как избавиться от превосходства авиации противника. Думали все, начиная от солдата и кончая Военным советом армии. И решение было найдено: навязать противнику новую тактику — ближний бой, сократить расстояние, отделяющее наши боевые порядки от противника до нескольких десятков метров. Вражеская авиация не сумеет нас бомбить, рискуя обрушить удар на свои же траншеи. Тактика ближнего боя придала исключительную устойчивость нашему переднему краю, придала уверенность бойцам.

В нашей армии плечом к плечу сражались русские, украинцы, белорусы, узбеки, татары, таджики... Трудно даже сказать, представителей какой национальности не было в составе ее подразделений. Наших бойцов объединяла и цементировала единая воля Коммунистической партии. Основной силой в Сталинградском сражении были русские бойцы. Они составляли ядро нерушимого советского воинского братства, выдержавшего все испытания у стен Сталинграда. С чувством воинского уважения и гордости на-

ши народы-братья называют русский народ своим великим и старшим братом. В этом признании заключена великая сила дружбы всех советских народов.

Кому не известен знаменитый Дом Павлова? Его обороняли русские, украинцы, грузины, казахи, узбеки, таджики, воины других национальностей. И все они сражались, как подлинные советские патриоты.

Сейчас, когда нас отделяет от этих событий более чем четверть века, я скажу, выражая мнение большинства участников Сталинградской битвы, что именно здесь, у Волги, наш советский воин психологически переродился. Он до конца проникся чувством личной ответственности за судьбу Родины, понял, что дальше отступать некуда. Он начал бить врага малыми силами, остановил его у берегов Волги, а потом и разгромил отборнейшие фашистские войска. Доблесть наших командиров и политработников заключается в том, что они, находясь вместе с солдатами, научили и воодушевили их стоять насмерть. Наши командиры и политработники завоевали безграничное доверие у своих подчиненных, а сами солдаты приобрели небывалую силу и стойкость, о которую сломалась наступательная сила противника.

В разгар самых напряженных и кровопролитных боев штаб 6-й немецкой армии Паулюса располагался в станице Нижне-Чирской. Штаб 62-й армии находился на Мамаевом кургане, а чуть позже — на правом берегу Волги, маневрируя на пространстве глубиной около километра, будучи постоянно в непосредственном соприкосновении с противником.

Буржуазные историки и журналисты, описывая Сталинградскую битву, любят сравнивать Сталинград с Верденом. Я не могу согласиться с этим сравнением по двум причинам. Во-первых, Верден был крепостью с долговременными фортификационными сооружениями, подготовленными для ведения длительной войны. Сталинград был мирным, промышленным городом. В нем не было никаких укреплений, кроме сооружений полевого типа: окопов, траншей и огневых позиций, построенных непосредственно во время боя. Во-вторых, Верден выстоял против кайзеровской армии, за что честь и слава его защитникам. Сталинград не только выстоял, но и перемолол самую сильную группировку гитлеровской армии и вместе с войсками других фронтов участвовал в окружении и уничтожении более чем 330 тысячной немецко-фашистской группировки. За исключением единиц из этого окружения никто не смог вырваться.

Душой обороны Сталинграда были партийные и комсо-

мольские организации. Коммунисты и комсомольцы жили среди бойцов, дышали с ними одним воздухом, вместе ходили в атаки, знали друг друга, как знают люди друг друга в родной семье.

Как ни было трудно, а партийная и комсомольская жизнь не замирала. В короткие передышки между боевыми схватками, которые измерялись зачастую несколькими часами, проводились собрания и беседы. Решения Военного совета доводились до каждого партийца и комсомольца, до командира и бойца. Этим было положено начало боевому взаимодействию всех родов войск, а также достигнуто взаимное доверие командиров, штабов, политорганов и бойцов, основанное на решимости сражаться до последнего вздоха. «Ни шагу назад»,— стало нерушимым законом. Эта неписанная клятва нашла свое отражение в протоколах партийных и комсомольских собраний. Смысл ее очень хорошо выразили комсомольцы одного из наших подразделений в своем протоколе:

«Слушали: о поведении комсомольцев в бою.

Постановили: лучше умереть в окопе, но не уходить с позором с занимаемой позиции. И не только самому не уйти, но и сделать так, чтобы не ушел и сосед.

Вопрос к докладчику... Существуют ли уважительные причины ухода с огневых позиций?

Ответ: Из всех уважительных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть».

Собрание это было проведено в самые тяжелые боевые дни в Сталинграде.

А вот выдержки из обращения бойцов-танкистов 133-й тяжелой танковой бригады: «Дорогие друзья! Родина приказала нам отстоять Сталинград, народ призывает нас жестоко и беспощадно мстить врагу за истоптанную русскую землю, за разрушенные города и села... Герои Царицынской эпопеи призывают нас, невзирая на жертвы и лишения, отстоять Сталинград. Это они, ветераны героической обороны Царицына, пишут нам: «Не отдавайте врагу наш любимый город, любой ценой защищайте город, бейтесь так, чтобы слава о вас гремела в веках», и мы выполним этот наказ...»

Это было воззвание бойцов, идущих в атаку. Такие обращения бойцов и ветеранов, их клятвы не отступать, бить врага до полной победы над ним и воодушевляли наших воинов, удесятеряли их силы.

Восемь фашистских танков атаковали наш «КВ», которым командовал Хасан Ямбеков. Он принял бой и подбил четыре вражеских танка. На помощь гитлеровцам пришло

еще несколько танков, и «КВ» Ямбекова был подожжен термитным снарядом. Вражеские автоматчики окружили его, ожидая, когда советские танкисты откроют люк и вылезут из машины. Но советские воины решили не сдаваться. Они дрались до последнего снаряда и патрона. Когда пламя и дым заполнили боевое отделение, раскалилась сталь и дальше невозможно было терпеть, дежурный радист нашей танковой части поймал в эфире знакомый голос Ямбекова: «Прощайте, товарищи! Не забывайте нас!» В эфире раздались звуки торжественного гимна. Это танкисты пели Интернационал. Их было четверо: Хасан Ямбеков, механик-водитель Андрей Тарабанов, командир орудия Сергей Феденко и радист Василий Мушилов.

Трудно в словах передать то, что было нами пережито в дни Сталинградского сражения, и особенно 14 сентября 1942 года. Это был очень тяжелый день и в то же время день, укрепивший нашу уверенность в победе. Мы отразили мощную атаку немцев, жестоко их побили и заставили бросить на город новые силы. День 14 сентября, а за ним и последующие 5 дней были для нас наиболее тяжелыми за всю Сталинградскую эпопею. Выстояв в этом беспримерном по боевому напряжению сражении, мы поставили противника в такое положение, когда он не знал, что же ему делать дальше. Повторить подобный удар он уже не мог. У немецко-фашистских войск не было прежних сил, они не могли уже обеспечить новый такой удар ни техникой, ни боеприпасами.

Это и был великий перелом.

В. П. Дубянский,

гвардии генерал-майор

Дивизия стояла насмерть

Вторая половина августа 1942 года. Немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону севернее Калача-на-Дону и устремились к Волге. Юго-западнее Сталинграда активизировала боевые действия 4-я немецкая танковая армия генерала Гота.

Командование фронта, стремясь не допустить выхода противника к Сталинграду, использует свои резервы, в том числе и нашу 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора Василия Андреевича Глазкова. Дивизия занимает оборону по р. Червленой на участке: Гавриловка, Андреевка, Ивановка, расположив КП в районе высот 125,3 и 128,2.

18 августа дивизия получает новый приказ — занятую полосу обороны сдать прибывшим частям и сосредоточиться севернее Нового Рогачика, быть готовой к форсированию Дона на участке Вертячий, Песковатка.

Я в то время был заместителем командира дивизии. С группой офицеров штаба выехал на рекогносцировку в район Песковатки, Вертячего. Собрав необходимые данные, доложил, что форсирование Дона при тех средствах, которые имелись на месте, невозможно. Впрочем, этого уже от нас и не требовалось. Дивизия перебрасывалась в район Самофаловки, Котлубани, высоты 118,2 с задачей: занять оборону фронтом на северо-запад и не допустить противника к Сталинграду.

22 августа дивизия, усиленная танковой бригадой, расположилась на новых рубежах. Это был тяжелый для нас день. Авиация противника непрерывно бомбила наши позиции. Вражеская бомба разорвалась у блиндажа, который занимал политотдел, и из строя был выведен почти весь состав наших дивизионных политработников.

23 августа на КП дивизии прибыл заместитель командующего фронтом генерал К. А. Коваленко.

— Вы еще здесь? — удивился он.— Вам ведь было приказано перейти в район Песковатки, Вертячего и не допустить форсирование Дона немецкими войсками.

Как выяснилось, такой приказ был нам передан специально посланным офицером, но тот к нам не добрался.

— Придется поправлять положение,— сказал Коваленко, и приказал нам немедленно сниматься с места и выйти в район Малой Россошки, заняв оборону фронтом на север.

Оставив в окопах наблюдателей и небольшие заслоны, дивизия основными силами стала выходить в указанные районы. Это было совсем не просто. Противник наседал. Сильный бой разгорелся южнее Самофаловки. В этом бою был убит командир учебного батальона Байбаков и ранен в руку командир пулеметной роты, испанец Рубен Руис Ибаррури, сын пламенной Долорес. Он отказался идти в медсанбат, заявив: «Пока работает одна рука и голова на плечах, я с поля боя не уйду и буду бить злейших моих врагов — фашистов».

100-й и 102-й полки развернутым фронтом врезались в колонну частей 14-го немецкого танкового корпуса и разгромили ее. Значительные силы вражеского корпуса были остановлены, отрезаны от 6-й армии и не смогли выполнить поставленную задачу: выйти к Волге и захватить северную часть Сталинграда.

В течение десяти дней, с 23 августа по 2 сентября, велись ожесточенные бои по уничтожению группировки противника. И только помощь извне 51-го армейского корпуса немцев позволила остаткам их 14-го танкового корпуса выйти из-под удара наших войск.

За эти дни мы уничтожили около трех тысяч фашистских солдат и офицеров и до 300 боевых и транспортных машин противника.

Рассказывая об этих боях, мне снова хочется вернуться к Рубену Руису Ибаррури. Обстановка сложилась так, что главная тяжесть удара танков и мотопехоты противника легла на плечи его пулеметной роты. Раненный, он продолжал руководить боем и остановил врага. 24 августа бои возобновились с новой силой. Горели хутора Власовка, Самофаловка, станция Котлубань. Отлучившегося комбата заменил Рубен. При отражении шестой атаки его снова, на этот раз смертельно ранило. Все мы глубоко переживали тяжелую утрату любимого товарища, отважного воина и поклялись отомстить ненавистному врагу.

Ожесточенность боев все нарастала. В начале сентября наша 35-я гвардейская дивизия отбивала яростные атаки

фашистских войск в районе станций Воропоново, Садовая и поселка Верхняя Ельшанка. Командный пункт дивизии находился на высоте 149,0. Отсюда можно было наблюдать развертывание вражеских танков и сосредоточение мотопехоты западнее Воропоново.

Командир дивизии генерал В. А. Глазков решил занять оборону 100-м полком на рубеже высот 149,0 — Верхняя Ельшанка, оседлать железную дорогу и шоссе; 101-м полком занять МТФ, западную опушку леса, 102-м полком — южную часть садов и высоту 137,7. Наш передовой отряд, усиленный ротой танков и ротой бронебойщиков, дружно встретил вражеские танки, появившиеся южнее железнодорожного полотна. Противник потерял тринадцать машин. Остальные под сильным огнем стали отходить.

Фашистская пехота залегла по насыпи железной дороги. В это время в воздухе появились «юнкерсы», которые начали пикировать на высоту 147,8, поселок и ст. Воропоново, где оборонялся передовой отряд. Наши воины не дрогнули. В ночь на 4 сентября отряд присоединился к своему полку, блестяще выполнив свою задачу.

Утро 4 сентября началось воздушной атакой: противник бомбил расположения частей и подразделений нашей стрелковой дивизии. После воздушной атаки открыли огонь его артиллерия и минометы.

При поддержке танков на нашу оборону в плотных порядках двинулась вражеская пехота.

В течение пяти суток, не смыкая глаз, с галеткой в кармане, с несколькими глотками воды во фляжке сражались наши гвардейцы. В этих боях, как и в боях в районе Самофаловки, Малой и Большой Россошек, проявили отвагу и героизм все бойцы дивизии.

Хочу отметить исключительное мужество воинов-бронебойщиков 101-го полка. До двадцати пяти танков атаковали высоту 149,0, стремясь прорваться между железнодорожным полотном и Верхней Ельшанкой. А в нашей роте осталась только треть бронебойщиков во главе с двадцатичетырехлетним Иннокентием Герасимовым. В этом бою рота уничтожила 19 танков противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР Иннокентию Петровичу Герасимову было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Наступило 8 сентября. За пять суток непрерывных боев наши полки понесли серьезные потери. А противник все наседал.

Командир левофлангового полка донес, что наблюдает движение пехоты в направлении пос. Купоросного. Как выяснилось, это отходили остатки 36-й стрелковой дивизии

64-й армии. Чтобы сократить и тем самым уплотнить фронт нашей обороны, необходимо было заблаговременно выйти из боя и отойти на новый рубеж. Мы доложили командующему 62-й армией и попросили его поддержать наш отход артиллерией, минометами, «катюшами» и, если можно, авиацией. Отход был намечен на 15.00 8 сентября. Командарм согласился и просьбу о поддержке удовлетворил.

Около 13 часов в воздухе появилась девятка наших «илов» и начала штурмовать реактивными снарядами артиллерийские позиции и скопления танков противника. А вслед за ними ударили «катюши», артиллерийские батареи.

Наши части начали быстро отходить на подготовленные позиции. Противник заметил это и ввел для преследования уцелевшие резервы и приведенные в порядок подразделения. Однако организованного наступления у него не получилось.

Наш НП находился в двухстах метрах от каменного домика, где я и комиссар дивизии Е. А. Лисичкин наблюдали за ходом боя у ст. Садовая. Командир дивизии генерал-майор В. А. Глазков с вечера 7 сентября находился в 101-м стрелковом полку и при его отходе был ранен осколком мины. Бойцы доставили комдива на КП, который то и дело подвергался бомбежке. Нужно было менять КП, но без санкции штаба армии сделать это мы не могли. Связи технической не было. Офицеры, посланные в штаб армии, не возвратились. Отстреливаясь, отходили последние группы 101-го полка.

Штаб дивизии охраняли бойцы комендантского взвода, санвзвода, роты связи, всего человек десять, оставшихся в живых после налета авиации. Немцы были в двухстах метрах. В окопах лежали раненые и убитые; адъютант комдива младший лейтенант Д. Карасев и комендант штаба сержант В. Хонский заряжали автоматы. Все остро переживали создавшееся безвыходное положение. И особенно тяжело нам было от сознания потери своего комдива.

Генерал Василий Андреевич Глазков управлял войсками до последнего вздоха. Он был несколько раз ранен, но не покидал передовую. Последнее ранение оказалось смертельным.

В Волгоградском музее обороны хранится фронтовая шинель генерала. На ней более 160 пулевых и осколочных пробоин.

Героически погиб в этом бою и начальник политотдела дивизии И. Д. Полянский.

Медлить было нельзя, немцы уже начали нас обходить. В окопе оставался лежать только тяжело раненный лейтенант Иванов, командир взвода роты связи. Он держал в руке наган и торопил нас: «Уходите... Я все равно не жилец... Себя дешево не отдам и выполню свой долг перед Родиной до конца». Но как мы могли его оставить? Отходившая группа воинов 101-го полка вынесла Иванова из боя и доставила на медпункт.

Наступали сумерки. Немцы, захватив Верхнюю Ельшанку, высоту 137,7, Новую Песчанку, дальше двигаться не решились.

Наши части, не теряя наблюдения за противником, вышли на городской оборонительный обвод и стали приводить себя в порядок. Ночь на 9 сентября прошла относительно спокойно. Но можно ли было быть спокойным, если до Волги оставалось 3—4 километра?

За шесть дней боев, с 3 по 6 сентября, ряды дивизии сильно поредели. Потери составили около 20 процентов. После гибели генерала Глазкова я вступил в командование дивизией.

К исходу дня 9 сентября, отдохнув, пополнив боезапас, бойцы дивизии были готовы к новым сражениям, поклявшись не пустить врага к Волге.

В течение 9 и 10 сентября мы вели активную разведку. Было установлено, что западнее Садовой действуют части 94-й пехотной дивизии, южнее пригорода Минина — 14-я танковая дивизия, против Купоросного — ремзавода — 29-я моторизованная дивизия противника. И с этими силами нам предстояло сражаться. А наша дивизия насчитывала не более 5 тысяч воинов. Нам были приданы подразделения ПТР 20-й бригады, 16 танков. Поддерживали нас два полка «катюш» и 85-й гаубичный артполк. Это было немалой помощью. И все же противник превосходил нас почти в 10 раз.

Мы это хорошо понимали и были полны решимости остановить врага. Большую работу провели наши политработники, партийные и комсомольские организации, разъясняя создавшуюся обстановку, мобилизуя личный состав частей и подразделений на отпор гитлеровцам.

12 сентября в командование 62-й армией вступил генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Командный пункт штаба армии располагался на Мамаевом кургане. Наша дивизия занимала оборону на левом фланге 62-й армии и имела задачу: не допустить противника к Волге с запада. Глубина обороны не превышала трех километров и ограничивалась берегом Волги.

13 сентября Василий Иванович вызвал меня по рации.

— Здравствуйте! — сказал он.— Вы тот самый Дубянский, с которым я встречался в Белорусском округе?

— Так точно, товарищ генерал.

— Отвечаю на вашу просьбу: резервов у меня нет. Пополнения не будет. Когда получу — подброшу. А сейчас — стоять насмерть! Все.

Несколько позднее осколки бомбы угодили в радиостанцию, и дивизия лишилась единственного средства управления.

14 сентября 62-я армия предприняла контрудар. Мы должны были нарушить боевой порядок первых эшелонов противника. Ворвавшись в расположение спящих немцев и уничтожив много гитлеровцев, наши бойцы быстро отошли. Свою задачу мы выполнили. Гитлеровское командование не жалело своих солдат и громадные потери непрестанно возмещало новыми подразделениями. Немцы, часто пьяные, лезли напролом, под губительный огонь, считая, что участь Сталинграда уже решена и они пойдут на обещанный Гитлером отдых. И уходили на другой покой — вечный.

С утра 15 сентября в наступление против нашей дивизии перешли 94-я пехотная и 24-я танковая дивизии. Их атаке предшествовали авиационный удар и артиллерийский налет. Этот день и последующие были для нас очень тяжелыми, особенно после того, как гитлеровцы ввели в бой на нашем левом фланге свою 29-ю моторизованную дивизию. У Купоросного немцы вышли к Волге, и, таким образом, мы лишились локтевой связи с 64-й армией.

Особенно ожесточенное сражение разгорелось за элеватор. Это массивное здание обороняла рота в 45 человек. Она приковала к себе вражеский батальон, усиленный танками.

16 и 17 сентября бои шли с нарастающим напряжением. Каждый свой шаг, каждый метр захваченной земли враг оплачивал сотнями убитых, продвигаясь по 200—350 метров в сутки.

Под натиском трех дивизий мы оставили Ельшанку, пригород Минина, элеватор, консервный завод и остановили наступление врага на фронте ДСПО — водокачка — вокзал Сталинград-II. В эти критические дни мы получили замечательное пополнение — батальон морской пехоты.

Последним рубежом ожесточеннейшей борьбы была р. Царица. Противник бросил все свои силы, чтобы овладеть ее левым берегом, но не достиг цели. Наши гвардейцы не допустили фашистов к реке и к мосту через нее.

25 сентября нас сменила морская бригада. Ночью, на самодельных плотах, мы переправились через Волгу на переформирование.

А вскоре мы снова были в бою. Теперь уже гнали гитлеровцев на запад. Гвардейцы 35-й сражались по-сталинградски, одними из первых ворвались в Берлин и штурмом взяли здание имперской канцелярии. Овеянное славой знамя дивизии, украсили шесть боевых орденов.

Ф. Н. Смехотворов,

генерал-майор

Враг к Волге не прошел

Конец сентября 1942 года. Я, командир 193-й стрелковой дивизии, и мой заместитель по политической части П. И. Нечаев провожаем с левого берега Волги передовые части в бой. Перед нами воспетая в песнях великая русская река, за ее широким плесом — горящий Сталинград.

Первым начал переправу 685-й стрелковый полк подполковника Е. И. Дрогайцева. Он спешил на помощь 13-й гвардейской стрелковой дивизии, сражавшейся с численно превосходящими силами противника в центральной части города.

В течение 24—29 сентября 685-й полк во взаимодействии с гвардейцами генерала А. И. Родимцева овладел нефтебазой, мельницей, очистил от врага площадь 9 Января (ныне площадь В. И. Ленина), участвовал в ликвидации прорыва противника к Волге по р. Царице.

За пять дней ожесточенных боев полк уничтожил около тысячи вражеских солдат и офицеров. Особенно отличились воины 9-й стрелковой роты, которой командовал старший лейтенант И. А. Авдеенко. Они отразили шесть яростных атак, истребив при этом до 300 гитлеровцев.

За оказанную помощь 13-й гвардейской дивизии генерал А. И. Родимцев объявил воинам 685-го стрелкового полка благодарность, назвав их боевые действия гвардейскими.

К сожалению, об участии этого полка в боях в центре Сталинграда нигде не упоминалось. В какой-то мере я восполню этот пробел в летописи великой битвы. Хочется особо отметить командира 685-го стрелкового полка Е. И. Дрогайцева, его заместителя по политической части батальонного комиссара Я. А. Лебедева, заместителя по строевой капитана Мартынова, которые умелым руководством и личным примером обеспечили успешное выполнение боевой задачи.

Главные силы дивизии (883-й, 895-й стрелковые полки, 384-й артиллерийский полк и другие части) переправились на правый берег Волги в ночь на 28 сентября и к исходу дня вышли на западную окраину поселка завода «Красный Октябрь». Встретив яростные контратаки гитлеровцев, мы перешли по приказу командующего 62-й армией генерала В. И. Чуйкова к обороне с задачей не допустить немецко-фашистских захватчиков к Волге.

Взаимодействуя с другими соединениями 62-й армии (308, 284, 39, 45-я стрелковые дивизии), наша дивизия в течение многих дней и ночей отбивала ожесточенные атаки противника. Все попытки врага прорваться к Волге на участке обороны дивизии разбивались о железную стойкость ее бойцов и командиров.

В боях в районе завода «Красный Октябрь» бессмертный подвиг совершил морской пехотинец, воин 883-го стрелкового полка Михаил Паникаха. В поединке с танком вражеская пуля разбила в руках моряка бутылку с горючей жидкостью. Пламя охватило героя. Можно было сбросить одежду, сбить огонь, но Михаил Паникаха схватил вторую бутылку и, объятый пламенем, бросился на фашистский танк. Вспышка огня и дыма поглотила бесстрашного моряка. Гитлеровцы, потеряв головную машину, отступили.

Лейтенант Григорий Авакян командовал противотанковой батареей. Артиллеристы вступили в бой с десятью фашистскими танками, пытавшимися прорваться через железнодорожный переезд к заводу и выйти к Волге.

Неравный бой продолжался несколько часов. Танковые атаки следовали одна за другой. Уже дымился восьмой танк, а враг все рвался вперед. В батарее Авакяна осталось лишь одно орудие и два человека — он и боец Абрикосов. Вскоре Абрикосов был тяжело ранен. Встав к орудию, коммунист Авакян продолжал вести огонь по фашистским танкам. Он подбил два последних из десяти танков и пал смертью храбрых.

Непоколебимую стойкость проявили бойцы 895-го стрелкового полка и 184-го пулеметного батальона в боях у фабрики-кухни. Пулеметчики Виктор Карташов, Виталий Бутаков, Аркадий Мишин, Борис Кузнецов, Сергей Кобелев, Михаил Петухов и другие, окруженные со всех сторон фашистами, в течение пяти суток без пищи и воды самоотверженно сражались с врагом. Они нанесли захватчикам большие потери, отстояв обороняемый объект.

Человеком большой личной отваги был комаидир 895-го полка майор Григорий Дмитриевич Ворожейкин. Одним из первых переправившись на правый берег Волги, он ре-

шительно повел своих бойцов в наступление. 7 октября вражеской миной был разбит наблюдательный пункт майора. Извлеченный из-под обломков, Ворожейкин продолжал командовать полком. Отважный защитник Сталинграда погиб 19 октября от прямого попадания мины.

Командир 685-го стрелкового полка подполковник Е. И. Дрогайцев, его заместители Я. А. Лебедев и В. А. Красиков, начальник штаба К. И. Коршунов с группой бойцов и командиров в течение суток вели сражение с пятнадцатью фашистскими танками, блокировавшими командный пункт, находившийся в развалинах школы № 35. Вместе с подкреплением, подоспевшим из резерва дивизии, советские воины отбили все атаки немецких танков, ликвидировав блокаду КП полка.

Хочется доброе слово сказать в адрес наших политических работников. В те суровые дни офицеры политотдела дивизии, начальником которого был майор Г. П. Овчаренко, не только проводили большую воспитательную работу среди личного состава, постоянно находясь в частях и подразделениях, но и сами мужественно сражались с врагом.

Заместитель командира дивизии по политической части полковник П. И. Нечаев отличился в рукопашной схватке с гитлеровцами еще под Воронежем. Он тогда заколол трех фашистов и получил тяжелое ранение в предплечье.

В сталинградских боях Нечаев всегда находился среди солдат и командиров, пламенным словом и личным примером воодушевлял их на подвиги.

Помню, возникла угроза прорыва немецких танков в овраг Банный, на стыке с соседней 284-й дивизией подполковника Н. Ф. Батюка. Мы вместе с Павлом Ильичом Нечаевым организовали действенную помощь 883-му стрелковому полку. Танки в овраг Банный не прошли.

Дружная, согласованная работа командира дивизии и политического руководителя всегда помогала нам обеспечить успех боя, добиться победы.

За время двухмесячных боев в городе огнем артиллерии, минометов, стрелкового оружия части и подразделения дивизии уничтожили до 20 тысяч солдат и офицеров противника, истребили большое количество вражеской боевой техники, в том числе не менее 100 танков. Дивизия ни на одном участке своей обороны не допустила фашистских захватчиков к Волге.

За отличные боевые действия, массовый героизм воинов 193-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

И. И. Людников,

Герой Советского Союза,
генерал-полковник

Остров мужества

До сих пор охватывает волнение, когда вспоминаю бои на дальних и ближних подступах к Сталинграду и у самых стен города. Пятьдесят дней боев между Доном и Волгой богаты примерами гибкой тактики наших войск, продиктованной специфическими условиями театра военных действий и непрерывно менявшейся обстановки.

В эти дни личный состав дивизии проявил небывалое. Газета «Красная звезда» 4 сентября 1942 года в передовой статье писала: «Там, где создана несокрушимая оборона, где защитники боевого рубежа полны решимости умереть, но не пропустить врага,— никакое преимущество в танках, никакое воздействие с воздуха не помогает немцам. В боях за Сталинград многие части Красной Армии проявляют выдающийся героизм и стойкость. Примером могут служить гвардейская дивизия, которой командует генерал-майор Глазков, и стрелковая дивизия под командованием полковника Людникова. Упорно защищая подступы к Сталинграду, мужественные воины этих дивизий беспощадно уничтожают немцев и уничтожают их технику».

К исходу 5 октября начальник штаба 64-й армии полковник И. А. Ласкин вручил мне распоряжение штаба фронта: 138-я стрелковая дивизия переходит в резерв фронта, переправляется на левый берег Волги и располагается в лесах восточнее заводской части Сталинграда.

Собрав командиров и комиссаров частей, я доложил обстановку в городе. А она в это время была там чрезвычайно тяжелая. Вся глубина обороны 62-й армии простреливалась артиллерией, минометами и пулеметами. Передвижение даже мелкими подразделениями было возможно лишь вдоль берега Волги и только ночью.

Но несмотря ни на что соединения и части 62-й армии продолжали упорно обороняться и в ожесточенных уличных боях уничтожать живую силу и технику врага.

Захватив тракторный завод и прилегающий к нему район, гитлеровцы направили основные усилия на то, чтобы развить наступление вдоль Волги на юг и ударом по флангу 62-й армии разгромить ее основные силы и овладеть городом.

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко вызвал меня к себе и сообщил, что дивизии предстоит переправиться в город, на помощь сражающимся.

— Вы должны сразу же понять,— сказал он,— что противник в Сталинграде сосредоточил большие силы и, не считаясь с огромными потерями, стремится сбросить нас в Волгу. Но наши доблестные воины героически сражаются за каждый метр родной земли. Вашей дивизии надо драться так, чтобы не сдать город.

— Задача понятна, товарищ генерал-полковник!

Начальник штаба 62-й армии Н. Т. Крылов пригласил меня познакомиться с обстановкой в полосе армии. Тут же мне был вручен приказ. В одном из его пунктов говорилось: «138-й Краснознаменной стрелковой дивизии к 4.00 17.10-42 г. занять и прочно оборонять рубеж: южная окраина Деревенск, Скульптурный (кварталы и парк в поселке завода «Баррикады» — **И. Л.**), не допустить выхода противника в район проспекта Ленина и завода «Баррикады».

650-му стрелковому полку Печенюка занять территорию завода «Баррикады», создать в нем сеть опорных пунктов и не допускать проникновения противника на завод».

Тут же генерал Крылов объяснил, как осуществить взаимодействие с дивизиями, действующими в этом районе, и организовать связь.

Помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии Владимир Коваленко встретил меня и доложил, что подполковник Шуба — начальник штаба — налаживает управление. Связь с полком Печенюка установлена.

Полк Печенюка сутки находился в бою. Я спросил его по телефону, как идут дела?

— Жарко тут,— между разрывами снарядов и мин слышу голос Печенюка.— Деремся, как на 74-м разъезде.

Этого мне было достаточно, чтобы понять, что полк дерется хорошо. У железнодорожного разъезда 74-й километр, между Котельниково и Сталинградом, 650-й полк показал образец стойкости. Командир полка подробно доложил обстановку и коротко высказал свои предположения о том, как могут развиваться события на его участке.

Дивизия завершила переправу через Волгу к часу ночи 17 октября. Едва рассвело, вражеская авиация начала бом-

бить наши боевые порядки, включая огневые позиции артиллеристов за Волгой, орудия открыли огонь на всю глубину обороны, а также и остров Зайцевский. Противник перешел в наступление, нанося главный удар на завод «Баррикады» со стороны тракторного завода 305-й пехотной и 14-й танковой дивизиями, а с запада — через Верхний поселок завода «Баррикады» — 94-й пехотной дивизией. В начавшемся сражении полки Г. М. Гуняги и Ф. И. Печенюка успешно отражали сильные атаки пехоты и танков.

К 13 часам 30 мин. противник, не добившись успеха, ввел новые силы. Полк пехоты, поддержанный 12 танками, повел наступление вдоль берега Волги на правый фланг полка Гуняги, а до полка пехоты с 14 танками атаковали полк Печенюка. Вдоль железной дороги со стороны тракторного завода вражеские танки ворвались в боевые порядки полка, пытаясь овладеть заводом.

Обстановка резко ухудшилась. Созрело решение нанести ответный удар по атакующему противнику. Выполнить эту задачу поручили полку Д. А. Реутского. Контратаку должен был начать лучший в полку батальон капитана И. Немкова. Противник, обнаружив наши намерения контратаковать его, перед самой атакой совершил сильный артиллерийский огневой налет. Над полем боя появились самолеты-пикировщики Ю-87. Связь с батальоном Немкова оборвалась. Несколько снарядов разорвалось в районе наблюдательного пункта Реутского. Это произошло за две-три минуты до того, как был подан сигнал в атаку.

Полковник Реутский взял в руки автомат.

— Идем к Немкову, — сказал он адъютанту.

Снаряд разорвался у наблюдательного пункта, мелкими осколками снаряда Реутский был ранен в лицо. Только необычайная сила воли позволила ему, раненому и контуженному, подняться на ноги. Он ничего не видел. В ушах стоял пронзительный звон. Адъютант вложил в руку командира полка телефонную трубку и тот понял, что связь с батальоном Немкова восстановлена.

— Слушай меня, Немков! — хрипло пробасил Реутский.— Передаю приказ «Первого» и мой приказ: поднимай батальон в атаку, наступай на северо-восточный угол завода «Баррикады». Вперед, Немков! — Трубка выпала из рук полковника, а сам он повалился на землю.

Хорошо организованный подполковником Тычинским артиллерийский огонь и огонь «катюш» поддержал контратаку. Полк остановил противника, а потом и отбросил его. Враг несколько раз сосредоточивал массированный огонь, пытался остановить контратаку полка, но это ему не уда-

валось. Батальон капитана Немкова, проявив мужество и отвагу, задачу выполнил с честью. Дивизия удержала занимаемые позиции, выдержала экзамен стойкости в городском сражении.

Врач с перевязочного пункта доложил, что Реутский ранен тяжело, по всем признакам он будет полностью слеп. Двадцать лет спустя я прочел в «Литературной газете» очерк о человеке, который остался в строю наперекор тяжкому недугу. Газета рассказала о подвиге героя Сталинградской битвы, который стал одним из лучших пропагандистов Киева, о слепом полковнике в отставке Д. А. Реутском...

Выйдя к Сталинграду и прорвавшись севернее города к Волге, противник считал, что советские войска уже на грани истощения и что давно ожидаемая победа близка.

Однако, несмотря на огромное превосходство в силах и средствах, врагу не удалось сломить сопротивление защитников города. О крепость на Волге, фортами и бастионами которой были прежде всего мужество и героизм советских людей, их непреклонная воля к победе, и разбилась лавина огня и стали, обрушенная на город гитлеровцами.

В Сталинградской битве в основу был положен метод активной обороны. По наступающему на город врагу наносились удары не только по фронту, но и с флангов, что вынуждало его отвлекать туда часть сил.

Тактика ближнего боя в городе имела ту особенность сражения, что мы до минимума сокращали «ничейную землю». Близость к противнику затрудняла или делала невозможным артиллерийский и минометный огонь по нашему переднему краю, т. к. он мог поразить войска врага. Совершенно исключались авиационные бомбежки.

Командиры полков детально готовили свои полковые участки к обороне, памятуя, что ее живучесть в городе обеспечивается не количеством огневых средств, а хорошей системой огня и сильными резервами, расположенными в разных местах. Эти резервы в батальонах и ротах составляли около трети всех сил.

Каждое большое здание или группа малых строений превращались в опорные пункты. Численность гарнизона такого опорного пункта была не одинакова. Например, одно пятиэтажное здание занимал батальон, и оно являлось батальонным узлом сопротивления. В то же время другой батальон занимал несколько зданий, гарнизоны некоторых из них состояли всего из 4—5 человек.

Ротные опорные пункты строились так, чтобы можно было вести бой в окружении. Комендантов опорных пунктов

командиры полков назначали своим приказом. Даже там, где гарнизон дома составлял 4—3 человека, один из них являлся комендантом и полностью отвечал за обороняемый объект. Каждый гарнизон имел необходимый запас боеприпасов и продовольствия.

Была организована разветвленная сеть наблюдательных пунктов командиров полков и командиров батальонов. Причем наблюдательные пункты у артиллеристов и минометчиков были совместно с командирами батальонов и рот. Все это позволяло оперативно руководить боем, наиболее эффективно использовать огневые средства.

Немцы сначала рассматривали бой на участке только как уличный. Они считали, что после сильного артиллерийского и авиационного воздействия на здания, в которых находились обороняющиеся, им удастся перенести бой на улицы и площади и оттеснить наши части к Волге. Однако стойкость обороны превзошла все ожидания. Во время артиллерийской и авиационной подготовки, длившейся по нескольку часов подряд, наши бойцы укрывались в подвалах зданий или же сосредоточивались в ближней к противнику траншее, и были неуязвимы. Как ни разрушался дом, его гарнизон продолжал упорно оборонять его.

Там же, где врагу удавалось потеснить или уничтожить какой-нибудь гарнизон, сразу вводились в бой резервы, которые контратаковали противника и восстанавливали положение.

После того, как немецко-фашистское командование убедилось, что дивизию не сбросить в Волгу и не овладеть землей, ею занимаемой, начался следующий этап борьбы— подземная война и гранатный бой. Позиции обеих сторон сошлись почти вплотную. Немецкие солдаты боялись высунуть голову из укрытия, чтобы не сразила пуля нашего снайпера или отличного стрелка. Враг начал подкапываться под дома, стремясь проникнуть в них или взорвать.

Мы поняли, какое значение имеют для боя в городе подземные коммуникации. Командиры полков раздобыли план их расположения. Это позволило устраивать засады, высылать штурмовые группы и разведчиков в расположение противника. Борьба в городе приняла для врага еще более острый и затяжной характер и становилась бесперспективной.

Зажатые с трех сторон его войсками, мы продолжали стойко оборонять занятый рубеж у Волги, который и получил название «острова».

Чтобы читатель мог представить, насколько напряже-

ными были бои, приведу для наглядности несколько примеров.

Так, 11 ноября в 6.00 после сильной тридцатиминутной артиллерийской подготовки противник, силою до трех пехотных полков и двух саперных батальонов, перешел в наступление по всему фронту дивизии. С севера и северо-запада на правый фланг и центр дивизии наступали: 544-й и 546-й пехотные полки и 45-й отдельный саперный батальон. На левый фланг дивизии наступали 577-й пехотный полк и 336-й саперный батальон.

По данным пленных, было установлено, что в течение 5—10 ноября из Миллерово на автомашинах перебросили на наш участок 45-й саперный батальон, а из Магдебурга самолетами — 336-й саперный батальон. Каждый из этих батальонов имел до 400 человек.

В упорных и ожесточенных боях части дивизии к 10.30 отбили все атаки противника, нанесли ему большие потери и удерживали свои рубежи. Затем противник ввел свежие силы — 50-й отдельный саперный батальон. Смяв малочисленные остатки левофлангового батальона 118-го гвардейского стрелкового полка, враг вышел к Волге. 118-й гвардейский полк, будучи в полуокружении, продолжал отражать атаки. Лишь к исходу дня, когда личный состав полка был полностью выведен из строя (осталось 7 человек с тяжелораненым командиром), враг смог овладеть его рубежом и вышел к Волге.

Полк Гуняги также отбивал многочисленные атаки, но к середине дня противник обошел его правый фланг и группами просочился в тыл. Силами офицеров штаба дивизии и роты охраны продвижение было остановлено, а прорвавшуюся группу уничтожили. Но спустя некоторое время гитлеровцы предприняли следующую, пятую по счету атаку, и им удалось смять некоторые подразделения и приблизиться к Волге. Оставшиеся в строю 24 человека, включая минометчиков, продолжали оборонять группу домов.

Стрелки полка Коноваленко с 6 часов утра сдерживали натиск противника, действовавшего из цехов завода «Баррикады». Бой длился до 16 часов. Но все атаки его были отбиты, а просочившиеся группы автоматчиков истреблены.

До полка пехоты врага, поддержанные десятью танками, ринулись на остатки полка Печенюка и соседей слева. Потеряв убитыми до 400 человек и четыре танка, гитлеровцы потеснили соседей и также вышли к Волге.

Мы были отсечены от главных сил 62-й армии. Этим и определилось наше окружение. За день боя взяли в плен

9 гитлеровцев, огнем и контратаками уничтожили более 850 вражеских солдат и офицеров.

Дивизия к этому времени почти полностью израсходовала свои боеприпасы. В течение пяти суток ожесточенных боев использовались боеприпасы и оружие, захваченные у противника. После разгрома 336-го саперного батальона, прибывшего из Магдебурга и сразу вступившего в бой, в дивизии появилось большое количество четырнадцатизарядных браунингов и большое количество патронов к ним. Ими и вооружились многие бойцы и офицеры.

С утра 13 ноября до 1600 пьяных гитлеровцев ринулись в новое наступление. Одиннадцать часов шел непрерывный бой. Враг не добился никаких результатов и вынужден был отойти, оставив на поле боя до 1000 трупов.

При наивысшем напряжении боя до 70 вражеских автоматчиков прорвались в район командного пункта дивизии, но горсткой храбрецов, состоящей из 18—20 человек, они были уничтожены.

Так и держались воины нашей 138-й стрелковой дивизии до самого окончания Сталинградской битвы. За стойкость и мужество дивизии было присвоено почетное звание гвардейской.

В. А. Греков,

генерал-полковник

Стражи мечетинского бастиона

Автобусы с группой фронтовиков-сталинградцев возвращались с гидростанции через Спартановку. Впервые после окончания боев на Волге ветераны из многих краев страны в августе 1963 года повстречались в Волгограде. В составе 124-й стрелковой бригады они бессменно сражались против 16-й танковой и 94-й пехотной дивизий армии Паулюса. Я в те огненные дни был комиссаром 124-й отдельной стрелковой бригады.

Только поравнялись со школой № 61 по улице Менжинского, смотрим, передний автобус съехал на левую сторону дороги. Два человека еще до остановки перемахнули через кювет, бегом преодолели короткий подъем, разом опустились на колени над люком смотрового колодца водопровода, о чем-то возбужденно заговорили. Из колодца показался удивленный и, кажется, рассерженный рабочий водопровода. Но те двое, ничего не замечая, обменивались жаркими восклицаниями. Все сорок два пассажира автобусов подались туда же, стараясь понять, что происходит. Подошли любопытные из ближайших домов. К колодцу не протиснуться. Оттуда пошло, как по цепи:

— Комбинезон... у кого есть комбинезон... спросите у шоферов.

Молоденькие водители военных автобусов мигом помчались к машинам и через коридор в скоплении людей доставили комбинезоны. Первым в колодец опустился Александр Демьянов, один из лучших разведчиков батальона Вадима Ткаленко, оборонявшего поселок Рынок. Затем через люк опустился командир артиллерийской батареи Николай Баринов. Рабочий водопровода перестал возмущаться внезапным самоуправством. Он был увлечен загадочным поведением пожилых людей, мало похожих на случайных туристов.

Из колодца послышалось:

— Есть... сохранилось... Записывайте: «22.10—29.11.42 г. НП ст. л-та Баринова. Гороховцы. Капитан Рештаненко И. Я., Константинов, Терещенко...» (Дальше неразборчиво).

Надписи на железобетонных балках смотрового колодца водопровода по улице Менжинского в Спартановке, напротив дома № 98, были оставлены в память о трехмесячной обороне частей полковника С. Ф. Горохова в поселках Рынок и Спартановка, устоявших против натиска двух гитлеровских дивизий.

Когда делались эти надписи, истекло ровно три месяца участия бригады в Сталинградской битве. 29 августа 1942 года подоспевшая из резерва Ставки, еще не обстрелянная, 124-я стрелковая бригада в первом же бою вышибла гитлеровских танкистов из поселка Рынок. К 29 ноября, соединившись с войсками Донского фронта, части С. Ф. Горохова полностью очистили захваченную врагом юго-западную часть Спартановки. Без пополнений, без вывода на отдых бригада перешла к наступательным действиям и ознаменовала первую годовщину своего существования участием в окончательном разгроме армии Паулюса.

Обычно уравновешенный, внешне чуточку медлительный, Николай Дмитриевич Баринов поднялся на поверхность заметно растревоженным. В памяти теснилось многое из пережитого за полтораста суток. Колодец служил укрытием для командира батареи и разведчиков, связистов ее взвода управления. Наблюдательный пункт со стереотрубой был оборудован вблизи стрелковых позиций батальона Саши Графчикова, там, где теперь возведена школа № 61. Удивительно живучими стрелковыми ротами командовали не знавшие робости, умевшие постоять за себя, верные друзья-товарищи Леонид Тимонин, Федор Илларионов, Василий Зюков. Их передовые траншеи проходили по улице Чукотской, между балками Сухая Мечетка и Забазная.

Командный пункт Саши Графчикова в труднейшую пору боев за тракторный располагался тоже по улице Менжинского, в бетонированной трубе балки Забазной, под той дорогой, по которой теперь едут экскурсанты на ГЭС. От кладбища на скате Сухой Мечетки в Рынке, по улице Чукотской и далее, к пяти ямам заброшенного карьера в Спартановке, пролегла наиболее удаленная от Волги линия обороны частей группы С. Ф. Горохова. Батальон Графчикова, наблюдательный пункт батареи Баринова находились в самом центре окруженного гитлеровцами очага обороны на обнаженном правом фланге Сталинградского фронта. Справа и впереди — 14-й танковый корпус, слева,

на тракторном,— 94-я пехотная дивизия гитлеровцев, сзади — Волга. Пять ям долго упоминались в донесениях Горохова штабу армии В. И. Чуйкова. За них батальон Графчикова вел борьбу невиданной ожесточенности. Обычно наш перевес в бесчисленных схватках достигался с помощью минометчиков комбата Николая Калошина, превративших те ямы в могилы для гитлеровской пехоты. Атакующие фашистские танки всякий раз напарывались на губительный огонь ПТО и противотанковых ружей дивизиона Александра Карташова. Артиллеристы Баринова брали на себя прежде всего подавление артиллерийских и минометных батарей врага.

От пяти ям до тракторного линия фронта глубоко врезалась в наше расположение. Противник временами прорывался до теперешнего кинотеатра «Комсомолец» и до не существующей ныне двухэтажной школы, всего в двухстах метрах от берега Волги.

Постепенно фронт борьбы устоялся по улице Менжинского, от театра «Комсомолец» до бетонного моста через Мокрую Мечетку. На этом участке сражались до крайности поредевшие роты батальонов Константина Нароенко, Ивана Доценко. А за Мокрой Мечеткой, на мыске, ниже бывшего тракторозаводского кирпичного завода, каким-то чудом удерживался такой же малолюдный батальон Лазарева из бригады покойного В. А. Болвинова.

Для собравшихся в Волгограде ветеранов группы Горохова происходившее здесь два десятилетия назад стало незабываемой частицей их жизненного пути. Все задумчиво притихли у обрыва балки Забазной, слушая взволнованные пояснения начальника штаба батальона Графчикова, непоседливого, порывистого Ивана Николаевича Чернова. Верно сказано: большое видится на расстоянии. И нам никак не оторваться от дум о клокотавшем огнем островке Великой битвы, о затихшем среди садиков былом поле сражений между четырьмя великанами: Волгой, ГЭС, алюминиевым и тракторным заводами.

Артиллеристы одной батареи

В октябре для наблюдательного пункта мы облюбовали единственное в Спартановке двухэтажное здание школы. Стереотрубу приспособили на крыше, в оставленной зенитчиками будочке поста ВНОС. До поры до времени получалось неплохо: своя оборона, как на ладони, правда,

противник овладел господствующими высотами, к нему не заглянешь. Однако с наступленнем сумерек по вспышкам его стреляющих батарей вели контрбатарейную борьбу. Нередко после нашей удачной стрельбы немцы меняли огневые позиции своей артиллерии. Выходит, доставалось им чувствительно.

Как-то с передового наблюдательного пункта на основной, в школу, пришел командир взвода управления батареи младший лейтенант Сергей Храбров. Огляделся, понаблюдал в стереотрубу, а потом с ехидцей говорит командиру отделения разведки Андрею Симонову:

— Так, так, голубчики, меня спровадили в переднюю траншею, сколько ни вглядывайся, только и видно сгоревший паровоз, да еще фрицев, когда перевалят через бугор. Но там хранит нас землица-матушка родная. А вы устроились, как на учении в Башкирии или Рязани. Ну-ну, роскошествуйте, только долго ли усидите на своей верхотуре?

Побалагурил Сергей и отправился на свое обычное место, к стрелковым взводам первой линии. Храброву шел двадцатый год. После школы мечтал стать математиком, и, видно, к тому имел задатки. Сложные расчеты для стрельбы батареи производил мгновенно без карандаша и бумаги. Не было во взводе разведки ни одного красноармейца моложе командира. Поначалу его и величали не особо почтительно: «Наш Сергей». Умом, безотказным трудолюбием, порядочностью Сергей утвердил себя в командирском положении. Подчиненные вроде бы не замечали хрупкости мальчишеской фигурки, волосенок торчком и свисающего ремня с пистолетом. А начальство замечало, и влетало Сергею порядком. Он не кипятился, не оправдывался. Как-то на ученни пробрал его сам комбриг, Сергей Федорович Горохов. Получив разрешение удалиться, Храбров устроился в окопчике пообедать. Суп, кашу, компот слил в один котелок и принялся аппетитно уплетать. Начальник штаба дивизиона Рештаненко заметил эту гастрономическую процедуру и в сердцах воскликнул:

— Товарищ младший лейтенант, вы хоть пообедайте по-человечески.— А Храбров в ответ совсем невозмутимо:

— Ведь в сущности безразлично, в какой очередностн обед попадет в желудок. Все перемешивается помимо желания обедающего. А так скорее. Надеюсь, за это взыскание не предусмотрено?

Сцена эта вызвала взрыв хохота. Комбриг тоже не удержался, махнул рукой и пошел по своим делам. Но то когда было!.. В первый же месяц сталинградских боев о Сергее Храброве заговорили иное. Он не отлучался с пере-

дового наблюдательного пункта. Командиры стрелковых подразделений не раз в трудную минуту испытали его умение и отвагу.

Однажды на наше стрелковое подразделение внезапно, без артподготовки, ринулись пять танков с сотней пехотинцев. Застигнутый врасплох стрелковый взвод в беспорядке оставил окопы. Наблюдательный пункт Храброва повис на волоске: впереди немцы, своих рядом — никого. Но не растерялся Сергей. Командиру батареи по телефону доложил, что корректирование огня принимает на себя. Рвущиеся снаряды точно накрыли врага, его танки попятились к берегу Мечетки, а пехота без танков тоже не устояла. Положение было восстановлено. Одним из первых в артдивизионе Храброва наградили орденом Красной Звезды.

Гитлеровцы все-таки изловчились: огнем крупнокалиберных и танковых пушек разгромили наблюдательный пункт Баринова на крыше школы. Самого комбата взрывом снаряда контузило и выбросило через лаз в чердаке. На несколько дней он лишился слуха и речи. Записками уговорил командира дивизиона С. Я. Ткачука и военкома И. К. Тимошкина не отправлять его к медикам за Волгу.

Здание школы пришлось покинуть. Занятые на НП артиллеристы батареи разместились ближе к переднему краю, в колодце водопровода на улице Менжинского. Стереотрубу вынесли в окоп на пригорке. Строений в Спартановке сохранилось немного, обзор впереди — до самых высот. Для краткости укрытие в водопроводном колодце именовали бункером.

Обычно собранный, всегда готовый к действию, сержант Андрей Симонов заменил раненого Сергея Храброва в должности командира взвода управления. Сегодня Андрей на себя не похож. Излишне много занимался углублением хода сообщения от бункера к месту наблюдения, потом без видимой надобности возился с позицией для «малютки», как он прозвал появившийся у него ротный миномет. Ручной пулемет и «малютку» артиллеристы добыли по собственной инициативе, на случай самообороны. Симонов заметно нервничал, беспричинно срывался: двум красноармейцам объявил наряды вне очереди на работы по углублению хода сообщения.

Баринов вначале отнес странности в поступках Симонова за счет усталости после ночного дежурства. Однако такое предположение опроверг сам же Андрей, когда, ворчливо проинструктировав телефонистов, объявил, что с полуночи он вновь заступает наблюдателем. А в разговоре с комбатом, когда они остались в бункере с глазу на глаз,

Андрей поделился ночными размышлениями: «Чую по примеру прошлого, не сегодня-завтра немец пойдет в наступление. При ребятах неловко было высказываться: еще на смех подымут — вот, мол, объявился стратег». Баринов успокаивал Симонова, показал ему карту с пометками участков заранее подготовленных подвижных, неподвижных сосредоточенных огней на подступах к окопам стрелков. Рассказал и о том, что расчеты по ведению огня отправлены нарочным на остров Зайцевский старшему на батарее лейтенанту Самусевичу. Андрей повеселел, однако ночное наблюдение никому не уступил.

Ночь тянулась в нарастающем напряжении. Баринову не спалось. Зная об этом, несколько раз приходил к нему Симонов с докладами о замеченном. Слабый предутренний ветерок потянул от Волги в сторону противника. Напряженный слух ловил и терял колеблемый ветром подозрительный шум. Наконец, сомнения отброшены: прерывистый гул может исходить только от моторов и гусениц танков противника. Андрей решительно крутнул рукоятку телефонного аппарата. Почти одновременно в бункер Баринова позвонили из штаба батальона Графчикова. В редевшем тумане теперь различились приплюснутые коробки танков, показавшихся на скате высоты. И тут же по всей Спартановке забушевали разрывы огневого налета вражеской артиллерии. А когда стрелки часов приблизились к цифре «семь», с запада горизонт закрыли подходившие на малой высоте пикирующие бомбардировщики с крестами на крыльях. Начался многочасовой штурм Спартановки 2 ноября 1942 года.

До чего же это мудреное дело — сберечь четыре орудия батареи! Сверху полный день елозит «рама», чуть заметит — вызывает на батарею то самолеты, то огневые удары артиллеристов. Все вокруг перепахивается бомбами и снарядами. А ты же не станешь таиться по-заячьи: чем сильнее напор противника, тем необходимее поддержка стрелковым ротам. Стреляли, сколько хватало снарядов. Временами подгоревшая краска на стволах взбухала волдырями.

В сентябре батареи дивизиона С. Я. Ткачука вели огонь из скверика поблизости заводоуправления. Видимо, на этом основании директор Задорожный считал дивизион своей заводской артиллерией. Бывало, развернет план завода, крестиками отмечает места разрывов снарядов, мин на заводской территории, выговаривает Ткачуку за «попустительство» противнику. Ткачук смиренно выслушает, поддакнет и обязательно что-нибудь выпросит. Так дивизион перешел с конной на механическую тягу. Тягачи СТЗ —

НАТИ-5 повысили маневренность, а следовательно, и живучесть, боеспособность батарей. Но в октябре и маневрировать-то стало негде. Надо было без волынки выбирать: или потерять орудие за орудием и оставить пехоту беззащитной, или же покинуть правый берег и укрыть батареи на островах. Полковник С. Ф. Горохов после мучительных раздумий решился на последний вариант. Обеспокоенным красноармейцам стремились откровенно разъяснить преимущества отвода батарей на острова. Пушки и тракторы Баринову предстояло переправить с Нижнего поселка через Денежную Воложку на остров Зайцевский. А на чем переправить? Приступили сооружать плот.

Возглавить подготовку переправы поручили начальнику штаба дивизиона И. Я. Рештаненко, ему придали воентехника Загнойко и младшего лейтенанта Книгина с группой красноармейцев. На заводском дворе, у нефтебаков, на пристанях собрали бочки для поплавков, бревна, доски для настила. Конструкцию скрепили скобами, проволокой. Вот уже плот получился, от берега к берегу натянули трос. Связисты по дну Воложки проложили телефонный кабель на остров, от каждого расчета отправили по три красноармейца для отрывки орудийных окопов. Но противник в свою очередь заинтересовался переправой. Налеты бомбардировщиков следовали один за другим. Плот разнесло в щепки. Сколотили заново — продырявило пулями бочки-поплавки. А тут красноармейцы ропщут: куда бежим, на кого оставляем пехоту. Потребовался авторитет академических познаний начальника артиллерии бригады Аркадия Марковича Моцака, чтобы унять тревогу среди бойцов батареи.

Первый трактор на плоту. И надо же так случиться: одна или две бочки-поплавки наполнились водой, плот стал тонуть. Положение спас механик Загнойко. Он успел завести трактор и вывести его из воды на отмель у берега острова.

К исходу третьих суток усилия изнуренных людей увенчались успехом. Готовили восьмой, последний рейс плота с орудием ефрейтора Гущина. Но крепчал ветер, пошли сильные волны. Ослабевшие руки не удержали трос. Плот закружило, понесло течением. Напрасно Гущин и красноармейцы расчета ложились на край плота, гребли досками, руками. Лишь в двух километрах ниже плот приткнулся к отмели. Вслед за Гущиным все спрыгнули в черную от нефти воду, кинулись канатами закреплять плот. Потом смастерили бурлацкие лямки и потащили плот против течения, против ветра, идя по пояс, по грудь в воде и нефти.

Тракторозаводские рабочие, зачисленные в саперную

роту бригады, кинулись помогать дружным, настойчивым артиллеристам. Восемь часов длилась борьба за орудие ефрейтора Гущина. У людей кровью покрылись ладони, не разгибались пальцы, израненные тросом, канатами. Но что все это по сравнению с захватывающим чувством достигнутого успеха, честно исполненного долга! Не стыдно прямо смотреть в глаза хоть самому господу-богу. 2 ноября орудие Гущина в составе батареи участвовало в отражении многочасового комбинированного натиска гитлеровцев.

Перевалив через высоты, «юнкерсы» ныряли в пике над Спартановкой. Первый заход пришелся по южной части поселка. Потом разрывы бомб и «чемоданов» с прыгающими противопехотными гранатами усеяли поселок от края до края. Обломки деревянных строений подбрасывало кверху в столбах земли и дыма. Воронка на воронке. Вокруг блиндажа С. Ф. Горохова легли семь полутонных бомб. А восьмерки «юнкерсов» заходят снова и снова смертоносным конвейером. Связь комбрига с батальонами восстанавливалась за считанные минуты. Потери среди линейных надсмотрщиков — небывалые.

Разведчик-наблюдатель Н. Д. Баринова докладывает: в первой и второй траншеях противника движение, на склоне высоты танки. Минометчики Н. В. Чурилова, Н. А. Калошина навалились сосредоточенным огнем на развернувшуюся для атаки вражескую пехоту: отсечь от танков, прижать к земле. Танки рванулись вперед, но потом задержались и стали передвигаться вдоль своих траншей, видно, стремясь увлечь за собой пехотинцев. И тут звонкими хлопками заговорили сорокопятки истребительно-противотанкового дивизиона А. Т. Карташова. Их долгое молчание тревожило: неужто погибли? Но нет, вот они кинжальным огнем метров с четырехсот подожгли один, второй танк, а другие, отстреливаясь, укрылись в ложбинке. Вскоре танки показались значительно левее, за ними густо-густо шли автоматчики. Батарея Баринова уже четверть часа ни на минуту не прекращает огня.

И все же автоматчики прорвались и залегли в трехстах метрах от наблюдательного пункта батареи. Андрей Симонов кинулся к «малютке». С помощью разведчика он быстро опускал мину за миной в ствол миномета. Разрывы пришлись на залегших гитлеровцев. В азарте боя артиллеристы увлеклись и не заметили, как беда приблизилась к самому бункеру. Разведчик Тищенко заглянул в отверстие для наблюдения и оторопел: амбразуру заслонил бортом немецкий танк. Он стрелял из пушки и пулеметов вдоль улицы Менжинского.

Среди артиллеристов наблюдательного пункта замешательство. Проворонивший приближение танка разведчик Тищенко лепечет что-то невнятное. Один телефонист подхватился удирать по ходу сообщения к балке Забазной. Андрей Симонов возвращает его криком:

— Назад!

Баринов телефонирует старшему на батарее:

— Огонь по моему наблюдательному пункту!

Ответ Самусевича ошарашил:

— Стрелять не могу, стволы красные, заклинивает гильзы.

Баринов вырывает трубку у радиста, не своим голосом выкрикивает координаты и требует немедленно открыть огонь с левого берега. По рации откликнулся командир дивизиона С. Я. Ткачук. Он не видит поля боя и с обычной медлительной невозмутимостью внушает Баринову:

— Ты шо, обалдел? Посмотри на кодировку карты, це ж твой НП.

Баринову было не до субординации, надрываясь, он твердил свое:

— Огонь, немедленно огонь!

Все сгрудились в бункер, только Симонов из траншеи продолжал наблюдение. А немецкий танкист уже пробует гусеницами прочность бункера. Развернулся раз, другой, сполз, отошел в сторону. Вот-вот ударит из пушки по бункеру. И тут громыхнула канонада тяжелых батарей с левого берега. Бетонное перекрытие заходило точно живое. Погас свет, прервалась связь по телефонным линиям. Дым, пыль заполнили бункер. Ураган разрывов оборвался, как раскат грома. Когда огонь утих, осмотрелись: в полусотне метров увидели накрененный танк с задранной к небу неподвижной пушкой...

Самолеты продолжали бесноваться над Спартановкой до наступления темноты. И все же противнику не удалось овладеть ни одним окопом в нашей обороне.

Признание врага

В Западной Германии издана двухтомная «История 16-й танковой дивизии» *. Одна книга состоит из фотоиллюстраций, в другой — в хронологической последовательности

* Вольфганг Вертен. История 16-й танковой дивизии. Изд. «Поддун», ад-Наухейм, 1958.

повествуется о действиях дивизии в различных разбойничьих походах, подробнее всего — о боях с советскими частями, оборонявшими Рынок, Спартановку и Орловку. При всех недомолвках и передержках автор признает высокие боевые и моральные достоинства противника, создавшего очаг непреодолимой для гитлеровских танкистов и «панцергренадирен» обороны в Рынке и Спартановке. Хочешь, не хочешь, приходится вставлять в текст: «героический противник» или «ядовитые гнезда сопротивления в Рынке, Спартановке и Орловке». Надо же как-то объяснить, почему дивизионное кладбище близ Волги насчитывало свыше четырех тысяч могил, почему, наконец, из всей дивизии на послевоенном сборище фронтового землячества появилось лишь 128 уцелевших вояк.

Составитель «Истории» Вольфганг Вертен рассказывает о прорыве дивизии от Дона к Волге и первых боях за Рынок.

«Командир дивизии генерал Хубе объявил цель предстоящего наступления: Сталинград. «Это решающий этап боевых действий в этой войне»,— сказал он. Разведка доносила о том, что между Доном и Волгой нет крупных частей русских войск. Немецкое командование планировало организовать коридор от Дона до Волги, и тем самым отрезать Сталинград с севера, обойти город с запада, в результате чего Сталинград был бы окружен.

В ночь на воскресенье 23 августа 16-я танковая дивизия во главе 14-го танкового корпуса переправилась по понтонному мосту длиной 140 метров через Дон и рванулась в восточном направлении. Слева она имела 3-ю, справа — 60-ю пехотные моторизованные дивизии и поддерживалась штурмовиками. С боями дивизия захватила «Татарские рвы» и перерезала в районе южнее ст. Котлубань железнодорожную линию Фролово—Сталинград.

Противник был ошеломлен, наступление дивизии успешно продолжалось. В полдень были уже видны силуэты Сталинграда. Но около 15 часов с северной части города по танкам дивизии противник открыл огонь. Это стреляли зенитные орудия, расположенные в Спартановке, в Рынке и Латошинке. Зенитные батареи имели личный состав, состоящий из женщин.

Взять с ходу Рынок и Спартановку не удалось. Русские усилили огонь из танков и зенитных орудий. Для 16-й танковой дивизии начались тяжелые бои. С ожесточением русские части атаковали наш фланг из Спартановки и Рынка.

Ночью 26 августа 1942 года русские танки прорвали фронт 16-й танковой дивизии. Утром 27 августа 1942 года

они уже были в центре немецкого коридора. С криком «ура» русский рабочий батальон атаковал позиции 12-й роты 64-го мотопехотного полка, которая мужественно отбивала атаки этого батальона. Около 10 часов русские начали прорываться вдоль берега на север, с тем чтобы отбросить части 16-й танковой дивизии от Волги, но это им не удалось.

С наступлением темноты 16-й мотоциклетный батальон предпринял контратаку, с тяжелыми потерями ему удалось ворваться в северную часть Рынка. К рассвету Рынок был взят полностью. Павших в этих боях немецких солдат, а их было много, похоронили на южной окраине Латошинки.

После трех дней этих боев только в одном батальоне 64-го мотопехотного полка потери составляли 154 человека. Но генерал Хубе приказал удерживать позиции и при тяжелейших ударах противника до последнего человека.

29 августа утром русские снова атаковали наш южный фланг, но в жестоком ближнем бою были отбиты. Около 17 часов мотоциклетный батальон с танками контратаковал русских, но отступил с большим уроном. Рынок был потерян. Русские выбили немецкие части в кровопролитных уличных боях за Рынок. Часто дело доходило до рукопашных схваток. Развернулись упорные бои: если русские не наступали, то находились в 20 метрах от немецких позиций, их снайперы открывали огонь при всяком движении. Не было покоя ни днем, ни ночью. Нервы немецких солдат были напряжены до предела каждую минуту».

У края огненной черты

На ГЭС фронтовики-гороховцы с горделивым восхищением рассматривали величественные сооружения плотины, машинный зал, турбины, монумент строителям коммунизма. Но, по правде говоря, там мы чувствовали себя любезно принятыми гостями, туристами. Всех подмывало поскорее добраться туда, где до возведения ГЭС стоял поселок Рынок, к навеки запомнившимся бугорочкам, низинкам, садикам, старому кладбищу и ветхому железнодорожному мосту на бревенчатых опорах в устье Сухой Мечетки. Стройка ГЭС, перепланировка, озеленение прилегающей к плотине территории все изменили вокруг. Старожилы — и те не без сомнений припоминают, что и где находилось прежде в Рынке. Но поседевшие комбат Вадим Яковлевич Ткаленко, военком Иван Григорьевич Ершов, ротные

командиры Степан Семенович Бондаренко, Жалель Шарыпович Есергепов, комсорг батальона Александр Алексеевич Баранников, разведчик Александр Демьянович Демьянов ориентируются мигом, как на отчем подворье.

Огляделись — и согласно определили: монумент строителям коммунизма возведен в самом центре района обороны батальона Ткаленко. От монумента по знакомым направлениям прикинули расстояния до водокачки старика Красильникова, до переднего края роты Бондаренко межру Рынком и Латошинкой, до старинного кладбища. Под кустистыми деревцами высмотрели провал осевшего блиндажа, припомнили, кто дрался здесь. Чуть западнее кладбища отчетливо видны рубцы траншей роты Кашкина. Слегка копни пятерней — найдешь полуистлевшие патронные гильзы, рваные осколки, деформированные пули.

Долго, долго глядим в сторону Латошинки. Там держались гитлеровцы. Оттуда, между берегами Волги и Сухой Мечетки, многократно наступала на Рынок 16-я танковая дивизия. Через Латошинку, после трехмесячной вражеской осады Сталинграда, 24 ноября прорвались части Донского фронта и соединились с группой С. Ф. Горохова. Между Латошинкой и Рынком в память об этом событии бригадные саперы наскоро соорудили деревянную пирамидку. На прибитых к ней двух фанерных листах значилось свыше ста фамилий участников волнующего соединения войск Сталинградского и Донского фронтов. Теперь пирамидки не стало. И расстояние до Латошинки вроде бы сократилось. Но это только кажется из-за того, что на прежнем ровном поле появился новый поселок коллектива садоводов.

Вот на этом месте упиралась в Волгу огненная черта обнаженного правого фланга Сталинградского фронта. Священная непокорившаяся земля! Как же иначе о ней подумаешь и скажешь? К горькополынной земле доверчиво припадали бойцы Сталинградской обороны в пору смертельной опасности, в ее овражках, окопах до конца постигли, что и сам ты и весь род твой чего-то стоят, пока земля Родины недоступна завоевателям.

В Волгограде в августе 1963 года посчастливилось встретиться лишь 42 ветеранам 124-й стрелковой бригады. О том, что они видели и заново пережили на местах боев, вскоре узнали без малого три сотни наших фронтовых товарищей в самых отдаленных уголках Казахстана, Башкирии, Сибири и Дальнего Востока. С той поры сложилось общее решение — пусть каждый, кто как сумеет, изложит свои воспоминания о бойцах, командирах и политработниках 124-й и 149-й стрелковых бригад, о тракторозаводцах,

о волжских военных моряках, о летчиках ночных бомбардировщиков — о всех, кто так или иначе содействовал группе войск полковника С. Ф. Горохова в удержании северных подступов к Сталинграду.

Из откровений товарищей и по собственному опыту знаю: один и тот же боевой эпизод даже и непосредственными участниками его запоминается не совсем одинаково, с кажущимися несовпадениями. Удивляться, собственно, нечему. Каждому бойцу или отделению, расчету орудия, пулемета в обороне назначается свой строго определенный сектор наблюдения и обстрела. Правда, в жаркой схватке, когда сила идет на силу, а особенно, если тебя теснят,— запоминаются не столько секторы, сколько поступки людей.

Среди материалов моей переписки с ветеранами Сталинградской битвы, воевавшими у тракторного, хранятся воспоминания казахстанца Ивана Павловича Шишкина и дальневосточника Михаила Терентьевича Никитюка. Оба они рядовыми бойцами, позже младшими командирами участвовали во всех до единого боях за Рынок, потом за очищение Спартановки, и так до полного разгрома гитлеровцев, окруженных под Сталинградом. Когда возникает необходимость полнее понять архивный документ или уточнить в чьих-то воспоминаниях неясный момент, я обращаюсь к написанному Шишкиным и Никитюком. Даже топографическая карта обрастает дополнительными подробностями при чтении ее одновременно с карандашными схемками, вычерченными казахстанским пчеловодом И. П. Шишкиным и машинистом холодильника рыболовецкого колхоза М. Т. Никитюком.

На Калининском фронте, летом 1943 года, 124-й бригаде вручали орден Красного Знамени за Сталинград. В бригаду наведался командующий фронтом А. И. Еременко. Придирчиво экзаменовал волжских соратников разными неожиданными вводными. Не скрывал своего восхищения выучкой, понятливостью и старанием закаленных солдат. Щедро одарил многих. Командиру пулеметного отделения Шишкину вручил часы. Шишкин стал офицером, командовал пулеметным взводом. Много воды утекло после первого боя в Рынке 29 августа 1942 года.

Тогда немцы с приближением рот лейтенанта Бондаренко и Кашкина вдоль Волги к Латошинке ударили мотоциклетным батальоном с одиннадцатью танками во фланг и тыл ротам. С наблюдательного пункта Горохова в доме 624 на Нижнем поселке мы видели начало контратаки. Находившийся с нами начальник автобронетанкового управ-

ления Красной Армии генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко требовал во что бы то ни стало удержать Рынок. Поле между Рынком и Латошинкой заволокло дымом, и ничего нельзя было разобрать, что там происходит.

Шишкин, задыхаясь от волнения и усталости, долбил ямку для окопа. Ох и неподатлив прокаленный солнцем прибрежный грунт! Почему-то вспомнилось: возле центральной переправы в Сталинграде повстречалось подразделение со станковым пулеметом. Шли, как попало, без строя. Пулеметчики батальона Ткаленко возмутились: «Почему так безобразно плететесь? И наступаете вроде не в ту сторону». А им в ответ: «Погодите, посмотрим на вас через денек-два... вояки». Неужели те, встречные, знали что-то неведомое начинающему бойцу?

Разрывы снарядов сместились в тыл, к Рынку. Нарастали рокотание танков, стрельба из пулеметов и автоматов. И вдруг Шишкин понял: ближний танк давит гусеницей красноармейцев, укрывшихся в канаве. Донесся страшный человеческий крик. Еще немного — и танк пойдет к окопу Шишкина. На броне стоит фашист, другой — высунулся из люка, оба строчат из автоматов.

Командир пулеметного взвода лейтенант Рудик кричал: «Шишкин Ванюша, Шишкин, бей по тем, на броне, а я — по смотровым щелям...»

Танк поддал газу, пошел прямо на окоп. Только Рудик спрыгнул в ямку к Шишкину — на обоих навалилась тьма и тяжесть, которую ни с чем не сравнить.

К Рудику и Шишкину сознание вернулось поздней ночью. Свою роту они разыскали перед утром в Рынке, на берегу реки. Красноармейцы перешептывались: «Если бы не комиссар Ершов, не видаться бы нам». Танки отрезали роту от Рынка, теснят ее к Латошинке. Тут Ершов появился. Перебегает от взвода к взводу, командует: «Всем укрываться под обрывом берега». Ершов с Бондаренко затемно вывели роту из окружения.

Еще слышал Шишкин рассказ о старшем сержанте Палашкове.

Два танка нацелились раздавить стрелковое отделение. Подъехали поближе и кричат, выманивают: «Русь, сдавайся! Хенде хох!» Палашков поднялся с двумя противотанковыми гранатами в руках за спиной и пошел к танку. Швырнул одну, вторую гранаты. После взрывов танк дернулся и замер. Погиб Палашков. Какой оказался человек! Подвиг Палашкова и поныне вспоминает почти каждый из бойцов батальона Ткаленко.

Когда отражали атаку танков с тыла, лейтенант Бон-

даренко не мог видеть, какая угроза нависла над, казалось бы, неуязвимым флангом роты, со стороны реки. На прибрежной железнодорожной ветке, вблизи от Латошинки, стояли вагоны. За ними накапливалась пехота, подтаскивали легкие пушки. Минометы начали обстрел роты Бондаренко. В этот момент капитан-лейтенант С. П. Лысенко по вызову С. Ф. Горохова вывел четыре бронекатера из устья Ахтубы на открытый плес Волги. Командовали катерами замечательные моряки. Их имена вошли в историю героической Волжской военной флотилии: Сергей Барботько, Александр Карпенюк, Николай Емченко и ныне Герой Советского Союза Константин Воробьев.

Лейтенант Воробьев окончил Военно-морское училище, но воевать ему довелось на суше, под Москвой, в составе батальона морской пехоты. После ранения и госпиталя определили в Волжскую военную флотилию. Вступил в командование бронекатером № 54 в затоне Красной Слободы. Самостоятельно кораблем никогда не управлял, тем более на реке. Но практиковаться было некогда. Предписание начальника штаба флотилии капитана I ранга Федорова требовало действовать: 24 августа к 14 часам занять огневую позицию в устье реки Ахтубы. Огнем катера поддержать наши части на правом берегу в районе Рынка, Латошинки.

А 29 августа, в разгар наступления 124-й бригады к Латошинке, С. П. Лысенко приказал командирам катеров немедленно выходить к Латошинке в готовности отражать контратакующего противника. С дистанции около 200 метров пять катерных пушек и пулеметы ДШК внезапно ударили по укрывшимся за вагонами фашистам. «Приголубили» их, как говорили потом краснофлотцы, по первое число. Разгром произошел полнейший. И убегать было, собственно, некому.

В этом бою Степан Петрович Лысенко находился на катере лейтенанта Воробьева. Совершенно спокойно наблюдал, стоя у боевой рубки.

Воробьев знал о трудном пути, пройденном командиром дивизиона на Днепре. С простреленным легким пробился Лысенко из окружения через линию фронта. Хотелось Воробьеву ни в чем не уронить себя в глазах такого заслуженного моряка.

Как на грех, докладывают: «Носовое орудие вышло из строя — провисание клина». Моряки все-таки нашли выход из положения. Старший краснофлотец Шляхтин придерживал клин рукой, доводил его до места, производил выстрел, а с откатом ствола отдергивал руку. Катер был вооружен

двумя древними орудиями «Лендер». Стоять бы им в артмузее. А смотри, как заговорили в руках наследников Царицынской обороны!

По неосведомленности, а скорее всего с умыслом, автор «Истории 16-й танковой дивизии» так объясняет безуспешность контратак гитлеровцев и отступление их из Рынка 29 августа: «Русские высадились на западном берегу и выбили немецкие части в кровопролитных уличных боях».

Кровопролитные бои — да. О высадке на западном берегу — вранье.

Ни одного человека не высаживалось в тот день. Помогали батальону Ткаленко окончательно очистить Рынок пять танков 99-й танковой бригады П. С. Житнева да рота морской пехоты, которую возглавляли командир Алексей Горшков и военком Максим Скидан.

30 августа к яхт-клубу на Нижнем Поселке причалил полуглиссер, доставивший офицера связи при штабе Горохова от группы кораблей на реке Ахтубе лейтенанта Юрия Любимова. От лейтенанта в политотделе приняли тетрадочный листок, заключавший в себе стихийно возникшее обращение моряков к бойцам полковника Горохова. Моряки писали:

«Краснофлотский боевой привет бойцам 124-й стрелковой бригады! Товарищи бойцы 124-й бригады, Родина призвала нас совместно действовать против озверевшего врага, защищать славный, боевой пролетарский город Сталинград.

Вчера мы наблюдали за боевыми делами вашей части. За них выражаем вам свое полное удовлетворение. Остановить гада! Не пустить его дальше и разбить — такова наша задача.

Разгром немецких банд мы должны начать у ворот Сталинграда — города, имеющего славные революционные традиции и заслуги.

Со своей стороны личный состав флотской части, действующий с вами, дает вам слово моряков — ни шагу не отступать назад. Мы уверены, что приказ товарища Сталина «Ни шагу назад!» с честью будет выполнен и бойцами вашей части.

Мы обязуемся оказать вам самую активную помощь в боях. Шлем боевой привет и наилучшие пожелания.

Да здравствует наша великая Родина!

По поручению личного состава.

Командир Кузнецов. Комиссар Гриценко.

Последнее наступление Паулюса

Кажется, в описаниях Сталинградской битвы не упоминается о том, что генералы армии Паулюса предприняли самое последнее наступление на защитников города точно на том участке, где поначалу удался их прорыв к Волге 23 августа 1942 года. В действительности было именно так.

На местности между Латошинкой и Рынком прорвался от Дона к Волге 14-й танковый корпус армии Паулюса 23 августа. Здесь же 17 ноября тот же самый корпус всеми наличными силами 16-й танковой дивизии пытался сокрушить оборону стрелкового батальона Вадима Ткаленко в Рынке с последующим ударом на Спартановку. Ссылаясь на признания командира 14-го танкового корпуса генерала Гельмута Шлемера, западногерманский историк Иоахим Видер в книге «Катастрофа на Волге» * сообщает, что этому корпусу в ноябре была поставлена задача — ликвидировать русский плацдарм севернее тракторного завода, в районе рабочих поселков Рынок и Спартановка.

Время для перехода 16-й танковой дивизии в наступление на Рынок было выбрано довольно искусно: пять часов утра. Непроглядный морозный туман позволил передовым отрядам полков дивизии незаметно приблизиться к боевому охранению батальона Ткаленко за северной и западной окраинами поселка. Только после этого на Рынок обрушился артиллерийский удар огромной плотности.

В выборе времени и способа начала этого наступления генералитет Паулюса явно учел печальные итоги попыток 16-й танковой дивизии и подкрепивших ее двух пехотных полков 94-й пехотной дивизии сокрушить оборону группы Горохова в октябрьские дни борьбы за тракторный. После овладения тракторным гитлеровцы могли надеяться, так сказать, запросто разделаться с малочисленными, изнуренными пехотными подразделениями комбригов С. Ф. Горохова и В. А. Болвинова в Рынке и Спартановке. Как это наступление двух дивизий обернулось для гитлеровцев, рассказывает Вольфганг Вертен:

«11 октября в 16-ю танковую дивизию прибыл ее новый командир генерал-майор Ангерн и поставил боевую задачу дивизии: Спартановка и Рынок должны быть взяты.

Полковник Крумпен, командир боевой группы, которой была поставлена эта задача, знавший хорошо противника,

---

* Иоахим Видер. Катастрофа на Волге. Изд. «Прогресс», М., 1965, стр. 285.

не советовал генералу проводить атаку на Спартановку и Рынок при дневной видимости, так как будут при этом большие потери. Но, несмотря на это, на рассвете, в 4 часа 18 минут 15 октября немецкие части после трехминутной артиллерийской подготовки ринулись в атаку. В 4 часа 20 минут немецкие танки с посаженными на них гренадерами подошли к передовой оборонительной позиции русских, но были обстреляны противотанковыми орудиями, и противник забросал их бутылками с горючей смесью. Танки повернули обратно.

Но гренадеры 2-го батальона 79-го полка продолжали атаку. Противник сильно обстрелял немецкий батальон во фланг. Атака батальона захлебнулась, и он понес чувствительные потери.

2-й батальон 64-го полка атаковал участок русской обороны шириной 350 метров и глубиной 120 метров. Немецкие самоходные орудия прорвались на правый фланг, но при этом были подбиты.

В Рынок ворвался батальон под командованием Штрелке, и там разгорелись упорные уличные бои. Саперы этого батальона дрались в дыму и гари за каждую воронку, за каждый угол дома, под ураганным огнем противника, под дождем вражеских пуль и осколков.

Была брошена вся немецкая артиллерия и танки. Батальон под командованием Штрелке был вскоре выбит из Рынка. Противник в яростных контратаках снова захватил свои передовые позиции.

2-й батальон 79-го полка и 1-й батальон 64-го полка были переброшены на юго-запад. Они соединились с частями 94-й пехотной дивизии, наступающими с юга. Она к этому времени захватила танковый завод и вышла в этом месте к Волге. Наконец-то 16-я танковая дивизия не одна действовала против Рынка и Спартановки.

Перевязочные пункты были заполнены ранеными, тяжелораненые находились еще на поле боя, и танки ночью собирали их повсюду. Оставшиеся в живых были настолько измучены, что повалились и заснули мертвым сном. Красным, как кровь, закатом от артиллерийского и бомбового огня покрылся Сталинград».

Далеко от Волги, в рыбацком поселке Даерга, на Амуре, трудится участник боя в Рынке 17 ноября Михаил Терентьевич Никитюк. Время и расстояния не властны над памятью солдатского сердца. В письме С. Ф. Горохову и мне Никитюк писал:

«Приходилось рассказывать товарищам по работе и школьникам о боях в Сталинграде. Слышал мои рассказы

и зять. Он запомнил фамилии командира и комиссара бригады. Будучи на учебе в Ленинграде, смотрел ваши выступления по телевидению и дал знать мне. Я много перечитал книг о ратных подвигах советского народа, но о нашем участке ничего не встречал. Есть, правда, в книге Н. Муратова «Опасные рубежи» на странице 563 всего несколько вполне заслуженных слов о нашей группе:

«Но когда Николай Дарнику узнал об обороне группы полковника Горохова в Спартановке, он сказал дрогнувшим голосом, не стыдясь этого:

— Прадед мой под Хаджибеем погиб, дед на Шипке голову сложил, отец — полный георгиевский кавалер, золотое оружие от Котовского имеет, и себя я в глубине души солдатом считал, но теперь вижу, что до настоящих солдат мне еще далеко...»

С началом артобстрела 17 ноября расчет противотанковой пушки Никитюка укрылся в землянке возле своего орудия, в расположении роты лейтенанта Бондаренко, недалеко от берега Волги.

«Кажется, никогда не случалось такого сильного и длительного артобстрела,— вспоминает Михаил Терентьевич.— Часто, часто вспыхивают огоньки цигарок. Изредка перебрасываемся словом, другим. Бревна перекрытия подпрыгивают, земля ручьем течет. Нервы натянуты струной. Обстрел разом сместился в сторону. Слышим — наблюдатели, командиры кричат: «Танки, танки! К бою!» Оказалось — не только танки. От Латошинки шло очень много пехоты. Прут в полный рост, галдят для бодрости — под хмельком, что ли?

Была опаска — остался ли кто живой после такой долбежки снарядами, минами? Смотрим, справа, слева поднялись, стреляют, подбадривают друг дружку. Надо отдать должное — выручили старательно отрытые траншеи, хода сообщений, окопы, землянки для укрытия людей и оружия. Окупились мозоли на ладонях. Оружия в расчете припасли целый арсенал: пушка, противотанковое ружье, два ручных пулемета, не считая карабинов и гранат. С нами во дворе оборонялись четыре автоматчика. Вместе набралось восемь активных штыков.

Первую атаку отбили. Но вряд ли кто возьмется подсчитать, сколько их было в тот день. Вернее сказать, была одна атака с рассвета до полуночи. Совсем неважно стало, когда противник нажал и с тыла. Ему удалось по Сухой Мечетке прорваться к самой Волге. После рассказывали, что немцы установили пулемет на блиндаже узла связи батальона, от Волги по оврагу подбирались к батальонным

кухням. Командир нашей батареи и один раненый боец отстреливались от окружившей их группы гитлеровцев.

Наш расчет отбивался с тыла и с фронта. Положение исправилось с подходом резервов полковника Горохова. Никитюк видел, как человек 40 красноармейцев быстро шли к переднему краю роты Бондаренко. Их вел начальник разведки бригады капитан Д. Ф. Старощук. И сила вроде бы небольшая, а настроение у всех поднялось, снова покатилось «ура!». Исключительно удачно били из-за Волги тяжелая артиллерия и «катюши».

Приближался вечер. Бой в Рынке кипел во множестве очагов. Сражались повара, кладовщики, артмастера, санитары. Минометчики, истребители танков, саперы из резерва комбрига внесли решающий перелом. Враг дрогнул, попятился. По мере изгнания его из Рынка советским бойцам открывалась картина огромных потерь гитлеровцев в людях, танках и оружии. Не успевшие отойти пехотинцы врага были ошеломлены разгромом, обмякли. На глазах Никитюка два автоматчика выкурили из воронки и пленили 6 немцев.

С наступлением ночи на поле между Рынком и Латошинкой вновь послышался рев моторов. В Рынке изготовились все противотанковые средства. Танки долго рокотали. Однако к Рынку приблизились и вели обстрел только два. Один из них подбили расчеты противотанковых ружей сержантов Смородникова и Токарева. Вторыми номерами с ними действовали тракторозаводские рабочие Коноплев и Белухин из взвода младшего лейтенанта Григория Анищенко.

Утром все прояснилось: в течение ночи немецкие танки подбирали раненых и утаскивали подбитые танки из тех, что остановились подальше от нашего переднего края. Но и после этого северная окраина Рынка долго привлекала фронтовых кинооператоров. На ограниченной площади вдоль окраины селения застыла шеренга из двенадцати подорванных и сожженных танков.

Историограф 16-й танковой дивизии В. Вертен об этом бое написал со множеством подробностей.

В данном случае имеет смысл упомянуть самое существенное. На Рынок наступали все до единой части 16-й танковой дивизии. 25 танков в атаку повел некий граф Дон. В обороне дивизию генерала Ангерна сменила 94-я пехотная дивизия.

И, наконец, В. Вертен меланхолично свидетельствует: «Атака немецких частей на Рынок провалилась. Очень большие потери понесла дивизия в этих боях. Уже более

четырех тысяч ее солдат и офицеров было похоронено на воинском кладбище».

124-я бригада не выводилась из боев под Сталинградом еще два месяца. С болью в сердце воины проводили дорогого Сергея Федоровича Горохова на фронт борьбы против группировки Манштейна. Душевно встретили руководство Тракторозаводского района, передав Рынок для его размещения. Как дети, резвились, услышав за Волгой озорной, пронзительный свисток паровоза. 5 января 1943 года, скромно отпраздновав первую годовщину существования бригады, впервые за четыре месяца построились в походную колонну и двинулись в состав 66-й армии Донского фронта, на последний штурм окруженного врага.

И. П. Елин,

генерал-майор

В центре города

Волга на всю свою ширину кипела разрывами мин и снарядов. То там, то тут ее чертили пунктирные линии фонтанчиков от пулеметного и автоматного огня.

Мы готовились к переправе, и нам с левого берега был отчетливо виден истерзанный, пылающий город. На фоне зарева пожарищ высились скелеты разрушенных зданий. На нашем берегу недалеко от переправы горела баржа, которая была ориентиром для противника. Стоило только катерам приблизиться к переправе для погрузки, как гитлеровцы открывали по ней усиленный артиллерийский огонь.

Но посадка шла своим чередом. Бойцы держались мужественно, будто не замечая, что творится вокруг. Тем более, что впереди было еще хуже: впереди был огнедышащий ад. Но мы поклялись отстоять город, и ничто не могло нас остановить.

Вот на катер по колеблющимся мосткам бежит разведчик Попов, за ним рядовой Глущенко. Я гляжу на этих бесстрашных воинов, их боевых друзей, и передо мной всплывает недавнее.

...На небольшой лужайке идет концерт художественной самодеятельности. Вот эти же солдаты, что сейчас торопятся заполнить катер, с увлечением слушают песнь о Днепре. Вдруг песня на средине прерывается, объявляется только что полученный приказ Ставки: дивизия срочно отправляется на фронт.

Это было 9 сентября. А к 12 сентября, совершив 170-километровый марш, мы были на Волге. Нашему 42-му полку была поставлена задача: к 18.00 14 сентября сосредоточиться в лесу северо-восточнее Красной Слободы и уже в 21.00 третьим рейсом на катерах переправить один усиленный батальон, очистить район переправы на правом берегу Волги от прорвавшихся автоматчиков врага и, действуя в

направлении центра города, овладеть железнодорожным вокзалом, закрепиться.

Тут же состоялся митинг. Выступили комиссар полка О. И. Кокушкин, разведчик Попов, рядовой Глущенко, командир 2-го стрелкового батальона майор Андриянов, комиссар дивизии М. М. Вавилов. Гвардейцы поклялись отстоять Сталинград...

И вот 1-й стрелковый батальон, усиленный истребительной батареей, ротой противотанковых ружей, ротой автоматчиков и взводом саперов, переправляется для выполнения боевого задания. Осыпаемые дождем осколков, катера с ходу пристают к берегу. Гвардейцы прыгают в воду, завязывают бой за водокачку. Шаг за шагом, с тяжелыми потерями гвардейцы продвигаются вперед. Командир батальона капитан З. П. Червяков ранен. Его сменил старший лейтенант Ф. Г. Федосеев. Враг упорствует, но вынужден отступить.

Через полчаса переправляются вторая рота автоматчиков и взвод связи. С ними я, комиссар полка, начальник разведки старший лейтенант Розельман, полковой инженер и начальник связи полка капитан Устинов. Со стороны Госбанка и пивзавода нас обстреливают пулеметным огнем. Но катер уже у берега.

Прыгаю в воду, выбираюсь на берег. Около уреза воды — 76-мм пушка, у пушки суетится группа людей — это, как оказалось, местные работники управления НКВД И. Т. Петраков и другие.

— Куда ведете огонь? — спрашиваю.

— По пивзаводу, там засели автоматчики противника, помогаем вам, товарищ командир! — ответил один из чекистов.

Я поблагодарил их за помощь, попросил больше не стрелять, так как на пивзавод сейчас должна пойти в наступление рота автоматчиков. Чекисты информировали меня о противнике, показали пути подхода к Госбанку и домам специалистов.

Через несколько минут я встретился с тремя офицерами из оперативного отдела штаба 62-й армии, которые вручили мне приказ командующего армией генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова. Полку ставилась задача: двумя батальонами с остатками 112-й стрелковой дивизии овладеть высотой 102,0 и удерживать ее до прибытия 39-го гвардейского стрелкового полка.

Первый батальон со средствами усиления тут же с ходу атаковал противника у центральной переправы, уничтожил группу фашистов в водокачке, к рассвету овладел универ-

магом, гвоздильным заводом, затем перешел в атаку на гитлеровцев, засевших в вокзале, и овладел им.

Рота автоматчиков выбила немцев из пивзавода, блокировала противника в Госбанке.

К исходу 15 сентября второй и третий батальоны совместно с остатками 112-й дивизии выбили противника с высоты 102,0. Эту, ставшую легендарной, высоту — Мамаев курган — мы удерживали всю ночь, и к утру 16 сентября нас сменил подошедший 39-й гвардейский стрелковый полк.

Итак, поставленную задачу — овладеть вокзалом, высотой 102,0 и обеспечить переправу остальных частей дивизии мы выполнили. Но это было только начало. С утра 16 сентября в районе вокзала показались 12 танков противника. Танки развернулись, пошли в атаку, а за ними — пехота. Мы приготовились отразить врага. Открыли огонь орудия батареи Трофимова, противотанковые ружья роты капитана Бурлакова. Меткими выстрелами стали отсекать вражескую пехоту стрелки и пулеметчики Филина, Кравцова, Колеганова и Ефимова. Гвардейцы Селинов, Ильичев, Ветров, Симонов и другие метнули противотанковые гранаты по вражеским танкам со стен вокзала.

Оставив на поле боя десятки убитых солдат и офицеров, пять подбитых и сгоревших танков, фашисты отступили.

Потерпев неудачу, гитлеровцы вызвали авиацию и снова перешли в атаку. На этот раз они двинули против нас 20 танков, из них 8 огнеметных. За ними во весь рост шли пьяные эсэсовцы.

Четыре раза за день вокзал переходил из рук в руки, огневой бой часто превращался в ожесточенные рукопашные схватки. И все же вокзал в этот день остался у гвардейцев.

Утром 17 сентября гитлеровцы силами 76-й пехотной дивизии возобновили наступление на вокзал и на холодильник. Но и на этот раз они не смогли добиться успеха. Гвардейцы первого батальона выстояли. 21 сентября фашисты нанесли массированный удар вдоль р. Царицы. Они отрезали боевые порядки 92, 42-й стрелковых бригад от частей 13-й дивизии и к исходу дня вышли к Волге в районе Центральной набережной. Левому флангу нашего полка угрожала опасность с юга. Это подтвердил и пленный ефрейтор, которого взяли наши разведчики на рассвете. Он показал, что немцы с утра готовятся перейти в наступление. Для этого в долине р. Царицы сосредоточено до полка пехоты и до 30 танков.

Надо было срочно довести это до всех рот, поднять бой-

цов на отпор врагу. В батальоны ушли комиссар полка Кукушкин, агитатор Корень, парторг Капралов. Вместе с военкомами батальонов, политруками рот и парторгами, где это возможно, собрали коммунистов, где этой возможности не было, поговорили с коммунистами прямо у огневых точек. Главная задача — не пропустить фашистов.

Утром 21 сентября до 150 самолетов противника, тремя группами по 50 штук в каждой, начали пикировать на городской рынок, на вокзал и холодильник.

В 8 часов гитлеровцы пошли в атаку. На участке нашего полка она велась в трех направлениях: по Тобольской и Солнечной улицам; по Киевской улице в направлении Госбанка. Главный удар наносился от Астраханского моста по Советской улице и по берегу Волги в направлении: водокачка—центральная переправа.

Танки противника осторожно продвигаются вперед, на ходу стреляют. Вот головные машины остановились. Удобный момент. Взвивается зеленая ракета. Противотанковые пушки и ружья бьют по бортам танков. Враг попятился. Подбито семь танков, уничтожено до роты солдат и офицеров. Но гитлеровцы лезут опять. Теперь они идут уже тремя волнами. Наши бронебойщики вдоль развалин продвигаются вперед. Пробегает со своим расчетом сержант — коммунист Ильичев, за ним другие расчеты ПТР. Они занимают выгодные позиции в руинах. Их задача — открыть огонь с тыла, после чего вступят в бой пушки, стреляя в лоб. Немцы, не ожидая этой хитрости, на больших скоростях проникают вглубь нашей обороны. В образовавшемся мешке два танка подорвались на минах, пять других были подбиты артиллеристами и бронебойщиками.

Захлебнулась и вторая атака врага по Советской улице.

Враг, однако, не унимается. Гитлеровцы вновь и вновь бросают в атаку свежие силы. Наши же силы иссякают. Идут яростные бои у вокзала и на берегу Волги, у Дома союзов, и на Банковской улице, у городского рынка... Батальоны несут потери. Тяжело ранен командир 6-й роты Бабенко, контужен Колеганов. И хотя легкораненые продолжают сражаться, нас становится все меньше.

К исходу дня, понеся большие потери, отходят от городского рынка к домам специалистов роты второго батальона. Ценой больших потерь немцы теснят нас по берегу Волги. Им удается окружить первый батальон, оборонявший гвоздильный завод, вокзал и универмаг. Универмаг незадолго до этого пришлось сдать.

Семь суток — с 21 по 27 сентября — первый батальон дрался в окружении, отбивая ожесточенные атаки врага.

Двумя ротами он обороняет вокзал, а одной ротой — гвоздильный завод. Семь дней и ночей горстка гвардейцев, почти без боеприпасов и продуктов, под непрерывным артиллерийским огнем и ожесточенными бомбардировками с воздуха, удерживала важный в тактическом отношении участок, обеспечивая выполнение боевой задачи другими подразделениями полка. Мужественно дрались гвардейцы рот Филина, Кравцова, Колеганова и Ефремова.

Вот что доносил мне командир батальона старший лейтенант Федосеев:

«Противник всеми силами стремится расчленить 1-й стрелковый батальон на две части, вокзал от гвоздильного завода. Атакуют танки и пехота противника с юга, но его атаки успеха не имели. Несмотря на превосходство врага в силах, наши бойцы проявляют мужество и геройство. Гвардейцы не отступают. Мы умрем, но противник не пройдет нашу оборону... Командир 2-й стрелковой роты Кравцов трижды контратаковал немцев с вокзала на гвоздильный завод и соединился с 1-й стрелковой ротой, обороняющей гвоздильный завод. Мы погибнем, но не сдадим вокзал. Прошу боеприпасов и продуктов.

23/IX 1942 г. Гвоздильный завод. Командир 1-го стрелкового батальона Федосеев».

Гвардейцы умирали, но не отступали. Батальон нес ежедневно большие потери. 25 сентября Федосеев доложил: погиб командир 1-й роты Филин и многие бойцы, остались командир 2-й роты Кравцов, командир пулеметной роты Ефремов и 27 гвардейцев... А 27 сентября не стало и самого Федосеева, он геройски погиб вместе со своими боевыми друзьями. За семь дней жесточайших схваток батальон уничтожил много вражеских солдат и техники. Отвага, стойкость бойцов и офицеров батальона были действительно беспримерными.

...После того как наши позиции и позиции противника сблизились, надо было уточнить, в каком положении оказались оставшиеся батальоны, где, в каких домах укрылись немцы. Командный пункт полка располагался в нескольких метрах от Волги в узкой подземной штольне, освещенной керосиновой лампой, сделанной из гильзы снаряда. Ночью, это было в конце сентября, я вызвал на КП командира 3-го батальона капитана А. Е. Жукова и дал ему задание разведать, что происходит в ближнем от нас доме, стоящем на площади 9 Января (ныне площадь им. Ленина), который мог бы стать хорошим пунктом обороны. Жуков направил в разведку отделение сержанта Я. Ф. Павлова. Бойцы отделения обнаружили в доме нескольких жильцов,

не успевших эвакуироваться. Жильцы сообщили разведчикам, что недавно в крайний от площади подъезд вошли немцы. Установив наблюдение за подъездом, Павлов отправил бойца Калинина с донесением в полк.

Дальше события развивались так. Командир 1-й роты лейтенант Цибизов получил приказ выдвинуться к мельнице, что напротив дома, атаковать его с севера; командиру 2-й роты лейтенанту Кукушкину было приказано приблизиться с ротой к зданию НКВД, атаковать дом с юга. Комбат Жуков должен был открыть огонь силами 7-й роты со складов мельницы, демонстрируя наступление, чтобы вызвать огонь противника на себя, а в момент атаки двух рот поддержать их. Сигнал к атаке — зеленая ракета с мельницы.

Дом был захвачен, немцы, находившиеся в нем, уничтожены. На новый рубеж обороны мы отправили 7-ю роту 3-го батальона под командованием лейтенанта И. И. Наумова; рота была усилена пулеметным взводом младшего лейтенанта И. Ф. Афанасьева, расчетами противотанковых ружей. Два орудия поставили на Солнечной улице. Ответственность за оборону этого рубежа я возложил на командира 3-го батальона А. Е. Жукова, а перед ним отвечал командир 7-й роты Наумов.

58 суток удерживали в своих руках воины полка этот дом, вошедший в историю как дом Павлова, который первым проник в этот дом.

Немцы до 19 ноября не оставляли попыток отбить у нас этот дом. Они обрушивали на него и на мельницу лавину огня. Чтобы уменьшить наши потери, я приказал отрыть три подземных хода сообщения, использовать для этого канализационные трубы. Ходы сообщения сделали с выносными пулеметными площадками. Как только начинался очередной артиллерийский обстрел или бомбежка, рота скрывалась в ходы сообщения, но едва только немцы поднимались в атаку, наши бойцы открывали огонь с пулеметных площадок. Гитлеровцы оставляли горы трупов и откатывались назад. Такое повторялось по 4—5 раз в сутки. Погиб в этих боях лейтенант Наумов, ранены были командир взвода Афанасьев, командир отделения Павлов, автоматчик Глущенко и многие другие гвардейцы. Дом солдатской славы держался. Враг так и не сумел им овладеть.

В начале октября немцы заняли Г-образный дом и дом железнодорожников, сильно укрепили их, прорыли к ним ходы сообщения и вели теперь прицельный огонь по нашим переправам и подступам к ним. Волга долго не замер-

зала, шел ледоход. Переправа боеприпасов, продовольствия и пополнения затруднилась.

Нужно было немедленно взять эти дома. Первая атака не удалась. Тогда к домам прорыли тоннель, в конце его заложили полторы тонны взрывчатки. Но и это не имело успеха.

Однажды ко мне привели пожилого человека, задержанного при переходе наших позиций. Выяснилось, что человек этот жил раньше в доме железнодорожников, а сейчас укрывается с семьей во дворе его.

— Как попал сюда? — спрашиваю его.

— Немцы послали за водой,— отвечает.

Как видно, фашистам хотелось убить двух зайцев: и воду получить, и узнать от того, кто ее принесет, кое-что о нашей обороне. Это я и растолковал «гостю», сказав, что ему придется задержаться у нас. Он сказал, что все отлично понимает. Потом добавил, что знает, как расположены в доме огневые точки врага. В течение трех дней сталинградец показывал мне на местности, где у немцев пулеметы, минометы, ходы сообщения.

Началась подготовка штурмовой группы. Тренировалась она у Соляной пристани, превращенной в своеобразный макет дома железнодорожников. Здесь отрабатывали весь ход штурма.

Штурм был тяжелым, трудным, но закончился нашей победой. В результате пятичасового боя противник потерял два сильнейших опорных пункта — дом железнодорожников и Г-образный дом, с которых он держал под огнем волжские переправы и подходы к ним.

В этом бою геройски действовали командир батареи Внуков, командир взвода Вотяков, сержанты-артиллеристы Басов, Проворов, рядовые Тарасов, Дмитриев и Петров, из группы обеспечения командир 8-й роты Кондрашев, командир взвода Гаврилов, гвардейцы Гришин, Максимов, Беляев и Серафимов.

И таких примеров много. Воины полка не щадили себя, только бы удержать Сталинград, выполнить приказ Родины.

Я. Ф. Павлов,

Герой Советского Союза,
старший лейтенант

Как это было

Меня часто спрашивают — как это было? Всего я, конечно, не мог запомнить — обстановка была слишком напряженная, да и годы, прошедшие с тех пор, кое-что унесли из памяти.

Но все же, когда начинаешь вспоминать, перед глазами снова встают незабываемые картины прошлого.

...Темной сентябрьской ночью в 1942 году наша гвардейская дивизия выгрузилась из машин на левом берегу Волги.

Перед нами — пылающий Сталинград. Оттуда слышится несмолкаемый грохот орудий, визг пикирующих самолетов. Доносятся очереди пулеметов, автоматов. То и дело раздаются взрывы бомб, снарядов, мин. Над городом и Волгой виснут ослепительно светящиеся ракеты. Широкие лучи мощных прожекторов пронизывают черные тучи дыма и пыли.

Вот уже несколько дней и ночей идет великое сталинградское сражение.

— Так вот он какой наш Сталинград! А ведь всего месяц назад мы проходили через него совершенно спокойно...

К пристани тихо, бесшумно подошел катер с баржой. Началась погрузка. Вскоре катер также бесшумно отчалил от берега. Мы молчим. Я смотрю на своих товарищей и вижу, как посуровели их лица. Медленно плывем по Волге. Враг обстреливает нас. Снаряды, то справа, то слева, падают в воду, рвутся и подымают громадные фонтаны. Доплыли до середины реки и тут — беда: трос намотался на винт катера — остановились. Немцы усилили огонь. Командиры отдали приказание: быть готовыми прыгать в Волгу и вплавь добираться до правого берега. Вот когда я особенно пожалел о том, что в свое время не научился плавать! К счастью, прыгать не пришлось. Баржа оторвалась от катера и нас понесло по течению. Но катер догнал ее, снова взял на буксир и мы вскоре причалили к сталинградскому

берегу, похожему на извергающийся вулкан. Быстро прыгаем с баржи на сушу и прямо с ходу вступаем в бой...

Трудно передать сейчас картину первого нашего боя за Сталинград. Вокруг был ад кромешный. Но сквозь огонь и грохот гвардейцы генерала Родимцева бесстрашно рвались вперед. В эту ночь мы не только отбили натиск врага, но и потеснили его назад, отвоевав несколько домов. Захватил один из домов и наш взвод, которым командовал лейтенант Бойко, а я был командиром отделения.

Прошло еще несколько дней и ночей, полных неимоверного напряжения. Гитлеровцы пытались любой ценой вернуть потерянные позиции. Дорого обошлись им эти попытки. Подступы к домам, которые мы захватили, были усеяны вражескими трупами. Гитлеровское командование бросало вперед все новые и новые силы, чтобы сбросить нас в Волгу. Но гвардейцы помнили приказ Родины: «Стоять насмерть! Ни шагу назад!».

27 сентября вечером меня вызвал к себе командир роты гвардии старший лейтенант И. И. Наумов и сказал:

— Товарищ сержант, есть очень важное дело...— Посмотрел на меня и спросил: — Как чувствуете себя?

— Нормально.

Я только что вернулся из разведки, не спал трое суток и вид у меня, наверное, был неважный. Но все же после короткого отдыха я чувствовал себя неплохо и готов был выполнить любое задание.

Командир роты отвел меня в сторону и, показывая на большой четырехэтажный дом, стал объяснять:

— Этот дом имеет для нас важное значение. Оттуда можно держать под контролем площадь 9 Января и все соседние дома. Нужно разведать, выяснить, много ли в доме гитлеровцев. Разведать необходимо сегодня же ночью.

— Ясно.

— Сколько бойцов вам надо?

Я подумал и сказал:

— Троих хватит.

— Не мало?

По правде говоря, троих бойцов было, конечно, недостаточно. Но наша рота в первых боях понесла большие потери, и каждый из нас должен теперь воевать за двоих, за троих.

Иван Иванович Наумов предложил мне самому подобрать бойцов для выполнения задания. Я выбрал В. С. Глущенко, А. К. Александрова и Н. Я. Черноголова. Это были надежные, храбрые ребята, с которыми у меня установилась хорошая фронтовая дружба.

Наступила ночь. Настал момент отправляться в опасный, рискованный путь. Дело прошлое и нечего греха таить: жутковато было. Чувство тревоги, конечно, переживал каждый из нас, но мы не подавали друг другу вида...

Взяв с собой автоматы, «лимонки» и ножи, поползли. До дома, который нам предстояло разведать, действительно было недалеко — метров сто пятьдесят. Но какие это были трудные метры! Гитлеровцы, не переставая, поливали наши позиции шквалом огня.

Плотно прижимаясь к земле, медленно продвигаемся вперед, преодолевая метр за метром. Времени в нашем распоряжении оставалось немного, потому что скоро должна была взойти луна.

Но вот и дом, на который указывал нам командир роты. Вспотевшие и запыхавшиеся, мы прижимаемся щеками к холодной стене, переводим дыхание. Прислушиваемся — в доме тихо, как будто никого в нем нет, но из окон торчат дула пулеметов.

Пора действовать. Подползаем вдоль стены к первому подъезду. Оставляем Александрова снаружи — вести наблюдение. Вползаем в парадную дверь. Глущенко остается на площадке первого этажа для наблюдения за лестницами, ведущими вверх. Мы с Черноголовым осторожно спускаемся по ступенькам в подвал. Я прислоняю ухо к двери — из подвала доносится приглушенный разговор. Сильным толчком распахиваем дверь, врываемся, включаем ослепляющие фонарики и видим... перед нами женщины, старики и дети. Несколько секунд всеобщего оцепенения, затем раздается возглас женщин:

— Наши!

Все бросились нам навстречу.

— Добрый вечер, товарищи! — громко сказал я и, спохватившись, полушепотом попросил соблюдать тишину.

Подойдя к нам, пожилая женщина таким же тихим заговорщицким тоном спросила:

— Вернулись, сыночки родные?

— А мы никуда и не уходили, мамаша.

— Но как же вы сюда попали? Ведь в доме немцы!

— Знаем, что немцы, потому и пришли.

От женщин мы узнали, что в первом подъезде немцев сейчас нет, они перешли во второй подъезд и расположились на первом этаже.

Все же осторожность требует проверки. Глущенко следит теперь за подвалом, а мы с Черноголовым подымаемся на верхние этажи. Действительно, в первом подъезде ни

одного гитлеровца не оказалось. Пробираемся ко второму подъезду.

На первом этаже перед нами две двери — одна налево, другая направо. Прислушиваемся — слышим: разговаривают немцы. Я подаю Черноголову условный знак, он быстро раскрывает одну дверь, я другую, бросаем вперед по три гранаты, врываемся в наполненные дымом комнаты и строчим из автоматов. Убедившись, что в этих комнатах ни одного живого гитлеровца не осталось, мы быстро поднимаемся на следующие этажи, обследуем чердак. Пусто. Спускаемся вниз.

Дальнейшая разведка показала, что гитлеровцы располагались действительно только во втором подъезде.

— Значит, дом теперь в наших руках.

— Выходит, так,— шутя сказал Глущенко,— что мы перевыполнили задание.

— Как так?

— А как же, ведь нам было приказано только разведать дом, а мы всех гитлеровцев в нем перебили и полными хозяевами стали. Что думаешь дальше делать, товарищ сержант?

Оставить этот дом — значит дать возможность гитлеровцам снова занять его. Принимаем решение: не уходить и держать круговую оборону. Расставляю посты: Черноголов занимает позицию у окна и ведет наблюдение за площадью, Глущенко — следит за подъездами, Александров — за тыловой стороной.

Одна беда — мало боеприпасов, людей. Но вскоре командир батальона капитан А. Е. Жуков прислал подкрепление. В числе прибывших были русские И. Ф. Афанасьев, И. В. Воронов, украинцы П. И. Довженко, А. И. Иващенко, грузин И. Г. Мосияшвили, таджик К. Тургунов, татарин Ф. З. Ромазанов. В нашем гарнизоне стало 18 человек. Теперь мы вооружены не только гранатами и автоматами, но и противотанковыми ружьями, ручными и станковым пулеметами. Заимели постоянную связь с командным пунктом батальона — связисты протянули линию и в подвале, где разместился «штаб», установили телефоны.

С того момента и началась оборона дома № 61 на площади 9 Января (ныне площадь им. В. И. Ленина). Она длилась 58 суток. И я не могу припомнить такого дня или ночи, когда бы гитлеровцы не беспокоили нас. Какие только усилия не предпринимали они, чтобы выбить нас или разрушить занятый нами дом. Они стреляли из пулеметов, автоматов, минометов, пушек, танков. Сбрасывали на дом авиабомбы. Дрожало все вокруг, но ни разу не дрогнули

сердца гвардейцев. Рушились стены, но нерушима была наша боевая дружба, непоколебима воля к победе.

В дни обороны дома у каждого из нас выковывалась не только стойкость, но и накапливался опыт, воинская смекалка и хитрость.

Из-за прикрытия наших береговых зениток вражеским стервятникам почти невозможно было бомбить нас, поэтому они решили совершить налет ночью. Слышим как-то завывает над нами фашистский бомбардировщик. Гитлеровцы, сидевшие напротив, чтобы указать своим летчикам цель, начали пускать в нашу сторону зеленые ракеты. Мы сообразили, в чем дело. Я вспомнил, что и у нас есть такие ракеты. Кричу Александрову:

— Скорее ракетницу!

Пускаем одну за другой зеленые ракеты на дома, занятые немцами, и сбитые с толку гитлеровские летчики сбросили бомбы... на своих.

Таких случаев было немало.

Храбрым и смекалистым был пулеметчик И. В. Воронов. Со своим «максимом» он буквально не расставался и стоило только хоть одному гитлеровцу откуда-нибудь высунуться, он уничтожал его. Как-то ночью немцы вынуждены были вырыть глубокую траншею между занятыми ими домами. Наш огонь не мог доставать перебегающих по этой траншее гитлеровцев. Воронов разозлился и говорит:

— Сержант, давай истребуем ротный миномет.

Идея Воронова мне понравилась. Я позвонил командиру роты, и следующей ночью к нам был доставлен миномет. Мы так наловчились стрелять из него, что каждая мина ложилась прямо в немецкую траншею. Опять гитлеровцам не стало житья.

Но и нам приходилось очень туго. Часто не хватало боеприпасов, питания, воды. Их очень трудно было доставлять под огнем противника, который не прекращался и ночью.

Об этом хорошо знало наше командование и по мере возможности помогало нам, чем могло. Однажды ночью к нам пришел командир полка гвардии полковник И. П. Елин. Он осмотрел весь дом, каждую комнату и подвал.

Нам приятно было видеть, с какой деловитостью он разглядывал каждый закоулок. Потом собрал нас и повел задушевный разговор. А под конец заметил:

— Гитлеровцы все-таки постараются как-нибудь спалить этот дом.

— А мы, товарищ гвардии полковник, как-нибудь постараемся не сгореть,— отвечаем.

Полковник посмотрел на нас, улыбнулся, потом серьезно продолжил:

— Имейте в виду, товарищи, что для нашей обороны важен не столько дом, сколько выгодная позиция. Ради этого, если даже дом будет гореть, уходить отсюда все равно нельзя. Надо подумать хорошенько, что и как сделать, чтобы удержать позицию.

Стали думать сообща, и многое было сделано. Перед нашим домом метрах в двадцати-тридцати находилось старое железобетонное бензохранилище. Хорошее укрытие, но добраться до него было невозможно. В другом месте, тоже не так далеко от дома, был люк водопроводного тоннеля.

Решили в оба места прорыть из подвала подземные ходы. Делали это незаметно, ибо малейшая неосторожность могла сорвать весь замысел. Рыли подземные ходы днем и ночью. Отдыхать почти не приходилось. Сменится солдат боевого поста и идет рыть «норы», а потом снова на пост. И мы все-таки добились своего: запасные позиции сделали. Они сослужили нам большую службу. Бывало как только немцы открывали сильный огонь, на постах оставались лишь дежурные, а все остальные уходили в убежище. Прекращался артиллерийский обстрел, и весь наш гарнизон снова был в доме, снова продолжал уничтожать гитлеровских автоматчиков, пытавшихся атаковать нас и захватить здание.

И так день за днем все время осады.

Со стороны наш дом, наверное, казался страшным. Он был весь издолблен снарядами, осколками мин и авиабомб. Но продолжал стоять, как крепость. И дело, по-моему, не в том, что очень уж крепки были его стены. Главное — мы не сдавались, не отходили ни на шаг, стояли насмерть!

В один день гитлеровцы выпустили по дому особенно много снарядов. Одна стена рухнула. Черноголов сказал:

— Ничего, друзья, у нас осталось еще три стены.

А Глущенко, этот не унывающий ни при каких обстоятельствах сорокалетний украинец, весело добавил:

— Теперь для нас еще лучше, дышать легче стало, будто вентиляция заработала...

Что же вселяло в нас дух бодрости и уверенности в победе?

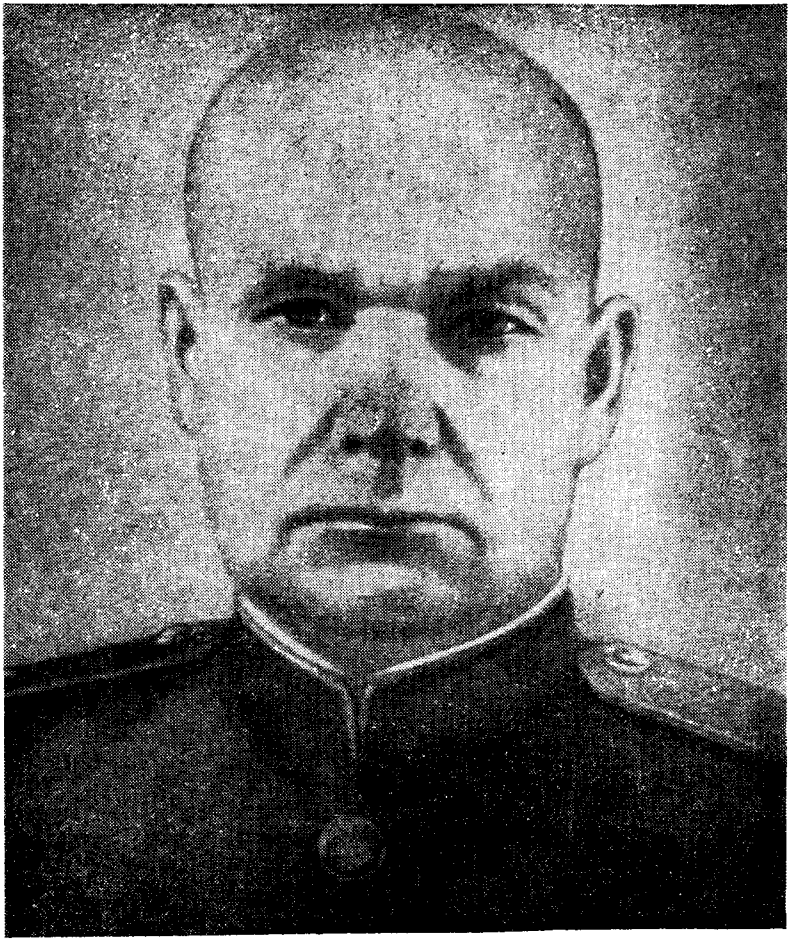
Мы не были одиноки. Мы знали и чувствовали, что за обороной Сталинграда следит весь мир. Нам помогала вся страна. Мы чувствовали за своей спиной надежный тыл. Мы получали не только оружие, боеприпасы, продук-

ты, но и индивидуальные посылки и письма со всех концов Советского Союза.

Нас вдохновляла любовь к Родине, безграничная вера в родную Коммунистическую партию, которая, знали мы твердо, приведет нас к победе.

М. С. Шумилов,

Герой Советского Союза,
генерал-полковник



Стойкость 64-й

В середине июля создалась угроза выхода немецких войск к Дону в районе Калача.

Ставка Советского Верховного Командования выдвинула навстречу главной группировке противника 62, 63 и 64-ю армии, которые и завязали бои в большой излучине Дона с задачей не допустить прорыва немецких войск к Волге.

64-я армия имела задачу к 21 июля выйти на западный берег Дона и закрепиться на фронте Суровикино—Нижне-Солоновский — Пещерский — Суворовский — Потемкинская — Верхне-Курмоярская.

Своевременно занять оборону армии не удалось, так как ее соединения полностью еще не были сосредоточены.

На некоторых участках противник упредил наши войска, заняв выгодные рубежи. Воины 64-й армии вынуждены были с ходу вступать в бой.

С утра 24 июля начались упорные бои на всем фронте армии. Несмотря на численное превосходство противника в живой силе, танках, а особенно в авиации, он встретил упорное сопротивление войск армии и в первых же сражениях понес большие потери. В отдельные дни враг терял до 30—50 танков. Попытка гитлеровцев с ходу форсировать Дон на этом направлении была сорвана.

В командование 64-й армией я вступил 30 июля 1942 года, приняв ее от генерала Василия Ивановича Чуйкова, который стал заместителем командарма.

К этому времени обстановка на левом крыле армии сильно обострилась. Немецкое командование, в результате стойкого сопротивления наших войск в излучине Дона, решило перебросить сюда с Кавказского фронта 4-ю танковую армию Гота и повести наступление на Сталинград с юга.

Танки Гота форсировали Дон в районе станицы Цимлянской. Части 51-й армии, которые противостояли армии

Гота, были малочисленны и задержать наступление танковой армады не могли. Мной было принято решение создать под командованием генерала В. И. Чуйкова специальную группу из частей 64, 51-й армий и вновь прибывшей 204-й стрелковой дивизии с задачей задержать наступление Гота и дать возможность произвести маневр 64-й армии. Группа генерала В. И. Чуйкова с честью справилась с поставленной задачей. По приказу фронта, под прикрытием войск группы 64-я армия отошла от Дона и заняла рубеж Красный Дон—Зимовской, далее по реке Мышкова до Ивановки, ст. Абганерово—Плодовитое.

Группа генерала Чуйкова продолжала удерживать рубеж по реке Аксай. Противник перенес свой удар восточнее участка железной дороги Котельниково—Абганерово на Жутово и далее на Плодовитое, где наткнулся на оборону 57-й армии. На этом рубеже развернулись упорные бои. Группа генерала Чуйкова, выполнив задачу, возвратилась в состав 64-й армии.

6 августа немецко-фашистские войска силами четырех пехотных, 1-й танковой и 1-й моторизованной дивизий начали наступление в направлении с. Плодовитое, ст. Тингута, разъезд 74-й км, в стык с 57-й армией.

На участке 64-й армии к вечеру гитлеровцам удалось занять с. Плодовитое и разъезд 74-й км. Дальнейшее наступление было приостановлено.

На левом крыле армии создалось угрожаемое положение: противник выходил на фланг и в тыл армии. На правом крыле противник не проявил активности. Я решил снять отсюда дивизию и часть курсантских полков, перебросив их в угрожаемый участок, и нанести контрудар. Об этом решении я доложил командующему фронтом. Андрей Иванович Еременко, только что назначенный командующим фронтом, выслушав мои соображения, тут же дал разрешение на перегруппировку, усиление армии танками, артиллерией.

Контрудар был нанесен по противнику утром 9 августа во взаимодействии с войсками 57-й армии. Гитлеровцы в панике бежали от разъезда 74-й км и с. Плодовитое.

В этом бою было подбито до 60 и захвачено около 40 вражеских танков, уничтожены десятки орудий. Многие гитлеровцы сдались в плен.

После нашего контрудара противник на всем фронте армии перешел к обороне. Время было выиграно. Захватить Сталинград с ходу противнику не удалось.

Для дальнейшего наступления Готу требовалось пополнение, и он получил его за счет 6-й немецкой армии (тан-

ковую и пехотную дивизии). Наше наблюдение, разведка и пленные показывали, что готовится новое наступление. Чтобы встретить его во всеоружии, командование армии просило командующего фронтом генерала А. И. Еременко разрешить отвести армию на промежуточный рубеж и этим сократить ее фронт, увеличив плотность на километр фронта пехоты, артиллерии и других средств. Разрешение не было получено.

29 августа рано утром вражеская авиация и артиллерия нанесли удары по позициям 126-й стрелковой дивизии, занимавшей район села и ст. Абганерово. В атаку пошли до 250 танков с пехотой на броне. Наши мужественные воины мощным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем остановили наступление врага, нанеся ему ощутимые потери.

Через три часа последовала авиационная и артиллерийская подготовка, снова лавина танков устремилась на позиции 126-й стрелковой дивизии. Часть танков ворвалась на передний край обороны, стала «утюжить» окопы и блиндажи. Остальные машины достигли наших артиллерийских позиций. Но и на этот раз бойцы дивизии не пропустили врага.

После третьей атаки противника в дивизии осталась половина личного состава, но воины продолжали сражаться и только по приказу армии начали отход.

В ожесточенных боях на дальних подступах к Сталинграду образцы мужества и отваги показывали коммунисты и комсомольцы. Они всегда находились на самых трудных и решающих участках.

Политработники доходчиво разъясняли воинам такие документы, как приказ наркома обороны от 28 июля 1942 года № 227, в котором главным лозунгом было: «Ни шагу назад!», обращение Военного совета фронта к воинам, обращение Сталинградского городского комитета Коммунистической партии.

В ходе боев многие бойцы подавали заявление о приеме их в партию. Эти заявления рассматривались прямо на передовой, под обстрелом, в такой же обстановке вручались партийные билеты.

Несмотря на мужество и героизм наших воинов, под натиском численно превосходящих сил противника, по приказу командования фронта, армия вынуждена была отойти на последний оборонительный рубеж: на высоты западнее южной части города.

Началось упорное оборонительное сражение.

Противник почти ежедневно, с разных направлений, по

несколько раз в день, после мощной авиационной и артиллерийской подготовки, двумя-тремя дивизиями с танками атаковывал наши войска.

Воины армии успешно отбивали все атаки противника, нанося ему большие потери в живой силе и технике.

Оборона армии не была пассивной. Наши части сами организовывали частные наступательные операции, отвлекая на эти направления дополнительные силы и средства противника, облегчая положение соседней 62-й армии, сражавшейся в центре города. Вот о такой частной наступательной операции мне и хочется рассказать.

На фронте нашей армии к началу организации частной наступательной операции было более или менее спокойно, если не считать небольших атак противника. Противник продолжал непрерывные атаки против 62-й армии.

В состав нашей 64-й армии был в это время включен вновь прибывший 7-й стрелковый корпус генерал-майора С. Г. Горячева в составе трех бригад. Чтобы ослабить нажим фашистов в центре города, командующий фронтом поставил перед нами задачу: к 25 октября подготовить операцию с участием двух стрелковых дивизий, 7-го стрелкового корпуса со средствами усиления из района Купоросное, Зеленая Поляна. Во время подготовки операции на наблюдательный пункт 64-й армии, который находился в полутора километрах западнее Бекетовки, прибыл представитель Ставки генерал-полковник А. М. Василевский.

Он сразу же спросил меня: понятна задача армии?

— Задача армии понятна,— сказал я,— но у меня есть сомнения в правильности выбора направления для наступления. Армия будет наступать вдоль Волги через населенный пункт Ельшанка, что усложняет бой. Нельзя ли отнести направление удара западнее Волги, километров на пять-шесть, и наступать в направлении Песчанка?

— Выбор направления для наступления вдоль Волги выбран потому, что противник все время стремится расширить коридор между 62-й и 64-й армиями и сосредоточивает для этого силы и средства,— разъяснил А. М. Василевский.— Наступая в этом направлении, мы еще больше убедим его в том, что тоже имеем основную задачу: соединить фланги армий. Противник вынужден будет дополнительно привлечь свои резервы. Кроме того, наступление армии в этом направлении отвлечет его внимание от других направлений и даст возможность вести переправу наших резервов на участке 57-й армии для контрнаступления.

Получив приказ о наступлении, штабы, командный и политсостав армии провели большую работу. Организовали

взаимодействие между соединениями, частями и артиллерией, танками и авиацией по времени и рубежам. Проверил своевременность занятия полосы для наступления, рубежей для предстоящей атаки. Довели боевую задачу до каждого бойца. Обеспечили всеми видами довольствия соединения и части.

25 октября после артиллерийской подготовки войска армии пошли в атаку. Противник в свою очередь открыл артогонь по наступающим войскам, а через 30—40 минут появилась и вражеская авиация, которая господствовала в воздухе.

Организуя и начиная наступление, я думал: справится ли комсостав 7-го стрелкового корпуса с поставленными задачами? Дело в том, что я не был знаком с этим соединением. Командиров же дивизий И. К. Морозова, М. И. Денисенко, Г. Б. Сафиулина, Д. С. Куропатенко, А. В. Скворцова и особенно командиров 66-й и 154-й морских бригад я знал прекрасно и был всегда уверен, что каждый из них справится с поставленной задачей в самой сложной обстановке.

Наше наступление продолжалось. Части 7-го стрелкового корпуса и 422-й стрелковой дивизии полковника И. К. Морозова ворвались в первые и вторые траншеи противника.

Часа через два после начала нашего наступления противник поднял в воздух новые группы самолетов и под их прикрытием бросил в контратаку пехоту с танками.

Находясь на наблюдательном пункте на высотах западнее пригорода Бекетовка, я все это видел и опасался, как бы части корпуса не дрогнули. Но генерал С. Г. Горячев своевременно открыл артиллерийский огонь по развертывавшимся фашистским танкам, и корпус отбил вражескую контратаку. После этого снова заговорила наша артиллерия. 15 минут длился огневой налет, вслед за которым поднялась в атаку пехота в сопровождении танков. Продвинулись мы в этот день на 1—1,5 км.

26 октября наше наступление продолжалось. Враг отчаянно сопротивлялся. Нашим войскам удалось продвинуться на 1—2 километра, отражая яростные контратаки противника. Героически сражались воины 7-го стрелкового корпуса. Генерал-майор С. Г. Горячев, командиры 93-й стрелковой бригады подполковник Н. З. Галай, 96-й бригады — полковник Г. Н. Артемьев, 97-й стрелковой бригады — генерал-майор В. В. Тихомиров умело руководили войсками, проявляя личную храбрость и отвагу. Были минуты, когда танки противника появились у самых наблю-

дательных пунктов командиров бригад, но, встреченные хорошо организованным артогнем и своевременно выдвинутым противотанковым резервом, вынуждены были откатиться назад.

В ходе этих боев, которые длились с 25 октября по 3 ноября, войска армии на правом фланге продвинулись на 4—5 км. Нам не удалось соединиться с войсками 62-й армии, но задача — оттянуть на себя дополнительные силы и средства противника — была выполнена. И это имело большое значение: в центре Сталинграда атаки фашистов ослабли.

Выполнена была и другая задача — авиация противника уделила все внимание нашему наступлению и почти не летала в полосах 57-й и 51-й армий, а там шло сосредоточение резервов, на правом и левом берегах Волги шла переправа войск.

После 6—7 дней непрерывных боев в районе Купоросное, Зеленая Поляна враг был измотан, прекратил контратаки и перешел к обороне на всем фронте перед 64-й армией.

Войска нашей армии, понеся значительные потери, прекратили дальнейшее наступление и перешли к обороне. Этот рубеж воины 64-й армии не сдали до конца битвы за Сталинград. Благодаря этому, в Кировском и Красноармейском районах города продолжали работать предприятия и учреждения. Большую помощь армии оказывали заводы. Рабочие ремонтировали танки, тракторы, автомашины, минометы, изготавливали бутылки с горючей смесью. Особенно хочется отметить коллектив Сталгрэса, который под бомбежками и артиллерийским обстрелом продолжал нести ответственную вахту. Труженики мельницы и хлебозавода в Красноармейске снабжали войска и население мукой, крупой и хлебом.

Надо сказать, что городская и районные партийные организации тесно были связаны с армейскими коммунистами. Армейская газета систематически освещала работу тружеников города и информировала их о положении на фронте.

11—12 октября на судоверфи был проведен очередной пленум горкома партии, на котором присутствовали руководители предприятий, организаций города и представители воинских частей. «Все для фронта, все для победы!» — слышалось в каждом выступлении.

В середине октября 1942 года из штаба фронта сообщили, что в армию прибудет член Центрального Комитета Коммунистической партии Дмитрий Захарович Мануиль-

ский. Все мы знали Д. З. Мануильского по его работе в Коминтерне, на других ответственных постах, знали, как стойкого коммуниста и опытного дипломата. Военный совет армии решил организовать встречу с Дмитрием Захаровичем. В день его приезда пригласили представителей от всех дивизий, бригад, отдельных частей. Встречу наметили проводить в столовой и для того, чтобы уместилось побольше людей, все столы, скамейки убрали.

...Вот появляется моторная лодка на Волге и направляется к командному пункту армии, расположенному в землянках, врытых прямо в берег Волги. Из моторки выпрыгивает Д. З. Мануильский. Его густая шевелюра развевается на ветру, на лице радостная улыбка. Я приглашаю Дмитрия Захаровича в свою землянку.

Дмитрий Захарович охотно согласился выступить в столовой перед нашими воинами и настоял на том, чтобы побывать в частях. Пришлось согласиться, и мы договорились о том, что до вечера тов. Мануильский побывает в полку связи.

В это время кто-то из армейских товарищей сказал, обращаясь ко мне, что в районе Бекетовки находится в резерве 154-я морская бригада. Дмитрий Захарович немедленно ухватился за это. После обеда он выехал в бригаду в сопровождении членов Военного совета армии и начальника политотдела.

Потом мне рассказывали, с какой теплотой матросы встретили его. Мануильский в своих разговорах интересовался буквально всем.

Матросы рассказали ему, что фашисты — идут ли в наступление или обороняются — больше боятся тельняшек, чем артиллерии, «поэтому в бою мы сбрасываем бушлаты или шинели, остаемся в тельняшках — и победа обеспечена».

Мануильский смеялся до слез, затем сказал:

— Это хорошо, что фрицы боятся тельняшек, но артиллерию и пулеметы забывать не следует.

Вечером состоялась встреча Мануильского с представителями соединений и частей армии. Столовая была набита до отказа. Многие стояли на улице около дверей.

В своем выступлении Мануильский прежде всего передал приветствие ЦК партии воинам 64-й армии.

Дмитрий Захарович остановился на тех трудностях, которые встречают воины — защитники Сталинграда, и сказал, что об этом хорошо известно ЦК партии, и Центральный Комитет принимает все меры к тому, чтобы помочь сталинградцам. Далее он рассказал о том, как наш совет-

ский народ трудится в тылу, отдавая все силы во имя победы над врагом.

В заключение Мануильский сказал, что партия, наш народ гордятся воинами — защитниками Сталинграда — и уверены, что Сталинград находится в надежных руках.

Речь Мануильского неоднократно прерывалась аплодисментами. После него выступил я и просил Дмитрия Захаровича передать ЦК Коммунистической партии от воинов 64-й армии заверение в том, что клятва, данная партии, — отстоять Сталинград,— будет выполнена.

На другой день Мануильский побывал в окопах 66-й морской бригады и только после этого убыл в штаб фронта.

Встреча с видным деятелем Коммунистической партии оставила у командиров, политработников, агитаторов, бойцов неизгладимое впечатление. Его выступление они донесли до каждого бойца 64-й армии.

19 ноября 1942 года началось контрнаступление наших войск под Сталинградом. В тот день первыми пошли вперед войска Юго-Западного и Донского фронтов. Услышав мощный залп «катюш», затем гром артиллерии, бойцы и командиры от души радовались, бросали вверх шапки.

Наступило туманное утро 20 ноября. Заговорила артиллерия Сталинградского фронта. Оборона противника как на севере, так и у нас, на юге, была взломана. В прорыв ринулись подвижные войска, которые 23 ноября соединились в районе хутора Советский. Мощная группировка немецких войск была окружена.

Гитлер приказывает командующему 6-й немецкой армией Паулюсу организовать круговую оборону и ждать помощи извне.

Командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Манштейн организует наступление вновь сформированной 4-й танковой армии Гота для соединения с окруженными.

Разгорелись тяжелые бои. Положение становилось настолько опасным, что я развернул на юг из своего резерва две стрелковые дивизии.

Подошедшая 2-я гвардейская армия генерала Р. Я. Малиновского изменила всю обстановку в нашу пользу. Войска немецкой 4-й танковой армии, понеся в боях большие потери, начали отход. Таким образом, замысел гитлеровского командования по освобождению группировки Паулюса рухнул.

Между тем кольцо наших войск продолжало все крепче зажимать окруженного противника. Предъявленный нами ультиматум о сдаче командующим 6-й немецкой армией Паулюсом был отвергнут.

По заранее разработанному плану наши войска перешли к решительным действиям. Зима в том году была снежная и холодная.

29 января 1943 года из опроса пленных нам стало известно, что штаб 6-й немецкой армии во главе с Паулюсом находится в подвале универмага. В моем резерве находилась 38-я мотострелковая бригада под командованием полковника И. Д. Бурмакова. Командиру бригады была поставлена задача: окружить универмаг и захватить штаб 6-й армии немцев. Бригаде был придан 329-й саперный батальон. Задача воинами бригады и саперами была выполнена с честью.

В 6 часов мне на наблюдательный пункт, находившийся в Ельшанке, позвонил полковник И. Д. Бурмаков и доложил, что универмаг окружен и что старший лейтенант М. Ф. Ильченко вел переговоры с представителем Паулюса, который вышел из универмага с белым флагом и просил прислать представителей штаба армии для переговоров. Мной было принято решение: переговоры начать с 8.00 до 10.00, и в это время огня не вести.

Для переговоров старшим был назначен начальник штаба армии генерал-майор И. А. Ласкин, который в это время находился в штабе армии в Бекетовке.

Со мной на наблюдательном пункте были начальник оперативного отдела полковник Г. С. Лукин, начальник разведывательного отдела майор И. М. Рыжов, заместитель начальника штаба армии по политчасти подполковник Б. И. Мутовин, которых я немедленно направил в штаб 6-й немецкой армии для переговоров до приезда начальника штаба армии.

Как докладывали наши офицеры, в штабе 6-й армии немцев, когда они вошли туда, среди солдат и офицеров царило уныние. Комната начальника штаба армии освещалась огарком свечи и тускло горевшей лампой. Накануне пленения по приказу Паулюса все рации и электростанция были уничтожены. Начальник штаба 6-й немецкой армии генерал-лейтенант Шмидт при входе нашей делегации в его комнату встал и приветствовал делегацию, представив тут же находившегося командира 71-й пехотной дивизии генерал-майора Росске как командующего южной группировкой расчлененного нами к этому времени «котла».

Делегация представила требование о немедленном прекращении огня как северной, так и южной группировкой немецких войск. Генерал-лейтенант Шмидт от имени Паулюса заявил, что северной группировке войск он приказывать не может, так как ею не командует, а южная группи-

ровка войск, которой командует генерал-майор Росске, принимает все условия капитуляции.

Переговоры закончились. Огонь на южном участке прекратился.

В сопровождении начальника штаба 64-й армии генерал-майора Ласкина командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Паулюс, его начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт и первый адъютаит армии (начальник армейского управления кадров) полковник Адам были доставлены на командный пункт 64-й армии в Бекетовку.

Около 12 часов 31 января 1943 года в мой кабинет ввели Паулюса, Шмидта и Адама.

Передо мной стоял первый плененный Красной Армией генерал-фельдмаршал немецких войск. Я с большим интересом рассматривал Паулюса, гитлеровского военачальника, который непосредственно разрабатывал план «Барбаросса», план коварной войны против нашей Родины. Он же был исполнителем этого плана, командуя 6-й немецкой армией, войска которой хотели захватить Сталинград.

Но что это? Все трое подняли правую руку со словами: «Хайль Гитлер!». Мне стало смешно и горько. Гитлер угробил 6-ю немецкую армию, а они его славят.

Я резко сказал: «Здесь нет Гитлера, а перед вами командование 64-й армии, войска которой пленили вас, извольте приветствовать так, как положено». Все трое подчинились.

На мои слова: «Предъявите документы» — Паулюс дает мне солдатскую книжку. Тогда ему говорю, что это солдатская книжка, и она мне ни о чем не говорит. Паулюс заявляет, что он солдат немецкой армии. На это я ему сказал, что я солдат Красной Армии и в ее рядах занимаю определенную должность. После этого он предъявляет удостоверение командующего 6-й армией. Затем я сказал, что нам стало известно о присвоении ему звания генерал-фельдмаршала, так ли это? Генерал-лейтенант Шмидт быстро вскакивает и заявляет: «По радио был получен приказ Гитлера о присвоении Паулюсу звания генерал-фельдмаршала». «Могу я доложить об этом своему верховному командованию?» Последовал ответ обоих: «Да».

На мое требование отдать приказ северной группировке немецких войск прекратить огонь, чтобы не было лишних жертв, Паулюс заявил, что он не командует северной группировкой немецких войск и отдать приказ не может.

Далее был задан вопрос: «Почему вы не приняли ультиматума, подписанного командующим Донским фронтом

генерал-полковником Рокоссовским, о прекращении сопротивления?» Паулюс ответил: «Русский генерал поступил бы так же, как и я. Я имел приказ драться и не должен был нарушать этого приказа».

Были заданы еще некоторые вопросы, после чего пошли в столовую. По дороге Паулюс задает мне вопрос: «Скажите, генерал, чем можно объяснить, что ваш солдат наступает днем и ночью и при 35—40-градусном морозе лежит на снегу?»

Поблизости стоял наш солдат, я его подозвал и сказал Паулюсу: «Посмотрите, как одет наш солдат». А на воине были валенки, ватные брюки, теплое белье, полушубок, шапка-ушанка, теплые рукавицы. «Вот как заботится наша Родина о своих защитниках».

Лицо генерал-фельдмаршала исказилось, видимо, вспомнил картину, которую он видел, когда ехал в штаб 64-й армии. По дороге он обогнал массу пленных немцев, которые плелись, согнувшись, с головами, обернутыми чем попало: старым тряпьем, мешками, войлоком.

Битва на Волге закончилась великой победой Красной Армии, разгромившей мощную группировку немецких войск. Эта победа была достигнута громадными усилиями всего многонационального советского народа, она потребовала колоссальных материальных затрат.

В ходе битвы на Волге исключительно ярко проявился патриотизм народов Советского Союза, их любовь к Родине.

Советское социалистическое государство, руководимое Коммунистической партией, опираясь на крепкий тыл, на морально-политическое единство всех народов СССР, выдержало натиск гитлеровских армий и в ходе жестокой борьбы сумело организовать полный разгром крупной группировки противника.

Победа на Волге высоко подняла авторитет СССР во всем мире.

Все свободолюбивые народы еще больше уверовали в неизбежность разгрома гитлеровской Германии. Усилилась партизанская борьба во Франции, Чехословакии, Польше, Югославии, Болгарии.

Предметным и суровым уроком для агрессоров вошла в историю битва под Сталинградом. Никакое злобное шипение фальсификаторов истории, битых фашистских генералов не способно умалить величие этой неповторимой битвы.

С. Г. Горячев,

гвардии генерал-лейтенант

Мужество и отвага

В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» (том II, стр. 446—447) говорится:

«К периоду боев в районе заводов относится контрудар войск 64-й армии, имевший цель облегчить положение 62-й армии и отвлечь внимание немецкого командования от направлений, на которых советское командование готовило войска для нанесения основных ударов при переходе в контрнаступление.

Контрудар советских войск наносился на правом фланге 64-й армии в районе Купоросное—Зеленая Поляна, на стыке с 62-й армией. В наступлении участвовали... 7-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора С. Г. Горячева. Наступлению пехоты предшествовал мощный удар артиллерии, минометов, авиации. Упорные бои продолжались с 25 октября по 1 ноября. Особенно отличились в этих боях 93-я стрелковая бригада — командир подполковник Н. З. Галай, 96-я стрелковая бригада.

Хотя продвижение наших войск было небольшим (3—4 км), противник оказался вынужденным держать на этом участке значительные силы, подтянуть некоторые резервы и на несколько дней приостановить бои в заводской части Сталинграда.

В результате этих ударов положение 62-й армии несколько улучшилось. Критический момент в обороне Сталинграда был преодолен».

Вот об обстановке, предшествующей этим боям, о том, как они проходили, и о последующих боевых действиях 7-го стрелкового корпуса я и хочу рассказать.

17 октября мы получили приказ командующего Сталинградским фронтом генерала А. И. Еременко, в котором предписывалось ускорить сбор бригад и срочно передислоцироваться в район Сталинграда. Отдав распоряжение о погрузке в эшелоны управления корпуса и корпусных

частей, я с небольшой группой оперативных работников выехал в штаб фронта. Одновременно выслал на ст. Баскунчак большую группу офицеров, чтобы вовремя повернуть подходившие эшелоны с войсками на Сталинград.

Особо запомнилась мне первая встреча со своими новыми подчиненными. Проезжая на машине мимо станции Сысукуль, я увидел воинский эшелон. Человек 20—25 бойцов мылись в пруду, находясь по пояс в воде, некоторые стирали белье. А была середина октября, начинались заморозки.

Я подъехал к ним, поздоровался, спросил, не холодно ли? «Мы моряки, народ закаленный!» — ответили бойцы.

Было приятно смотреть на этих крепких жизнерадостных молодцов. Ко мне подошел представитель командования бригады, возглавлявший ее головной эшелон, и проинформировал о составе соединения. Из шести тысяч бойцов примерно одну треть составляли моряки. Многие ранее были пограничниками, курсантами военных училищ. Почти все офицеры — фронтовики, из госпиталей. Солдаты-новички прошли ускоренную программу боевой подготовки. Бригада полностью обеспечена боевой техникой. Все это радовало.

Прибыв в штаб фронта, я сразу направился к генерал-полковнику А. И. Еременко. Он меня внимательно выслушал, познакомил с обстановкой. Она к тому времени была очень тяжелой. Немецко-фашистские войска яростно и беспрерывно атаковали части 62-й армии генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, пытаясь сбросить их в Волгу. На отдельных направлениях гитлеровцы вышли к реке. А. И. Еременко приказал мне как можно быстрее собрать бригады, скрытно переправить их через Волгу у Каменного Яра, сосредоточить в районе Красноармейска и Бекетовки и в составе 64-й армии быть готовым к наступлению на центральную часть города.

Из штаба фронта я отправился на ст. Капустин Яр, куда начали прибывать наши эшелоны. Здесь меня уже ожидали работники управления корпуса. Проинформировав их о полученной задаче, уточнив очередность подхода бригад к Волге, я выехал на переправу, а оттуда в штаб 64-й армии.

Надо отдать должное фронтовым саперам. Переправа подходивших подразделений и частей корпуса через такую мощную водную преграду, как Волга, велась организованно, без суеты.

Командующего армией генерала М. С. Шумилова я нашел на его КП в районе лесосклада, на западном берегу

Волги, у Бекетовки. С Михаилом Степановичем мы были старыми знакомыми. До войны он возглавлял 10-й стрелковый корпус в Прибалтике, и 5-я стрелковая дивизия, которой я в то время командовал, входила в состав этого корпуса. Встретились мы тепло, по-дружески. Я доложил командарму о составе корпуса и состоянии бригад, о ходе переправы. Он ознакомил меня с обстановкой на фронте. Решили не ждать полного сосредоточения частей корпуса, наносить контрудары теми частями, которые подойдут. Тут же я получил приказ: операцию начать 24 октября 1942 года. 7-му стрелковому корпусу в составе 93, 96, 97-й отдельных стрелковых бригад, 422-й стрелковой дивизии нанести контрудар на Купоросное, пригород Минина, разгромить противостоящего противника и соединиться с частями 62-й армии, в частности с 13-й гвардейской стрелковой дивизией генерала А. И. Родимцева, оборонявшейся в юго-восточной части города.

С командного пункта мы с Михаилом Степановичем сразу же выехали на одну из высот на северной окраине Бекетовки. Здесь нас уже поджидал командир 422-й дивизии полковник И. К. Морозов. По его данным, на участке Купоросное, Купоросная балка, роща «Квадратная» оборонялись мотоциклетный и саперный батальоны 14-й танковой дивизии и 671-й пехотный полк 371-й пехотной дивизии противника. Основу обороны составляли опорные пункты взводов и рот, сильно насыщенные огневыми средствами. По переднему краю и в глубине шло несколько линий сплошных траншей в полный рост, связанных между собой глубокими ходами сообщения. Перед передним краем устроены проволочные и минновзрывные заграждения. Ближайшие резервы противника — до пехотного и танкового батальонов 29-й пехотной дивизии — находились на южной окраине Ельшанки. Неоднократные попытки наступления частей 422-й дивизии успеха не имели. Оценив обстановку, решили атаковать противника силами 422-й стрелковой дивизии и подошедших подразделений 93-й и 97-й отдельных стрелковых бригад.

23 и 24 октября (наступление было отложено на одни сутки) ушли на организацию боя.

В ночь с 23 на 24 октября 93-я и 97-я отдельные стрелковые бригады заняли траншеи переднего края в готовности к атаке. Подразделения вторых эшелонов — артиллерия и 96-я отдельная стрелковая бригада — заканчивали переправу и подтягивались в назначенные районы.

Во второй половине дня 24 октября, когда я находился на НП командира 422-й стрелковой дивизии, к нам при-

ехали представитель Ставки генерал-полковник А. М. Василевский, заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал М. М. Попов и командарм 64-й генерал М. С. Шумилов. Я доложил им обстановку на участке корпуса и принятое решение на контрудар. Они его утвердили.

Я обратился к генерал-полковнику Василевскому с вопросом: нельзя ли отсрочить начало наступления еще на один день, чтобы подтянуть полностью бригадную артиллерию и боеприпасы? Получил ответ: вопрос о вводе корпуса в бой решал лично Верховный Главнокомандующий.

Василевский и Шумилов уехали. Попов остался и в первые дни боев во многом помог мне своими знаниями и опытом.

...В 9 часов 20 минут 25 октября 1942 года началась артиллерийская подготовка. Главное внимание было сосредоточено на подавлении огневых точек и живой силы противника, расположенных на переднем крае и в ближайшей глубине. Почти всю ствольную артиллерию поставили на прямую наводку.

В 10.00 пошла в атаку наша пехота. Первая траншея гитлеровцев на всем участке наступления была занята стремительно, с ходу овладели наши подразделения и второй траншеей. Однако дальнейшее продвижение замедлилось. Гитлеровцы стали контратаковать. Ожили многие уцелевшие огневые точки противника.

Артиллерийская подготовка, хотя и продолжалась 40 минут, оказалась все же недостаточно эффективной. Сказалось недостаточное количество орудий — 30—40 на километр фронта.

Ожесточенные бои продолжались весь день, отдельные участки траншей по нескольку раз переходили из рук в руки. К вечеру корпус прорвал оборону противника на глубину 1,5—2 километра.

В первых же сражениях отличились подразделения автоматчиков-моряков. Перед атакой они сбрасывали с себя шинели, надевали бушлаты, бескозырки и с криками «ура!» шли на врага.

К исходу 28 октября мы продвинулись на 3—4 километра. Поскольку основная задача, поставленная корпусу,— отвлечь на себя значительное количество сил противника, оттянуть их с направления 62-й армии — была выполнена, и гитлеровцы снизили свою активность в городе, корпус по приказу командующего армией перешел к обороне на достигнутом рубеже, улучшая свои позиции.

19 ноября 1942 года перешли в наступление Юго-Запад-

ный и Донской фронты, а 20 ноября — наш, Сталинградский.

23 ноября 1942 года мы получили приказ командующего 64-й армией, в котором говорилось: «7-му стрелковому корпусу с прежними средствами усиления удерживать занимаемый рубеж и быть готовым к отражению атак танков и пехоты с направления Зеленая Поляна, Песчанка, Соловьев. Всеми видами огня и активными действиями боевой разведки не допустить перегруппировок противника перед фронтом корпуса и соседа слева, иметь части в готовности к наступлению в направлении Песчанка».

Активное участие корпус принял в ликвидации окруженной группировки немецко-фашистских войск в январе 1943 года. Достался нам довольно крепкий «орешек» — высоты 142,2 и 145,5 (Лысая гора). Это были ключевые узлы сопротивления противника на нашем направлении, и он их сильно укрепил в инженерном отношении, насытил большим количеством огневых средств.

Ожесточенные бои за высоты 142,2 и 145,5 длились несколько дней. Нашим подразделениям приходилось штурмовать каждый опорный пункт, зачастую только с помощью огнеметов удавалось выкуривать засевших в них гитлеровцев. Имея развитую систему траншей, более чем в рост человека, глубоких ходов сообщения, фашисты то и дело контратаковали. Но ничто уже не могло спасти обреченного врага. Огнем и штыком наши бойцы ломали его сопротивление.

Овладев высотой 142,2 и Лысой горой, мы как бы сломили хребет противнику, и его сопротивление резко снизилось. В дальнейшем он уже под ударами наших войск не в состоянии был удержаться ни на одном рубеже сколько-нибудь длительное время. Применяя обходы и охваты, мы непрестанно гнали его все дальше.

К утру 27 января наши части вышли к реке Царица, «на плечах» противника форсировали ее и приступили к очистке от захватчиков центра Сталинграда (Советскую и Октябрьскую улицы).

Снова завязались упорные бои. Все фундаменты и полуподвальные помещения полуразрушенных каменных домов по северному берегу реки Царица были превращены гитлеровцами в опорные пункты. Каждый из этих опорных пунктов брался с большим трудом, так как артиллерия мелких калибров стены полуподвальных помещений и фундаменты не пробивала, а тяжелых систем у нас было мало, да и те, что имелись, отставали, не хватало для них снарядов.

Большую роль в ликвидации гарнизонов опорных пунк-

тов сыграли снова наши огнеметные подразделения. Отважные огнеметчики подползали к вражеским амбразурам и выжигали оттуда гитлеровцев.

К 19.00 29 января части корпуса вышли к железной дороге, центральной части городского сада, на улицы Сталинская, Исполкомовская, Краснопитерская, Краснознаменская. К 23.00 30 января были очищены от противника кварталы, примыкавшие к железной дороге и улицам Ленина и Московской.

29 и 30 января при захвате одного из опорных пунктов в городе была взята в плен группа офицеров штаба 6-й армии немцев во главе с полковником. Доставленные на НП корпуса, они показали, что штаб Паулюса находится в подвалах универмага и что командование южной группой войск 6-й армии возложено на генерала Росске. Начальник разведки корпуса предложил послать немецкого полковника к генералу Росске с предложением о капитуляции его войск. Я должил это соображение генералу Шумилову и получил его согласие. Но тут воспротивился немецкий полковник. По его словам, за такую миссию он будет расстрелян. Тогда мы предложили послать для переговоров одного из офицеров его группы. Полковник долго мялся, потом назвал фамилию. Когда вызванный явился, полковник приказал ему отправиться в штаб генерала Росске и передать предложение советского командования о капитуляции войск его группы. Офицер повторил приказание и сказал, что готов выполнить его. В эту же ночь он был переправлен через боевые порядки наших войск. Вернулся он через 3—4 часа и доложил, что генерал Росске согласен вести переговоры, для чего просил прислать человека в примерно равном с ним звании. Я немедленно доложил об этом Шумилову, который мне сообщил, что он об этом уже знает и посылает для ведения переговоров группу офицеров.

Чем завершились эти переговоры, знает весь мир. Командующему 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршалу фон Паулюсу и всему его штабу пришлось отправиться в плен. 2 февраля 1943 года в Сталинграде был произведен последний выстрел.

В боях за Сталинград солдаты, сержанты и офицеры 7-го стрелкового корпуса проявляли массовый героизм.

97-я отдельная стрелковая бригада под руководством своего боевого командира генерал-майора В. В. Тихомирова только за время наступательных боев с 10 по 31 января 1943 года уничтожила более тысячи гитлеровцев, взяла в плен около 2 тысяч человек, подбила 4 танка, захватила

312 пулеметов, 2298 винтовок, 48 орудий, 120 автомашин и 16 тракторов.

Мужественно сражались воины 422-й дивизии (впоследствии 81-й гвардейской) генерал-майора И. К. Морозова.

Отвагу и высокий боевой порыв показали все наши подразделения. Любовь к своей Советской Родине, преданность ленинским идеям вела наших воинов на подвиги.

Боец отдельного батальона автоматчиков 97-й стрелковой бригады Павел Иванович Карпов 12 января, в сражении за высоту 145,5 увлек своих товарищей за собой, первым ворвался в траншею противника и огнем из автомата уничтожил шесть гитлеровцев. 14 января во главе группы в восемь человек он был направлен для захвата вражеского дзота, первым достиг его и забросал гранатами, уничтожив весь гарнизон.

Командир взвода противотанковых ружей 4-го отдельного стрелкового батальона 97-й бригады младший лейтенант Александр Никифорович Максимов в бою за высоту 145,5 лично подбил один танк.

Героическими усилиями воинов Советской Армии коварный враг был разгромлен. В достижении этой знаменательной победы немалая заслуга и воинов 7-го стрелкового корпуса. Это они, воспитанные ленинской партией, не щадя жизни, сражались с оккупантами и за период боев с 25 октября 1942 года по 31 января 1943 года уничтожили более 15 тысяч солдат и офицеров противника, 27 танков, 170 орудий и минометов, 5 самолетов, 368 пулеметов. Захватили 106 танков, 340 орудий и минометов, 410 пулеметов, около 24 тысяч винтовок, 811 автомашин, 250 мотоциклов и много другой техники.

Всего враг на участке корпуса потерял 33 460 солдат и офицеров.

За отличные боевые действия, мужество и отвагу личного состава 7-й стрелковый корпус и большинство соединений и частей, входящих в него, 19 января 1943 года были удостоены гвардейского звания.

И. К. Морозов,

гвардии генерал-майор

Так сражались дальневосточники

В начале августа 1942 года 422-я стрелковая дивизия дальневосточников, которой я командовал, вошла в состав 57-й армии генерала Ф. И. Толбухина и получила задачу: не допустить прорыв противника на Сталинград с юга — вдоль железной дороги через станцию Тундутово на Красноармейск.

За трое суток боевое охранение дивизии и 1392-й полк Александра Сорокина отбили 22 атаки передовых отрядов 24-й танковой и 371-й пехотной дивизий, а затем основных сил врага. В 10 часов утра 24 августа заместитель командира полка по политической части майор Смирнов доложил: за сутки 23 августа было отбито 10 атак танков и пехоты противника. Героически дрались воины лейтенантов В. Бурдейного, А. Кабанова, В. Морозова. Особенно отличилось боевое охранение Кабанова.

Гитлеровцы стремились прорвать оборону на участке полков майора Ивана Сухова и майора Семена Черезова, которых поддерживали артиллеристы майора Михаила Евсеева, капитана Александра Обухова и гвардейцы дивизиона «катюш» капитана Терещенко.

Гитлеровцы ввели в бой 29-ю моторизованную дивизию вдоль железной дороги с района Разъезда 55-й километр на станцию Тундутово. Одновременным ударом трех дивизий, поддержанных авиацией и артиллерией, они хотели прорвать нашу оборону и овладеть станцией Тундутово и южными районами Сталинграда.

Но им не удалось прорваться даже до Тундутово и Солянки.

Никогда не забудутся те огненные дни. К 25 августа вся тяжесть боев пала, главным образом, на нашу дивизию, усиленную 6-й и 133-й танковыми бригадами, полком М-13 (катюш), двумя фронтовыми противотанковыми, двумя курсантскими полками и другими частями.

Непрерывные атаки фашистских танков. Удары с воздуха. Мощный огонь орудий и шестиствольных минометов. Раскаленная степь, безводье, едкая пыль, гарь...

— Стоять насмерть! За нами Волга, Сталинград! — таков был девиз наших воинов.

И они не дрогнули. Противник потерял более 60 танков и много пехоты, отказался от наступления на этом направлении.

Взвод комсомольца лейтенанта Кабанова занимал оборону на кургане с отметкой 122,0 юго-восточнее железнодорожного разъезда 55-й км. Несколько раз фашисты атаковали воинов-дальневосточников, но, встреченные всякий раз ураганным огнем, с большими потерями откатывались назад.

К исходу второго дня во взводе осталось семь человек, почти все они были ранены. Приказав солдатам отходить, Кабанов сам лег за пулемет. Очередями и гранатами лейтенант продолжал уничтожать врага. Но вот кончились последние патроны... И когда немцы окружили героя, он рванул кольцо на последней связке гранат...

Позднее в нише окопа, где сражался бесстрашный командир взвода, наши бойцы нашли его записку:

«Умираю, но не сдаюсь. Комсомолец лейтенант Алексей Кабанов».

...Шли танки. Их было много.

— Подпустить поближе! Бить без промаха! — приказал сержант Александр Алеканцев.

Загорелся головной танк. Вот уже три машины объяты пламенем, остальные замешкались, но снова пошли вперед.

Вражеский снаряд угодил в колеса орудия. Был ранен заряжающий Григорий Щанкин, погиб правильный Александр Скороходов. Но 45-мм противотанковая пушка не прекращала огня.

Вскоре у орудия остался один Алеканцев. Он сам подносил снаряды, сам заряжал, наводил, стрелял.

Прямым попаданием снаряда разбило колесо орудия. Алеканцева ранило.

На миг он потерял сознание. Очнувшись, поднялся на ноги. Клубы черного дыма расползлись по степи. Враг не прошел.

Тяжелораненый и контуженный Александр Алеканцев был подобран бойцами и отправлен в госпиталь. После лечения он вернулся в другую часть с орденом Отечественной войны 1-й степени и продолжал воевать. Сейчас его 45-мм противотанковая пушка № 2203, как реликвия боевой славы, стоит на пьедестале в Военно-историческом музее

артиллерии и инженерных войск в Ленинграде. Александр Алеканцев имеет восемь правительственных наград, более 150 благодарностей.

В начале сентября 1942 года после сильной артиллерийско-минометной подготовки противнику удалось прорвать оборону 57-й армии на стыке 422-й и 15-й гвардейской дивизий, юго-западнее озер. Вражеские войска продвигались по Чапурниковской равнине.

Немецкая артиллерия и танки вели бешеный огонь по высотам северо-восточнее Солянки и южнее Щетинино, обеспечивая фланги своих наступающих войск. Кавалерия и пехота двигались на запад, в направлении тех мест, где сейчас расположены 4, 5 и 6-й шлюзы Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

422-я стрелковая дивизия загнула свой левый фланг и была готова контратаковать противника четырьмя стрелковыми батальонами и курсантским полком.

Шесть противотанковых батарей и 360 огнеметов вступили в бой с фашистскими танками, армейская и дивизионная артгруппы ждали, когда конница и пехота противника уплотнят боевые порядки и воткнутся в Сарпинское и Солянское озера-болота. Были наготове гвардейские минометы 85-го полка. Все ждали сигнала командарма генерала Ф. И. Толбухина.

И вот в утреннем сентябрьском небе вспыхнули ракеты. В ту же минуту открыла огонь артиллерия. 15—20 минут били по врагу наши орудия и минометы, а с залпом «катюш» вперед пошла наша пехота.

Через два часа все было кончено. В огненном мешке, образованном двумя дивизиями,— 422-й дальневосточной и 15-й гвардейской — нашли свой бесславный конец более двух тысяч солдат и офицеров противника. 1500 гитлеровцев было взято в плен. Наши войска полностью уничтожили конно-артиллерийские дивизионы врага, сожгли и подбили до 40 танков. Недаром гитлеровцы место, где шел этот бой, назвали «долиной смерти».

...На Лысой горе и ныне, через 29 лет после завершения битвы у стен города-героя, не растет даже бурьян. Расположена она юго-западнее завода им. Петрова и севернее совхоза «Горная Поляна». Выжженная термитными снарядами и минами, она стала местом ожесточенных боев.

В конце августа 1942 года войска 51, 57 и 64-й армий остановили 4-ю танковую армию немцев и 6-й армейский королевский корпус румын юго-западнее Сталинграда. Потерпев неудачу в своих замыслах, Гитлер приказал генералу фон Готу разгромить 64-ю армию, а потом отрезать от

города и Волги 62-ю армию и во взаимодействии с 6-й армией Паулюса ликвидировать ее и овладеть городом и Волгой от балки Купоросная до Мокрой Мечетки.

Фашистам удалось овладеть частью Советского и Центрального районов, отдельными кварталами северных районов города, Мамаевым курганом (высота 102,0), Лысой горой (высота 145,5) и выйти к Волге на участке Лапшин сад—балка Купоросная.

Таким образом, гитлеровцы наш фронт разорвали на стыке 62-й и 64-й армий. 62-я армия была прижата к Волге. Ослабить удар противника против 62-й армии могли только 57-я и 64-я армии, отвлекая на себя силы врага. Самым ближайшим соседом 62-й армии была 64-я армия. Она и ударила на северо-запад в направлении Лысой горы, Песчанки, ст. Воропоново.

Правый фланг 64-й армии составляли наша 422-я стрелковая дальневосточная, 36-я гвардейская дивизии, 90-я танковая бригада, армейский артполк, полк «катюш» и Волжская военная флотилия. С 14 по 18 сентября 1942 года они вели кровопролитные бои на Лысой горе. Более пятидесяти тысяч солдат и офицеров, сотни танков, артиллерийских и минометных стволов с одной и другой стороны — на площади в четыре квадратных километра. На пятые сутки фашисты оставили Лысую гору. Паулюс вынужден был отвести с фронта 62-й армии еще две дивизии к Лысой горе.

Через двое суток фашистские войска силами 14-й танковой дивизии и 94-й пехотной дивизии перешли в контратаку, чтобы возвратить Лысую гору любой ценой. Завязались напряженные бои. Советские воины упорно отстаивали занимаемые позиции. Ценой огромных потерь гитлеровцам удалось овладеть только западной половиной горы.

Когда нависла смертельная опасность над 62-й армией, в состав 64-й армии прибыл 7-й стрелковый корпус генерала С. Г. Горячева.

Утром 25 октября 1942 года войска 7-го корпуса двинулись вперед. Танкисты 56-й танковой бригады, тихоокеанские моряки и пограничники, уральские рабочие и стрелки-дальневосточники прорвали оборону врага.

В критический момент боя, когда моряки и пограничники залегли под сильным артиллерийским и минометным огнем противника, комиссар корпуса М. П. Быстров лично поднял воинов и увлек их в атаку. Вражеская пуля сразила героя-комиссара. Ныне одна из улиц в Кировском районе Волгограда названа именем Быстрова.

В этом бою нанайский охотник снайпер А. Г. Самар

уничтожил десятки гитлеровцев и довел личный счет мести до 299. Взбешенные упорством советского снайпера, гитлеровцы сосредоточили по храбрецу огонь целой батареи шестиствольных минометов. И Самар не отступил, продолжал разить врага до последнего вздоха. Он пал смертью героя.

Штыком и прикладом, огнем автоматов уничтожали наши воины фашистских захватчиков.

Паулюс и Гот были вынуждены снять с фронта 62-й армии дополнительные силы и бросить их против 57-й и 64-й армий. Фашисты боялись нашего выхода им во фланг, в тыл. Они бросались в контратаки, покрывали своими телами Лысую гору и сами прозвали ее «Горой смерти».

В конце октября немецко-фашистские дивизии на нашем направлении перешли к обороне. Все сроки, намечаемые гитлеровским командованием для взятия Сталинграда, проваливались. Каждый из нас чувствовал, что вскоре должен наступить решительный перелом в битве за Волгу, каждый думал о наступлении.

С вечера 5 до утра 6 ноября, затем 10 ноября 1942 года на командном пункте 57-й армии, в лесу около поселка Татьянка, проходило совещание командующих соседними армиями, командиров корпусов, дивизий и бригад. Совещание проводили представители Ставки — заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский и другие военачальники. Они принимали непосредственное участие во всех этапах разработки плана контрнаступления, получившего условное наименование «Уран». Они же и готовили нас к осуществлению этого плана. Правда, в то время мы ничего об этом не знали, лишь догадывались: готовится что-то значительное.

В ночь с 7 на 8 ноября в поселке им. Сакко и Ванцетти командующий 57-й армией генерал Ф. И. Толбухин провел с командирами соединений военную игру на картах и дал указание на проведение военной игры с командирами полков на тему «Усиленный стрелковый полк в наступлении». Мы понимали, что скоро будем наступать. Этого ждали все.

12—14 ноября войска 57-й армии заняли исходные рубежи для наступления. На направлении главного удара армии, с рубежа хуторов Червленый, Эрдешкин, Хара-Усун, левого берега р. Червленой наступала наша 422-я дальневосточная стрелковая дивизия, усиленная 176-й танковой бригадой. Правее нас была 169-я стрелковая дивизия полковника Я. Ф. Еременко, левеее — 143-я стрелковая

бригада полковника Н. Г. Русских, ее соседом — 15-я гвардейская дивизия генерала Е. И. Василенко.

За нашими боевыми порядками занял исходные позиции 13-й механизированный корпус полковника Т. И. Танасчишина. Он составлял подвижную группу 57-й армии.

20 ноября за несколько минут до артподготовки мне позвонил генерал Толбухин, спросил: «Как здоровье?» — «Отличное!» — ответил я.— «А как твои воины себя чувствуют?» — «Все чувствуют себя хорошо, ждут сигнала».— «Желаю успеха!» — закончил командарм.

И вот степную тишину разорвали могучие залпы «катюш». Через наши головы в сторону противника полетели огненные снаряды. Началось наступление! Вскоре я докладывал командарму:

— Оборону полки прорвали, разгромили до двух батальонов пехоты, продвигаемся вперед, на Нариман и Блинников.

— А соседи где? — спросил Толбухин.

Я сообщил о них.

— Чаще информируйте друг друга, ни в коем случае не теряйте локтевой связи. Четкое взаимодействие,— победа над любым врагом,— сказал командарм.

Напряжение боя нарастало. Соседа справа — 38-ю стрелковую дивизию полковника Г. Б. Сафиулина и 1334-й полк нашей дивизии, противнику удалось было остановить и отбросить назад, до Ивановского озера. Но ненадолго. Дружным ударом они восстановили положение.

Позвонил командарм и предупредил:

— Завтра ввожу Танасчишина, помоги ему овладеть Варваровкой, Рокотино...

Радостно забились сердца, когда мы увидели танки и мотопехоту 13-го механизированного корпуса полковника Т. И. Танасчишина, которые с ходу смяли части 29-й моторизованной дивизии немцев.

И вот левые фланги дивизий 57-й армии развернулись на север и уперлись в берег реки Червленая. Враг здесь имел особенно сильные укрепления. Бои приняли ожесточенный характер. Наша дивизия, 143-я стрелковая бригада и 13-й механизированный корпус перешли к обороне по линии Цыбенко, Рокотино, Береславка, Старый Рогачик, по реке Червленая и до Мариновки по южному берегу р. Карповка.

Главная цель наступления к этому времени уже была достигнута: войска 57-й армии вместе с другими армиями успешно выполнили задачу по окружению гитлеровской группировки под Сталинградом.

Командный пункт армии переместился в хутор Верхнецарицынский. Мы вели тщательную разведку сил противника в районах Цыбенко, Рокотино, станции Басаргино. Одновременно укрепляли свои юго-западные позиции на случай попытки гитлеровцев прийти на помощь окруженной группировке Паулюса. Так оно и случилось. 12 декабря немецко-фашистская группировка «Дон» Манштейна и Гота перешла в наступление из района Котельниково, стремясь соединиться с окруженной 6-й армией Паулюса.

8 января 1943 года Ф. И. Толбухин вызвал меня и начальника штаба дивизии на командный пункт армии. В колхозном домике хутора Верхнецарицынского, где размещался командарм, уже находились командир 15-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Е. И. Василенко, командир 38-й стрелковой дивизии, переданной из 64-й армии в 57-ю, полковник Г. Б. Сафиулин и другие командиры и начальники.

— Сегодня командующий окруженной немецко-фашистской группировки Паулюс отклонил предложение о безоговорочной капитуляции,— сказал Федор Иванович.— Ставка приказала командованию Донского фронта уничтожить врага. В соответствии с полученной задачей приказываю: 38-й стрелковой дивизии прорвать оборону противника на западном берегу балки Короватка, уничтожить противостоящие части немцев, в последующем наступать в направлении Песчанки; 422-й дальневосточной дивизии с 254-й танковой бригадой прорвать оборону противника на северо-восточном берегу р. Червленая, на фронте Цыбенко—Кравцов, разгромить остатки 371-й пехотной дивизии немцев, овладеть песчаным карьером, хутором Скляров, в дальнейшем наступать в направлении ст. Басаргино. Готовность 24.00 9 января. Желаю удачи!

10 января 1943 года надолго останется в нашей памяти. Обрывистый северо-восточный берег реки Червленой. После артиллерийской подготовки полки начинают атаку. Но у самого берега нашей пехоте приходится залечь. Противник открывает шквальный огонь. Что делать? Как сломить противника? И вот в этот критический момент командир роты лейтенант Евгений Герцев с ординарцем и одним автоматчиком броском преодолел по льду реку и метнул противотанковую гранату в фашистский дзот. За тройкой храбрецов устремилась вся рота. После короткой рукопашной схватки она овладела домами на юго-восточной окраине хутора Цыбенко.

Другим подразделениям не удалось подняться на кру-

той берег реки. Пришлось и роте Герцева с боем отойти в траншею.

С тяжелым сердцем должен был я выслушать упрек командарма, что не сумел использовать успех роты Герцева. Не сумел — значит надо исправлять положение.

Ночью 11 января обходным ударом 1334-го полка подполковника И. М. Сухова гарнизон х. Цыбенко был уничтожен. Захваченные 12 орудий с боеприпасами мы повернули против немцев, а первых 300 военнопленных отправили в тыл. Позднее полк майора В. Фирсова освободил хут. Кравцов и с. Рокотино, полк майора Т. Крючихина занял Береславку.

К утру 12 января был взят песчаный карьер, и войска армии сплошным фронтом подошли к железной дороге Сталинград—Калач. Батальон капитана С. Боровика овладел станцией Басаргино.

Только 15 и 16 января противнику удалось огнем артиллерии и контратаками остановить части 38-й стрелковой дивизии в двух километрах западнее Песчанки, а нашу дивизию в километре западнее станции Воропоново.

Наступление развивалось. Преследуя противника, батальоны Антонова и Боровика почти достигли станции Воропоново. 15-я гвардейская, 38-я стрелковая дивизии, 143-я стрелковая бригада не давали им ни минуты передышки, громили днем и ночью, освобождая город. Рядом, справа, героически сражался 7-й стрелковый корпус генерала С. Г. Горячева, входивший в 64-ю армию.

Дни гитлеровцев были сочтены. Воины 38-й мотострелковой бригады полковника И. Д. Бурмакова точно установили место нахождения штаба 6-й армии.

К утру 24 января 1943 года оборона противника была прорвана войсками 57-й армии на глубину от Песчанки — Воропоново до станции Сталинград-II и реки Царицы. Полностью были разбиты 20-я румынская и 297-я пехотная немецкая дивизии.

...Луч немецкого прожектора скользил по правому берегу реки Царицы, на котором войска 57-й армии заняли исходное положение для наступления.

После мощного удара артиллерии и минометов по обороне фашистов в 22 часа 28 января 1943 года полки начали штурм врага в центре города. На рассвете 29 января над позициями 376-й пехотной немецкой дивизии появились белые флаги. Ее командир генерал-лейтенант фон Даниэльс прислал парламентеров и объявил о сдаче войск своей дивизии, армейского полка связи и санитарного отдела. Ка-

питулировало и командование 24-го танкового корпуса. Из оврага выползали остатки корпуса генерала Зейдлица.

Сопротивление продолжали оказывать жандармы, охранные батальоны и офицеры, оставшиеся без войск. Они забрались в развалины гвоздильного завода, музея, вокзала Сталинград-I, спиртзавода и депо.

Рота Герцева в это время находилась где-то у Алексеевского, куда я послал ее для освобождения наших военнопленных из фашистского лагеря смерти. От нее не было никаких вестей, и я уже начал тревожиться. Какова же была моя радость, когда появился Герцев и привел с собой из вражеского тыла шесть наших воинов-дальневосточников и с ними девять летчиков и танкистов. Они были так худы и изможденны, что, глядя на них, сердце сжималось в комок: до какого состояния довели фашистские изверги людей!

Поблагодарив Герцева, я разрешил ему и его людям отдохнуть, начсандива попросил оказать помощь спасенным воинам, а сам отправился к командарму.

На КП генерала Толбухина собрались командиры соединений.

— Как и предполагалось,— сказал Федор Иванович,— гитлеровцы превратили кольцевой путь от станции Гумрак до станции Воропоново в сильно укрепленный рубеж, а села и высоты — в узлы обороны с сотнями орудий прямой наводки и пулеметов. Этот орех крепче, чем на реке Червленная, а разгрызать его надо.

Командарм четко определил каждой дивизии полосу наступления, задачи по рубежам и времени.

Войска южной группировки Паулюса цеплялись за каждый дом, баррикаду, овраг и воронку. Но полки нашей дивизии, наши штурмовые группы по 6—8 человек, с легким оружием, под командованием сержантов Ивана Сичкаря, Алексея Булыгина и Георгия Петухова, преодолев груды развалин на улице Гоголя, вышли в тыл гвоздильному заводу. Они уничтожили сторожевую охрану, подорвав вход в подвал завода, захлопнули там до 1200 гитлеровцев.

Утром 31 января 1943 года наши воины овладели музеем обороны, а затем и вокзалом Сталинград-I. В 7.00 31 января 1943 года по московскому времени к вокзалу Сталинград-I прорвались со своими солдатами младший лейтенант Кокарев и сержант Петров. Они водрузили на вокзале Красное Знамя 422-й дальневосточной стрелковой дивизии.

Е. И. Василенко,

гвардии генерал-майор

На южных подступах

Война привела нашу 15-ю стрелковую дивизию к городу на Волге. В составе 57-й армии мы заняли оборону в районе Дубовый Овраг, совхоз «Приволжский»—Райгород. Запомнилось 19 августа, когда мне доложили: фашисты готовят атаку, выдвигают к переднему краю танковую дивизию и большое количество мотопехоты.

Утром гитлеровцы силами двух пехотных полков при поддержке ста танков двинулись на совхоз «Приволжский». Путь им преградил разведывательный отряд дивизии. Противник подтянул еще сто танков и несколько рот мотопехоты. Разведотряд отошел к совхозу. Гитлеровцы вызвали авиацию. Только за день она совершила до двухсот воздушных налетов на наши боевые порядки.

Ожесточенный бой разгорелся на участке обороны 44-го полка и приданных ему артиллерийских подразделений. Гитлеровцы дважды предпринимали танковые атаки, но так и не сумели прорваться к Волге, к Сталинграду. Огнем артиллерии было уничтожено 45 немецких машин.

На рассвете 21 августа гитлеровцы снова начали ожесточенно бомбить передний край нашей дивизии. К полудню боевые порядки 44-го и 47-го полков атаковали 150 вражеских танков. Кровопролитный бой длился до позднего вечера. Противнику удалось отрезать 47-й полк от основных сил дивизии, прорвать оборону 44-го полка и потеснить его к южной окраине Дубового Оврага, рубежу, где заняли оборону 50-й и 44-й гвардейские стрелковые полки. 22 августа фашисты снова бросили в атаку крупные силы пехоты и танков. Но дальше продвинуться они не сумели.

Как сейчас вижу усталые запыленные лица гвардии старшего лейтенанта Петра Буйного, бойца Тимофея Коломайчука, Ивана Белика и Ивана Никитина... Десять часов бились эти богатыри с целым батальоном врага. Маленький холмик приволжской степи герои превратили в непри-

ступную крепость, на подступах к которой осталось до двухсот солдат и офицеров.

Никогда не забуду сержанта Михаила Хвастанцева, командира орудия 43-го полка, расстрелявшего пять вражеских танков. Он погиб, но не пропустил фашистов. Старшему сержанту Михаилу Хвастанцеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Отважно сражались старшина Лелетко, старшие сержанты Дмитриев, Сташилов, Кожуховский, сержант Пойманов; младший сержант Жуковский, рядовой Георкидзе и десятки других воинов дивизии.

Выстояв в августовских боях, дивизия закрепилась на своем оборонительном рубеже и получила пополнение. В большинстве это были рабочие и служащие сталинградских заводов. Мне приходилось часто встречаться с новичками, беседовать с ними. Они быстро овладели военными специальностями. Вскоре всему Сталинградскому фронту стали известны имена минометчиков братьев Байкиных, бронебойщиков отца и сына Крутовых, стрелка Петра Алексеевича Гончарова, недавнего обрубщика с завода «Красный Октябрь», ставшего знаменитым снайпером. В условиях оборонительных боев снайпер представлял из себя грозную силу, и мы делали все для того, чтобы растить метких стрелков. И ряды их множились. Наших снайперов Ильина, Гордиенко, Дятлова, Макарова знал весь фронт. Николай Ильин менее чем за год уничтожил 494 фашиста, обучил мастерству бить без промаха десятки молодых бойцов. Николаю Яковлевичу Ильину было присвоено звание Героя Советского Союза. Этой высокой награды удостоился позже и Петр Алексеевич Гончаров.

Скоро пришел праздник и на нашу улицу — 20 ноября мы поднялись в наступление. Опрокинув врага, дивизия к 13 часам 23 ноября вышла к станции Карповка, селам Карповка, Новый Рогачик и прочно закрепилась на этом рубеже. Развернулись бои по уничтожению врага...

Морозным утром 10 января 1943 года после 55-минутной артиллерийской подготовки мы атаковали гитлеровцев и овладели траншеями первой линии его обороны. Фашисты оказали упорное сопротивление. Их передний край проходил по выгодным рубежам; на глубину нескольких километров протянулись инженерные сооружения — окопы в рост человека, дзоты и доты. Но гитлеровцам это не помогло. 13 января мы прорвали их оборону. У села Старый Рогачик противник оказал 50-му полку отчаянное сопротивление. Командир полка майор Е. М. Голуб принял смелое решение: одним батальоном он сковал противника

с фронта, а другим ударил ему во фланг. Враг не выдержал удара и оставил Старый Рогачик, потеряв при этом более батальона солдат.

Наш 44-й гвардейский стрелковый полк вышел к речке Червленная. Фашисты, засевшие на хуторе Старый Рогачик, преградили ему путь. Кинжальный огонь одного дзота прижал к земле роту. И вот тут произошло изумительное: три бойца — коммунисты Белых, Осипов и комсомолец Сердюков — поползли к дзоту. Белых и Осипов погибли на пути к вражескому укреплению. Николай Сердюков остался один. Последней гранатой отважный воин ударил по амбразуре дзота. Немецкий пулеметчик замолчал было, но вскоре опять открыл огонь. Тогда Николай Сердюков стремительным рывком достиг дзота и прикрыл амбразуру своей грудью. Воспользовавшись минутным затишьем, рота пошла вперед. Николаю Сердюкову — молодому рабочему завода «Баррикады» — посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. И имя его навечно осталось в памяти народа.

Ни ожесточенное сопротивление врага, ни лютые морозы, ни пурга не могли задержать наступление воинов дивизии. Шаг за шагом приближались они к Сталинграду.

В 15 часов 22 января 47-й стрелковый полк штурмом овладел высотой 155,7 а красный флаг водрузили на ней рядовой Борюшин и офицер Голошумов. Высотой 147,3 овладел 2-й батальон 44-го полка под командованием гвардии капитана Николая Ткачева, 50-й полк обошел станцию Воропоново и прорвался к селу Алексеевка, отрезав гитлеровцам пути отхода. Мощные залпы гвардейских минометов и артиллерии разрушили укрепления врага. К вечеру мы освободили Алексеевку.

И вот перед нами Сталинград, израненный, но выстоявший. Стремительной атакой вышибаем немцев с Даргоры, со станции Сталинград-II и выходим к крутым берегам реки Царицы. Отсюда — к Волге. Бойцы батальона Ткачева захватывают штаб разгромленной 44-й пехотной дивизии противника с ее командиром генерал-лейтенантом Дюбуа.

Битва за Сталинград закончилась блестящей победой советских войск. Немалый вклад в достижение этой победы внесли и воины нашей гвардейской дивизии.

М. Т. Карначев,

генерал-майор

Бойцы укрепленного района

Июль 1942 года. Командующий 62-й армией генерал В. Я. Колпакчи, раненный в недавнем бою, вызвал меня к себе и приказал сосредоточить подчиненные мне части в районе Качалинская, Паншино, Вертячий. Так возник 54-й укрепленный район, который занял оборону по левому берегу Дона от устья р. Иловли до Каменской. Я со штабом остановился в Котлубани.

28 июля 1942 года в районе Голубинская, на нашем левом фланге, завязались бои за переправу через Дон; атаки противника были отбиты, но они повторялись вплоть до 15 августа. В этот день противник устремился к донским переправам на всем фронте укрепленного района и с ходу пытался форсировать реку. Однако успеха он не имел.

Приказом штаба Сталинградского фронта 54-й укрепленный район был передан в оперативное подчинение командующему 4-й танковой армией, левая граница армии и укрепленного района с 62-й армией проходила по линии Песковатка — Кузьмичи.

Враг предпринимал все новые попытки переправиться через Дон. Наши позиции непрерывно бомбила фашистская авиация, обстреливала его артиллерия. Бойцы стойко отражали вражеский натиск. Многих товарищей мы потеряли в те дни. Рядом с бойцами трудились наши отважные медицинские работники. 19-летняя медсестра Вера Ульянова за два дня боя вынесла 60 раненых.

Сильные бои разгорелись в районе х. Вертячий. Гарнизон хутора — одна пулеметная рота и стрелковый батальон — сражался храбро. Погиб в бою комбат капитан А. И. Авдошин, командование принял комиссар П. К. Золотов, и батальон продолжал борьбу в окружении. Под вечер Золотов с оставшейся небольшой группой бойцов вырвался из окружения. В лощине стояла автомашина с

зенитными пулеметами. Смельчаки сели в машину, открыли пулеметный огонь по фашистам и проскочили в сторону наших позиций.

В 5 часов утра 23 августа я вместе с комиссаром И. В. Худяковым выехал в Котлубань, чтобы встретить части 87-й дивизии и вывести их на исходное положение для контрудара по плацдарму противника в х. Вертячем. Голову колонны дивизии мы догнали севернее Большой Россошки. В воздухе появились самолеты противника и начали бомбить колонны и обстреливать их из пулемета. Движение колонны остановилось. Сообщив комдиву, куда надо следовать, мы стали пробиваться в Большую Россошку, надеясь там застать штаб 62-й армии, но штаб уже перешел на новое место. Мы двинулись дальше, и тут вражеский самолет ударил из пулемета по нашему «газику». Пуля повредила карбюратор — и машина стала. Что делать? Оглядываюсь, вижу в балочке стоит «полуторка», направляемся к ней и встречаем капитана. Он докладывает, что его полк 62-й армии снялся с позиции, а он, капитан, подбирает остатки имущества; есть раненый солдат, машина не действует, испорчен генератор. Приказываю шоферам снять генератор с «газика». Водители дружно берутся за дело. Заводим полуторку, забираем раненого, грузим имущество. Выезжаем из лощины и видим на противоположном ее конце немецкий танк. Он уже метит в нас... Недолет... Мимо... Шофер жмет вовсю, и мы лишаем фашистского танкиста возможности отличиться.

Избежав опасности, мчимся на свой КП, который еще утром я приказал сменить. Над нами завывают вражеские самолеты. Фашистские разбойники охотятся за каждой машиной и даже за отдельными бойцами. Ночь темная, но вокруг светло — масса ракет-«фонарей», они освещают дороги и поля. А по дорогам движутся подводы и автомашины с боеприпасами и ранеными.

К вечеру 23 августа противник узким клином врезался в стык 4-й танковой и 62-й армий. От города мы отрезаны. Однако свои позиции удерживаем. Отходить у нас и мысли не было... 98-я стрелковая дивизия остатками сил и 228, 229-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны 54-го укрепленного района удерживали левый фланг с 4-й танковой армией от Н.-Гниловской до Самофаловских высот. Таким образом, распространение противника на север и северо-восток было приостановлено.

24 августа на всем рубеже обороны бои продолжались. Иссякли запасы снарядов и патронов. Решаю послать в штаб фронта начальника оперативного отдела майора

Н. Р. Галиха и начальника политотдела майора К. М. Корякина. 26 августа наши «послы» вернулись и доложили: на оперативных картах наш 54-й укрепленный район не значится, на нем поставлен крест; говорят, что от вас ничего не осталось. «Но мы,— сказал майор Корякин,— доказали им, что мы живы, здоровы, немцев бьем и будем бить. Так мы «воскресли». Но теперь 54-й УР входит уже в состав Донского фронта».

Штаб Донского фронта возник буквально за один-два дня и сразу взял управление войсками в свои руки; это мы почувствовали: вопросы снабжения частей и эвакуации раненых стали быстро разрешаться.

Командующий фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский хорошо понимал наше положение и поддерживал энергично.

В октябре к нам приехала делегация от нашего шефа — Логовского района. Колхозницы привезли подарки солдатам. Мы их встретили, поблагодарили и собрались проводить. Но они категорически заявили:

— Вручать подарки будем лично и только тем, кто на передовой. Ведите в окопы.

Объясняем нашим дорогим гостям, что днем это очень опасно, все вокруг простреливается.

— А вы,— отвечают нам гости,— не пугайте, мы донские казачки... Ведите!

Еле уговорили подождать до вечера. Делегатки района вручили подарки бойцам и передали им наказ: быстрее разгромите врага!

19 ноября 1942 года грохот орудий, возвестивший о начале контрнаступления советских войск, был для нас лучшей музыкой. 2 февраля 1943 года был нашим последним, 191-м боевым днем у Сталинграда.

И. Н. Рубан,

ПОДПОЛКОВНИК

Атака морской пехоты

Нашу морскую пехоту поставили оборонять участок фронта в районе хутора Верхне-Кумский за рекой Аксай, кажется, даже расположились мы во втором эшелоне. Над необозримой степью стояли ясные, сухие дни. Солнце пекло, земля потрескалась и была твердой как камень. Ночью мы прибыли в район обороны, отрыли окопы, ходы сообщения. Кругом стояла тишина, только где-то впереди слышались орудийные раскаты, да иногда в направлении Сталинграда высоко в небе проплывали эскадрильи фашистских бомбардировщиков. Чувствовалось, что бои будут жестокие.

Шли дни. 154-я бригада комплектовалась в основном моряками, прибывшими из Тихоокеанского и других флотов. Это были крепкие ребята.

Командование оперативной группой 64-й армии, в которую вошла и наша бригада, принял генерал Чуйков. С ним однажды пришлось нам встретиться. Наш батальон стоял заслоном на реке Аксай. В глубине обороны проходила перегруппировка войск.

Рано утром в окопе, где разместился штаб батальона, среди полусонных бойцов, я услышал чужой баритон. Сразу почувствовал присутствие какого-то начальника.

— Умелому воину ничего не страшно,— говорил плотно сложенный человек, в солдатской гимнастерке.

Оказывается, генерал Чуйков, одетый по-солдатски, проверял настроние бойцов, обходя передовые позиции. Мы беседовали недолго. Василий Иванович кое-что посоветовал, выразил уверенность, что морские пехотинцы не пропустят фашистов.

Так пришло памятное 6 августа 1942 года, когда немцы двинулись в наступление. Дымилась степь, сожженная огнем. Земля содрогалась под разрывами бомб и снарядов. Голубое небо закрывали темно-бурые облака дыма и пыли.

Огневой вал медленно катился на северо-восток, к Ста-

линграду. Наши войска сдерживали натиск, отходили на ранее подготовленные рубежи. Моряки сражались отважно, хотя им еще и не хватало боевого опыта. Враг получал отпор на каждом рубеже, но и мы несли потери. Бригада прикрывала отход главных сил, а батальон — отход бригады.

— Смотри в оба, боевое охранение могут обойти и отрезать,— говорил мне командир бригады.

И мы с командирами взводов, рот, учитывая обстановку, советы и приказы командования, выбирали наиболее выгодные позиции, тщательно маскировались.

...Ровная степь. Неподалеку от нас совхоз им. Юркина. Только кое-где местность пересекают неглубокие лощины, балки. В одной из таких балок мы решили устроить для фашистов «баню».

К вечеру две роты расположились на склонах балки, третья окопалась в центре, главную линию обороны подготовили на высоте.

Поздней ночью у меня в землянке собрались командиры на совещание. План был прост. Третья рота недолго удерживает свой рубеж, затем по сигналу имитирует паническое отступление вдоль балки.

— Однако далеко не убегать! — шучу я, обращаясь к командиру взвода старшине первой статьи Ивану Петрову. — Покажи, что ты вроде струсил, а сам оглядывайся и в нужный момент занимай оборону в глубине. Орудие заранее установи на позиции.

— Есть — кратко ответил Петров. Он был доволен, что ему поручается такое ответственное задание.

Батальон глубоко зарылся в землю, траншеи мы тщательно замаскировали. Только ложные окопы кое-где просматривались, особенно с воздуха. Они были специально открыты, чтобы ввести в заблуждение авиацию противника.

Я ждал восхода солнца, а вместе с ним наступления противника. На душе было как-то тревожно. Бойцы всю ночь работали, выдержат ли? Мои размышления прервал командир отделения из второй роты Юсуп Алиев. Он приполз на командный пункт с пятью незнакомыми мне курсантами.

— Вот, добыл себе пополнение,— сказал Алиев.

Далее сержант поведал, что ночью он искал воду в глубокой балке и случайно наткнулся на этих бойцов. Это были курсанты училища. В бою они отстали и, измученные до предела, уснули в балке.

— Ладно,— согласился я.

Позже я не пожалел, что послушал Алиева.

Надо сказать, что обнаглевшие фашисты воевали тогда по установившемуся у них расписанию. Часов в восемь налетала авиация, начиналась артподготовка по переднему краю, а затем — наступление. Отделение Алиева занимало самый передний выступ нашей обороны, и противник именно по нему сосредоточил всю силу своего огня.

Когда дым рассеялся, я увидел полностью разрушенные окопы. «Погибли все, жаль курсантов»,— подумал я, но тут же увидел Алиева и его бойцов. Сержант, как оказалось, перехитрил противника. Перед огневым налетом он отвел бойцов назад, в укрытие, а к началу атаки противника снова выдвинулся вперед.

В балке появилось одиннадцать фашистских танков, а вскоре из высокой ржи показались цепи гитлеровцев. Они хорошо видны бойцам батальона. Можно открывать огонь, но приказ строг: не стрелять, пусть идут прямо на Петрова.

Когда в прорыв вошло не менее трехсот фашистов, я подал сигнал. С трех сторон по врагу ударили пулеметы и минометы. Путь назад для врага был отрезан, и он заметался, залег на открытом месте, чем и воспользовались наши моряки.

Бой продолжался минут тридцать — сорок. За это время было уничтожено 212 вражеских солдат и офицеров и семь танков. Около трех километров преследовали мы врага, захватив немалые трофеи.

Таким было первое боевое крещение нашей морской пехоты.

Е. А. Петлюк,

гвардии младший лейтенант

На «Малютке»

В начале мая 1942 года я с большой группой бойцов прибыла в Красноармейск, пригород Сталинграда, куда нас направили для прохождения курсов танкистов. Мы построились возле здания, в котором размещалась, как мы скоро узнали, полковая танковая школа. К нам обратился комиссар школы т. Харченко.

— Фронту нужны танкисты,— сказал он.— Но долго учиться не придется, время не ждет; нужно приложить все свои способности и в кратчайший срок овладеть боевой техникой.

Начался отбор курсантов. Меня не хотели принять: девушка и вдруг — танкист... Но я настояла на своем. Так началась моя служба в танковых частях. На выпуске мне присвоили звание старшего сержанта и вручили свидетельство механика-водителя танков. В конце июня в Сарепте на судоверфи я получила танк Т-60 и стала танкистом 56-й танковой бригады, а потом 90-й танковой бригады.

Тяжело пришлось нашей бригаде. Машин у нас было маловато, а работы — хоть отбавляй, бои шли то в одном, то в другом месте, и танки требовались всюду. Танкам мы давали разные имена: «Герой», «Орел», «Слава», «Грозный». На башне моей шестидесятки появилась надпись «Малютка».

...10 января 1943 года. От немцев нас отделяла глубокая балка с крутым обрывом. Толстый снежный покров хорошо замаскировал все укрепления врага. У них было как-то мертво. На нашей стороне каждый кусочек земли дышал силой. В 6 часов утра мы двинулись вперед.

Командир танка ведет огонь, а я маневрирую машиной, наблюдаю за полем боя. Наша машина выполняет в этом бою роль связного. Вот сигнал — и мчимся по вызову к комбату, а от него к другим машинам... Подбили одну тридцатьчетверку, связному надо знать: не требуется ли

какая помощь. И снова маршруты по полю боя в любых направлениях.

Смертельно ранило в бою нашего комбата майора Павлова, тяжелая была для нас утрата. Командование батальоном принял его заместитель капитан Тренкин. Из-за укрытия показались четыре вражеских танка. Наши танкисты встретили их жарким огоньком. Один сразу закрутился на месте, а остальные поспешили уйти в укрытие. Все время не унималась немецкая артиллерия, гитлеровцы не жалели снарядов.

«Малютка» делала свое дело — вела огонь и поддерживала связь между танками. Рядом разорвался снаряд и присыпал моторный люк. А на люке лежал раненый танкист, придерживаемый командиром младшим лейтенантом Губановым. У меня екнуло сердце: погибли! Не замедляя хода, заглянула в люк, успокоилась: живы! На мой тревожный взгляд Губанов только рукой показал: жми, мол, жми вперед! Выйдя из полосы обстрела, подобрав еще несколько раненых, «Малютка» свернула в балку, где располагалась санчасть, а отсюда — снова к танкам.

С тяжелыми боями продвигались мы. Немцы ожесточенно сопротивлялись, думая продлить этим дни своего существования. Было однажды такое: только Губанов выскочил из танка комбата с новым заданием, как упал возле «Малютки», скошенный трассирующей пулеметной очередью. Я заслонила его танком и стала звать. Губанов не отзывался. Тогда поднялась в башню, развернула ее и стала искать того фашиста-пулеметчика. Нашла. И хотя мне было тяжело перезаряжать пушку, но злость, видно, прибавила сил. Короткая очередь из автоматической пушки заставила замолчать вражеский пулемет. Я стала еще искать цель, но тут услыхала голос Губанова. «Жив!» — обрадовалась я. Доставив раненого командира в ближайшую санчасть, я вернулась к своим. Назначили на мой танк нового командира — сержанта Цитовича.

Наши танкисты первыми вышли на южную окраину Сталинграда. «Малютке» здесь не повезло. Вблизи разорвался снаряд. Танк дрогнул и развернулся от взрывной волны. Меня оглушило. Сразу как-то не могла понять, что происходит. Стало тихо. Черный дым наполнил танк. Сквозь жалюзи пробивалось пламя. Оно меня вернуло к действительности. «Горим?» — мелькнула мысль.

— Почему заглох мотор? — спросил Цитович.

Я нажала на стартер, мотор два раза чихнул и ровно заработал, вытягивая вентилятором дым из танка. Попробовала развернуться. Все в порядке. Что же горело, ведь

языки пламени пробивались через жалюзи? Оказалось, что загорелась канистра с маслом, прикрепленная на крыле танка. Прибавила скорость и сорвала пламя.

— Нужно обеспечить продвижение пехоты через железнодорожное полотно, — передал Цитович приказ комбата командиру соседней машины.

Выехали из переулка. И тут опять взрыв снаряда. Землей и снегом с силой сыпануло в мой люк. «Ага, вот откуда ты стреляешь,— проговорила я, заметив вражескую огневую позицию.— Погоди, сейчас угостим...»

Два снаряда, и вражеское гнездо разгромлено.

День за днем, ночь за ночью продвигались мы вперед. Переправились через Царицу. Навстречу двигалась с белым флагом колонна немцев. Они жались к левой стороне дороги, жалкие, понурые, одетые в лохмотья. Довоевались «завоеватели».

31 января 1943 года колонна наших танков вышла на площадь Павших борцов. Замыкающей шла «Малютка».

День был на исходе. Передали команду: «Механика-водителя танка «Малютка» вызывают в голову колонны». Когда я подошла, увидела командиров, немного растерялась, не зная, кому докладывать, поэтому сказала всем: «Механик-водитель Т-60 старший сержант Петлюк прибыла по вызову».

— Вот это наша Катюша,— представил меня командир танковой бригады высшему, как я подумала, начальству.

Комбриг пожал мне руку, поздравил с победным возвращением в Сталинград.

А. В. Алелюхин,

дважды Герой Советского Союза,
полковник

Эскадрилья атакует

Бой закончен. Задание выполнено. Мной сбит один вражеский бомбардировщик, остальные рассеяны пилотами эскадрильи... Привычным движением руки выключаю зажигание. Отстегнув ремни и освободившись от лямок парашюта, прыгаю на землю. Быстро одернув гимнастерку, по привычке осматриваюсь. В небе «чисто».

Меня вызывает командир 268-й истребительной авиадивизии полковник Б. А. Сиднев.

— Ну, как, доволен ли боем? — спрашивает он.

Я только молча улыбаюсь в ответ и вытираю платком потное лицо, знаю, что эскадрилья совершила удачный вылет.

Сиднев развертывает карту и показывает на ней отмеченную красным карандашом переправу через Дон в районе Калача. Нужно прикрыть. Непрерывно бомбят немцы. Взлет по готовности немедленно! Встав со стула, комдив пожимает руку, и я, поправляя на ходу шлемофон, возвращаюсь к самолету.

Летчики эскадрильи уже ждали меня. Выслушав приказ, они разошлись по самолетам. Когда истребители эскадрильи были готовы к вылету, я запустил мотор, и по моему сигналу сделали то же все остальные. С места мы пошли на взлет — одна, за ней вторая и третья пара ЛАГ-3.

Проходим над районом переправы, знакомимся с ним. Было хорошо видно, как там, внизу, горела небольшая деревня, дым сливался с облаком на горизонте высоты полета. Долго ждать противника не пришлось. Издали я увидел две шестерки «Ю-88». Прикрытия поблизости не было. «Какая самонадеянность!» — подумалось мне.

— В атаку! — приказал я по радио своим ведомым.

Дав полный газ, пошел первым. Следом за мной устремились и остальные летчики. Развернувшись в лучах солнца, мы пристроились в хвост бомбардировщикам фашистов,

которые, по-видимому, приняли нас за своих. Обман удался! С короткой дистанции я поймал одного «юнкерса» в прицел, нажал на гашетку — и снаряды прошили его, «юнкерс» взорвался и рухнул вниз. Тут же мой самолет вздрогнул от взрывной волны. Впереди меня загорелись и пошли к земле еще два вражеских бомбардировщика.

В этот день наша эскадрилья сделала четыре боевых вылета. На следующий день, едва забрезжил рассвет, мы встретились с двадцатью «МЕ-109». На этот раз бомбардировщиков не было. Около получаса длился бой, в ходе которого мы сбили три «мессершмитта». У нас кончался бензин. Надо было выходить из боя. Принимаю решение: оттягивать бой на свою территорию. Высота 7000 метров. Фашисты оставляют нас из-за потери преимущества в скорости и высоте. Но и нам тяжело: горизонт в глазах сделался красным, в ушах гудит, руки отяжелели. Не хватает кислорода. Пошли в отвесное пикирование и, достигнув высоты 2000—1500 метров, ушли на аэродром. В результате длительного пикирования у меня в ушах растянуло барабанные перепонки. Три дня я ничего не слышал. Но постепенно слух восстановился, и на пятый день я возвратился в строй.

Утро было ясное и тихое. Эскадрилья вылетела по тревоге на прикрытие наземных войск. Еще издали я заметил, как к линии фронта приближались три девятки бомбардировщиков в сопровождении истребителей непосредственного сопровождения. Мы вступили в неравный бой, длившийся не более пятнадцати минут. Вражеские истребители всячески стремились не допустить нас к бомбардировщикам. Выбрав удобный момент, я все же прорвался сквозь этот заслон и сбил ведущего бомбардировщика первой девятки, но и мой самолет оказался подбитым; мотор заклинило, пушки перестали действовать. Меня преследовали три «мессершмитта». Они упорно наседали. Я использовал скорость самолета и предпринимал все возможное. Однако самолет все больше становился непослушным. Вдруг тягучая боль пронзила мою грудь, и я почувствовал, как гимнастерка стала набухать от крови... В последний момент, перед приземлением в поле, фашистский пират длинной очередью прошил кабину моего самолета. И дальше я уже ничего не помнил.

Первую помощь мне оказали колхозники из села, расположенного неподалеку от места моего приземления, они же отправили меня в ближайший госпиталь. После я узнал, что летчики нашей эскадрильи сбили еще одного стервят-

ника и расстроили боевой порядок остальных бомбардировщиков. В свой полк я вернулся через месяц.

Наступили долгожданные дни контрнаступления советских войск на Волге.

— Товарищи, — сказал командир полка Герой Советского Союза Лев Львович Шестаков, — успех сегодняшнего наступления наземных войск во многом будет зависеть от нас. Помните об этом. План действий остается без изменения. По самолетам!

Взревели моторы, все пришло в движение. Взвилась сигнальная ракета. Эскадрилья за эскадрильей поднялись в воздух.

Первого фашиста сбил сам командир полка Л. Шестаков, второго — командир 3-й эскадрильи Аметхан Султан, третьего — его напарник Иван Борисов, остальных — пилоты Е. Дранищев, Карасев, Остапченко и я. Так мы открыли счет сбитых берлинских «асов», на самолетах которых были изображены их разбойничьи «символы»: «Туз пик», «Стрела на сердце», «Рваный ботинок», «Желтые носки», «Голубые носы»...

На западном аэродроме окруженной группировки немцев мы в паре с Шестаковым подожгли два транспортных самолета в тот момент, когда они разгружались.

Мой счет сбитых фашистов за несколько дней увеличился до 14, а всего к ноябрю 1943 года я уничтожил 26 вражеских самолетов.

В. Г. Зайцев,

Герой Советского Союза,
капитан

Метким огнем снайперов

Вот уже четвертые сутки снайперы на Мамаевом кургане. Ждем ночи, чтобы занять каждому свою позицию и оборудовать ее. К полуночи, перевернув горы песка, наконец, закончили оборудование снайперских ячеек.

Мы хорошо знали, что противник готовит для нас ловушку: сооружает ложные позиции. Я втыкаю лопату в грунт до самого заступа, прикладываю ухо к черенку, как к телефонной трубке, и слушаю. Лопата в земле будто ладонь на груди, точно передает состояние грунта на вершине кургана. Вот невдалеке вбивают кол, чуть дальше роняют на землю что-то увесистое: возможно ящик с продуктами или мешок, набитый песком. Земляных работ не слышно. А вот совсем рядом шаги. Гитлеровцы громко стучат о землю коваными сапогами, проходят вдоль траншей. Это сменяется охрана на огневых точках.

Часам к десяти утра, когда наши бойцы давно уже бодрствовали, на вражеской стороне началось усиленное движение. Внимательно вглядевшись, я заметил, что у большой траншеи появились «усы» — стрелковые ячейки. Обнаружили новую группу солдат противника, всего метрах в восьмидесяти от нас.

Не успел я сказать и слова, как боец Саша Грязев схватил две противотанковые гранаты и бросился вдоль траншеи.

— Стой, назад! — крикнул я.

Саша остановился, посмотрел на меня укоризненно и сказал:

— Главный, разреши убить фашистов? И позицию заодно разрушу.— И помолчав немного, добавил: — Не всех тебе бить, дай другим счет увеличить.

Врасплох застал меня этот упрек. Мы в самом деле вели личные учетные листы истребленных гитлеровцев, каждый стремился уничтожить их как можно больше. Поэтому

мне стало как-то неловко перед Сашей. Поддавшись минутной слабости, я махнул рукой в знак согласия. Саша улыбнулся торжествующе:

— Давно бы так! — крикнул и скрылся за поворотом траншеи.

— А все же, ребята, напрасно я разрешил парню, — тут же засомневался я. — Беги, Куликов, догони Грязева, скажи ему, что сейчас он попадет в ловушку, в стрелковых ячейках может быть снайпер.

Куликов не успел догнать Грязева. Саша швырнул гранату, но укрыться не успел. Вражеская разрывная пуля сразила его.

Немецкий окоп от разрыва гранаты не пострадал, а мы потеряли снайпера-богатыря.

Как я клял себя за то, что не проявил твердости, не остановил Грязева вовремя.

В комсомольском билете Александр Грязев оставил завещание своему сыну. На могиле Саши мы поклялись отомстить фашистам за его смерть.

Тяжелым был этот день, хотя сильных атак немцы не предпринимали, с воздуха не бомбили. Лишь дважды от водонапорных баков подымались в атаку фашистские цепи, но обе атаки мы отбили автоматным и пулеметным огнем. Снайперские винтовки лежали в это время укрытые плащ-палатками.

Наконец наступила ночь. Черно-сизым бархатом отливал восток, а на западе все блестела светлая полоска. Я смотрел в ту сторону в каком-то оцепенении: смерть Саши Грязева придавила меня. Не хотелось ни есть, ни пить, ни двигаться. Лишь слух машинально отмечал, что делается в стане врага.

Внизу, около железной дороги, раздавался металлический лязг. Наверное, артиллеристы противника ремонтируют орудия. Хорошо были слышны окрики офицеров на высоте. Там же застучали пулеметы — боятся гады, или веселят себя пустой стрельбой. Как говорят наши ребята — рыбачат на самодур, авось кто попадет.

Неожиданно спустился густой туман. Это взбодрило меня: такая темнота помогает лазутчикам — могут приползти сюда за языком... Однако случилось то, чего мы уже и не ожидали.

Под прикрытием тумана к нам пробрались бойцы из роты старшего лейтенанта Ефиндеева, под командованием лейтенанта Федосова.

— Сматывайте свои удочки и уходите в тыл,— распорядился он.— Командир полка майор Метелев приказал.

— К чему такая поспешность? — спросил я.

Федосов прикуривал папиросу от зажигалки, в упор посмотрел на меня.

— Не твое дело,— ответил он хрипло.

К нам подошел политрук Степан Кряхов, поздоровался. Федосов ушел вдоль траншеи размещать людей по огневым точкам. Когда мы остались со Степаном вдвоем, то разговорились, что называется по душам, и под конец я попросил его передать командиру полка, что уходить снайперам с этого участка нельзя, мы должны отомстить за Сашу Грязева, уничтожить фашистского снайпера, помочь новичкам. Просим только суточный отдых на прежних позициях.

Наш участок обороны усилился группой бойцов, опасность полного окружения миновала, и мы могли теперь спокойно отдохнуть. Командир полка разрешил и отдых, и остаться на своих боевых позициях.

Проспали мы целый день. Разбудил меня стук котелка над самым ухом: принесли ужин. После горячей пищи мы снова нырнули в ниши досыпать. Проснулись через несколько часов, когда ухнул разрыв мины в овраге. Где-то рядом строчил фашистский пулемет.

Трассирующие пули, как в вату, впивались, в нависшую над нами стену оврага. С рассветом закипел бой, и я, сменив под этот шумок позицию, обнаружил «охотника за подранками». Его голова тут же попала в перекрестье снайперского прицела.

Пулемет замолк. После этого выстрела я спустился в овраг, к раненым новичкам, что прибыли вчера ночью. Мне важно было знать, где и при каких обстоятельствах они были ранены. Особенно меня интересовали пулевые ранения. Ведь каждая пробоина в солдатском теле имеет свою историю и может подсказать, какие стрелки появились тут у противника.

У входа в санитарный блиндаж сидел широкоплечий коренастый солдат. Рот его был закрыт широким бинтом. Рядом лежала какая-то порванная без обложки книга, а между ее листами — огрызок простого карандаша. Степан Сафонов — значилось у него в солдатской книжке.

— Как это тебя, Сафонов, угораздило подставить свою единственную голову под фашистскую пулю? — поинтересовался я.

Солдат посмотрел на меня уничтожающим взглядом. Потом карандашом написал на листке книги неровным почерком:

— Ты, видать, хочешь зуботычины?..

— Пожалуйста,— ответил я,— только опиши, где и как тебя ранило.

Сафонов, поколебавшись, написал, что ранило, когда прикуривал от цигарки товарища. Значит, дело рук снайпера, и опытного. Когда я вернулся к товарищам, стали думать, как действовать против снайперов противника.

Фашистские снайперы, как правило, устраивали посты в глубине своей обороны, а мы вылезаем на самый передний край. У них много ложных позиций. Как отличить ложную от действительной?

Проходит час, второй, от напряжения ломит глаза, устала шея, тяжело держать голову, но я не двигаюсь. Товарищи убеждают меня, что напрасно смотрю в избранном направлении, снайперского гнезда там нет, проверено десять раз. Не верить товарищам не могу, но какое-то внутреннее чутье и желание отомстить за смерть Саши не отпускают меня с той позиции.

Лежим, молча ведем наблюдение.

Лучи заходящего солнца упали на высоту. Они как бы простреливали темные пятна, освещая каждый бугорок, не замеченный нами днем. Чуть ниже вершины валялись снарядные гильзы. Я насчитал двадцать три штуки... Но что это — одна гильза без дна. Через нее, как через трубу, можно просматривать даль.

Я чуть привстал...И вдруг там, в трубе, будто кремень высек искру.

На противоположной стороне бруствера лопнула разрывная пуля. Около меня уже сидели Николай Куликов, Двояшкин, Костриков.

— Главный, ты жив? — спросил кто-то из них.

— Как видишь, цигарку кручу. Плохо мы следим за новинками,— ответил я и рассказал, что произошло...

Гитлеровский снайпер за свою выдумку получил право на первый выстрел. Хорошо, что промахнулся. Теперь выстрел за мной.

Николай Куликов ждал меня на позиции против гильз, он уже установил артиллерийскую трубу. То, что мы увидели, нас не удивило. Двадцать две гильзы лежали на месте, двадцать третья, без дна, куда-то исчезла. Куда же? Я стал через трубу перебирать кустик за кустиком, продвигаясь в глубь обороны противника. Добрался до самой вершины, где иногда появлялся дальномер. Рядом небольшое углубление...

Вот она гильза без дна! Замаскирована в бруствере. Через нее виден гитлеровец в каске. Ведет наблюдение с помощью оптического прицела снайперской винтовки.

— Вот ты где... прошептал я.

Чтобы привести дыхание в норму, передаю оптическую трубу Николаю Куликову. Он нашел противника.

— Главный, надо брать его сейчас, иначе ускользнет.

— Погодите ребята, дайте посмотреть на живого гитлеровского снайпера! — говорит лейтенант Федосов.

Я держу фашистского снайпера в прицеле своей винтовки.

Он тоже смотрит через оптический прицел. Спрашиваю Куликова:

— Николай, как ты думаешь, видит он нас?

— Сейчас проверим,— Николай отошел назад, приподнял над бруствером фигуру в каске. Фашистский снайпер мгновенно выстрелил. Каску сорвало с головы куклы. Фашист оторвался от оптического прицела. Голова его поднялась.

В эту же секунду прогремел мой выстрел. С головы фашиста слетела каска.

Счет мести за Сашу Грязева был открыт. Всего на Сталинградском фронте мною было уничтожено 242 гитлеровца. Много их пало и от меткого снайперского огня моих друзей.

Т. К. Коломиец,

генерал-лейтенант

Отряд полковника Макарчука

Возвращаясь сейчас к тревожным дням Сталинградской битвы, мне особо хотелось бы выделить августовские бои 1942 года. В моей памяти они тесно связаны с именем нашего боевого товарища, талантливого и поистине бесстрашного командира Ефима Федосеевича Макарчука.

Штаб нашей 51-й армии тогда находился в Зимовниках. Командарм генерал-майор Н. И. Труфанов был в госпитале, и командовать армией поручили мне. Время было тревожное. Противник, форсировав Дон, рвался к Сталинграду. 1 августа немецкие танки и пехота вырвались к Зимовникам. Пришлось перевести штаб армии на запасной командный пункт. В Зимовниках, которые были довольно основательно нами укреплены, я оставил усиленный гарнизон и во главе его поставил полковника Макарчука.

Зимовники, через которые шло снабжение наших войск, надо было удержать во что бы то ни стало, хотя бы до тех пор, пока 91-я и 302-я дивизии не отойдут на рубеж железной дороги Сальск—Котельниково. И вряд ли можно было найти лучшую кандидатуру, чем Е. Ф. Макарчук, за плечами которого была гражданская война, большой командирский опыт. Вряд ли кто смог бы лучше его сориентироваться в столь сложной обстановке.

Первый бой с фашистами у Зимовников завязался 1 августа. В те дни немцы еще лезли напролом, не очень-то заботясь о боевом охранении. Макарчук этим воспользовался, устроил засаду и разгромил оккупантов. Его отряд уничтожил до 200 гитлеровцев и захватил в плен вражеский комендантский взвод.

Еще более ожесточенный бой у Зимовников разгорелся 5 августа. Гитлеровцы силою до батальона мотопехоты, с восемью танками, при поддержке дивизиона артиллерии перешли в наступление. Отряд Макарчука подпустил противника на близкое расстояние и открыл сокрушительный

огонь. Наши танки подожгли три немецкие машины. Пехота противника откатилась. Вечером гитлеровцы возобновили наступление на Зимовники, но так же, как и утром, понеся потери, отошли.

6 августа фашисты дважды предпринимали наступление на Зимовники силами до полка пехоты с двенадцатью танками. Отражая натиск превосходящих сил противника, Макарчук доложил мне вечером 6 августа, что фашисты с трех сторон охватили Зимовники и у отряда остался только один выход — на север.

За успешное выполнение поставленной задачи Военный совет армии объявил полковнику Макарчуку и воинам отряда благодарность, приказал с наступлением темноты оставить Зимовники, к утру 7 августа отойти к хуторам Владимировский и Глубокий с целью не допустить выхода противника к тылам наших дивизий, прикрыть штаб армии.

В 6.00 7 августа полковник Макарчук донес, что занял указанный ему рубеж и приступил к оборонительным работам. В 13.00 он сообщил, что по дороге в штаб армии направились 6 немецких мотоциклистов, которых он пропустил. Вслед за мотоциклистами к хутору Глубокому направляется колонна автомашин с вражеской пехотой.

Взвод охраны штаба армии уничтожил мотоциклистов. А Макарчук, подпустив колонну автомашин с пехотой к западной окраине хутора, в упор открыл по ней огонь. Головные машины и три бронетранспортера загорелись. Пехота в панике бросилась бежать на запад, в сторону Зимовников. Наш отряд захватил 6 орудий, 10 минометов, 15 станковых пулеметов, много автоматов, 12 автомашин и другие трофеи. Пленные гитлеровцы показали, что это был передовой отряд 16-й механизированной дивизии, двигавшейся на Ремонтное.

Противник полагал, что Зимовники оборонял усиленный полк, а когда утром 7 августа немцы окружили и атаковали населенный пункт, там никого не оказалось.

Из захваченных орудий и минометов Макарчук сформировал артиллерийскую и две минометные батареи. Обеспечил он свой отряд и автотранспортом.

Вечером 7 августа в армию поступил приказ командующего Юго-Восточным фронтом генерал-полковника А. И. Еременко оборонять г. Элисту. Мы перебросили туда на автомашинах один стрелковый полк 302-й стрелковой дивизии и один полк 115-й кавалерийской дивизии под общим командованием генерал-майора М. К. Зубкова.

Штабу армии было приказано к утру 9 августа быть в Ремонтном, в 40 километрах северо-западнее Элисты.

К исходу дня 8 августа 115-я кавалерийская дивизия занимала оборону на левом берегу р. Сал на фронте Сиротская, Новосельский и Ивановка; 302-я дивизия — на фронте — Эркетинская, Ново-Гашун; 91-я дивизия и танковая бригада — на фронте Мазанов, Дреславский.

В 19 часов наша авиаразведка обнаружила выдвижение вражеской мотоколонны из Зимовников на Камышев. Создалось довольно опасное положение. Немцы могли раньше нас выйти в район Ремонтное — Элиста. Я приказал полковнику Макарчуку к утру 9 августа главными силами отряда занять Подгорное, Прудников, чтобы не допустить противника в Ремонтное. И он успешно справился с этой задачей. 9 августа мы получили его донесение о том, что из Киевской на Подгорное движется автоколонна и что он решил передовые части пропустить в хутор Орловский, а главные силы — в Подгорное и там разгромить их из засад. Я одобрил его замысел.

Около 13 часов засада в Подгорном пропустила на хутор Орловский три бронетранспортера противника и несколько автомашин с пехотой. Как только колонна главных сил немцев втянулась в Подгорное, по сигналу командира отряда был открыт уничтожающий огонь. Загорелись машины, среди немцев поднялась невообразимая паника. Этим воспользовались наши бойцы, скашивая гитлеровцев из пулеметов, автоматов, орудий.

В этом бою отряд захватил 6 орудий, 15 минометов, 20 станковых пулеметов, около 200 автоматов, 16 исправных автомашин, три рации, штабную машину с адъютантом командира 16-й механизированной дивизии. Были взяты в плен и несколько других немецких офицеров.

С утра 10 августа немцы перешли в наступление на Элисту. Город расположен в котловине, поэтому наши полки завязали бои с противником севернее его. В ночь на 11 августа наши части оставили рубеж севернее Элисты и начали отходить в северо-восточном направлении, на рубеж, указанный командующим Юго-Восточным фронтом.

Полковник Макарчук главными силами отряда занял Первомайское, в 15 километрах южнее Ремонтного, и перешел к обороне. Противник повел наступление на Первомайское силою до батальона пехоты с восемью танками, при поддержке артиллерийского дивизиона. Бой продолжался до вечера. Немцы, понеся большие потери в живой силе, оставили на поле боя три сгоревших танка и отошли на юг.

10 августа меня вызвал по телефону А. И. Еременко. Я доложил ему обстановку перед фронтом армии, состоя-

ние частей и попросил разрешить отправку госпиталей за Волгу, а армии отойти на рубеж озер Цаца, Барманцак, Сарпа. Командующий со мной согласился и приказал занять указанный рубеж к 16 августа с задачей — обеспечить левое крыло фронта.

Ночь с 10 на 11 августа для штаба армии была напряженной. В Немышково, в 6 километрах восточнее Ремонтного, пробралась группа немецких автоматчиков. Только к рассвету разведке из отряда полковника Макарчука удалось ее отбросить на восток.

Противник в эти дни упорно рвался к Сталинграду южнее Абганерово. На свой правый фланг немцы мало обращали внимания, поэтому перед передним краем 51-й армии их не было.

Полковник Макарчук разработал эффективный план действий. Суть его состояла в том, чтобы резать коммуникации 4-й танковой армии немцев, уничтожать тылы. Нанося чувствительные удары по врагу, незаметно уходить в укрытия. Военный совет армии утвердил этот план.

Во второй половине августа 24-я танковая дивизия немцев спешила на север, в район Абганерово, для развития удара 4-й танковой армии. Отряд полковника Макарчука ночью «пристроился» к немецкой колонне и открыл огонь. Запылали, наезжая друг на друга, вражеские машины. Гитлеровцы в панике бросились бежать. На поле боя осталось свыше 35 подбитых и горевших машин разных марок, 4 бронетранспортера. Отряд захватил две рации, 8 автомашин, уничтожил 300 вражеских солдат и офицеров. Были захвачены важные оперативные документы, раскрывавшие замысел врага.

В конце августа гитлеровцы вынуждены были бросить против отряда Макарчука 4-ю пехотную дивизию румын. Ей была поставлена задача уничтожить «чапаевский полк», как они называли отряд.

Дальнейшие действия отряда Макарчука в тылу врага, в 10—15 километрах от переднего края армии, были рискованными, поэтому его нужно было возвратить в расположение армии.

Я поехал в отряд, и мне сразу бросились в глаза образцовая дисциплина и организованность. При мне Макарчук получил от разведки донесение о движении колонны румынской пехоты силою до батальона с артиллерией. Полковник вызвал к себе командиров стрелковой и минометной рот, артиллерийской батареи, взвода пулеметной роты и, назначив командира стрелковой роты старшим, поставил задачу — уничтожить противника.

В течение сорока минут Макарчук получил еще несколько донесений о движении новых колонн противника.

Против каждой колонны Макарчук решил выставить по усиленной роте. Но мною было отдано приказание о сборе отряда по тревоге для следования в расположение армии. Люди собрались в считанные минуты. Я поблагодарил их за отличные боевые действия. Полковник Макарчук попросил разрешения не возвращать 1-ю усиленную стрелковую роту, убывшую на выполнение боевой задачи. Я согласился и выдвинулся вместе с Макарчуком на одну из высот, с которой можно было наблюдать движение колонны румын. Мы видели, как внезапно для противника появилась усиленная рота отряда и открыла фланговый огонь. Среди румын поднялась паника, они бросились врассыпную, оставляя оружие и боевую технику.

В период подготовки войск 51-й армии к контрнаступлению, командуя моторизованным отрядом, полковник Макарчук получил задачу Военного совета проникнуть в глубокий тыл врага у села Садовое, парализовать управление войсками противника и отвлечь на себя часть врага от Сталинграда. Используя захваченный накануне плацдарм, Макарчук провел свой отряд юго-западнее озера Барманцак и, минуя села Дербеты и Тундутово, ударил на село Садовое.

Отряд Макарчука разбил прямо на огневых позициях целый артиллерийский полк румын. А еще через 2 часа 30 минут он уже громил 5-й пехотный полк и штаб 4-й пехотной дивизии в с. Садовое, где захватил важные оперативные документы и пленил штаб румынского полка.

Против отряда полковника Макарчука немецкое командование бросило из-под Сталинграда до 80 танков, 200 автомашин с пехотой и артиллерией. Макарчук, умело управляя войсками, вывел их из-под удара противника, успешно выполнил задачу, поставленную Военным советом 51-й армии.

За умелое руководство боевыми действиями отряда, за мужество и отвагу полковник Ефим Федосеевич Макарчук был награжден орденом Красного Знамени. По представлению Военного совета армии он был назначен командиром 302-й стрелковой дивизии вместо заболевшего генерала М. К. Зубкова.

Д. Д. Рогачев,

контр-адмирал

Удары с Волги

Волга... Великая русская река, она не только неустанная труженица. В годы гражданской войны Волга сражалась с врагами революции, обороняла Красный Царицын. Снова стала она воином в дни Сталинградской битвы.

Летом 1942 года, когда бои шли на дальних подступах к Сталинграду, фашистские самолеты то и дело появлялись над Волгой, совершая нападения на караваны судов, сбрасывая морские электромагнитные донные мины. В эти дни главная задача Волжской военной флотилии заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность перевозок грузов, прежде всего, военных. Но уже в конце июля флотилия получила приказ быть готовой к огневой поддержке наших сухопутных войск, не допустить переправу войск противника через Волгу.

Что представляла собой тогда Волжская военная флотилия? В ее состав входили военные бронекатера и речные гражданские суда, соответствующим образом переоборудованные. Обычные буксиры стали канонерскими лодками, вооруженными морскими 100-миллиметровыми дальнобойными орудиями, зенитками и пулеметами. Экипажи кораблей составляли моряки Черноморского, Балтийского и других флотов. Имелась у нее небольшая группа морской пехоты, которой командовал капитан 2-го ранга Топленинов. Начальник штаба флотилии М. И. Федоров, комиссар П. Т. Бондаренко, начальник политотдела П. И. Бельский были опытными военными специалистами, хорошо знавшими морскую службу.

Первое время авиация противника безнаказанно охотилась за транспортными судами, пассажирскими пароходами, нанося им ощутимый урон. Решено было транспортные суда Волжского пароходства вооружить средствами противовоздушной обороны, для обслуживания которых направлялись команды моряков. Военные моряки-зенитчики в бо-

евом содружестве с речниками парохода «Сократ», шедшего в составе каравана с нефтеналивными и сухогрузными баржами, мужественно отразили 48 воздушных атак, сбив при этом три самолета. Потерь и повреждений караван не имел. Экипаж парохода «Алтай» сбил два вражеских самолета.

В 1942 году моряки-зенитчики, плававшие на гражданских судах, уничтожили 22 фашистских самолета. После оснащения транспортных судов противовоздушными средствами налеты фашистских стервятников на караваны резко сократились.

Но опасность грозила не только непосредственно с воздуха. Самолеты противника постоянно минировали Волгу. Первыми проходили опасные участки фарватеров тральщики. Они проводили транспорты, уничтожали мины всеми доступными способами. Большую помощь оказывали нам речники и особенно путейцы-бакенщики и старшины постов. Они засекали падения мин, ставили здесь вехи и сообщали об этом морякам.

Несмотря на то, что в широких масштабах применялась маскировка, создавались ложные фарватеры, на которые фашистские летчики сбрасывали свои бомбы и мины, все эти меры не могли полностью устранить опасность. Пользуясь господством в воздухе, фашисты продолжали ставить мины. Это создавало исключительно сложную и тяжелую обстановку, требовало от моряков героических усилий, чтобы обеспечить выполнение боевых заданий. Невзирая на опасность, они сопровождали караваны судов, отбивали воздушные атаки врага, вели борьбу с его минами. И многие из них вписали яркие страницы в историю Великой Отечественной войны, в летопись Сталинградской битвы.

Бесстрашие и мужество проявил в те суровые дни командир бригады тральщиков — заместитель командующего Волжской военной флотилией контр-адмирал Борис Владимирович Хорошхин. В районе Черного Яра и Никольского образовалась «пробка», скопились караваны судов с важнейшими военными грузами и войсками. Грузовые и пассажирские суда не могли двигаться вверх из-за большого количества вражеских мин. Надо было уничтожить мины, провести караваны в Сталинград. Борис Владимирович взял на себя выполнение этой сложной задачи. Он решил проверить фарватер, ведя корабли флотилии без впереди идущих тральщиков. Обстановка требовала срочной доставки караванов в Сталинград.

В конце июля начался этот опасный поход кораблей. К утру 1 августа 1942 года бронекатера № 21 и № 22 под-

ходили уже к Никольскому, что в двухстах километрах ниже Сталинграда. И вдруг мощный взрыв потряс бронекатер № 22. Весь его экипаж, а с ним и контр-адмирал Борис Владимирович Хорошхин погибли. Ценой своей жизни герои-моряки сохранили жизнь многим сотням советских воинов. Для судов открылся путь безопасного плавания. Фронт получил долгожданное пополнение людьми и техникой.

Так сражались наши моряки. И мне хочется рассказать еще о некоторых героях, оставшихся в памяти.

Экипаж тральщика № 32 под командованием тов. Потапова уничтожил 13 магнитных мин противника. Моряки находили их не только с помощью траловой баржи, но иногда сами ныряли в воду и отыскивали мины, а затем уничтожали их глубинными бомбами. На одном из перекатов моряки, взявшись за руки, шли цепочкой, ногами ощупывая грунт, чтобы найти мину.

В совместной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками росла и крепла боевая дружба и взаимодействие военных моряков, летчиков, речников. Они плечом к плечу делили все опасности, приходя на выручку друг другу в трудные минуты.

Бронекатера бригады речных кораблей, которой командовал контр-адмирал С. М. Воровьев, в течение августа отконвоировали 33 транспорта и отбили 162 атаки самолетов противника. Второй дивизион бронекатеров, под командованием капитана 3-го ранга А. И. Пескова, с 1 августа по 17 ноября отконвоировал 128 караванов судов, отбил 190 воздушных атак врага, сбив при этом 4 фашистских самолета.

Морякам дивизиона заграждения Волжской военной флотилии была поставлена задача — разрушить фашистские переправы на реке Дон. Краснофлотцы-минеры под руководством старшего лейтенанта О. Селенкина, переодевшись в гражданскую одежду, перешли линию фронта, достигли Дона и запустили плавучие мины по течению реки. Мощные взрывы разбросали фашистскую переправу, сорвав этим переход через Дон немецких танков и самоходных орудий. Моряки без потерь вернулись в свою часть. Одним из участников этой команды был матрос Николай Степанович Горбунов.

После продолжительных и кровопролитных боев в конце августа 1942 года фашисты прорвались к Волге. В это тяжелое время мы в спешном порядке сформировали сводный батальон моряков под командованием капитана 3-го ранга П. М. Телевного. Батальон прибыл в район тракторного завода и вместе с подразделениями народного опол-

чения до 27 августа сковывал силы противника. Моряков активно поддерживали огнем корабли северной группы флотилии под командованием капитана 3-го ранга С. П. Лысенко.

27 августа батальон морской пехоты и подразделения народного ополчения при поддержке 18 танков и корабельной артиллерии перешли в наступление, захватив позиции врага в населенном пункте Рынок и достигли южной окраины Латошинки. Несмотря на большие потери, моряки удерживали захваченные ими позиции до исхода дня и только по приказу командования отошли на северо-восточную окраину Спартановки, где занимали оборону до 2 сентября 1942 года.

Отличились наши моряки при защите тракторного завода. Заместитель командира батальона старший лейтенант Горшков с группой моряков первым ворвался на окраину Латошинки. В этом бою старшине 1-й статьи Авдееву взрывом снаряда оторвало обе ноги, но моряк еще нашел в себе силы, чтобы перед смертью бросить во врагов гранату. Мужественно, до последнего вздоха руководил боем командир роты инженер-капитан 3-го ранга Григорий Редькин. Несмотря на тяжелое ранение, не оставил поля боя командир взвода младший лейтенант Никонов.

В первых рядах сражающихся моряков были не только командиры. Начальник продовольственного снабжения техник-интендант 2-го ранга Михаил Кайдалов лично из автомата уничтожил группу фашистских солдат. Немецкий офицер с короткой дистанции, почти в упор, выстрелил из пистолета в Михаила Кайдалова. Моряк-интендант убил немецкого офицера и только тогда пошел на медпункт. Старшина второй статьи В. М. Стрижук противотанковой гранатой уничтожил орудие врага, перебил немецких пулеметчиков и захватил исправный вражеский пулемет.

В боях за Орловку случилось так, что 141-я отдельная рота морской пехоты оказалась в окружении. Моряки не дрогнули. Они дрались до последней возможности, нанесли врагу большие потери. Только девяти из них удалось вырваться из окружения, в том числе раненому младшему политруку А. С. Гриденко.

Отмечая боевые подвиги славных морских пехотинцев, командующий 62-й армией В. И. Чуйков писал: «...Отважно действовал сводный отряд моряков, эффективную помощь войскам оказывала и северная группа кораблей артподдержки, и мы сожалеем, что в ней было мало кораблей».

Не менее отважно действовали моряки на южной окраине города. Боевые дела канонерских лодок «Громов»,

«Щорс» и «Руднев», поддерживавших огнем своего главного калибра 422-ю и 15-ю гвардейские дивизии, подвиги краснофлотцев-минеров под командованием старшего лейтенанта О. Селянкина, моряков артиллерийских кораблей 2-й бригады контр-адмирала Т. А. Новикова вошли славными страницами в летопись нашей флотилии.

13 сентября немецко-фашистским войскам удалось выйти к Волге в районе Купоросной балки. В борьбу против прорвавшегося врага включились все артиллерийские корабли 2-й бригады речных кораблей контр-адмирала Т. А. Новикова. В этом бою частично принимали участие и корабли 1-й бригады. Канонерские лодки и плавбатареи вели огонь по противнику, занявшему Елхи, высоту 145,5 (Лысую гору), Зеленую поляну, Купоросное, Ельшанку.

На другой день противник предпринял новую мощную атаку. Он стремился прорвать нашу оборону, расчленить наши части на отдельные группы и сбросить в Волгу. Войска Сталинградского фронта предприняли контратаки в угрожаемых направлениях. Волжская военная флотилия в этих контратаках приняла непосредственное участие.

Среди частей, действовавших на рубеже Купоросное — Ивановка, была и 66-я морская бригада. При ней все время находился корректировочный пост, который возглавлял командир батареи канонерской лодки «Руднев». На другом участке морские артиллеристы железнодорожной батареи из 152-мм дальнобойных орудий громили врага в районе Гумрак — Разгуляевка.

Памятны ратные дела моряков и на волжских переправах. С прекращением сквозного движения судов в районе города, а также в связи с захватом противником железных дорог, значение водных переправ резко возросло. Вместе с тем несравнимо усложнилась и работа на них: если раньше они находились под ударами только вражеской авиации, то с выходом немцев к Волге переправы стали простреливаться из всех видов оружия. Корабли флотилии, совершая артиллерийские налеты, подавляли огневые точки противника, расположенные на берегу, однако совсем ликвидировать опасность не могли. Волга бурлила, буквально кипела от разрывов вражеских снарядов, мин, бомб. Под непрерывным огнем моряки мужественно выполняли свой долг.

Бесстрашно сражались бронекатера капитана 3-го ранга Лысенко, тральщиков капитана 1-го ранга Смирнова, капитана 3-го ранга Ляльченко.

Особую страницу Сталинградской эпопеи составляет знаменитая, беспримерная по героизму переправа через Волгу 13-й гвардейской дивизии генерала А. И. Родим-

цева. Мы начали ее 14 сентября в 22 часа. Нескончаемым потоком к центру города из Краснослободского затона шли военные корабли и гражданские суда с войсками дивизии. С самого начала и до конца переправы противник вел непрерывный огонь по тральщикам, бронекатерам и речным судам пароходства. И все же утром 15 сентября дивизия в основном переправилась и с ходу вступила в бой. Переброска за одну ночь такой массы людей, с вооружением, техникой, потребовала от моряков и речников невероятных усилий, четкости, организованности, отваги.

7 октября фашисты предприняли мощную атаку, бросив 100 танков на позиции наших войск с целью прорыва к тракторному заводу. Пять дней шли упорные бои. Противнику ценой огромных потерь удалось вклиниться в оборону советских войск. В истреблении танков и живой силы этой группировки врага приняли участие корабли северной группы — канонерские лодки и бронекатера, а по его тылам била железнодорожная батарея моряков, расположенная на территории завода «Баррикады».

Осенние заморозки и появление льда на Волге вынудили командование флотилии начать вывод кораблей из боя, направляя их на зимнюю стоянку и ремонт. Однако для продолжения боевой деятельности в районе Сталинграда оставлена была оперативная группа кораблей — канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев», бронекатера и несколько тральщиков.

Моряки Волжской военной флотилии приняли активное участие в разгроме окруженного врага. Корабли артиллерийской поддержки — канонерские лодки «Чапаев» и «Усыскин» — оказывали огневую поддержку сухопутным войскам до конца января 1943 года. Они помогли нашим войскам ликвидировать северную группировку противника в районе заводов «Баррикады» и тракторного. 26 января 1943 года эти лодки участвовали в артиллерийской поддержке пехоты, штурмовавшей господствующую высоту 97,7.

За проявленную отвагу и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» были награждены орденами Красного Знамени, а первому и второму дивизионам бронекатеров присвоено звание гвардейских.

С первого до последнего дня Сталинградской битвы Волжская флотилия принимала в ней активное участие, подтвердив этим еще раз незыблемое положение советского оперативного искусства о том, что победа над врагом достигается при участии всех родов войск, взаимодейству-

ющих между собой для достижения единой цели — разгрома врага.

Волжская флотилия оказала огромную помощь частям Советской Армии в беспримерной борьбе за Сталинград. Ее боевая деятельность явилась составной частью героического подвига советского народа и его армии, разгромивших немецко-фашистские орды на Волге.

Р. Я. Малиновский,

дважды Герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза

Натиск второй гвардейской

Второго февраля 1943 года у берегов великой русской реки был нанесен сокрушительный удар по военной машине гитлеровской Германии и ее сообщников по агрессии. В огне ожесточенных сражений на Волге человечество воочию увидело занимающуюся зарю победы над фашизмом.

Блистательная победа наших доблестных Вооруженных Сил у стен волжской твердыни была одержана под руководством Коммунистической партии, при поддержке всего многонационального народа нашей Родины. Эта победа, свидетельствующая о несокрушимости советского государственного и общественного строя, оказала решающее влияние на судьбы всего человечества, во многом предопределила победу прогрессивных сил мира над силами реакции.

В великой битве с обеих сторон участвовали огромные массы войск и различной боевой техники.

Во время напряженных сражений на юге нашей страны Советское Верховное Главнокомандование направляло туда большое количество своих подготовленных резервов. В числе таких резервов была и 2-я гвардейская армия, вступившая в сражения в декабре 1942 года, после того как была уже окружена в междуречье Волги и Дона отборная группировка гитлеровских войск под командованием генерал-полковника Паулюса. Солдатам и офицерам 2-й гвардейской армии не пришлось участвовать в оборонительных сражениях и в операциях по окружению войск Паулюса, но они внесли свой достойный вклад в общее дело разгрома немецко-фашистских армий при отражении удара вражеской группировки Манштейна, рвавшейся на помощь окруженным со стороны Котельниково. Об этих событиях я и хочу рассказать.

Напомню кратко, какова была обстановка ко времени моего прибытия во 2-ю гвардейскую армию, командование которой я принял по приказу Ставки.

К концу ноября 1942 года на территории в 1,5 тысячи квадратных километров были зажаты в стальное кольцо советских войск 22 вражеские дивизии. Положение окруженной группировки было исключительно тяжелым. Это можно себе представить по радиограмме командующего 6-й армией Паулюса в группу армий «Б», где он сообщал: «Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на 6 дней».

Однако гитлеровское верховное командование приняло решение любой ценой продолжать удерживать занимаемые позиции. Одновременно оно планировало ударом извне осуществить деблокаду окруженных войск и восстановить положение, которое было до нашего контрнаступления. Гитлер хвастливо заявлял, что «6-я армия останется там, где она находится сейчас! Это гарнизон крепости, а обязанность крепостных войск — выдержать осаду. Если нужно, они будут находиться там всю зиму, и я деблокирую их во время весеннего наступления».

Продолжая удерживать район города, Гитлер все еще лелеял надежды осуществить свою давнюю мечту. Как позже стало известно из многих документов, немецко-фашистское командование ставило своей задачей овладеть богатейшими сельскохозяйственными районами Дона, Кубани, Нижней Волги и захватить нефтяные месторождения Кавказа, чтобы окончательно парализовать экономику Советского Союза и значительно улучшить материальные возможности немецко-фашистской армии для доведения войны на Востоке до победного конца.

По свидетельству одного из руководителей нацистской Германии — Риббентропа, Гитлер еще в начале 1942 г. говорил, что «...во всех операциях против СССР наибольшее значение должен играть южный сектор — там и начнется наступление, и сражения постепенно развернутся к северу... Во всяком случае, если удастся отрезать СССР от внешней помощи и расширить захват на юге, включая весь Донбасс и Кавказ, то, даже если не удастся совершенно сломить советский режим, все же СССР потеряет всякое значение и силу... Операции против Среднего Востока последуют после операции против Кавказа».

Героическая оборона города-героя на Волге и контрнаступление советских войск в ноябре 1942 года сорвали эти далеко идущие военно-политические планы фашистского руководства. Однако оно не хотело признавать своего поражения.

Еще до начала контрнаступления советских войск Гит-

лер в приказе по войскам Восточного фронта от 14 октября 1942 г. самоуверенно заявил, что после вынужденного перехода к обороне немецко-фашистская армия сможет в 1943 г. продолжить свое наступление «в целях окончательного уничтожения нашего опаснейшего врага» (имеется в виду Советский Союз — Р. М.). Поэтому немецкие войска Восточного фронта и получили задачу любыми средствами сохранить достигнутые рубежи. Что же касается непосредственно южного участка фронта, то здесь (уже после окружения 6-й немецкой армии) противник пытался провести ряд мер, направленных на восстановление утраченного положения.

Прежде всего гитлеровское командование стремилось вызволить из окружения свою 6-ю армию. Для проведения этой операции специально была создана новая группа армий «Дон», в которую были включены все войска, действовавшие к югу от среднего течения Дона до астраханских степей: армейская группа «Гот» (в составе вновь созданной 4-й немецкой танковой и 4-й румынской армий), сводные группы, объединенные управлением 3-й румынской армии, и оперативная группа «Холлидт». В группу вошли также и войска окруженной 6-й немецкой армии.

Штаб группы армий «Дон» с 28 ноября был развернут в Новочеркасске. Командование этой группой было возложено на генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, одного из особо приближенных к Гитлеру военачальников, пользовавшегося славой специалиста «осадных боевых действий, знатока стратегии».

Главная роль в операции по деблокаде окруженной группировки противника возлагалась на армейскую группу «Гот», которая должна была нанести удар из района Котельниково вдоль железной дороги Котельниково—Сталинград. Одновременно другая группировка в районе Тормосина должна была нанести второй удар также в сторону города.

Немецко-фашистское командование рассчитывало, что как только ударные группировки подойдут ближе к внутреннему кольцу нашего окружения, им навстречу выступит специально созданная группа прорыва из состава окруженных войск 6-й армии. Гитлеровское руководство верило в благоприятный исход этой операции. Одновременно оно приняло ряд мер, направленных на снабжение окруженных войск всем необходимым. В частности, 4-й воздушный флот получил двойную задачу — обеспечить по воздуху снабжение 6-й армии и оказать активную поддержку наступлению армейской группы «Гот».

Необходимо отметить, что в конце ноября — начале декабря советское Верховное Главнокомандование приняло решение по развитию контрнаступления советских войск на юге на широком фронте. Одновременно планировалась и операция по уничтожению окруженных войск 6-й немецкой армии. Первую задачу должны были выполнять войска Юго-Западного и часть сил Воронежского фронтов. Этим фронтам предстояло разгромить вражеские войска в районе среднего течения Дона и развить свой удар в юго-западном направлении в глубокий тыл крупной стратегической группировки противника, находившейся на Северном Кавказе. По плану этой операции имелось в виду использовать на ее завершающем этапе 2-ю гвардейскую армию, которую предполагалось продвинуть в район Калача и ввести в сражение для развития успеха в сторону Ростова-на-Дону, Таганрога.

Задачу уничтожения окруженной группировки врага было поручено выполнить войскам Донского и Сталинградского фронтов. Но обстановка сложилась так, что оба фронта, начавшие наступательные действия по ликвидации окруженной группировки, в течение первых четырех дней успеха не имели. Закрепившись и организовав круговую оборону, дивизии 6-й немецкой армии оказали ожесточенное сопротивление. Требовалось ввести свежие резервы с тем, чтобы быстрее сломить упорство окруженного противника, пленить его и высвободить свои войска для решения новых наступательных задач на других направлениях.

В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования изменила свое первоначальное решение об оперативном использовании 2-й гвардейской армии и передала ее в состав Донского фронта, по плану которого она и должна была нанести мощный рассекающий удар по окруженной группировке и совместно с другими армиями как можно быстрее уничтожить ее. С перспективой выполнения такой задачи войска 2-й гвардейской армии на основании распоряжения от 3 декабря 1943 г. начали погрузку из района формирования.

У меня хорошо осталось в памяти первое знакомство с личным составом армии. Костяк соединений составляли воины, прошедшие школу боев с немецко-фашистскими захватчиками. При этом значительную прослойку составляли бывшие моряки. Хорошее впечатление на меня произвел командный и начальствующий состав армии — офицеры штаба, начальники служб, командиры корпусов и дивизий, частей и подразделений. Весь личный состав горел единым желанием как можно скорее вступить в сражение с врагом,

чтобы отомстить ему за поруганную советскую землю. И воины воевали героически, в чем я убедился как при разгроме гитлеровских войск на Котельниковском направлении, так и в ходе последующего наступления на Ростов.

Выгрузка прибывающих на фронт эшелонов армии началась 10 декабря на станциях Арчеда, Панфилово, Лог, Иловля, Качалино, Паньшино, то есть севернее района, который занимался окруженной группировкой вражеских войск. В ближайшие дни 2-я гвардейская армия могла приступить к выполнению своей задачи по плану Донского фронта.

Однако обстановка в районе окружения к этому времени резко изменилась. Наши войска, не имевшие здесь достаточного превосходства в силах и средствах над окруженным противником, были вынуждены временно приостановить наступательные действия и тщательно подготовить новую совместную операцию по ликвидации 6-й немецкой армии. Что касается противника, то ему удалось сосредоточить в районе Котельниково мощный танковый кулак, который в любую минуту мог обрушиться на позиции ослабленных в предыдущих боях дивизий 51-й армии, оборонявшей широкую полосу на внешнем фронте окружения, в удалении всего 150 км от окруженной группировки врага.

Одновременно командование группы «Дон» сосредоточивало и свою вторую группировку в районе Тормосина, хотя ее формирование шло значительно медленнее, поскольку направляемые в этот район дивизии противник был вынужден вводить в сражение против войск левого крыла Юго-Западного фронта, начавшего в первой половине декабря активные наступательные действия на рубеже р. Чир.

Было очевидно, что отразить и сдержать натиск танковых сил врага, рвавшихся из района Котельниково, 51-я армия собственными силами не сможет. Возникла угроза деблокады 6-й армии, чего допустить было никак нельзя.

Перед советским командованием стал вопрос: где сосредоточить главные усилия? То ли наносить главный удар против окруженных войск или же ограничиться пока блокированием окруженной группировки врага в районе Сталинграда и все внимание уделить Котельниковскому направлению? Все мы прекрасно понимали, к каким тяжелым последствиям может привести прорыв войск Манштейна к Паулюсу.

Мнение военных советов фронтов и командования 2-й гвардейской армии, поддержанные представителем Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковником А. М. Василевским, сводилось к тому, чтобы 2-ю гвардей-

скую армию использовать на внешнем фронте окружения для разгрома идущей на выручку 6-й армии танковой группировки Манштейна.

С этим мнением и согласилась Ставка, которая в своей директиве от 14 декабря 1942 г. приказала отложить временно операцию по ликвидации окруженной группировки противника, а 2-ю гвардейскую армию и в первую очередь механизированные соединения приказано было форсированным маршем двинуть на юг и расположить их в тылу дивизий 51-й армии.

В директиве подчеркивалось, что главной задачей наших войск являлся разгром котельниковской группировки врага силами 51-й и 2-й гвардейской армий, которые должны в ближайшие дни занять Котельниково и прочно там закрепиться. Одновременно войскам было приказано продолжать систематическое подавление окруженных войск противника, и в корне пресекать все попытки окруженных вырваться из кольца.

2-я гвардейская армия была передана в подчинение Сталинградского фронта. В ее состав к этому времени входили 1-й гвардейский стрелковый корпус в составе 24, 33-й гвардейских и 98-й стрелковых дивизий, 13-й гвардейский стрелковый корпус в составе 3, 49-й гвардейских и 387-й стрелковых дивизий, а также 2-й гвардейский механизированный корпус. Позже нам были переданы танковый, механизированный и кавалерийский корпуса, а также 87-я и 300-я стрелковые дивизии, которые к этому времени втянулись в бой на Котельниковском направлении. Вскоре армия начала передислокацию в новый район.

Обстановка была очень тяжелой. Армии предстояло передислоцироваться по заснеженным дорогам на расстояние до 200 километров.

В то время как армия начала передислокацию, обстановка на участке 51-й армии еще более изменилась. Против ее трех стрелковых и двух кавалерийских дивизий противник к 12 декабря развернул на Котельниковском направлении 57-й танковый корпус в составе 6-й и 23-й танковых и 15-й авиаполевой дивизий, а также ряд румынских соединений.

С утра 12 декабря эта группировка перешла в наступление, прорвала оборонительные позиции 51-й армии и на третий день боев продвинулась в ее расположение до 45 километров. Манштейн радировал Паулюсу: «Будьте уверены в успехе». Но эта уверенность была преждевременной. Советские воины героически сражались с превосходящими силами врага, особенно упорные бои развернулись на реке

Аксай-Есауловский, где противник понес значительные потери. Для каждого было ясно, что любой ценой надо удержать позиции, не дать врагу соединиться с окруженной группировкой противника до подхода резервов.

Но силы были слишком неравные. Достаточно, например, указать, что на некоторых участках враг имел пяти- и даже шестикратное превосходство над нашими войсками. 19 декабря противнику удалось выйти на р. Мышкова. Обстановка для наших войск еще больше осложнилась. Соединениям армейской группы «Гот», несмотря на большие потери, все-таки удалось пройти до двух третей расстояния, которое отделяло ее от 6-й армии. Всего 35—40 километров отделяли теперь Манштейна от Паулюса.

В эти дни войска 2-й гвардейской армии подходили к рубежу р. Мышкова, где сразу же без отдыха две дивизии— 98-я стрелковая и 3-я гвардейская стрелковая вступили в тяжелые бои с наступающим противником. Гвардейцы получили приказ во что бы то ни стало остановить наступление врага, не допустить прорыва наших позиций на р. Мышкова, нанести ему поражение в оборонительных боях, после чего, с подходом всех сил, 2-я гвардейская армия перейдет в решительное наступление.

19 декабря армия развернула вдоль северного берега реки все свои соединения. Справа, на участке Нижне-Кумский—Ивановка, стояли части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, командиром которого был генерал-майор И. И. Миссан. На фронте от Ивановки до Капкинского находились дивизии 13-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-майора П. Г. Чанчибадзе. 2-й гвардейский механизированный корпус, которым командовал генерал-майор К. В. Свиридов, по моему указанию был расположен за 3-й гвардейской стрелковой дивизией; его три танковых полка стояли в боевых порядках, готовые по сигналу контратаковать прорвавшегося противника.

Эти мероприятия положительно сказались на моральном состоянии героически дравшихся воинов 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которые чувствовали, что за их спиной стоят славные танкисты, готовые в трудиую минуту оказать поддержку пехоте.

Со стороны противника нам противостояли развернутые в первом эшелоне три танковые дивизии — 6, 23 и 17-я, в которых насчитывалось до 500 танков. Стремясь прорваться через рубеж р. Мышкова, Манштейн свои основные усилия сосредоточил в направлении Громославки — перед соединениями правого фланга 2-й гвардейской армии, где пролегал кратчайший путь к окруженной группировке врага.

К исходу дня 19 декабря обстановка на участке армии значительно осложнилась. Наступающий противник занял Нижне-Кумский, потеснив действовавшие в этом районе части 5-й ударной и 51-й армий. К 4 часам утра 20 декабря немцы вышли на рубеж Черноморов, Громославка. Воины-гвардейцы продолжали отражать ожесточенные атаки врага.

Продвижение врага не могло не вызывать беспокойства. 20 декабря в 18 часов Военным советом фронта было отдано распоряжение армиям прочно удерживать занимаемые рубежи, а в случае вклинивания противника в нашу оборону решительными контратаками отбросить его и уничтожить.

Героически сражались соединения 2-й гвардейской армии на р. Мышкова. Вот лишь один эпизод. Это было утром 21 декабря. Противник привлек крупную группировку авиации, которая начала усиленную бомбежку оборонявшихся частей армии. Главный удар противника пришелся против частей 98-й стрелковой дивизии, прикрывавшей направление на Громославку. Здесь перед Громославкой, на участке ее 166-го стрелкового полка гитлеровцы сосредоточили 39-й танковый полк, 40-й и 63-й моторизованные полки и крупные силы артиллерии. Всего в бою принимало участие до 6000 солдат, 125 танков (из них 25 тяжелых), до 150 орудий и минометов. С нашей стороны непосредственно Громославку обороняли два батальона 166-го стрелкового полка при поддержке одного дивизиона 153-го артиллерийского полка.

Создав значительное превосходство над нашими частями, враг был уверен в том, что ему удастся без труда прорвать оборону. Бои за Громославку приняли тяжелый характер. Воины армии с большим упорством удерживали рубежи. Танки противника были встречены плотным огнем противотанковых средств на переднем крае. Сотни орудий, расположенных в глубине, также открыли мощный заградительный огонь. Наши пехотинцы, несмотря на то, что часть танков прорвалась через передний край, не оставили своих позиций и, ведя борьбу с вражескими танками, отсекали огнем его пехоту. Значительную помощь войскам армии оказала авиация 8-й воздушной армии нашего фронта. Лишь во второй половине дня к 17 часам закончился бой в районе Громославки. Герои 166-го стрелкового полка полностью удержали занимаемые позиции. В ходе боя противник понес серьезные потери.

В период ожесточенных боев в районе Громославки я находился на командном пункте 98-й стрелковой дивизии. Героически дрались наши моряки-тихоокеанцы, которые с гранатами и бутылками с горючей смесью бросались на

танки врага. Это были настоящие чудо-богатыри, беспредельно преданные своей Родине, советскому народу, Коммунистической партии. Но в этот день шли бои не только за Громославку. Противник вновь предпринял наступление на Васильевку, где стойко оборонялась 3-я гвардейская стрелковая дивизия. Шли также упорные бои в районе Нижне-Кумский, Ивановка, Капкинский. И нигде врагу прорваться не удалось.

Подводя итоги боев за 21 декабря, мы пришли к выводу, что противник на этом не остановится. Он может предпринять новые попытки прорваться к своим окруженным войскам. Такой же оценки придерживался и Военный совет фронта. Уже в ночь с 21 на 22 декабря командование фронта в своем боевом распоряжении отмечало, что с утра 22 декабря следует ожидать наступления врага в направлении Верхне-Царицынский, Зеты.

Интересно отметить, что командующий армейской группой генерал Гот созвал экстренное совещание командного состава, на котором присутствовал и командир 57-го танкового корпуса. Здесь было принято решение нанести концентрированный удар в новом направлении — Васильевка, Зеты, в стык между 2-й гвардейской и 51-й армиями, силами 6-й и 17-й танковых дивизий. Произошел забавный случай; воздушная разведка донесла, что противник развернул массу танков — шесть рядов по 60 танков для атаки. Была опасность прорыва. Что противопоставить врагу? У нас было, пожалуй, больше танков, чем у противника, мы имели их свыше шестисот, но не было горючего — в баках оставалось четверть заправки. Отдаю приказ снять маскировку с танков, а если они в оврагах, вывести их на бугры, пусть посмотрит враг, на что он напорется. В ставку Гитлера полетели срочные депеши: «Вся степь усыпана советскими танками». Так был сорван и этот план врага. Наши войска еще до наступления рассвета 22 декабря развернули ожесточенные бои за восстановление переднего края на всем фронте армии. Противник вынужден был распылить свои силы. В ходе напряженных боев враг был измотан и обескровлен.

К этому времени произошел ряд других крупных событий. Еще 16 декабря 1942 г. войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов перешли в наступление на Среднем Дону, развивая свой главный удар в юго-восточном направлении на Морозовск, в тыл ударной группировке Манштейна. Несомненно, что это наступление сковало значительные силы противника и тем самым способствовало отражению наступления котельниковской группировки нем-

цев. Более того, 24 декабря противник вынужден был вывести из состава 57-го танкового корпуса ослабленную 6-ю танковую дивизию и перебросить ее против Юго-Западного фронта. Вместе с тем наступление Юго-Западного фронта сорвало попытки врага создать группировку войск в районе Тормосина, которой так и не пришлось участвовать в деблокаде окруженных войск совместно с котельниковской группировкой противника. В целом были созданы благоприятные условия для перехода в наступление и войск левого крыла нашего фронта.

К этому времени войска 2-й гвардейской армии уже были полностью сосредоточены. Мы получили достаточно боеприпасов и долгожданное горючее. Теперь перед армией стояла задача нанести главный удар по котельниковской группировке противника во взаимодействии с 5-й ударной и 51-й армиями, освободить Котельниково и в последующем развивать наступление на Ростов-на-Дону.

Накануне наступления 23 декабря во 2-ю гвардейскую армию прибыли командующий фронтом А. И. Еременко и представитель Ставки А. М. Василевский. Тогда решился вопрос, как наиболее целесообразно использовать 2-ю гвардейскую армию в наступательной операции фронта. Забегая вперед, скажу: когда мы громили войска противника в районе Тормосина в конце декабря 1942 г., у нас возникли большие затруднения с горючим для танков. Маловато было и продовольствия, но помог Военный совет фронта. Мы тогда успешно решили задачу разгрома вражеской группировки на правом берегу Дона, нависшей над флангом 2-й гвардейской армии.

В соответствии с указаниями Военного совета фронта было решено — главный удар нанести в направлении Громославка — балка Неклинская силами 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Второй удар наносил 13-й гвардейский стрелковый корпус, который во взаимодействии с соединениями 51-й армии должен был развивать наступление в общем направлении на Котельниково. Танковые и механизированные войска предполагалось использовать для развития успеха на направлении главного удара.

24 декабря, в 8 часов утра, после короткой артиллерийской подготовки войска армии перешли в наступление. После упорных боев мы овладели переправами на р. Мышкова, через которые вскоре прошли наши подвижные соединения. Сбитый с позиций противник начал отход на р. Аксай-Есауловский, прикрываясь сильными арьергардами, главным образом из румынских частей.

Таким образом, второй раз противнику было нанесено

поражение на реке Аксай-Есауловский. Командир 57-го танкового корпуса генерал Меллентин вынужден был впоследствии признать, что битва на этой малоизвестной реке Аксай-Есауловский «положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии».

Между тем войска армии наращивали силу удара по врагу. Особенно успешно действовали подвижные соединения. Уже 27 декабря 7-й танковый корпус, которым успешно командовал выдающийся военачальник генерал-майор П. А. Ротмистров, подошел к Котельниково и в ходе двухдневных боев при помощи отсекающего удара на Дубовское 6-го механизированного корпуса, которым командовал мужественный военачальник генерал-майор С. И. Богданов, овладел городом. В боях за Котельниково наши славные танкисты показали высокие образцы мужества и отваги. Партия и правительство высоко оценили их действия. За высокие образцы самоотверженности и бесстрашия в боях с врагом 7-й танковый корпус был преобразован в 3-й гвардейский танковый корпус и получил наименование «Котельниковский».

Успешно осуществлялось наше наступление и на правом фланге армии. Однако противник продолжал попытки создать группировку своих войск в районе Тормосина, над нами висела угроза удара во фланг и тыл нашей армии, чтобы перерезать ее коммуникации. Поэтому мы не могли не принять срочные меры по ее ликвидации. Эту задачу успешно решили войска 1-го гвардейского стрелкового и 2-го гвардейского механизированного корпусов. 31 декабря Тормосин был освобожден. Значительную помощь оказали и соединения 5-й ударной армии Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта М. М. Попова.

В январе 1943 г. 2-я гвардейская армия развернула наступление на Ростовском направлении вместе с другими армиями Южного фронта. Таким образом, к концу декабря боевые действия на Котельниковском направлении завершились победой наших войск. В ходе ожесточенных боев войска армии продвинулись на 100—150 километров. Расстояние, отделявшее окруженные войска от линии внешнего фронта, возросло до 200—250 километров.

Гитлеровский генерал-фельдмаршал Манштейн, предпринимавший отчаянные попытки вернуть утерянную «победу», сам бежал к Ростову. Его поход закончился бесславно.

П. А. Ротмистров,

Герой Советского Союза,
Главный маршал бронетанковых войск

Грозная броня

Заснеженный декабрь 1942 года... В качестве командира 7-го танкового корпуса мне довелось в то время принять активное участие в боях по разгрому гитлеровских полчищ на Котельниковском и Ростовском направлениях в составе войск 2-й гвардейской армии, командующим которой был прославленный советский полководец генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский.

★ ★ ★

В первой половине декабря 1942 года немецко-фашистское командование сосредоточило в районе Котельниково крупные танковые силы (армейскую группу генерала Гота) и с целью деблокирования своей окруженной между Волгой и Доном группировки предприняло наступление в направлении железной дороги Тихорецкая—Сталинград. В течение двенадцатидневных боев вражеским войскам удалось потеснить оборонявшиеся соединения 51-й армии и значительно продвинуться вперед. Но в результате упорной и активной обороны советских войск танковые дивизии врага к 24 декабря понесли огромные потери, исчерпали свои наступательные возможности и были остановлены на р. Мышкова.

Выдвижение на рубеж р. Мышкова свежих сил и в первую очередь 2-й гвардейской армии создало условия для перехода советских войск в решительное наступление на Котельниковском направлении. Главный удар с рубежа р. Мышкова в общем направлении на Верхне-Кумский, Котельниково должна была наносить 2-я гвардейская армия.

Большая роль в предстоящем наступлении отводилась танковым и механизированным корпусам.

В полосе наступления 2-й гвардейской армии должны были действовать 7-й танковый, 2-й гвардейский и 6-й механизированные корпуса.

После успешно проведенных с 13 по 15 декабря 1942 года боев по ликвидации плацдарма гитлеровцев на северо-западном берегу р. Дон в районе Верхне-Чирской 7-й танковый корпус распоряжением командующего Сталинградским фронтом был передан в оперативное подчинение 2-й гвардейской армии и сосредоточен в районе хут. Пятый Таврический, в 10—15 км от переднего края наших войск. В состав корпуса входили 3-я гвардейская, 62-я и 87-я танковые и 7-я мотострелковая бригады. В общей сложности они насчитывали 92 танка (КВ—20, Т-34—41, Т-70 — 31).

Личный состав корпуса имел богатый боевой опыт, хорошо владел техникой ведения танковых боев, научился навязывать бои противнику там, где он их не ожидал.

Вечером 23 декабря мы получили боевую задачу от командующего фронтом на наступление. Ввод корпуса в сражение был назначен на 12 часов 24 декабря, после того как стрелковые соединения овладеют на южном берегу реки Мышкова плацдармами и будут наведены переправы. За это короткое время нам предстояло принять решение, довести его до командиров частей и вывести войска в исходные районы. Работа эта была проделана успешно. Хорошо потрудился штаб корпуса, возглавляемый опытным офицером полковником В. Н. Баскаковым.

24 декабря 1942 года 2-я гвардейская армия атаковала противника. Разгорелись жаркие бои нашей пехоты с частями 17-й и 23-й танковых дивизий врага. По мере захвата переправ через р. Мышкова передовые подразделения корпуса были введены в бой. Они нарастили удар 1-го гвардейского стрелкового корпуса, но ощутимого перелома в ходе сражения не достигли. Продвижение осуществлялось медленно. Так продолжалось до середины дня. Затем по приказу командующего армией были введены в бой главные силы первого эшелона корпуса и продвижение ускорилось.

В районе колхоза им. 8 Марта и хут. Верхне-Кумского противник контратаками пехоты и танков стремился во что бы то ни стало задержать продвижение войск 2-й гвардейской армии. Бои приняли затяжной характер. Командующий 2-й гвардейской армией ввел в сражение главные силы 7-го танкового и 2-го гвардейского механизированного корпусов.

Ломая сопротивление частей прикрытия противника, наш корпус во взаимодействии с 98-й стрелковой дивизией к середине дня 24 декабря овладел Верхне-Кумским, а к исходу 25 декабря — Новоаксайским и Генераловским. В последующие три дня он форсировал реки Аксай и Аксай-Курмоярский, самостоятельно прорвал на этих реках

и на подступах к Котельниково оборону противника, овладел станицей Потемкинской, хут. Нижне-Яблочным, Верхне-Яблочным и гор. Котельниково. За четыре дня корпус, ведя упорные бои с арьергардными частями противника, продвинулся вперед на 80 и более километров, уничтожив 25 танков, 65 орудий, до 150 огневых точек, до 2000 солдат и офицеров противника. В наши руки попало 15 исправных самолетов, 800 бочек с бензином, железнодорожный эшелон с танками и самолетами, 8 складов боеприпасов, 6 складов продовольствия, большое количество автомашин и другого военного имущества.

Используя успех 7-го танкового корпуса, стрелковые дивизии 2-й гвардейской армии к исходу 30 декабря вышли на рубеж хут. Семенов, станица Баклановская, совхоз «Дубовский» и получили возможность приступить к преследованию противника в общем направлении на Ростов.

В ходе котельниковской операции отличились все воины 7-го танкового корпуса. Прежде всего хочу отметить смелые и решительные действия 3-й гвардейской и 62-й танковых бригад и их командиров — полковника Походзеева и подполковника Гуменюка. Разгромив во взаимодействии с 7-й мотострелковой бригадой в первой половине 25 декабря противника в районе Верхне-Кумского, они стремительно начали продвигаться на хут. Генераловский к р. Аксай. К 20 часам они ворвались в Новоаксайский и к исходу дня овладели этим населенным пунктом.

В ходе боя было установлено, что на р. Аксай в этом районе обороняется пехотная дивизия румын, переброшенная сюда для прикрытия отходящей танковой группировки немцев в составе 6, 17, 23-й танковых дивизий.

После овладения нами Новоаксайской противник взорвал мост через р. Аксай и пытался удержать за собой хут. Генераловский. Его оборона на этом рубеже опиралась на естественное противотанковое препятствие — р. Аксай, инженерные заграждения и систему противотанкового огня.

Надо сказать, что 25 декабря для корпуса был очень напряженным днем. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Его авиация производила непрерывные налеты на наши боевые порядки, стремясь всеми средствами задержать продвижение советских танков.

Создалась сложная обстановка. И все же командиры бригад решили немедленно форсировать р. Аксай мотострелковыми батальонами, захватить на противоположном берегу плацдарм и под прикрытием мотопехоты, огня танков и противотанковой артиллерии силами саперов в течение ночи навести переправы. Одновременно с этим они

выслали разведку в направлении хут. Верхне-Яблочного.

К рассвету 26 декабря переправы через р. Аксай были готовы.

Не выдержав мощного огня наших танков, части 2-й пехотной румынской дивизии были вынуждены оставить Генераловский, стали отходить на запад и юг. Путь на Котельников был открыт.

Правее нашего корпуса действовала 300-я стрелковая дивизия. К исходу 25 декабря она далеко отстала. Это создало угрозу нашему правому флангу. Я вызвал командира 87-й танковой бригады подполковника А. В. Егорова и поставил ему задачу — отразить контратаки противника из района Потемкинской и населенных пунктов северо-восточнее ее, где в это время занимала оборону 18-я пехотная дивизия румын.

В первом часу 26 декабря 87-я бригада нанесла удар в западном направлении вдоль р. Аксай и с ходу ворвалась в Кирьяново, затем в Чаусовский, Городской, а к 3 часам, повернув на юг, овладела Потемкинской. Побросав оружие и личные вещи, румыны в панике бежали в направлении Верхне-Курмоярской. К рассвету 26 декабря было покончено еще с одной (18-й) пехотной дивизией противника, 98-й танковый полк ее был полностью уничтожен. Корпус захватил более 1000 пленных, много орудий, боеприпасов и обеспечил беспрепятственное продвижение стрелковых соединений 2-й гвардейской армии.

С утра 26 декабря корпус продолжал продвигаться на Котельниково. В первом эшелоне наступали 62-я и 3-я гвардейская танковые бригады, во втором эшелоне — 87-я танковая и 7-я мотострелковая бригады.

На пути корпуса в районе населенного пункта Верхне-Яблочный противник создал сильный узел сопротивления. Местность в этом районе была пересечена оврагами, балками, что крайне затрудняло маневренные действия танковых частей.

Во второй половине дня 26 декабря 62-я и 3-я танковые бригады подошли к Верхне-Яблочному, наголову разгромили вражеские части и к исходу дня полностью овладели населенным пунктом.

В этом ожесточенном бою многие наши солдаты и офицеры, целые подразделения проявили исключительный героизм. Экипаж танка младшего лейтенанта коммуниста Матвеевского из 62-й танковой бригады одним из первых ворвался в Верхне-Яблочный и в ходе боя уничтожил 5 противотанковых орудий и до 50 гитлеровцев. Экипаж танка командира 2-й роты 2-го танкового батальона лейтенан-

х
г-
ед
ого
жили.
казал
инскую

вая рота
бригады.
очедыков и
ения против-
огнем врага
гельным и дерз-
ину города и ов-
копашной схватке
ких солдат и офи-

церов. Своими героическими действиями они обеспечили успешное продвижение не только своего батальона, но и главных сил бригады.

Командир роты старший лейтенант комсомолец Гоичаренко из 87-й бригады лично уничтожил три вражеские противотанковые пушки и до 30 гитлеровцев.

А как не прославить механиков-водителей Кутергина и Гуза. Танк Кутергина был подбит. Однако Кутергин, его товарищи и из поврежденной машины продолжали громить врага.

В машину Гуза попал вражеский снаряд. Командира танка убило. Гуза тяжело контузило. Пушка вышла из строя. Всему экипажу подбитого танка грозила опасность быть уничтоженным. Собрав последние силы, Гуз повернул танк и вывел его в безопасное место.

Танк, которым командовал лейтенант Пуршаков, натолкнулся на немецкую засаду из 14 танков. Отважный экипаж не дрогнул. Он открыл огонь и в неравном бою уничтожил 4 вражеские машины. Когда фашистам удалось вывести из строя ходовую часть нашего танка, бесстрашные гвардейцы сняли пулемет и продолжали уничтожать гитлеровцев, пытавшихся взять экипаж живым.

Котельниково осталось яркой страницей в нашей боевой истории, корпус получил благодарность от Верховного Главного Командования, удостоился гвардейского звания и почетного наименования «Котельниковский». С этого дня наше соединение стало именоваться 3-м гвардейским Котельниковским танковым корпусом. Его бригады были преобразованы: 62-я танковая в 18-ю гвардейскую танковую бригаду, 87-я бригада — в 19-ю гвардейскую, 7-я мотострелковая бригада — во 2-ю гвардейскую мотострелковую бригаду.

Освобождение Котельниково совпало с наступлением нового, 1943 года. На свой новогодний вечер мы пригласили представителей Ставки Верховного Главного Командования, командование Сталинградским фронтом и 2-й гвардейской армии, командиров бригад и отличившихся в прошедших боях танкистов. Прибыли А. М. Василевский, Я. Н. Федоренко, И. Т. Пересыпкин, Р. Я. Малиновский, С. С. Бирюзов.

Расспросив о текущих делах, гости поинтересовались: «Откуда у вас такое богатство на столах?» Я шутя ответил, что в этом деле нам хорошо помогли немцы. Вместе с богатыми боевыми трофеями корпус захватил в Котельниково и продовольственные склады гитлеровцев, в которых оказались вина и фрукты из Франции, сыры из Голландии.

масло и бекон из Дании, консервы из Норвегии и даже маленькие искусственные елочки. В отношении последних гости посоветовали нам возвратить их Гитлеру, так как они могут понадобиться ему во время траура по армии Паулюса.

Первый тост был провозглашен за героический советский народ, за родную Коммунистическую партию, за наши доблестные Вооруженные Силы, за воинов 2-й гвардейской армии и нашего танкового корпуса.

Торжественно и радостно отметили новый год все наши части и подразделения.

Три дня мы отдыхали, приводили в порядок материальную часть. Затем снова двинулись вперед. Корпус получил новую задачу — стремительным маршем, сбивая мелкие группы противника, выйти в район Константиновской, Семикаракорской, захватить переправы, форсировать Дон, обеспечивая боевые действия 2-й гвардейской армии в направлении на Ростов.

Корпусу предстояло преодолеть расстояние до 200 километров, вырваться далеко вперед от линии фронта и действовать в глубоком тылу противника. В 14 часов 2 января 1943 года я выслал вперед передовой отряд в составе 19-й гвардейской танковой бригады, батальона 2-й гвардейской мотострелковой бригады и разведывательного батальона под командованием полковника А. В. Егорова. Он должен был, двигаясь по маршруту хутора Семичный, совхоз «Дубовский», хуторов Мокросоленый, Денисов, Веселый, к исходу 3 января захватить в районе Константиновской переправы через Дон и удержать их до подхода главных сил корпуса.

Главным силам я поставил задачу продвигаться за передовым отрядом и к утру 4 января выйти в район Семикаракорской и обеспечить за собой рубеж р. Сал.

К исходу 3 января передовой отряд достиг Константиновской и завязал бой с противником. Этот населенный пункт немцы превратили в мощный узел сопротивления, подорвав все переправы через Дон и его притоки.

Не имея средств для восстановления переправ, передовой отряд был вынужден задержаться в достигнутом им районе.

В связи с этим я решил подошедшие главные силы корпуса сосредоточить в районе Семикаракорской (3-я гвардейская танковая бригада), х. Веселый (2-я гвардейская мотострелковая бригада), Бол. Орловка (18-я гвардейская танковая бригада). Одновременно мною было приказано командиру 3-й гвардейской танковой бригады полковнику Походзееву выслать сильный разведывательный отряд на

Багаевскую с задачей разведать переправы через Дон и захватить их.

Внезапное появление танкового корпуса в глубоком тылу противника буквально ошеломило его гарнизоны. Часть из них была разгромлена, часть взята в плен. Отдельные группы разгромленных тормосинской и котельниковской группировок, побросав оружие, пытались уйти в тыл наших войск. Но они натыкались на наши части и попадали в плен.

К исходу 5 января 1943 года корпус освободил от противника около 50 населенных пунктов и захватил огромный гурт скота (до 1000 голов), который противник пытался угнать на юг.

После завершения столь длительного марша в корпусе осталось очень мало горючего, а подвоз его в силу отдаленности армейских тылов был связан с большими трудностями. Все это, естественно, ограничило наши дальнейшие действия.

Противник всеми видами разведки стремился узнать местонахождение наших танков. Чтобы ввести его в заблуждение и прикрыть пункты вероятного появления противника, мы стали высылать небольшие отряды танков с автоматчиками в различные направления. Бригадам было приказано беспрерывно маневрировать. 3-я гвардейская танковая бригада, например, действовала в радиусе 50—60 километров. Небольшие отряды заняли крупные станицы, действуя решительно и дерзко. Так, разведывательный отряд, который возглавил помощник начальника штаба по разведке капитан Перлик, стремительным броском ворвался в станицу Багаевскую и перебил всех немецких солдат и полицейских, а затем нанес удар по станице Манычской и с ходу захватил ее.

На таком же широком фронте между Шаминкой и Черниговским на юго-западном берегу р. Сал действовала 18-я гвардейская танковая бригада полковника Д. К. Гуменюка. 9 января бригада захватила хутора Миронов и Сухой, заняла здесь оборону и выслала отдельные группы танков в Наумов, Харьковский № 1 и Харьковский № 2.

В середине дня 11 января к району обороны бригады начали подходить части 16-й моторизованной дивизии немцев, отступавшие с юго-востока. Противник попытался окружить и разгромить 18-ю гвардейскую танковую бригаду, чтобы тем самым открыть себе беспрепятственный путь для отхода. Но наши гвардейцы не дрогнули. В ожесточенном бою они нанесли фашистам большие потери, прорвали кольцо окружения и по моему приказу, совершив

40-километровый марш, вышли в район Большой Орловки.

2-я гвардейская мотострелковая бригада вела боевые действия с противником на Манычском канале и заняла населенные пункты Нижний Соленый, Верхний Соленый, Манычстрой и Веселый.

19-я гвардейская танковая бригада в результате ночных действий овладела Кочетковской, форсировала Дон, его притоки и ворвалась в станицу Раздорскую.

В течение нескольких дней части корпуса, действуя отдельными группами на широком фронте, без какой-либо поддержки стрелковых частей и соединений удерживали обширный район между Доном и Манычским каналом.

Противник стремился крупными силами выйти к реке Сал, на рубеж Большая Орловка и далее на запад, к Дону. Наша задача состояла в том, чтобы не дать врагу прорваться на этот рубеж до подхода стрелковой дивизии, форсировать Дон и обеспечить себе и главным силам 2-й гвардейской армии путь на Ростов.

13 января 1943 года к району боевых действий 3-го танкового корпуса подошли 2-й гвардейский и 5-й механизированный корпуса. Для захвата Ростова по приказу Р. Я. Малиновского 14 января 1943 года была создана механизированная группа в составе 3-го гвардейского танкового, 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов и 98-й стрелковой дивизии. Командование группой было возложено на меня.

Я решил начать наступление в 12 часов 18 января 1943 года, к исходу 18 января захватить переправы через р. Маныч и решительным ударом в общем направлении Зеленая Роща, Батайск к рассвету 19 января овладеть Аксайской, Батайском и к исходу этого дня очистить от противника Ростов, после чего занять круговую оборону и отразить возможные контрудары и контратаки противника. 2-й гвардейский механизированный корпус с 98-й стрелковой дивизией должен был наступать вдоль южного берега Дона, а главные силы группы в направлении Зеленая Роща, Батайск.

Ответственная задача была возложена на передовой отряд в составе 18-й и 19-й гвардейских танковых бригад, 2-й гвардейской мотострелковой бригады (без третьего батальона) и понтонного батальона 1-й саперной бригады. Ему предстояло к 18 часам 18 января переправиться через р. Маныч в районе Свобода, Веселый и, наступая в направлении Зеленая Роща, Батайск, перерезать узел дорог южнее Батайска; к рассвету 19 января овладеть населенным пунктом Койсуг.

Но обстановка сложилась несколько иначе, чем думалось. Противник, опасаясь прорыва наших войск к Ростову, подтянул в район Манычской свежие силы и из этого района рванулся в направлении населенных пунктов Красный, Свобода. Пришлось перестраиваться на ходу и нанести удар по вражеским войскам, перешедшим в наступление на Красный. К 18 часам 18 января враг был разгромлен и остатки его отброшены на Маныч. Наши части овладели рубежом Арапчин, Красный, Веселый. Начало наступления мехгруппы я перенес на 15.00 19 января 1943 года.

Следует заметить, что не столько упорство противника сдерживало маневренные действия группы, сколько отсутствие горючего. Остановились танки, отстала и артиллерия. Замедлился подвоз боеприпасов, продовольствия. Корпуса, входившие в механизированную группу, после ожесточенных боев, которые они вели на протяжении месяца, к тому же были сильно измотаны. В силу этих причин враг успел упредить наши действия, и нам не удалось прорваться главными силами в Батайск и Ростов.

Передовой отряд, совершив по заданному маршруту 95-километровый ночной марш по тылам противника, к 8 часам 20 января достиг совхоза им. Ленина и совхоза им. ОГПУ. Вражеские гарнизоны, находившиеся в этих пунктах, были уничтожены и частично взяты в плен.

Из опроса пленных и местных жителей мы установили, что по пути на Батайск находится аэродром противника. Для захвата этого аэродрома А. В. Егоров выделил 5 танков Т-34 с десантом мотопехоты. С ходу ворвавшись на летное поле, наши танки перебили весь вражеский гарнизон, уничтожили 10 самолетов, 5 орудий, подожгли склад с горючим и один ангар.

Мотопехота передового отряда в это время подошла к восточной окраине г. Батайска, но сильной контратакой противника из самого города была отброшена назад и заняла круговую оборону, ожидая подхода главных сил механизированной группы.

В напряженные бои с противником на рубеже Манычская, Красный, Свобода втянулись и главные силы механизированной группы. Стало ясно, что они не успеют в течение двух дней подойти к передовому отряду, а последний из-за своей малочисленности, недостатка горючего, боеприпасов, продовольствия продолжать боевые действия в глубоком тылу противника не сможет. Более того, ему грозило окружение. Я решил отвести передовой отряд в район Красного.

Во время рейдов в тылу врага личный состав передово-

го отряда нанес противнику большие потери в живой силе и технике.

Командир танковой роты 18-й гвардейской бригады коммунист лейтенант Либеров в боях под Батайском уничтожил своим танком на аэродроме 3 вражеских самолета и 2 противотанковых орудия, а в районе Красного — 3 пушки противника. Будучи тяжелораненым, он не покинул поля боя и руководил ротой до полного выполнения задания.

Отважно бились с врагом подразделения старшего лейтенанта Вишнякова и лейтенанта Рикало из 19-й гвардейской танковой бригады. По приказу командира бригады они должны были захватить совхоз им. Ленина. Бесшумно подобравшись к совхозу, гвардейцы внезапно атаковали фашистов и захватили населенный пункт. Подлинными героями показали себя в этом бою старшина Тюнькин, сержант Сахаров и старший сержант Гостев. Израненные, они дрались до последнего патрона. Перед смертью старшина Тюнькин сказал: «Передайте жене, что я погиб за Родину».

Рассказывая об этих боях, нельзя умолчать и об упущениях, о потерянных возможностях. 2-й и 5-й гвардейские механизированные корпуса, ввязавшись в бой с небольшим авангардом противника, не сумели оторваться от противника в районе Манычская, Красный, чтобы стремительным маршем вырваться вперед к Батайску, и это в то время, когда наш передовой отряд занял совхозы им. Ленина, им. ОГПУ и подходил к Батайску.

2-й гвардейский механизированный корпус, начав наступление, вынужден был ограничиться захватом нескольких населенных пунктов и перейти к обороне. Боевые действия 5-го механизированного корпуса также не привели к желаемым результатам.

К исходу 19 января противник стремительной атакой занял Тузлуков, а 20 января — Красный и Манычскую, отрезав, таким образом, части 2-го гвардейского механизированного корпуса, занимавшие Арапчин и пункты, расположенные западнее его.

98-я стрелковая дивизия и 5-й механизированный корпус отошли на северный берег р. Маныч и заняли оборону на рубеже Красный, Федулов.

Бой есть бой. Все не предусмотришь, и отдельные неудачи отнюдь не снизили общего наступательного порыва наших воинов. Приведя себя в порядок, 2-й гвардейский механизированный корпус во взаимодействии с частями 3-го гвардейского танкового корпуса 27 января перешел в наступление на Тузлуков. Бой длился двое суток. К исходу 29 января Тузлуков был взят.

2 февраля 3-й гвардейский танковый корпус одновременными ударами с севера и востока овладел Красным. Противник, ведя сдерживающие бои, начал отходить на запад. Преследуя отходившие вражеские части, корпус занял населенные пункты Чернышев, Пустошкин, Резников, Чурюмкин.

5 февраля 1943 года 3-й гвардейский корпус был выведен в резерв Южного фронта. Во время боевых действий на Ростовском направлении корпусом было уничтожено 1500 солдат и офицеров противника, 36 танков, около 80 орудий и минометов, 17 самолетов, 75 пулеметов, 63 автомашины, 11 складов с боеприпасами, 6 прочих складов. Захвачено: пленных — 230, автомашин — 12, бронетранспортеров — 5, пушек — 6.

Подводя общие итоги этих боев, хочется сказать, что боевые действия 7-го танкового корпуса на Котельниковском направлении отличались стремительностью. Корпус нанес ряд сильных фронтальных и фланговых ударов, захватив ряд мощных опорных пунктов и узлов сопротивления противника, в том числе г. Котельниково. Своими отличными боевыми действиями корпус заслужил всеобщее уважение среди танковых войск, командования 2-й гвардейской армии Сталинградского фронта, у населения, которое он освободил от немецко-фашистских захватчиков.

То же самое можно сказать и о 3-м гвардейском Котельниковском танковом корпусе. Действуя в оперативной глубине обороны противника, он наносил удары по штабам и тыловым коммуникациям вражеских войск.

★ ★ ★

Битва на Волге положила начало новому периоду вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Достижение решительной победы в битве на Волге стало возможным благодаря умелым и героическим действиям всех родов войск, применению крупных соединений и объединений, танковых войск, возросшей мощи артиллерии и авиации. Именно здесь успешно были применены танковые и механизированные корпуса и авиационные дивизии. Танковые корпуса и танковые армии в Советских Вооруженных Силах начали создаваться с весны 1942 года, а осенью того же года и механизированные корпуса. До перехода советских войск в контрнаступление на Волге они нашли свое применение, главным образом, в оборонительных сражениях и в некоторых частных наступательных

операциях. Поэтому сколько-нибудь значительного опыта их применения еще не было.

В контрнаступлении между Волгой и Доном советское военное искусство впервые успешно решило задачу по использованию крупных масс танков для развития успеха.

Известно, что контрнаступление наших войск началось 19—20 ноября 1942 года с прорыва вражеской обороны северо-западнее и южнее Сталинграда. Прорыв начали пехота и артиллерия с небольшим количеством танков непосредственной поддержки пехоты. На Юго-Западном фронте темп этого прорыва был медленным и поэтому в середине первого дня наступления в сражение были введены танковые корпуса 5-й танковой армии и 21-й армии.

Наиболее успешно действовал 26-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск А. Г. Родина. В стремительном темпе он преодолел за пять суток более 140 километров и вышел к Дону. 23 ноября танкисты Родина захватили с ходу город Калач и совместно с 4-м танковым корпусом (генерал-майора танковых войск А. Г. Кравченко) соединились с 4-м механизированным корпусом генерал-майора танковых войск В. Т. Вольского, наступавшего с юга. В результате совместных стремительных действий двух корпусов было завершено окружение 6-й и части сил 4-й танковой немецких армий.

Используя успех танковых войск, стрелковые соединения к концу ноября 1942 года создали плотный внутренний фронт вокруг 330-тысячной группировки Паулюса, а на удалении от 40 до 120 км от него был создан внешний фронт окружения. Встала задача уничтожить окруженного врага.

После окружения группировки Паулюса гитлеровское командование стремилось силами вновь созданной группы армий «Дон» нанести мощные удары из районов Котельниково и Тормосин на Сталинград и деблокировать свои окруженные войска.

12 декабря танковая группировка противника прорвала оборону нашей 51-й армии на Котельниковском направлении и стала, хотя и медленно, продвигаться к окруженным войскам. Необходимо было решительными действиями сорвать замысел врага.

Советское командование, учитывая сложность обстановки, немедленно усилило 1, 2-ю гвардейские и 51-ю армии, действовавшие на главных направлениях, восемью танковыми и механизированными корпусами. Было решено войсками Юго-Западного фронта нанести стремитель-

ный удар с рубежа среднего течения Дона на юго-восток, чтобы выйти в тыл тормосинской группировки противника, а также создать угрозу флангу и тылу его котельниковской группировки.

1-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова имела в своем составе три танковых корпуса (18, 24 и 25-й) и три отдельных танковых полка (всего около 550 танков), а также семь стрелковых дивизий. Она наносила главный удар на Среднем Дону из районов Верхний Мамон в юго-восточном направлении на Тацинскую, Морозовскую. В первый же день наступления 16 декабря в сражение были введены танковые корпуса, которые совместно со стрелковыми дивизиями прорвали тактическую зону обороны противника. С утра 18 декабря они вырвались на оперативный простор, уничтожая колонны гитлеровских войск. В полосе фронта действовали также 17-й танковый корпус 6-й армии и 1-й гвардейский механизированный корпус 3-й гвардейской армии.

В течение шести-восьми суток танковые корпуса продвинулись в глубину на 180—240 километров. К исходу 23 декабря корпус генерал-майора танковых войск В. М. Баданова перерезал важнейшую железнодорожную магистраль Лихая—Сталинград, а на следующий день внезапной атакой овладел станцией Тацинская, захватив большое количество вооружения и боевой техники, в том числе 350 самолетов. К рубежу этой магистрали подошли также 25-й танковый корпус генерал-майора танковых войск П. П. Павлова и 1-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора И. Н. Руссиянова. 17-й танковый корпус генерал-майора танковых войск П. П. Полубоярова стремительным ударом овладел Кантемировкой и вышел затем в район Миллерово. С востока сюда же наступал 18-й танковый корпус генерал-майора танковых войск Б. С. Бахарова.

Одновременно 7-й танковый корпус, которым в то время довелось командовать мне, нанес стремительный удар по Рычкову. Захватив его и прилегающие к нему хутора Верхнечирский и Елецкий, корпус ликвидировал плацдарм противника на восточном берегу Дона, который мог быть использован для наступления в сторону окруженной группировки.

Таким образом, стремительное наступление танковых соединений сорвало замысел гитлеровского командования нанести удар из района Тормосин на Сталинград.

На Котельниковском направлении ожесточенное сражение с танковой группировкой противника, пытавшейся про-

рваться к своим окруженным войскам, вели 51-я и 2-я гвардейская армии.

12 декабря северо-восточнее Котельниково 51-я армия генерал-майора Н. И. Труфанова подверглась удару численно превосходящих сил противника и после тяжелых боев начала отход к р. Аксай. На этом рубеже наступление противника было задержано до 19 декабря, благодаря усилению 51-й армии двумя механизированнымн корпусами и двумя стрелковыми соединениями. Введя в бой свежую танковую дивизию и крупные силы авиации, противнику удалось отбросить 51-ю армию к реке Мышкова. Здесь наступление противника было остановлено. Отразив в течение последующих четырех дней все атаки танковых соединений врага, советские войска не позволили ему деблокировать окруженную группировку и сами перешли в решительное наступление.

Приведенные примеры массированного применения танковых и механизированных корпусов в битве на Волге показывают, как важно было противопоставить противнику, имевшему сильные танковые войска, равноценные силы, способные к стремительному маневру и нанесению сокрушительных ударов.

Героическими усилиями советского народа, руководимого Коммунистической партией, к тому времени было произведено столько танков, что это позволило во второй половине 1942 года создать достаточное количество танковых и механизированных корпусов и проводить такие крупные операции, как контрнаступление на Волге.

Боевой опыт подсказал в последующем сделать еще один шаг на пути массированного применения бронетанковых войск. Это было необходимо не только для прорыва оборонительных полос, но и для последующего развития тактических успехов в общий оперативный успех. Прорыв и оперативное развитие успеха осуществлялись силами танковых, механизированных корпусов или танковых армий смешанного состава. В битве на Волге в состав общевойсковых и танковых армий, действовавших на решающих направлениях, было выделено значительное количество танковых и механизированных корпусов. Только в декабрьских сражениях под Сталинградом одновременно участвовало одиннадцать танковых и механизированных корпусов.

Иначе говоря, до тех пор, пока у нас не было сформировано достаточного количества танковых и механизированных корпусов и танковых армий, пока не была решена проблема массового применения танков, мы практически

не могли проводить операции такого масштаба, как на Волге.

Боевой опыт советских войск в битве на Волге показал, что наши войска успешно добивались победы над врагом тогда, когда танковые соединения действовали массированно и были однородны по своему составу. В связи с этим стало высказываться мнение, что в составе советских войск следует иметь танковые армии, состоящие из танковых и механизированных корпусов со средствами усиления, но без стрелковых соединений, которые, будучи не моторизованными, сковывали бы маневр танковых войск.

Это мнение в то время неофициально высказывали многие командиры танковых корпусов. В частности, речь шла о необходимости проведения дальнейшего организованного массирования танков в одном боевом организме. Это мнение я изложил, внеся в Ставку Верховного Главнокомандования предложение о необходимости создания танковых армий однородного типа и пересмотра способов их применения на полях сражений.

Опыт командования механизированной группой лишний раз подтверждал давно созревшую у меня мысль о том, что необходимо создать постоянные крупные танковые объединения без стрелковых соединений в составе нескольких корпусов, со своим штабом и органами обеспечения для решения наиболее ответственных задач на решающих направлениях наступления фронта.

Необходимо отметить, что основой новых взглядов на применение танков послужили именно операции под Сталинградом, маневренные бои и сражения в донских степях с группой Манштейна. Проанализировав все эти события, я высказал Р. Я. Малиновскому свое мнение о необходимости проведения дальнейшего организованного массирования танков, для чего предложил создать танковые армии однородного состава и пересмотреть способы их применения на поле боя. Эти взгляды нашли у Р. Я. Малиновского полную поддержку. Более того, чтобы продвинуть этот вопрос, мы позвонили в Ставку и попросили И. В. Сталина выслушать мои предложения о создании танковых армий нового типа.

Позже, когда я оказался в Москве, в Ставке Верховного Главного Командования, меня внимательно выслушали и одобрили все мои предложения. Через несколько дней состоялось решение о создании 5-й гвардейской армии и моем назначении командующим ее войсками.

М. С. Диасамидзе,

Герой Советского Союза,
полковник

У хутора Верхне-Кумского

Наш полк прибыл на Сталинградский фронт в июле 1942 года. Стоял он в обороне на Дону, потом сражался у Большой и Малой Россошек, у Абганерово и Тундутово. После переформирования полк был передан 4-му механизированному корпусу генерал-майора В. Т. Вольского. Мы получили приказ двигаться из Камышина на юг. Сначала — по железной дороге, а затем — пешком. В степи лютовала пурга. Шли мы ночью, преодолевая снежные заносы, а днем отогревались в населенных пунктах, чтобы не дать противнику обнаружить себя. Вскоре прибыли к месту назначения. Меня вызвали на командный пуикт корпуса. Я доложил Вольскому о прибытии. Василий Тимофеевич взглянул на меня, сказал:

— Вашему полку приказано занять оборону у Верхне-Кумского на высотках и не допустить выдвижения противника с южного и юго-западного направления этого хутора.

— Вот здесь,— продолжал генерал, показывая на карту,— проходит дорога из Котельниково на Сталинград. По ней ожидается движение немецких войск, которые идут на выручку окруженной группировке Паулюса.

— Продержитесь сутки, двое — хорошо, а трое — еще лучше.

Мы спешно начали строить оборонительные рубежи в районе высот южнее хутора Верхне-Кумского. О мерзлую землю звенели лопаты. Зная, что в глубоких окопах — спасение, бойцы работали в поте лица.

Обочины дороги мы заминировали на протяжении двух километров, прямо перед своими позициями; справа и слева от дороги поставили 76-миллиметровые пушки.

12 декабря показались вражеские самолеты-разведчики. Чувствовалось, что противник готовится к наступлению. Мы тщательно маскировались, даже ничего не варили, чтобы дым не выдал нас.

Разведка, вернувшаяся из района Котельниково ночью 13 декабря, сообщила о больших скоплениях вражеской пехоты и танков. У хутора мы выставили заслон для охраны дороги. Разведчики протянули колючую проволоку через дорогу, а сами укрылись по обеим ее сторонам. На рассвете они донесли о том, что появилась первая колонна гитлеровцев. Впереди ее двигались мотоциклисты, позади их, на расстоянии до двух километров, шли 25 танков, за танками — пехота на автомашинах. Вот мотоциклисты начали спуск к хутору, понеслись под гору и тут, натолкнувшись на проволоку, один за другим полетели кувырком. Бойцы заслона захватили мотоциклистов в плен без единого выстрела.

На заминированном участке дороги показались танки. Почти в упор бьем из пушек по головному. Горящий танк загородил дорогу остальным, те повернули к обочине и подорвались на минах. По машинам с пехотой ударили 82-миллиметровые минометы. Оставшиеся в живых гитлеровцы обратились в бегство, мы взяли в плен много солдат и офицеров.

В час дня на командный пункт полка прибыл комкор Вольский и поздравил нас с боевым успехом. В этот день гитлеровцы больше не показывались.

14 декабря в 7 часов утра опять кружили над нами воздушные разведчики, потом появились 8 бомбардировщиков и начали бомбить хутор. Ни одна бомба не упала в расположение полка. Через два-три часа все стихло. Бои шли левее нас.

Воспользовавшись затишьем, политработники довели до всех воинов приказ командования фронта, призывавший к стойкости, защите занимаемых позиций.

В батальонах состоялись партийные и комсомольские собрания. Решения принимались короткие: стоять насмерть!

15 декабря атаки врага продолжались. Отбив одну, мы готовились к другой — подвозили боеприпасы, эвакуировали тяжелораненых. Легкораненые не покидали поля боя.

...Верхне-Кумский стал несокрушимой преградой на пути врага.

16 декабря возобновились бои. На район обороны полка наступало до двух мотополков противника, поддержанных шестьюдесятью танками.

— Ни одного выстрела! — приказал я. — Дать противнику приблизиться, а потом ударить всей мощью...

Вражеская пехота, ошеломленная внезапным и сокрушительным огнем, понесла большие потери и отступила, но

гитлеровские танки все же вышли к позициям полка. Наши солдаты забросали их противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью.

В вечернем сообщении Советского информбюро за 16 декабря говорилось об этих боях:

«Юго-западнее Сталинграда в районе Верхне-Кумского в двухдневных боях наши войска разгромили прорвавшуюся в этот район группу войск противника и уничтожили 50 танков и полк мотопехоты 6-й танковой дивизии немцев».

Ночь прошла тихо.

Утром 17 декабря гитлеровцы снова перешли в атаку на Верхне-Кумский.

Особенно упорные бои завязались в районе колхоза имени 8 Марта и высоты 130,1, которую оборонял стрелковый батальон. В нем было 250 человек, два орудия и шесть станковых пулеметов. Около 40 танков и до двух батальонов мотопехоты противника атаковали позиции батальона. Атаку активно поддерживала с воздуха бомбардировочная авиация.

Потерпев неудачу у колхоза имени 8 Марта, противник предпринимает ряд сильных атак на высоты 130,1 и 137,2. Фашистским танкам удается овладеть высотой 130,1 и потеснить стрелковые роты 3-го батальона к высоте 137,2.

Стрелковое подразделение коммуниста старшего лейтенанта Н. П. Наумова в течение дня отбило три атаки немцев, в каждой из которых участвовало до 30 танков и до батальона пехоты. На другой же день гитлеровцы вновь атаковали роту Наумова. Ценой больших потерь им удалось захватить высоту 137,2. Обороняли ее 24 героя. Они пали смертью храбрых, но врага задержали до подхода резервов.

Напряженные бои развернулись в центре и на левом фланге обороны полка. После артиллерийской подготовки и удара бомбардировочной авиации танки и мотопехота немцев перешли в наступление на высоты 143,7 и 147,0. Встретив сильное огневое сопротивление наших подразделений, враг откатился на исходное положение. Фашистская авиация повторила удар, и как только закончился авиационный налет, противник, перестроив боевой порядок, возобновил наступление двумя батальонами моторизованной пехоты, впереди которых двигались танки. На этот раз врагу удалось вклиниться в оборону полка.

Стремясь не допустить продвижения фашистов в глубину, я распорядился выдвинуть на это направление из своего резерва взвод полковой артиллерии и взвод противотанко-

вых ружей. Одновременно приказал командирам 1-го и 2-го стрелковых батальонов огнем 45-миллиметровых орудий поражать вклинившиеся во фланг вражеские танки, а огонь минометов и стрелкового оружия сосредоточить на мотопехоте, чтобы отсечь ее от танков. Это удалось сделать. Враг откатился назад.

18 декабря враг снова начал наступление на Верхне-Кумский. Фашистские танки и мотопехота поддерживались массированными ударами штурмовой и бомбардировочной авиации.

Фашистские танки и мотопехота шли на хутор в лобовую атаку. Их встречали огнем воины батальонов старших лейтенантов Грошева, С. К. Кондрашева, Н. П. Наумова. Отважно сражались коммунист сержант С. Тармаев, политрук С. А. Лизун, старший лейтенант Насонов.

Нам помогли танкисты подполковника А. Асланова, артиллеристы майора Семенова, бронебойщики.

В ходе боя гитлеровцам удалось отрезать один из батальонов нашего полка. Заняв круговую оборону, батальон отразил атаки врага.

Трижды гитлеровцы подходили к хутору Верхне-Кумскому и трижды были вынуждены отступать с большими потерями под уничтожающим огнем бесстрашных воинов-героев.

Вечером 18 декабря мы получили телеграмму Верховного Главнокомандующего:

«Горжусь вашей упорной борьбой. Ни шагу назад. Отличившихся бойцов и командиров представить к правительственной награде.

И. Сталин».

Эти волнующие слова облетели все подразделения и еще больше воодушевили наших воинов выстоять, не пропустить врага.

С рассветом 19 декабря немцы ударили встык с соседней бригадой. Бригада стала отходить. Враг, используя это, обошел нас левее и ворвался в хутор. Но и на этот раз он не одолел нас, атака была отбита. Наши бойцы подожгли четыре танка. Полк перешел в контратаку. В одну из них я повел 2-й батальон и был дважды ранен.

20 декабря в 4 часа дня немецкие танки прорвались к командному пункту полка. Приказав начальнику штаба капитану Быкову и заместителю по политической части М. С. Судоргину отойти на запасной КП, я остался в блиндаже вместе с радистом и группой бойцов для управления боем. Здесь же были офицеры Кузнецов и Вологдин. Они подбили из ПТР по одиому танку. В этот день нашн бойцы

подожгли и подбили 18 фашистских танков. Тяжело ранены были Кузнецов и Вологдин. Отходя от рубежа к рубежу, наши подразделения вышли в район Громославки, где вели бой до 21 декабря, после чего полк был выведен в резерв.

Указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Высоких правительственных наград были удостоены многие воины нашего полка.

25 декабря к нам приехали заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров, генерал-майор В. Т. Вольский. Они горячо поздравили нас, сказали, что свою задачу мы выполнили: задержали противника до подхода армии Р. Я. Малиновского, не допустили прорыва врага через хутор Верхне-Кумский на север.

Н. М. Брижинев,

генерал-майор танковых войск

Сердца, полные отваги

Паровоз натужно тянул груженный до отказа эшелон. Проносились мимо полустанки, редкие, затерянные в степи заволжские селения. Из поблекшего, приготовившегося к зиме неба скупо пригревало солнце. Бойцы, попыхивая цигарками, провожают рассеянным взглядом тронутую изморозью унылую степь. Их мысли, обгоняя время, уже там, у Сталинграда, где грохочет бой. И я их хорошо понимаю. Все мы сравнительно недавно стали единой полковой семьей. Каких-то несколько месяцев ушло на формирование и сколачивание нашей боевой танковой части. Но что это были за месяцы!

Недели, дни, часы — до предела заполненные солдатским трудом. Все это время мы жили одним — предстоящим боем, боем на самом важном, решающем рубеже великой битвы за Родину, за нашу советскую жизнь.

Вагонные колеса отсчитывают километры, и я под их перестук снова как бы вижу перед собой нашу столицу Москву, которая хотя и стала уже глубоким тылом, но по-фронтовому настороженную. Во время формирования мне часто приходилось бывать в Москве, на приеме у командующего бронетанковыми и механизированными войсками маршала Я. Н. Федоренко. Верховное Главнокомандование придавало большое значение новым формированиям, особенно танковым частям. И это наполняло нас чувством большой ответственности. Родина дала нам замечательные боевые машины, добротно нас экипировала. Теперь все зависело от нас. И мы были полны решимости скорее сразиться с ненавистным врагом, дать ему почувствовать силу нашего удара.

Еще я думаю под перестук колес о последних учениях. На учебном поле идут в наступление танковые роты. Я смотрю на стоящих рядом со мною нашего комбрига подполковника А. Г. Карапетяна и нашего комкора генерал-лейтенанта В. Т. Вольского. Они довольны боевой слажен-

ностью и выучкой экипажей. Я тоже доволен, но одно — учебное поле, а другое — бой. Большинство моих танкистов еще, как говорится, не нюхали фронтового пороха. Как они себя покажут в бою? И в таком, какой их ждет под Сталинградом.

Первое боевое испытание получаем еще в пути. Среди бела дня наш эшелон атакуют вражеские самолеты. Повреждены два танка, пробита автоцистерна с горючим. Мы получаем первый урок. Наша служба наблюдения и оповещения не на высоте, а зенитно-пулеметная установка — весьма слабое прикрытие. Решаем впредь быть бдительнее, а для ведения огня по самолетам использовать танковые пушки и пулеметы. И урок не прошел даром. Следующий налет отбили успешно. Фашистских стервятников встретили заградительным огнем, и они побросали бомбы в степи.

Наконец-то последняя остановка. Эшелон подкатывает к Капустину Яру, начинаем выгрузку. Кругом тоже голая безлюдная степь. И мы, чтобы совсем не оставаться на виду, занимаем расположенный невдалеке Дубовый овраг. Сразу высылаем вперед комендатскую службу. Собираю командиров. Ставлю задачу. Нам предстоит совершить марш в выжидательный район, переправиться через Волгу. Требования в отношении скрытности и маскировки самые жесткие: ни одной зажженной фары, спички, цигарки.

Командиры сосредоточенно слушают и прочерчивают по картам маршрут. По вопросительным взглядам чувствую: всем хочется знать боевую задачу полка. Но этого я и сам не ведаю. Одно ясно: выступаем на помощь защитникам Сталинграда. А где будет введен наш корпус в бой и с какой задачей? Думаю, что и сам комкор пока что этого не знает, а если и знает, то не считает нужным нас информировать. На войне же излишнее любопытство ни к чему.

Марш, что и говорить, выдался трудным. Не так-то легко пробираться ночью, не имея ни дорог, ни ориентиров. Нашим водителям еще в такой обстановке не приходилось действовать. Но все обошлось сравнительно благополучно. Хорошо сработали штаб, наша комендантская служба. Организованно и без помех переправились через Волгу.

Первое испытание всегда воодушевляет. Проверяя роты, я с удовлетворением видел довольные лица танкистов. Нагрузку они вынесли немалую, но ни о какой передышке никто не помышляет. Люди рвались в бой, на помощь защитникам волжской твердыни.

— Не задержимся! — успокаиваю я самых нетерпеливых.

И, действительно, скоро мы получили приказ перейти с

выжидательных позиций на исходные. На подготовку нам отвели одну неделю. Это совсем немного, учитывая сложность обстановки и марша в непосредственной близости от противника.

— Скрытность и маскировка, — снова напоминает нам генерал Вольский. — Ничем не выдать противнику нашего существования.

Над нашими позициями время от времени появляется свой самолет. После облета проявляется пленка. Я сам смотрел ее несколько раз: голая степь, никаких признаков о войсках.

— Так держать, — довольно произносит наш комбриг А. Г. Карапетян.

В ночь на 19 ноября совершаем последний, предбоевой марш и занимаем исходную позицию. Наш корпус вводится в прорыв между озерами Цаца и Барманцак. Задачу, маршруты, сигналы доводили до каждого бойца. Особенно тщательно инструктируются командиры экипажей, механики-водители. Все мы хорошо понимаем: предстоит ожесточенный бой. На последнем совещании в корпусе командующий фронтом генерал-полковник Еременко это особо подчеркнул.

— На затравку у вас будут румыны, а дальше, в глубине обороны встретите немцев. Немцы будут драться злее.

Мы это тоже хорошо понимаем. Румынам самим осточертели их фашистские опекуны. Пленные румынские солдаты и офицеры всегда подчеркивали свою неприязнь к немцам. А вот сами фашисты — остервенелый, лютый враг. Ему надо свернуть голову — иначе победы не добьешься. И нашему полку предстоит первому ломать головы фашистам. Мы выступаем передовым отрядом. После прорыва обороны противника стрелковыми частями обгоняем свою пехоту и развиваем успех в направлении Плодовитое, Тингута, Зеты, Советский. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал Н. А. Новиков уточняет с нами задачу, затем обращается ко мне:

— Товарищ Брижинев! Вы хорошо уяснили задачу полка и всю ответственность, которая ложится на вас? Если вы не справитесь и не выполните задачу, то вам не поможет наша старая дружба.

Он говорит строго и одновременно улыбается краешком глаз. С генералом Новиковым нас действительно связывала старая дружба. В 1939 году он командовал 13-м запасным танковым полком, а я был у него начальником штаба. Мы вместе дружно работали, до моего ухода на финский фронт. Новиков был строгим командиром, очень

требовательным. И вместе с тем я не встречал человека, на чье внимание и помощь можно больше положиться.

— Позвольте заверить, товарищ командующий, — сказал я, — все сделаем и задачу выполним, если даже придется погибнуть.

— Ну это уже лишнее, совсем ии к чему,— улыбнулся Новиков. — Нам бить врага надо.

«Вводится в прорыв» — это просто говорится. Каждый, кто воевал, знает, насколько это сложно. Тут нужна особая четкость взаимодействия со стрелковыми частями, умение быстро ориентироваться в обстановке, не ослаблять управления подразделениями, а наносить удары, не давая врагу опомниться и оправиться. Нас в прорыв вводили сам командующий фронтом и командир корпуса, помогая вовремя пройти самое опасное место и выйти на оперативный простор.

Конечно, перед началом операции у нас все было спланировано и вроде все предусмотрено. Но как ни предугадывай, а перед тобой сильный противник, и всего тут не учтешь.

С самого начала проход оказался нелегким. Образовалась «пробка». Хорошо, что погода была нелетная и противник не смог использовать против нас свою авиацию. Правда, и наших самолетов не было видно. Но в данном случае это нас не очень тревожило.

Уже темнело, когда полк обогнал войска, прорывавшие оборону противника. Высланная вперед разведка донесла, что кругом все тихо, спокойно. Но это еще больше настораживало. Кто его знает, какой сюрприз приготовили немцы. Плодовитое проходим без единого выстрела. Позади осталось уже немало километров. Как ни заманчиво ринуться дальше, но нужно быть осмотрительным. Решаю приостановить полк, организовать дополнительную разведку и надежное охранение. Связываюсь с командиром 60-й мехбригады по радио, узнаю, что и он поступил так же.

Личному составу выдаем приготовленный по-боевому ужин. Но аппетита ни у кого нет. Сказывается напряжение. Вместе со своим заместителем по политчасти обхожу экипажи. Настроение у всех боевое, хотя и несколько тревожное. И это понятно. Обстановка еще не прояснилась. Никто не может сказать, что нас ждет впереди.

Стало уже светать, когда разведка донесла, что из фермы замечено движение колонны противника. Решаю немедленно атаковать, взяв колонну в клещи. Роты устремляются в бой. Румынские артиллеристы не успели даже снять пушки с передков. Средние танки Т-34 двинулись к ферме,

где накапливалась пехота противника. Я со штабом и ротой Т-70 ворвался в боевые порядки гаубичного полка.

В этом бою мы пленили восемьсот румынских солдат и офицеров. Захватили более пятисот лошадей. Командир румынского полка и его штаб тоже сдались в плен. Они были крайне удивлены, встретив советские танки в тылу немецких войск. Им говорили, что Красная Армия разбита под Москвой и Сталинградом. И вдруг столько танков! Румынские солдаты даже радовались плену... «Антонеску — собака, а Гитлер — сволочь. Мы не желаем воевать за немцев», — говорили они.

А нашу радость трудно передать словами. Первое боевое крещение и такой успех! Хотя бой был скоротечным, но не таким уж легким. Румыны пытались оказать сопротивление, но из этого у них ничего не вышло. Слишком неожиданным оказался для них наш удар. Увидев наши танки, они растерялись, открыли беспорядочный огонь, который нам почти никакого урона не причинил. Румыны же потеряли немало убитых, особенно в суматохе, охватившей противника, пострадали кони.

Построив румын в колонну, мы отправили их с небольшой охраной в тыл, к Волге. Сами, взяв на танки подоспевших стрелков, двинулись к станции Тингута. О ней меня особо предупредил командир корпуса. Немцы очень дорожили этой важной станцией на линии Сталинград—Сальск и сильно ее укрепили.

Тингута встретила нас сильным огнем. Фашисты, видимо, уже узнали здесь о нашем прорыве и отнюдь не собирались сдаваться. Разгорелся упорный бой. Но наших танкистов, воодушевленных недавним успехом, нелегко было остановить. Они ворвались на станцию, расстреливая в упор огневые точки. Остальное довершали стрелки. В ходе боя пострадал и мой танк. Пришлось пересесть на другую машину.

К вечеру все было закончено. Я приказал саперам взорвать полотно железной дороги, чтобы предотвратить всякие неожиданности со стороны противника. Мы позволили себе кратковременную передышку, чтобы накормить людей. Впрочем, дел хватало: надо было дозаправить танки горючим, пополнить боекомплекты, подремонтировать некоторые машины.

Говоря о прошедшем бое, мне хотелось бы отметить роту лейтенанта Н. Г. Орлова и взвод лейтенанта Николаенко. Благодаря их инициативе мы избежали затяжного боя и с ходу сломили сопротивление гитлеровцев. Рота Орлова первой ворвалась на станцию, а Николаенко обошел Тин-

гуту с юга и, ударив с тыла, отрезал фашистам пути отхода. Отважно действовал в этом бою и заместитель командира третьей роты по политчасти лейтенант Тарасов. Его танк был всегда впереди.

Я назвал троих, но это отнюдь не значит, что остальные бойцы действовали менее мужественно. Все они достойны самой высокой похвалы. Бой за Тингуту особенно много дал нашим молодым танкистам. Он опалил их огнем и научил бить противника с наименьшими потерями.

После овладения станцией Тингута наша 60-я механизированная бригада, в том числе и наш полк, были переведены во второй эшелон корпуса. Впереди пошли танкисты подполковника Н. А. Дорошкевича. Развивая наш успех, они стремительно продвигались вперед, нанося фашистам все более чувствительные удары. Мы следовали за ними и на всем пути видели разбитую вражескую технику, скошенных огнем гитлеровцев.

22 ноября мы вошли в Советский. В боевой истории нашего корпуса Советский займет особое место. Здесь замкнулось кольцо окружения гитлеровских войск под Сталинградом. Здесь танкисты нашего корпуса встретились с танкистами, наступавшими с севера. Это была незабываемая радостная встреча двух фронтов — Сталинградского и Юго-Западного. Бойцы поздравляли, обнимали друг друга.

С боями пройдено 120 километров. Мы врезались в боевые порядки противника. Враг в замешательстве, но он еще далеко не сломлен. Гитлеровцы пытаются прорвать кольцо окружения. Наш полк с ходу вступает в бой с фашистской мотопехотой и отбрасывает ее. Армейские дивизии еще не подошли, и нам приходится очень трудно. А немцы все контратакуют.

Тяжелый бой разгорается в направлении Карповка — Мариновка, фашисты контратакуют нас танками. Завязывается огневая дуэль. Горят и фашистские, и наши танки. Я наблюдаю за полем боя. У противника преимущество в местности. Он занимает господствующие высоты. Сбить его с заранее подготовленных позиций не удается. Бой нарастает и идет с переменным успехом. Взводу Г. В. Умнова удается при очередной контратаке из засады подбить три танка противника и один сжечь. Упорный бой ведут остальные подразделения.

С наступлением темноты мы создали штурмовые группы из танков, пехоты и саперов и снова попытались прорваться через не взятый противником рубеж. Но и это не принесло успеха. Прорваться к Карповке и Мариновке нам так и не удалось.

Утром 23 ноября передаем свой участок подошедшей 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир корпуса генерал Вольский ставит перед нами новую задачу: наступать в направлении Ляпичев—Логовская, овладеть Логовским и прикрыть фланг корпуса. Не теряя времени, устремляемся вперед. На душе становится веселее. Маневренные действия нам больше подходят. С ходу врываемся в Логовский, а рота Орлова с десантом мотопехоты овладевает Немковским. Фашисты нас, как видно, здесь вовсе не ожидали. Застигнутые врасплох, они бросают орудия, минометы, машины, рации и бегут в лес. Однако спастись удается немногим.

И снова мы втягиваемся в затяжной бой. За Логовским, в лесу и на холмах, у немцев заранее подготовленные позиции. Немцы упорно цепляются за каждую высотку, овраг. Наше продвижение иногда измеряется сотнями метров в день. Наши штурмовые группы часто оказываются отрезанными от своих и ведут бой самостоятельно. Связь с ними поддерживается только по радио.

Вспоминая эти дни, мне хочется особо отметить помощника начальника штаба старшего лейтенанта И. К. Ключарева, разведчика полка лейтенанта Б. И. Козлова, командира взвода связи лейтенанта М. Т. Бутылкина, командиров рот лейтенантов Орлова и Умнова, танкистов Волока, Закамолдина, Хозетля, Николаенко, военфельдшера Церульника и многих других бойцов, которые проявили поистине образцы храбрости.

Большую работу вели наши политработники. Они были душой полка. Всегда на самых опасных участках. Чуть затишье — беседуют с бойцами, рассказывают о ходе боев, об отличившихся воинах, разъясняют задачу, нацеливают товарищей на скорейший разгром ненавистного врага. Я сам не раз присутствовал на таких беседах, принимал в них участие. Правдивое, вдохновляющее слово, которое несли политработники, коммунисты, было нашим самым сильным оружием. Оно вселяло в нас новые силы, уверенность и непреклонность в достижении победы.

Мне запомнилась одна беседа лейтенанта Н. Н. Тарасова. Сколько теплоты, проникновенности было в его словах о своих товарищах, отличившихся в боях. Я знал, что сам Тарасов в прошедшем сражении, может быть, был самым храбрым, но говорил он о других, их восхвалял. Усталые бойцы слушали его, забывая о невзгодах, опасностях, проникаясь одним стремлением: бить и бить врага, не давать ему передышки.

В ходе боев мы несли немалые потери в технике. И что-

бы сохранить живучесть полка, надо было восстанавливать материальную часть. Это требовало героических усилий. Подбитые танки приходилось эвакуировать буквально из-под носа у противника, за одну ночь отремонтировать, чтобы утром танк снова пошел в бой. Такую, порой казалось бы немыслимую, работу, выполняли ремонтники под руководством моего помощника по техчасти Н. Г. Басонова и его помощника по ремонту и снабжению капитана П. М. Брижинева. Ремонтники трудились в зимнюю стужу, под открытым небом. Искореженные танки благодаря их усилиям снова становились в строй и громили врага.

Но на ходу все не сделаешь, и в конце ноября нам разрешили выйти из боя, привести в порядок технику. Сроки дали самые жесткие. Посоветовавшись со своими помощниками и ремонтниками, как лучше выполнить поставленную задачу, я принял решение — вырыть в земле апарели, накрыть их брезентом, утеплить и в них ремонтировать танки. Внутри поставили печурки, и дело пошло. Люди делали чудеса. Они перебирали танковые моторы, меняли коробки передач, ремонтировали пушки, вышедшие из строя двигатели.

В ходе этих дел в полк приехал командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал Н. А. Новиков, он остался доволен нашей работой. Прощаясь, генерал Новиков спросил:

— Ну как, Брижинев, настроение?

— Отличное,— ответил я.

— Какие имеете нужды?

Я попросил несколько танковых двигателей, коробок, аккумуляторов и еще кое-что. Генерал Новиков приказал тут же послать машины на склады фронта и получить.

— Ну а как вас кормят? — задал он вопрос солдатам и, видя, что бойцы мнутся, уточнил:— Ну, что вы сегодня ели?

И один из танкистов ответил:

— Как вам сказать, мы вроде ели и не ели, а нынче вчерашнее разогревали.

Это был правильный ответ, подперченный солдатским юмором. Наши снабженцы во главе с моим помощником по хозчасти А. М. Ресером в последние дни часто возвращались с фронтовых складов ни с чем. Приходилось закладывать в котлы весьма урезанную норму, и ту Ресер, бог его знает, как ухитрялся добывать. Но бойцы понимали: в ходе таких боев далеко не просто организовать подвоз всего, что нужно.

— Побьем фрица — отъедимся, — говорили танкисты.

Приведя в порядок технику, полк получил новую задачу: выступить в район хутора Верхне-Кумского, где войска корпуса вели ожесточенные бои с группировкой Манштейна, который рвался на выручку окруженным войскам Паулюса. Мы должны были совместно с другими частями мехбригады наступать вдоль балки Кумской, на северо-западную окраину Верхне-Кумского. Правее нас действовала 59-я мехбригада, слева никого не было. Местность открытая, равнинная, с множеством неглубоких балок с пологими скатами.

Наступление на Верхне-Кумский началось 15 декабря одновременно с трех направлений. Противник оказал ожесточенное сопротивление. Около 50 танков он бросил против нашего соседа справа, 59-й мехбригады. Но мы сломили сопротивление врага. Отбили танковую контратаку и наши соседи. Фашисты, оставляя свои подбитые танки, вынуждены были отойти.

Я не могу не восхищаться нашими танкистами. Выросло командирское мастерство офицеров, зрелыми воинами стали все бойцы и командиры. Во главе полка продвигались роты Орлова и Куявы. Они были умелыми, опытными фронтовиками. Отважно действовал лейтенант Плугин. Он скрытно пробрался к населенному пункту и в упор расстрелял два фашистских танка. Его примеру последовал лейтенант Хезетль. Оба взвода, ворвавшись в населенный пункт, с ходу опрокинули немцев.

Но бой есть бой. Вражеский снаряд настиг танк Плугина. С болью в сердце узнал о гибели отважного экипажа. Я сейчас словно вижу перед собой молодое энергичное лицо двадцатилетнего Плугина. В наш полк он прибыл летом 1942 года после окончания Ульяновского танкового училища. Доброго нрава, весельчак, он был любимцем полка, и враг дорого заплатил за его смерть. Еще с большей яростью ударили мы по врагу.

В бою под Верхне-Кумским противник был разгромлен полностью. Лишь немногим фашистам удалось спастись. Но и мы понесли немалые потери. Танков осталось совсем мало, и все они были сведены в одну роту под командованием старшего лейтенанта Орлова. Но что это были за танки! Прошедшие сквозь жестокие бои, их экипажи представляли грозную силу.

А обстановка оставалась весьма напряженной. Впереди отражала ожесточенные атаки врага 36-я мехбригада. Наш полк совместно с другими частями 60-й мехбригады получает задачу обеспечить отход 36-й мехбригады на правый фланг обороны корпуса в район колхоза им. 8 Марта. Я вы-

бираю у реки Аксай неглубокий и сухой карьер. Позиция отличная: хороший круговой обзор, имеется естественное укрытие для танков. Каждому экипажу определяю сектор обстрела. Все готово для встречи противника, а противника нет. Вскоре узнаем: фашисты атакуют левый фланг нашей 60-й мехбригады. Это от нас в полутора-двух километрах. С тревогой слежу за ходом боя. Надо быть начеку, фашисты могут пробиться и к нашим позициям.

Во второй половине дня, 17 декабря, противник переносит свои усилия на правый фланг мехбригады. Из района Клыкова, в направлении высоты с отметкой 102,1 выдвигается 40 немецких танков. Они идут колонной, даже без охранения. Танкисты Орлова уже видят их. «Тем лучше»,— думаю я и приказываю огонь открывать только по команде.

Находясь в надежной засаде, мы могли только мечтать о такой цели. Подпустив противника на предельно близкое расстояние, мы открыли по нему огонь одновременно из всех орудий. Ошеломленные немцы в панике стали метаться по полю, подставляя борта своих танков под меткие выстрелы танкистов Орлова.

Кое-как выбравшись из-под огня, немцы уходят за высоту. Несколько оправившись, они начинают атаку при поддержке артиллерии и минометов. У них все еще значительно больше танков, чем у нас. Но это им не помогает. Наши танки надежно укрыты, а немецкие на виду. Мы их уверенно бьем.

Бой затянулся дотемна, и мы с командиром 60-й мехбригады насчитали одиннадцать горевших танков. Но все ли это вражеские машины? Пытаюсь связаться по радио с Орловым, но он не отвечает. Начинаю тревожиться, посылаю разведчика. Вскоре он возвращается и докладывает, что у Орлова все танки целы, горят немецкие. Орлов умышленно не отвечал, не желая себя демаскировать. Мне остается только похвалить его за стойкость, умение и отвагу.

Стойкость и организованность, в сочетании с умелым выбором позиций для танков, позволили не только отразить все атаки превосходящих сил противника, но и нанести ему большой урон. Немцы потеряли одиннадцать танков сожженными и столько же подбитыми, наш полк в этом бою потерь не имел, за исключением одного подбитого танка.

С выходом 60-й механизированной бригады из боя полк получил приказ отвести танки в район Верхне-Кумского. Уже темнело, когда танкисты Орлова дали короткий огневой налет, вывели танки из укрытия, забрали на буксир подбитый танк и пришли в расположение полка.

Хочется сказать доброе слово не только о людях, кото-

рые мужественно дрались на переднем рубеже, но и о шоферах, снабженцах, ремонтниках, поварах. Им тоже приходилось трудно. Они тоже сражались, доставляя боеприпасы, горючее, пищу.

К 19 декабря для корпуса сложилась особенно тяжелая обстановка. Противник, стремясь пробиться к Сталинграду, вводил все новые и новые силы. Ценой больших потерь ему удалось выйти на фланги корпуса, изолировать некоторые части.

Авиация противника с утра и дотемна непрерывно бомбила наши боевые порядки. Были подавлены все наши зенитные средства, почти вся артиллерия корпуса. Немецкие летчики носились над полем боя. И не было почти никакой возможности от них укрыться на голой заснеженной местности. Только необычайная стойкость и мужество помогали уставшим солдатам и офицерам выстоять.

В середине дня 19 декабря танкам противника удается прорваться и, врезавшись в боевые порядки частей корпуса, создать угрожаемое положение для Нижне-Кумского. В этой обстановке получаю приказ: обеспечить выход из боя и отход частей 60-й мехбригады за реку Мышкова. Что делать? Что предпринимать? — ломал себе я голову. Перемешались боевые порядки. Я видел умоляющие взгляды многих солдат, которые как бы просили: «Ну вы, командир, подскажите, что нам делать? У нас нет командира». И они выполняли мой приказ: бить противника, прорвавшегося в наши боевые порядки. Со мной вышли из боя на последнем танке Орлов, Ключарев, тяжелораненый Церульник, мой ординарец Вася Моторкин и еще несколько человек.

В этот самый трудный момент боя по радио было принято сообщение Ставки Верховного Главнокомандования о преобразовании 4-го механизированного корпуса в 3-й Сталинградский механизированный корпус. Соответственно наш 21-й танковый полк был преобразован в 45-й гвардейский танковый полк. О нас помнили! Нас отметили! Нас похвалили!

Радостная весть о присвоении нам гвардейского звания быстро облетела всех. И мы поклялись: умереть, но дальше не пустить противника!

Река Мышкова стала непреодолимым рубежом для наступающего врага. С этого рубежа начался его разгром. На замену уставшему в непрерывных месячных боях нашему корпусу, уже гвардейскому, шли свежие войска 2-й гвардейской армии.

А. С. Желтов,

генерал-полковник

Операции «Уран» и «Малый Сатурн»

Как участнику Сталинградской битвы, мне хотелось бы поделиться воспоминаниями о некоторых особенностях двух наступательных операций Юго-Западного фронта, последовательно проведенных в ноябре и декабре 1942 года, рассказать о мужестве, героизме и боевом мастерстве солдат, офицеров и генералов, с которыми довелось в то время воевать.

Мое непосредственное участие в подготовке войск Юго-Западного фронта к контрнаступлению началось с прибытия в станицу Филоновскую, где разместилось полевое управление создаваемого нового фронтового объединения. О предстоящем контрнаступлении я узнал несколько раньше, будучи членом Военного совета Донского фронта. Помнится, в начале октября на совещании руководящего состава Донского фронта нас об этом информировал представитель Ставки генерал армии Г. К. Жуков. Замысел контрнаступления зрел и оформлялся в ходе оборонительного сражения за Сталинград. Ставка накапливала необходимые резервы. Все это создавало благоприятные условия для нанесения сокрушительных ударов по врагу.

Контрнаступление, разрабатываемое под условным наименованием «Уран», Военный совет Юго-Западного фронта понимал как крупную стратегическую операцию советских войск с целью уничтожения важнейшей группировки противника на южном крыле советско-германского фронта, в районе Сталинграда. Решение этой задачи Ставка возложила на три фронта: Юго-Западный, Сталинградский и Донской. Наш Юго-Западный фронт, которому отводилась важная роль в готовящемся контрнаступлении, имел в своем составе две общевойсковые, танковую и воздушную армии, несколько танковых и кавалерийских корпусов, большое количество артиллерийских частей.

Времени на подготовку операции отводилось мало, и

сделать надо было чрезвычайно много. Предстояло собрать прибывающие войска, сколотить их, подготовить в боевом и политическом отношении к наступлению.

Огромную организаторскую работу проводил командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин — глубокий знаток военного дела, опытный военачальник, проявивший свои дарования в период борьбы на Северо-Западном, а затем на Воронежском фронтах.

Николай Федорович хорошо знал многих генералов и офицеров, прибывавших на фронт, организацию войск и возможности боевой техники, был неутомим в работе. Все большие и малые вопросы подготовки предстоящей операции, управления войсками решались под его руководством обстоятельно, быстро и четко.

В подготовке войск и разработке плана операции большую помощь руководству фронта на месте оказывали представители Ставки генералы Г. К. Жуков и А. М. Василевский, а по вопросам использования артиллерии и авиации — генералы Н. Н. Воронов и А. А. Новиков.

Военный совет фронта прилагал все усилия к тому, чтобы в кратчайшие сроки завершить подготовку операции. Целыми днями мы находились в войсках, принимали прибывшие части и соединения, на месте решая вопросы сосредоточения, материального обеспечения и подготовки войск к операции. Работа в войсках давала возможность детально разобраться в положении дел, изучить состояние войск, местность, противостоящего противника. А вечерами вместе с начальником штаба Г. Д. Стельмахом и оперативными работниками штаба готовили план операции.

Мы понимали, что готовилась операция необычайная: она отличалась решительными целями, высокими темпами наступления, новыми формами и способами борьбы. Все это требовало творческого подхода в решении ряда вопросов, строгого расчета сил и времени. Войска располагали уже обобщенным боевым опытом первого периода войны, изложенным в директивах Ставки (от 10 января 1942 г.) и в приказах НКО (№ 306 и № 325 соответственно от 8 и 16 октября 1942 г.).

Мы были уверены, что на просторах донских степей в глубине обороны предстоят жестокие бои. Враг будет отчаянно сопротивляться, удерживать каждый рубеж. Это стало ясно после нескольких попыток наступления войск Донского фронта в сентябре—октябре 1942 года. Было очевидно, что войска фронта встретят сильное противодействие со стороны окружаемого противника. В то же время нам следовало быть готовыми к отражению возможных попы-

ток гитлеровцев деблокировать свои войска. Это заставляло нас внимательно решать вопрос не только о внутреннем фронте окружения, но и о том, как создать внешний фронт окружения.

В предстоящей операции особо важную роль должны были сыграть подвижные войска — танковая армия, танковые и кавалерийские корпуса. В связи с этим много внимания командующий фронтом уделял решению таких вопросов, как выбор рубежа и момента ввода подвижных соединений в сражение, характер их действий в глубине обороны противника. Эти вопросы, по существу, были для нас новыми, так как крупные танковые соединения впервые решали столь сложную задачу. Надо было надежно прикрыть их действия авиацией, стрелковыми и артиллерийскими соединениями, обеспечить ввод в сражение, а затем вовремя уплотнить боевые порядки внутреннего фронта окружения.

Все вопросы, волновавшие Военный совет, были тщательно продуманы. В результате у командующего фронтом во исполнение директивных указаний Ставки созрело решение на наступление фронта. Войска Юго-Западного фронта, занимавшие оборону на рубеже Павловск, Клетская, во взаимодействии с 65-й армией Донского фронта главный удар наносили на левом фланге силами двух армий (5-й танковой и 21-й) с плацдармов юго-западнее Серафимовича в направлении на хутор Перелазовский, Калач, прорывали оборону на двух участках общим протяжением фронта прорыва 22 километра. Они должны были разгромить 3-ю румынскую армию в районе хутора Большого — станицы Клетской, подвижными соединениями развить наступление в юго-восточном направлении, на третий день операции выйти в район Калача и завершить совместно с войсками Сталинградского фронта окружение 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий, частью сил 1-й гвардейской и 5-й танковой армий выйти на рубеж рек Кривая и Чир, где и закрепиться, создавая прочный внешний фронт окружения противника.

Для обеспечения выполнения этого смелого и оригинального решения действия артиллерии и авиации были спланированы в соответствии с указаниями об артиллерийском и авиационном наступлении. Они получили задачу подавить оборону гитлеровцев, расчистить путь пехоте и подвижным соединениям, поддержать их действия в оперативной глубине, обеспечить боевые действия соединений, которые на флангах должны были свертывать оборону врага и уничтожить его по частям.

Против войск Юго-Западного фронта оборонялись часть сил 8-й итальянской армии и 3-я румынская армия; всего двадцать одна дивизия и две бригады.

Поскольку мы не имели общего превосходства над противником, генерал Ватутин много внимания уделил созданию перевеса сил на главном направлении и оперативному построению войск фронта. На направлении главного удара фронта должна была действовать 5-я танковая армия под командованием старейшего танкиста Советской Армии генерал-лейтенанта П. Л. Романенко (член Военного совета генерал-майор Г. Л. Туманян, начальник штаба генерал-майор А. И. Данилов). Она имела 6 стрелковых дивизий, 2 танковых и кавалерийский корпуса, танковую бригаду, 25 артиллерийских и минометных полков РВГК, 5 зенитно-артиллерийских полков, 2 огнеметных танковых батальона и мотоциклетный полк. Армия наступала с плацдарма юго-западнее Серафимовича в общем направлении на хутор Перелазовский, Калач в полосе шириной 35 километров. Главный удар наносила своим центром на участке 10 километров.

21-я армия генерал-лейтенанта И. М. Чистякова (член Военного совета бригадный комиссар П. И. Крайнов, начальник штаба генерал-майор В. А. Пеньковский) в составе шести стрелковых дивизий, танкового и кавалерийского корпусов, двадцати пяти артиллерийских и минометных полков РВГК, одного зенитно-артиллерийского полка прорывала оборону противника с плацдарма у станицы Клетской на 12-километровом участке, развивая главный удар в направлении Малая Осиновка, Манойлин, Калач.

На правом крыле фронта на Среднем Дону оборонялась 1-я гвардейская армия (командующий генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко, член Военного совета бригадный комиссар И. С. Колесниченко, начальник штаба генерал-майор И. П. Крупенников). Имея шесть стрелковых дивизий, гвардейский механизированный корпус, мотострелковую бригаду, пять артиллерийских и минометных полков РВГК, зенитно-артиллерийский полк, она получила задачу силами двух дивизий прорвать оборону на 10-километровом участке и наступать в направлении хутора Горбатовский, станицы Боковская, обеспечивая справа удар 5-й танковой армии. Оперативное построение войск фронта было одноэшелонным. Армии имели построение в два эшелона, с выделением резерва. В эшелоны развития успеха выделялись танковые и кавалерийские корпуса.

План операции фронта был доставлен в Москву и 3 ноября одобрен Ставкой.

Тем временем подготовка войск и штабов к наступлению шла полным ходом. В тылу были созданы учебные поля с имитированной обороной противостоящей нам 3-й армии королевской Румынии, где личный состав стрелковых частей отрабатывал способы прорыва обороны противника, учился стремительно атаковать и блокировать его опорные пункты, отсекать пехоту от танков, совершать маневр во фланг и тыл противника, взаимодействовать с танками. На специальных занятиях наши воины изучали тактику врага, его повадки, особенности системы обороны, боевые характеристики его танков и оружия, моральное состояние солдат. Артиллеристы совершенствовали приемы ведения огня с закрытых позиций и прямой наводкой. В подвижных войсках изучались способы ввода полков и бригад в сражение, характер действий в отрыве от стрелковых частей. Летчики изучали объекты для бомбовых ударов, тактику воздушного боя, методы поддержки и сопровождения пехоты и танков.

В ходе подготовки к контрнаступлению исключительно большое внимание Военный совет фронта уделил материальному и техническому обеспечению войск, и прежде всего снабжению боеприпасами, горючим, продовольствием, теплой одеждой. Решение этой задачи было связано с большими трудностями, поскольку подача грузов фронту производилась по одноколейной железной дороге, подвергавшейся непрерывным ударам вражеской авиации. Составы шли сплошным потоком к фронту, и, чтобы освободить путь поступающим эшелонам с войсками, порожние вагоны не раз приходилось убирать с путей. Грузы выгружались чаще всего прямо в поле и далее переправлялись к Дону автотранспортом, которого также было недостаточно.

В условиях осенней распутицы, в открытой донской степи нелегко было укрыть и замаскировать войска и массу материально-технических средств. Испытывая огромное напряжение, наши тыловые службы под руководством начальника тыла генерала интендантской службы А. И. Шебунина, при повседневном внимании и помощи комаидования фронта в лице члена Военного совета генерала интендантской службы В. М. Лайока смогли к началу операции накопить в войсках до 90 проц. необходимых материально-технических средств и боеприпасов. Наши воины были хорошо обуты и одеты, сытно питались и были обеспечены всем необходимым для успешных боевых действий.

Под руководством Военного совета фронта большую воспитательную и организаторскую работу развернули политорганы, партийные и комсомольские организации. По-

литуправление фронта во главе с генералом М. В. Рудаковым и политотделы армий и соединений обеспечивали прием и подготовку войск, вели многогранную партийно-политическую работу, добиваясь психологического перелома в сознании личного состава в связи с переходом от обороны к наступлению.

Эта работа носила дифференцированный характер. В 1-й гвардейской и 21-й армиях, длительное время находившихся в обороне на Дону, усилия командиров и политработников направлялись на то, чтобы добиться у личного состава перемены «оборонительных» настроений в сторону активных наступательных действий. В войсках прибывающей 5-й танковой армии надо было быстрее изучить людей, помочь личкому составу освоиться с особенностями боевой обстановки в полосе Юго-Западного фронта, изучить противостоящего противника.

В частях и соединениях армии до 60 процентов командного состава не имело боевого опыта и достаточной полевой выучки. Организованный в частях обмен опытом бывалых фронтовиков помог быстрому обучению. Огромное моральное воздействие на молодых солдат оказывали церемонии торжественного вручения им оружия в присутствии всего личного состава подразделения или части, нередко при развернутом боевом знамени.

В 17-й воздушной армии (командующий генерал С. А. Красовский) внимание политорганов было направлено на обеспечение базирования самолетов, снабжение горючим, боевую и политическую подготовки летного и технического состава.

Военные советы, политорганы армий стремились укрепить низовые партийные и комсомольские организации, правильно расставить кадры политработников. Мы добивались, чтобы в каждом подразделении были полнокровная партийная организация, партийно-комсомольские группы. В дни подготовки к контрнаступлению в армиях неуклонно росло число коммунистов и комсомольцев. Так, например, в 21-й армии уже к середине ноября насчитывалось более 30 тыс. коммунистов и комсомольцев. Это был большой отряд передовых воинов. Широким фронтом велась печатная и устная пропаганда. Личному составу рассказывалось о том, что период обороны закончился и враг скоро испытает силу сокрушительных ударов Красной Армии, что недалек тот день, когда с Волги начнется неудержимое наступление советских войск. На проходивших общих собраниях частей и подразделений воины клялись героически драться с врагом, беспощадно истреблять фашистскую погань.

Видя на полевых занятиях обилие наших танков, артиллерии, солдаты обретали уверенность в своих силах, а командиры и политработники своими умелыми действиями и ярким словом закрепляли у них сознание своей мощи. Политорганы и партийные организации всячески поддерживали у воинов священное чувство ненависти к врагу. Наши солдаты и офицеры не могли забыть чудовищных злодеяний фашистов, истерзанного Сталинграда, Одессы и Севастополя, блокированного Ленинграда.

Коммунисты и комсомольцы в эти дни постоянно находились в гуще солдат, личным примером и партийным словом укрепляли их моральный дух и сплоченность, вызывали и поддерживали их творческую инициативу, укрепляли уверенность в скором изгнании фашистских варваров с родной земли.

В результате в войсках повысилась организованность. Личный состав горел желанием быстрее вступить в решительную схватку с ненавистным врагом. Никогда не забыть огромного морального подъема, царившего в те дни в войсках Юго-Западного фронта.

Срок начала контрнаступления определялся в зависимомости от нашей готовности. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин торопил нас. В период с 1 по 10 ноября он несколько раз вызывал к прямому проводу командующего фронтом Н. Ф. Ватутина, спрашивал его о готовности войск, уточнял вопросы с находившимся у нас генералом Н. Н. Вороновым. Мы дважды вынуждены были докладывать, что «сосредоточение войск и материальных средств еще не завершено, часть войск 5-й танковой армии не прибыла, наступать не можем». Окончательный срок начала наступления был установлен 19 ноября.

Напряженная работа военных советов, штабов, всех командиров, политработников и личного состава дала свои результаты. К 18 ноября основные мероприятия по подготовке Юго-Западного фронта к контрнаступлению были завершены. Военный совет с руководящим составом штаба и полевого управления еще и еще раз проверял готовность войск, уточнял время и порядок выхода частей и соединений на исходные рубежи.

Будучи в этот день в войсках 5-й танковой армии, выходивших на плацдарм северо-западнее Серафимовича, я видел сосредоточенные лица солдат и командиров, в строгом молчании направлявшихся к той черте, откуда через несколько часов им предстояло ударить по врагу. Днем шел дождь, к вечеру похолодало, ночью начался снегопад. Идти было тяжело, но хорошее настроение не покидало людей.

В ту беспокойную ночь воинам спать было некогда. В войска поступил боевой приказ о переходе в контрнаступление и обращение Военного совета фронта к личному составу. Прямо в заснеженных окопах, на боевых позициях, в задымленных хатах собирались отделения и взводы для уяснения боевых задач. Воины клялись с честью выполнить приказ Родины. Многие писали заявления с просьбой принять их в ряды Коммунистической партии.

★ ★ ★

Наступило утро 19 ноября. Командованию Юго-Западного фронта оно принесло немало тревоги за предстоящую операцию. Непрекращающийся снегопад и плотный туман затрудняли действия войск. Авиация не могла подняться в воздух. Начинать наступление без авиации или ждать погоды? Вот что волновало нас в последние минуты перед тем, как дать сигнал к началу. Однако войска готовы к удару, их наступательный порыв, достигший наивысшего предела, вселял уверенность в успех наступления.

Учитывали мы и то, что такая погода неблагоприятно сказывалась и на противнике. В 7 час. 30 мин. по приказу командующего фронтом началась артиллерийская подготовка. В то незабываемое утро артиллерия блестяще выполнила возложенную на нее задачу по подавлению обороны противника. Гром орудий возвестил о начале нового периода в войне. Именно в этой операции советская артиллерия — «бог войны» — завоевала право на свой праздник — День артиллерии.

Противник был ошеломлен. Значительная часть огневых точек на переднем крае, пунктов управления и наблюдения в тактической глубине его обороны была уничтожена. А вслед за переносом огня артиллерии в глубину обороны противника в решительную атаку перешла пехота с танками НПП. По всему фронту наступления сразу же развернулись упорные бои. Наши войска умело и мужественно преодолевали сопротивление врага. На участках прорыва стрелковые соединения 5-й танковой и 21-й армий сравнительно быстро овладели первой позицией.

В полосе 5-й танковой армии наибольший успех был достигнут гвардейцами 47-й дивизии генерала Я. С. Фоканова и 119-й стрелковой дивизии полковника М. М. Данилова. Здесь в полдень были введены в сражение 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова и 26-й танковый корпус генерала А. Г. Родина, а вслед за ними и 8-й кавалерийский корпус генерала М. Д. Борисова. В полосе 21-й армии

успешно наступали 293-я стрелковая дивизия генерала П. Ф. Лагутина и 76-я стрелковая дивизия полковника Н. Т. Таварткиладзе, вслед за которыми вошли в прорыв 4-й танковый корпус генерала А. Г. Кравченко и 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала И. А. Плиева.

К исходу дня ударная группировка фронта прорвала тактическую зону обороны противника. Подвижные войска — танковые и кавалерийские корпуса — устремились на юг; стрелковые соединения 5-й танковой и 21-й общевойсковой армий, свертывая вражескую оборону на флангах прорыва, брали в клещи войска противника, пытавшиеся удерживать позиции в районе станицы Распопинской.

В ходе начавшегося наступления войска фронта нанесли большие потери противнику, нарушили устойчивость всей его обороны. Успех был налицо. Он вызывал у всех нас прилив огромной радости и еще более укрепил уверенность в том, что задачи войсками будут выполнены. Еще больший подъем и усиление наступательного порыва личного состава вызвало сообщение о переходе 20 ноября в наступление войск Сталинградского фронта.

Пытаясь задержать успешное продвижение наших подвижных войск, немецко-фашистское командование бросило в бой из своих оперативных резервов три танковые и одну кавалерийскую дивизии. Отражая контрудары и многочисленные атаки врага, войска фронта решительно продвигались вперед на направлении главного удара. 20 ноября 1-й танковый корпус совместно с частями 47-й гвардейской стрелковой дивизии овладел важным опорным пунктом Песчаный. Части 26-го, 4-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийских корпусов в ходе ожесточенных боев, сломив сопротивление противника, вышли в район Манойлина, повернули на восток и устремились в направлении Калача. К исходу 22 ноября они уже находились у Дона, выйдя на рубеж хуторов Ерусланов ский, Оськинский.

В то время как танковые клинья врезались в оперативную глубину противника, части 119-й и 124-й стрелковых дивизий 5-й танковой армии, 293-й и 76-й стрелковых дивизий 21-й армии, охватывая с флангов 40-тысячную группировку противника в составе двух румынских армейских корпусов в районе станицы Распопинской, замкнули вокруг них кольцо окружения. Правофланговые соединения 5-й танковой армии во взаимодействии с левофланговыми соединениями 1-й гвардейской армии вышли на реку Чир, создавая внешний фронт окружения.

Оборона противника была сокрушена на большом фронте, от станицы Вешенской до Клетской. Несмотря на яро-

стное сопротивление врага, наше наступление развивалось по времени и рубежам в соответствии с разработанным планом операции. Командование фронта внимательно следило за ходом развернувшегося наступления. Н. Ф. Ватутин требовал от командующих армиями и командиров корпусов наращивать темпы наступления и выполнять поставленные задачи в срок.

В ходе боев выявилось, что некоторые соединения, пытаясь лобовыми атаками брать отдельные опорные пункты противника, несли при этом потери и теряли драгоценное время. В связи с этим мне пришлось выехать в 1-й танковый корпус, а затем и в 3-й гвардейский кавалерийский корпус, чтобы на месте добиваться ускорения темпов наступления. От стрелковых соединений 5-й танковой и 21-й армий мы требовали быстрейшего уничтожения окруженной в районе станицы Распопинской группировки румынских войск.

В центре внимания Военного совета фронта находились также соединения, создававшие внешний фронт окружения. Постоянную связь Н. Ф. Ватутин имел с командованием Донского фронта, решая вопросы взаимодействия наших войск с 65-й армией. Как только немного улучшилась погода, начали действовать соединения 17-й воздушной армии, обеспечивавшие продвижение танковых и механизированных войск.

Большое значение в достижении успеха в эти первые дни контрнаступления имела целеустремленная оперативная партийно-политическая работа. Военный совет фронта направлял ее на то, чтобы обеспечить быстрый прорыв обороны противника, добиться высоких темпов продвижения войск. О каждом новом боевом успехе войск фронта командиры и политработники немедленно сообщали всему личному составу. Вести о подвигах наших танкистов и пехотинцев, артиллеристов и кавалеристов, саперов и летчиков закрепляли высокий наступательный порыв у всех воинов.

В штаб фронта непрерывно поступали сведения об обстановке. Огромную радость вызвало у нас сообщение о том, что вечером 22 ноября передовой отряд 26-го танкового корпуса, возглавляемый командиром 14-й мотострелковой бригады подполковником Г. Н. Филипповым, вырвался к переправе через Дон севернее Калача и захватил неповрежденный мост. К полудню 23 ноября ударами с разных направлений наши войска выбили противника из Калача, а в 16 часов в районе хутора Советский 45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса под командованием

подполковника П. К. Жидкова первой встретилась с 36-й механизированной бригадой подполковника М. И. Родионова, из состава 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта.

Окружение 6-й полевой и 4-й танковой армий фашистской Германии было достигнуто. К этому времени была ликвидирована окруженная в районе станицы Распопинской группировка румын. Это был подлинный триумф советского военного искусства, замечательная победа Красной Армии, зажавшей в смертельном кольце две немецкие армии и «прорубившей» в стратегическом фронте противника огромную брешь от станицы Вешенской до озера Сарпа. История еще не знала подобных операций.

Весть об успешном контрнаступлении советских войск под Сталинградом облетела всю страну и вызвала бурю ликования советского народа. Долетела она и до союзного англо-американского командования, которое не преминуло проверить ее достоверность. К нам на Юго-Западный фроит прибыл представитель американского командования. Ему было показано поле сражения у станицы Распопинской на Дону, усеянное вражескими трупами, разбитой техникой и брошенным врагом оружием. Увидел он и бесконечные колонны пленных, тянувшиеся за Дон. Тут же он видел бодрых, тепло одетых и хорошо вооруженных советских воинов.

Наш успех под Сталинградом явился итогом огромных усилий советского народа и его героических Вооруженных Сил. Это была победа советского оружия, победа советских чудо-богатырей, совершивших в ходе этих наступательных боев много замечательных подвигов во имя своей социалистической Родины.

В боевой летописи Юго-Западного фронта золотыми буквами навечно вписаны имена таких героев, как старший сержант Баев, рядовой М. Швец, лично уничтожившие в бою по 15 гитлеровцев; рядовой Б. Терентьев, который, будучи смертельно раненным, не бросил своего пулемета, комсомолец старший лейтенант Арсенев, с группой бойцов отбивший танковую атаку противника, и многих, многих других. В те незабываемые дни героизм был массовым. За успешные боевые действия и проявленный личным составом героизм целые части и соединения были отмечены Верховным Главнокомандованием. 124, 119, 63 и 76-я стрелковые дивизии получили почетное наименование гвардейских. Незабываемое, огромное мобилизующее значение для войск имело вручение гвардейских знамен отличившимся частям и соединениям.

★ ★ ★

В последних числах ноября и начале декабря советские войска вели бои за укрепление внутреннего и внешнего фронтов окружения. Основные силы Юго-Западного и Сталинградского фронтов действовали на внешнем фронте окружения, отражая попытки противника пробиться к окруженным, закрепляя и дальше развивая достигнутые результаты.

В связи с успешным развитием контрнаступления Ставка Верховного Главнокомандования на декабрь планировала новую наступательную операцию. Уже в ходе ноябрьской операции представитель Ставки генерал А. М. Василевский информировал руководство фронта об этом. В иовой операции главный удар должны были наносить войска Юго-Западного фронта при содействии войск левого крыла Воронежского фронта в общем направлении иа юг—на Миллерово и Ростов — с тем, чтобы отодвинуть внешний фронт окружения сталинградской группировки еще на 150—200 километров на запад, перерезать коммуникации находившихся на Кавказе 17-й и 1-й танковой армий противника и создать благоприятные условия для полного разгрома всей группировки немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта. План новой операции нами был разработан, и 2 декабря Ставка его утвердила.

К этому времени нам стало известно, что немецко-фашистское командование создает группу армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна для деблокады войск, окруженных в районе Сталинграда. 12 декабря котельниковская группировка Манштейна танковыми дивизиями перешла в наступление в полосе 51-й армии (левого крыла Сталинградского фронта) и в ожесточенных боях к 20 декабря отбросила ее войска в северном направлении на рубеж реки Мышкова.

В условиях начавшегося контрудара противника Ставка Верховного Главнокомандования уже 13 декабря приказала нашему фронту нанести главный удар не на юг, как это ранее предусматривалось, а на юго-восток, в сторону Нижне-Астахова и Морозовска. Начало операции намечалось на 16 декабря. Справа с нами должна была взаимодействовать 6-я армия генерала Ф. М. Харитонова (Воронежского фронта), получившая задачу наступать на Кантемировку. Уточненный вариант плана операции получил название «Малый Сатурн».

Основная идея решения командующего фронтом сводн-

лась к тому, чтобы сильными группировками войск на правом фланге и в центре нанести два удара по сходящимся направлениям: один — с Осетровского плацдарма на юг, другой — из района станицы Боковской, севернее Чернышковского, на запад, в общем направлении на Миллерово. Ближайшая задача состояла в том, чтобы разгромить 8-ю итальянскую армию, остатки 3-й армии королевской Румынии и оперативную группу немцев «Холлидт», входившую в тормосинскую группировку Манштейна.

1-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова (член Военного совета генерал-майор И. Д. Рыбинский, начальник штаба генерал-майор И. Т. Шлемин), переданная Ставкой нашему фронту и усиленная 24, 25 и 18-м танковыми корпусами, во взаимодействии с 6-й армией и 17-м танковым корпусом Воронежского фронта наносила главный удар с Осетровского плацдарма в направлении Маньково-Калитвинская, Дегтево, Тацинская, Морозовск.

3-я гвардейская армия с 1-м гвардейским механизированным корпусом получила задачу прорвать оборону противника в районе Боковской и развивать наступление в направлениях Боковская, Верхне-Чирский, а также Боковская, Нижне-Астахов, Кошары навстречу войскам 1-й гвардейской армии.

5-я танковая армия с 5-м мехкорпусом должна была уничтожить противника в районе Нижне-Чирской, Тормосина, не допуская прорыва группировки противника из этого района на соединение с окруженными войсками Паулюса.

Как и в ноябрьском наступлении, войскам фронта предстояло рассечь на части оборону 8-й итальянской армии, окружить ее главные силы. Основная роль в операции отводилась подвижным войскам: танковым и механизированным корпусам, которые должны были продвинуться на 150—350 километров, преодолевая 45—75 километров в сутки. Это были невиданные до того времени темпы наступления.

Благодаря перегруппировке войск и полученным из резерва Ставки дополнительным силам в виде танковых и механизированных корпусов нам удалось массировать силы на направлениях ударов армий и обеспечить на участках прорыва необходимое превосходство над противником. Так, на участке прорыва 1-й гвардейской армии было создано превосходство в людях, артиллерии и танках в два с лишним раза.

Перевес нашей авиации достигался сосредоточением на

этих направлениях совместных усилий 17-й воздушной армии и 2-й воздушной армии Воронежского фронта, переданной в оперативное подчинение нашему фронту.

Подготовка войск Юго-Западного фронта к наступлению проходила в ходе ожесточенных боев. Основная тяжесть подготовки новой операции легла на командующих армиями. Военный совет фронта решал вопросы организации удара с Осетровского плацдарма, одновременного ввода в сражение танковых корпусов, организации взаимодействия между армиями и с соседом, управления войсками, скрытного и своевременного сосредоточения их в назначенные районы, материально-технического обеспечения, боевой и морально-психологической подготовки личного состава.

Вся организационная и партийно-политическая работа в войсках направлялась на то, чтобы обеспечить наилучшее выполнение боевых задач каждой частью и подразделением.

Эта работа, опиравшаяся на свежие факты и события нашей ноябрьской операции, была весьма действенна. Предметом особых забот политорганов было восстановление и укрепление партийных и комсомольских организаций в частях, понесших потери в предыдущих боях. Рост партийных рядов шел за счет отличившихся бойцов и командиров, а их было много. Так, только с 1 по 16 декабря в одной 44-й гвардейской стрелковой дивизии вступили в партию 437 человек, а в 1-м гвардейском механизированном корпусе — 337 человек. К началу наступления в дивизиях и корпусах, действовавших в направлениях ударов фронта, коммунисты и комсомольцы составляли одну треть. В каждой батарее, эскадрилье, отдельном взводе была партийная организация или кандидатская группа.

Непосредственно перед наступлением в соединениях первого эшелона армий проводились собрания, где обсуждались конкретные задачи в предстоящем бою, а за два часа до атаки в подразделениях были зачитаны приказ на наступление и обращение Военного совета фронта.

Учитывая важную роль танковых и механизированных корпусов, мы посетили вместе с командующим фронтом Н. Ф. Ватутиным части 18, 24 и 25-го танковых корпусов и поставили личному составу боевые задачи. Всюду, где довелось бывать в те дни, мы видели у воинов жажду боя и желание победить.

Утром 16 декабря над Доном стоял густой туман, вынудивший авиацию бездействовать, но откладывать начало наступления было нельзя, поскольку котельниковская

группировка противника упорно продвигалась к Сталинграду. Командующий фронтом отдал приказ о начале артподготовки в 8 часов. Стрельба велась по площадям, вследствие чего часть огневых средств первой позиции и в глубине главной полосы обороны противника оказалась неподавленной. Бои в первый день носили ожесточенный характер. Особенно упорное сопротивление противник оказывал в горловине Осетровского плацдарма. 41-я и 44-я гвардейские стрелковые дивизии (генерал-майоров Н. П. Иванова и Д. А. Куприянова), наступавшие в центре ударной группировки 1-й гвардейской армии, лишь вклинились в оборону противника. По плану наступления командарм должен был в первый же день ввести танковые корпуса в сражение. Шли часы, но донесения о вводе их в действие не поступало. Москва ежечасно справлялась о ходе начавшегося наступления, требовала увеличить темпы.

Как члену Военного совета фронта мне пришлось выехать на Осетровский плацдарм, чтобы разобраться в обстановке. День был на исходе. На наблюдательном пункте 1-й гвардейской армии находились командарм с оперативной группой штаба и командиры танковых корпусов: 18-го — Б. С. Бахаров, 25-го — П. П. Павлов, 17-го — П. П. Полубояров, обсуждавшие создавшееся положение. На мой вопрос командарму: «Почему не введены танки?»— последний ответил: «Ввод не удался»—и показал на амбразуру. Осматривая поле боя, мы увидели на участке прорыва десятка два наших танков. Одни из них горели, другие стояли на месте, подорвавшись на минных полях. В глубине плацдарма в это время сосредоточились колонны танковых корпусов, готовые к вводу в прорыв.

Изучение обстановки на месте показало, что танковые корпуса могут начать выполнение задачи только утром следующего дня, после проделывания проходов в противотанковых минных полях. Такое решение вопроса было санкционировано командующим фронтом. Всю ночь кипела работа по проделыванию проходов. Ранним утром 17 декабря 18-й и 25-й танковые корпуса, выйдя из горловины плацдарма, устремились в глубину обороны 8-й итальянской армии, а 17-й танковый корпус Воронежского фронта начал наступать на Кантемировку. В полосе 3-й гвардейской армии оборона противника была также прорвана в первые два дня. 5-й танковой армии не удалось прорвать оборону, но она прочно сковала действовавшие против нее части оперативной группы «Холлидт» и остатки 3-й румынской армии.

Решающее значение для развития наступления имели

действия танковых корпусов 1-й гвардейской армии и механизированного корпуса 3-й гвардейской армии, которые, громя и уничтожая оперативные резервы 8-й итальянской армии, решительно продвигались в заданных им направлениях. Активную помощь им оказывала наша авиация, получившая возможность подняться в воздух после полудня 17 декабря.

19 декабря командующий фронтом ввел в сражение находившийся в резерве фронта 24-й танковый корпус под командованием генерала В. М. Баданова. В населенном пункте Твердохлебовка, занятом нашими войсками накануне, под рокот заводившихся моторов танков ранним морозным утром мне довелось напутствовать танкистов в рейд по тылам врага. Это был смелый и стремительный бросок бадановцев. За 5 дней корпус с боями продвинулся на 240 километров и 24 декабря занял железнодорожную станцию Тацинская, где танкисты разгромили фронтовую базу снабжения противника, уничтожили на аэродроме более 300 самолетов. В течение нескольких дней части корпуса вели бои в окружении, затем по приказу командующего фронтом с разрешения Верховного Главнокомандующего вышли из окружения в район Ильинки.

Военный совет фронта представил генерал-майора В. М. Баданова к награждению орденом Суворова и ходатайствовал о переименовании этого корпуса в гвардейский.

Героизм и самоотверженность были нормой поведения воинов Юго-Западного фронта. В первый же день наступления при атаке нашими войсками одного из сильных опорных пунктов противника на глазах у всей стрелковой роты бессмертный подвиг совершил сержант Прокатов, закрывший своим телом амбразуру вражеского дота и тем обеспечивший продвижение роты вперед. Об этом подвиге было рассказано во всех частях и подразделениях фронта.

В боях отличились не только отдельные воины, но и целые подразделения, части, соединения. В один из дней наступления Военный совет фронта получил сообщение, что взвод лейтенанта Зайцева более 5 часов успешно вел бой с итальянской бригадой, пытавшейся вырваться из окружения. Три раза ходили итальянцы в атаку на высоту, занятую советскими храбрецами, и всякий раз откатывались с большими потерями. Враг оставил на склонах высоты более 350 трупов своих солдат и офицеров, но одолеть богатырей Зайцева не смог.

Героический подвиг совершил личный состав 17-го гвардейского танкового полка 1-го механизированного гвардейского корпуса. Действуя по тылам врага, полк 23

декабря под хутором Хлебинским смело вступил в схватку с превосходящими силами противника, дерзкой атакой разгромил их, при этом пленил штаб немецкого пехотного полка. Военный совет фронта представил полк к награждению орденом Красного Знамени, а его командира полковника Т. С. Позолотина — к присвоению звания Героя Советского Союза. Солдаты и офицеры полка, отличившиеся в боях, были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В труднейших условиях морозной погоды, по заснеженным донским степям воины Юго-Западного фронта упорно шли вперед, отражая ожесточенные контратаки врага. Подвижные соединения фронта за восемь дней продвинулись на 100—250 километров. Стрелковые соединения создали ряд частных окружений в районе населенных пунктов Алексеевский, Кружилиха.

С разгромом 8-й итальянской армии и группы «Холлидт» фронт обороны немецко-фашистских войск на Среднем Дону развалился, а тормосинская группировка Манштейна, предназначенная для деблокирования войск Паулюса, прекратила свое существование. Войска Юго-Западного фронта вышли на рубеж Новая Калитва. Высочинов, Беловодск, Миллерово, Ильинка, Скосырская, Чернышковский, где прочно закрепились.

В итоге наступательной операции советские войска освободили 1246 населенных пунктов, разгромили 18 немецких, итальянских и румынских дивизий; уничтожили и взяли в плен 120 тыс. солдат и офицеров, захватили в качестве трофеев более 360 самолетов, 176 танков, около 2 тыс. орудий и много другой техники.

Контрнаступление под Сталинградом явилось ярким свидетельством превосходства советского военного искусства над искусством немецко-фашистской армии, считавшейся тогда самой сильной и самой опытной из всех армий капиталистических государств. Обе операции Юго-Западного фронта завершились успешно. В ходе их подготовки и осуществления возникло немало нового как в области оперативного искусства, так и тактики.

И. М. Чистяков,

Герой Советского Союза,
генерал-полковник

Доблестная 21-я

Октябрь 1942 года. В Сталинграде идут ожесточенные бои. Гитлер, его генералы еще тешат себя надеждой сломить защитников волжской твердыни. Фашистские войска несут огромные потери, но снова и снова атакуют. А в это время в Ставке Советского Верховного Главнокомандования разрабатывается план контрнаступления, план разгрома немецких войск под Сталинградом. Фашисты еще рвутся к Волге, а дни их у Волги уже сочтены.

29 октября командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. Ф. Ватутин знакомит Военный совет нашей 21-й армии с общим замыслом предстоящего контрнаступления. Мы слушаем, и радостно бьются наши сердца. Поражает и захватывает широта замысла, размах операции. Все мы не раз про себя и в кругу сослуживцев размышляли о наступлении. Мы жили этим, мы ждали того часа, когда погоним врага на запад. Но то, о чем говорил Н. Ф. Ватутин, превосходило все, о чем мы могли думать.

Нашей 21-й армии отводилась в предстоящей операции важная роль. Мы наступали на главном направлении. Армии придавался танковый корпус генерала А. Г. Кравченко и кавалерийский корпус генерала И. А. Плиева.

Такого усиления армия еще никогда не имела. Впрочем, и задач, подобных этой, ей не приходилось решать. Излагал боевую задачу командующий фронтом, на первый взгляд, весьма обычно. 21-я армия прорывает оборону противника на участке Распопинская, Клетская, наступает в общем направлении на хутора Осиповка и Манойлин. Выйдя в тыл противника, она во взаимодействии с 5-й танковой армией Юго-Западного фронта, наступающей правее, и 65-й армией Донского фронта, находящейся левее, окружает и уничтожает части 5-го румынского корпуса в районе Распопинской. В дальнейшем армия, развивая наступление в юго-восточном направлении, совместно с войсками 57-й

армии Сталинградского фронта участвует в окружении гитлеровской группировки под Сталинградом.

Все просто, но за каждым словом, сказанным командующим, виделся такой размах, какого еще не знала история войн. Спокойный голос Николая Федоровича звучал для нас уже не обыденно, слова его, словно набат, звали вперед, к победе.

— Ну, желаю успехов, — прощаясь со мной, произнес Ватутин. — Ударим еще посильнее, чем под Москвой.

— Ударим, товарищ командующий — ответил я. — На двадцать первую можете надеяться.

Я провожал Николая Федоровича, и мне вспомнилось наше первое знакомство. Было это под Москвой. Я тогда командовал 8-й гвардейской панфиловской дивизией. Нам надлежало в предстоящей операции перерезать шоссейную дорогу Старая Русса — Холм. Опыта у меня еще было маловато. По существу, я впервые участвовал в такой большой наступательной операции. А Ватутин еще до войны занимал высокие посты в Красной Армии, был начальником оперативного управления, первым заместителем начальника Генерального штаба. В нем чувствовался военачальник высокой культуры и широкого оперативного кругозора. Как никто, он умел просто и ясно излагать обстановку, предвидеть развитие событий, вселять уверенность в успех задуманного. Естественно, я с глубочайшим вниманием слушал Ватутина. Более того, учился у него умению оценивать обстановку противника, решать сложные вопросы управления войсками.

И еще было одно замечательное качество у Николая Федоровича. Он умел слушать других, не давить своими знаниями и авторитетом. С ним мы, его подчиненные, чувствовали себя свободно, и это развязывало инициативу. Даже когда он подсказывал верное решение, то делал так, что подчиненный принимал это как свою мысль.

Ватутин был не только крупным военачальником, он был в первую очередь коммунистом, умеющим мыслить по-партийному, глубоко разбирался в политических вопросах.

Проводив командующего, мы вместе с начальником штаба В. А. Пеньковским засели за разработку основных задач подготовки предстоящей операции.

Валентин Антонович только пришел в нашу армию, но уже успел показать себя с самой лучшей стороны. Это был твердый и решительный человек, хорошо понимающий свое место в управлении войсками. Плотный, коренастый, всегда знающий, что хочет, он и самим своим видом, поведением вносил в работу штаба атмосферу стабильности и уве-

ренности. Под стать начальнику штаба был и его ближайший помощник — начальник оперативного отдела, генерал Рыбко. Он всегда исчерпывающе знал обстановку, всегда готов был дать любую справку с обоснованными выводами и предложениями.

Поскольку речь зашла о работниках управления армией, хотелось бы еще сказать о начальнике разведывательного отдела полковнике Куракове и командующем артиллерией Герое Советского Союза генерале Д. И. Турбине. Оба они остались в моей памяти замечательными работниками, хорошими боевыми товарищами. С такими помощниками было приятно и легко работать.

Итак, подготовка к наступлению началась. Штабы и войска приступили к разработке операции во всех деталях, уделив особое внимание организации взаимодействия пехоты и танков НПП (непосредственной поддержки пехоты) с артиллерией. В частях доводилась задача до каждого бойца, отрабатывались методы ведения наступательного боя, борьбы с танками противника.

Активно действовала наша разведка. Она установила, что в полосе предстоящего наступления армии оборонялись части 4-го и 5-го румынских корпусов.

Оборона противника как на переднем крае, так и в глубине состояла из системы опорных пунктов и узлов сопротивления, расположенных на господствующих высотах. Она имела две полосы глубиной в 15—20 километров. Противник всюду возвел проволочные заграждения и минные поля.

Таким образом, нашей армии предстояло прорвать сильную, насыщенную огневыми средствами и глубоко эшелонированную оборону. И мы располагали достаточными силами и средствами, чтобы выполнить поставленную задачу.

В эти дни я много бывал в частях. С удовлетворением наблюдал, с каким воодушевлением готовятся наши воины к наступлению. Они знали, что перед ними сильный и злобный враг. Они ненавидели его за все горе, которое принесли нашему народу фашисты, и с нетерпением ждали часа, чтобы расплатиться с ним, нанести по нему сокрушительный удар.

Командиры, офицеры штабов, политработники, все коммунисты бывали в частях и подразделениях и в задушевных беседах разъясняли солдатам боевые задачи, рассказывали о героическом прошлом нашего народа, о героях минувших боев 1941—1942 годов и призывали следовать их примеру.

Вместе со мной в войсках был и начальник политотдела Л. И. Соколов. В прошлом секретарь райкома партии, он умел находить то главное, что нацелило бы людей и воодушевило их при решении основной задачи. Он сам обладал замечательным качеством коммуниста — находить слова, близкие солдату, и этому учил всех политработников.

До сих пор мы под Сталинградом в основном вели оборонительные бои, дважды выходили из окружения, в яростных схватках сдерживали натиск врага у Дона. Теперь нам предстояло сокрушить его в наступлении.

Все эти дни и недели перед наступлением были наполнены напряженной работой. Важнейшей ее частью стала выработка предварительного решения на операцию. От него во многом зависел весь ход наступления. Его рассматривал лично представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский.

Главный удар армия наносила во взаимодействии с войсками 65-й армии на своем левом фланге и 5-й танковой армией на правом в общем направлении на хутора Осиновку и Манойлин. Для развития успеха намечался ввод 4-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов. Две дивизии второго эшелона прикрывали фланги на направлении главного удара от возможных контрударов противника.

Вспомогательный удар наносился силами двух стрелковых полков в направлении хуторов Белосоин и Головский. На этом направлении в последующем намечалось окружить 5-й румынский корпус во взаимодействии с наступающими правее ударными группировками 5-й танковой армии.

В дальнейшем войска должны были выполнить конечную задачу операции — выйти в район Мариновка, Прудбой и во взаимодействии с 57-й армией Сталинградского фронта замкнуть кольцо окружения немецко-фашистской группировки, действовавшей в районе Сталинграда.

А. М. Василевский одобрил в основном мое решение и сказал:

— Если стрелковые дивизии не смогут своими силами прорвать главную полосу обороны противника и не выйдут на рубеж ввода в бой танкового корпуса, то необходимо будет танковый корпус ввести для допрорыва главной полосы обороны.

А. М. Василевский и Г. К. Жуков на моем КП в Клетской бывали не раз. С первого ноября мы дважды в неделю докладывали им о положении противника, отражая

это на специальной отчетной карте, которую подписывали я, Пеньковский и Кураков.

Представители ставки разведке придавали первостепенное значение. Приезжая к нам, Г. К. Жуков и А. М. Василевский с этого начинали свой разговор, зачастую сами выезжали на наблюдательные пункты командиров дивизий, беседовали с офицерами и бойцами, давали указания, как лучше организовать разведку, на что обратить главное внимание.

И разведка наша, надо отдать ей должное, поработала хорошо. Забегая вперед, расскажу о таком эпизоде. У хутора Головского мы разгромили румынскую дивизию. Ко мне привели пленного командира этой дивизии. В ходе допроса я показал ему нашу разведывательную карту. Командир румынской дивизии долго ее разглядывал и под конец с изумлением сказал: «Советская карта точнее отражает положение моих войск, чем оперативная карта моего штаба».

Не только разведчики, все командиры, штабы, все воины с исключительным рвением выполняли свой долг. Чувство огромной ответственности за успех наступления было присуще каждому, и каждый трудился с полной отдачей сил. А сделать предстояло очень многое, преодолеть немало трудностей.

На правом берегу Дона мы имели небольшой плацдарм: 16 километров по фронту и 8 в глубину. На этот плацдарм нам предстояло переправить три стрелковые дивизии, танковый и кавалерийский корпуса, всю артиллерию и минометы, до 122-миллиметровых включительно. Переправить и расположить так, чтобы противник не заметил.

— Скрытность, тщательная маскировка!

Без этих слов не обходился тогда ни один разговор. Как-то в самый разгар переправы мы наблюдали с Александром Михайловичем Василевским за работой наших саперов, которые под огнем противника наводили ложные переправы. Основные мосты уже были наведены, и войска начали сосредоточиваться на плацдарме.

— Ну, Иван Михайлович, — сказал Василевский, — смотрите в оба. Если противник раскроет вашу группировку, он может сорвать все наше наступление.

Раскрыть наши замыслы противнику не удалось, хотя он вел усиленную авиационную разведку. В ночь на 12 ноября, за 9 дней, мы сумели сосредоточить на плацдарме всю ударную группировку нашей армии.

Наступление. Его всегда ждешь с волнением. И больше всего — первую атаку. От того, как она начнется, во многом

зависит ход всей операции. Ее ждешь, отсчитывая дни, часы, минуты. Особенно тревожны последние минуты.

Так было и в тот знаменательный день, 19 ноября. На моем КП собралось немало народу, стоим, то и дело поглядываем на часы. А тут, словно нам назло, степь заволокло туманом, и нет никаких признаков, что он скоро рассеется. Стрелка часов уже приближается к 7.00, а мы все думаем: начинать или не начинать артподготовку при таком тумане, когда на участие авиации не приходится рассчитывать?

Звоню Ватутину.

— Ждать благоприятной погоды не будем, — слышу, как всегда, уверенный голос Николая Федоровича. — У нас большая плотность артиллерийского огня. Не будет нашей авиации, не будет и авиации противника. Так что начнем своевременно.

Ровно в 7.20 19 ноября тишину морозного ноябрьского утра разорвал залп гвардейских минометов. И вместе с «катюшами» ударили все наши орудия и минометы. «Бог войны» заговорил во весь голос. Час двадцать минут гремела канонада. Сотни тонн металла обрушилась на голову врага.

В 8 часов 50 минут пехота и танки НПП под прикрытием огневого вала устремились вперед.

Наступление началось. Ударная группировка армии (63, 76 и 293-я стрелковые дивизии) вместе с танками быстро продвигаются вперед. Вот уже и передний край обороны противника прорван на фронте до 12 километров. Но что такое? Почему не слышно ружейного и артиллерийского огня со стороны противника? Рядом со мной наблюдает за развитием атаки Н. Н. Воронов. Он тоже недоуменно покачивает головой и говорит:

— Иван Михайлович, не обманул ли нас противник, не отвел ли он за ночь свои войска на вторую полосу обороны?

— Наша разведка всю ночь подтверждала, что противник занимает первую позицию, — отвечаю я уверенно, а у самого сосет под ложечкой: а вдруг противник и в самом деле нас обманул?..

Нашу тревогу рассеивает звонок командира 293-й стрелковой дивизии генерала П. Ф. Лагутина.

— Противник начинает оказывать сопротивление на второй позиции,— докладывает он.

— Вот это порядок, — улыбается Воронов. — Значит, наша артиллерия первую позицию противника обработала классно. Молодцы, пушкари!

О том, что противник начал приходить в себя, стали докладывать и командиры других дивизий первого эшелона.

К 13 часам части 293, 76 и 63-й стрелковых дивизий завязали бой за вторую позицию. Эта позиция была в меньшей степени обработана нашей артиллерией, и ее пришлось прогрызать нашей пехоте и танкам.

На направлении главного удара все шло по плану. Неудачно началось наступление на правом фланге армии, где наносился вспомогательный удар. Два полка 96-й стрелковой дивизии не смогли сломить сопротивление противника и вынуждены были отойти в исходное положение.

Что ж, в бою всего заранее не предусмотришь. Приказываю командиру 96-й стрелковой дивизии полковнику Г. П. Исакову продолжать активные действия, воспрепятствовать противнику перебросить живую силу и огневые средства на другие участки фронта.

Все внимание сосредоточиваю на направлении главного удара. Именно здесь в эти несколько часов решался успех наступления. Вскоре становится ясно, что вторую позицию противника наши стрелковые дивизии вряд ли смогут быстро прорвать без дополнительной поддержки.

Что делать? Продолжать прорыв позиции дивизиями первого эшелона, как предусматривалось планом операции, и только потом вводить в прорыв подвижную группу армии — танковый и кавалерийский корпуса, или вводить их в бой немедленно? Раздумывать долго нельзя. Промедление может привести к снижению темпов наступления, к неоправданным потерям в людях и технике. Решаю двинуть в бой танковый и кавалерийский корпуса. Докладываю командующему фронтом, и он утверждает мое решение.

В 13.00 раздался рокот наших машин. Это устремились танкисты генерала А. Г. Кравченко. Наблюдаю за ними, и на душе становится спокойнее. Пройдя через боевые порядки стрелковых дивизий, 4-й танковый корпус вместе со стрелковыми и артиллерийскими частями ломает сопротивление противника. К исходу дня он продвигается на 35 километров в глубину обороны противника и выходит в район хутора Манойлин.

С новой силой возобновляют атаку стрелковые дивизии. Однако и противник принял меры. Как только танковый корпус вырвался вперед, его отдельные отряды стали контратаковать, стремясь сдержать наше наступление. В известной степени противнику это удалось. Наши стрелковые дивизии смогли продвинуться в глубину вражеской обороны только на 5—7 километров. Общую задачу дня выполнить им полностью не удается.

Однако главное достигнуто: две позиции противника прорваны, парализована его артиллерия, созданы благоприятные условия для успешных действий подвижной группы армии. И мы не замедлили этим воспользоваться. Через три часа после ввода танкового корпуса в бой вступает и 3-й гвардейский кавалерийский корпус И. А. Плиева.

Следуя за левой колонной танкового корпуса, кавалеристы едва поспевают за танкистами. Стрелковые дивизии, ведя бои с отдельными разрозненными группами противника, также отстают от танкистов. Противник пользуется этим разрывом и отходящими румынскими частями пытается восстановить оборону, прорванную танковым корпусов в районе хутора Платонов. Кавалерийские дивизии, подойдя к вновь организованной обороне противника, встретили яростное сопротивление. Прорвать ее с ходу им не удается.

Создалась опасная заминка. Пришлось вмешаться мне и заместителю командующего фронтом В. И. Кузнецову. Собравшись в кулак, кавалеристы Плиева пробивают вражескую оборону и устремляются вслед за отходящим противником.

Напряженно развиваются боевые действия и на других участках. Противнику удается восстановить оборону и в районе Платонова. Это таило в себе немалую опасность. Задержав наступление стрелковых дивизий, противник мог отрезать вырвавшиеся вперед танковый и кавалерийский корпуса. Однако эта попытка противника успеха не имела. 293-я и 76-я стрелковые дивизии выбили противника из Платонова.

К исходу дня левая колонна 4-го танкового корпуса подошла к хутору Майоровский и завязала бой с контратакующим противником. Одновременно она была вынуждена вести бой в своем тылу с противником, отходившим под натиском кавалеристов. Кавалеристам в свою очередь пришлось одновременно и преследовать противника и отражать в своем тылу атаки румынских частей, сбитых с позиций в районе хутора Платонов частями 293-й и 76-й стрелковых дивизий.

В полосе наступления ударной группировки армии образовался, как говорили наши штабники, «слоеный пирог». И «пирог» этот мог отрицательно повлиять на дальнейшее развитие контрнаступления. Только благодаря инициативным действиям командиров и штабов всех степеней обстановка разрядилась и наступление пошло успешно.

Генерал Плиев повернул одну из своих кавдивизий на север и внезапно атаковал с тыла румынские части, отхо-

дившие перед 293-й и 76-й стрелковыми дивизиями. Сами кавалеристы свои тылы прикрыли только несколькими подразделениями. Удар был настолько неожиданным, что румынские солдаты, увидя бешено мчавшихся всадников, побросали оружие.

Командир 293-й стрелковой дивизии генерал П. Ф. Лагутин двинул 1034-й полк навстречу противнику с фронта в районе станицы Громки. Разгромив врага, он обеспечил продвижение всех дивизий первого эшелона армии вслед за кавалерийским корпусом.

Так было покончено с одной «начинкой слоеного пирога».

Успешно развивалось наступление соседа справа, 5-й танковой армии. Ее 26-й танковый корпус — генерала А. Г. Родина — разгромил противника у хутора Перелазовского и двинулся на Калач.

Стремительно действовал 4-й танковый корпус. На четвертый день операции он вышел к Дону севернее Калача. Очень жаль, что наши танкисты не сумели установить тогда, что в станице Голубинской находился штаб 6-й немецкой армии во главе с Паулюсом. Даже небольшая группа наших танков смогла бы разгромить немецкий штаб армии и даже пленить Паулюса.

Позднее пленные показывали, что появление советских танков близ станицы Голубинской вызвало панику в штабе: генерал Паулюс вместе с начальником штаба генералом Шмидтом немедленно улетел в район станицы Нижнечирской, а штаб убыл в район Сталинграда.

Наша ударная группировка свою задачу выполнила довольно успешно. В целом же в полосе наступления армии вновь создалась необычайно сложная оперативная обстановка.

На главном направлении в районе Калача, Советского мы были близки к соединению с частями 57-й армии Сталинградского фронта, а на вспомогательном находились в ста километрах северо-западнее Калача, в районе станицы Распопинская. Разрыв составил около 100 километров, и заполнить, по существу, его было нечем. В резерве оставалась 333-я стрелковая дивизия полковника М. И. Матвеева, которая предназначалась для отражения возможных контратак противника при завершении окружения в районе хутора Советский и для обеспечения левого фланга армии, так как наступавшая слева 65-я армия генерала П. И. Батова вела бои с 14-й немецкой танковой и 1-й пехотной румынской дивизиями.

Еще 19 ноября, когда танковые и кавалерийские соединения устремились на юго-восток, вражеские войска, рас-

положенные в станице Распопинской, хуторах Базковском и Головском, оказались между нашими подвижными соединениями. Здесь сосредоточились два армейских румынских корпуса. Для их ликвидации были выделены стрелковые дивизии Г. П. Исакова, Н. Д. Козина, М. И. Матвеева нашей армии, 119, 124 и 127-я стрелковые дивизии 5-й танковой армии.

22 ноября, пройдя с боями более 20 километров, части полковника Исакова разрезали вражескую группировку на две части. Одна из них в районе хутора Головского к исходу 22 ноября была разгромлена и пленена. По-иному сложилась обстановка у станицы Распопинской. Противник здесь оказал упорное сопротивление. Бои грозили принять затяжной характер. Нас это никак не устраивало. Противнику нельзя было давать передышку. С Распопинской группировкой следовало кончать как можно скорее. И я решил двинуть против нее свой резерв — 333-ю дивизию. Однако румынские войска продолжали оказывать сопротивление.

С этой неутешительной вестью прибыл на мой КП командир 63-й стрелковой дивизии полковник Козин как раз в тот момент, когда я докладывал сложившуюся обстановку А. М. Василевскому.

Выслушав меня, затем Н. Д. Козина, Александр Михайлович спросил:

— Больше у вас никаких резервов нет?

— Резервов больше нет, — ответил я. — Снять части из-под Калача невозможно. Там обстановка тоже не из легких.

Вызвав по телефону командующих 5-й танковой и 65-й армий, Василевский стал выяснять, нет ли у них резервов. Но и они ничем помочь не могли. Уже садясь в машину, Василевский сказал:

— Иван Михайлович, резервов нет и все же необходимо принять все меры для ликвидации распопинской группировки в самое ближайшее время.

Проводив Александра Михайловича, мы с полковником Козиным и офицерами штаба стали прикидывать, как нам быть с этим распопинским противником. Сил у нас явно не хватало. Оставалось придумать какую-либо хитрость, обмануть противника.

Кто-то из офицеров штаба предложил двинуть к переднему краю обороны противника колонну автомашин и танков. Эта мысль мне понравилась, и я доложил о ней командующему фронтом, попросив подбросить несколько тракторов.

— Очень хорошо, — одобрил наш замысел Н. Ф. Ватутин. — Тракторы пришлю.

Несколько часов у нас ушло на подробную разработку ложной операции, отдачу соответствующих распоряжений.

С наступлением темноты к переднему краю противника потянулись десятки парных светящихся точек, сопровождаемых гулом моторов. Это двигались машины с зажженными фарами. А поскольку их было маловато, то к каждой машине мы цепляли по нескольку саней с фонарями. Гул танков имитировали тракторы со снятыми глушителями. Кочующие батареи, меняя позиции, не давали покоя противнику короткими огневыми налетами. По радио и телефону отдавались ложные приказы и распоряжения.

И противник клюнул на нашу хитрость. Генерал Стэнеску решил, что мы подтянули крупные механизированные войска. Вскоре полковник Козин мне доложил, что к нему прибыли четыре румынских офицера.

— Стэнеску готов капитулировать, — весело закончил Козин.

— Так и быть, примем капитуляцию, — сказал я Козину.

А дальше все завершилось очень быстро. К Стэнеску направились наши парламентеры во главе с подполковником Е. И. Иткисом, который довольно умело провел завершающее действие нашей операции. В 23.00 23 ноября 1942 года Козин доложил, что акт о капитуляции подписан, румыны складывают оружие.

Так без боя мы вынудили к капитуляции целый корпус противника. В плен сдалось свыше 20 тысяч солдат и офицеров, в том числе командир корпуса генерал Стэнеску, девять полковников и 120 старших офицеров. В наши руки перешло большое количество различного вооружения и военного имущества.

Мне самому хотелось поприсутствовать на встрече с генералом Стэнеску. Однако отвлекли другие более важные дела. Я выехал в Калач, где решался вопрос о соединении танковых корпусов Кравченко и Родина с 4-м механизированным корпусом 51-й армии.

23 ноября в 15 часов части 4-го и 26-го танковых корпусов Юго-Западного фронта вышли к хутору Советскому, где встретились с частями 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. Кольцо окружения вражеских войск, прорвавшихся к Волге, сомкнулось.

Теперь предстояло завершить успешно начатую операцию и разгромить противника в «котле». Задача эта была возложена Ставкой на Донской фронт, в состав которого вошла и наша 21-я армия.

Переход в новый фронт, как обычно, начинается с знакомства с командующим фронтом. С Константином Константиновичем Рокоссовским я встретился в присутствии Николая Николаевича Воронова, который был назначен представителем Ставки при Донском фронте. Я проинформировал командующего фронтом о состоянии армии, К. К. Рокоссовский разъяснил обстановку, поставил задачу армии.

Общая обстановка была довольно напряженной. Немецко-фашистское командование сформировало в районе Котельниково группу генерала Гота в составе двух танковых, четырех пехотных дивизий, остатков двух кавалерийских дивизий румын, дивизионной группы «Панвиц» и отдельного батальона тяжелых танков «тигр». Из района Котельниково эта группировка нанесла удар в общем направлении на Калач. Ценой больших потерь ей удалось продвинуться до 60 километров в расположение наших войск, но дальнейшее ее продвижение было остановлено. Группу Гота и окруженные войска Паулюса разделяло всего 35—40 километров, однако преодолеть это расстояние немецко-фашистские войска не смогли.

Первые успехи группы Гота, очевидно, вселили надежду Паулюсу на успешный прорыв окружения. В районе населенных пунктов Мариновка, Атамановский и Карповка он сосредоточил крупные силы пехоты и танков, надеясь прорваться навстречу Готу. Но вражеские атаки были отбиты. Прорваться из Мариновского выступа Паулюсу не удалось.

Перед фронтом армии к 10 января 1943 года оборонялись части 384, 376-й пехотных дивизий, 29-й и 3-й механизированных немецких дивизий и остатки некоторых румынских дивизий.

Задача 21-й армии заключалась в том, чтобы во взаимодействии с войсками 57-й и 65-й армий расчленить окруженную группировку противника и уничтожить ее по частям. В первую очередь нам предстояло ликвидировать Мариновский выступ.

По решению командующего войсками Донского фронта главный удар наносила 65-я армия генерала Батова из района хутора Вертячего и Сокаревки в общем направлении на Новый Рогачик.

Сосед справа — 57-я армия наступала с юга в направлении на Новый Рогачик навстречу войскам 65-й армии.

Наша 21-я армия наносила вспомогательный удар в общем направлении на Дмитриевку и в дальнейшем на Карповку. Армия имела семь стрелковых дивизий (63, 76, 96,

120, 277, 293, 298-ю) и незначительные средства усиления. В предыдущих боях мы понесли значительные потери, и некоторые соединения насчитывали не более 50 процентов личного состава.

Используя наш успех, К. К. Рокоссовский изменяет направление главного удара и переносит его в полосу нашей армии, одновременно передав нам все средства усиления и две стрелковые дивизии из 65-й армии.

Распоряжение об этом я получил в 13—14 часов 12 января, а в 15—16 часов на мой КП прибыли Н. Н. Воронов, К. К. Рокоссовский, главнокомандующий ВВС А. А. Новиков и командующий артиллерией фронта В. И. Казаков.

Уточнив обстановку, Константин Константинович спросил, когда войска армии в новой группировке будут готовы к наступлению? Вместе с начальником штаба, начальником оперативного отдела и командующим артиллерией армии мы подсчитали, что не раньше 10—11 часов 13 января. Так я и доложил командующему фронтом.

— Вы не кавалерист? — спросил меня Рокоссовский.

— Нет, — говорю, — я природный пехотинец.

— Жаль, что вы не кавалерист, — сказал Рокоссовский. — Если бы вы были кавалеристом, то смогли бы организовать наступление уже сегодня, 12 января, к 17—18 часам.

Сказано это было, может, и не совсем всерьез, но все же видно было, что командующий фронтом не очень доволен моим ответом. Мне тоже хотелось бы скорее начать наступление. Что поделаешь, когда не получается. Я доложил наши расчеты. Просмотрев их, Константин Константинович и Николай Николаевич согласились со мной, помогли разобраться с группировкой противника, наметить построение боевых порядков войск армии.

В первом эшелоне армия имела шесть дивизий, девятнадцать артиллерийских полков, одну танковую бригаду и четыре танковых полка. Во втором эшелоне — три стрелковые дивизии, одну танковую бригаду и танковый полк. Средняя плотность артиллерии и минометов составляла 114 стволов на 1 километр фронта.

В течение 11 и 12 января войска армии вели ожесточенные бои по ликвидации Мариновского выступа и к 13 января ударом с севера и юга ликвидировали этот выступ и вышли на рубеж Ново-Алексеевка, Карповка.

В этих боях отличились все наши соединения. Немало было встреч, которые остались в памяти на всю жизнь. Обо всем не расскажешь, но два эпизода, которые мне особенно запомнились, я хочу привести.

...Подразделения 158-го гвардейского стрелкового полка вышли к северной окраине Карповки. И тут противник открыл по ним сильный пулеметный огонь. Наши стрелки вынуждены были залечь. Создалась довольно опасная обстановка. Наши бойцы пытались обойти вражеский пулемет, но потерпели неудачу. И вот в эту прямо-таки критическую минуту около командира полка майора Пантюхова неизвестно как оказалась группа ребят. Один из них вызвался указать безопасный путь к вражескому пулемету. Со своим юным проводником советские воины пробрались к огневой точке противника и уничтожили ее.

Командир полка решил наградить маленького храбреца медалью «За отвагу», но того и след простыл. Так мы и не узнали, кто он был, этот отважный юный патриот.

...На окраине Карповки еще гремели выстрелы, когда к майору Пантюхову подошел человек с деревяшкой вместо ноги, с орденом Красного Знамени на груди. С собой он привел группу исхудалых, обмотанных окровавленными повязками людей. Приложив руку к шапке, еле сдерживая волнение, орденоносец доложил:

— Товарищ майор! Бывший сержант Александр Ковылин прибыл в ваше распоряжение вместе с двенадцатью красноармейцами.

И Ковылин рассказал о себе. Застигнутый гитлеровцами в Карповке, инвалид Великой Отечественной войны Ковылин не склонил головы перед врагом. Во время оккупации он вместе с другими жителями деревни подбирал раненых советских воинов и, пренебрегая смертельной опасностью, прятал их до прихода наших войск.

После трехдневных боев войска 21-й армии во взаимодействии с 57-й и 65-й армиями разгромили противника в Мариновском выступе и к исходу 13 января вышли к реке Россошке — второму оборонительному рубежу противника.

Выбитые из населенных пунктов и теплых землянок, оказавшись в степи на 26-градусном морозе без воды и продовольствия, немецкие солдаты и офицеры стали покидать свои позиции и сдаваться в плен.

Основные силы 21-й армии продолжали гнать противника к Сталинграду и к 21 января подошли вплотную к внутреннему сталинградскому обводу.

Шли последние дни грандиозной Сталинградской битвы. В ночь на 26 января К. К. Рокоссовский приказал войскам 21-й армии прорваться в район Мамаева кургана и завершить расчленение остатков окруженных немецко-фашистских войск.

На рассвете загремели орудийные залпы. На траншеи противника в районе Мамаева кургана обрушились тысячи снарядов. Вслед за огневым валом устремились вперед танкисты 121-й танковой бригады, стрелки 51 и 52-й гвардейских дивизий. Расчленив группировку противника, они встретились с прославленными воинами 62-й армии.

Это была незабываемая встреча: радостные, возбужденные воины двух армий жали друг другу руки, обнимались. С разных сторон слышались возгласы:

— Привет с Дона!

— Привет с Волги!

Один из танков Т-34, участвовавший в Сталинградской битве, ныне установлен на месте исторической встречи 26 января 1943 года, как свидетель боевой славы воинов и ратного труда советского народа.

Одновременно в районе завода «Красный Октябрь» соединились части 51-й гвардейской стрелковой дивизии 21-й армии с частями 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии.

Так советские войска разрезали немецкую группировку на две части — северную и южную, изолированные одна от другой и окруженные со всех сторон.

В течение последующих четырех дней части 21-й армии вели уличные бои в городе, выбивая противника из развалин зданий и подвалов.

Дни окруженной группировки немцев были сочтены.

Утром 31 января частями 64-й армии были пленены командующий 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршал Паулюс и его штаб. В тот же день на площади имени 9 Января соединились войска 21-й и 64-й армий. Разгром южной группировки противника был завершен.

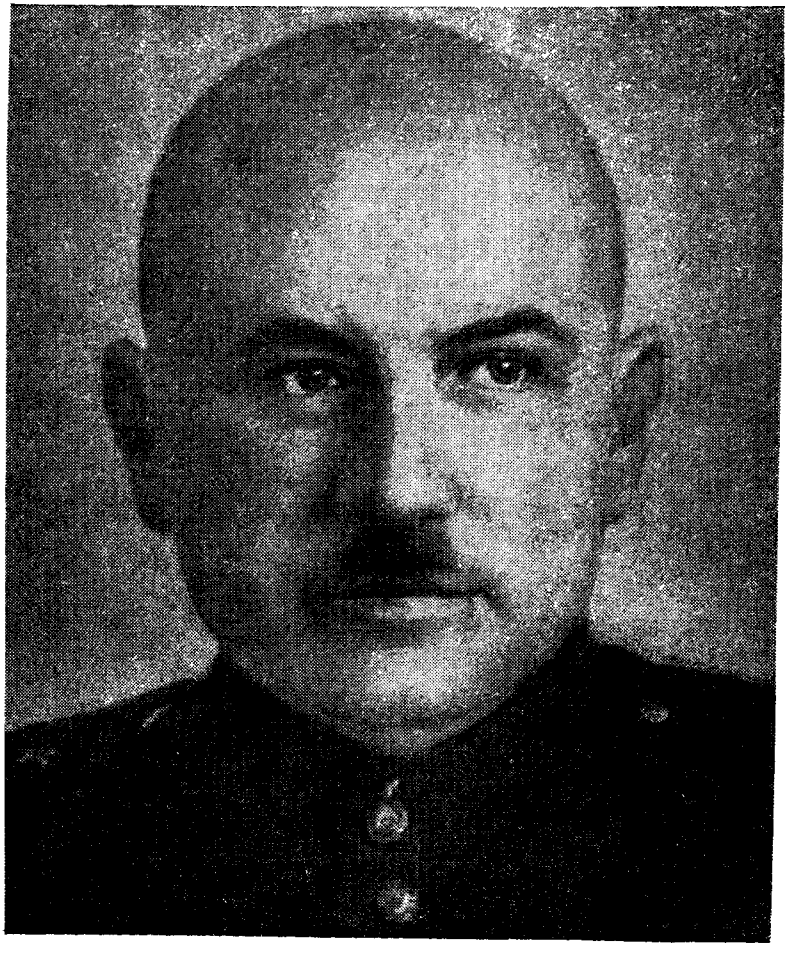
Первого февраля вся артиллерия Донского фронта обрушила свой огонь на остатки вражеской группировки, зажатой в северной части города. Утром 2 февраля последние гитлеровские части 6-й армии сложили оружие.

Сталинградская битва завершилась блестящей победой Красной Армии, всего советского народа.

За мужество, отвагу и массовый героизм, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками, девять соединений нашей 21-й армии стали гвардейскими. А в апреле 1943 года и армия в целом была преобразована в 6-ю гвардейскую армию.

С. А. Красовский,

Герой Советского Союза,
маршал авиации



Побеждают советские соколы

Лето 1942 года. Под Сталинградом идут ожесточенные сражения на земле и в воздухе. Эскадры 4-го воздушного флота противника заполонили небо. Враг бросает в бой сотни самолетов. Он рассчитывает уничтожить нашу авиацию на Сталинградском направлении, подавить волю к сопротивлению защитников волжской твердыни.

Но тщетны усилия врага. Проходят дни, недели, месяцы, гитлеровское командование назначает все новые сроки взятия Сталинграда, а город-герой стоит неприступной крепостью. И уже создаются, сосредоточиваются те силы, которые призваны в соответствии с планом Советского Верховного Главнокомандования разгромить прорвавшиеся к Сталинграду фашистские войска.

В октябре решением Верховного Главнокомандования началось формирование Юго-Западного фронта, в том числе и его военно-воздушных сил.

Командующим войсками нового фронта Ставка назначила генерала Н. Ф. Ватутина, начальником штаба — генерала Г. Д. Стельмаха.

О создании Юго-Западного фронта и новых назначениях я узнал в Москве, куда был вызван из-под Воронежа, где выполнял обязанности командующего 2-й воздушной армии. Летел в столицу и терялся в догадках: зачем в разгар боев я столь срочно понадобился командующему ВВС? Одно было ясно: что-то весьма важное.

С центрального аэродрома я направился прямо в штаб ВВС. Начальник штаба генерал Г. А. Ворожейкин принял меня немедленно, расспросил о делах на фронте, однако и он ничего определенного не сказал. Предложил позвонить в Генеральный штаб А. М. Василевскому.

— Все узнаете у Александра Михайловича,— сказал он.

Я набрал нужный номер и позвонил в Генштаб. Ответил не Василевский, а Ватутин.

Николая Федоровича я хорошо знал. Вместе с ним я уже несколько месяцев воевал на Воронежском фронте. Энергичный и вдумчивый командующий Воронежским фронтом мне был по душе. Он глубоко вникал в авиационные дела, хорошо понимал нас — авиаторов, хотя подчас и приходилось от него слышать не совсем лестные оценки. Но больше всего подкупало в Ватутине его умение владеть собой, его редкая выдержка. Если Николай Федорович и бывал чем-то недоволен, то замечания делал очень тактично, свое мнение высказывал прямо, без обиняков. Он не был особенно щедр на похвалы, зато уж если отзывался о комлибо одобрительно, то можно было быть уверенным, что человек действительно этого заслужил.

Н. Ф. Ватутин имел хорошую оперативную подготовку, солидный опыт службы в больших штабах, обладал всеми качествами крупного военачальника. Под руководством такого командующего работать было легко и интересно.

Встретил меня Николай Федорович приветливо. И сразу в свойственной ему манере начал с главного:

— Севернее Сталинграда создается Юго-Западный фронт. Меня назначили его командующим. Я обратился к товарищу Сталину с просьбой назначить вас командующим военно-воздушными силами будущего фронта. Верховный Главнокомандующий дал свое согласие. Как вы на это смотрите?

— Благодарю, — ответил я.

— Вот и хорошо. Значит, опять будем работать вместе. А работа предстоит большая, и приступать к ней надо немедленно.

Ватутин коротко познакомил меня с обстановкой на Среднем Дону.

— Подробные указания о формировани ВВС фронта получите в штабе ВВС, — сказал он в заключение.

Георгий Алексеевич Ворожейкин уже ждал меня. Он сразу же уточнил сроки прибытия частей, рассказал о том, какую помощь может оказать мне командование ВВС, не преуменьшая трудностей, с которыми мне придется встретиться на новом месте.

— В общем, начинать придется все сначала, — подчеркнул Георгий Алексеевич.

Я попросил его выделить мне в помощь нескольких офицеров из штаба 2-й воздушной, а также разрешить использовать в интересах Юго-Западного фронта уже известные мне части и соединения из той же воздушной армии. Начальник штаба ВВС нашел мою просьбу обоснованной и пообещал немедленно дать соответствующие указания.

На следующий день я прибыл в Новоаннинскую, где начиналось формирование штаба нового фронта и где уже застал своего начальника штаба полковника К. И. Тельнова с несколькими офицерами и машинистками из 2-й воздушной армии. Нам выделили помещение, и штаб 17-й воздушной армии приступил к работе.

На первых порах нам было особенно трудно. Потребовалось сразу решать сотни важных вопросов, связанных с поступлением техники, людей, организацией тыла, связи. Работать приходилось чуть ли не круглые сутки. Забывали и об отдыхе и о еде. Да и негде было поесть. Ни тыловых частей или даже своего военторга у нас не было.

Легче стало, когда из Москвы прилетели генералы Г. А. Ворожейкин и П. К. Руденко, который ведал тылом ВВС. Они оказали нам большую помощь в формировании ВВС Юго-Западного фронта.

Из 16-й воздушной армии к нам поступили 7-й и 23-й районы авиационного базирования. Началось строительство аэродромов. Стали прибывать части 1-го смешанного корпуса генерала В. И. Шевченко, 221-й бомбардировочной дивизии полковника И. Д. Антошкина, 282-й истребительной дивизии полковника А. М. Рязанова. Вслед за ними прибыла 262-я ночная бомбардировочная дивизия Г. И. Белицкого. Перебазировались на Юго-Западный фронт и несколько полков 2-й воздушной армии.

К началу нашего контрнаступления ВВС фронта насчитывали уже 538 самолетов. По тому времени это была внушительная сила.

Мне несколько раз в те дни приходилось бывать во вновь прибывших частях. Молодые летчики горели желанием сразиться с врагом. Командиры полков и дивизий нетерпеливо спрашивали:

— Товарищ командующий, скоро ли начнем боевую работу?

И я разделял их боевой порыв. Враг стоял у Сталинграда. Там с невиданным героизмом сражались наши воины. Мы восхищались их стойкостью и отвагой. Наши сердца были полны ненавистью к подлому врагу и жаждой расплаты за его злодеяния.

В первой половине ноября на нашем фронте действовали в основном истребители. Перед ними стояла задача: не допустить полетов воздушных разведчиков противника над районами сосредоточения наших войск. И они успешно справились с этой задачей.

Надежное истребительное прикрытие сыграло свою положительную роль. Немецко-фашистское командование не

сумело разгадать наши замыслы, выявить крупное сосредоточение наших войск на Дону.

Нашему фронту в предстоящем контрнаступлении предстояло решать одну из основных задач: нанести удар по врагу с севера и стремительным маневром в направлении на Калач завершить совместно со Сталинградским фронтом окружение главной группировки немецко-фашистских войск в районе Сталинграда.

Успех операции во многом зависел от решительных действий 5-й танковой армии, и поэтому основные силы авиации должны были взаимодействовать с танкистами. Смешанный корпус и бомбардировочная дивизия, насчитывавшие в общей сложности более 200 самолетов, выделялись для расчистки танковым корпусам дороги на Калач.

Одновременно пришлось выделить авиационные части для 21-й и 1-й гвардейской армий с тем, чтобы надежно обеспечить фланги ударной группировки.

Перед началом операции представители Ставки А. М. Василевский, Г. К. Жуков, А. А. Новиков, проверяя планирование и готовность войск к операции, не раз собирали командующих фронтами и армиями, с которыми обсуждали возможные варианты наступления. Каждый вариант обязательно проигрывался на картах, на макетах местности. Впервые в столь широких масштабах нам представлялась возможность применить военно-воздушные силы для поддержки сухопутных войск.

В составе трех фронтов к началу контрнаступления имелось 25 авиадивизий, насчитывавших свыше тысячи самолетов. Предполагалось также использовать и соединения авиации дальнего действия.

Наращивание наших сил в воздухе стало возможным благодаря самоотверженной работе тружеников советского тыла. Они с каждым днем давали фронту все больше и больше самолетов, особенно новейших типов — ЯК-7б, ЛА-5, ИЛ-2, и ТУ-2. Это были замечательные машины. Возросла их скорость на средних высотах, улучшилась маневренность, усилилось вооружение, что создало благоприятные условия для ведения воздушного боя.

Вырос резерв летных кадров. Авиаучилища и школы, запасные учебно-тренировочные авиаполки ускоренными темпами готовили пополнение для фронта.

С октября 1942 года вместо двух эскадрилий по 9 самолетов (три звена по три самолета) новые штаты предусматривали в истребительных и штурмовых полках три эскадрильи по 10 машин в каждой. Теперь звено состояло не из трех самолетов, а из двух пар.

Существенные изменения произошли в тактике истребителей. Наши летчики стали драться парами, в расчлененных боевых порядках. Это было продиктовано всем опытом предыдущих боевых действий. Правда, взаимодействие в паре не было еще полностью отработано. Состав пары пока не стал постоянным. Ведомые и ведущие недостаточно четко взаимодействовали между собой и зачастую теряли друг друга в ходе воздушного боя. Схватки шли в основном с применением горизонтального маневра. Истребители плохо боролись за превосходство в высоте и вели огонь с больших дистанций. Преследование противника при уходе его на свою территорию не осуществлялось. На недостатки в практике организации взаимодействия указывал приказ народного комиссара обороны № 325.

Исходя из этого приказа, наши офицеры и генералы-авиаторы упорно искали новые способы боевого применения военно-воздушных сил, разрабатывали эффективные меры организации взаимодействия авиации с танковыми и механизированными соединениями.

В подготовке к активным боевым действиям участвовали все службы, весь личный состав. Большой вклад внесли политработники, партийные и комсомольские организации, воспитавшие авиаторов в духе беззаветной преданности социалистической Родине, верности воинскому долгу, ненависти к врагу. Теплое слово хочется сказать о моем заместителе по политчасти генерале В. Н. Толмачеве. Со знанием дела и большой душевной чуткостью руководил он политическим воспитанием авиаторов.

Накануне операции в авиационных частях состоялись короткие митинги, на которых летчики клялись, не жалея сил, громить фашистских захватчиков. Запомнилось выступление на митинге в 774-м истребительном авиаполку старшего лейтенанта Манойлова.

— Гитлеровская армия как бы своей головой пролезла к Сталинграду, распластав по остальным фронтам свое поганое туловище, — сказал он. — Мы сейчас бьем по голове гитлеровской армии. Наша задача отрубить ее, разбить врага под Сталинградом. И тогда легче его будет добить на остальных фронтах.

Сознание правоты того дела, за которое они сражаются, ясное понимание своих задач удесятеряли силы авиаторов. Они вступали в схватки с численно превосходящими группами самолетов противника и выходили победителями. В первый же день контрнаступления 19 ноября в боях отличились многие летчики Юго-Западного фронта. Среди них был старший лейтенант Манойлов, сумевший в невы-

годных условиях воздушной обстановки уничтожить вражеский самолет Ю-88. С болью в сердце узнал я, что этот молодой способный летчик, сбивший к тому времени 7 вражеских самолетов, 17 декабря не вернулся с боевого задания.

И как всегда в самые трудные дни, советские воины еще теснее хотели связать себя с родной Коммунистической партией. 174 лучших летчика, штурмана, техника нашего фронта были приняты в члены и кандидаты партии.

19 ноября 1942 года в 7 часов 30 минут началось историческое контрнаступление советских войск. После мощного артиллерийского налета пошла в атаку пехота.

Едва забрезжил рассвет, как с аэродрома поднялись и взяли курс на позиции врага мелкие группы наших бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей. Погода оказалась крайне неблагоприятной. Низкие облака, густой снегопад, словно ватой, укрыли поля. Сплошная облачность и снегопад удерживались и на второй день. И, однако, несмотря на сложные метеорологические условия, наши самолеты наносили удары по войскам противника, бомбили и штурмовали его аэродромы. Больше всего уделялось внимания самым крупным аэродромам врага — в Тацинской и Морозовской, на каждом из которых находилось до 300 самолетов.

В первые же дни наши наземные войска добились существенных успехов. 5-я танковая армия, поддержанная авиацией, стремительно продвигалась в район Калача. Хорошо начали наступление и другие наши соединения.

У Белой Калитвы несколько задержался кавалерийский корпус. Комкор доложил о массовом налете вражеской авиации, в котором якобы участвовало не менее тысячи самолетов.

Член Военного совета фронта А. С. Желтов предложил мне выехать на место и принять меры. Я немедленно отправился в Белую Калитву. Действительно, вражеские самолеты действовали здесь довольно активно, и наша кавалерия несла потери. Объяснялось это в первую очередь тем, что кавалеристы не учли тактику авиации противника. Они передвигались только днем, не приняли должных мер маскировки. Вражеская авиация совершала налеты вечером, а ранним утром повторно наносила удары в районе ночлега. В таких условиях прикрыть с воздуха растянувшиеся колонны конницы было очень трудно.

Все попытки врага остановить наше наступление были сломлены. Железное кольцо советских войск сомкнулось в районе Калача. 6-я немецкая армия оказалась в «котле».

В конце ноября погода несколько улучшилась, и наша

авиация получила возможность вести боевые действия с большим размахом. Штурмовики дивизий П. И. Миронепко и А. А. Ложечникова, бомбардировщики И. Д. Антошкина, Г. И. Белицкого и Ф. П. Котляра наносили удары по колоннам вражеских войск на дорогах, громили аэродромы противника, успешно поддерживали войска на поле боя. За несколько последних дней ноября части воздушной армии совершили 1500 самолето-вылетов.

Летчики, штурманы, техники, воины авиационного тыла не жалели сил и самой жизни, чтобы окончательно вырвать у врага победу. В эти дни на нашем фронте широкую известность получило имя летчика-штурмовика Нуркена Абдировича Абдирова, повторившего подвиг Гастелло. Вслед за Абдировым направил свой подбитый самолет на скопление вражеской техники пилот 808-го штурмового авиаполка сержант Андреев.

Солдаты и офицеры сухопутных войск с восхищением отзывались о мужестве и воинском мастерстве наших летчиков. Командующий армией генерал Д. Д. Лелюшенко 4 декабря прислал командиру 1-го смешанного авиакорпуса телеграмму следующего содержания:

«Летчики работали хорошо, а многие отлично. Объявляю благодарность. Лучших представьте к наградам. Лелюшенко».

После того, как завершилось окружение вражеской группировки, Верховное Главнокомандование срочно перебросило большую группу войск на север — вверх по течению Дона. Этот маневр был предпринят для того, чтобы создать мощное внешнее кольцо вокруг окруженной группировки и сковать действия крупных вражеских сил, сосредоточившихся в районах Котельниково и Тормосина. Как показали последующие события, это решение было исключительно правильным и своевременным. Именно из Тормосина и Котельниково фашисты намеревались ударить по нашим войскам и, прорвав кольцо окружения, соединиться с армией Паулюса.

Для руководства намечавшейся операцией Гитлер создал штаб группы «Дон» во главе с генерал-фельдмаршалом Манштейном. Однако уже ничто не могло помочь окруженной в сталинградском «котле» немецкой армии.

Советское командование разгадало планы врага и приняло энергичные контрмеры. Выдвинувшись к Верхне-Чирской, мы не только нависали над тормосинской и котельниковской группировками, но и перерезали путь для подхода новых вражеских войск к Сталинграду. Советская авиация в эти дни успешно осуществляла блокаду окруженных

войск противника с воздуха. Таким образом, и этот последний путь для фашистов был отрезан. Можно себе представить, как выглядел хвастливый Геринг, который обещал Гитлеру организовать «воздушный мост» и доставлять армии Паулюса 300—500 тонн груза ежедневно.

Вообще-то говоря, обещание это было отнюдь не голословным. На аэродромах в районе Тацинской — Морозовской фашисты сосредоточили большое количество транспортных самолетов Ю-52 и бомбардировщиков. Геринг и гитлеровское командование не учли силы нашей авиации.

Как только в конце ноября фашистские транспортные самолеты и бомбардировщики начали полеты в район окружения 6-й немецкой армии, представитель Ставки по авиации, командующий ВВС Красной Армии генерал-лейтенант А. А. Новиков отдал директиву об организации воздушной блокады.

«Уничтожение транспортных самолетов противника считать основной задачей», — говорилось в директиве. Этой крупной воздушной операции был придан планомерный характер. Борьба с транспортными самолетами велась одновременно в четырех зонах.

Прежде всего уничтожалась транспортная авиация противника за внешним фронтом окружения. В этой зоне действовали летчики 17-й воздушной армии, дивизии дальней авиации, а с конца декабря и летчики 8-й воздушной армии генерала Т. Т. Хрюкина. Вначале воздушные разведчики обнаруживали наибольшее скопление транспортных самолетов, а затем на них обрушивали свой удар бомбардировщики и штурмовики. Мы особое внимание уделяли аэродрому в Тацинской — основной базе немецкой транспортной авиации.

Вражеские базы, находившиеся вне досягаемости нашей фронтовой авиации, взяли на себя летчики дальней бомбардировочной авиации. Они наносили удары по аэродромам противника в Ростове, Краматорске, Шахтах и других местах.

Между внешним и внутренним фронтами окружения была вторая зона. Здесь действовали истребители 8-й и 16-й воздушных армий.

Третья зона окаймляла весь район окружения неширокой полосой. Здесь врага сбивали зенитчики.

И, наконец, в четвертой зоне, в районе окружения, немецкие транспортные самолеты уничтожались как на земле, так и в воздухе истребителями, бомбардировщиками и штурмовиками в основном 16-й воздушной армии.

Координацию действий трех воздушных армий и авиа-

ции дальнего действия осуществляли командующий ВВС А. А. Новиков и начальник штаба ВВС Г. А. Ворожейкин. Они почти все время были на фронте и оказывали большую помощь нам, командующим воздушными армиями.

Наша воздушная блокада оказалась весьма эффективной. Враг потерял на аэродромах и в воздухе более 1000 самолетов, из них около 70 процентов транспортных. Несмотря на все потуги генерала Рихтгофена и фельдмаршала Мильха, «воздушный мост» рухнул, и организовать снабжение по воздуху фактически немцам не удалось.

Под ударами наших войск, лишенная необходимых материальных средств, окруженная группировка противника с каждым днем теряла свою боеспособность.

Завершив окружение армии Паулюса, штабы Воронежского и Юго-Западного фронтов под руководством представителей Ставки начали подготовку новой операции.

В конце ноября 1942 года А. М. Василевский, А. А. Новиков, Н. Н. Воронов, Я. Ф. Фалалеев вместе с сопровождавшими их офицерами вылетели на семи самолетах ПО-2 734-го авиаполка с аэродрома Юго-Западного фронта в Бутурлиновку, где размещался штаб Воронежского фронта. Пилотировать самолеты с представителями Ставки на борту мы поручили командиру эскадрильи К. Я. Василевскому, пилотам С. К. Ковязину, В. Д. Рыжкову, В. К. Зайкову, П. А. Ганьшину, М. Р. Баграмову и А. П. Назаркину. Это были подлинные мастера своего дела, отважные воины. Самолеты вылетели, но в намеченное время к месту назначения не прибыли и не совершали посадки на другие аэродромы Воронежского фронта. Нас это очень встревожило. Все могло случиться. В районе посадки погода вконец испортилась. Густой туман плотной, непроницаемой пеленой покрыл землю.

Экипажи могли потерять ориентировку и приземлиться на территории противника. Меня вызвал к себе командующий фронтом Н. Ф. Ватутин. Сухо поздоровался и сказал:

— В Москве очень обеспокоены исчезновением представителей Ставки. Поезжайте сами на аэродром вылета и разберитесь во всем на месте.

На аэродроме меня встретил командир 734-го авиаполка и доложил:

— Погода была нелетная не только на аэродроме вылета, но и по маршруту. Об этом было доложено А. А. Новикову, но он приказал самолеты выпускать.

— Так почему же вы не сумели отстоять свое мнение? Почему разрешили вылет? — накинулся я на него.

Командир полка смущенно молчал.

Хорошо, что вся эта история кончилась более или менее благополучно. Полет был очень тяжелым, самолеты в воздухе обледенели, но опытные, искусные летчики сумели все же посадить плохо управляемые машины в степи, на своей территории. Отсюда А. М. Василевский, А. А. Новиков, Н. Н. Воронов, Я. Ф. Фалалеев, хотя и с опозданием, добрались в Бутурлиновку. Позже в Калаче воронежском в оперативной группе Юго-Западного фронта я встретил А. А. Новикова, и он рассказал мне о летном происшествии:

— Ставка приказала Василевскому и мне провести рекогносцировку района предстоящей наступательной операции на Среднем Дону. Я выделил для полета на фронт один ЛИ-2. Однако к утру 24 ноября погода испортилась, о вылете на ЛИ-2 нечего было и думать. Василевский и Воронов считали вылет обязательным, и я вынужден был вызвать семь экипажей У-2, не будучи даже сам вполне уверенным — долетим ли?

ПО-2, на котором летел Новиков, через 25—30 минут после вылета оказался в сплошном тумане и вскоре обледенел. Неподалеку от аэродрома посадки машина врезалась в провода. Новиков и летчик, к счастью, отделались легкими ушибами.

Еще труднее пришлось Николаю Николаевичу Воронову. «Главный артиллерист» Советской Армии не без юмора потом рассказывал:

— Мотор самолета, на котором я летел, стал вдруг работать с перегрузкой, машину начало встряхивать. Тряска нарастала. Я много летал на разных самолетах, но ничего подобного никогда не испытывал. Вскоре по углу планирования самолета стало понятно, что мы идем на посадку. Сквозь туман показалась земля. Кругом степь, покрытая небольшим слоем снега, никаких признаков аэродрома не видно. Сильно качающийся и трясущийся самолет коснулся земли, немного пробежал и остановился. Тут только я обратил внимание, что крылья, стойки между ними и растяжки покрылись толстые слоем льда. Летчик вручил мне гаечный ключ, и мы вдвоем начали скалывать лед с самолета. Потом летчик занялся мотором, а я взялся подготовить «аэродром» для взлета: прошел вперед и проложил «взлетную полосу», проверяя, нет ли на пути ям или других препятствий. Мы снова сели в кабины, мотор затарахтел, самолет поднялся и опять погрузился в белый, как молоко, туман. Вскоре его стало трясти пуще прежнего. Сквозь туман показалась земля, последовал не очень сильный удар, и еще через минуту самолет остановился.

К нам подошел старшина-авиатор и сказал, что такой же У-2 только что врезался в провода и разбился, но тут же добавил: генерал и летчик отделались ушибами, чувствуют себя нормально и уже выпили по сто граммов, чтобы согреться. А чуть спустя я обнимался с Александром Александровичем Новиковым, которого застал за скромной трапезой...

Вспоминал неудачный перелет и Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих ответах на вопросы редакции «Военно-исторического журнала», опубликованных в январе 1966 г. С большой теплотой отозвался он о наших летчиках, выполнявших это рискованное задание. Вину за случившееся Александр Михайлович великодушно взял на себя. Безусловно, ему, как непосредственному участнику событий, виднее. Он может полнее учесть все обстоятельства, при которых готовился и выполнялся этот полет. Но у меня относительно подобных случаев давно уже сложилось свое мнение. Авиационные командиры должны знать свойства и возможности своей техники, условия воздушной обстановки лучше, чем представители других видов Вооруженных Сил. И именно они в первую очередь обязаны брать на себя ответственность за решение вопроса о возможности выполнения полета в критических условиях.

В начале декабря подготовка операции «Сатурн» шла полным ходом. Ударная группировка войск Юго-Западного фронта сосредоточивалась на плацдарме за Доном, в районе Верхний Мамон. Сюда прибывали все новые и новые соединения. К фронту шли танки, тяжелая артиллерия. Получала пополнение и наша 17-я воздушная армия. К нам прибывал 3-й смешанный авиакорпус под командованием генерала В. И. Аладинского. Воины авиационного тыла под руководством генерала Ступина создавали аэродромы на правом крыле фронта. Чувствовалось, что предстоит наступление большого размаха.

Как известно, Ставка предусматривала силами Воронежского и Юго-Западного фронтов вначале разгромить 8-ю итальянскую армию в районе Кантемировки, Миллерово, а затем нанести удар на Ростов. Однако в ходе подготовки операции этот замысел был несколько изменен. В связи с тем, что противник начал сосредоточиваться в районах Тормосина и Котельниково, Ставка решила в первую очередь ударить во фланг и тыл войскам Манштейна, окончательно сорвав попытку немецко-фашистского командования деблокировать окруженную группировку, и танковые корпуса Юго-Западного фронта нацелила на Тацинскую и Морозовск. Мы же обязаны были удерживать гос-

подство в воздухе, содействовать наземным войскам в прорыве обороны противника и развитии наступления в глубину. Мы хорошо понимали, что от успешного решения этой задачи в значительной степени зависит судьба всей операции, и делали все, чтобы обеспечить высокую эффективность действий авиации в наступлении. Разгромив итальянские и немецкие дивизии на Среднем Дону, наш Юго-Западный фронт тем самым оказал бы существенную помощь и в быстрейшей ликвидации окруженной под Сталинградом группировки противника.

В период подготовки к наступлению я много раз встречался с командиром 24-го танкового корпуса Василием Михайловичем Бадановым. И мы очень хорошо сработались. Небольшого роста, в простом овчинном полушубке и огромной папахе, он напоминал командира времен гражданской войны. В прошлом учитель, Баданов был прост в обращении и как-то особенно человечен. Но за внешней его простотой таился глубокий ум, твердая воля крупного военачальника.

Корпус имел особую задачу: после ввода в прорыв выйти на аэродром Тацинская — главную авиационную базу немцев, с которой производилось обеспечение армии Паулюса.

Уточняя с нами порядок совместных действий, Василий Михайлович особенно настаивал на том, чтобы его корпус поддерживало побольше авиационных сил. Он говорил:

— Артиллерии я с собой много взять не могу. Она обязательно застрянет в снегу и отстанет от танков. Мне бы побольше автоматчиков, да еще бы хорошую помощь с воздуха.

Мы обещали командиру корпуса оказать максимально возможную поддержку силами авиации. И не нарушили данного слова. В ходе операции заявки Баданова удовлетворялись в первую очередь.

Войска Воронежского и Юго-Западного фронтов сосредоточили свои основные силы для наступления на небольшом плацдарме на западном берегу Дона. Их нужно было надежно прикрыть от воздействия авиации противника, однако ожидавшаяся 207-я истребительная дивизия полковника А. П. Осадчего к началу операции не прибыла. Создалось довольно трудное положение. Перейдя в наступление, наши войска встретили сильное огневое сопротивление, и в первый день прорыв не состоялся.

Вечером мы возвращались с плацдарма, где было сосредоточено очень много войск и боевоей техники. «Если авиация противника начнет бомбить войска завтра утром, то

они понесут большие потери,— с тревогой думал я.— Ведь прикрыть их нечем. Нет истребителей». На войне, как известно, не без риска, и мы решили попробовать прикрыть войска самолетами-штурмовиками ИЛ-2. В данной обстановке это был единственный выход. Свое предложение доложили представителю Ставки Н. Н. Воронову. Он в свою очередь сообщил о нем Сталину и получил разрешение.

Командиру штурмовой дивизии полковнику П. И. Мироненко были даны конкретные указания, как прикрывать войска и действовать при появлении бомбардировщиков врага.

Прикрытие организовали в три яруса, эшелонируя «ИЛы» на разных высотах. Как только появлялись фашистские самолеты, наши штурмовики открывали заградительный огонь из 37-миллиметровых пушек одновременно, всем звеном. Противник этого никак не ожидал, сбрасывал бомбы, не дойдя до цели. В своих докладах по радио, которые нам удалось перехватить, немецкие летчики сообщали о том, что появились новые советские истребители с мощным вооружен[illegible].

О действиях штурмовиков в качестве истребителей можно судить хотя бы по такому эпизоду.

По вызову с КП прикрывать плацдарм вылетела группа штурмовиков под командованием младшего лейтенанта Дьяконова. Когда «ИЛы» были уже над линией фронта, ведущий заметил несколько эшелонов бомбардировщиков «юнкерс-87».

Прямо с ходу Дьяконов и его ведомый младший лейтенант Гарин устремились навстречу ведущему звену первой девятки бомбардировщиков. Младшие лейтенанты Юхвин и Чекмарев завязали бой с ведущим звеном второй группы «юнкерсов». Первым поджег фашистский самолет Дьяконов. Уже выходя из атаки, Гарин заметил, как в 100—150 метрах от него разворачивается второй «юнкерс». Гарин повернул свою машину влево. Немец оказался сзади «ИЛа». Этим воспользовался воздушный стрелок старший сержант Титов и дал по врагу длинную очередь. «Юнкерс» накренился, плоскости охватило пламя, и фашист врезался в землю. Третьего «юнкерса» сбили Юхвин и Чекмарев.

Успешное прикрытие с воздуха во многом содействовало продвижению танкового корпуса Баданова. Ночью он вышел к Тацинской и атаковал аэродром, на котором стояло более двухсот самолетов. Немцы, как рассказывал мне Баданов, спокойно себе почивали, как вдруг в темноте раздался грохот танков, загремели пушечные залпы, стали рваться снаряды, затрещали пулеметы, автоматы.

Фашистских летчиков охватила паника, они выскакивали из домов и землянок в нижнем белье и бежали куда попало. Некоторые, правда, пытались организовать оборону, подавали команды, кричали, стреляли в бегущих. Но тщетно. Танки надвигались бронированной лавиной и сокрушали все вокруг. Помня наши советы, танкисты вели машины по границе аэродрома, где стояли в ряд замаскированные самолеты, и давили хвосты «юнкерсам», «хейнкелям», «мессершмиттам». Из пулеметов били по моторам.

О прорыве к Тацинской Баданов сообщил по радио. Потом связь прекратилась.

Мы послали к Баданову бомбардировщик ПО-2 для связи. Однако он не вернулся. Тогда отправили вечером ПО-2, но он тоже пропал. Как стало известно, оба они попали под огонь противника и были повреждены. Экипажи же присоединились к танкистам. Так и не удалось связаться с Бадановым.

Разгромив вражеский аэродром, танковый корпус по приказу командования оставил Тацинскую и ушел на север. А на рассвете фашисты открыли огонь по аэродрому и «дружной» атакой ворвались на летное поле, где дымились одни останки их самолетов.

В одном из своих писем Манштейн впоследствии писал: «Гитлер приказывал обеспечить всем необходимым окруженную армию Паулюса, а обеспечивать было нечем, так как аэродромы Морозовская и Тацинская подверглись жесточайшему разгрому, в результате которого материальная часть и горючее были уничтожены, а личный состав наполовину перебит, другая же половина разбежалась неизвестно куда».

Успешное наступление наших войск на Среднем Дону повлекло за собой крайне неприятные для противника последствия. 8-я итальянская армия практически перестала существовать. Немецко-фашистские дивизии, направлявшиеся к Тормосину, для того чтобы нанести удар по Сталинграду с запада, втянулись в бои под Миллерово, Тацинской, Морозовском. При этом они были разгромлены до такой степени, что гитлеровскому командованию не приходилось и думать об их использовании для помощи Паулюсу.

Гром советских орудий и разрывы наших бомб на Дону донеслись и до Котельниково, где группа Гота с 12 декабря предпринимала отчаянные попытки пробиться к окруженным войскам. 23 декабря Манштейн был вынужден вывести из боя на реке Мышкова наиболее боеспособное соединение Гота — 6-ю танковую дивизию и перебросить ее к Тацин-

ской. Об этих боях немецкий генерал Г. Дёрр так рассказывает в своей книге «Поход на Сталинград»:

«Деблокирующее наступление армейской группы Гота таким образом было прервано еще до того, как она смогла подойти к окруженной 6-й армии на такое расстояние, чтобы обеспечить соединение обеих армий. Это роковое решение было принято в связи с прорывом русских на среднем течении Дона».

В декабрьском наступлении летчики Юго-Западного фронта оказали сухопутным войскам неоценимую помощь. Взаимодействуя с танкистами и пехотинцами, они уничтожали немецко-фашистские войска на поле боя, громили подходящие резервы противника, уничтожали фашистские самолеты в воздухе и на земле. Более 4 тысяч самолето-вылетов было совершено нашими авиационными частями в те дни. Активные действия военно-воздушных сил были одним из существенных факторов, обеспечивших успех среднедонской операции, явившейся важным этапом на пути к окончательному разгрому немецко-фашистских войск в битве на Волге.

Оценивая значение наступления советских войск на Среднем Дону, вот что пишет английский журналист А. Верт:

«Быстро продвинувшись в район среднего течения Дона и далее на Запад—на этот раз при значительной поддержке с воздуха (за первые несколько дней наступления советские самолеты совершили 4 тысячи боевых вылетов), — они разгромили остатки 3-й румынской армии, 8-й итальянской армии и вышибли с занимаемых позиций тормосинскую ударную группу немецких войск, которая намеревалась осуществить прорыв к Сталинграду одновременно с наступлением котельниковской группы»*.

Среднедонская операция во всех отношениях оказалась не из легких. Перед нами был все еще грозный противник. Зимняя погода с низкой облачностью и частыми туманами затрудняла выполнение боевых задач. К тому же многие авиаполки находились тогда в стесненных условиях базирования.

И, несмотря на все трудности, советские летчики совершали по 2—3 вылета в короткие декабрьские дни. Они метко разили врага.

Однажды я вместе с несколькими офицерами ехал на машине к командующему 1-й гвардейской армией генералу В. И. Кузнецову. Неподалеку от Миллерово мы увидели

---

* Россия в войне 1941—1945 гг. М., 1967, стр. 363—364.

впечатляющую картину. Это было огромное кладбище вражеской боевой техники. На заснеженных полях всюду чернели остовы подбитых танков, бронемашин. На узенькой полузанесенной дороге недвижно стояла огромная автоколонна. Во многих кузовах застыли, как на остановившемся кинокадре, аккуратные ряды солдат: они были убиты и замерзли в машинах. Смерть, которую фашисты несли на нашу землю, косила их самих. И это было справедливое возмездие.

36 тысяч самолето-вылетов совершили наши летчики трех воздушных армий за время контрнаступления. Прошли времена, когда в небе, опаленном дымом пожарищ, ноющий, прерывистый гул «юнкерсов» заглушал рокот наших самолетов. Прошли безвозвратно!

Фашистская авиация понесла невосполнимые потери. Вот что пишет по этому поводу бывший офицер генерального штаба немецких ВВС Греффрат:

«Немецкие ВВС понесли во время действий под Сталинградом большие потери. За период с 19 ноября по 31 декабря 1942 г. немцы лишились около 3000 самолетов. В это число входят не только сбитые самолеты, но и захваченные русскими на аэродромах. Было потеряно огромное количество боеприпасов, а также много техники и прочего имущества»*.

В результате длительной и ожесточенной борьбы с немецко-фашистской авиацией советские Военно-Воздушные Силы завоевали господство в воздухе. Этим было положено начало завоеванию стратегического господства в воздухе на всем советско-германском фронте.

Силы фашистских войск, находившихся в «котле», таяли. Наши войска в январе начали решительный штурм окруженной группировки. 2 февраля 1943 г. бои в районе Сталинграда закончились. Советская Армия одержала блестящую победу, завершив разгром 300-тысячной окруженной армии.

Победа советской авиации в битве на Волге — результат неуклонного роста советской экономики, авиационной промышленности и самоотверженного труда наших трудящихся в тылу.

Наш успех явился результатом высокого морального духа личного состава авиации, массового героизма. Воспитанные Коммунистической партией, советские летчики, штурманы, техники, мотористы, оружейники показали свою

---

* Мировая война 1939—1945 гг. Сборник статей. Издательство иностранной литературы. М., 1957, стр. 481.

беспредельную преданность Коммунистической партии, Советскому правительству и нашему народу.

За участие в битве на Волге почетное звание гвардейских впервые за время Великой Отечественной войны было присвоено девяти авиационным дивизиям. В боях на Волге и Дону родилась слава советских летчиков И. С. Полбина, В. Д. Лавриненкова, А. В. Алелюхина, Аметхана Султана, С. Д. Пруткова, Л. И. Беда, П. Я. Головачева, В. С. Ефремова, А. К. Рязанова, Г. И. Белецкого, И. Д. Антошкина и многих других.

Память о замечательных боевых делах советских летчиков в битве на Волге будет жить вечно.

П. П. Полубояров,

Герой Советского Союза,
маршал бронетанковых войск

Стальная гвардия

В годы Великой Отечественной войны я командовал 17-м танковым корпусом. Сформирован он был в июне 1942 года на земле Сталинграда, участвовал в боях за Воронеж. В декабре, когда гитлеровское командование решило деблокировать окруженную группировку Паулюса, корпус был переброшен снова под Сталинград, на южный берег Дона, и занял исходные позиции для наступления западнее Осетровки.

Упорно и настойчиво готовился личный состав корпуса к предстоящим сражениям. Вся наша работа строилась на основе глубокого изучения опыта боев танковых войск зимой 1941/42 г. Исходя из этого, мы применили ряд новшеств. Ранее танки для заправки горючим и пополнения боеприпасами отводились с фронта в тыл. Мы решили подавать боеприпасы к танкам и заправлять машины горючим на месте. Машины были оборудованы прицепами на полозьях для перевозки дополнительного количества подвижных запасов. Это позволило иметь к началу боя до трех комплектов боеприпасов и до трех заправок горюче-смазочных материалов.

В результате корпус получил возможность успешно вести самостоятельные боевые действия при значительном отрыве от стрелковых дивизий и продолжительностью до двух-трех и более суток. 76-миллиметровые танковые пушки и шрапнельные снаряды с дистанционными трубками приспособили для стрельбы по зенитным целям. Это помогло нам вести борьбу с авиацией противника своими силами. Все танки оборудовали специальными сиренами. Особое внимание уделили подготовке к ночным действиям.

К 15 декабря все подготовительные работы были завершены. В тот же день был проведен митинг. Прошел он с большим подъемом. Офицеры и рядовые, коммунисты и беспартийные дали клятву верности Родине драться по-ста-

линградски, не зная устали, не зная страха, громить фашистских оккупантов.

...Утро 16 декабря 1942 года. Мощная артиллерийская канонада сотрясла воздух и возвестила о начале боевых действий наших войск по плану «Малый Сатурн» — так называлась эта наступательная операция.

Густой туман мешал артиллеристам вести наблюдения и корректировать огонь. Хотя артподготовка и длилась полтора часа, часть огневых средств противника, в том числе и значительная часть его артиллерии, не были подавлены. Авиационная подготовка, ввиду неблагоприятных метеорологических условий, не проводилась.

Глубокий снег затруднял движение пехоты, артиллерии, танков. Итало-немецкие войска оказывали ожесточенное сопротивление нашим наступавшим частям, контратаковали их дивизионными резервами. Только к полудню стрелковым дивизиям первого эшелона удалось прорвать первую полосу обороны противника. Здесь враг усилил сопротивление и обрушил сильный огонь на боевые порядки нашей пехоты.

Сложившаяся обстановка потребовала преждевременного ввода в бой танков совместно с пехотой 15-го стрелкового корпуса с целью завершения прорыва тактической обороны противника.

В 13 часов был введен в бой первый эшелон корпуса — 67-я и 174-я танковые, затем и 31-я мотострелковая бригады. 66-я бригада оставалась в резерве. В 1-й гвардейской армии также были введены в бой 18-й и 25-й танковые корпуса генералов Б. С. Бахарова и П. П. Павлова. 24-й корпус генерала В. М. Баданова вводился в прорыв 19 декабря. Таким образом, почти одновременно на врага была обрушена мощь четырех танковых корпусов.

Осетровская излучина Дона! Какую выдержку, беспримерное мужество и умение воевать в тяжелых зимних условиях проявили здесь наши танкисты. Сплошные минные поля преграждали путь танкам, глубокие овраги, занесенные снегом, ограничивали их маневр. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, его артиллерия вела огонь по боевым порядкам корпуса. Но и в этих условиях танкисты успешно решали возложенные на них задачи.

К утру 17 декабря в минных полях были проделаны проходы, и части корпуса возобновили наступление. Противник, опираясь на заранее подготовленный рубеж Ивановка—Цапково—Дубовиковка, предпринимал отчаянные попытки задержать продвижение наших войск. С этой це-

лью он подтянул свои резервы, в том числе танки и артиллерию. Но и это не спасло его от разгрома.

Танкисты 67-й танковой бригады полковника Н. И. Голяса первыми атаковали фашистов на северной окраине Дубовиковки, но овладеть с ходу этим сильно укрепленным населенным пунктом не смогли. Вскоре сюда подошла 174-я танковая бригада. Командир бригады подполковник В. И. Шибанков решил не ввязываться в затяжные бои за Дубовиковку, обойти ее и продолжать наступление в направлении Талы — Кантемировка. Этот маневр решил участь противника, оборонявшегося в Дубовиковке. Опасаясь окружения, он начал поспешно отходить.

В ожесточенных двухдневных боях части корпуса совместно с пехотой и артиллерией завершили прорыв вражеской обороны и, пройдя с боями более 25 километров, вышли на южный берег реки Богучарки. Противник стал поспешно отходить на Кантемировку. Я отдал приказ на преследование. И вновь пошли огненные километры...

Утром 18 декабря в результате ожесточенного боя наши части ворвались в Писаревку. В тот же день к 18 часам подразделения 67-й танковой и 31-й мотострелковой бригад блокировали мощный узел сопротивления врага — Талы, обороняемый крупным гарнизоном пехоты с тридцатью танками и артиллерией. Главные силы корпуса обошли Талы с востока и продолжали преследовать разгромленные немецко-итальянские части в направлении Рудаевка, Зайцевка, Кантемировка. В это время 18, 24 и 25-й танковые корпуса, действовавшие в полосе 1-й гвардейской армии, устремились к населенным пунктам Миллерово, Тацинская, Морозовская. Танковый клин все глубже врезался в расположение вражеских войск.

В городе Кантемировке находилась важная база снабжения немецко-итальянских войск. Через нее проходила железная дорога на Воронеж, Ворошиловград, Ростов-на-Дону. Немцы стремились во что бы то ни стало удержать Кантемировку в своих руках.

Удар по Кантемировке наносился с ходу, по ее юго-восточной и юго-западной окраинам — самым уязвимым местам в обороне противника. Местность здесь была труднодоступной, и немецкое командование не ожидало, что советские танки могут появиться именно с юга. Для достижения внезапности все части корпуса действовали вне дорог. На подступах к городу я ввел в бой из второго эшелона 66-ю танковую бригаду подполковника Ф. И. Лихачева, рассчитывая ударом всех сил корпуса сломить сопротивление врага и штурмом овладеть Кантемировкой.

Стремясь к намеченной цели, главные силы корпуса утром 19 декабря освободили населенные пункты Рудаевку и Зайцевку. В то же время наши передовые части, пройдя десятки километров по бездорожью, искусно маневрируя и обходя сильно укрепленные населенные пункты, вышли на подступы к Кантемировке. 66-я танковая бригада неожиданным ударом сбила противника с прилегающих к городу высот и вышла на его восточную окраину. Одновременно 174-я танковая бригада подошла к городу с юга.

В числе первых в Кантемировку ворвался танк лейтенанта А. А. Орлова из 66-й бригады с десантом на броне. В неравном бою с немцами танк был подбит. Но мужественные танкисты продолжали огнем разить врага. Когда же кончились боеприпасы, они вышли из танка, окопались и стали уничтожать гитлеровцев из автоматов. Этот бой отважных танкистов наблюдал житель города Иван Семенович Романенко. Рискуя жизнью, он бережно перенес раненых воинов в дом Анны Афанасьевны Очаренко, которая и оказала им первую помощь.

Дерзкий маневр танкистов, начавших штурм вражеских позиций, ошеломил немцев. Вначале они не смогли оказать даже сколько-нибудь серьезного сопротивления. Но по мере продвижения наших частей к центру города они собрались с силами и дрались с яростью обреченных. Бои приняли ожесточенный характер. Немцы стянули в город все свои силы, их контратаки следовали одна за другой. К вечеру сюда подошли части наших 67-й танковой и 31-й мотострелковой бригад. Ни немцы, ни итальянцы не выдержали натиска наших танкистов. К 2 часам 20 декабря город Кантемировка был полностью освобожден от немецко-итальянских захватчиков. Жители города со слезами радости встречали наших воинов.

При взятии города частями корпуса было уничтожено: 61 танк, 2054 автомашины, более 1000 немецких и итальянских солдат и офицеров, взято в плен 1500 человек, захвачено много трофеев — самолетов, танков, орудий на железнодорожных платформах, складов с продовольствием и оружием. Нами была освобождена большая группа пленных красноармейцев, из которых составился полк численностью в 600 человек.

Выходом в Кантемировку наш корпус обеспечил успешное наступление 6-й армии, прикрыл правый фланг 1-й гвардейской армии и действовавшие в ее полосе танковые корпуса от контрударов немцев с запада и юго-запада. Танкисты перерезали железнодорожную магистраль Россошь—Миллерово и открыли путь нашим войскам в Донбасс.

Личный состав корпуса в этом бою проявил исключительную выдержку, мужество и боевое мастерство. Немцы не ожидали, что в их глубоком тылу могут так внезапно появиться советские танки. Вражеские самолеты, возвращавшиеся из-под Сталинграда, принимали наши колонны за свои отходящие войска. Наводчик зенитного орудия Петр Зубанов воспользовался этим и сбил два самолета «Ю-52». Над Кантемировкой он еще сбил «мессершмитт», а во время контратаки гитлеровцев Зубанов огнем своей пушки метко расстреливал пехоту и технику врага.

С выходом 66-й танковой бригады на окраину Кантемировки начальник штаба бригады подполковник Н. Г. Душак заметил стоящий на станции железнодорожный состав с танками, готовый к отправлению. Храбрый офицер решил задержать эшелон на станции. На танке он стремительно вышел наперерез набиравшему скорость поезду и первым снарядом разбил паровоз. Так в наши руки попало 38 вражеских танков. В дальнейшем, с февраля 1943 года, полковник Н. Г. Душак командовал 12-й гвардейской танковой бригадой (бывшей 66-й). За мужество и героизм, проявленные им в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Вспоминается и такой эпизод. В ходе боя за Кантемировку наша оперативная группа оказалась отрезанной от своих частей в районе вокзала. Немцы бросились на нас со всех сторон. Наши воины храбро отражали их натиск. Однако силы были неравны, вражеское кольцо все больше сжималось. В этот критический момент офицеру оперативного отдела подполковнику В. А. Меримскому удалось вырваться из окружения и сообщить командиру 31-й мотострелковой бригады о создавшемся положении. М. П. Леонов с подразделением автоматчиков под прикрытием огня артбатарей, завязал ожесточенный бой с наседавшими на нас немцами, прорвался через их кольцо в момент, когда силы наши уже иссякли.

Очистив Кантемировку от остатков разбитых немецко-итальянских войск, части корпуса с 20 декабря закреплялись на ее окраинах и приводили себя в порядок. В это время директивой Ставки 17-й танковый корпус был переподчинен командующему войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н. Ф. Ватутину. 21 декабря наш корпус вышел в Новую Марковку и получил новую задачу — овладеть населенным пунктом Волошино. В ночь на 22 декабря мною был выслан передовой отряд в составе усиленной 66-й танковой бригады. В это время противник под ударами наших войск начал отходить на всем фронте

в западном и юго-западном направлениях. Нашему и 18-му танковым корпусам генерал Ватутин приказал захватить Миллерово. Выполняя поставленную задачу, наш передовой отряд одним ночным маршем с боями прошел по тылам противника 100 километров и овладел Волошино, куда 23 декабря подошли и главные силы. В Волошино мы захватили банк с большой суммой советских и немецких денежных знаков, до 100 автомашин, много тракторов, склад с зерном и много других трофеев.

К исходу 24 декабря корпус блокировал Миллерово с запада во взаимодействии с подошедшим сюда с востока 18-м танковым корпусом. При этом нами были перерезаны важнейшие железные дороги Ворошиловград—Миллерово и Ростов—Миллерово. С 25 декабря мы вели бой за Миллерово, важный город и узел железных дорог.

Гитлеровское командование, стремясь остановить продвижение советских войск, предприняло контрудар силами 19-й танковой дивизии в направлении Беловодска, Стрельцовки, Чертково, Михайло-Александровского. Корпус получил задачу во взаимодействии с соединениями 6-й и 1-й гвардейских армий уничтожить 19-ю дивизию немцев в районе Стрельцовки, и временно был переподчинен командующему 1-й гвардейской армией генерал-лейтенанту В. И. Кузнецову. Одновременно нам вменялось в обязанность: содействовать 1-й гвардейской армии в разгроме чертковской группировки противника. Обе эти задачи наш корпус выполнил с честью. В районах Волошино, Верхней Тарасовки, Стрельцовки мы впервые в ходе войны провели операцию совместно с партизанским полком, сформированным из пришедших к нам разрозненных партизанских групп. Он оказал нам неоценимую помощь, особенно в ведении разведки, что было весьма важно при действии в оперативной глубине.

В разгаре боев по уничтожению частей 19-й танковой дивизии и чертковской группировки немцев нам стало известно о том, что за проявленную отвагу в боях за Родину, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 2 января 1943 года 17-й танковый корпус преобразован в 4-й гвардейский танковый корпус, а его бригады — 66, 67, 174-я танковые и 31-я мотострелковая — соответственно в 12, 13, 14-ю гвардейские танковые и 3-ю гвардейскую мотострелковую бригады.

Воодушевленные этим сообщением, воины корпуса с новой силой обрушили всю мощь своей техники и оружия на врага. Продолжая победоносное наступление на юг и юго-запад, истребляя немецко-фашистских захватчиков, части

корпуса освободили Новодеркул, Даниловку, Волкодавово, Шульшинку, а 24 января 1943 года после трехдневных ожесточенных боев во взаимодействии с подошедшими стрелковыми соединениями овладели городом Старобельском.

29 января корпусу было присвоено наименование «Кантемировский». В связи с этим мы получили массу поздравительных телеграмм, в том числе и телеграмму Военного совета бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, в которой говорилось:

«Командиру 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса генерал-майору танковых войск Полубоярову П. П.

Военный совет бронетанковых и механизированных войск Красной Армии горячо поздравляет вас и весь личный состав корпуса с присвоением приказом НКО вашему корпусу, как особо отличившемуся в боях за Отечество против немецких захватчиков, наименования гвардейского Кантемировского танкового корпуса. Это наименование «Кантемировский» отражает славные боевые дела корпуса, героическую, мужественную борьбу и разгром немецко-фашистских полчищ на том рубеже нашей советской земли, название которого перешло на боевое знамя вашего корпуса. Уверены, что в дальнейших боях с врагом нашей Родины это славное наименование «Кантемировский», присвоенное вашему корпусу, вы будете нести как грозный боевой символ, перед которым будут трепетать в страхе оккупанты, пробравшиеся на советскую землю, и которых вы так беспощадно будете громить и истреблять, как истребляли их до сих пор.

Слава бойцам, командирам и политработникам 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса!»

4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус с честью выполнил поставленную задачу и вместе с соединениями других родов войск обеспечил успешные боевые действия ударной группировки Юго-Западного фронта. В результате проведенной операции на Среднем Дону войска фронта в течение 16—30 декабря 1942 года продвинулись на 150—200 километров, разгромив главные силы 8-й итальянской, остатки 3-й румынской армий и несколько немецких дивизий. Одновременно войска Сталинградского фронта разгромили группу армий «Дон». Попытка германского командования выручить окруженные войска Паулюса потерпела полный крах.

К. Ф. Телегин,

генерал-лейтенант

В дни великой битвы

Утром четвертого декабря 1942 года меня срочно вызвал к себе начальник Главного Политического Управления А. С. Щербаков. К таким вызовам я привык. Их было немало. Время военное, тревожное, и срочных дел хватало. Я готов был к докладу о делах в Московском военном округе, Московской зоне обороны и вовсе не думал, что этот визит станет новым этапом в моей жизни.

А он уже начался с самого, казалось бы, обычного вопроса:

— Как здоровье, Константин Федорович, самочувствие?

— Ничего, все нормально, чувствую себя в расцвете сил, полон энергии,— несколько в шутливом тоне ответил я, еще теряясь в догадках: чего это Александр Сергеевич заинтересовался моим здоровьем?

— Очень хорошо,— живо отозвался Щербаков.— Будем считать, что первый этап нашей тяжелой борьбы пройден, Москву отстояли, лихое время пережили. С возложенными задачами Военный совет справился неплохо. Сейчас Москва стала уже тылом фронта, правда, еще не далеким, но все же тылом. Сейчас есть другие, более важные задачи.

За полтора года совместной работы в Военном совете МВО и МЗО, в бюро Московского комитета партии я хорошо изучил Александра Сергеевича и сразу понял, что весь этот разговор не просто «разведка» настроения и самочувствия, что, видимо, уже принято какое-то решение, касающееся меня лично, и ждал, когда Щербаков скажет, зачем он меня вызывал. И он сказал:

— Не надоело ли вам, Константин Федорович, оставаться в тыловом округе, нет ли желания поехать на фронт?

У меня сразу отлегло от сердца. И я, не раздумывая, ответил:

— Это моя мечта, Александр Сергеевич. Я не ставил до сих пор этого вопроса только потому, что вы уже два раза

напоминали мне о том, что Центральный Комитет лучше знает, где и как использовать нужных ему работников. Сейчас же, если будет оказана мне такая честь, я готов на любой фронт и на любую работу.

— Такого ответа я от вас и ждал, — улыбнулся Щербаков.— Состоялось решение Центрального Комитета партии и ГКО о назначении вас первым членом Военного совета Донского фронта, сражающегося под Сталинградом. Не обижайтесь, что и на этот раз, как было с назначением на МПВО, предварительно с вами не переговорили, не спрашивали согласия. Обстановка там сейчас резко усложняется. Гитлер сосредоточивает южнее Сталинграда войска, чтобы деблокировать окруженную группировку, а допустить это ни в коем случае нельзя. Она должна быть уничтожена и в самый короткий срок. Фронтом командует герой битвы под Москвой К. К. Рокоссовский, но нет первого члена Военного совета. Желтов убыл на Юго-Западный фронт, его временно замещает второй член Военного совета А. И. Кириченко.

Я слушал начальника Главпура и в душе испытывал некоторое смущение. На берегах Волги шла гигантская битва не на жизнь, а на смерть. К этой битве было приковано внимание партии, правительства, всего нашего народа, сюда своей сражающейся армии страна посылала все, что могла дать. И я сказал Александру Сергеевичу:

— Благодарю Центральный Комитет и Государственный Комитет Обороны за высокую честь, оказанную мне, за доверие. Понимаю всю ответственность возлагаемой задачи. Но достаточно ли будет моего боевого опыта, полученного здесь под Москвой, на рубежах Московской зоны обороны? Не лучше ли сперва дать мне возможность поработать на другом, меньшей значимости фронте. Вы знаете, ответственности я не боюсь, и меня беспокоит лишь одно,— смогу ли сразу же дать то, что сегодня требует обстановка под Сталинградом от члена Военного совета.

А. С. Щербаков слушал меня внимательно, но уже по тому, как он постукивал пальцами по столу, я понял, что ему все ясно. Прервав меня, он уже более строгим тоном сказал:

— В Центральном Комитете и Государственном Комитете Обороны этот вопрос обсуждался всесторонне, и из нескольких кандидатур остановились на вас в твердом убеждении, что с задачей справитесь, доверие оправдаете. Ваша деятельность в МВО и Московской зоне обороны дает основание к такому выводу, и давайте разговор на эту тему закончим. Признаюсь, что кандидатуру вашу выдвинул я.

А теперь о главном, о том, что вы должны помнить и днем, и ночью и чем руководствоваться в работе.

Центральный Комитет и Государственный Комитет Обороны категорически требуют от командования Донским и Сталинградским фронтами следующего:

Первое, удержать во что бы то ни стало позиции в городе, выбить из него фашистов.

Второе, прочно запереть окруженную группировку, не позволив ей прорваться на юг или запад.

Третье, в короткий срок уничтожить окруженную группировку, освободить наши войска и важный железнодорожный узел для разгрома всей группы армии «Юг».

И далее продолжал:

— В Генштаб поступили данные, что южнее Сталинграда, в районе Котельниково—Тормосино, противник сосредоточивает крупные силы, в том числе танковые, с целью прорыва к окруженным и возможного вывода их. Верховный Главнокомандующий особо обращает на это внимание командования фронтов, а также принимает ряд срочных мер к срыву этого замысла, о них вы узнаете подробно на месте. Всякая попытка врага к деблокированию должна быть сорвана, и значительную долю ответственности за выполнение этой задачи Верховное Главнокомандование возлагает на Военный совет Донского фронта. Передайте это Рокоссовскому и его штабу.

— Имейте в виду,— указал далее Щербаков,— Гитлер отдал приказ Паулюсу во что бы то ни стало в ближайшие дни полностью овладеть Сталинградом. Удерживающим часть города 62-й и 64-й армиям Сталинградского фронта очень тяжело, бои идут жестокие. Донской фронт должен внимательно следить за ходом этих боев и в дни наибольшего напряжения своими активными действиями оттягивать силы врага, срывать его натиск в городе.

Выезд ваш срочный, не позднее вечера 5 декабря. С собой можете взять, кого считаете нужным. Ну а в конце нашего разговора — сердечно поздравляю со званием генерал-майора. На фронт должны приехать в новой форме. Заедете в экспериментальную мастерскую военторга, туда я дал распоряжение, чтобы к утру 5 декабря вам сшили генеральскую форму. Будут какие-либо трудности — звоните мне. Дела и обязанности по округу и зоне передайте начальнику политуправления бригадному комиссару Миронову. Желаю успехов.

Не без волнения возвращался я в штаб округа. Неожиданность назначения на такой ответственный фронт, сам разговор со Щербаковым, изложенные им требования ЦК

и ГКО к командованию фронта, срочность отъезда—породили в голове рой мыслей, сменявшихся с калейдоскопической быстротой. Наскоро проинформировав командующего и передав дела Миронову, я простился с товарищами, с которыми трудился в грозные дни под Москвой. Особый наказ оставил секретарю Военного совета старшему политруку М. Шалину: строжайше сохранить мои тетради с рабочими записями и различные справочные документы, относящиеся к боевой деятельности войск МВО и МЗО в период битвы за Москву. В этих рабочих записях были отражены события по дням и часам, не записанные в официальных документах, и они могли пригодиться для истории.

С собой взял порученца старшего политрука В. С. Алешина. С ним мы хорошо сработались, он был незаменимым помощником, затем взял еще из резерва старого сослуживца, честного, добросовестного и исполнительного капитана И. Я. Майстеренко, водителя автомашины экс-чемпиона по боксу Виктора Михайлова. Начальник тыла Красной Армии генерал-полковник А. В. Хрулев обеспечил нас вагоном и платформой, на которую мы погрузили автомашины. Я простился с семьей и 5 декабря поздно вечером тронулся в путь, туда, где шла решающая битва за Родину.

Несмотря на специальное распоряжение по линии НКПС пропускать нас без задержки, обеспечивать даже специальными паровозами, продвигались мы довольно медленно. Почти все станции были забиты воинскими эшелонами, следующими к фронту и с фронта. Только часам к 12 дня 7 декабря удалось добраться до Саратова. Встретил меня первый секретарь обкома партии П. Т. Комаров. Тепло поздоровался, рассказал о помощи саратовцев Донскому фронту. Прощаясь, попросил передать воинам фронта от саратовских тружеников пожелание скорого разгрома врага.

Ко мне в вагон попросились ехавшие на фронт писатели Александр Корнейчук и Ванда Василевская. Я их, конечно, с удовольствием принял. 8 декабря, сделав короткую остановку в штабе тыла фронта, часов в 15 мы прибыли в Заварыкино, где располагался Военный совет и оперативный штаб Донского фронта.

В дороге меня не оставляли беспокойные мысли. Для этого было немало оснований. За последние месяцы войска накопили боевой опыт, обобщенный в приказах Верховного Главного Командования от 8 и 16 октября, в новом Боевом уставе пехоты (БУП-42).

Требования этих документов уже нашли свое воплоще-

ние в успешном контрнаступлении и окружении крупных сил противника под Сталинградом. Но как? Опыта, накопленного мною в боях под Москвой, было явно недостаточно. А обо всем новом, рожденном под Сталинградом, я знал больше из газет. Я вчитывался в записи основ приказов Главного Командования, Боевого устава, которые сделал в своем блокноте, пытаясь яснее представить свое место и содержание работы политорганов фронта в предстоящей операции.

Щербаков, правда, говорил, что начальник политуправления фронта, генерал-майор С. Ф. Галаджев — старый армейский политработник, с большим опытом, инициативный и энергичный, воюет на фронте с первых дней и что на него можно вполне положиться. Но мне необходимо было самому представить конкретные задачи политорганов в свете требований верховного руководства к войскам Донского фронта.

Уже в ходе разговора с начальником тыла фронта генералом А. Н. Свешниковым я узнал о многом, о чем раньше как-то и не думал. Снежная зима чрезвычайно усложнила работу транспорта. Дороги забиты, не хватает дорожных частей и снегоочистительных машин.

Ближайшая к фронту железнодорожная станция Иловля перегружена до отказа, иной раз приходится разгружать воинские эшелоны и грузы прямо на путях. Войска располагаются в степи на совершенно открытой местности. Как их в лютый холод (морозы стоят от 18 до 32 градусов) обеспечить топливом? Из подразделений нередко сообщалось о том, что туда несвоевременно доставляется продовольствие, медикаменты. Испытывается нехватка боеприпасов и прочего снаряжения. Комиссия Главного Политического Управления, посетившая фронт, отметила немало и других недостатков.

Это были серьезные сигналы, обязывавшие принять незамедлительные меры по всем линиям. Столь остро с такими заботами я не сталкивался в Московской зоне обороны. С чего же начать? Основополагающие указания давало недавнее решение ЦК ВКП (б) о перестройке политической работы на переднем крае, требовавшее максимально приблизить политработников к рядовому бойцу, придать всей политработе действенный и конкретный характер. Такую перестройку мы уже начали на рубежах Московской зоны. Но здесь все обстояло иначе. И мне предстояло вначале изучить то, что делается, затем уже продолжать совершенствовать организационные формы.

С этими раздумьями и планами я прибыл в штаб Дон-

ского фронта. Начал со знакомства с людьми и был весьма обрадован, что встретил дружный, хорошо сработавшийся коллектив. Основные кадры фронтового управления состояли из закаленных в боях военачальников, познавших и горечь поражений, и радость побед. Почти все они участвовали в защите Москвы и контрнаступлении, в окружении противника под Сталинградом. Значительную работу проделали они и по проведению в жизнь требований приказов Верховного Главнокомандования № 306 и 325.

Начальник штаба, командующие артиллерией и бронетанковыми войсками, командующий 16-й воздушной армией, генералы М. С. Малинин, В. И. Казаков, Г. Н. Орел, С. И. Руденко, начальник Политуправления фронта С. Ф. Галаджев и другие начальники отделов и управлений, их ближайшие помощники работали с подъемом и воодушевлением, отдавая себе ясный отчет об ответственности за выполнение стоящей задачи.

Душой этого большого коллектива был командующий фронтом Константин Константинович Рокоссовский. Уравновешенный, спокойный даже в сложной обстановке, человек большой личной храбрости и мужества, он обладал тем обаянием и теми человеческими качествами, которые снискали ему какое-то особое уважение и любовь в войсках. Без крика и шума, не повышая голоса, не оскорбляя человеческого достоинства подчиненных, он умел заставить каждого исполнителя делать то и даже больше того, что требовалось, на что тот был способен. Константин Константинович не давил на подчиненных своим авторитетом и положением, внимательно выслушивал их соображения и только после этого принимал решение. Это окрыляло всех, кто вместе трудился с К. К. Рокоссовским, создавало атмосферу дружной и согласованной работы, раскрывало дарования людей.

Этот стиль мне сразу пришелся по душе, и я проникся глубоким уважением и симпатией к командующему. Все вопросы мы решали сообща.

С огромным удовольствием приступил я к работе в дружном, спаянном коллективе управления Донского фронта, хорошо понимая свою ответственность за то, чтобы и впредь эта творческая атмосфера росла и крепла.

Спокойное и твердое руководство со стороны командования фронта вносило организованность, дух творчества, сплоченности и в армейские управления. Все это сказывалось на войсках. Несмотря на крайне тяжелые условия, солдаты, офицеры, генералы действовали уверенно, были преисполнены решимости выполнить свою задачу до конца.

Вместо убывшего А. И. Кириченко вторым членом Военного совета был назначен первый секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов. С ним мы быстро нашли общий язык. Договорились, что он возьмет под свою опеку переданные нам с 1 января три армии, сражающиеся в Сталинграде, а все остальное остается за мной.

Прекрасное впечатление, закрепленное в последующем всей нашей совместной работой, оставил начальник политуправления фронта генерал-майор С. Ф. Галаджев. Он дал всестороннюю характеристику политико-морального состояния войск, ознакомил с основными кадрами политработников, до дивизий включительно, с состоянием партийно-политической работы. Вместе мы дружно включились в работу.

И еще об одном человеке мне хочется сказать самое хорошее. Я имею в виду начальника штаба фронта генерал-майора М. С. Малинина. Это был вдумчивый, всесторонне эрудированный в вопросах оперативного искусства военачальник. Его слово всегда было веско и авторитетно.

К моему приезду фашистские войска под Сталинградом были зажаты плотным кольцом, хотя оно и оставалось еще довольно широким. Общая площадь окружения составляла 1400 квадратных километров, протяженностью с запада на восток — 53 километра и с севера на юг — 35 километров. А общая протяженность линии фронта по кольцу достигала 170 километров.

Противник здесь еще располагал значительными силами: 15 пехотных, 3 моторизованных и одна танковая дивизии на передней линии, две танковые, одна кавалерийская дивизии в резерве. И это не считая множества частей разных родов войск. Все населенные пункты и высоты противник превратил в опорные пункты и узлы сопротивления, прикрытые минными полями.

Наши попытки улучшить позиции, как объяснил Малинин, наталкиваются на ожесточенное сопротивление и зачастую оканчиваются безрезультатно. У нас не хватает артиллерийской и авиационной поддержки, много сил расходуется на то, чтобы связывать противника, когда он начинает усиленно нажимать на 62-ю и 64-ю армии, обороняющие город. По всему видать, противник намеревается деблокировать свои войска ударом из районов Нижне-Чирской и Котельниково. Воздушная разведка и радиоразведка подтверждают данные о сосредоточении в этих районах крупных соединений, особенно танковых.

Такова была в общих чертах обстановка, и 9 декабря я поставил свою первую подпись в качестве члена Военного

совета Донского фронта под разработанным при участии представителя Ставки генерал-полковника А. М. Василевского планом операции по уничтожению под Сталинградом немецко-фашистских войск. План этот ныне хорошо известен. Я не стану его пересказывать. А тогда? Тогда этот замысел был известен далеко не многим. Поражал он своей смелостью и размахом.

В соответствии с планом разгрома окруженных фашистских войск я и С. Ф. Галаджев обстоятельно обсудили вопросы партийно-политической работы в период завершающей операции: как лучше расставить силы, организовать встречу прибывающих вновь соединений и частей, ознакомить весь личный состав с предстоящими задачами, какие выпустить листовки и памятки. Особое внимание уделили усилению внимания и ответственности политорганов за материально-техническое обеспечение предстоящей операции, улучшение быта воинов на передовой.

Все было как будто хорошо. Штаб фронта и штабы армий напряженно работали над совершенствованием планов операций, подготовкой войск. Из тыла поступали боевая техника, боеприпасы, обмундирование, продовольствие. Все шло, как предусматривалось планом.

Но обстановка вдруг резко изменилась. 12 декабря группа немецких армий «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна перешла в наступление с целью деблокирования окруженных. Захваченные в плен офицеры из 6-й армии показали, что Паулюс отдал приказ о подготовке танковых и моторизованных дивизий к прорыву навстречу войскам Манштейна. Как доложили командующий противовоздушной обороной фронта и командующий 16-й воздушной армией, резко возросла активность фашистской авиации, транспортных самолетов. Противник усиленно забрасывал горючее, боеприпасы, продовольствие.

13 декабря Ставка приняла решение временно отложить операцию по уничтожению окруженных войск противника, главной стала задача — разбить котельниковскую и нижне-чирскую группировки противника, ликвидировать опасность соединения их с 6-й армией Паулюса. Нам было приказано передать Сталинградскому фронту подходившую головными эшелонами 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, а имеющимися силами пресечь всякую попытку Паулюса прорваться навстречу Манштейну.

Пришлось перестраиваться на ходу, составлять новые планы, перегруппировывать войска, осуществлять соответствующий маневр силами и средствами на участках воз-

можного прорыва, предпринимать ряд частных операций с целью связать силы противника и овладеть господствующими Казачьими курганами. Нашей авиации была поставлена задача: уничтожить транспортные самолеты противника, лишая окруженных снабжения горючим и боеприпасами.

Командиры штаба и работники политуправления выехали в войска для контроля и помощи в осуществлении распоряжений Военного совета, значительная группа политработников была направлена в авиационные дивизии и зенитные части. Усилили мы внимание и к работе тыла, к бесперебойному снабжению войск всем необходимым.

К 15 декабря обстановка еще больше усложнилась. Танковые дивизии противника при сильной поддержке с воздуха прорвали растянутые позиции 51-й армии Сталинградского фронта и вышли в район Верхне-Кумского.

Завязались ожесточенные бои.

19 декабря, выйдя своими танковыми дивизиями на реку Мышкова на фронте Черноморов, Громославка, Верхне- и Нижне-Кумский, противник оказался всего в 35—40 километрах от кольца окружения. Манштейну казалось, что еще одно усилие, и он будет у цели. Но только казалось. Навстречу дивизиям Манштейна выдвигались уже 2-я гвардейская и 5-я ударная армии, танковые и моторизованные корпуса резерва Ставки.

С 20 по 23 декабря противник еще предпринимал отчаянные попытки прорвать нашу оборону на реке Мышкова, но окончательно истощил свои силы. Продвинувшись с начала наступления на 60 километров, он потерял свыше 200 танков и до 60 процентов мотопехоты. А в последующие дни по врагу был нанесен сокрушающий контрудар, и он покатился назад.

Нечего говорить, что дни с 12 по 30 декабря доставили нам немало волнений и тревог, потребовали огромных усилий. Надо было надежно закрыть Паулюсу путь к прорыву, держать его в постоянном напряжении по всему кольцу окружения и лишить снабжения по воздуху. И мы не спускали глаз с окруженных ни днем ни ночью. Армии были в готовности нанести удар в любом месте, где противник вздумал бы снять части для соединения их в ударные группы прорыва.

В эти дни все работники политотделов соединений и армий, политуправления фронта находились в передовых окопах. Как известно, Паулюс не отважился бросить свои войска на прорыв, но если бы и рискнул — неизбежно был бы разгромлен.

Итак, Манштейн был отброшен. 51-я и 2-я гвардейская армии заняли Котельниково и прочно закрепились на своих позициях. Противнику, как говорится, больше не светило вырваться из кольца. 18 декабря к нам, в штаб Донского фронта, прибыл представитель Ставки генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. С Николаем Николаевичем Вороновым мне приходилось сталкиваться еще в Москве, но близко познакомился с ним я только здесь. Человек большой души, веселого нрава, он всем нам пришелся по сердцу. Работа с ним давала настоящее творческое удовлетворение. При его непосредственном участии был успешно разработан план ликвидации окруженной группировки под кодовым названием «Кольцо» и 27 декабря представлен в Ставку.

Ликвидацию окруженной группировки Ставка с 1 января 1943 года возложила на Донской фронт, передав ему из состава Сталинградского фронта 62, 64 и 57-ю армии.

К 30 декабря соединенными усилиями трех фронтов группа армий «Дон» была разгромлена, и еще дальше отодвинулось внешнее кольцо окружения. Можно было вздохнуть свободнее и со всей энергией взяться за Паулюса. Ставка, утвердив наш план, прислала нам в помощь командующего ВВС Красной Армии генерал-полковника А. А. Новикова и командующего авиацией дальнего действия генерал-лейтенанта А. Е. Голованова. Началась кропотливая работа над детализацией плана операции, увязкой взаимодействия всех наземных и воздушных сил. Сосредоточивались огромные силы, создавалась еще невиданная на войне авиационная и артиллерийская плотность. Представитель Ставки, командующий авиацией, командование фронтом и штабы творчески работали над вопросами правильного использования всех этих сил и средств.

29 декабря мы собрали начальников политотделов армий, отдельных корпусов. На совещании детально обсудили довольно широкий круг вопросов, которые касались организации взаимодействия на поле боя, подготовки воинов к стремительным атакам при прорыве обороны; ознакомления с обстановкой и боевой задачей вновь прибывающих войск, своевременного награждения отличившихся в боях, форм и методов популяризации их подвигов.

Должное внимание уделили вопросам организации медицинской помощи на поле боя и эвакуации раненых, бесперебойного питания и снабжения. Конкретно договорились, как лучше организовать прием в партию и комсомол, обеспечить своевременное вручение партийных и комсомольских документов.

Особо стоял вопрос о работе в разведывательных и ин-

женерно-саперных подразделениях. Дело в том, что полной картины о противнике мы не имели, и деятельностью своей разведки Военный совет отнюдь не был доволен. Анализ положения в разведподразделениях показал, что командиры и политработники не уделяют им должного внимания, некомплект составляет до 50 процентов, и посылают сюда зачастую людей случайных.

Военный совет потребовал от командиров и политработников частей и соединений лично заняться организацией разведки, укрепить ее лучшими людьми, коммунистами и комсомольцами, усилить воспитательную работу, упорядочить награждение и популяризацию подвигов разведчиков, их боевого мастерства.

Внимание к инженерным войскам объяснялось их ролью в предстоящей операции. Противник плотно укрыл подступы к своим позициям минными полями. Необходимо было не только точно знать их расположение, но и разминировать проходы, обезопасив наступающих от излишних потерь.

Мы разработали ряд конкретных мероприятий по укреплению саперных подразделений мужественными воинами, по подготовке их к выполнению столь ответственной задачи. Политическое управление выпустило специальную листовку-памятку «О минных заграждениях противника». Было опубликовано специальное обращение Военного совета к минерам с описанием подвигов прославленных саперов старшины Романенко, гвардейца Живидзе и многих других.

29 декабря Военный совет издал листовку-обращение к воинам фронта, в котором говорилось о том, что враг любой ценой хочет подольше сковать наши силы, чтобы выиграть время, организовать крепкую оборону на всю глубину. Военный совет призвал смелее и решительнее ломать сопротивление противника, расчленять и уничтожать его по частям. Листовка была снабжена схемой кольца окружения и оборонительных рубежей противника. Командиры, политработники, тысячи коммунистов, комсомольцев, низовых агитаторов вместе доводили это обращение до воинов, готовя их к выполнению боевой задачи.

Для меня, человека нового на фронте, было отрадно узнать из информации начальника политуправления Галаджева, что политорганы и коммунисты проделали огромную работу по завершению психологического перелома в сознании бойцов.

Приказ наркома обороны № 227 от 27 июля, резко осуждавший неуверенность и неустойчивость на фронте и требовавший покончить с отступлениями, был доведен до сознания и сердца каждого солдата и командира.

Пример армий, героически оборонявших Сталинград, успешное контрнаступление и окружение крупной группировки под Сталинградом, разгром армий Манштейна вызвали огромный подъем боевого духа. Требование Центрального Комитета партии: «Ни шагу назад! Теперь только вперед, на полный разгром врага!» — стало по-настоящему боевым, призывным лозунгом для каждого.

Период тяжелых неудач и отступлений остался позади, начинался новый этап — этап разгрома и изгнания врага с родной земли.

Эти мысли и чувства повседневно укреплялись в частях партийно-политической работой большой армии коммунистов и комсомольцев. Как никогда раньше, усилилась тяга бойцов и командиров в ряды комсомола и партии. Перед решительным штурмом врага они еще крепче связывали себя с Коммунистической партией, подтверждая тем самым свою непоколебимую веру в нашу ленинскую партию, свою готовность сражаться так, как учил Ленин, как сражаются коммунисты, не щадя сил, не щадя себя, не щадя жизни.

В эти дни, когда началась перегруппировка войск в соответствии с планом операции, когда прибывали новые части и соединения, подвозилось боевое вооружение и имущество, многое зависело от усилий работников тыла. А им приходилось очень тяжело. Сильные морозы, злые вьюги затрудняли перевозки по и без того плохим дорогам. Очень трудно было с организацией обогрева бойцов на передовой, созданием санитарно-гигиенических условий жизни в окопах и землянках. Военному совету пришлось затратить огромные усилия, мобилизовать на это внимание всех политорганов, возложив на них персональную ответственность за выполнение всех мероприятий Военного совета по этой линии.

Ограниченность крупных железнодорожных станций в тыловом районе вынудила нас развернуть фронтовые распределительные станции в Балашове и Саратове, а передовую фронтовую базу на станции Паньшино с продовольственным отделением в Ерзовке и отделением горюче-смазочных материалов — в Дубовке. Наши тыловые органы сумели вовремя подать на боевые позиции предусмотренные планом на пять дней операции боеприпасы и продовольствие, подготовить госпитальную базу.

Саратовская и Сталинградская областные партийные и советские организации оказали нам огромную помощь топливом, изготовили сотни железных печек «буржуек», как их называли в годы гражданской войны, для солдатских блиндажей.

Тыл стал работать более четко, но затруднения на железнодорожном транспорте, снежные заносы на фронтовых и армейских дорогах все же создавали огромные трудности, которые мы до конца так и не смогли полностью преодолеть. Запасы фронта оставались слишком скромными, и их разумное расходование стало предметом особой заботы Военного совета и политорганов.

Перед нами был все еще сильный враг. Его злодеяния, его зверства вызывали у каждого бойца лютую ненависть к захватчикам. И мы, политработники, всеми средствами воспитывали эту ненависть к фашистам.

В последних боях наши войска освободили хутор Вертячий, где гитлеровцы устроили один из своих лагерей смерти. С содроганием в сердце смотрели мы, каким мукам подвергали фашисты здесь советских людей, особенно пленных красноармейцев и командиров. Политорганы старались, чтобы все прибывавшие на фронт новые части и отведенные с передовых позиций на отдых бойцы побывали в Вертячем. И уже не нужны были никакие слова. В бараке под соломой лежали трупы советских бойцов и командиров, изуродованных до неузнаваемости: у многих были распороты животы, выколоты глаза, обрезаны уши и носы. Оставшийся в живых 16-летний мальчик Саша Морозкин поседел от жестоких избиений и пыток, был доведен до полного изнеможения. Бойцы смотрели, суровели их лица, ненавистью и яростью наполнялись сердца. Наполнялись непреклонной решимостью сполна рассчитаться с извергами, скорее освободить родную землю от фашистской нечисти.

А противник в это время все еще пытался как-то поддержать свои окруженные войска. Огромное количество транспортных самолетов, прикрываемых истребителями, все настойчивее стремились пробиться в кольцо окружения с грузом боеприпасов, горючего и продовольствия. Гитлер своему обреченному воинству послал даже на специальном самолете 28 тысяч железных крестов, хотя само это воинство уже хорошо видело, что единственной их наградой станут теперь деревянные кресты.

В воздухе днем и ночью шли напряженные бои. Наши летчики и зенитчики сражались героически.

Только за декабрь, особенно в последнюю его декаду, противник потерял до 700 транспортных и боевых самолетов. И это было для него тяжелой и невосполнимой потерей, особенно в опытных летчиках.

Тщательно и придирчиво проверял Военный совет фронта готовность штабов, войск и тылов к предстоящей завер-

шающей операции. До января мы уже побывали в 66, 24, 21 и 65-й армиях, подробно рассмотрели планы командования, проверили подготовку войск, материальное обеспечение и ход партийно-политической работы, выявляя нужды и принимая меры к их удовлетворению.

Вместе с С. Ф. Галаджевым, работниками политуправления фронта подробно обсуждали содержание, формы и методы подготовки воинов перед началом операции, выпустили серию листовок-памяток о действиях в наступательном бою. Политорганы, партийные и комсомольские организации проделали большую работу. Я все более и более в этом убеждался, бывая в войсках. Воины рвались в бой, преисполненные желанием как можно быстрее и лучше выполнить боевую задачу.

Да, боевой дух войск был очень высок, вера в успех непоколебима, силы накоплены, рычаги управления и руководства тщательно выверены. Могучие силы готовы были обрушить свой сокрушительный удар на обреченного врага, стереть с земли, если он не сложит оружия. С предложением о капитуляции в последние дни декабря и начале января к зажатому в кольцо противнику неоднократно обращалось наше командование: и в листовках, и через громкоговорящие установки. Но Паулюс не отвечал. Значит, должен был грянуть последний и решительный бой.

В начале января К. К. Рокоссовский, я и командующий артиллерией В. И. Казаков выехали принимать переданные нам из состава Сталинградского фронта 62, 64 и 57-ю армии. Особенно ярко запечатлелось в моей памяти посещение 62-й армии, героически сражавшейся за город. Хотелось поближе познакомиться с ее людьми. С командующим 62-й армией Василием Ивановичем Чуйковым я познакомился еще в 9-й армии на финском фронте. Там обстановка была тоже очень тяжелой, и немало лиха выпало на нашу долю. Но все же то был не Сталинград, ставший символом мужества и стойкости.

Нам пришлось дважды переправляться через Волгу, сперва в районе Дубовки на восток, а затем с востока к штабу 62-й армии, мимо позиций тяжелой артиллерии, баз и складов, расположенных в поле, среди голого кустарника, в снегу. Наконец мы вышли на дорогу жизни 62-й армии — по льду, устланному соломой и фашинами.

С восточного берега через сероватую пелену изморози, тумана и дыма показался разрушенный Сталинград. Больно защемило сердце. В недавнем прошлом большой, красивый город, с развитой промышленностью, который все мы хорошо знали и которым гордились, лежал в развалинах,

до неузнаваемости изувеченный врагом. Неизвестно, сколько бы мы стояли, пораженные первым впечатлением, но нас торопил комендант, предупредив, что враг держит дорогу под наблюдением и огнем артиллерии и минометов, что, пока путь свободен, надо проскочить в город на максимально возможной скорости. Погода благоприятствовала, и наши пять юрких машин благополучно проскочили на западный берег, под укрытие его высоких откосов.

Мы ступили на сталинградскую землю, и сразу же бросилось в глаза удивительное умение советского человека приспосабливаться к обстановке, какой бы тяжелой она ни была. В высоком берегу, как гнезда стрижей, располагались блиндажи, землянки и укрытия для людей, боевой техники, командного пункта 62-й армии. Нас встретили командующий В. И. Чуйков и член Военного совета К. А. Гуров. Оба выглядели осунувшимися, с темными кругами под глазами. И не удивительно, после стольких испытаний! Последние 10—15 дней обстановка уже позволяла урвать часок-другой для отдыха, но еще сказывалось недавнее напряжение.

Высокий берег защищал людей и средства связи от прямых попаданий вражеских снарядов. Зенитчики надежно прикрывали берег от пикировщиков противника. Однако его гаубицы и минометы своим навесным огнем частенько достигали цели. Пологий берег, прибрежный лед были искорежены воронками, грудами развороченной земли и льда. Мы с Рокоссовским понимающе переглянулись, отдавая должное мужеству командования армии и всего личного состава управления, выдержавших эту тяжелую борьбу, находясь буквально под носом у противника.

Наши машины противник, видимо, все же засек. Севернее КП рассыпались пулеметные очереди, загромыхали разрывы снарядов и мин. Но на самом КП этому, казалось, не придали особого значения, жизнь шла размеренно, как будто ничего особенного не произошло. Начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Крылов, собранный и удивительно спокойный человек, доложил, что противник «нервничает», ожидает нашего наступления, но его пехота сидит в укрытиях.

С пониманием всей тяжести пережитого и условий боевой обстановки мы выслушали доклад командующего и члена Военного совета. Нельзя было не восхищаться героизмом наших советских солдат, доблестью офицеров, мужеством командования. Порадовали нас сообщения тов. Гурова и начальника политотдела тов. Васильева о высоком боевом духе защитников города, их непреклонной решимости выстоять до конца, об изумительных подвигах воинов,

имена которых знала уже вся страна и о которых будет еще много рассказано, спето песен, сложено легенд. Меня, как бывшего омского красногвардейца, особенно интересовало, как сражаются мои земляки, бойцы 308-й дивизии, как они поддерживают героические традиции омской красной гвардии и сибиряков. К. А. Гуров о них говорил с большой теплотой. С первых дней прибытия в Сталинград 308-я дивизия выдержала за месяц более ста мощных атак, стойко сражалась, временами даже в полном окружении, уничтожив за это время свыше 150 танков и тысячи гитлеровцев.

— Если бы 308-я дивизия запоздала с прибытием и не приняла на себя 4—6 октября сильные удары врага, а затем в последующие дни, особенно 14—16 октября, не отразила атаки противника, трудно сказать, как бы сложилась судьба всей обороны, — заметил Гуров. — Дивизия понесла тяжелые потери. Ее подвиги выше всякой похвалы. Особенно хочется отметить командира этой славной дивизии полковника Гуртьева, который в самые критические минуты лично вел бойцов в атаки, и они побеждали.

Мне приятно и радостно было услышать столь лестный отзыв о земляках, и я гордился ими.

Да и нельзя было не преклоняться перед мужеством людей, сражавшихся в условиях чудовищного сплетения огня, раскаленного металла, когда содрогалась и становилась дыбом земля. Сильно сказал Гуров: «От грохота разрывов и ударной волны сдавливались от боли и вибрировали барабанные перепонки, казалось, что нет таких человеческих нервов, которые бы не разорвались от безумной пляски смерти».

И это была правда. Но советский человек выдержал это испытание, больше того, он прошел здесь, как в горниле, термическую закалку и с еще большей яростью не только отбивал бешеный натиск врага, но и сам наносил по нему беспрерывные удары.

Пробыли мы на КП 62-й армии весь день. Разобрались в обстановке, предстоящей операции, месте и задачах армии в этой операции, задачах политорганов, выяснили нужды армии, наметили, как их удовлетворить. К вечеру тем же путем возвратились в штаб фронта. А в следующие дни аналогичную работу проделали в 57-й армии Ф. И. Толбухина, 64-й армии М. С. Шумилова. У нас осталось хорошее впечатление о командовании, штабах и политорганах всех армий. Все они горячо одобрили объединение армий по кольцу в руках командования Донского фронта.

В эти дни мы немало поколесили по фронтовым дорогам, посетили не только штабы армий, но и соединения и

тыловые подразделения. И всюду мы видели лозунги, плакаты, они призывали: «Отстоим Сталинград!», «Воин! Тебя зовут на помощь защитники Сталинграда!», «Воин! За твоей спиной судьба Родины. Будь смел и отважен в бою!», «Смелость — душа победы!», «Водитель — не медли! В твоих руках жизнь и успех защитников Сталинграда!», «Чем скорее уничтожим окруженные немецко-фашистские полчища под Сталинградом, тем скорее освободим всю родную землю», «Вперед — на полный разгром врага!», «Сталинград — это путь к Берлину!». Рядом стояли щиты с портретами героев боев и описанием их подвигов. Боевая агитация трогала сердца, запоминалась.

Большую роль в подъеме наступательного духа воинов сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР об изменении порядка награждения на фронте орденами и медалями, предоставлявший право награждать соответствующими орденами и медалями командирам отдельных частей, дивизий, Военным советам армий и фронтов; Указы Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года об учреждении медали «За оборону Сталинграда» и от 21 декабря о вручении частям боевых знамен нового образца, а также Указ от 6 января 1943 года о введении в армии новых знаков различия — погонов. Награда, объявленная на поле боя за только что совершенный подвиг, орден, медаль, тут же пристегнутые к гимнастерке бойца, воодушевляли на новые подвиги и самого орденоносца и его товарищей. Каждый знал, что его усердие в бою будет оценено по заслугам и без промедления. Я уже не говорю о большом воспитательном значении самого акта вручения наград, который обставлялся как можно торжественнее.

Большую работу развернули политорганы по разъяснению нового положения о боевом Красном Знамени, того места, где говорилось, что «Красное Знамя есть символ воинской чести, доблести и славы, оно является напоминанием каждому из бойцов и командиров воинской части об их священном долге преданно служить Советской Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать от врагов каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни».

В своей работе мы широко использовали передовую газеты «Красная звезда» от 23 декабря 1942 года. Широко разъясняли воинам и статут медали «За оборону Сталинграда».

Можно без преувеличения сказать, что все это сыграло большую роль в подготовке воинов к последнему заключительному сражению на берегах Волги.

4 января представленный в Ставку план операции был утвержден с некоторыми изменениями и дополнениями. Начали поступать запланированные Ставкой средства усиления фронта. Пробивались они по загруженной железной дороге с трудом. Прибыли 11-я артиллерийская дивизия прорыва РГК, 2-я и 3-я гвардейские минометные дивизии, полки и дивизионы большой мощности, пять противотанковых полков, три танковых полка прорыва, зенитные части. Представитель Ставки, Военный совет, начальник тыла, работники политуправления принимали все меры к быстрейшему подходу эшелонов, разгрузке и выводу их на позиции. Однако было очевидным, что многие из переданных нам частей смогут подойти к своим районам сосредоточения и стать на позиции не ранее 8—9 января. И Ставка дала согласие отсрочить операцию по плану «Кольцо» и начать ее с утра 10 января 1943 года.

Помнится, еще Меринг говорил, что самые прославленные маневры, которые история считает образцом истинного гения, может изобразить на карте любой полковой писарь, но план, даже самый блестящий, превращается в мыльный пузырь и может вызвать только улыбку потомков, если у полководца не хватило воли, упорства и решимости, чтобы перевести ее с карты на поле. Я хорошо знал, был убежден, что у наших полководцев К. К. Рокоссовского, Н. Н. Воронова, у командующих армиями, наносящими удар на главном направлении, — П. И. Батова, И. М. Чистякова — хватит и воли, и упорства, и решимости.

Однако как бы хорошо ни была подготовлена операция, как бы ни были талантливы военачальники, в конечном счете, успех на поле боя будет решать боец. Высокий моральный дух войск, их воинская зрелость, мастерство и мужество, рожденные под Сталинградом, были нашей главной силой, и эту силу крепили большевистским словом и личным примером сыны нашей партии — коммунисты.

В дни подготовки к операции Политуправление, все политорганы фронта неустанно работали над усилением низовых партийных организаций, вовлекая их в ряды лучших бойцов и командиров, идейно вооружая коммунистов, разъясняя им конкретные задачи предстоящего наступления.

В последние дни перед началом операции окончательно определились силы и средства как на главном, так и на вспомогательных направлениях, заканчивалась перегруппировка, становились на боевые позиции присланные Ставкой средства усиления. Удар готовился огромной, еще небывалой мощности и сокрушающей силы. Было совершенно очевидно, что всякое сопротивление окруженных может по-

влечь лишь напрасную и неоправданную гибель десятков тысяч немецких солдат и офицеров, и Военный совет фронта вместе с представителями Ставки сочли необходимым еще раз обратиться к благоразумию немецкого командования.

6 января было принято решение предъявить Паулюсу ультиматум о безоговорочной капитуляции. Подобных документов нам еще не приходилось составлять в этой войне. Можно было найти соответствующие примеры в истории войн, но они не подходили для настоящего времени. Мне хорошо запомнился ультиматум, предъявленный В. К. Блюхером перекопскому гарнизону Врангеля в 1920 году. В нем было кое-что полезного и для этого случая, но только кое-что, в общих чертах. Этим я и воспользовался в своем проекте.

Поздно вечером Н. Н. Воронов, К. К. Рокоссовский и я обсудили этот вариант, ряд пунктов признали правильным, но в целом в нем чего-то не хватало. Н. Н. Воронов взял мой набросок, чтобы посоветоваться со Ставкой. 7 ноября окончательно отработанный Н. Н. Вороновым и согласованный с Верховным Главнокомандующим ультиматум был готов и подписан представителями Ставки и командующим фронтом.

Это был документ, пронизанный подлинным советским гуманизмом, отвечающий духу ленинской национальной политики нашей партии. В нем командованию окруженных предлагалось внять разуму и совести, немедленно прекратить безнадежное и бессмысленное сопротивление, спасти от неизбежной гибели новые десятки тысяч солдат и офицеров.

Советское командование гарантировало жизнь и полную безопасность добровольно сложившим оружие, и по окончании войны — возвращение на родину или в страну по желанию военнопленного.

Личному составу сохранялись знаки различия, ордена, личные вещи, ценности, а офицерскому составу и личное холодное оружие. Всем нуждающимся была обещана немедленная медицинская помощь.

Одновременно предупреждалось, что в случае отклонения ультиматума советское командование вынуждено будет обрушить на окруженных всю мощь своего оружия с целью полного уничтожения сопротивляющихся, и за это всю ответственность перед историей и немецким народом будет нести лично Паулюс и гитлеровское руководство.

Стал вопрос, как довести ультиматум не только до Паулюса, но и до солдат и офицеров. Были избраны три пути:

— через парламентера — лично к Паулюсу;

— передать текст ультиматума на немецком языке на всех волнах засеченных радиостанций немецких войск, находящихся в «котле»;

— через все громкоговорящие установки политорганов на переднем крае в течение всей ночи.

Особо сложной, опасной и ответственной была задача парламентеров. Для этой роли требовались люди большого мужества, высокой культуры и инициативы. Начальник штаба порекомендовал офицера разведки майора Алексея Михайловича Смыслова в качестве парламентера, а начальник Политуправления — капитана Николая Дмитриевича Дятленко в качестве переводчика. Когда они явились в Военный совет, им был поставлен вопрос: хватит ли мужества и воли, чтобы выполнить ответственное и опасное поручение? Нам не известно, как вас встретит враг. До сих пор он немедленно открывал огонь даже по выставленным шапкам и каскам.

И оба они, не колеблясь, ответили: долг требует от нас безоговорочного выполнения любого приказа и задания в интересах Родины, мы готовы к любым испытаниям, если они потребуют от нас и нашей жизни. Будем считать за честь выполнить это почетное поручение командования.

Нас, конечно, порадовал такой ответ. Это были мужественные офицеры, и можно было надеяться, что они сделают все от них зависящее, чтобы справиться со своей миссией. Оба, в хорошо подогнанных шинелях, в новеньких погонах, в добротных валенках, выбритые, аккуратно подстриженные, выглядели молодо и бодро. Это тоже оказалось кстати. В стане потрепанного врага наши офицеры и своим видом должны были как бы олицетворять полную сил и энергии Красную Армию. Правда, внешний вид Смыслова несколько портила довольно поношенная видавшая виды шапка. Я дал ему свою каракулевую ушанку.

Ночью мы с добрыми напутствиями отправили наших парламентеров. А. М. Смыслов получил на руки пакет с сургучными печатями, адресованный лично командующему 6-й немецкой армией генерал-полковнику Паулюсу, а Н. Д. Дятленко — белый флаг парламентера. Мы предупредили их — не делать безрассудных поступков, не лезть на рожон, если противник не захочет принять и откроет огонь. Одновременно командующий 24-й армией генерал И. В. Галанин, на участке которого будут переходить парламентеры, получил строгий приказ — в случае необходимости надежно прикрыть огнем отход парламентеров в передовые окопы.

Пока мы снаряжали и напутствовали парламентеров, наши радиостанции уже посылали в эфир текст ультиматума, громкоговорящие установки передавали его по всему переднему краю. Из армий начали поступать сообщения, что в ряде мест противник пытается заглушить громкоговорящие установки артиллерийско-минометным огнем, но в большинстве случаев солдаты в передовых траншеях не мешают, видимо, внимательно слушают, ждут приказа сложить оружие, понимая, что сопротивление бесцельно.

Ночь прошла в томительном ожидании. С утра напряжение еще больше усилилось. Командарм 24-й И. В. Галанин непрерывно информировал: парламентеры и горнист выдвинулись в первую траншею... Горнист дает сигнал о выходе парламентеров... Парламентеры вышли из окопов с высоко поднятым белым флагом, прошли 100 метров... Огонь... Противник открыл огонь из пулеметов и винтовок... Парламентеры залегли... Пытаются подняться... Машут белым флагом... Противник усиленно обстреливает, прижимает их к земле.

Рокоссовский отдал приказ прикрыть парламентеров огнем: пусть отходят в окопы. Стало ясно, что противник не желает принимать парламентеров и вопреки международным нормам пытается их уничтожить. Но что это? Своевольство местных начальников из наиболее ярых нацистов или приказ Паулюса? Решено попытаться послать парламентеров на другом участке, предупредить об этом немецкое командование по радио, через громкоговорящие установки, разбросать текст ультиматума с самолета.

Вторая попытка утром 9 января удается. Посередине нейтральной полосы Смыслова и Дятленко встречают два немецких офицера и унтер-офицер, требуют отдать пакет и возвращаться. Смыслов категорически настаивает на том, что пакет адресован лично Паулюсу и у него есть приказ командования фронтом доставить Паулюсу. Немецкие офицеры совещаются, затем предлагают Дятленко возвращаться, Смыслову же завязывают глаза, ведут, потом куда-то везут на автомашине, спускают в какое-то подземелье, развязывают глаза, и он предстает перед немецким генералом. Последний категорически заявляет, что дальше парламентера не пустит, что место пребывания Паулюса не подлежит разглашению, а пакет он лично передаст Паулюсу. Видя, что дальше путь закрыт, Смыслов отдал пакет генералу. Таким же путем и с теми же предосторожностями Смыслов был доставлен в нейтральную зону и благополучно возвратился.

Выслушав его доклад, Военный совет и представитель

Ставки полностью одобрили действия, мужество и инициативу Смыслова. К. К. Рокоссовский от имени Военного совета с удовольствием прикрепил к его груди орден Красного Знамени. Орденом был награжден и капитан Н. Д. Дятленко.

Весь день 9 января мы ожидали ответ Паулюса, но не дождались. Наши радисты перехватывали какие-то радиограммы на Берлин, на Таганрог, но дешифровать их не смогли. Командованию фронтом ничего другого не оставалось, как отдать приказ начать с рассветом 10 января операцию «Кольцо».

Днем я написал обращение к воинам фронта, его рассмотрели на Военном совете, срочно отпечатали в типографии фронтовой газеты и с нарочным разослали в войска. В этом обращении Военный совет писал:

«Товарищи бойцы, командиры и политработники! Вы блестяще справились с задачей защиты Сталинграда и окружением крупной группировки немецко-фашистских войск. Своей стойкостью и героизмом вы прославили свое имя в веках.

Но это только одна половина задачи. Весь наш советский народ с нетерпением ждет от нас радостного известия о ликвидации окруженных войск противника, полного освобождения из кровавых рук подлого врага героического города Сталинграда...

В победный решительный бой, дорогие товарищи! Овеем свои знамена новой боевой славой, не посрамим чести родной земли. Вперед, боевые орлы! На штурм окруженного врага! Победа будет за нами!».

После двух с половиной лет тяжелых мучений, испытаний, жертв, после того, как каждый воочию увидел звериный облик врага, ненависть к захватчикам нарастала с каждым часом. Очень ко времени привел мой старый друг полковой комиссар Р. Г. Базаров слова одного французского писателя о том, что радость человек может воспринимать несколькими чувствами, боль же он воспринимает всем телом, всеми клетками: где ни уколешь, какую бы незначительную часть тела ни повредишь — одинаково остро воспринимаешь боль.

Фашизм же принес нам такую боль, нанес такую рану, что кровь закипела в жилах. Эту боль нельзя было успокоить, она требовала беспощадного мщения, разгрома тех, кто причинил эту боль. Первый удар по врагу был нанесен под Москвой. С тех пор прошел год. На теле Родины, в сердце советского человека фашизм оставил новые раны, причинил новые страдания. И вот настало время, чтобы за-

Я не стану вдаваться в подробности, как был организован этот своеобразный поход в стан противника. Готовили его непосредственно представитель Ставки Н. Н. Воронов и член Военного совета нашего фронта К. Ф. Телегин. В своих воспоминаниях они довольно подробно рассказали и о подготовке текста ультиматума, и о походе парламентеров.

Наступило долгожданное 10 января 1943 года. В 7 часов 30 минут командующий фронтом, его заместители, начальники родов войск прибыли на наблюдательный пункт командующего 65-й армией П. И. Батова. Приехал сюда и представитель Ставки Верховного Главнокомандования Н. Н. Воронов.

Мы стояли на НП, смотрели на вблизи расположенные минометные, пушечные, гаубичные батареи и дивизионы, разместившиеся на совершенно открытом месте. В другое время подобное расположение огневых позиций сочли бы, по меньшей мере, легкомысленным. Но мы знали: противнику не до жиру, снаряды он бережет на самый крайний случай. Да и не было укрытых мест для размещения артиллерии и минометов на открытой степной местности.

В 7 часов 50 минут по телефонным линиям с пункта командарма понеслось: «Оперативно!» «Сверить часы!» Потом, после небольших пауз, одна за другой над притихшей степью прозвучали команды: «Натянуть шнуры!» и, наконец, «Огонь!» Ровно в 8 часов 5 минут залп тысяч орудий разорвал тишину морозного утра.

Артиллерия заработала необыкновенно дружно. 55 минут без малейшего перерыва, то немного утихая, но вновь усиливаясь, бушевал огонь. В расположении противника творилось что-то невообразимое. Такого не наблюдалось и 19 ноября. На этот раз мы имели артиллерии куда больше, да и огонь ее был организован лучше. Мощные огневые налеты сменялись периодами разрушения. После этого на противника вновь обрушивался ураган очередного огневого налета.

Орудийные расчеты работали с огромным напряжением. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как артиллеристы сбрасывали мешавшие им полушубки и шинели. Наши офицеры, находившиеся в это время на огневых позициях, рассказывали, что, несмотря на мороз, у солдат на гимнастерках выступала соль, а лица были мокрые от пота.

Да, наша артиллерия действовала великолепно. Такого мощного огня еще не приходилось наблюдать.

И вот начался последний огневой налет. Словно смерч обрушился он на позиции противника. Вместе с густыми

клубами и столбами дыма в воздух взлетали фонтаны земли, бревна от развороченных блиндажей и землянок. Гремела канонада, и скоро в ее раскатах послышался гул моторов и лязг гусениц. Наши танки стали выдвигаться в исходное положение, для атаки.

Наконец, взвились сигнальные ракеты. «Катюши» произвели последний залп, небо прочертили огненные хвосты реактивных мин и вслед за ними из первой траншеи выскочили наши пехотинцы. Над грохотавшей степью понеслось мощное раскатистое «ура!». Стена огня переместилась с переднего края на 200 метров в глубину немецкой обороны. Артиллерия начала поддержку атаки огневым валом. Вперед устремилась волна танков. В небе грозно зарокотали краснозвездные самолеты, обрушив бомбовый удар по штабам, аэродромам и скоплениям войск противника внутри кольца. Со всех сторон на врага сыпались мощные удары.

Наступление развивалось успешно. Наша артиллерия в первый день наступления выпустила по врагу около 350 тысяч снарядов и мин. По скромным подсчетам, ее огнем было уничтожено более 100 орудий и минометов, более 200 пулеметов и разрушено около 300 дзотов и блиндажей. Продвигаясь за наступавшими войсками, мы имели возможность убедиться, как велики потери противника. На направлении главного удара 65-й армии местность была буквально усеяна вражескими трупами.

В коротком очерке не представляется возможным подробно рассказать о двадцатидневных боях по уничтожению окруженной группировки, в которых немалая роль принадлежит артиллерии, нанесшей противнику наибольшие потери. Известно, что к 30 января из всей 330-тысячной сталинградской группировки немцев остался единственный очаг сопротивления в северной части Сталинграда. Известно также и то, что плененный 31 января фельдмаршал Паулюс отказался дать распоряжение о капитуляции этим остаткам своих войск. Свой отказ он мотивировал тем, что, являясь военнопленным, он уже не может отдавать никаких приказов действующим войскам.

Тогда командующий фронтом К. К. Рокоссовский отдал приказ с утра 1 февраля приступить к ликвидации остатков 6-й армии, занимавших северную часть города. К этому у нас все уже было готово.

Главный удар предстояло нанести войскам 65-й армии, которой к этому времени было придано большое количество артиллерии. На 6-километровом фронте средняя плотность артиллерии составила более 170 орудий и минометов на 1 километр, а на участке 27-й гвардейской дивизии она

была доведена до небывалых размеров — 338 орудий и минометов на 1 километр фронта.

В тот незабываемый день все мы во главе с К. К. Рокоссовским и Н. Н. Вороновым прибыли на наблюдательный пункт к П. И. Батову.

Ровно в 8 часов 30 минут заговорили тысячи наших орудий, минометов и «катюш». Воздух наполнился грохотом выстрелов, которым, как эхо, вторили разрывы в расположении противника.

15 минут длился огневой налет. Но и этого оказалось достаточно. Враг не выдержал. Как только утихла огненная буря, по балкам и кустарникам нескончаемым потоком потекли к нам вереницы немецких солдат. Остатки вражеских войск шли сдаваться в плен. И все они в один голос заявили, что их «взяла артиллерия».

Для артиллеристов Донского фронта Сталинградская битва закончилась уже 1 февраля. А нашей славной пехоте пришлось еще потрудиться и этот, и еще следующий день. 2 февраля 1943 года полностью прекратила свое существование 330-тысячная группировка вражеских войск, пытавшихся овладеть Сталинградом. И эта знаменательная дата навсегда будет сохранена в памяти народа.

П. И. Батов,

дважды Герой Советского Союза,
генерал армии

Между Доном и Волгой

Чем ближе к Дону, тем все заметнее становилось солдатскому глазу, что здесь готовятся к большим делам. Ночью шли и шли войска. Днем, куда ни взглянешь,— рассредоточенные и замаскированные танковые части, артиллерийские полки, колонны грузовиков. К небольшому хутору Малая Ивановка проносились одиночные командирские машины. Потянулись линии связи. Здесь был расположен центр управления войсками фронта.

Встреча с командующим Донским фронтом К. К. Рокоссовским была короткой.

— Говорить сейчас некогда,— сказал он.— Зайди в штаб, к Малинину, Казакову, Желтову, они дадут ориентировку... Чуйкову очень трудно. Еще никогда там не было так трудно. Помогаем, чем можем. Но главное теперь для нас уже не в этом. Ясно? Рекомендую сегодня же выехать в армию. Разберешься и доложишь. Особое внимание обрати на клетский плацдарм.

Линия обороны нашего фронта, начинаясь у Волги, протянулась на запад по контурам малой излучины Дона и далее вплоть до станицы Клетской. На Дону положение стабилизировалось. Здесь было тихо. Правое крыло Донского фронта замыкала 4-я танковая армия, которую мне предстояло принять. А. С. Желтов отозвался о ней с уважением. Армию я принял в тот же день. А глубокой ночью докладывал К. К. Рокоссовскому о состоянии дел в армии. В конце, словно между прочим, заметил, что в армии всего 4 танка, и те находятся на охране КП.

— Потому, видимо, и называется наша армия 4-й танковой,— пошутил я.

Рокоссовский рассмеялся и сказал:

— На войне всякое бывает. Очевидно, армия получит новое наименование.

Так и произошло. 4-я танковая была переименована в 65-ю общевойсковую армию.

С этих дней и ведет свою летопись наша славная шестьдесят пятая. От Волги до Одера пролег ее боевой путь, 27 раз ей салютовала Москва.

Начальники основных отделов штаба, начальники родов войск и служб прошли большую фронтовую школу. И. С. Глебов до назначения в 65-ю армию был заместителем начальника штаба фронта. Подполковник Ф. Э. Липис — начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта. Этот молодой офицер с 1931 года прошел все ступеньки: командир взвода, командир роты, батальона, заочно окончил Академию имени М. В. Фрунзе. Теперь это был хорошо подготовленный штабной работник. Начальник разведывательного отдела армии подполковник И. К. Никитин — тоже молодой, пришедший в полевое управление армии из дивизионной разведки,— отличался исключительной работоспособностью, прекрасно знал разведывательные подразделения каждой дивизии и был неутомим в изучении противника. В штабе его любили как беззаветно преданного товарища, жизнерадостного, умеющего скрасить шуткой трудную фронтовую жизнь. Начальник войск связи капитан А. И. Борисов кончил военное училище и до назначения в армию командовал подразделением связистов.

Когда Глебов, приметивший способного молодого офицера, попросил направить его к нам, в штабе фронта удивились: «Он же операцию не знает!». Глебов ответил: «Бог с ней, с операцией, мы в ней сами разберемся, дал бы связь!» Боевые порядки армии тогда беспрерывно бомбили немцы, бывало, что штаб не имел связи с дивизиями по нескольку суток. С прибытием Борисова работники штаба вздохнули свободнее. Связь стала действовать бесперебойно, в отделах штаба появились рации. И сам капитан Борисов прямо-таки расцветал на глазах, приобретая необходимый оперативный кругозор.

Знакомясь со штабом, я прежде всего сказал капитану: «Ведите, показывайте свое хозяйство». Армейский узел связи — зеркало управления. Было приятно видеть, что он организован действительно образцово. Борисов, повернувшись к дежурному телефонисту, с неожиданной мягкостью в голосе сказал: «Товарищ командующий, а это наша волжаночка...» Перед нами стояла зардевшаяся от смущения девушка в солдатской шинели. Маруся Келеберда пошла в армию добровольцем, когда фашисты осадили ее родной город. Службу несла с комсомольской страстью, ее любили

и знали не только у нас в штабе. Бывало, звонит Рокоссовский: «Маруся! Достань-ка скорее командарма...» И где бы я ни находился, Келеберда ухитрялась меня «достать». Среди коллектива офицеров и служащих штаба армии нельзя не отметить полковника А. Д. Мокшанова, майора Г. Ф. Тарасова, его супругу Л. Е. Тарасову — неутомимых, скромных тружеников, занимавшихся обобщением опыта войны.

Дружный, сколоченный коллектив штабных офицеров многим был обязан прежде всего своему непосредственному начальнику. Иван Семенович Глебов тянул, как вол, весь штаб, но делал это умеючи, то есть так, что каждый его подчиненный рос. В свои 39 лет полковник Глебов успел закончить два высших учебных заведения — Артиллерийскую академию и Академию Генерального штаба. Его обширные военные познания в соединении с опытом работы в высших штабах снискали ему общее уважение, несмотря на суховатость натуры. Такой человек был неоценимой находкой для командарма. Можно было спокойно отдаваться работе в войсках, зная, что принятое решение будет разработано творчески, со скрупулезной точностью.

Покончив с делами, все сели ужинать. В управлении армии стало обычаем — обедать вместе, ужинать вместе. Начальник штаба обвел стол вопросительным взглядом, но мой ординарец Геннадий Бузинов с обиженным лицом уже тащил попыхивающий паром самовар. Геннадий был хорошим солдатом и преданным боевым другом, однако у нас было непримиримое расхождение во взглядах. Он считал ниже своего достоинства потчевать офицеров чаем, предпочитая фляжку и «положенные сто граммов».

В сенях раздался шум и приглушенные голоса.

— Радецкий вернулся из триста четвертой,— сказал Лучко.

В избу вошел невысокий, широкоплечий, неторопливый в движениях бригадный комиссар, представился и присел к нашему столу. Этот человек меня особенно интересовал. От организаторской работы политического отдела зависело, насколько успешно удастся новому командующему развернуть подготовку войск к активным наступательным действиям, мобилизовать и управление армии, и штабы соединений, и всю массу солдат и офицеров.

Радецкий докладывал о 304-й дивизии, в которой провел минувший день с группой политработников. Снайперы дивизии вели попутно наблюдение за тем, что делается у противника. Политотдел, оценив этот опыт, подхватил его и готовил армейский слет разведчиков и снайперов.

— Если вовлечем всех снайперов в разведку, то наш Никитин получит сотни новых пытливых глаз и массу важных сведений о переднем крае обороны немцев...

Слушая начальника политотдела, я проникался к нему симпатией. Думалось, что в этом спокойном и уравновешенном офицере, умеющем уловить новое в жизни частей, всегда найду надежную поддержку. Обучить снайперов разведке? Прекрасная инициатива! Как раз то, что нужно было в то время.

— Когда же будет слет?

— Думаю, дня через два в Ново-Григорьевской, у Меркулова.

— Меркулов? Его не Серафимом ли Петровичем звать?

— Да, это он,— ответил Глебов.—Ваш сослуживец!

— Пожалуй, больше, чем сослуживец!

Когда-то в полковой школе был у меня Меркулов курсантом. Способный, жадный до знаний. Любимый ученик. Так хотелось вырастить из этого крестьянского юноши настоящего красного офицера!.. Лютой зимой сорокового года мы снова встретились с ним в Финляндии на реке Тайполен-Иоке. Меркулов уже командовал полком, который прославился при разведке и штурме дотов. Каков-то он теперь на дивизии? Радецкий, почувствовав, какие волнующие воспоминания у меня на душе, улыбался одними глазами и рассказывал, что 304-я дивизия на хорошем счету.

Я его сразу узнал, как только вошел в большой сарай, где собрался цвет наших дивизий. Он стоял у стола, покрытого куском красной материи, такой же, как запомнился мне,— стройный, с зычным командирским баском. Только седина уже легла на виски. Меркулов стремительно пошел навстречу, хотел доложить по всей форме, но не вышло. Мы обнялись и расцеловались, как отец с сыном, оба растроганные. Вокруг слышался одобрительный шепот солдат. Нет ничего в мире красивее солдатской дружбы!

— Показывай своих учеников!

Командир дивизии повернулся, широким жестом охватывая собравшихся:

— Вот они наши бойцы, наши орлы, товарищ командующий...

На слете выступали разведчики, рассказывали мастерам меткой стрельбы о приемах и технике наблюдения. Выступали снайперы, уже овладевшие второй военной профессией. Подполковник Никитин сидел среди бойцов и, положив на колени планшет, что-то рисовал, должно быть, показывал, как наносить на карту все, что замечено у врага. Поблизости от стола президиума разместилась кучка

артиллеристов. Меркулов объяснил, что это снайперские расчеты из 27-й гвардейской дивизии.

— Гвардейцы нас в этом деле опередили, но и у нас в дивизии орудийные расчеты усилили тренировку. В здешней местности одиночное орудие сопровождения пехоты должно сыграть большую роль.

В присутствии всех собравшихся два лучших снайпера армии — Максим Пассар и Александр Фролов — были сфотографированы под боевым знаменем. Они стояли перед алым полотнищем, два неразлучных друга: рослый русский юноша с непокорным бобриком светлых волос и смуглый, похожий на мальчугана, весь, как пружина, нанаец. На груди поблескивали ордена Красного Знамени. Зал аплодировал. Эти два героя истребили 380 фашистов, из них 252 гитлеровца уничтожил Пассар. Имя его было известно всему Донскому фронту. Немцы сбрасывали листовки с дикими угрозами в адрес Максима Пассара. Я знаю еще только одного человека, тоже снайпера нашей страны, на которого тогда фашистские пропагандисты с такой же ненавистью обрушивали свою злобу,— это Илья Эренбург.

Фролов говорил:

— Мне, товарищ командующий, за Максимом не угнаться.

Пассар утешал его:

— У нас, Саша, общий счет,— и, полуобернувшись к залу, добавил: — У всех один общий счет!

Фотографией у знамени Пассар очень дорожил.

— Пошлю отцу, пусть гордится народ.

В устах русского подобные слова, вероятно, показались бы неуместными, а у нанайца Пассара в них выразился весь символ веры. Маленький народ, униженный и забитый в царской России, получил от Советской власти свободу, равноправие, благополучие. Отсюда обостренное чувство национальной гордости, столь характерное для нашего знаменитого снайпера.

Александру Фролову некуда было посылать фотографию. В родном Городище у Волги хозяйничали гитлеровцы.

— Вот мы освободим мою родину, приезжай в гости, товарищ командующий!

— Непременно, товарищ Фролов. За немногим дело — надо только разбить немцев.

В освобожденном Городище в январе 1943 года я действительно встретил снайпера Фролова. И Максим Пассар был с нами. Он лежал под мерзлыми кусками земли, захороненный руками боевого товарища. В последнюю атаку Максим шел, как всегда, неистово. Треух развевался на

бегу. Полушубок нараспашку. Гимнастерка и рубаха расстегнуты, обнаженная грудь подставлена навстречу обжигающему ветру. Таким я хотел бы видеть памятник этому замечательному солдату.

Под вечер «виллис» доставил нас с Меркуловым к Дону. Днем на плацдарм не перебраться, убьют ни за грош. У причалов возились понтонеры и саперы, покачивался на мелкой волне паром. Быстро приготовили резиновую лодку. До середины реки плыли благополучно, но вдруг над головами провизжало несколько снарядов. Один разорвался метрах в пятидесяти, плеснув в нашу скорлупку добрую порцию воды.

— Заметили,— пробасил усатый понтонер.

Противник вел огонь из четырех орудий. Лодка прыгала на волнах, как во время шторма.

— Оставил завещание? — спросил я комдива.

— Дела плохи... Погибнешь — и добрым словом не помянут. Дурак, скажут, командарма потопил!

Лодка уже вошла в старое русло, скрытое от наблюдения противника.

Клетский плацдарм держали части 304-й и 27-й гвардейской дивизий. Они глубоко зарылись в землю. Впереди, подобно крепостям, возвышались занятые противником высоты. При свете ракет поблескивали их крутые меловые скаты. Слева угрожающе навис над нашими позициями крупный узел сопротивления Логовский, в центре и чуть правее — высота 135,0 и Мело-Клетский. За ними, в глубине вражеской обороны, в направлении к Ореховскому, опять шли сильно укрепленные высоты. Противник готовил этот рубеж в течение полутора месяцев. Плацдарм наш был невелик — до пяти километров глубиной и примерно столько же по фронту. Этот «пятачок» во всех направлениях простреливался неприятельским огнем.

Всю ночь мы с С. П. Меркуловым, а затем и командиром 27-й гвардейской дивизии генерал-майором В. С. Глебовым лазали по траншеям. С чувством радости я думал, что 304-ю дивизию вполне можно поставить рядом с прославленным гвардейским соединением.

К утру первое знакомство с плацдармом закончилось. Каждая позиция подсказывает решение. Клетский плацдарм говорил об одном: здесь успех возможен лишь при безусловной тактической внезапности. От инженерных частей и от командования соединений требовалось большое искусство, чтобы подготовить эту, лежащую на глазах у противника, площадь к скрытному размещению и сосредоточению ударной группы войск. Наши люди справились с

этим. В течение месяца на плацдарме кипела горячая работа. Копали ночи напролет, к утру — все замаскировано, нигде не заметишь никаких признаков оживления. Противник ни разу даже поиска не провел на этом направлении.

20 октября, вернувшись из частей, застал на КП армии командующего фронтом. Около него стоял сияющий Лучко. Константин Константинович, положив ему руку на плечо, говорил со своей располагающей искренней улыбкой:

— Мы — старые друзья!

Оказывается, они были сослуживцами в сороковом году: Филипп Павлович работал в 5-м кавалерийском корпусе, когда командование им снова принял Рокоссовский. На вопрос, чем интересовался командующий, Лучко ответил, что расспрашивал, каков боевой дух войск, и намекал, что предстоят большие дела. Подготовка к контрнаступлению проводилась столь скрытно, что пока даже члены военных советов армий не были о ней осведомлены. Мне Константин Константинович сказал:

— На днях получите указания для разработки армейской операции. Думаю, начнем в праздник... А сейчас поедем на плацдарм, хочется поглядеть на ваших героев.

Машина петляла по отвратительной разбитой и размокшей дороге. Думалось о том, что вот приближается великий момент, ради которого живет каждый военный человек. Недели напряженной тренировки войск, организаторская работа среди тысяч людей, послушных твоей воле, работа мысли, применение всяческих хитростей для дезориентировки противника — все будет подытожено и проверено в момент решающего удара по врагу. Командующий фронтом был, как всегда, спокоен, немногословен.

— В операции Донского фронта,— сказал Рокоссовский,— вашей 65-й армии предназначено наносить главный удар.

Проверяя передний край, мы заглянули к одному из лучших наших командиров полков — Константину Петровичу Чеботаеву. На Дону в 65-й армии было, на мой взгляд, два командира полка, наиболее полно воплотивших идеал офицера-коммуниста,— это Николай Романец в Железной дивизии и Константин Чеботаев в 304-й. Майор Романец — горячий, порывистый, с украинским упорством, любимый воспитанник полковника Прохорова; подполковник Чеботаев был постарше, очень спокойный, рассудительный, действовавший по правилу: «Семь раз отмерь — один раз отрежь». Своим характером он напоминал Радецкого: этакий глыба-человек, с которым охотно разделишь любую опасность. Полк свой Чеботаев держал строго. Должен

сказать, солдат на войне уважает в офицере именно строгость, был бы делен да справедлив.

Мы шли по ротам. Видя, как ревностно исполняют бойцы приказания командира полка, Рокоссовский сказал мне негромко:

— Любят здесь своего командира.

— Да... ветераны зовут себя чеботаевцами.

— Вот высшая награда офицеру,— задумчиво проговорил командующий и уже громко, обращаясь к стоявшим в траншее бойцам, спросил:

— Не надоело, товарищи, в окопах сидеть?

Завязалась одна из тех задушевных бесед, которые приносят огромное чувство удовлетворения. В ответ на вопрос командующего послышалось, что сидеть в окопах, конечно, надоело, что не дождемся, когда погоним фашистов и так далее. Солдаты спрашивали, как бои в городе, и командующий фронтом отвечал, что бои в городе крайне обострились, идут и днем, и ночью, но чуйковцы бьются, как герои. Старший сержант, старшина роты, подал голос:

— Разрешите спросить, товарищ командующий...

— Пожалуйста!

— А нельзя фрицев там прихлопнуть?

— Как так?

— Ударить наперерез с тыла и прихлопнуть, как мышь в мышеловке... чуйковцы — навстречу!..

Рокоссовский рассмеялся хитро и довольно:

— Быть вам, товарищ старший сержант, маршалом!

Стоящие вокруг люди тоже засмеялись, но сержант без смущения смотрел на командующего фронтом. Повизгивая, приближалась мина; на слух можно было определить, что она для нас не опасна.

Вторая мина завизжала угрожающе.

— Ложись! — крикнул Рокоссовский и присел вместе со всеми на дно траншеи. Мина разорвалась невдалеке. Сверху посыпались комья земли. Когда встали, я по лицам солдат видел, насколько им приятно, что большое начальство делит с ними опасности окопной жизни.

— Надеюсь, что скоро услышим о подвигах вашего славного полка! — сказал Константин Константинович, прощаясь с чеботаевцами.

Прошло несколько дней, и штаб впрягся в разработку плана наступления.

Задачи, которые предстояло решить, были весьма сложные. Все штабные офицеры показали и надлежащую квалификацию и исключительную преданность делу. Работали с энтузиазмом. Никто не жалел сил.

Каждый из нас жил одним чувством, может, не до конца тогда еще осознанным, но именно оно двигало поступками людей. Это чувство ответственности момента, чувство нарастающего перелома в войне, участниками которого мы все имели счастье быть.

Командование 65-й армии отчетливо представляло всю сложность будущего наступления с прорывом обороны немцев, занимавших господствующие высоты и создавших сильные опорные узлы сопротивления — Мело-Клетский, Логовский, Сиротинский, Хмелевский и Трехостровский с законченной системой артиллерийского и пулеметного огня.

Командирские занятия помогли нам проверить и совершенствовать умение командиров дивизий и полков осуществлять взаимодействие и в планировании, и при прорыве обороны, и с выходом на оперативные просторы.

Завершить всю эту напряженную работу я решил проигрышем операции на ящике с песком.

Масштабный макет местности было решено устроить в непосредственной близости от наблюдательного пункта командующего армией на скатах высоты 90,3 у станицы Дружилинской. Эта высота находилась на стыке 304-й и 27-й гвардейской дивизий, километрах в полутора от переднего края. Здесь с небольшой группой саперов работал майор Н. М. Горбин. Он оборудовал НП, он же возился над ящиком с песком, строя из полупромерзшей земли красными от холода и воды руками рельеф местности, обозначая топографическими условными знаками силы и средства обороны врага.

Все данные на ящике с песком Горбин наносил после личной рекогносцировки командарма с офицерами штаба, после уточнения сведений разведки, проверенных и подтвержденных показаниями пленных немцев и румын. Контрольных пленных мы брали регулярно. Особенно посчастливилось в первых числах ноября, когда было решено организовать поиск в двух дивизиях ударной группы. Радецкий с Никитиным отправились на левый фланг в 321-ю к И. А. Макаренко, а я с Лучко в 304-ю. В просторной землянке (комдив не отказывал себе в удобствах!) Меркулов что-то соображал над картой.

— Отложи свою науку, Серафим Петрович, мы к тебе по важному делу.

— Слушаю, товарищ командующий!

— «Язык» нужен.

— «Свеженький»,— сказал любивший шутку Лучко.

— Достанем! У меня есть специалисты по этому продукту.

— Вот и отлично. Славная триста четвертая не подкачает. Давай сюда твоих специалистов!

Меркулов по телефону распорядился.

— Волкова ко мне. Одна нога там, другая — здесь!

В землянку вошел младший лейтенант, по-юношески звонким голосом доложил о прибытии и замер у притолоки. Статная фигура. Молодое раскрасневшееся лицо с черными грузинскими усиками.

— Это и есть твой мастер-зверолов?

— Так точно,— ответил комдив,— из-под земли достанет! — В его голосе слышалась гордость. Приятно чувствовать, когда командир гордится своими подчиненными. Верный признак настоящего офицера.

— Давно в армии, товарищ Волков?

— Пятый год...

— Ну? А я думал, вы моложе!

— Что вы, товарищ командующий,— сказал Меркулов.— Ему двадцать шестой год пошел. Отец семейства, два сына в Сибири с победой ждут. Вид у него, правда, комсомольский... Он вот и усы отрастил для солидности.

Разведчик так и вспыхнул.

— Ладно, полковник, чужих секретов не выдавай... Ставь задачу на поиск. Брать без шума. Будем ждать до утра.

Волков ушел. Вместе с ним вышел Филипп Павлович. Он хотел побеседовать с идущими в поиск людьми. Когда остались одни, я спросил комдива, не подведет ли разведчик. Меркулов ответил:

— Будьте спокойны. Он — коммунист, отличный офицер. Уже девять «языков» здесь достал.

— Девять? Что же у него наград не видно, товарищ полковник?

Меркулов молча опустил глаза. Да и как не смутиться: человек девять раз со смертью в прятки играл и ничем не отмечен!

— Обстановка не подходящая,— оправдывался Меркулов.— Вот пойдем вперед...

— Для наград комдиву — не подходящая. Не заслужил еще комдив! И командарм не заслужил. А младший лейтенант Волков очень даже заслужил. И если комдив о нем не вспомнит, то кто же позаботится о герое? Давай исправлять это дело.

Возвратился Лучко. Возбужденный беседой с разведчиками, он сказал:

— Хорошие ребята! Втроем пошли, только с ножами и гранатами...

— Это волковский стиль,— объяснил комдив.— Натренировал людей действовать без звука.

...Далеко за полночь я услышал сквозь дремоту басок комдива: «...Пока иди отдыхай. Пусть командующий немного поспит». — «Слушаюсь»,— бойко ответил Волков. Я тотчас поднялся:

— Как дела, герой?

— Ваш приказ выполнен!

— Кого взял?

— Унтера.— И Волков рассказал, как это было.

Трое разведчиков проползли за передний край. Притаились в воронке рядом с тропой. Несколько солдат с котелками пропустили. Но вот показался одиночка. Когда немец повернулся спиной, Машухин прыжком настиг его. Сержант схватил унтера за горло, Волков воткнул кляп в рот и показал нож — «ферштейн?» Отсиделись до глубокой ночи в воронке и поползли.

От имени Президиума Верховного Совета я вручил младшему лейтенанту орден Красной Звезды.

Забрав пленного унтер-офицера, мы с Лучко поехали на командный пункт армии. Тут нас уже ждал второй «язык», захваченный разведчиками 321-й дивизии. Данные допроса позволили, во-первых, убедиться в том, что силы противника остаются прежними; во-вторых — и это самое главное! — они свидетельствовали, что на Клетском направлении находится стык левого фланга немецкой армии и правого фланга румынской.

Днем позже меня вызвали в город Серафимович на командный пункт славной 21-й армии. Здесь должно было состояться совещание, которое проводили представители Ставки с руководством Донского и Юго-Западного фронтов.

Совещание было представительным: Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, члены военных советов обоих фронтов А. И. Кириченко и А. С. Желтов, несколько генералов из Генштаба.

Окончательный срок начала наступления мне стал известен 17 ноября.

Последний день перед наступлением я провел в частях. Мне удалось побывать у гвардейцев на партийном собрании: разбирали заявления о приеме в партию. Формально люди еще ничего не знали о наступлении. Боевой приказ был доведен до бойцов позже, всего за три часа до начала операции. Но многие признаки показывали солдатам, что близятся решающие события, и люди готовили себя к ним.

Над Доном занималось хмурое утро.

Заверещал зуммер полевого телефона. У провода К. К. Рокоссовский:

— Какова у вас видимость, Павел Иванович?

— С трудом просматриваю на двести метров,— ответил я с тайной надеждой услышать приказ об отсрочке до улучшения погоды.

Командующий фронтом помолчал, потом сказал:

— Начинать будем вовремя. Желаю успеха. Скоро буду у вас.

Секундная стрелка перескочила последнее деление и как будто остановилась на 7.30. И тотчас в тылу Дружилинских высот, слева и справа, раздался мощный рев. Полки тяжелых гвардейских минометов дали первый залп. Мелькнули в обломках огненные торпеды «катюш» и исчезли за занавесом тумана. Оттуда донесся гул разрывов.

В воздухе сплошной гул. Завеса тумана стала желтовато-багровой. Артиллерийская подготовка продолжалась 80 минут.

На НП царило напряженное ожидание. В 8.30 к гулу и грохоту пулеметов прибавились дробь автоматных очередей, залповый огонь из винтовок. Готовясь к броску, подавала свой голос пехота. Боевой порядок дивизий был построен в один эшелон, чтобы сразу обрушиться и ворваться в первые траншеи противника всеми наличными средствами.

В 8.50 раздался залп тяжелых минометов — сигнал к атаке. На мгновение стало тихо, и вдруг весь плацдарм ожил и заполнился массой людей. В стереотрубу было видно, как солдаты выскакивали из окопов, бежали за танками и вместе с ними исчезали в тумане.

Первые две линии траншей на береговой возвышенности были взяты сразу. Развернулся бой за ближайшие высоты. Оборона противника была построена по типу отдельных опорных пунктов, соединенных траншеями полного профиля. Каждая высота — сильно укрепленный пункт. Овраги и лощины минированы, подступы к высотам прикрыты проволокой, спиралями Бруно.

Гвардейцы справа, прижимаясь к 76-й дивизии соседа, двигались хорошо.

Так начался 19 ноября бой за Мело-Клетский — сильный опорный пункт на центральном участке прорыва, бой, в котором командиры наших ударных дивизий выдержали экзамен на взаимодействие. Маневр траекторией — и высота 135,0 накрыта огнем артиллерии армии. Бойцы 321-й, штурмуя дзоты, развязали руки 304-й дивизии: 812-й полк Сорокина зацепился за восточную окраину Мело-Клетского и вел огневой бой, ожидая по приказу комдива, пока со-

вершится обходный маневр. В это время Чеботаев с танкистами И. И. Якубовского проскочил слева вперед, устремившись к высоте 186,7, находившейся в тылу Мело-Клетского, а справа обходил опорный пункт 77-й гвардейский полк. Бой этот протекал на фоне непрерывных контратак.

Виктор Сергеевич Глебов доносил, что гвардейцы отбили две контратаки, в которых участвовала группа в 10—15 немецких танков с пехотой. Он говорил: «Тяну за собой артиллерию, всеми силами тяну артиллерию в боевых порядках пехоты, а местность такова, что часто на руках приходится тащить...» Из Логовского все сильнее нажим противника — одна, другая, третья контратака. В третью немцы бросили уже до полка пехоты при поддержке шестиствольных минометов.

Погода улучшилась. Авиация начала разведку.

Никитин доложил, что летчики наблюдают движение значительных групп пехоты и танков противника из района Ореховское—Венцы. Последовал приказ — авиации нанести бомбовые удары по подходящим резервам неприятеля.

Ветер разорвал, наконец, туман. Стало возможно работать у оптических приборов. Высота 186,7 отбивалась огнем. Вот на ней загрохотали разрывы наших снарядов. Дым. Фонтаны взметнувшейся земли. Это Меркулов ударил всей силой артгруппы, поддерживавшей 304-ю дивизию. Но тотчас же противник открыл сильный огонь из Мело-Клетского и прижал к земле чеботаевский полк. Ему мастерски помог Бабаскин огневым налетом армейской артиллерии на опорный пункт румын. Очередной бросок полка — и Чеботаев вплотную подошел к меловым обрывам.

Кто-то положил руку мне на плечо. Сзади стояли К. К. Рокоссовский и В. И. Казаков. Я собрался доложить. Командующий фронтом жестом остановил и, сказав: «Я вижу, Павел Иванович», встал у стереотрубы.

Мы наблюдали один из самых напряженных моментов боевых действий войск. Пусть читатель представит себе эту местность: извилистые глубокие овраги упираются в меловой обрыв, крутые его стены поднимаются на 20—25 метров. Рукой почти и не за что уцепиться. Ноги скользят по размокшему мелу. Полк Чеботаева пошел на штурм. Было видно, как солдаты подбегали к обрыву и карабкались вверх. Люди срывались, падали, поддерживали друг друга и упорно ползли вверх.

Вечером подполковник Липис, посланный мною в 807-й полк, докладывал, что в атаке отличился сам командир полка. Чеботаев поставил задачу танкам: сделать два прохода в проволочных заграждениях для 1-го батальона и

один — для 2-го, а затем поддерживать стрелков огнем с места. Несколько танков укрылись в засаду на случай контратаки слева. Артиллерия подавляла огневые точки. У самых меловых стен пехота замялась. Создалась критическая обстановка. И Чеботаев сам бросился в цепь:

— За Родину! Вперед! Ура!..

Батальон дружно атаковал и одолел крутой скат.

Командующий фронтом, не отрывая глаз от стереотрубы, сказал:

— Хорошо... Хорошо! Танки прорвались в обход.

Действительно, две группы танков обходили Мело-Клетский. Невжинский — справа, Якубовский — слева. Они шли к высоте 186,7, ведя огонь с ходу по дзотам.

Константин Константинович пробыл на нашем НП часа два и направился в 24-ю армию. На прощание он сказал:

— Противник оказывает неожиданно упорное сопротивление,— и, помедлив, закончил: — Помните, вы отвечаете за левый фланг двадцать первой армии.

Эти слова были восприняты как требование резко поднять темп наступления ударной группы.

Наши части сражались напористо. После упорных боев мы вышли ко второй линии обороны противника, расположенной на восточном берегу Дона с сильными опорными пунктами в Песковатке и Вертячем.

Накануне форсирования Дона в районе Песковатка — Вертячий в нашей армии произошли изменения. После того как была взломана вражеская оборона в центре и на левом фланге, командование армии получило возможность поставить во второй эшелон 4-ю и 40-ю гвардейские и 321-ю дивизии. Мы полагали нарастить ими удар после броска через Дон, однако командующий фронтом забрал их в свой резерв. Таким образом, 65-я армия действовала в составе шести стрелковых дивизий.

Бой за Вертячий разгорелся в полную силу. Штурмовые отряды 304-й, поддержанные танками, медленно продвигались в глубь селения с юго-западной окраины. Здесь немцы были слабее. Они, естественно, ожидали удара с севера и там укрепились основательно: имели предполье с различными инженерными заграждениями, надолбы, на каждые 100 метров — до трех ручных пулеметов, один станковый и два противотанковых орудия. Пленные, захваченные этой ночью, показывали: немецкое командование приказало превратить подступы к Вертячему в зону смерти. Всех предупредили, если сдадут Вертячий или сами сдадутся в плен, то семьи их будут расстреляны.

Надо отдать должное героизму 304-й дивизии. Она первая начала штурм этой крепости. Незадолго до рассвета 252-я дивизия тоже форсировала Дон и ударила по западной окраине, почти одновременно атаковала опорный пункт с севера 27-я гвардейская. Командиры обоих соединений доносили, что встретили сильное огневое сопротивление, успеха не имеют. Им было приказано оставить заслоны для блокирования и обходить главными силами Вертячий.

Вскоре представители Ставки вызвали меня на доклад.

Александр Михайлович Василевский расспросил о трудностях и нуждах армии (главная трудность и нужда — пополнение... десять дней тяжелых наступательных боев, пройдено 100 километров, и за это время наши дивизии ни разу не пополнялись). В заключение выразил удовлетворение действиями армии.

— Мы ожидали, что вы будете в Вертячем, по крайней мере, на сутки позже. Сегодня я докладывал в Москву. Просят передать благодарность войскам... Лично мне доставляет удовольствие поздравить командарма с награждением орденом Суворова первой степени.

Возвращаюсь на свой НП. Навстречу — комдив 304-й рядом с ним низкорослый коренастый сержант.

— Разрешите обратиться!

— Постой, Серафим Петрович, дай я тебя сначала поздравлю с боевым успехом. Верховный Главнокомандующий объявил благодарность солдатам и офицерам за овладение Вертячим. А среди них — тебе первое место.

— Нет, товарищ командующий, первое место вот ему!— Полковник отступил полшага назад, так что крепыш-сержант оказался впереди. Комдив между тем продолжал: — Вы приказывали доложить, кто поднял на реке Красное знамя. Он поднял. На льду убило командира роты. Он принял командование на себя, и рота первая перешла Дон и первая ворвалась на улицы Вертячего. Награжден на поле боя Красной Звездой.

— Докладывай, герой, как сражался.

— Полковник все сказал... Вторая рота восемьсот двенадцатого полка готова выполнить любое задание. Докладывает исполняющий обязанности комроты сержант Карамзин.

— Неверно докладываешь. Комдив, поправь!

Меркулов моментально сориентировался:

— Командование дивизии представляет товарища Карамзина к присвоению звания младшего лейтенанта.

Вот и пополнилась наша славная офицерская семья. Что касается пополнения рядового состава, то жизнь дала

неожиданный источник. В наступательных боях до Вертячего мы освободили до двух тысяч бойцов, захваченных фашистами летом 1942 года. Большую часть пришлось эвакуировать, настолько люди были измучены и истощены, нуждались в длительном лечении, но человек шестьсот отобрали.

Вокруг хутора немцы построили целый подземный город: блиндажи с перекрытиями, защищающими от 152-миллиметровых снарядов. Все это мы приспособили под госпитали и здесь же разместили освобожденных из плена. Подлечили, откормили, подбодрили морально. Прекрасно впоследствии дрались эти товарищи в рядах гвардейских частей. Никакого другого пополнения наша 21-я армия за все время Сталинградской битвы не получала.

Преклоняю свою седую голову в знак глубокой и сердечной благодарности коллективу медицинских работников госпиталей 65-й армии за их неутомимый, колоссальный труд, вложенный в дело восстановления здоровья раненых и больных; свой долг они выполнили с честью. В неимоверно тяжелых условиях наши славные советские медики добились возвращения в строй от 65 до 78 процентов раненых. Особо хочется отметить труд главного организатора нашей медицинской службы — полковника Петра Алексеевича Иванова.

Для того чтобы задержать наступающие соединения 65-й и 21-й армий (с 28 ноября последняя была передана в состав Донского фронта), немецкое командование перебросило на данный участок борьбы из Кузьмичей и Орловки 3-ю и 60-ю мотодивизии, 79-ю пехотную дивизию, против нас появились танки 14, 16 и 24-й танковых дивизий врага. В междуречье западнее Волги степь представляет собой ряд котловин (балки,) разделенных цепями высот. Одна из них — западная — начинается от Паньшино и тянется через высоты 116,2, близ Самофаловки, 122,6, 124,5, далее Казачий курган и отметка 135,1, известная под названием Пять курганов. Отходя от Дона, противник укрепился на этом рубеже. Мы вышли к Казачьему кургану и были принуждены остановиться. Ноябрьское наступление закончилось. Площадь, на которой находились в окружении 22 дивизии противника, сократилась к этому времени в два раза. Она уже почти простреливалась насквозь артиллерийским огнем. Казалось, еще одно героическое усилие — и враг будет уничтожен. После двухдневной подготовки (все силы были брошены на подтягивание отставшей артиллерии!) 65-я попыталась 2—4 декабря прорваться через западный гребень высот. Сделать это не удалось. Бои были

жестокие. Чуть продвинутся наши части вперед, не успеют еще закрепиться — начинается контратака.

В двадцатых числах декабря на наш командный пункт снова приехал К. К. Рокоссовский. Вместе направились на позиции под Казачьим курганом. Командующему фронтом, как и мне, о многом говорили эти места: здесь проходила наша военная молодость в легендарные дни обороны Царицына. А теперь на кургане окопались немцы. Их нужно оттуда сбить.

— Неважная у вас позиция,— сказал командующий.

— Совсем плохая... Противник опять на высоте, он нас видит, а мы его... чувствуем.

— Постарайтесь овладеть этим гребнем до начала наступления.

— Обязательно, товарищ командующий. Аскалепов с Якубовским у нас готовятся... Но, разрешите спросить, когда же начнется наступление с целью ликвидации «котла»?

— К этому я и веду речь. Обстановка складывается благоприятная. Ватутин и Еременко резко повернули на запад. Решения Ставки еще нет, но имеются сведения, что они вряд ли будут заниматься окруженной группировкой. Очевидно, придется нам самим управляться. Попрошу вас подумать, поработать со своим штабом и, не задерживаясь, доложить мне свои соображения.

Нужно ли говорить, с каким удовлетворением было принято это задание командующего фронтом. Константин Константинович ценил мнения и предложения командармов, их штабов, командиров соединений и частей. Не только тогда, на Дону, но и на протяжении всей войны он перед принятием решения советовался с подчиненными. Ему хотелось, чтобы каждый офицер и генерал вносил свою творческую долю.

Поскольку 65-я армия направлялась для нанесения главного удара, она получила в декабре в результате перегруппировки войск фронта новые соединения. Из 24-й армии к нам пришли 173-я дивизия полковника Василия Семеновича Аскалепова и 214-я дивизия генерал-майора Николая Ивановича Бирюкова (та самая, которая 22 ноября 1942 года пережила тяжелые дни штурма высоты 56,8). Они недолго воевали в наших рядах, но каждая внесла свой вклад в боевую историю армии. 173-я дивизия брала Казачий курган, а затем осуществила смелый маневр в сторону Карповки, срезав западный выступ в обороне противника. 214-я прорвала немецкую оборону у совхоза № 1; ей принадлежит честь захвата крупного аэродрома в «котле»

в районе Питомника; вместе с 11-й артиллерийской дивизией РВГК А. Д. Поповича она нанесла в Спартановке последний удар, после которого северная группа окруженных войск прекратила сопротивление.

Казачий курган был взят в полдень 28 декабря.

Одной из первых в 65-ю армию прибыла 11-я артиллерийская дивизия РВГК. Ее привел под новый год полковник Андрей Давыдович Попович. Он явился 1 января в Вертячий с докладом. Радостная была встреча, во-первых, потому, что дивизия оказалась хорошим новогодним подарком, а во-вторых, потому, что мы с полковником были добрыми друзьями на Брянском фронте, где он командовал артиллерией в 211-й стрелковой дивизии. Мне нравился этот очень спокойный, но решительный в действиях сорокалетний офицер, человек высокой культуры и немалого опыта. В армии он служил с девятнадцатого года. Начало военной карьеры было у него своеобразным.

Кто не знает, хотя бы по литературе, что такое полтавский куркуль? Звери были, а не люди, активу бедноты не было от них житья в 1918 году. 16-летний Андрей Попович работал тогда в комбеде. Кулачье охотилось за парнишкой, и он пристал в проходившей красноармейской части. Много воды утекло с тех пор. Бывший комбедовец окончил в 1933 году командный факультет Артиллерийской академии, прошел адъюнктуру. Во время Сталинградской битвы он получил звание генерала.

Не одна только 11-я дивизия РВГК участвовала в январском наступлении. В первом эшелоне 65-й армии в памятные дни января находилось 25 артиллерийских полков усиления, 8 гвардейских минометных полков и 4 тяжелые гвардейские минометные бригады. Насыщенность артиллерией возросла необычайно. Помню, комдив 27-й гвардейской В. С. Глебов рассказывал: «У нас бронебойщики-пэтээровцы приуныли, ходят к артиллеристам и просят: имейте совесть, дайте и нам возможность подбить фашистский танк!..» У гвардейцев на километр фронта приходилось 338 орудий и минометов — цифра небывалая для 1942 года. Виктору Сергеевичу «повезло», в среднем по армии на километр фронта было 135 орудий и минометов, а на главном направлении — 167.

Не преуменьшая роли стрелковых соединений, следует отдать должное артиллерийским частям. Их роль была велика.

Подготовка генерального наступления на окруженную группировку противника подходила к концу. План «Кольцо» становился явью. Создан мощный артиллерийский

сопротивления. Не до жиру, быть бы живу! Сотни, тысячи немецких солдат сдавались в плен.

Колонны пленных тянулись к железнодорожному виадуку, где велся точный подсчет. Всего на участке 65-й армии в этот день было пленено более 19 тысяч человек. Наскоро сочинил записку начальнику штаба фронта генералу Малинину: «Направляю 19 тысяч пленных в счет погашения числящейся за 65-й задолженности в полторы тысячи головорезов. Следующие партии ждите дополнительно».

На другой день командующему Донским фронтом было направлено боевое донесение:

«1. 65-я армия совместно с другими армиями Донского фронта закончила уничтожение и пленение окруженного противника в районе Сталинграда. 2.2.43 года к 16.00 очистила от противника заводскую часть города, уничтожив и большей частью пленив солдат и офицеров окруженной группировки немецкой армии.

2. К 16.00 2.2.43 года главные силы 65-й армии вышли на западный берег Волги на участке — завод «Баррикады», ул. Деревенская, тракторный завод.

3. За период генерального наступления с 10.1.43 года по 2.2.43 года 65-я армия, по неполным данным, уничтожила 30 500 солдат и офицеров противника. За этот же период армией захвачено в плен 26 460 солдат и офицеров.

В последний день среди пленных взято: генералов — 1, полковников — 9, подполковников — 36, майоров — 31, капитанов — 99, обер-лейтенантов — 346, лейтенантов — 596. Кроме того, большое количество раненых и больных солдат находится в госпиталях.

Подсчет военнопленных продолжается».

Четвертого февраля на площади Павших борцов собрались жители города-героя, представители всех соединений, участвовавших в боях. Ярко сияло солнце. На трибуну поднялись генералы, руководители городских партийных и советских организаций. Митинг открыл председатель городского Совета Д. М. Пигалев. Он поздравил воинов и жителей со славной победой. Взволнованную речь произнес Василий Иванович Чуйков, рассказавший о неимоверных трудностях борьбы, о героизме бойцов и командиров. Вслед за ним выступали герои боев. Вся страна торжествовала в эти дни вместе с участниками исторической битвы.

На берегу Волги стихло. Войска уходили на запад. 4 февраля и штаб 65-й погрузился в эшелоны. Приказ — отбыть в район Курска.

А. С. Жадов,

Герой Советского Союза,
генерал армии

Закаленная в боях

В числе других соединений и объединений, которые создавались по решению Ставки Верховного Главнокомандования в 1942 году, в июне началось формирование 8-й резервной армии. Сколачивались части и соединения.

Шла напряженная боевая и политическая подготовка личного состава. Главное внимание обращалось на освоение боевого опыта, который Красная Армия накопила за первый год войны.

Много сил и труда вложили в организацию боевой учебы генерал-лейтенант М. И. Козлов, возглавлявший армию в начале ее формирования, и начальник политотдела бригадный комиссар Ф. А. Катков.

В конце августа в войсках армии развернулись командно-штабные, войсковые и специальные учения, боевые стрельбы.

Чтобы завершить намеченные планы боевой и политической подготовки войск, требовалось еще несколько недель.

Однако обстановка севернее Сталинграда к этому времени значительно ухудшилась. Наземные части врага 23 августа при поддержке массированных ударов авиации вышли к Волге в районе Рынок, Акатовка.

Учитывая создавшееся крайне тяжелое положение, Ставка Верховного Главнокомандования провела ряд мероприятий. 8-я резервная армия переименовывается в 66-ю. Командующим этой армией назначается генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. Армия включается в состав Сталинградского фронта и получает задачу сосредоточиться в районе Дубовки.

Выдвижение армии проходило в сложных условиях. Днем и ночью с короткими остановками полки и дивизии выходили в назначенные районы. В первых числах сентября прямо с марша полки и дивизии развернулись в боевые порядки на рубеже южнее и юго-западнее Ерзовки, имея спра-

ва 1-ю гвардейскую армию генерал-майора К. С. Москаленко, а слева — Волгу.

3 сентября 66-й армии была поставлена задача: совместно с 1-й гвардейской и 24-й армиями нанести контрудар, разгромить врага, прорвавшегося к Волге, ликвидировать образованный противником коридор, соединиться с правофланговыми частями 62-й армии и ослабить давление противника на город. Наступление начать в 6 часов 5 сентября.

Для выполнения этой задачи в армии была создана ударная группировка в составе пяти стрелковых дивизий, из них три, усиленные танками, в первом эшелоне и две — во втором; одна дивизия находилась в армейском резерве. Частям предстояло действовать на незнакомой местности, почти не было времени на подготовку и организацию атаки, средства усиления запоздали, в силу чего начало наступления было перенесено на три часа позже.

Как потом показали пленные, немцы, обнаружив выдвижение наших свежих сил, уплотнили свою оборону, особенно передний край, подтянули танки и артиллерию и с рассветом 5 сентября начали бомбить наши боевые порядки группами по 30—40 самолетов.

В такой обстановке в 9 часов 5 сентября после короткой артподготовки залпом реактивных минометов наши войска атаковали противника. Будучи слабо подавленным, он встретил наступающих организованным пулеметным и артиллерийским огнем. В течение всего дня продолжались горячие схватки, однако успеха мы почти нигде не достигли. Утром 6 сентября наши части снова перешли в наступление, и хотя успеха опять не добились, они своими активными действиями приковали к себе противника и заставили его ослабить нажим на Сталинград.

В сентябре и октябре войска армии во взаимодействии с соседями не один раз предпринимали активные наступательные действия с целью ликвидации вражеской группировки, прорвавшейся к Волге севернее города. Значительное превосходство противника в артиллерии, танках и авиации не позволило нашим войскам ликвидировать эту группировку. Однако в ходе боев немцы были вынуждены повернуть крупные силы на север против 66-й и соседних с ней армий. Этим была оказана помощь войскам 62-й и 64-й армий, которые стояли насмерть, стойко защищая каждый дом, каждый квартал, каждую улицу.

18 октября, получив приказ о назначении командующим 66-й армией, я выехал на машине из-под Воронежа на Донской фронт под Сталинградом.

По дороге я заехал в 7-й танковый корпус и здесь вперед

вые познакомился с его командиром генералом П. А. Ротмистровым. Павел Алексеевич встретил меня тепло, обрисовал обстановку на фронте, характер действий вражеских войск и обратил мое внимание на особую важность применения различных приемов и способов борьбы с танками противника. В заключение он сказал:

— По всему видно, что немцы выдыхаются, обстановка начинает складываться в нашу пользу.

В связи с тем, что противник в середине октября предпринял сильный нажим на город, 66-й армии было приказано нанести удар по группировке противника в общем направлении на Орловку и отвлечь его основные силы на север. 20 октября войска армии, получив часть свежих сил, снова перешли в наступление. В самый разгар этих боев я и вступил в командование армией.

Мне довелось увидеть много смелых, умелых воинов, толковых командиров, опытных штабных и политических работников. Немало ратных подвигов было совершено в тех боях. Но решительного перелома мы не могли достичь, потому что у нас было мало артиллерии, танков, авиации. Артиллерийская плотность на участках, где проводилось наступление, достигала самое большое 40—50 стволов на километр фронта. Наши танки, главным образом легкие, действовали только на отдельных направлениях и небольшими группами, а в ряде случаев наступление велось вообще без поддержки танков. Слабой была противовоздушная оборона.

Помню, как находившийся в это время на наблюдательном пункте командующий Донским фронтом генерал К. К. Рокоссовский в беседе со мной подчеркивал, что неправы те, кто с маху утверждает, что у нас пехота плохо обучена ведению наступления и борьбе с огневыми средствами противника и поэтому, дескать, она наступает медленно, залегает под огнем и потом ее трудно поднимать. Так говорят люди, которые сами не были под пулеметным огнем. А тут, кроме пулеметного, противник ведет еще сильный артиллерийско-минометный огонь, с воздуха наносит удары авиация. И несмотря на все это, наши стрелковые подразделения самоотверженно, умело дерутся с гитлеровцами, наносят им серьезные потери и в результате срывают все их планы.

К концу октября стало ясно, что силы врага в значительной степени истощились. Немцы, понеся большие потери и не добившись успеха, прекратили активные действия и начали переходить к обороне. Их авиация продолжала отдельными самолетами вести разведку и лишь изредка

мелкими группами наносила удары по нашим боевым порядкам.

19 ноября 1942 года войска Юго-Западного и Донского фронтов, а 20 ноября и Сталинградского фронта после мощной артиллерийской подготовки перешли в решительное наступление и, ломая сопротивление противника, успешно завершили полное окружение немецко-фашистской группировки в районе Сталинграда. Успех первых дней наступления вызвал большой боевой порыв у воинов нашей армии, неукротимое стремление быстрее разгромить врага на своем участке фронта.

66-я армия, имея незначительное усиление, действовала на второстепенном направлении. Она получила задачу — активными действиями сковать противостоящего противника и не дать ему возможности перебросить свои войска на направление главного удара фронта. Выполнение этой задачи требовало больших усилий, так как перед нами оборонялись 60-я и частично 3-я мотодивизии, поддержанные 16-й танковой. Все они сохраняли тогда высокую боеспособность. Кроме того, они занимали выгодные позиции.

Наш план предусматривал наращивание ударов по направлениям, наиболее уязвимым для противника. На них мы сосредоточили большую часть артиллерии армии, до двух третей стрелковых дивизий и все те танки, которыми мы располагали (в армии было всего-навсего 8—12 исправных танков).

Мы наметили на 24 ноября провести разведку боем на участках 226-й и 99-й стрелковых дивизий. Однако неожиданно для нас с вечера и до полуночи 23 ноября противник предпринял короткие, но сильные артиллерийские огневые налеты по боевым порядкам наших войск на различных участках. Это означало одно из двух: либо противник обнаружил наши приготовления, либо он намеревался проводить перегруппировку собственных войск. Мы немедленно усилили наблюдение всех видов, особенно офицерское, с общевойсковых и артиллерийских НП.

На рассвете командир 226-й дивизии полковник Н. С. Никитченко доложил мне, что он видит, как перед фронтом дивизии противник мелкими группами пехоты и танков отходит на запад. Отдельные группы двигаются на восток или вдоль фронта. В глубине также видны передвижения. Примерно такие же действия противника были установлены и на фронте 99-й стрелковой дивизии.

Оценивая обстановку, мы пришли к выводу, что противник проводил смену войск. В связи с этим мною лично и через штаб были поставлены задачи всем дивизиям первого

эшелона: немедля выслать разведку и начать наступление уже готовыми к этому подразделениями: привести по тревоге в боевую готовность главные силы и перейти в решительное наступление с целью разгрома противника и выхода на рубеж: совхоз «Опытное поле», железная дорога, Рынок; в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Орловку.

Через 20—30 минут сперва отдельные роты и батальоны, а вслед за ними и главные силы в составе 343, 226, 299, 116 и 99-й стрелковых дивизий перешли в наступление. 64-я дивизия находилась во втором эшелоне.

Наступление вначале развертывалось медленно: так называемая нейтральная полоса глубиной в 300—400 метров между нашим передним краем и противником была сильно заминирована противотанковыми и противопехотными минами, опутана малозаметной проволокой, изрыта бесчисленными воронками, загромождена сотнями подбитых танков и орудий. В этой полосе и на переднем крае противника не один раз происходили жаркие схватки. Преодолев эти препятствия, сбивая и уничтожая отходившие группы гитлеровцев, войска нашей армии развернули решительное наступление по всему фронту.

За день боя мы продвинулись на 8—12 километров, выбили противника из МТФ «13 лет Октября», овладели населенными пунктами Томилино, Латошинка, Акатовка, Винновка, Рынок. Энергично действовавшие части 99-й дивизии вышли в район группы полковника С. Ф. Горохова, отрезанной от других соединений 62-й армии и смело дравшейся на небольшом клочке земли вдоль Волги. Встреча была волнующей. Мы приняли немедленные меры к обеспечению воинов группы Горохова боеприпасами, продовольствием и оказанию им медицинской помощи.

Захваченные в ходе наступления пленные рассказали, что в ночь на 24 ноября немцы снимали с фронта мотодивизию и выдвигали взамен ее пехотную дивизию, которая с выходом на передний край несколько опоздала. К сожалению, не имея у себя в армии танков, а вблизи — фронтовых подвижных резервов, мы не смогли использовать благоприятно сложившуюся для нас обстановку. К вечеру противник сумел оказать сильное огневое сопротивление и начал контратаки пехотой и танками.

На следующий день наши части на ряде участков еще потеснили противника, а больше продвинуться не смогли. Однако решительные действия воинов армии заставили немцев снова вернуть на наш участок снятые накануне дивизии.

Для того чтобы создать более выгодные условия для предстоящих наступательных действий, нужно было захватить высоты 137,8 и 139,7. Овладев ими, мы получали возможность просматривать боевые порядки противника и дороги на Орловку, Городище, Кузьмичи и совхоз «Опытное поле». На этих высотах противник создал крупный узел сильных опорных пунктов, оборудованных траншеями, землянками с пулеметными площадками, перекрытых шпалами и бронелистами, обнесенных снежными валами и обеспеченных системой огня. Высоты обороняли сводный батальон 92-го мотополка и сводная боевая группа 16-й танковой дивизии. Их поддерживали танки и артиллерия.

Задача овладеть высотой 137,8 была возложена на 1151-й и 1153-й стрелковые полки 343-й стрелковой дивизии, а высотой 139,7 — на 985-й и 987-й стрелковые полки 226-й дивизии. Нужно иметь в виду, что полки к этому времени были крайне малочисленными.

Для непосредственного захвата высот мы выделили отряды, усиленные орудиями сопровождения, 4—5 танками, а также саперами. Танки имели задачу уничтожить огневые точки, высадить танковый десант и одновременно на волокушах подтянуть отдельные орудия.

Чтобы лучше подготовить подразделения и части к штурму высот, мы провели несколько занятий на местности. Особое внимание уделялось отработке быстроты выдвижения боевых порядков, атаке и закреплению захваченных рубежей, организации противотанковой обороны.

Ранним утром 25 декабря штурмовые отряды, а также танки с десантами заняли исходные позиции. Этому помогла плотная поземка, позволившая скрытно провести операцию. После 15-минутного артиллерийского огневого налета началась атака. Пехота смелым броском быстро достигла вражеских окопов, встретив лишь неорганизованный огонь противника, так как его артиллерийские передовые наблюдательные пункты были сразу же захвачены и обезврежены.

За 30 минут боя первый батальон 1153-го стрелкового полка старшего лейтенанта Денисова овладел передовыми блиндажами и окопами. Правее первый батальон 1151-го стрелкового полка капитана Абухова очистил от противника две линии обороны и закрепился на западных скатах высоты.

Подразделения 226-й дивизии к 11.00 сбили противника, частично уничтожив его, с высоты 139,7 и закрепились на ней.

На обеих высотах была немедленно организована про-

тивотанковая оборона, саперы заминировали танкоопасные направления, была сразу же подтянута артиллерия.

Танки, высадив десант на южных скатах высоты 139,7 и уничтожив там огневые точки противника, ушли на северные скаты в готовности к отражению противника.

Оправившись от удара, противник предпринял ряд контратак, стремясь вернуть утраченные высоты. Все контратаки были успешно отбиты. Обе важные высоты прочно заняли наши войска.

В ходе боев за высоты было уничтожено и захвачено 34 орудия и миномета, 37 танков, 46 станковых и ручных пулеметов. За это же время противник потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен около пятисот человек.

Успех, достигнутый частями и подразделениями 226-й и 343-й дивизий, еще раз показал, насколько важна тщательная и умелая подготовка к проведению любой операции, хорошо организованная разведка обороны противника, организация четкого и тесного взаимодействия с артиллерией, быстрое создание на занятых рубежах надежной противотанковой обороны. Командиры частей и подразделений армии, прошедшие хорошую выучку в предыдущих боях, обладали всеми необходимыми качествами, чтобы уметь организовать такую подготовку операции и осуществить ее.

Прошло свыше четверти века с тех незабываемых дней. Но передо мной, как живые, образы моих боевых соратников. И я не могу не сказать хотя бы несколько слов о некоторых из командиров и начальников.

226-й дивизией командовал полковник Н. С. Никитченко — энергичный, находчивый, тактически грамотный офицер. Он был командиром роты, начальником полковой школы, командиром батальона. Пройдя через все эти ступеньки, Никитченко стал хорошим организатором общевойскового боя, умеющим мобилизовать подчиненных на выполнение боевых задач. Его заместителем по политической части был А. А. Москаленко, начальником штаба — полковник П. В. Бойко. Оба они, под стать своему командиру, были толковыми, грамотными людьми, умелыми воинами.

343-й дивизией командовал генерал-майор М. А. Усенко — герой гражданской войны. Еще в те годы он за отвагу и смелость, проявленные в боях, был награжден двумя орденами Красного Знамени. В моей памяти он остался, как человек замечательной души, как опытный организатор боя. И мы все глубоко переживали, когда при выходе за Дон, на Курскую дугу, генерал Усенко погиб, случайно подорвавшись на противотанковой мине.

Добрая память осталась в моем сердце и о заместителе

Усенко по политической части полковнике В. Ф. Смирнове и начальнике штаба этой дивизии полковнике И. М. Водопьянове. Оба они были умелыми организаторами, отважными воинами, людьми большой души.

299-й дивизией командовал талантливый молодой полковник Г. В. Баклаиов. Он всегда, и обязательно на местности, до деталей отшлифовывал боевые действия войск, быстро схватывал и применял в бою передовой опыт.

Боевыми помощниками Бакланова были его заместитель по политической части полковник Карагодский и начальник штаба полковник Стражевский.

Штаб армии возглавлял генерал Ф. К. Корженевич — один из крупных квалифицированных штабных работников. Имея прочную общую и оперативную подготовку, он отдавал все знания и способности организации операций. Еще в 1932 году, будучи слушателем Военной академии им. Фрунзе, мне пришлось пройти стажировку в дивизии, штаб которой возглавлял Федосий Константинович. В работе, особенно в сложной обстановке, он был спокойным и в то же время подвижным и оперативным. Я тогда не раз удивлялся, насколько глубоко и быстро разрабатывал и оформлял он важнейшие оперативные документы и вопросы. Под его руководством все органы управления, связь действовала четко, что всегда приводило к осуществлению намеченного плана уничтожения противника. Федосий Константинович Корженевич часто выезжал на командные пункты соединений и частей и прямо на месте помогал организовать бой.

Командующий артиллерией армии полковник (потом генерал) Георгий Васильевич Полуэктов нравился всем как замечательный, хорошо знающий свое дело артиллерист. Он умел очень грамотно использовать артиллерию, организовать огонь «бога войны» по важнейшим целям и объектам. Полуэктов лично на местности тщательно изучал обстановку, боевые порядки врага, показывая пример смелости, мужества и спокойствия. Почти всегда в ходе боевых действий он на наблюдательных пунктах. Георгий Васильевич пользовался большим авторитетом и любовью не только у артиллеристов, его знали и в общевойсковых частях и соединениях. Полуэктов был постоянной и верной моей опорой по организации и осуществлению подавления и уничтожения противника огнем.

Не забуду командующего бронетанковыми войсками генерала Даниила Семеновича Чупрыгина. Во время наступательных боев он умело организовывал взаимодействие танков с пехотой и всегда находился в боевых порядках

танковых полков и бригад. Храбрец и в то же время хорошо подготовленный боевой танкист.

Много ратного боевого труда вложил в твердое управление войсками начальник связи армии генерал Иван Федорович Иванов. Он был настоящим военным связистом. Очень много работал сам и старательно, личным примером учил подразделения и части связи работать безотказно в боевых условиях.

Высокий моральный дух бойцов и командиров—добрая половина успеха. И эту половину обеспечивали политработники, которыми руководил начальник политотдела армии бригадный комиссар Ф. А. Катков. На протяжении всех боев под Сталинградом (он и до последнего дня войны оставался в армии) Катков показал себя мужественным, стойким большевиком, хорошим организатором политической, массовой работы. Он умел направить коммунистов, политработников, мобилизовать всех воинов на успешное выполнение боевых задач. Комиссар Катков всегда находился в самых ответственных местах во время боев и не один раз личным примером вдохновлял воинов на разгром врага.

Можно было бы назвать еще много имен и фамилий людей, которые пользовались огромным авторитетом и заслуженным уважением своих подчиненных. Их было много, все они, на каком бы месте ни находились, безотказно выполняли свою нужную в боевой обстановке роль. Отлично выполняли.

...До конца первой декады января 1943 года соединения и части армии провели ряд успешных боев, наносили большие потери противнику, овладели рядом населенных пунктов и готовились к завершающему разгрому врага.

После отказа окруженных немецко-фашистских войск от капитуляции 10 января войска Донского фронта перешли в наступление. В их числе и войска 66-й армии. Ведя напряженные бои в тяжелых зимних условиях, наступая в сильные холода, по глубокому снегу, подразделения и части медленно, но настойчиво продвигались вперед, уничтожая сопротивляющегося врага, овладевая балками и высотами, освобождая от гитлеровских захватчиков села и хутора.

25 января войска армии освободили Кузьмичи и совхоз «Опытное поле», 26 января части 226-й дивизии с боем взяли Орловку. В конце месяца завязались сражения в северной части города, в районе тракторного завода. Это был последний оплот терявших позицию за позицией и скопившихся здесь частей 6-й немецкой армии. Гитлеровцы, засев-

шие в подвалах каменных зданий на северной окраине города и тракторного завода, продолжали оказывать сопротивление нашим войскам. Сюда отошло около 20 тыс. немецких солдат и офицеров во главе со штабом 11-го армейского корпуса под командованием генерал-полковника фон Штреккера.

29 января я приехал на КП командующего 65-й армией генерал-лейтенанта П. И. Батова, опытного боевого военачальника и обаятельного человека. С Павлом Ивановичем мы встретились очень тепло. Я был особенно рад увидеть в эти победные дни здесь под Сталинградом своего бывшего командира, у которого я был начальником штаба в тяжелые дни 1941 года на Брянском фронте. Уточнив обстановку и договорившись о взаимодействии по ликвидации врага на «Баррикадах» и тракторном заводе, мы пожелали друг другу успеха, а на другой день непосредственно на местности организовали последний штурм северных окраин города.

В этот день я приехал в один из стрелковых полков 226-й дивизии. Командиром полка был смелый, грамотный, прекрасный командир — подполковник А. Н. Ляхов, павший смертью храбрых в боях на Курской дуге. После того как мы вместе с ним прошли по позициям и поговорили с солдатами, я спросил Ляхова, не поморозим ли мы людей, идущих ночью на последний штурм. Мороз был больше 30 градусов. Командир полка меня заверил, что все будет в порядке.

На следующий день у него действительно не оказалось ни одного обмороженного, потому что люди были одеты в полушубки, валенки, в окопы привезли солому, доставили горячую и обильную пищу, подвезли горячий чай.

В течение двух дней, 31 января и 1 февраля, наши полки вместе с вышедшими сюда частями 65-й армии штурмовали северные окраины города, район тракторного завода и завода «Баррикады». Плотным и все возрастающим огнем нашей артиллерии и минометов, бомбовыми ударами с воздуха были уничтожены тысячи сопротивляющихся фашистов.

Особенно трудно приходилось нашим артиллеристам и минометчикам. По балкам и оврагам, по глубокому снегу они на своих плечах перетаскивали орудия, минометы и снаряды под огнем противника. Как правило, в тех условиях большая часть артиллерии выдвигалась на прямую наводку.

С утра 2 февраля бои прекратились, вся группировка немецких войск капитулировала. Сначала группами с белы-

ми флажками, а затем целыми батальонами и полками противник сдавался в плен.

2 февраля 1943 года вошло в историю как день завершения величайшей в мировой истории битвы, как день величественной победы советского оружия. В этот день войсками армии было взято в плен около 17 тысяч немецких солдат, несколько сот офицеров, из них 7 полковников и 5 генералов, среди них генерал-полковник Штреккер.

2 февраля 1943 года Военный совет 66-й армии доложил командующему Донским фронтом о выполнении поставленной задачи. Войска армии освободили район тракторного завода и его поселков.

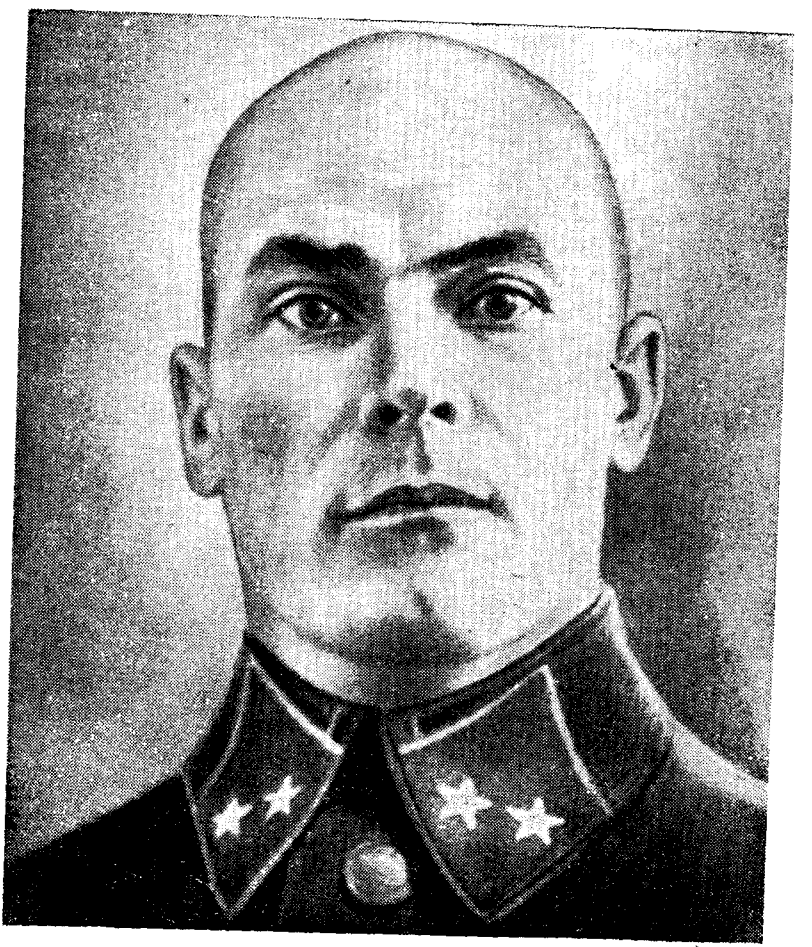
Победа, одержанная Советской Армией на Волге, это победа всего советского народа, руководимого нашей Коммунистической партией. Не случайно, что в дни героической эпопеи, в дни самых тяжелых испытаний многие воины непосредственно в окопах, на поле боя связали свою судьбу с родной партией. В течение пяти месяцев в нашей 66-й армии вступило в Коммунистическую партию 6 762 и в комсомол — 4 426 воинов.

В трудные дни битвы на Волге о нас особую заботу проявляли тружники тыла. Рабочие, колхозники, деятели науки и культуры постоянно поддерживали связь с войсками нашей армии. В ноябре 1942 года к нам приехала большая делегация Туркменской ССР во главе с Председателем Президиума Верховного Совета республики тов. Бердыевым. Гости побывали во многих частях на передовой, беседовали с воинами, передали им подарки от трудящихся Туркмении. Эти теплые встречи оставляли глубокий след в сердцах воинов, воодушевляли на подвиги.

За отличные боевые действия на Волге более пятнадцати с половиной тысяч воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза. В апреле 1943 года 66-я армия была переименована в 5-ю гвардейскую.

Н. И. Бирюков,

Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант



Суровое начало боевого пути

В числе молодых соединений, получивших боевое крещение в боях за Сталинград, была и 91-я отдельная танковая бригада, которой мне пришлось тогда командовать.

Свыше четырех месяцев бригада участвовала в боях под Сталинградом. За это время наши танкисты изведали и горечь потерь, и радость первых больших побед.

Еще до прорыва гитлеровцев к Волге севернее Сталинграда в районе Самофаловка, Дубовка, Усть-Погожье началось сосредоточение контрударной группировки войск Сталинградского фронта.

В эту группировку входили подошедшие соединения 1-й гвардейской, 24-й и 4-й танковой армий и 169-я танковая бригада. Затем к нам присоединились 4-й, 16-й танковые корпуса и 91-я танковая бригада.

Войска созданной группировки непрерывно контратаковали прорвавшегося к Волге противника, не давали ему расширить прорыв и использовать свои силы для удара по нашим войскам, оборонявшим город.

91-й танковой бригаде пришлось принять самое активное участие в этих боях. За короткое время (с 21 сентября по 5 ноября 1942 года) она трижды переподчинялась трем армиям и действовала на всех наиболее ответственных участках Сталинградского фронта от Дона до Волги.

Особенно упорные бои развернулись в районе поселка Кузьмичи за высоту 145,1 и 154,1, вдоль железной дороги и балки Конная. С 21 по 26 сентября бригада шесть раз контратаковала противника и нанесла ему серьезные потери, уничтожив 14 танков, около 100 полевых и противотанковых орудий и большое количество живой силы врага.

Особенно отличились в эти дни воины 344-го танкового батальона под командованием капитана Рискова и мотострелкового пулеметного батальона во главе с майором Мустафаевым.

Майор Мустафаев был тяжело ранен в грудь, но продолжал руководить боем до тех пор, пока совершенно не обессилел от потери крови. После госпиталя отважный офицер попросил отправить его в свою 91-ю танковую бригаду. К нам он вернулся, когда бригада находилась на Курской дуге.

Мужественно дрались экипажи 344-го танкового батальона. Некоторые машины подорвались на минном поле. Однако их экипажи продолжали разить врага из орудий.

У разъезда Конного нашей бригаде пришлось вести за собой пехоту 231-й стрелковой дивизии.

После короткой артподготовки танки устремились вперед, а вслед за ними и пехотинцы. Однако с самого начала у нас произошла заминка. Некоторые танки вдруг остановились, продолжая вести сильный огонь с места. Пехота тоже залегла. Атака стала терять силу. Вместе с командиром стрелковой дивизии на КП мы это видели и терялись в догадках: что могло случиться? Командир дивизии все готов был свалить на нерешительность танкистов. Я с ним не мог согласиться. В запальчивых суждениях комдива была ошибочная, необъективная оценка действий танкистов, которых я хорошо знал и никак не мог упрекнуть в отсутствии боевого порыва.

Решили с комиссаром бригады лично выяснить причину остановки танков, хотя сделать это было нелегко. Машины остановились в нейтральной зоне, которая простреливалась противником насквозь. Приходилось добираться где перебежками, где ползком.

Достигнув первой машины, забрались под нее и тут, на месте, уточнили то, о чем догадывались на наблюдательном пункте. Наша артиллерия во врмя артподготовки не сумела подавить противотанковые средства противника, и ему удалось подбить ряд наших танков. У машины, под которой мы лежали, как и у других, была повреждена ходовая часть. Экипаж, понесший потери, продолжал мужественно драться с врагом.

Огневой бой вели и другие экипажи, нанося противнику немалый урон. Однако пробиться вперед им не удалось. И меньше всего за это можно было винить самих танкистов. Они сражались отважно. А когда бой затих, вывели с поля боя все подбитые машины, даже те, которые годились только как металл. «Врагу ничего не должно достаться! — это стало нашим правилом.— Металл пойдет на переплавку и вернется к нам же в виде новых танков».

Это было по-хозяйски, это было по-советски.

29 сентября 1942 года бригада была выведена во фрон-

товой резерв. В середине ноября 1942 года мы готовы были снова вступить в бой. Трудно передать словами, с какой радостью встретили наши танкисты обращения Военных советов Донского фронта и 65-й армии в связи с предстоящим наступлением. В бригаде прошли митинги. Все воины были преисполнены наступательного порыва, все горели одним желанием: скорее нанести сокрушающий удар по заклятому врагу в районе Сталинграда.

«Будем драться с фашистской нечистью до последнего дыхания, до последней капли крови, как коммунисты»,— подчеркивали все выступающие. Многие бойцы и командиры тут же подавали заявления, в которых выражали свое желание пойти в бой членами Коммунистической партии и Ленинского комсомола.

В 7.00 19 ноября 1942 года залпы «катюш» открыли новый этап в великой исторической битве под Сталинградом.

91-я танковая бригада наступала в составе ударной группировки войск 65-й армии на участке Клетская, Мело-Клетская в направлении Орехов, Крайний, Венцы.

Успешно прорвав совместно с 304-й стрелковой дивизией оборону румынской пехотной дивизии, наша бригада совершила обходный маневр в районе Венцы, хутора Перекопский.

Этот маневр и удар по хутору Перекопскому для врага были совершенно неожиданными. Когда мы ворвались на дивизионный командный пункт румын, там еще продолжали работать узел связи, радиостанции и телефоны, а сам командир румынской дивизии, сбежав, не успел даже прихватить свою генеральскую одежду.

Отступая в панике, противник бросал технику, вооружение, раненых. В плен стали сдаваться целые подразделения и части.

Первые пленные — группа человек в 500—600 румын — нисколько не были опечалены своим новым положением. «Спасибо, спасибо. Руманешты — свои!» — радостно кричали они проезжавшим мимо них танкистам.

Как мы узнали, участь румынских войск в составе гитлеровской армии была незавидной. Фашисты оставили их, по существу, на истребление нашей артиллерии, а сами пытались отсидеться на второй линии обороны. Но это им не удалось. Карающий удар советских войск настиг и гитлеровцев. Позиции врага буквально были стерты с лица земли нашей славной артиллерией. Танкисты и пехота довершили начатое дело.

В хуторе Перекопском немцы устроили лагерь для советских военнопленных. Мы их спасли от полного истребле-

ния. Это был настоящий лагерь смерти. Военнопленные содержались в больших ямах, огороженных колючей проволокой и слегка прикрытых жердями и бурьяном. Многие из военнопленных были раздеты почти догола, и это в ноябрьскую стужу. Мертвые лежали вмете с живыми. Леденил душу изможденный вид полузамерзших, отчаявшихся людей. Их было 75 человек, и многие из них давно не видели никакой пищи. Мы смотрели на них, и гнев к фашистским извергам переполнял наши сердца, еще больше окрепла наша решимость сполна рассчитаться с врагом, отомстить ему за муки товарищей, попавших в беду.

Танкисты оказали освобожденным необходимую помощь и вновь устремились на врага, который тем временем стал оказывать нашим войскам все возрастающее сопротивление.

Овладев хутором Перекопским, а затем населенными пунктами Оксинским и Голубинским, бригада совершила стремительный бросок в северо-восточном направлении для ликвидации противника в районе Хмелевский, Сиротинская, Камышинский.

У населенного пункта Зимовский бригада встретила подразделения 121-й отдельной танковой бригады, которая вела здесь тяжелые бои и понесла большие потери от противотанковых средств противника, укрепившегося на высотах. Бить врага в лоб, да еще днем, было бесполезно. Надо было искать другой выход в создавшейся обстановке.

Во время согласования вопросов взаимодействия с командиром 121-й бригады подполковником М. В. Невжинским в бригаду прибыл командующий бронетанковыми войсками 65-й армии тов. Лимаренко. Он передал срочный приказ командующего армией генерала П. И Батова — незамедлительно наступать на Родионов, а в дальнейшем — на Вертячий и Песковатку.

Вместе с Невжинским мы высказали соображения насчет того, что наступление в светлое время на такой укрепленный противником опорный пункт, как поселок Родионов, неизбежно приведет к неоправданным потерям в людях и технике. Предложили перенести наступление на ночь, обойти Родионов с запада, в последующем нанести удар по противнику, занимавшему Вертячий и Песковатку, с тыла. Бригада при этом не ввязывалась в затяжные фронтальные бои за опорные пункты, значительно облегчалась переправа танков через Дон (по данным нашей разведки, в районе юго-западнее х. Вертячего у противника имелись удобные переправы). Следовало учитывать и то, что день клонился и вечеру и у нас оставалось немного светлого времени, ко-

торое все равно пришлось бы использовать для подготовки наступления.

После непродолжительного, но довольно бурного обсуждения этого предложения план ночных действий бригады был принят. Однако, как это часто бывает на войне, случилось непредвиденное. С наступлением темноты внезапно разыгралась метель, которая, хотя и создавала благоприятные условия для скрытого маневра бригады в обход Родионова, вместе с тем значительно затрудняла ориентирование на незнакомой местности при движении вне дорог. Решили подобрать из числа местных жителей проводников, хорошо знающих этот район.

Вскоре такой проводник нашелся. Его привели ко мне. Это был довольно пожилой на вид человек, в ветхой телогрейке и подвязанных бечевой опорках на ногах. Видимо, много пришлось ему пережить при немцах. Беды и лишения преждевременно состарили и согнули его. Мне даже жаль стало подвергать его новым испытаниям в такой мороз и метель. Но что поделаешь...

Проводнику объяснили его задачу. И надо было видеть, как он повеселел за оказанное ему доверие провести бригаду там, где ее меньше всего могут ожидать гитлеровцы. Чувствовалось, что у этого человека долго кипела ненависть к фашистским оккупантам. Теперь пришел его черед рассчитаться с врагом за все.

Однако чувства чувствами, а бдительности нельзя было забывать. Я приказал хорошо одеть и накормить проводника, дать ему отдохнуть, чтобы он к 23 часам был готов. В качестве провожатых дал двух офицеров.

К ночному марш-броску готовились тщательно, хотя времени было мало. Изучали противника в районе предстоящих действий, местность, скрытые подступы к Вертячему и Песковатке. Были намечены маршрут и азимут движения. Необходимые данные уточняли у местных жителей. Бригада уже имела опыт ночных боев на резко пересеченной местности, с глубокими балками и оврагами. Все это вселяло уверенность в успешном исходе предстоящего сражения.

Наступило время выступления бригады, и вдруг доложили, что проводник заболел. Пришлось вызвать нашего врача, чтобы поставить проводника на ноги. Как оказалось, проводнику после долгого недоедания повредила обильная пища и чарка водки. Пока старика приводили в порядок, его жена плакала и причитала о том, что немцы-нехристи все ограбили и сожгли и вот до чего довели единственного кормильца. Когда старик оправился, она отерла слезы и

твердо сказала: «Хоть ты старый да хворый — иди, помоги танкистам дать по зубам немцам-супостатам».

В 25-градусный мороз и вьюгу бригада уходила к решающим боям.

Чтобы не заморозить проводника, я усадил его в командирский танк, сам забрался на броню. Старик, правда, заколебался:

— А если убьют наверху? — спросил он.— Как дальше-то?

— Убьют меня, бригаду поведет мой заместитель. Заместителя убьют, тогда поведет начальник штаба, убьют начальника штаба — поведет комбат, убьют его — поведет другой комбат,— постарался я успокоить проводника.—Но не беспокойся, старик, мы с тобой не о смерти должны думать, а о том, как лучше провести бригаду, обмануть похитрее и быстрее разгромить этих «нехристей», о которых говорила твоя жена.

Проводник местность знал прекрасно, бригаду он вел точно, ориетируясь по самым незаметным приметам. Благодаря ему бригада успешно совершила марш-бросок и выполнила свою боевую задачу без особых потерь. Были захвачены штаб немецкой дивизии, два моста через Дон, 67 танков и много другой боевой техники противника.

В Вертячем мы тепло расстались с проводником, снабдив его продуктами и официально заверенной справкой о выполненном задании. Приходится сожалеть, что не остались в памяти его имя и фамилия. Может быть, его уже нет в живых. Вместе с тем он всегда будет жить в наших сердцах как Неизвестный солдат, истинный патриот Родины.

Боевые события развертывались стремительно. Обходя балками опорные пункты противника, наша танковая бригада вышла к Дону, переправилась на восточный берег реки, достигла Вертячего и Песковатки. Немцы, оказавшись отрезанными в районе Трехостровской, Родионова, Акимовского, бросали технику и спасались бегством.

Не задерживаясь, бригада продвигалась дальше на юго-восток, овладела Дмитриевкой, но была остановлена организованным огнем из района Пяти курганов.

Бои на рубеже Пяти курганов и особенно на Казачьем кургане, которые мы вели совместно с частями 304-й стрелковой дивизии С. П. Меркулова и 173-й стрелковой дивизии В. С. Аскалепова, были исключительно упорными и напряженными.

Высота Казачий курган являлась важным оперативным узлом обороны врага. Наша Ставка Верховного Главно-

командования придавала ей большое значение. От захвата этой высоты во многом зависел успех разгрома всей вражеской группировки.

28 декабря наша бригада совместно с пехотой штурмом овладела Казачьим курганом, отбив все контратаки противника. Отличившиеся в этом бою командир танка Т-34 лейтенант Гришин, командир танка КВ лейтенант Цимарев, механик-водитель старший сержант Конев были удостоены орденов Красного Знамени. Всего было награждено 23 человека.

Утром 10 января 1943 года бригада начала штурм позиций окруженной вражеской группировки. Противник понес большие потери. На каждом шагу встречались изуродованные, обгорелые трупы немцев, разрушенные блиндажи, искореженные орудия и минометы, разбитые повозки, горящие танки.

12 января наша бригада была передана в распоряжение командующего 21-й армией, в составе которой мы штурмовали Карповку. Овладев ею, бригада снова была возвращена в родную, как ее называли танкисты, 65-ю армию.

К утру 13 января, выходя в полосу наступления 65-й армии, наша бригада сосредоточилась в хуторе Новоалексеевском. Я только, как говорится, огляделся, как к нам прибыл заместитель командующего артиллерией армии полковник З. Т. Бабаскин.

Для меня это была приятная неожиданность. Захара Терентьевича Бабаскина я хорошо знал по Минскому военному училищу им. М. И. Калинина. Я был курсантом, а Бабаскин заместителем командира батареи.

— Иван Игнатьевич! Почему твоя бригада не в совхозе «Питомник»? — обратился он ко мне.

— Потому что всего лишь час назад прибыла из Карповки.

— Выручай,— взмолился Бабаскин.— Знаешь, я доложил командиру, что ты овладел аэродромом у совхоза «Питомник».

— Ты доложил, ты и бери аэродром,— улыбнулся я. И тут же, чтобы успокоить обескураженного Бабаскина, приказал своему начальнику штаба отправить в штаб армии донесение, что бригада выполняет приказ и продолжает наступать в направлении «Питомник», Гумрак.

Аэродром, о котором шла речь, имел для немцев исключительно важное значение. Это был единственный пункт, через который гитлеровское командование еще могло поддерживать связь с Паулюсом, подбрасывать боеприпасы, продовольствие.

На подступах к совхозу «Питомник» нашему взору открылось необычное зрелище. Аэродром походил на гигантский муравейник. Сотни самолетов (а их оказалось более 370), автомашин, автобусов, зенитных орудий и другой техники, большие палатки с эмблемой Красного Креста были разбросаны на огромном заснеженном поле. Самолеты продолжали еще прибывать на аэродром.

Учитывая приказ армии о необходимости сохранить авиационную технику противника в целости, было решено блокировать все подступы к аэродрому со стороны Сталинграда, откуда продолжали прибывать автомашины с ранеными и больными немцами.

Все, что шло к аэродрому, мы пропускали, за исключением танков и бронетранспортеров, которые расстреливали при подходе. Так же поступали и с самолетами — совершать посадку не препятствовали, а взлетать не позволяли.

К утру к «Питомнику» подошли передовые подразделения 27-й гвардейской, 23-й и 304-й стрелковых дивизий, и мы общими усилиями захватили аэродром со всей боевой техникой, которая там скопилась. Немало взяли пленных. Раненых отделили от здоровых, организовали их обслуживание силами самих же пленных. Однако Паулюс вскоре предпринял попытку возвратить жизненно необходимый аэродром, бросив против нас довольно крупные силы. Снова завязались ожесточенные бои. Противник понес большие потери и вынужден был отойти. Наша бригада продолжала пробиваться к Сталинграду.

Кольцо вокруг окруженной группировки немецко-фашистских войск неумолимо сжималось. Теснимые к Сталинграду, они оказывали яростное сопротивление, часто сами переходили в контратаки. Одна из таких контратак осталась для всего личного состава бригады наиболее памятной. Это произошло 21 января 1943 года в боях за балку Безымянная и хутор Новая Надежда.

Бригаде была поставлена боевая задача во что бы то ни стало отразить натиск врага, удержать достигнутые рубежи в наступлении, разгромить контратакующую группировку противника. Наши танкисты выполнили свой долг. Особенно отличился танковый экипаж Алексея Наумова.

Их было четверо — молодых, жизнерадостных русских парней. Они беззаветно любили свою советскую Родину, открывшую им дорогу к светлой, радостной жизни, и ненавидели врага, посягнувшего на их социалистическое Отечество. Душой экипажа был лейтенант Алексей Наумов. Скромный и исполнительный офицер, он сочетал в себе высокую требовательность и дисциплину с вниманием и доб-

ротой. Как и командир, отважными воинами были все члены его экипажа: механик-водитель старшина Павел Смирнов, командир орудия младший сержант Петр Норицын и радист младший сержант Николай Вялых. Коммунисты и беспартийные были горячими патриотами танковых войск, доказавшими уже не раз свое воинское умение и находчивость. Поэтому когда решался вопрос, кого поставить в засаду на самом ответственном направлении, выбор сразу же пал на экипаж А. Наумова.

Да, это было весьма ответственное задание. Фашисты на этом участке сосредоточили немалые силы.

Массированным танковым ударом они рассчитывали прорвать нашу оборону, которую, видимо, считали слабой. И тут они наткнулись на стоявший в засаде танк Наумова. Первые же выстрелы советских танкистов заставили гитлеровцев остановиться. Несколько раз пытались фашисты пробиться вперед. И все безрезультатно. Горело пять вражеских танков, поле боя было усеяно трупами фашистских автоматчиков. Танк А. Наумова получил тоже серьезное повреждение. К тому времени огонь с обеих сторон стал стихать и экипажу можно было эвакуироваться в тыл для ремонта материальной части. Все было бы по закону, и никто не мог бы упрекнуть командира в неправильном поступке. Но экипаж не покинул поля боя. Он решил остаться и, используя сохранившееся оружие и боеприпасы, помочь другим танковым экипажам соединения выиграть трудный поединок с врагом.

Фашистам удалось окружить поврежденную машину. Послышались выкрики: «Рус, сдавайся!». Наумов и его товарищи ответили пулеметным огнем и гранатами. Наконец, не стало боеприпасов. В злобном исступлении гитлеровцы облили танк горючей смесью, подожгли его, надеясь, что экипаж покинет свою горящую машину. Однако напрасны были их ожидания. Из танка полилась песня. Это отважный экипаж, включив на полную мощность свою радиостанцию, запел коммунистический гимн «Интернационал». На помощь экипажу Наумова устремились другие подразделения бригады. Гитлеровцы были отброшены.

Не было границ ярости воинов, увидевших обгоревшие, бездыханные трупы друзей. Героическая гибель экипажа А. Наумова всколыхнула весь личный состав бригады, и он отомстил новым мощным ударом по врагу.

22 января бригада выбила противника из хутора Новая Надежда и, развивая наступление на Каменный Буерак, Гумрак, Городище, Разгуляевку, к исходу 28 января во взаимодействии с 233-й стрелковой дивизией овладела по-

селком «Красный Октябрь», вышла на северо-западную окраину Сталинграда.

События развивались стремительно.

1 февраля, взаимодействуя с частями 67-й гвардейской стрелковой дивизии, наша бригада овладела поселком «Баррикады», а 2 февраля — заводом «Силикат» и поселком тракторного завода.

2 февраля 1943 года танкисты нашей бригады первыми соединились в районе Сталинградского тракторного завода с героическими защитниками Сталинграда. Это были бойцы 400-го пулеметного батальона 62-й армии под командованием старшего лейтенанта Полякова.

Объятиям, поздравлениям, рукопожатиям не было конца. У многих, только что смотревших в глаза смерти, появились слезы. Это были слезы от избытка чувств, слезы радости, переполнившей сердца людей. Тут же был составлен акт о соединении частей 91-й отдельной танковой бригады с войсками 62-й армии. Поставлено время — 11 часов 40 минут, дата — 2 февраля 1943 года и место — Сталинградский тракторный завод.

Во время боев за поселок «Баррикады» танкисты бригады захватили блиндажи, в которых размещался штаб немецкой части. С группой офицеров и корреспондентом армейской газеты тов. Рюриковым, который тоже продолжительное время следовал с бригадой, спустились в один из блиндажей. В нем находилось несколько немецких офицеров.

Когда им сообщили, что в штаб прибыл командир танковой бригады Якубовский, немцы выскочили и вытянулись по команде «Смирно». Старший из них подошел к нам и представился: «Командир пехотного полка полковник Кайзер».

— Полковник Кайзер, немедленно передайте приказ полку прекратить сопротивление и сложить оружие,— распорядился я.

— На это надо получить санкцию высшего командования,— неуверенно ответил Кайзер.

— Достаточно ли приказа фельдмаршала Паулюса? — спросил я.

— Но у нас нет связи с ним, мы ничего не знаем о его судьбе,— ответил полковник.

— Фельдмаршал пленен.

— В плену может быть только труп господина фельдмаршала,— упорствовал Кайзер.

Фотография в армейской газете, на которой были изображены товарищи Рокоссовский, Воронов и другие во вре-

мя допроса плененного Паулюса, показанная немцам нашим корреспондентом, произвела на них потрясающее впечатление. Кайзеру ничего не осталось делать, как согласиться на капитуляцию. При этом он решил пригласить нас на чашку кофе и обратился с просьбой оставить офицерам личное оружие. Мы, естественно, отказались, сославшись на хорошую традицию сидеть за столом только в кругу друзей. Одновременно подтвердили приказ о сдаче всего оружия и сказали, что он может оставить при себе железный крест, как память о бесславной гибели фашистских войск у стен Сталинграда, как свидетельство личного воинского позора. Кайзер дрожащей рукой стал срывать с себя все атрибуты фашистской доблести.

Офицеры бригады с удовлетворением наблюдали за этой сценой.

С чувством величайшей радости и гордости встретил советский народ весть о нашей победе под Сталинградом. 4 февраля на площади Павших борцов состоялся грандиозный митинг участников сталинградских боев и жителей города-героя. Каждый на этом митинге — и оратор, и просто участник — рапортовал Коммунистической партии и Советскому правительству о героическом труде солдат Сталинградской битвы, благодаря которым была достигнута победа. И в этой общенародной победе была частица напряженного труда и мужества боевого коллектива 91-й отдельной танковой бригады.

За период наступательных боев бригада освободила 17 крупных населенных пунктов, уничтожила и захватила большое количество боевой техники врага.

Ряды парторганизации бригады пополнились 1064 новыми коммунистами и комсомольцами. За героизм, мужество и отвагу 650 наших танкистов были награждены орденами и медалями. Большую половину из них также составляли коммунисты и комсомольцы. Четверо самых отважных были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

П. П. Толстобров,

ПОДПОЛКОВНИК

Мы — гвардейцы

Открываем «Историю Великой Отечественной войны». Читаем:

«На рубеже Кременская — Сиротинская — устье Иловли выдвинулись три дивизии 1-й гвардейской армии. В ожесточенных боях они остановили наступление врага и сохранили за собой плацдарм на правом берегу Дона».

Первой на рубеж Кременская — Сиротинская вышла наша, 40-я гвардейская дивизия.

Двадцать семь лет минуло с тех пор, а те события и сегодня вспоминаются очень ярко.

15 августа. Стоим у переправы через Дон. Только что закончили печатание первого номера «Гвардейца», разослали его по полкам, которые уже на западном берегу Дона.

Иду к переправе.

— У меня типография дивизионной газеты,— уговариваю коменданта,— приказано срочно быть в Камышинке.

— Трехтонку переправить не могу. Потопите и паром, и свою машину. Такой риск на себя не возьму...

Что тут поделаешь. Возвращаюсь обратно. Начальник типографии сержант А. И. Чигарских вместе с наборщиком разбирают полосы. Литсотрудник И. Р. Трояков ушел на поиски бензина. Говорят, что станица Сиротинская, которая раскинулась на холме белыми хатами чуть юго-западнее, уже занята противником. Поджидая старшего политрука А. С. Анисимова, секретаря редакции, направившегося еще утром в политотдел, вспоминаю последние события.

...Кто это первым сказал: «Голубая пехота?» Может быть, мы, политработники, чтобы зажечь огонек в глазах десантников. Может быть, сами бойцы. Только название понравилось всем. И наши десантники произносили его с гордостью. Потом приуныли: никакая не голубая... Обыкновенная пехота. Однако вскоре опять появились на лицах улыбки. Это когда стало известно, что нас переформиро-

вывают не просто в пехотную дивизию, а в гвардейскую.

Все это произошло чрезвычайно быстро. 30 июля в 23.00 вернулись со штабных учений как десантники, а 6 августа уже грузились в эшелоны как гвардейцы. И тут родилось новое название: «Голубая гвардейская пехота».

Голубая, значит, мы привезли с собой под Сталинград свою романтику: никто не снял ни голубых петлиц, ни эмблем — крылышек на них, ни пилоток с голубым кантом. Гвардейская — значит, гордость Красной Армии. Пехота — значит быть готовыми принять на себя главный удар врага, оправдать почетное звание... И думается мне, что это было не простой игрой слов. Это было рождением традиций 40-й гвардейской, которые сыграли немалую роль в боях.

...Позавчера в глубокой балке под хутором Н. Липки состоялось совещание командиров и политработников. Командир дивизии, высокий, всегда серьезный, генерал-майор А. И. Пастревич сообщил, что получен боевой приказ занять оборону... Остановить врага... Потом выступил комиссар дивизии бригадный комиссар В. Д. Юматов. Невысокий, плотно сбитый, он пользовался у нас исключительным уважением и авторитетом.

— Вы слышали боевой приказ? — Юматов говорил так, будто заранее был уверен: каждое слово дойдет до всех, будет понято.—Здесь, под Сталинградом, решается судьба Родины. Вы помните приказ наркома обороны: ни шагу назад?.. Здесь, под Сталинградом, гитлеровские полчища должны найти себе могилу...

Под впечатлением этого совещания, выражая общее настроение личного состава, мы и делали первый номер газеты.

«Только вперед, гвардейцы!» — так называлась передовая. В ней говорилось: «Гвардейцы! Этим именем Родина называет самых храбрых, самых мужественных и отважных защитников. Этим именем советский народ называет своих лучших сынов.

Мы — гвардейцы! С великой гордостью повторяет эти слова каждый боец и командир части. И сердце пламенеет от этого. Крепче сжимается рука. Священной ненавистью к врагу загорается взгляд. Только вперед, гвардейцы, ни шагу назад! На нас смотрит любимая Родина, не посрамим своего славного имени!». Печатались заметки, письма командиров, бойцов: «Истребим гитлеровских мерзавцев», «Победу приносит умение и железная дисциплина», «Перед боем вступают в партию», «В бой пойду коммунистом», «Не посрамлю звания гвардейца!»...

Вернулся из политотдела Анисимов. Вести неутешитель-

ные: противник уже наседает. Только что привезли с того берега тяжелораненого начподива батальонного комиссара Н. Д. Козлова, от которого Анисимов принес приказание: редакции стоять на переправе...

Обстановка все более усложнялась. Переправу непрерывно бомбили немецкие самолеты, где-то невдалеке то и дело слышалась артиллерийская стрельба. На воде творилось что-то невообразимое. Наши гвардейцы продолжали переправляться на тот берег, а оттуда на пароме, бревнах, вплавь — кто на чем. Это бойцы 4-й танковой армии. А вода донская кипит от взрывов бомб.

...30 километров по фронту. На каком-либо другом участке это, может быть, не так уж и много. А здесь? На одну нашу дивизию — две дивизии и бригада противника.

Усталые, запыленные «мальчишки», едва успев достигнуть рубежа, на котором должны занять оборону, уже встречаются с противником. Короткая ожесточенная схватка, а потом — в ход саперные лопаты. Под огнем врага, который уже привык к тому, чтобы перед ним отступали, спешно создается рубеж обороны. Да какой рубеж!

...И начались бои. Они не прекращались ни днем, ни ночью. Приутихнув на одном участке обороны дивизии, с новой силой вспыхивали, разгорались на другом. И так десять дней сражений с превосходящими силами врага.

Высота 180,9. С нее далеко видно все в окружности. Чуть юго-восточнее уже занятая противником станица Сиротинская. Назад, на восток, ровное плато, прибрежный лес, Дон... Взвод младшего лейтенанта Василия Кочеткова спешно занимает оборону. Нещадно палит горячее августовское солнце. После двухдневного похода, первых ожесточенных схваток с врагом, в которых уже потеряно немало замечательных ребят, хочется передохнуть. Но дорога каждая минута: надо быстрее закапываться в землю. И едва гвардейцы успели вырыть окопы, как начались атаки врага. Первая, вторая... Одна другой ожесточеннее. Они перемежались с интенсивным артиллерийским огнем. Вот уже отбита третья атака. На какое-то время наступило затишье. Но снова наседает враг...

Еще не остыли хорошо поработавший пулемет Павла Бурдова, стволы автоматов и винтовок, как на гребне показались эсэсовцы. Во всем черном, во весь рост, надеясь одним своим видом устрашить гвардейцев. Но появление эсэсовцев лишь прибавило им силы и злости.

— Вот она, психическая,— говорит Василий Чирков.— Немного, значит, осталось этой сволочи, если их в последнюю очередь пускают.

— Сомнем и чистокровных! — в тон ему отвечает младший сержант Григорий Штефан.

По окопам — уже в который раз! — передается команда:

— Без моей команды не стрелять!

Бой затих, когда на высоту уже спустилась черная южная ночь, а перед окопами горстки храбрецов валялись десятки вражеских трупов. Ведь отбито пять таких атак!

Но гвардейцы отлично понимали: враг на этом не успокоится. И были правы. Еще не успело показаться из-за Дона солнце, едва начинался новый день, как появились немецкие танки. 12 вражеских чудовищ на 16 храбрецов, из которых только двоим было свыше двадцати лет. И снова закипела беспримерная схватка. Иссякли боеприпасы для бронебоек — пошли в ход связки гранат. Гвардейцы бросались с ними под гусеницы танков, только бы не пропустить врага. Когда подошло подкрепление, все уже было кончено. На поле боя пылало шесть вражеских машин, а остальные отступили. Тяжелораненый Василий Кочетков передал политруку роты Новикову последнюю просьбу погибших товарищей:

— Просим всех нас считать коммунистами.

Десятки танков бросили гитлеровцы на батальон капитана А. А. Кузнецова, стремясь сломить гвардейцев. Один за другим падали бойцы, все труднее становилось сдерживать врага. Наконец, когда положение стало исключительно угрожающим, комсомолец Александр Кузнецов сам лег за бронебойку. Три танка подбил комбат. Он погиб, но своим подвигом воодушевил бойцов. С криком «Отомстим за комбата!» они ринулись в контратаку, и враг, не выдержав этого натиска, позорно бежал, оставив на поле боя 18 танков и много убитых солдат и офицеров.

Перелистывая пожелтевшие от времени номера «Гвардейца», я с гордостью читаю заметки тех дней — яркие свидетельства храбрости и подвигов бойцов и командиров нашей дивизии.

«Подвиг кочетковцев повторил взвод Зеленского. Старшина коммунист Иван Буланов за два дня — 16 и 18 августа — сжег из ПТР восемь вражеских машин».

«Красноармеец Репин, подпустив на близкое расстояние вражеские танки, открыл по ним смертоносный огонь. Один за другим он подбил четыре танка и вынес с поля боя раненого товарища и противотанковое ружье».

«Взвод ПТР тов. Лупандина в одном бою подбил 7 вражеских танков и сбил самолет «юнкерс-88», а на второй день подбил еще два вражеских танка».

Эти сообщения с переднего края можно перечислять без

конца. Героизм был массовым. Его совершали в одиночку и целыми подразделениями. Когда падал сраженный вражеской пулей или осколком снаряда командир, на его место становился сержант, солдат. И бой продолжался с новой яростью и силой. Отбив атаку, гвардейцы то и дело переходили в контратаки, на «плечах» гитлеровцев врывались в их окопы, день за днем улучшая свои позиции. Не десятки, а сотни бойцов и командиров дивизии стали в те дни настоящими героями.

Подошла другая гвардейская дивизия. Потом еще одна. Стало полегче. Но бои продолжались с прежним ожесточением. Гитлеровцы бросали в бой все новые и новые силы. Положив перед нашими окопами не один полк, они сами перешли к обороне.

В дивизии развернулось снайперское движение. Его начинали комсомольцы красноармейцы В. Веретенников и М. Минаев, Яковлев и Морозов, парторг роты Михаил Бушуев и Михаил Грызлов, лейтенант Александр Кацай и бывший повар Михаил Соколов. А потом снайперы появились в каждой роте, в каждом взводе. Их меткие выстрелы не давали гитлеровским захватчикам поднять головы. За короткое время наши снайперы уничтожили не менее трех тысяч солдат и офицеров противника.

Там, под Москвой, в единоборстве с оголтелым врагом бойцы и командиры ковали свой характер, закаляли свое мужество. Здесь, на Дону, в ожесточенных схватках с превосходящими силами противника, защищая Сталинград, они должны были на деле выполнить свой долг перед Родиной, перед советским народом.

В этих боях создавались славные боевые традиции гвардейцев, которые помогали дивизии побеждать.

При воспоминании о боевых подвигах гвардейцев передо мною невольно встают образы комиссара дивизии Юматова, комиссара батальона Н. Чернушкина, секретаря партбюро полка К. Р. Герасимова, комиссара батальона А. Куклина, политрука конного разведвзвода Костина, парторга Михаила Бушуева, образы тех, у кого наряду с беззаветным мужеством на вооружении было пламенное большевистское слово, образы десятков и десятков рядовых коммунистов. Да, именно они стояли у истоков всех героических дел гвардейцев, их славных традиций, ставших могучей силой.

...Как только был получен боевой приказ, во всех частях состоялись бурные митинги, партийные и комсомольские собрания. Разговор был коротким, но выразительным. Поразному высказывали свое отношение к предстоящему делу

гвардейцы, но мысли их сводились к одному. «Ни шагу назад! Только вперед! Под Сталинградом враг должен найти себе могилу! Коммунисты и комсомольцы обязаны показать пример стойкости и отваги».

И они всегда были впереди. Коммунист пулеметчик Степан Балакин скосил десять гитлеровских солдат и офицеров. Коммунисты лейтенант Снопок и политрук Засядько с группой автоматчиков выбили в несколько раз превосходящего силами противника с выгодной высоты и закрепились на ней. Отделение коммуниста старшего сержанта Смирнова оружейно-пулеметным огнем отрезало пехоту противника от танков, расстреляло ее и заставило повернуть обратно.

Политработники заботились о правильной расстановке сил коммунистов и комсомольцев, сами появлялись в наиболее опасных местах, чтобы поднимать боевой дух солдат. Когда батальон 119-го гвардейского полка под натиском превосходящих сил врага стал пятиться назад, бойцы услышали голос комиссара А. Куклина:

— Гвардейцы не отступают. За Родину — вперед!

Решительный призыв политработника воодушевил гвардейцев. Будто и не было только что происшедшей заминки. Они дружно ринулись в контратаку, и враг был смят, бежал. Тут же произошел такой любопытный эпизод. Увлекшийся контратакой, комсомолец Михаил Грызлов не заметил, как с двумя бойцами отделения оторвался от своих и оказался на высотке, занимаемой гитлеровцами. Отходить? Нет! Во вражеские окопы полетели гранаты. Прыгнув в окоп, Грызлов развернул вражеский пулемет и удерживал высоту до тех пор, пока не получил приказ сменить позицию.

Политработники использовали каждую возможность, чтобы поговорить с бойцами, узнать их настроение, поднять боевой дух.

...Только что отражена очередная атака врага. Разгоряченные боем, гвардейцы поправляют окопы, приводят в порядок оружие.

— Молодцы, здорово поработали! — здоровается Николай Чернушкин и расспрашивает бойцов: нет ли раненых, как самочувствие.

— Все в порядке,— улыбаются бойцы.

В выгоревшей гимнастерке, но, как всегда, бодрый, подтянутый, приветливый, будто не ему, а кому-то другому только что пришлось лежать под пулеметным огнем противника, комиссар достает из полевой сумки записанную на тетрадном листке последнюю сводку Совинформбюро, чи-

тает и разъясняет ее. Потом заводит разговор о делах в дивизии, полку, в батальоне. О подвиге взвода ПТР Зелинского, который погиб, но не пропустил вражеские танки, о подвигах других солдат и офицеров.

Бойцы внимательно слушают своего командира. Кто-то задумчиво произносит:

— Вот так и умереть не страшно.

— Да, так не страшно,— соглашается Чернушкин. Ему понятны мысли и чувства бойцов. Ведь он такой же солдат. А то, что на петлицах «шпала», так, видимо, так нужно было...— Только умереть в такой обстановке совсем немудрено,— продолжает комиссар.— А вот выжить... Выжить надо, чтобы победить!.. Чтобы до Берлина дойти. Мать, отца, любимую, детей порадовать. Ведь мы — голубая, гвардейская... Правда?!

— Дойдем, товарищ комиссар,— отзываются бойцы.— Вот перемелем фрицев под Сталинградом, тогда нас не удержишь.

...Чернушкин где по траншее, где по голому полю уже спешит в другой взвод. И одно появление его там снова вызывает у солдат теплые улыбки: «Комиссар с нами!». А прощаясь, бойцы каждый раз заботливо предупреждают.

— Товарищ гвардии старший политрук, вы поосторожнее...

...Старшина роты Моисей Дронов, рискуя жизнью, доставил бойцам обед. Они сразу ободрились, повеселели. Посыпались шутки, смех. Надо ж знать, что такое горячий обед на передовой! Но Дронов еще и агитатор. Он спешит рассказать солдатам содержание последней сводки Совинформбюро, о том, что только что услышал от комиссара.

Совсем неожиданно — приказ командира роты: занять вершину высоты, что маячит перед окопами. Коммунист-агитатор — в боевом строю. Он короткими перебежками движется на фланге взвода. А когда вражеский пулемет заставил подразделение залечь, старшина приготовил гранату и, укрываясь за складками местности, осторожно пополз в обход. Бойцы с тревогой следят за движением старшины, автоматным огнем отвлекая от него внимание противника. Взрыв. Вражеский пулемет замолкает. С криком «ура» взвод дружно поднимается в атаку и занимает гребень высоты. Приказ командира выполнен!

Да, так это и было. В политработниках, коммунистах бойцы видели тот образец, каким должен быть настоящий защитник Родины, гвардеец, и старались равняться на них. И недаром с первых же дней боев резко усилилась тяга людей в партию. «Просим всех нас считать коммунистами»,—

передали свою просьбу кочетковцы. «В бой хочу идти коммунистом»,— писал в парторганизацию красноармеец А. Амиров. Об этом же просили рядовой Павел Толмачев, лейтенант Аввакумов, десятки и десятки других воинов. И парт-политработники, днем находясь вместе с бойцами в окопах, вечером собирали коммунистов, чтобы обсудить эти заявления. Секретарь дивизионной парткомиссии батальонный комиссар Е. С. Щербань не уходил из полков и батальонов. Прямо на передовой начподив полковник П. И. Черенков нередко выдавал партийные документы. И это стремление людей в самый опасный момент для Родины связать свою судьбу с Коммунистической партией было ярчайшим проявлением боевого патриотического духа гвардейцев.

Партийно-политическая работа преследовала главную цель: оказывая влияние на каждого бойца, командира, постоянно поддерживать и укреплять этот боевой дух. Эту же задачу выполняла и газета.

Выше уже говорилось, что первый номер дивизионной газеты «Гвардеец» родился под взрывы вражеских бомб у переправы через Дон. У нас, работников редакции, тоже еще не было никакого боевого опыта, к тому же двое — секретарь редакции старший политрук Анисимов и литсотрудник Трояков — до этого не были знакомы и с газетной работой.

Но сама обстановка учила, как и что следовало делать, подсказывала, какие и как ставить вопросы, как подавать материал. А всем нам очень хотелось, чтобы наш «Гвардеец» с первых же номеров был в боевом строю гвардейцев, помогал им громить врага.

Звать личный состав к мужеству и стойкости, на достойное выполнение своего священного долга перед Родиной, перед советским народом, рассказывать читателям о героических подвигах их товарищей — вот что мы считали главным для газеты.

Короткие, бьющие в цель передовички — «Отстоим!», «Выдержка и умение в бою», «Приказ командира — закон» — раскрывали перед бойцами их основную задачу, советовали, как ее лучше выполнить.

«...Здесь, на юге, под Сталинградом, Гитлер хочет нанести нам непоправимый удар, поставить на колени советский народ. Но мы должны сделать наоборот. Именно здесь мы и должны разгромить фашистские полчища... Остановить и разгромить врага — вот приказ Родины».

Газета рассказывала об умелых действиях подразделений, о храбрости и сметке бойцов и командиров, советовала, как уничтожать вражеские самолеты («Воздухобоязнь—

худший враг»), танки (полоса «Умелому воину танк врага не страшен. Кто не дрогнет,, тот победит»).

Когда стало известно о подвиге кочетковцев, газета рассказала о нем всем читателям, посвятив этому целый номер. Он вышел под аншлагом: «Их имена не забудет Родина. Будем такими же, как 16 героев-гвардейцев!» В номере рассказывалось о беспримерном мужестве и героизме кочетковцев, отбивших пять ожесточенных атак пехоты и уничтоживших шесть вражеских танков, назывались имена героев, публиковались письма их однополчан.

Следующий номер «Гвардейца» почти весь был занят передовой статьей «Правды» «Бить немцев всегда и везде». А затем газета опять возвращается к героическому подвигу кочетковцев. В передовых, в письмах гвардейцев, в их обязательствах в связи с подготовкой к 25-летию Октября, в стихах живут имена героев и зовут на подвиги товарищей.

На танки бросались герои-кочетковцы,
Покрылась пламенем фашистская броня...
И, как панфиловцы, погибли комсомольцы,
Но победителями их взяла земля,—

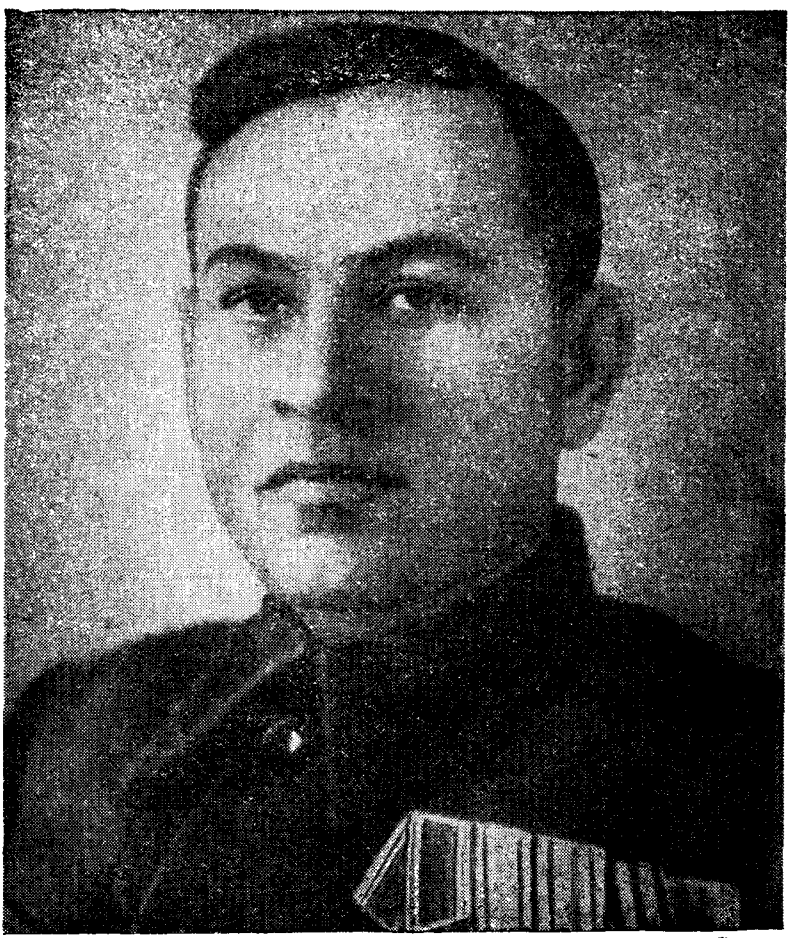
писал поэт-однополчанин Григорий Ясинский.

А 29 сентября газета опубликовала большое письмо комсомольцев и молодежи 111-го гвардейского полка, в котором воспитывались кочетковцы. В нем подводились первые итоги того, как пополнялся счет мести врагу. «Наша гвардейская часть за месяц боев имеет на своем боевом счету свыше 4 тысяч убитых и раненых гитлеровцев, 25 подбитых и сожженных танков, два сбитых самолета... Гвардии красноармеец Бушуев истребил 40 фашистов, гвардии лейтенант Петренко — 34, гвардии краснорамеец Иванов — 19. Таких у нас много».

11 октября «Гвардеец» опубликовал приказ Военного совета фронта о награждении шестерых гвардейцев орденом Ленина — П. И. Бурдова, И. И. Гущина, Н. В. Докучаева, В. Д. Кочеткова, В. А. Чиркова и М. А. Шуктомова и орденом Красного Знамени А. С. Двоеглазова, И. Н. Касьянова и других.

Подвиг кочетковцев был принят на вооружение дивизии как образец гвардейской стойкости, героизма и отваги, стал символом поведения в бою для каждого бойца и командира. И в этом немалую роль сыграла дивизионная газета.

А. С. Чуянов



Все были солдатами

Всякий раз, когда я обращаюсь памятью к суровой поре Сталинградской битвы, передо мной воскрешают события, участниками которых были миллионы людей — коллективы больших и малых заводов, жители Сталинграда и сельских районов области, советские воины. В решающий период сражения части Красной Армии опирались на широкую поддержку всех советских людей. Армейские соединения пополнялись и цементировались свежими силами, подготовленными в корпусе народного ополчения, в истребительных батальонах.

С первых дней войны военно-организаторская работа Сталинградской партийной организации осуществлялась в соответствии с планом мероприятий, разработанным ЦК ВКП(б) и СНК СССР, и директивным письмом от 29 июня 1941 года. Заводы Сталинграда перестроились на военную программу производства. Перед тружениками совхозов и колхозов была поставлена боевая задача: быстрее убрать урожай, дать больше продовольствия Красной Армии, а промышленным предприятиям — сырья.

Волгоградцы старшего поколения помнят, как в эти дни тысячи женщин пришли на предприятия, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин. Они, эти самоотверженные героини тыла, в короткие сроки овладевали производственными специальностями и своим трудом помогали фронту. В Сталинграде развертывали свою деятельность военные госпитали, формировались боевые части. Наряду с производством тракторов СТЗ-НАТИ на конвейерном потоке организовано было производство танков Т-34. Освоение и увеличение выпуска этих машин было главной задачей коммунистов тракторного завода, металлургического завода «Красный Октябрь» и других предприятий.

Руководство завода и особенно главный инженер А. Н. Демьянович, парторг ЦК партии А. М. Шапошников, сек-

ретарь райкома партии Д. В. Приходько, секретари обкома и горкома партии И. И. Бондарь, И. А. Пиксин, А. А. Вдовин и другие товарищи отдавали все свои силы, чтобы наладить поточное производство танков Т-34. Большую помощь заводу оказывал заместитель министра танковой промышленности СССР А. А. Горегляд. Выпуск сверхплановых боевых машин и тягачей-вездеходов, снарядов и мин, заготовок для авиационной промышленности отмечался каждодневно как славная победа фронтовых бригад.

Выполнение этой программы зависело прежде всего от запасов металла. Но «Красный Октябрь» начал испытывать недостаток сырья, потому что резко сократилось поступление металлолома из западных районов Советского Союза. По призыву обкома и горкома партии комсомольцы города и области вместе с учащейся молодежью поднялись на сбор металлолома. Коллектив металлургов и прокатчиков «Красного Октября» успешно справлялся с фронтовыми заданиями по выпуску танковой брони, качественных авиационных сталей, по производству огромного количества штамповок снарядов и авиабомб всех калибров, солдатских касок и другого оружия и снаряжения, необходимого армии. Мне, как первому секретарю обкома партии, естественно, часто приходилось бывать на заводах. Я видел, как самоотверженно трудились люди, какую большую организаторскую и политическую работу вели коммунисты и комсомольцы, показывая в то же время пример трудового героизма.

Много сил борьбе за металл отдавали директор завода «Красный Октябрь» П. В. Матвеев, главный инженер П. А. Матевосян, парторг ЦК партии И. Н. Михеев и другие партийные работники и хозяйственники. Не забыть славных боевых будней коллектива завода «Баррикады». Помню всегда по-военному подтянутых, энергичных и, казалось, ие знавших усталости директора завода Л. Р. Гонора, парторга ЦК И. А. Ломакина, секретаря райкома партии Г. Д. Романенко, главного конструктора И. И. Иванова, главного металлурга М. М. Струсельба и многих других баррикадцев, стоявших на своих постах до последней возможности. Рабочие, инженеры и техники завода давали фронту артиллерию, минометы и снаряды.

Война явилась суровой проверкой всех качеств каждого коллектива — будь то промышленное предприятие или учреждение. И надо сказать, что эту проверку на прочность они выдержали, как подобает советским людям. В истории обороны Сталинграда рядом с названиями прославленных воинских частей и соединений заслуженно стоят СТЗ, «Красный Октябрь», «Баррикады», судоверфь, Сталгрэс,

«Волга» и другие сталинградские предприятия. На фронт шли не только сталинградские танки и другие боевые машины, пушки и минометы. Не только снаряды, бронекорпуса для танков и самолетов, бронекатера и танкеры. Не перечесть всего того, что производилось в самых маленьких, примитивных механических мастерских, а иногда и просто на площадках под открытым небом. Руками тысяч энтузиастов — рабочих, инженеров и техников — изготовлялись полевые хлебозаводы, комплекты медицинских инструментов для госпиталей, походные автомастерские, кавалерийское снаряжение, полушубки, валенки, шапки-ушанки и многое другое. Причем делалось это на предприятиях, где отсутствовала соответствующая производственная база.

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны в Сталинграде, Астрахани и Камышине образуются городские комитеты обороны. Сталинградский городской комитет обороны был создан постановлением обкома партии и исполкома облсовета 23 октября 1941 года. Главнейшая задача комитета заключалась в обеспечении выполнения ежемесячных заданий по производству танков, пушек, минометов, боеприпасов и продовольствия.

Не только металлозаводы, но и многочисленные пищевые предприятия создали у себя вторые производства, а рабочие овладели вторыми профессиями. Они одновременно изготавливали гранаты и мины, взрыватели и зажигательные смеси, различное военное снаряжение.

Обком партии особое внимание уделял продовольственным поставкам, ускорению летних полевых работ. Известно, что к этому времени всю тяжесть этих работ приняли на себя женщины-колхозницы, работницы МТС и совхозов. Наши славные патриотки, героини труда не жалели своих сил для того, чтобы скорее убрать урожай, дать фронту больше хлеба и животноводческой продукции. Они повели тракторы и комбайны, многие из них стали руководителями ферм, бригадирами тракторных и полеводческих бригад, председателями сельских Советов, колхозов. Работники райкомов партии и комсомола, райисполкомов и всех районных организаций находились там, где шла борьба за хлеб, за выполнение фронтовых заданий. Сюда направлял своих работников обком партии и облисполком. Нельзя не вспомнить товарищей И. Ф. Зименкова, В. Т. Прохватилова, М. Д. Жаворонкова, Я. В. Ларина, В. А. Карлова, С. А. Краснова, А. М. Полякова, Н. С. Агринского и многих других партийных и советских работников, руководивших в это тяжелое время работами по сдаче хлеба государству, мобилизации всех резервов деревни на помощь фронту.

Все более важную роль в ходе войны начинал играть железнодорожный и водный транспорт Сталинградской области. Его нагрузка резко возросла в связи с потоком воинских грузов, эвакуированного имущества и населения из западных районов страны. Работники Сталинградской железной дороги, Нижне-Волжского пароходства, Рейдтанкера и Волготанкера действовали как настоящие бойцы. Налеты фашистской авиации на железнодорожные станции и волжские пристани не запугали их.

По решению городского комитета обороны на железной дороге и отдельных участках Волги были установлены подвижные команды с зенитными средствами защиты. Посты наблюдения корпусного района ПВО, речников быстро обнаруживали мины, сброшенные фашистской авиацией, и с помощью тральщиков Волжской военной флотилии уничтожали их.

Большое оборонное и народнохозяйственное значение имело строительство новых железнодорожных путей: Сталинград—Паромная—Владимировка и Сталинград—Иловля—Камышин. Эти две линии давали выход за Волгу через Паромную и на Камышин, а впоследствии на Саратов; они сыграли важную роль в перебросках боеприпасов и резервов Сталинградскому, Донскому и Юго-Западному фронтам.

Самоотверженно трудились на сооружении железнодорожной линии Сталинград — Паромная — Владимировка коллективы строительства № 10 (нач. М. Л. Бондаренко), № 85 (нач. т. Зубицкий), № 88 (нач. т. Алексеев). Они заслуженно удостоились правительственных наград.

Речники Нижне-Волжского пароходства и Волготанкера показали себя настоящими бойцами и на строительстве переправ. На ближайших подступах к Сталинграду осенью 1941 года и весной 1942 года были построены 15 паромных переправ. В Калаче-на-Дону за короткий срок появился высоководный мост, в его строительстве активно участвовало все население Калача.

Особое внимание уделялось строительству оборонительных рубежей на подступах к Сталинграду в 1941 и 1942 годах. Их строили 5-я саперная армия, 5-е, 19-е и 24-е управления оборонительных работ НКО СССР. Десятки тысяч сталинградцев рыли окопы, траншеи, возводили укрепления и заграждения. К этим работам подключались городские строительные организации и заводы. На строительных участках непрерывно работали до 5 тысяч подвод, 100—120 автомашин и 500 тракторов, большое количество механизмов и до 225 тысяч рабочих, колхозников, служа-

щих и учащейся молодежи, которые построили с октября 1941 г. по февраль 1943 г. 3860 километров оборонительных рубежей. Люди трудились действительно героически. Ни налеты вражеской авиации, ни осенняя непогода, ни зимние холода — ничто не могло сломить мужества и стойкости людей. Летом 1942 строительство велось днем и ночью по всей территории западных районов Сталинградской области.

Всенародным делом стало движение за создание боевых частей народного ополчения. Помню, как горячо отозвались сталинградцы на решение обкома партии и облисполкома о формировании Сталинградского корпуса народного ополчения. К осени 1941 года в его состав входили: сводная Донская кавалерийская дивизия, Сталинградская стрелковая дивизия, танковая бригада, отдельный артиллерийский и минометный дивизионы. Все эти подразделения формировались из ополченцев. Весной 1942 года корпус пополнился новыми силами, потому что отдельные части вошли в состав действующей армии. Одной из первых ушла на фронт кавдивизия. Она не раз отличалась в боях. Тысячи ополченцев влились в ряды воинов Красной Армии. Их в корпусе народного ополчения сменили тысячи других патриотов. К лету 1942 года в области насчитывалось 79 истребительных батальонов, объединивших около 13 тысяч бойцов.

Как и в 1918 году, когда заводы Красного Царицына являлись крепостями обороны, так и теперь они ковали оружие для фронта. Боевые традиции защитников Царицына жили и умножались в подвигах защитников Сталинграда. Ветераны гражданской войны помнили, какой грозной силой в боях с белогвардейцами показывали себя знаменитые бронепоезда, сделанные в цехах царицынских заводов. И вот по инициативе краснооктябрьцев и железнодорожников Сталинграда решено было построить для фронта три бронепоезда. Один из них — «Волжский богатырь»,— экипаж которого состоял из сталинградцев, действовал в составе Южного фронта и наносил крепкие удары по фашистам, по их танкам и артиллерии. Сколько раз после тяжелых боев бронепоезда возвращались на завод «Красный Октябрь» и, получив здесь «скорую помощь», снова уходили на линию фронта.

14 июля 1942 года Сталинград и Сталинградская область были объявлены на военном положении. В тот же день городской комитет обороны обратился к населению с воззванием: защищать волжскую твердыню, нанести врагу сокрушающий удар.

Во второй половине июля 1942 года развернулись ожесточенные бои в Донской излучине. Это было начало битвы за Сталинград. Непосредственная угроза городу возрастала с каждым днем. Десятки самолетов противника ежедневно появлялись над городом и на подступах к нему. Многократные воздушные тревоги стали обычным явлением в жизни города. Несмотря на это, население не проявляло желания оставить город и верило, что Сталинград не будет сдан врагу.

Запомнилась мне ночь на 20 июля. Уже рассветало. Раздался телефонный звонок из Москвы:

— С вами будет говорить товарищ Сталин.

— Город решили сдать врагу? — гневно произнес Сталин.— Почему переводите военный округ в Астрахань? Кто вам позволил, отвечайте!

Я доложил о том, что мы получили на этот счет соответствующее указание от заместителя Верховного Главнокомандующего.

— Мы тут разберемся и накажем виновных,— сказал Сталин.— А вам, товарищ Чуянов, поручаю немедленно разыскать командующего округом и передать, что если завтра штаб не возвратится в Сталинград, он будет строго наказан. Вы меня поняли?

— Да, понял. Ваше указание сейчас же передам.

Расспросив меня о положении в городе, о работе заводов, Сталин передал директивы ЦК нашей партийной организации в связи с усложнившейся военной обстановкой. В заключение сказал:

— Обязываю беспощадно бороться со всеми паникерами, трусами, как с людьми, подрывающими дело обороны страны. Поднимайте дух населения, добивайтесь еще лучшей работы заводов для фронта. Передайте всем, что Сталинград не будет сдан врагу.

Звоню командующему Сталинградским военным округом генерал-лейтенанту В. Ф. Герасименко: передаю ему содержание разговора со Ставкой. Эвакуация округа приостанавливается, выехавшие управления возвращаются в город.

В это же утро собрал членов бюро обкома и горкома партии, сообщил им о разговоре со Сталиным. После совещания все мы разъехались по предприятиям города, а вечером 22 июля состоялся пленум городского комитета партии, который призвал коммунистов к еще большей сплоченности, организованности, бдительности, решительному пресечению малейших проявлений паникерства, расхлябанности.

Конец июля. В городском комитете обороны решается вопрос об участии населения в строительстве оборонительного рубежа в Заволжье. И снова тысячи женщин, подростков, стариков из Красной Слободы, Средней Ахтубы, Ленинска и других населенных пунктов выходят в степь и трудятся, не щадя своих сил. Обком партии, городской комитет обороны принимают меры для ускорения прокладки железнодорожной линии Сталинград—Иловля—Камышин, для усиления охраны нефтекараванов, идущих по Волге, для быстрейшей переброски в Заволжье скота, эвакуированного из западных районов. Скота скопилось огромное количество. Срочно наладив новые переправы, на левый берег Волги мы перевезли свыше 1,5 миллиона голов скота. Кроме того, было перевезено около тысячи тракторов и много другой техники МТС, инвентаря колхозов и совхозов. Из донских районов шел поток хлеба, на его вывозке работало от пяти до семи тысяч сталинградцев. Руководил этой работой созданный 23 июля специальный штаб.

Памятен мне день 5 августа 1942 года. В этот день в Сталинград прибыл генерал-полковник А. И. Еременко, назначенный командующим Сталинградским фронтом. Он сразу же установил контакт с партийными органами и после постоянно держал с ними крепкую связь. На передовых позициях в это время в связи с разделением Сталинградского и Юго-Восточного фронтов началось перемещение войск. Одна из дивизий снималась с участка, где вражеские войска готовились нанести основной удар. Отменить передисклокацию не мог и командующий фронтом. Тогда мы обратились в Ставку, объяснили обстановку. Ровно через три минуты А. М. Василевский сообщил нам, что наша просьба удовлетворена. Это помогло нам укрепить силы обороны на южной окраине Сталинграда.

С юга и в Донской излучине на Сталинград наступали танковые и механизированные войска фашистских захватчиков. Остановить эту бронированную лавину могли только танки и притом в большом количестве. Их должен был дать Сталинград.

12 августа 1942 года заседал Военный совет Сталинградского фронта. На заседании присутствовали начальник бронетанкового управления Наркомата Обороны СССР Я. Н. Федоренко, заместитель наркома танковой промышленности А. А. Горегляд, директор СТЗ К. А. Задорожный, парторг ЦК на заводе А. М. Шапошников. Сталинградская партийная организация получает боевое задание — в семьдесять дней удвоить выпуск на СТЗ.

Утверждая это задание, Военный совет разъяснил:

фронт занимает оборонительные рубежи, возведенные тяжелым, героическим трудом сталинградцев, чтобы удержать эти рубежи, нужно больше боевой техники и прежде всего танков Т-34; на вас, сталинградцы, наша надежда — удвойте выпуск машин!

Сталинград ответил делом. В социалистическом соревновании танковых заводов за июль коллектив СТЗ занял первое место, и 14 августа ему было вручено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

20 августа 1942 года командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник Еременко получил приказ Ставки:

«Оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и юга на Сталинград, имеет решающее значение для всего нашего Советского фронта. Верховное Главнокомандование обязывает Вас не щадить сил для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага.— Сталин, Василевский».

16 августа началась эвакуация всего гражданского населения, предприятий и организаций из населенных пунктов района боевых действий 62-й армии в полосе от ст. Паньшино, Дмитриевки, Мариновки, Средне-Царицынского, Нижне-Царицынского и левого берега Дона. Из Сталинграда было эвакуировано с 15 августа до 25 тысяч женщин с детьми — семей воинов Красной Армии, рабочих и служащих.

Обком, горком, райкомы партии находились в самом центре событий тех грозных дней; они возглавляли тысячи людей, участвовавших в скоростном строительстве эстакадно-плашкоутного моста через Волгу, длина которого достигала без малого пять километров, в сооружении новых оборонительных рубежей, укрытий для самолетов в Заволжье, в Дубовском, Балыклейском, Камышинском, Ольховском и Солодчинском районах и других работах, крепивших оборону.

22 августа 1942 года был последним днем прифронтового Сталинграда. Теперь сам город становился фронтом, ареной кровопролитных сражений. В полдень 23 августа вражеские танки показались в трех километрах от тракторного завода. В Сталинграде в это время находились лишь пять полков (не полного состава) 10-й дивизии внутренних войск НКВД. На подходах к городу немцев встретили зенитчики подполковника В. Е. Германа, они вели огонь одновременно по авиации и танкам противника. Неподалеку от завода, на его танкодроме находился учебный танковый батальон под командованием майора Я. А. Гирда.

Он вступил в бой с фашистскими танками. Связной от начальника штаба батальона капитана А. В. Железнова сообщил, что со стороны села Орловки движутся 14 немецких танков, а за танками на автомашинах следует мотопехота. Батальон готовился дать врагу отпор и просил поддержать его.

Дальше события развивались с молниеносной быстротой. Директор СТЗ Задорожный передает в обком партии: немецкие танки и мотопехота приближаются к заводу. Надо было принимать срочные меры, чтобы остановить вражеские части, прорвавшие в этом месте линию нашего фронта. Связываюсь со штабом и Военным советом фронта. По распоряжению городского комитета обороны СТЗ передает танковому батальону 60 боевых машин, а бойцам истребительных батальонов — 1200 пулеметов.

Первым выступил истребительный батальон тракторозаводцев под командованием начальника 8-го отделения милиции капитана К. А. Костюченко и начальника штаба батальона Б. Б. Панченко, а вслед за ним — батальон танковой бригады народного ополчения под командованием Н. Л. Вычугова, конструктора СТЗ. Рядом с истребительным батальоном занял огневые позиции батальон морской пехоты Волжской военной флотилии под командованием капитана 3-го ранга П. М. Телевного, а в поселке Рынок — саперный батальон. На Верхнем поселке завода «Баррикады» занял боевую позицию истребительный батальон этого района. 282-й полк 10-й дивизии из района опытной станции перебрасывается в помощь тракторозаводцам. Навстречу прорвавшимся фашистам выступили курсанты военных училищ, в отражении вражеских атак принял участие 21-й учебный танковый батальон. 24 августа на исходные рубежи обороны прибыл отряд рабочих-ополченцев завода «Красный Октябрь» под командованием рабочего Г. П. Позднышева, занявший позиции на северо-западной окраине поселка Спартановка. На помощь тракторозаводцам спешили подкрепления и из других районов города. С воздуха город прикрывали летчики 102-й истребительной авиадивизии Героя Советского Союза полковника И. И. Краснюрченко.

Временно общее руководство боевыми действиями на этом участке фронта осуществлял командир 10-й дивизии войск НКВД полковник Сараев.

Нельзя не отметить, что к моменту боевых действий под Сталинградом на ближних подступах к нему было закончено строительство и оборудование батальонных укрепленных районов по схемам, утвержденным командованием

Военного округа. Эти работы велись под руководством генерал-лейтенаита Ф. И. Толбухина и полковника А. А. Сараева.

Встретив упорное сопротивление на северо-западной окраине Сталинграда и потеряв надежду с ходу овладеть тракторным заводом, немецко-фашистское командование во второй половине дня 23 августа обрушило на Сталинград бомбовый удар. Более тысячи вражеских самолетов непрерывно, по замкнутому кольцу, в течение многих часов сбрасывали на жилые кварталы и заводы города тяжелые фугасные и зажигательные бомбы. Вся зенитная артиллерия и авиация корпусного района ПВО были приведены в действие. Шли непрерывные воздушные бои. В городе пылали пожары. Потушить их не было никакой возможности. Бойцы МПВО спасали и выводили в безопасные места раненых, женщин, детей и стариков.

Сталинград сражался. В бой вступали все новые силы народного ополчения. В числе их были артиллеристы из ополчения Баррикадного района, бойцы истребительного батальона этого же района (командир Н. К. Эльман), истребительный батальон Дзержинского района (командир Д. И. Ермоленко, комиссар Г. З. Передерий) и Советского района (командир И. А. Бондаренко, комиссар Ф. Г. Назаров). На фронт выступили еще два рабочих отряда СТЗ под командованием мастера инструментального цеха т. Попова и сталевара т. Кривулина.

Так образовался северный боевой участок под командованием начальника автобронетанкового центра фронта генерал-майора танковых войск Н. Ф. Фекленко и начальника Сталинградского гарнизона полковника А. А. Сараева.

Полуокружив город, противник подтягивал новые резервы. Активные боевые действия развернулись по всей окраине северной части Сталинграда.

25 августа Военный совет фронта объявил город на осадном положении. Городской комитет обороны обратился к жителям Сталинграда с призывом: «Все, кто способен носить оружие,— на баррикады, на защиту родного города, родного дома». Тем временем с левого берега Волги в район СТЗ перебрасывались отдельные наши части, и командование фронтом создает «Северную группу войск» под командованием полковника С. Ф. Горохова — командира 124-й отдельной стрелковой бригады. Свежие силы этой группы уже с утра 29 августа перешли в наступление и отбросили противника на восемь километров, овладев поселками Спартановка и Рынок. После этого положение на северном участке фронта стабилизировалось. Необходимое

время для подхода новых резервов Красной Армии было выиграно.

Вскоре гитлеровцы начали нажим на центр города; 28—29 августа они под прикрытием бомбардировочной авиации повели наступление вдоль р. Царицы и со стороны авиаучилища. В памяти сохранились все подробности этой тревожной ночи. Было уже за двенадцать, когда Военный совет фронта обратился в обком партии и городской комитет обороны с просьбой о помощи резервами. Уже через несколько минут во всех районах города был известен призыв комитета обороны о выделении добровольческих отрядов. К утру 29 августа на сборный пункт в городском саду прибыли 1245 бойцов гражданской обороны, главным образом коммунисты и комсомольцы. Все они, получив оружие, сразу вступили в бой на центральном городском участке фронта. Атака противника и здесь была отбита.

Дни с 23 августа по 14 сентября явились самым тяжелым испытанием для всей партийной организации и сил гражданской обороны города. Это испытание они выдержали. Усилиями командования фронта и партийной организации Сталинграда город был защищен от вторжения противника. Выстояв в критический момент, подразделения народного ополчения и истребительные батальоны, понесшие большие потери, влились в соединения фронта, главным образом, в части 62-й армии, которой командовал генерал-лейтенант В. И. Чуйков.

В рядах этой легендарной армии сталинградские ополченцы бились с врагом умело и бесстрашно. В декабре 1942 года я, как член Военного совета фронта, получил донесение начальника политотдела 62-й армии бригадного комиссара И. В. Васильева. Этот документ произвел на меня сильное впечатление и вызвал, не скрою, чувство гордости. В нем рассказывалось о боевых действиях недавних ополченцев — коммунистов и комсомольцев Сталинграда, ставших воинами 62-й армии.

В Сталинграде солдатами были все. И сегодня вполне заслуженно в летописи великой битвы рядом с именами известных военачальников, прославленных воинов-героев стоят имена многих и многих жителей города, с оружием в руках защищавших родной Сталинград, ковавших оружие, выполнявших боевые задания фронта.

Д. М. Пигалев

Накануне

В конце июля 1942 года мы узнали о прорыве гитлеровцами фронта 51-й армии. Развивая наступление, враг в начале августа захватил город Котельниково, а затем он достиг станции Жутово и реки Аксай.

Война неумолимо приближалась к Сталинграду.

Близость фронта уже чувствовалась во всем. Заводы и фабрики работали на нужды армии. Возводились укрепления, опоясывавшие город. Люди стали по-солдатски подтянутыми и настороженными, с тревогой провожая идущие на юго-запад танки, пехоту, артиллерию. Зенитные батареи расположились прямо в парках и скверах.

В два часа 5 августа члены бюро горкома партии и исполкома горсовета собрались в кабинете секретаря горкома ВКП(б) И. А. Пиксина. Пришли секретари городских райкомов ВКП(б), председатели райисполкомов, начальник гарнизона — командир 10-й стрелковой дивизии НКВД полковник А. А. Сараев, командир корпусного района ПВО полковник Е. А. Райнин и комендант города майор В. Х. Демченко.

Окна кабинета затянуты плотными шторами. Сидим, обмениваемся последними новостями, прислушиваемся к взрывам бомб, пальбе зениток.

— По судоверфи бьют,— замечает кто-то.—А сейчас по Сталгрэсу.

Совещание открывает Пиксин. Он неторопливо докладывает обстановку на фронте, информирует о выполнении заданий городского комитета обороны по производству боеприпасов и вооружения, строительству оборонительных сооружений внутри города.

— Да, товарищи,— говорит Иван Алексеевич,— обстановка серьезная, необходимо принимать срочные меры по дальнейшему усилению помощи фронту, подготовке города

к обороне, особенно с юга, со стороны Красноармейска и Бекетовки.

Было решено все предприятия местной промышленности и промкооперации города переключить на производство боеприпасов, обмундирования, военно-инженерного имущества, для строительства бомбоубежищ и щелей мобилизовать все трудоспособное население города.

На каждого партийного и советского работника сразу свалилась уйма забот, одна другой важнее. Надо было повсеместно организовать проверку затемнения предприятий и железнодорожных линий, жилых домов, подготовить бомбоубежища, эвакуировать детей и госпитали с ранеными, принять меры для обеспечения бесперебойной работы транспорта и водопровода. Каждый из работников горкома партии и исполкома горсовета получил конкретное поручение.

Еще до этого заседания мы в исполкоме распределили обязанности между собой. А. Л. Лебедеву было поручено руководство городским транспортом и водопроводом, И. Ф. Дерегузову — пищевыми предприятиями и торговлей.

Я, как председатель городского Совета и начальник МПВО города, главное внимание сосредоточил на организации местной противовоздушной обороны и строительстве оборонительных сооружений внутри города. Этому участку работы придавалось особое значение с самого начала войны.

После первых же воздушных налетов оказалось, что не хватает источников воды для тушения пожаров. Решили создать водоемы. За короткий срок домохозяйки и старшие школьники вырыли в Ворошиловском (ныне Советском) районе 20 водоемов по 200—300 кубометров каждый, в Краснооктябрьском районе — 45 водоемов, емкостью в 150 кубометров каждый. Новые водоемы появились и в других районах города.

Все заводы, фабрики, мастерские ковали оружие и готовили снаряжение для фронта. Из цехов тракторного, «Баррикад», «Красного Октября», судоверфи шли на фронт танки и орудия, бронеколпаки и снаряды, автоматы и боеприпасы во все возрастающем количестве. Как-то мы с секретарем Ворошиловского райкома ВКП(б) М. А. Одиноковым побывали на лесозаводе им. Куйбышева. Завод получил срочный и очень важный фронтовой заказ, и мы хотели посмотреть, как он выполняется. У станков в подавляющем большинстве трудились женщины, трудились с большим упорством, делая для фронта аэросани, повозки, приклады для автоматов и спецукупорку для мин и снарядов.

И так было почти на каждом предприятии. Женщины заменяли ушедших на фронт мужей, братьев и отцов, успешно овладевая мужскими профессиями.

22 августа И. А. Пиксина и меня вызвали в городской комитет обороны для доклада о ходе строительства оборонительных рубежей. Мы рассказали, как обстоят дела. Сделано было немало и по возведению оборонительных рубежей и строительству бомбоубежищ. Но обстановка требовала большего. Угроза нависла над самим городом. Надо было немедленно приступить к возведению дополнительных линий укреплений вокруг крупных заводов — тракторного, «Баррикады», «Красного Октября» и Красноармейской судоверфи. Городской комитет обороны предложил нам активнее взяться за эту работу, в трехдневный срок пересечь дороги противотанковыми рвами, заминировать их, принять меры к минированию мостов и предприятий.

Прямо с заседания городского комитета обороны мы направились в горсовет, чтобы продумать, как успешнее справиться с этой задачей. Последние недели партийные и советские органы провели поистине колоссальную работу по усилению обороны Сталинграда.

В сравнительно короткие сроки в 237 больших домах были оборудованы бомбоубежища, открыто 66 300 погонных метров щелей, в которых могло укрыться до 180 тысяч человек.

Особо отличившихся на строительстве рубежей руководителей и рядовых работников правительство наградило орденами и медалями. В числе награжденных были председатели райисполкомов: Д. Д. Степчиков — Тракторозаводского района, Т. И. Мурашкина — Дзержинского района, И. Т. Шишкин — Ворошиловского района, З. П. Зеленский — Кировского района.

Все сталинградцы самоотверженно готовили родной город к отпору ненавистному врагу. Накануне я и Пиксин были в Кировском районе и в этом сами могли убедиться. Путь был нелегким. По шоссейной дороге мчались одна за другой машины, военные повозки. На каждом шагу — безжалостные следы войны: разрушенные здания, ямы-воронки от авиабомб.

Подъехали к Веселой балке. Между станциями Бекетовка и Сарепта работали коллективы Сталгрэса, Вторчермета и лесобазы. Женщины, подростки ломами, лопатами прокладывали противотанковые рвы, возводили пулеметные, минометные и артиллерийские гнезда.

Видно было, как многим тяжело давалась эта непривычная для них работа. Люди устали, изнемогали от зноя.

Здесь же находился и председатель Кировского райисполкома Захар Петрович Зеленский.

Остановились возле группы работниц. Иван Алексеевич Пиксин начал расспрашивать их, как идет работа, как они живут.

— Что и говорить, тяжело,— ответила одна пожилая женщина.— Только теперь не до жалоб.

Подошел Зеленский и тоже включился в наш разговор.

— Нам бы побольше металлических «ежей» для прикрытия города на случай танковых атак с юга,— сказал он.— Да неплохо было бы перегородить железнодорожными скатами участок от шоссейной дороги до Волги.

Иван Алексеевич, внимательно выслушав Зеленского, повернулся ко мне, сказал:

— Понимаешь,— это было его любимое слово,— Дмитрий Матвеевич, а ведь он дельно говорит. Поедем к судостроителям, на другие предприятия, может, что и придумаем.

Во дворе судоверфи и около цехов рабочие рыли щели для укрытий, оборудовали бомбоубежище. Собрали актив и попросили выявить металлические балки для изготовления противотанковых ежей и помочь в установлении их на оборонительных рубежах. Руководство завода и рабочие пообещали сделать все возможное.

С судоверфи направились на станцию Сарепта, где организовали вывозку железнодорожных скатов. Побывали мы и на других предприятиях, и всюду люди охотно брались за самые трудные дела.

В исполкоме нас ожидали работники горкома партии, мои заместители, заведующие отделами.

Чуть ли не каждый вечер собирались мы. Так уж повелось, что по окончании рабочего дня, который длился по 14, а то и больше часов, товарищи заходили, чтобы поделиться своими впечатлениями о происшедшем, посоветоваться о завтрашних делах.

В тяжелые дни, когда фашисты угрожали Сталинграду, горком ВКП(б), городской комитет обороны и горисполком являлись штабами прифронтового города, куда немедленно сообщались сведения о строительстве оборонительных сооружений, о всех разрушениях и восстановительных работах, о подвигах защитников города. Работники горисполкома и райисполкомов трудились в те дни много и напряженно.

И в тот день, 22 августа, мы до полуночи засиделись, продумывая, как быстрее выполнить задание городского комитета обороны.

И еще одна неотложная задача нас волновала: как организовать эвакуацию из города многочисленных беженцев, прибывающих из западных районов страны. В Сталинграде скопились тысячи этих людей, измученных страданиями, выпавшими на их долю. Надо было обезопасить их от дальнейших испытаний. Наметили, кто куда направляется, что делает с утра 23 августа. Все дела требовали принятия самых срочных и неотложных мер.

...И вот наступило 23 августа. В хлопотах и волнениях мы не заметили, как солнце склонилось за полдень. А в 17.00 вой сирен, тревожные гудки заводов, паровозов и волжских судов пронеслись над городом.

Воздушная тревога!

Мгновенно остановились трамваи, автомашины. Жители города ушли в бомбоубежища, спрятались в щелях. 15 тысяч сталинградцев из состава команд МПВО и групп самозащиты быстро заняли боевые посты и приготовились к защите города от зажигательных бомб, к тушению пожаров и оказанию помощи пострадавшим.

Меня воздушная тревога застала на командном пункте штаба МПВО. В 17 часов 15 минут со стороны Ельшанки и Дар-горы послышалась артиллерийская стрельба зенитчиков, заговорили орудия и в центре города. И сразу небо Сталинграда почернело от вражеских самолетов. С воем пикировали они на промышленные объекты и на дома мирных жителей, сбрасывая смертоносный груз. Одну волну сменяла другая волна вражеских стервятников. Рушились здания, город пылал, словно огромный костер. Гибли люди, горели ценности.

24 августа снова начался налет фашистских стервятников. Был поврежден центральный водопровод. Огонь охватил весь Ерманский, Дзержинский и Ворошиловский районы.

Нарушилась подача электроэнергии от Сталгрэса, вышли из строя и телефонные станции, остановились трамваи и пригородные поезда.

24—25 августа особенно интенсивной бомбежке подверглись заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». Полностью были уничтожены завод имени Куйбышева, мебельно-ящичный комбинат, чулочная, ватная и швейная фабрики, вышел из строя железнодорожный узел. Сгорели десятки тысяч домов.

Никогда не забыть мне дня 25 августа. Вместе с И. А. Пиксиным мы были на переправе, и то, что увидели, потрясло наши сердца.

Подходим. У волжского берега скопились тысячи беспомощных людей, потерявших родных и близких, оставшихся без крова. Фашистские стервятники непрерывно налетали на пристань. На берегу горели нефтяные баки. Горящая нефть разлилась по реке. Пламя охватило пристани. Повсюду лежали убитые, сотни раненых просили о помощи. Кричали и плакали дети, оставшиеся без матерей...

Мы немедленно сняли все формирования МПВО Ерманского района для оказания помощи пострадавшим

Бойцы противовоздушной обороны быстро оборудовали примитивный причал, к которому смогли подойти речные трамвайчики и забрать с берега раненых.

Нужно было иметь большое мужество и крепкие нервы, чтобы работать в те дни на волжских переправах. Но волгари, проникнутые высоким чувством ответственности перед Родиной, стойко несли свою боевую вахту.

В этой боевой работе, которая проходила под беспрерывной бомбежкой, многие сталинградцы показали себя подлинными героями.

В штабе МПВО Краснооктябрьского района я познакомился с медсестрой Ниной Богомоловой. В течение трех суток без сна оказывала она помощь пострадавшим и перевозила раненых бойцов на левый берег Волги.

Здесь же мне рассказали и о подвигах других девушек — Нины Лянгузовой и Дуси Батюковой.

...К штабу МПВО прибежала женщина. Простоволосая, с безумными глазами, она повторяла только одно:

— Спасите! Дети... Бомбой... Горят!

Через несколько минут к указанной улице помчалась санитарная машина.

На одном из перекрестков машина остановилась: дальше ехать было нельзя — горела вся улица. Оставив машину, девушки вошли в подвал, где находились дети.

Дуся зажгла электрический фонарик. На полу подвала лежал распростертый подросток, в дальнем углу, прижавшись к стене, сидела девочка лет двенадцати с окровавленной головой. К ее коленям прильнули белокурый мальчуган и девочка. Они тихо стонали.

Минута, другая — и на детях марлевые бинты. Теперь самое трудное — вынести их.

И снова — горящая улица. Девушки, где бегом, где ползком, вскоре вышли к машине.

Особо следует отметить четкую работу службы наблюдения и связи. Посты, организованные во всех районах города, своевременно сигнализировали на командные пункты о появлении вражеских самолетов, о пожарах, разрушени-

ях, что давало возможность быстро принимать необходимые меры.

Боец МПВО тов. Ситников из Баррикадного района в течение суток бессменно вел наблюдение за воздухом, потушил до 70 зажигательных бомб.

Много сделали для защиты Сталинграда работники штаба МПВО города и его начальник майор И. К. Шевалгин.

26 августа было опубликовано воззвание городского комитета обороны. В воззвании говорилось: «Товарищи сталинградцы! Не отдадим родного города. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью. Выходите все на строительство баррикад!».

Сталинград готовился к уличным боям. До 6000 человек приняло участие в строительстве баррикад.

29 августа, когда несколько ослабла бомбежка городских районов, партийные и советские организации поспешили использовать «передышку», чтобы хоть как-то организовать снабжение и бытовое обслуживание населения.

Налаживать жизнь в горящем, осажденном городе было делом трудным и опасным. Словно бойцы на передовой, под огнем врага трудились рабочие водопровода. Но воду городу дали. Дали дорогой ценой. Многие были ранены, убиты.

Вышел из строя хлебозавод. Вместо него создали 40 хлебопекарен полевого типа.

Для детей, родители которых погибли, в здании областного драматического театра имени Горького был организован детский приемник.

Чем ближе подходила линия фронта к городу, тем больше осложнялась деятельность партийных и советских органов. Обком ВКП(б) и облисполком приняли решение «Об аппаратах областных организаций», в котором признали нецелесообразным, ввиду нарушения деятельности областных организаций и потери связи с районами, держать в городе аппараты областных организаций. Сотрудники учреждений были направлены за Волгу.

13 сентября линия фронта легла через улицы Сталинграда, который стал подвергаться не только бомбежке, но и артиллерийскому и минометному обстрелу. Бои завязались в Ерманском районе. Административный центр города переместился в южный — Кировский район.

Это произошло не сразу, так как к моменту эвакуации городских учреждений немцы уже вклинились между Ерманским и Кировским районами, вышли здесь к Волге. Нам пришлось сначала перебраться за Волгу, а оттуда уже по-

степенно возвращаться в Сталинград, в его южную часть, где линия фронта остановилась на гряде холмов, прикрывающих Сталинград с запада.

Первое время после эвакуации трудно было сказать, где помещается горком партии или горсовет. Обстановка вынуждала нас действовать, что называется, на ходу. К началу ноября горком партии и горсовет, кроме своей резервной базы, оставшейся на левом берегу, в Красной Слободе, имели уже постоянное место в самом городе: небольшую комнату в подвале одного недостроенного цеха Краснoармейской судоверфи. В этой комнате я и секретарь горкома партии работали и принимали посетителей. По соседству с нами помещался штаб генерала М. С. Шумилова, а в нескольких километрах южнее — штаб генерала Ф. И. Толбухина.

Главное внимание в те дни мы уделяли эвакуации населения, оставшегося в Кировском районе и на Сарпинском острове. На наши убедительные доводы о необходимости выехать за Волгу женщины отвечали не менее убедительно:

— Раньше не выехали, а теперь чего выезжать, когда осада кончается!

Откровенно говоря, и мы сами занимались эвакуацией не очень охотно, думали, что вот-вот надобность в ней отпадет. Командование тоже не очень решительно настаивало на эвакуации. Вероятно, потому, что не только рабочие, оставшиеся на своих заводах, но и любая домохозяйка чем-нибудь да помогала той или иной воинской части, а отчасти, конечно, и потому, что положение на фронте было уже, действительно, совсем не то, что в сентябре и октябре.

Впервые мы ясно почувствовали это перед торжественным заседанием, посвященным 25-й годовщине Великой Октябрьской революции. Так как помещение, выбранное для торжественного заседания (столовая в одном из цехов судоверфи), находилось всего в двух-трех километрах от линии фронта, решили широко не оповещать о нем. Вызовы приглашаемым вручались лично. Мы развезли их накануне заседания по всем районам города. В северные районы, отрезанные от нас противником, приглашения доставлялись через Волгу из Красной Слободы. Мне пришлось отвозить приглашение генералу Ф. И. Толбухину в поселок Татьянку. Федора Ивановича я хорошо знал. Мы часто с ним встречались по городским делам, которые тогда все были неразрывно связаны с делами фронта. Встречались и до осады, когда он был в Сталинграде начальником гарнизона.

Увидеться с Толбухиным сразу не удалось. Он проводил в своем блиндаже какое-то совещание. Ожидая, пока оно

закончится, подсел к группе командиров. Со многими из них я был знаком, и у нас завязался непринужденный разговор о делах на фронте. Уже по самому тону их высказываний я понял, что близятся важные перемены. Особенно поразили меня слова, сказанные членом Военного совета армии Н. Е. Субботиным:

— Толбухин первым поставит флаг на вокзале.

О том, что готовится наше контрнаступление, я тогда и не знал, и предполагать этого не мог: никаких признаков сосредоточения войск в Сталинграде не было заметно. Правда, у южной окраины города на правый берег переправлялись отдельные воинские части, и артиллерии на фронте прибавилось, но мы, сталинградцы, полагали, что это просто усиливается оборона города. Неожиданно вырвавшиеся у Субботина слова были для меня загадкой. Я решительно не понимал, как может Толбухин первым поставить флаг на вокзале, когда он был от вокзала гораздо дальше, чем М. С. Шумилов, не говоря уже о В. И. Чуйкове, державшем со своими войсками оборону в нескольких стах метрах от вокзала.

Наконец, когда совещание у Толбухина окончилось, он меня принял. Я полушутя спросил его:

— Ну что, разрабатываете планы?

Толбухин улыбнулся и перевел разговор на другую тему. Но и этой улыбки было достаточно.

Я вернулся из штаба в полной уверенности, что немцы дальше не пройдут. Эта уверенность, передавшаяся от военных к гражданским, быстро охватывала всех сталинградцев.

С хорошим праздничным чувством собирался народ на торжественное заседание 5 ноября, хотя обстановка, в которой оно проходило, была еще далеко не праздничная. В городе шли ожесточенные бои. Приглашенные начали съезжаться только после наступления темноты, чтобы движение не было замечено наблюдателями противника. Из северных районов города и из Заволжья люди прибывали на лодках и катерах, с юга — на машинах. Все являлись прямо со своих боевых постов — окопов, блиндажей, подземных цехов, с военных кораблей и судов волжской переправы. Ночь была очень темная. Рабочие судоверфи встречали приезжающих и провожали их в непроглядной тьме через груды железного хлама в помещение столовой.

Собралось человек двести с лишним, больше, чем имелось мест, так что некоторым пришлось стоять. Незабываемое впечатление оставляла эта масса людей. Одеты они были по-разному — кто в шинели, кто в полушубке, кто в

фуфайке, но все при оружии. Плечом к плечу стояли два поколения — отцы, ветераны обороны Царицына в 1918 году, второй раз защищавшие город, и сыновья, отстаивавшие завоевания отцов. Рядом с потомственными волгарями — капитанами, грузчиками, лесопильщиками, деревообделочниками, старожилами бывшего Царицына — представители молодого Сталинграда, съехавшиеся на сталинградские стройки в первую пятилетку со всех уголков страны.

Заседание продолжалось недолго, всего около часа. Оно проходило еще под лозунгами «Стоять на смерть», «Ни шагу назад», но если раньше эти лозунги звучали тревожно, то сейчас произносились уверенно — люди уже выстояли перед самой страшной опасностью и сами знали это.

Никто не говорил о том, что близок час наступления, но это подразумевалось само собой и в докладе, и в принятом на заседании обращении к защитникам Сталинграда.

Проходили дни, но никаких признаков подготовки большого наступления по-прежнему не было заметно. Мы уже начали думать, что, вероятно, главный удар противнику будет нанесен не на сталинградском, а на каком-нибудь другом участке этого фронта. И когда наступление началось под Сталинградом, это было для нас радостной неожиданностью, хотя мы и давно его ждали.

О наступлении мы узнали 19 ноября. В этот день я поехал с секретарем горкома партии на левый берег, в штаб фронта к товарищу Чуянову, чтобы окончательно разрешить вопрос об эвакуации населения. Официально эвакуация еще не была отменена.

Только мы вошли в блиндаж члена Военного совета и стали излагать ему свои доводы, как раздался телефонный звонок. Положив трубку, Чуянов улыбнулся и сказал:

— Кстати приехали. Нас предупредили, чтобы к завтрашнему дню готовили Советскую власть для освобожденных районов. Подбирайте людей и сегодня же ночью посылайте в Светлый Яр.

Об эвакуации населения больше не говорили. Узнав, что на севере от Сталинграда наступление уже началось, мы заторопились к себе на правый берег. На другой день утром загремела канонада к югу от Сталинграда — пошел в наступление генерал Толбухин.

Я вспомнил слова Субботина о том, что войска Толбухина первые выйдут к вокзалу. Но Толбухин наступал на запад, следовательно, уходил от вокзала все дальше и дальше, это видно было по тем пунктам, в которые мы посылали советских и партийных работников.

Сначала нам трудно было представить весь размах на-

чавшегося контрудара, а потом поразила его грандиозность. Генерал Толбухин, действительно, вышел к вокзалу, хотя совсем не с той стороны, с какой мы думали он придет сюда.

★ ★ ★

4 февраля 1943 года. Морозное солнечное утро. Впервые за 5 месяцев в Сталинграде вместо грохота разрывов бомб, залпов орудий и треска пулеметных очередей слышны звуки бодрой, радующей музыки. На стенах разрушенных зданий — транспаранты, лозунги. На фасаде Дома Красной Армии — портреты членов Политбюро, прославленных военачальников, чьи части разбили гитлеровцев в междуречье Дона и Волги.

В 11 часов на площадь Павших борцов вместе с частями Красной Армии вступили трудящиеся сталинградских предприятий. Радостные, ликующие лица.

12 часов. От имени обкома ВКП(б) и Сталинградского горсовета я открыл митинг, посвященный разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом. Первое слово предоставил генерал-лейтенанту В. И. Чуйкову, командующему 62-й армией.

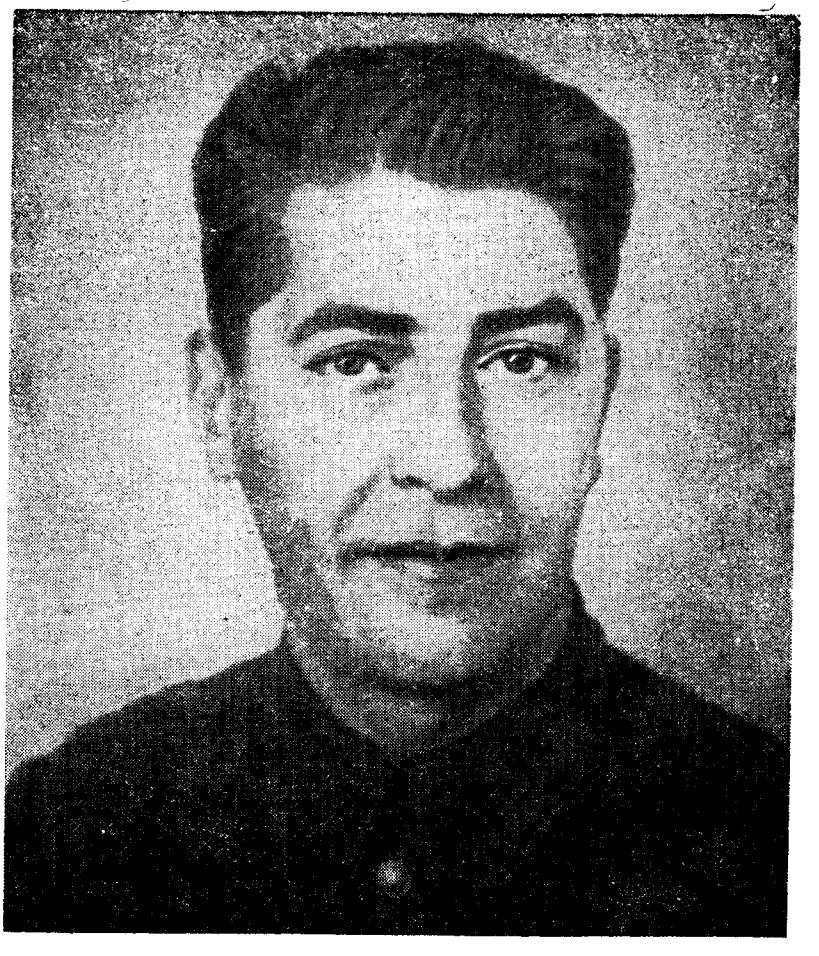
С горячей речью выступил гвардии генерал-майор Герой Советского Союза А. И Родимцев, командир прославленной 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

На трибуне командующий 64-й армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов. Части, которыми он командовал, наступали с юго-запада. Прорвав главную оборонительную линию противника, они первыми вышли к центру города и взяли в плен весь состав штаба 6-й немецкой армии вместе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом.

С речью выступил секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) и председатель городского комитета обороны А. С. Чуянов.

Советское правительство высоко оценило героизм защитников Сталинграда. В ознаменование великой победы над гитлеровскими захватчиками под Сталинградом учреждена медаль «За оборону Сталинграда», которой награждено свыше 700 тысяч советских людей.

В. И. Левкин



Комсомольцы на защите родного города

В донских степях, на подступах к Сталинграду шли ожесточенные бои. Немецко-фашистские войска, не считаясь с огромными потерями, рвались к Волге.

Многие воспитанники сталинградской комсомолии находились на фронте, стойко и мужественно сражались с врагом. Среди них было немало комсомольских вожаков. Из 78 первых секретарей райкомов ВЛКСМ 47 стали фронтовиками. Отправились на фронт секретари обкома комсомола Александр Стенягин, Сергей Исаев, Василий Дьяков, Константин Царинный и другие.

Как мне хотелось в это тяжелое для Родины время быть с ними и вместе громить врага! Но судьба моя сложилась иначе, чем у моих товарищей.

Осенью 1941 года, когда обком партии проводил отбор коммунистов на политработу в Красную Армию, был рекомендован на эту работу и я. Но по пути следования к месту назначения меня вызвали в ЦК ВЛКСМ. Секретари ЦК Н. А. Михайлов, Г. П. Громов, члены бюро предложили мне немедленно возвратиться в сталинградскую комсомольскую организацию.

— Мы разделяем ваши чувства,— сказал тов. Михайлов,— но ЦК партии требует от нас огромной работы среди молодежи в тылу. Поймите, без повседневной помощи тыла фронту врага нельзя победить.

Как я ни доказывал, что должен быть на фронте, ничего не помогло. Не помогла и военная форма, которая была на мне. Пришлось возвратиться в Сталинград и приступить к своим прежним обязанностям первого секретаря обкома ВЛКСМ.

В повседневной работе обком комсомола под руководством обкома партии усиленно готовил молодежь к защите Родины. Комсомольцы, понимая всю сложность военной обстановки, настойчиво занимались военным делом.

И мы немало тогда сделали. Через всевобуч было подготовлено свыше 200 тысяч стрелков, истребителей танков, гранатометчиков, пулеметчиков, подрывников, минометчиков. В различных военных кружках прошли подготовку 75 тысяч девушек, которые стали зенитчицами, радистками, сандружинницами, медсестрами. Когда военные действия развернулись на территории нашей области, а затем непосредственно в городе, все это очень пригодилось.

Ежедневно до 500 девушек-комсомолок работали в госпиталях. В разгрузке санитарных поездов на сталинградском вокзале постоянно участвовало до 100 сандружинниц. День и ночь дежурили они на вокзалах, пристанях. Я хорошо помню Тоню Магницкую, Нину Таранову, Тосю Щелочкову, многих других наших замечательных девчат, которые выхаживали раненых воинов.

В госпиталях часто можно было видеть пионеров и школьников города. Они приносили газеты, журналы, книги, бумагу и конверты, помогали писать письма.

Обком и горком комсомола проводили большую работу среди молодежи на заводах и фабриках, в колхозах, совхозах и МТС, направляя ее энергию на то, чтобы дать фронту больше вооружения, боеприпасов, продовольствия. «Все для фронта! Все для победы!» — под таким лозунгом трудились молодые патриоты.

Фронт приближался к Сталинграду. В городе участились воздушные тревоги.

29 июля 1942 года в областном драматическом театре имени М. Горького с участием широкого комсомольского актива собрался IV пленум обкома ВЛКСМ, чтобы обсудить работу областной комсомольской организации за год войны и задачи комсомольцев в связи с приближением фронта. Активистам было что рассказать о трудовых и боевых делах комсомольцев.

Пленум прошел с большим подъемом. Первый секретарь обкома и горкома партии А. С. Чуянов сообщил о возросшей опасности и вторжении фашистских орд в южные районы области. Он призвал комсомольскую организацию сосредоточить все свое внимание на усилении обороны города и обеспечении возросших нужд фронта, укреплении революционного порядка в городе и повышении боевой готовности.

С огромной ответственностью восприняли комсомольцы задачи, поставленные партийной организацией. Юноши и девушки были полны решимости всеми силами отстаивать родной город на Волге.

Советские воины сдерживали яростный натиск против-

ника на дальних подступах к Сталинграду. Город усиленно готовился к обороне.

Райкомы комсомола направляли молодежь в отряды народного ополчения, на строительство оборонительных рубежей, в отряды местной противовоздушной обороны. На заводах формировались рабочие роты, батальоны, артиллерийские дивизионы, танковые экипажи.

Свыше 50 тысяч комсомольцев и молодежи по призыву городского комитета обороны выходили на строительство оборонительных рубежей. Вместе со своими старшими товарищами они возводили противотанковые рвы, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения. Тысячи комсомольцев несли службу по охране города, вели политическую работу среди молодежи.

Наступило воскресенье 23 августа. Многие сталинградцы в тот день не подозревали, что их ждут тяжелые испытания, что враг окажется под стенами города и война ворвется в их дом. Сотни самолетов укрыли небо. Противник обрушил на город бомбовый удар колоссальной силы.

Пылали здания, рушились дома, под их обломками гибли дети, женщины и старики. Огонь охватывал деревья, перекидывался с одной улицы на другую. Горели пристани и причалы. Немецкие самолеты сбрасывали тысячи фугасных и зажигательных бомб. Снижаясь, они расстреливали из пулеметов мирных жителей и раненых бойцов, которые, покинув охваченные пожаром госпитали, напрягая последние силы, шли, ползли к волжской переправе по огненным уличным коридорам.

Фашисты пытались потопить город в крови, превратить его в развалины, посеять панику среди населения.

Но сталинградцы не дрогнули. Часть населения укрылась в бомбоубежищах и щелях. Бойцы противовоздушной обороны заняли свои посты. Тысячи рабочих и служащих, которых налет вражеской авиации застал дома, поспешили в свои учреждения и предприятия. Сталинград ощетинился уличными баррикадами, противотанковыми надолбами, огневыми точками. Десятки тысяч сталинградцев, в числе их и молодежь, с лопатами, топорами день и ночь в черте города рыли окопы, баррикадировали улицы, строили дзоты, сооружали артиллерийские и пулеметные гнезда.

Когда вспоминаешь то время, невольно восхищаешься мужеством сталинградцев, стойко выдержавших неимоверные испытания.

По фашистским самолетам била вся наша артиллерия, все 500 зенитных орудий Сталинградского корпуса ПВО. За три месяца до начала военных действий в городе по за-

данию командования семь тысяч человек, в основном девушки, были отобраны райкомами комсомола и направлены в подразделения этого корпуса.

Поздним вечером к северной части Сталинграда прорвались немецкие танки и колонна мотопехоты. Противник вплотную приблизился к тракторному заводу.

В этой суровой обстановке самоотверженную борьбу трудящихся города и области с гитлеровскими захватчиками возглавила сталинградская партийная организация. Выполняя указания Центрального Комитета партии, она вдохновляла людей, поднимала их на защиту Сталинграда. Коммунисты шли на самые опасные участки, их боевыми помощниками были комсомольцы.

Около 75 тысяч сталинградцев влились в эти дни в части и подразделения Сталинградского фронта. Среди бойцов этого пополнения было две трети комсомольцев.

Первыми пошли в бой комсомольцы СТЗ: восемнадцатилетний слесарь Алексей Талдыкин, Иван Скороходов, Николай Тимошенко, секретарь райкома Супоницкий, секретари цеховых комитетов комсомола Володин, Дегтярев, Ермоленко, Красноглазов.

Презирая смерть, стойко защищали они свой город. Ермоленко, Талдыкин, Макаров, Родин первыми за командиром поднялись в атаку. Раненые Володин и Дегтярев отказались уйти с поля боя и продолжали сражаться до последнего дыхания.

Молодая работница А. Фомина, когда ей предложили эвакуироваться из города, сказала командиру воинской части:

— Зачем я буду прятаться за спиной людей, которые прибыли с Урала, Сибири, со всех уголков земли советской защищать Сталинград? Я выросла на тракторном, училась, отсюда мне уходить нельзя.

Вместе с подругами она вступила в санитарный батальон, выносила раненых с поля боя.

В эти дни, когда, казалось, были нарушены все устоявшиеся годами связи, комсомол города еще теснее сплотился вокруг партийной организации. Комсомольцы спасали осиротевших детей, стариков, женщин, агитаторы читали жителям последние сводки с фронта. Работники райкомов, горкома и обкома ВЛКСМ показывали пример бесстрашия и организованности, призывали к выдержке, стойкости, самоотверженной борьбе, вселяли веру в победу. Ни на один день не была парализована работа обкома, горкома и райкомов комсомола.

Первичные комсомольские организации находили воз-

можность для проведения собраний, райкомы ВЛКСМ принимали передовую часть молодежи в комсомол, лучших комсомольцев рекомендовали в партию.

Были проведены комсомольские активы и пленумы горкома и обкома комсомола. И нередко случалось так, что прямо с собрания многие отправлялись в бой.

102-й авиадивизией, которая вела бои в Сталинграде, командовал Герой Советского Союза полковник И. И. Красноюрченко — воспитанник сталинградской комсомольской организации. Дивизия состояла в основном из комсомольцев. Они делали в день по 8—10 боевых вылетов. Только успевали приземлиться, заправиться, взять новый боекомплект и вновь взмывали в воздух, устремлялись в бой.

Активные действия войск и горожан образовали единую силу, которая направлялась волей партии к единой цели — отстоять Сталинград.

Давно это было, но и теперь я помню Пашу Макарова, Мишу Осипова, Ваню Лушнеченко, Клару Камневу, Катю Воробьеву, Валю Крашенинникову, Шуру Аксенову, Нину Маркину, Машу Пономареву и других юношей и девушек, самоотверженно выполнявших боевые задания.

Ночью 25 августа 1942 года в Тракторозаводский райком комсомола пришел полковник: «У нас много раненых. Окажите помощь».

Секретарь райкома Лида Пластикова вместе с двадцатью пятью комсомольцами немедленно отправилась на передний край. Все раненые были перевязаны и под пулями и разрывами мин вывезены на левый берег Волги.

Группа комсомольцев во главе с секретарем Ворошиловского райкома ВЛКСМ А. А. Модиной вынесла из-под огня более четырехсот осиротевших детей.

Бойцы стрелковой бригады полковника Болвинова никогда не забудут помощи скромных сталинградских девушек, которые в жарком двухдневном бою под Спартановкой, не щадя своей жизни, выносили с поля боя раненых, а на обратном пути подносили к передовым позициям ящики с патронами. Видя рядом с собой рабочих, комсомольцев, подносивших патроны, воду и пищу, бойцы сражались еще упорнее.

Комсомолка А. Житкова вынесла с поля боя 97 раненых бойцов и командиров и была награждена орденом Ленина.

Медицинская сестра Анна Бесчастнова на Мамаевом кургане легла за пулемет, чтобы защитить раненых бойцов, находившихся в землянке. Более 30 гитлеровцев уничтожила она. Несмотря на ранение и контузию, продолжала вести неравный бой до подхода наших частей. За геройский

подвиг Анна Бесчастнова была награждена орденом Красного Знамени.

Главным нервом, питавшим оборону Сталинграда, была переправа через Волгу. Немцы с особенным ожесточением обрушивали на нее огонь своей авиации, артиллерии и минометов. Земля на берегу была вспахана сталью и железом. В первые же дни осады не осталось ни одной пристани, ни одного причального мостика. Катера, баркасы, выделенные для перевозки населения, подходили прямо к выжженному берегу, и люди шли на погрузку вброд.

По нескольку суток без сна и отдыха несли боевую вахту водники. Рядом с седыми капитанами и штурманами находились и молодые волгари.

Бесстрашным героем волжской переправы показал себя комсорг парохода «Красный профинтерн» Зверев. Однажды, взяв на борт группу раненых, пароход пересекал Волгу. Несколько «юнкерсов» налетели на него и забросали бомбами. Пароход загорелся. Положение казалось безнадежным. В это время на глазах всей команды Зверев спрыгнул за борт. Подплыв к берегу, он натянул тросы и по ним переправил людей. Когда на пароходе осталось всего несколько раненых бойцов, в него попала новая бомба. Судно охватило пламя, и из него выпрыгнули двое детей. Зверев подобрал из-под огня тонущих ребят и благополучно вынес на берег.

Через двухкилометровую ширь Волги, над которой постоянно кружились вражеские самолеты, надо было переправить сотни тысяч людей. Когда недоставало паромов, речных трамваев, комсомольцы сооружали плоты и на них переправляли женщин, детей и раненых бойцов на левый берег.

Немцам удалось выйти на окраины города, просочиться на отдельные его улицы. В эти напряженные дни меня вызвали в Военный совет фронта.

Член Военного совета А. С. Чуянов и начальник политического управления фронта П. И. Доронин поставили задачу: мобилизовать из сельских районов области еще две тысячи комсомольцев.

Областной комитет ВЛКСМ призвал комсомольцев и молодежь области добровольно встать в ряды защитников города.

«Комсомольцы, комсомолки, юноши и девушки! К оружию! Все на защиту Сталинграда, на разгром немецких оккупантов!» — говорилось в обращении.

По размытым осенними дождями фронтовым дорогам шли к Сталинграду юноши и девушки из Астрахани, Камы-

бо
окра
цы ох
проводи

Но по
свою жи
врага,
ценн
с «ул
раз и ест
этому чел
надцати л

Отваг
тылу вра
ма ВЛК
го подп
вели бо
сказыва
вую фаш
для наших во

Молодые
ли все лише
схватили Кл
пытки не за
Они погибли
в славную ис

Особенно
Филиппов, Дус
кова, Саша Де
Сухоносенко, К
нов и многие др

де
ча-

отряд
рабрецы-
тстрели-
погиб,

Их
ких ком-
поведения
ы не усту-
ыдержке,

ией, обо-
своим
победы
ии войн
в защите
говорит весь
духа и ска-
ген Сталин-

дрались ста-
каждую ули-
хранить свет-
роях, умевших
Родине самое

вниманием сле-

дил за битвой на Волге, всеми силами помогал героическим защитникам Сталинграда.

Мы всегда испытывали чувство братской близости комсомольцев и молодежи Ленинграда, Москвы, Владивостока, Саратова, Челябинска, Свердловска, Узбекистана, Грузии, Азербайджана. Сталинградская комсомольская организация поддерживала постоянную связь с ЦК ВЛКСМ, который направлял нашу работу, оказывал нам большую помощь, был всегда в курсе событий и неоднократно направлял к нам своих представителей. Хорошо помню, как накануне и в дни великой битвы, в период восстановления города у нас побывали секретари ЦК ВЛКСМ Ф. И. Наседкин, А. Н. Шелепин, член бюро ЦК ВЛКСМ А. М. Пегов, заведующий военным отделом ЦК комсомола Д. В. Постников, ответственные работники ЦК ВЛКСМ М. Песляк, Н. Абрамова, Г. Гончаров и другие. Все они своими советами помогали нам лучше поставить политико-воспитательную и организационную работу с молодежью, мобилизуя ее на успешное выполнение задач военного времени.

Комсомольские организации быстро, по-большевистски сумели наладить работу в боевой обстановке.

Секретари Тракторозаводского райкома комсомола Л. С. Пластикова, Баррикадного — Л. Г. Журкина, Краснооктябрьского — М. М. Подлестнова, Дзержинского — Г. А. Толстова, Ерманского — Т. Ф. Быкова, Ворошиловского — А. А. Модина, Кировского — В. С. Веропотвельян работали с неиссякаемой энергией, показывали пример организованности, мужества и находчивости. Много и активно работали в комсомоле в те дни и годы секретари обкома комсомола К. С. Злобина, Н. М. Шапочкина, М. А. Григорьева, И. К. Никрицухин, В. Г. Зорин, ответственные работники обкома и горкома комсомола З. Е. Березейчук, К. Ф. Ныркова, Н. К. Щепоткина, В. Г. Гуреева, Т. А. Филатова, Е. Д. Мальцева, А. Е. Орлова, Г. М. Васильева, В. И. Бондаренко, О. Н. Трескина.

За героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, и активное участие в социалистическом строительстве сталинградская городская организация ВЛКСМ награждена орденом Красного Знамени. Эту высокую награду Родины заслужили тысячи комсомольцев, которые по призыву партии с оружием в руках встали на защиту родного города. Они оказались достойными сынами и дочерьми своей социалистической Родины, верными помощниками Коммунистической партии.

Е. Г. Куксов,

полковник

Военкоматы в дни обороны

Наступило суровое военное лето 1942 года. В июле опасность вражеского вторжения нависла над западными и юго-западными районами области. Перед военкоматами встала задача — оказать всемерную помощь приблизившемуся фронту мобилизацией всех ресурсов, одновременно отвести в тыл значительную часть резервов.

В это время в Сталинграде сложилось тяжелое положение с семьями фронтовиков, эвакуированных из юго-западных областей страны. Их было свыше 25 тысяч человек, в основном женщины и дети. Им надо было дать жилье, пищу, одежду, обеспечить медицинским обслуживанием. Областной и городской комитеты партии и комсомола, облисполком и горсовет оказывали всяческую помощь эвакуированным. Немало делали для них и военкоматы, особенно городской. В этом деле он опирался в первую очередь на актив женщин начальствующего состава гарнизона.

Враг приближался к городу. Мы получили задание — отправить семьи военнослужащих в глубь страны. Работу по эвакуации возглавил политотдел облвоенкомата. Через двенадцать дней эвакуация семей фронтовиков полностью закончилась.

К 20 августа военкоматы области завершили первый этап своей работы, заключавшийся в выводе людских резервов и всех видов мобилизационных ресурсов из западных, юго-западных и прилегающих к городу районов.

С 23 августа налеты вражеской авиации стали беспрерывными Пришлось нам перебраться в подвал областного земельного отдела, здесь разместился наш мобилизационный штаб к которому днем и ночью подъезжали велосипедисты и всадники с приказами и распоряжениями.

Один за другим следовали приказы Военного совета Сталинградского фронта о проведении мобилизации и уком-

плектовании отдельных частей фронта резервами в срок, не превышающий 24 часов. Требовалась исключительная оперативность и большое напряжение сил, чтобы своевременно выполнить эти задания. Ни пожары, ни жестокая бомбежка ни на одну минуту не приостанавливали работу военкоматов. К сборным пунктам продолжали подходить мобилизованные. Команды комплектовались в подвалах, в опаленных пожарами скверах, садах и немедленно передавались воинским частям. За десять дней в тяжелейших условиях военкоматы направили в ряды армии 65 тысяч человек.

Помню, в один из тревожных дней был получен приказ Военного совета фронта, требовавший быстро скомплектовать роту огнеметчиков. Точно к назначенному сроку рота была сформирована. Также оперативно создали работники военкоматов группу из коммунистов и комсомольцев для ремонта танков. Скоро многим работникам военкоматов пришлось действовать в боевых условиях. Когда враг прорвался к поселкам Латошинка, Рынок и Спартановка, в бой вступили истребительные батальоны. Военком Тракторозаводского района тов. Голышкин готовил пополнения для этих батальонов. Ему же пришлось формировать экипажи на каждый танк, выпущенный в те дни дзержинцами.

Военкоматы продолжали отбирать и направлять в армию резервы. Среди мобилизованных выделялись те, кто проходил в свое время обучение по программе всевобуча. Их было много. Они составляли, можно сказать, золотой фонд фронтового пополнения. В битве за Сталинград воспитанники всевобуча показали образцы воинского мастерства, бесстрашия и мужества.

Надо сказать, что всевобуч сыграл важную роль в подготовке резервов. Сотни тысяч людей проходили всеобщее военное обучение, вливаясь свежими силами в ряды защитников Родины.

Мне хотелось бы особо отметить майора Ивана Терентьевича Рысенкова, возглавлявшего Сталинградский городской военкомат. Коммунист с 1918 года, участник гражданской войны, он отдавал все свои силы и способности порученному делу. Когда враг угрожал городу с юго-запада, майор Рысенков в короткий срок мобилизовал в Кировском районе оставшийся автотранспорт для подвоза бутылок с зажигательной смесью на передовые позиции. Бутылки вместе с минами укладывались на танкоопасных направлениях. Немало бронированных машин со свастикой подорвалось и сгорело на этих зарядах. Горвоенкомат умело подготовил людские резервы к выводу и на левый берег Волги.

Хорошо работал начальник 1-й части облвоенкомата подполковник Леонид Федорович Степанов. Благодаря его опыту и умению был налажен учет всех видов резервов, соответствовавший военно-учетной специальности. Это позволило быстро призывать в войсковые части новое пополнение.

Оперативно и со знанием дела работал начальник 4-й части облвоенкомата инженер 3-го ранга Мисюров. Он был энергичным и мужественным воином, появлялся на самых ответственных участках, направляя резервы к месту боя. Погиб он на боевом посту.

28 августа Военный совет Сталинградского фронта приказал начать отвод из города на левый берег Волги военнообязанных, работавших на предприятиях и в учреждениях Сталинграда. Для того, чтобы своевременно выполнить задание, на оборонные заводы, где имелось значительное количество военнообязанных, были посланы представители обкома партии, оказавшие существенную помощь военкоматам.

С получением приказа райвоенкомы немедленно организовали оповещение военнообязанных. С утра на видных местах города можно было читать соответствующие приказы. Семьдесят пять велосипедистов — связных — дублировали оповещения по бомбоубежищам и щелям, где укрывались жители города. Через пять часов оповещение было закончено. Райвоенкоматы и весь офицерский состав, выделенный для руководства отводом, получили подробный инструктаж. К концу дня 28 августа колонны военнообязанных уже рассредоточенно шли к переправам. 29 августа с раннего утра по левому берегу Волги в назначенные пункты двигались тысячи людей.

К 5 сентября подавляющее число военнообязанных было выведено из города, первоочередные команды сформированы и переданы боевым частям в срок.

В эти напряженные дни личный состав облвоенкомата и военкоматов Сталинграда был включен приказом Военного совета в состав фронта, а в ноябре мы получили приказ, которым большая группа офицеров военкоматов за образцовое выполнение боевых заданий командования фронта и проявленную при этом доблесть и мужество награждалась орденами и медалями. Радостно было сознавать, что работники наших военкоматов первыми в Советском Союзе удостоились боевых наград.

Л. Ф. Самсонов

Связисты на боевой вахте

Когда началась война, я работал заместителем начальника областного управления связи. Вскоре меня призвали в армию и поставили во главе армейской военно-почтовой базы, сформированной из сталинградских связистов. В первые месяцы войны наше управление сформировало тридцать пять полевых почтовых станций, два военно-строительных батальона связи, которые сразу же были направлены в действующую армию. На фронт тогда ушло более тысячи связистов области, а впоследствии — свыше трех с половиной тысяч. В апреле 1942 года меня отозвали из армии и назначили начальником Сталинградского областного управления связи.

И вот я снова в городе, где проработал до этого много лет.

Сталинград в ту пору был еще тыловым городом, но вся его жизнь перестраивалась на военный лад. Перестраивались и связисты. Дел у них прибавлялось с каждым днем, а квалифицированных сил убавлялось, они пополняли ряды армейских связистов. К нам приходили новички, главным образом женщины, быстро осваивались в делах связи и работали действительно самоотверженно. Значительную помощь оказал нам тогда наркомат материальными ресурсами и специалистами. Начальником городской телефонной сети стал бывший начальник Львовской ГТС Н. Н. Череповский, главным инженером ГТС — крупнейший специалист в области автоматических телефонных станций Я. Г. Кобленц, начальником радиоцентра А. Л. Бадалов, работающий сейчас в Министерстве связи СССР. В период подготовки сталинградских связистов к работе в фронтовых условиях у нас подолгу находились ответственные работники наркомата связи, в том числе заместитель наркома А. А. Конюхов, начальник главного управления наркомата связи И. В. Клоков.

Народный комиссар связи СССР, он же заместитель наркома обороны, И. Т. Пересыпкин неослабно следил за состоянием дел в городе, а когда развернулись боевые действия в пределах Сталинграда, и особенно в период разгрома немецко-фашистских войск, он в течение трех месяцев непосредственно руководил работой средств связи, обслуживавших Сталинградский и Донской фронты.

Зимой и весной 1942 года главным для связистов являлось строительство новых и реконструкция существующих линий. Решающую роль тут сыграл коллектив Сталинградского линейно-технического узла. Весь его личный состав, находившийся на казарменном положении, действовал по-боевому. Не хватало изоляторов, крючьев, столбов. Линейщики обошли свои участки, улицы города и за несколько дней собрали тысячи изоляторов и крючьев, сами заготавливали лес для столбов и тут же развозили их к местам установки.

Разделенные на строительные колонны, линейщики под руководством опытных специалистов приступали к работе одновременно на нескольких участках. При выполнении одного из военных заданий потребовалось построить телеграфно-телефонную линию протяженностью свыше двухсот километров с подвеской около 3000 километров проводов. Срок нам дали жесткий — всего 30 дней. Наши линейщики построили линию за 25 дней. Хочется отметить, что в обычных условиях на сооружение такой линии ушло бы несколько месяцев. Эксплуатационно-технические качества построенных линий оказались достаточно высокими и обеспечили военному командованию надежную связь. При выполнении его заданий особенно отличились главный инженер областного управления связи Д. М. Тараненко, начальник телеграфного отдела Ф. А. Чувашин, начальник линейно-технического узла связи Ф. Г. Пискунов, инженер узла В. Я. Гайдаш, техники Ф. Г. Дудкин, Н. И. Далечин, А. Я. Малофеев, надсмотрщики тт. Федоров, Панферов и многие другие.

Подобных заданий было много, и все они выполнялись досрочно, за что Военный совет Сталинградского военного округа объявил связистам благодарность, а тт. Тараненко, Чувашина и Пискунова премировал.

В довоенное время Сталинград имел телефонную связь с Москвой по одной биметаллической цепи, шедшей по трассе Сталинград—Раковка—Березовка. Приближение вражеских полчищ угрожало прервать связь Сталинграда с центром. Нужно было построить телеграфно-телефонную линию для этой связи по левому берегу Волги. Новое ответствен-

ное строительство и подвеска цепи протяжением в несколько сот километров велись по-ударному и закончились за двадцать дней. Помню, как много внимания этой стройке уделял Государственный Комитет Обороны. Сюда были направлены несколько батальонов связи, автобатальон, звено самолетов У-2, 500 верблюдов, на которых в условиях бездорожья строители развезли по трассе свыше 10 тысяч телеграфных столбов и других материалов. Строительство возглавлял уполномоченный наркома связи и наркомата обороны инженер-майор И. С. Равич (сейчас — заместитель министра связи СССР). Линия эта вошла в строй буквально за несколько дней до подхода врага к городу и оказала неоценимую помощь руководству нашими войсками.

Ускоренными темпами была построена телеграфно-телефонная линия Астрахань—Кизляр, сыгравшая впоследствии исключительную роль для связи Москвы с Кавказом. Зимой 1941/42 г. сооружалась линия связи Сталинград—Элиста—Ставрополь. Так же по-фронтовому наводилась связь на линии Москва—Балашов—Елань—Новоаннинская—Калач воронежский—Ростов. Появились у нас линии Урюпинск—Нехаево—Ростов и другие дополнительные трассы связи. Строились узлы связи в Михайловке, Новоаннинской, Нехаево, в Елани, Красном Яру, Урюпинске, Серафимовиче. Объем работ у связистов непрерывно возрастал.

Связистам-линейщикам приходилось строить не только новые линии, но одновременно и восстанавливать выведенные из строя. Враг постоянно стремился помешать этому, обстреливая линейщиков с бреющего полета и сбрасывая бомбы на участках восстановительных работ. Здесь был тяжело ранен инженер линейно-технического узла В. Я. Гайдаш и погибли надсмотрщик т. Федоров и техник т. Булатов.

В тяжелых условиях лета 1942 года началась подготовка резервных узлов связи. Несколько их мы создали в Сталинграде и в районах области, впоследствии они были переданы воинским соединениям. Один из таких узлов организовали связисты в Капустином Яру. Через Капустиноярский узел поддерживалась связь с Москвой и другими городами страны. Командование Сталинградского и Донского фронтов пользовалось им для связи с Верховным Главнокомандованием, а Москва — с Закавказьем. В организации и эксплуатации этого узла особо отличились руководители областного телеграфа И. А. Федоров, Л. М. Попов, Н. И. Можалин, Н. Н. Архангельский, техники тт. Исайкин, Шипшин, Рабинович, Дементьев, Шевко-

пляс, Трубачев, телеграфисты тт. Надеждинский, Лисина и другие связисты. Недавно в поселке Капустин Яр на здании, где размещался узел связи, установлена мемориальная доска с надписью:

«Здесь в период битвы на Волге в 1942—1943 гг. самоотверженно работал коллектив связистов Сталинградской области, обеспечивая бесперебойной связью Сталинградский и Донской фронты, которые разгромили группировку немецко-фашистских войск».

Взрыв крупной бомбы разрушил в Сталинграде Дом связи, где находились телеграф и междугородная телефонная станция. Из горящего здания спешно извлекли аппаратуру. Телеграфная связь со страной не прерывалась ни на одну минуту — начал действовать резервный узел связи в Капустином Яру.

Как-то ночью мы зашли в аппаратную телеграфа. Застали старшего техника Д. В. Шипшина и старого связиста, проработавшего в органах связи не один десяток лет, инженера Л. М. Попова.

— В какой смене вы работаете? — спросили их.

— Знаете ли, — ответил Попов, замявшись,—фронтовые связи работают не всегда устойчиво, вот мы и решили не уходить с телеграфа...

Они вторые сутки не покидали своего поста.

Самоотверженно трудились все связисты. Особенно хотелось бы отметить телефонисток междугородной телефонной станции тт. Ильину, Самсонову, Духанину, Соколинскую, Меньшикову и многих других женщин-связисток...

Нельзя не сказать о мужестве и стойкости работников сталинградского радио — областного радиоцентра и радиоузлов районов города. Пока существовали трансляционные линии, они не прекращали работу, передавая сводки Совинформбюро, сообщения городского комитета обороны и другие материалы.

В тот день, когда враг появился в районе СТЗ, на районном узле дежурил старший техник С. В. Куркин, участник обороны Красного Царицына. Помещение радиоузла оказалось вблизи передовых позиций и обстреливалось. Куркин помог в эти дни переправить на левый берег Волги всех работавших на радиоузле женщин с их детьми, а сам остался на посту. Осколки бомб и мин, пули вражеских автоматов хлестали по стенам радиоузла. Как-то днем одна из мин взорвалась в аппаратной, нарушив линейное хозяйство. Степан Васильевич исправил линию, аппаратуру и продолжал передачи. Находил он время и для того, чтобы оказать помощь раненым бойцам, переносил их в безопасное место.

Немцы разрушили здание радиоузла. Куркин перенес приемник в подвал и там принимал сводки Совинформбюро, затем передавал их военному командованию и в райком партии. Только после того, как враг подошел совсем близко, отважный связист перетащил аппаратуру к Волге и отправил ее на левый берег. Когда закончилась битва, орден «Знак Почета» и медаль «За оборону Сталинграда» украсили грудь С. В. Куркина.

Можно назвать еще десятки имен связистов, мужественно и геройски выполнявших свой служебный долг. Среди них — старший техник Кировского радиоузла С. Г. Марков и техник Мария Ляпидова. Ведя передачи, восстанавливая поврежденную аппаратуру, они успевали еще ремонтировать военные приемники и рации. Сергей Гаврилович Марков погиб на посту. Работники всех радиоузлов города показали себя в тяжелые дни обороны настоящими солдатами. Монтер Николай Заруднев, радиофикаторы Борис Романов, Константин Квасников, Вера Елисеева и множество других отлично справлялись с обязанностями.

Коллектив областного радиоцентра первоначально возглавлял А. Л. Бадалов, несколько позже—В. Ф. Феофанов. Наши радисты проявили много находчивости в своем трудном деле. Иногда они решали задачи, которые считались совершенно невыполнимыми. Например, остроумно была решена проблема создания небольшой радиостанции. Для этой цели инженеры приспособили пятиваттную приемо-передающую станцию. О ее размерах можно судить по тому, что она умещалась... на двух ладонях. Вот что позже писал о ней народный комиссар связи СССР Пересыпкин: «Молодой связист, начальник радиоотдела Сталинградского областного управления связи Валентин Феофанов, талантливый инженер и новатор, сумел сделать то, что многим казалось невозможным. В течение всей осады города, с помощью несложной радиоаппаратуры он поддерживал связь Сталинграда со всей страной».

Вот как выглядела эта станция. От угла маленького дома к скворечнику протянута проволока — «антенная сеть». В небольшой кухоньке — «аппаратная». Здесь, сменяя друг друга, постоянно находились корреспонденты центральных газет, последних известий радио. Через эту станцию известный теперь комментатор, а в те дни корреспондент центрального радио Вадим Синявский передавал информацию о боях в Сталинграде. Бессменным оператором станции был М. Ф. Феофанов. Эта необыкновенная радиостанция передала в блокированный немцами Ленинград обращение сталинградцев.

Успешно и в короткий срок сталинградские радисты установили связь с главными силами украинских партизанских соединений, с героическим Севастополем. Памятен последний разговор с радистами Севастополя. Оператор севастопольской радиостанции передавал: «Фашисты, мы видим их в окно, пробираются к зданию станции. Начинаем уничтожение аппаратуры... Прощайте, товарищи, отомстите за родной Севастополь...». Об этом разговоре было немедленно сообщено наркому связи и командованию фронтом. Вскоре мы с болью в сердце читали сводку Информбюро, в которой говорилось, что после многочисленной обороны наши войска оставили Севастополь.

Не зная по-настоящему сна и отдыха, радисты обеспечивали навигационную службу для Волжской военной флотилии, держали связь с Москвой, с воинскими частями, вели передачи для вражеских войск на немецком, итальянском и венгерском языках.

Радистов справедливо называли бойцами невидимого фронта. Первыми бойцами среди них были В. Ф. Феофанов, его брат М. Ф. Феофанов, А. И. Еремин, М. В. Плюшко, М. И. Розгонин, Ю. Н. Тушнов, В. Громков, Павлова и другие сталинградские радисты.

Сегодня об их боевых делах напоминает мемориальная доска, установленная на стене дома № 25 на углу улиц Ленина и Коммунистической. На белом мраморе доски высечены слова:

«Здесь в 1941—1942 гг. работала радиостанция Министерства связи, которая обеспечивала радиосвязь с Москвой, Севастополем, Новороссийском, Волжской военной флотилией и отрядами партизанского движения Украины».

Героический труд радистов, как и всех работников связи, был отмечен высокими правительственными наградами. Валентину Феофанову, создателю малой радиостанции, вручили орден Ленина, а Михаилу Феофанову — орден «Знак Почета».

Важная роль в поддержании связи городского комитета обороны с районами города, промышленными предприятиями и воинскими частями принадлежала работникам городской телефонной сети.

На контрольном столе городской АТС одна за другой вспыхивали контрольные лампочки — это заземлялись линии, потому что взлетали на воздух, рушились, сгорали дома и квартиры абонентов городской сети. Выключенные секции оборудования тут же, несмотря на ожесточенную бомбежку, демонтировались и вывозились на левый берег Волги. В конце августа 1942 года в районе Балкан был

разрушен многопарный подземный кабель, через который держалась связь с тремя районами города, с его крупнейшими предприятиями. В городском комитете обороны понимали, что для ликвидации повреждения нужно несколько дней. Но нам сказали: даем вам на это десять-двенадцать часов. Несмотря на непрекращающиеся бомбежки, связисты под руководством Н. Н. Череповского и Я. Г. Кобленца восстановили связь в течение трех часов.

Вышел из строя аппаратный зал АТС. Связисты эвакуировали за Волгу оставшееся оборудование. Но под землей оставалась разветвленная кабельная сеть. Пользуясь ею, работники телефонной сети налаживали связи командного пункта городского комитета обороны с районами города, с заводами, с командными пунктами и передним краем воинских частей. Вместе с начальником АТС Н. Н. Череповским, главным инженером Я. Г. Кобленцем бесстрашно действовали техники В. В. Боков, В. Умников, И. Чернова, монтеры П. Чувашин, братья Сержантовы и многие другие товарищи, они в числе последних покинули город.

Многие связисты помнят телефонистку Майю Меньшикову. Она была эвакуирована в Сталинград в числе сотен других ленинградских детей в начале 1942 года. Пришла она к нам и попросила какой-нибудь работы. Ее приняли на междугородную телефонную станцию. Когда станция была разрушена, Меньшикову, как и других работников станции, эвакуировали за Волгу. Однако на другой день Майя опять оказалась в горящем городе. Ее снова отправили за Волгу, она вновь вернулась и заявила, что никуда не поедет. Пришлось дать ей работу. Она стала телефонисткой КП городского комитета обороны. Шестнадцатилетняя Майя Меньшикова была награждена орденом «Знак Почета» и медалью «За оборону Сталинграда», а народный комиссар связи СССР наградил ее значком «Отличник социалистического соревнования».

Немало и других связисток работало, как и Меньшикова, они также удостоились наград правительства и наркомата связи.

Нелегкая задача легла на плечи большого коллектива работников почтовой связи. Все они ежедневно подвергались опасности, рисковали жизнью, доставляя почту в воинские части, в учреждения и населению города. Такие почтальоны, как тт. Коновалова, Моисеева, Мельникова, Овчинникова, не страшась вражеского огня, разносили «Сталинградскую правду» и другие газеты. Появление наших почтальонов радовало всех — и воинов, и бой-

цов истребительных батальонов, и мирных жителей. Пришел почтальон — значит город живет!.. Ни на один день не прекращал работы коллектив 20-го отделения связи, которым руководил С. Н. Пушкин.

Спасти все ценности — это была одна из наших главнейших задач, когда враг обрушил на город тысячи тонн бомб. В часы сильных бомбардировок начальник почтамта А. Г. Крапивин, начальники 37-го и 30-го отделений связи А. Г. Осадин и В. Замирякин объезжали все районы города и спасли много денег и других ценностей.

Помню замечательных связисток тт. Березину и Ерохину. Первая работала заместителем начальника 7-го отделения связи в Краснооктябрьском районе, вторая была помощником начальника 2-го отделения. Во время массированного налета вражеской авиации, в результате которого было разрушено и здание отделения связи, Березина успела спасти деньги и марки на десятки тысяч рублей. Ерохина не смогла вовремя сдать спасенные ею деньги, она спрятала их в тайнике среди развалин, а когда кончилась битва, под развалинами отыскала эти деньги и сдала их на почтамт по сохранившимся у нее документам.

Дружно и четко трудился коллектив отделения перевозки почт. Руководил отделением М. Я. Селиверстов, бывалый связист. Почти все оборудование предприятий связи, имущество складов, материальные ценности эвакиурovались под огнем противника. За несколько дней за Волгу вывезли около ста автомашин с оборудованием и материалами.

Солдатскую отвагу показали шоферы Компайничук и Васильев, они переправлялись через реку по пять-шесть раз в сутки.

Ответственные задания выполняли работники специальной связи под руководством П. Ф. Нерозя, фельдъегери тт. Ажигалиев, Хворостов, Лебедев и Попов были ранены, но сохранили корреспонденцию и доставили по назначению.

Многое можно рассказать о трудовых буднях связистов сельских районов области. Они не остались в долгу перед фронтом. Период обороны Сталинграда являлся суровой проверкой связистов. И они выдержали эти проверку. Начальники районных контор связи М. П. Аникин, И. В. Образцов, Д. А. Слезавин, А. Ф. Ротмиров, И. Ф. Живитько М. А. Румянцев, В. В. Жуков, П. П. Глебов, Н. Н. Финогенов, С. А. Отрыжко и другие связисты показывали пример высокой дисциплины и бесстрашия.

Немало погибло связистов и в сельских районах. Во

Фролово жертвой налетов фашистской авиации стал телеграфист Иван Вуколович Антонов, тяжелое ранение получили телефонистка Мария Пяткина и почтальон т. Медведев. Погиб на посту начальник Верхне-Курмоярской конторы связи т. Прохватилов, шофер управления связи Алексей Губернаторов. В один из дней сентября 1942 года гитлеровцы совершили массированный налет на Дубовку. Вражеские бомбы вызвали большие разрушения средств связи. Едва кончилась бомбежка, как все работники отделения связи явились в контору для того, чтобы принять участие в ликвидации последствий бомбардировки. Среди них была раненая Лида Семененко и тяжелобольной В. М. Михайлов, старейший работник связи.

Оперативная группа сталинградских связистов находилась на своих постах днем и ночью. Все, кто входил в командный пункт областного управления — главный инженер Д. М. Тараненко, Ф. А. Чувашин, А. Г. Крапивин, Н. Н. Череповский и Я. Г. Кобленц, оставили город по приказу городского комитета обороны в ночь на 15 сентября. Переправлялись мы на левый берег Волги на плоту, который сами соорудили.

Труд связистов отмечен высокими наградами. Пятьдесят семь связистов получили ордена и медали, 300 — медали «За оборону Сталинграда» и 497 человек были награждены Народным комиссариатом связи.

В 16 районах области фашисты разрушили 177 предприятий связи, полностью уничтожили 26 радиоузлов и 1380 километров радиотрансляционных и 3320 километров телеграфно-телефонных линий, 11 157 километров проводов и 18 телеграфно-телефонных узлов. В результате этих разрушений были лишены проводной связи 219 сельсоветов, 207 колхозов, 47 МТС и 19 совхозов. В городе враг полностью разрушил все средства связи, служебные и жилые здания. Общий ущерб, нанесенный связи, составил около 30 миллионов рублей.

Еще не смолкли орудия, громившие окруженную группировку фашистов, а в Сталинграде началось восстановление средств связи. Уже в декабре 1942 года мы передали первые телеграммы по гражданской линии связи. В январе 1943 года в Кировском районе начал действовать небольшой телефонный коммутатор, связавший руководящие областные и городские организации. Через несколько дней после окончания битвы среди развалин и руин города зазвучали динамики первого восстановленного радиоузла.

Связисты продолжали свою боевую вахту.

С. Д. Бабкин

На южной окраине

В дни Сталинградской битвы Кировский район, в состав которого входил тогда и Красноармейский, оказался полуокруженным с трех сторон фронтовой полосой.

Райкомы партии и комсомола, райисполком и другие учреждения, штаб МПВО со всеми его формированиями находились в одном помещении. Все было подчинено главной задаче — укреплять оборону города, оказывать фронту конкретную помощь. Райком партии намечает и осуществляет практические меры этой помощи, добивается, в частности, ускорения ремонта военной техники на предприятиях, строительства баррикад вокруг заводов, улучшения охраны предприятий, повышения бдительности в производственных коллективах и среди населения, усиления борьбы за сохранение жилого фонда и культурно-просветительных учреждений, организации снабжения жителей района продуктами питания и т. д. Секретарь райкома Н. Г. Красноюрченко, председатель райисполкома З. П. Зеленский, заведующие отделами Н. И. Сергиенко, М. Н. Зеленский, инструктор А. С. Таранников и другие работники райкома и райисполкома, партийный актив имели определенные задания и выполняли их, не щадя своих сил.

Когда бои шли еще на подступах к городу, райком установил связь с командующими 64-й армией генералом М. С. Шумиловым и 57-й армией генералом Ф. И. Толбухиным, с членами Военных советов этих армий К. К. Абрамовым и Н. Е. Субботиным. С ними практически решались вопросы помощи армиям, от них же мы получали информацию о положении на фронте. Постоянно общались и руководители предприятий с командирами дивизий, штабы которых размещались на лесозаводах им. Ермана, № 7, лесокомбината МПС. Как секретарю райкома партии, мне и председателю райисполкома приходилось довольно часто встречаться с

М. С. Шумиловым. Он всегда охотно принимал нас, внимательно выслушивал и оказывал всяческую помощь.

Месяцы, предшествовавшие битве за Сталинград, были для партийной организации района месяцами напряженной разносторонней деятельности. Перестройка предприятий на военный лад, формирование отрядов народного ополчения, истребительных батальонов и обучение их, строительство оборонительных рубежей и баррикад — все это явилось серьезнейшей проверкой боевых качеств всех коммунистов, их способностей вести за собой массы.

Летом и осенью 1941 года в наш район прибыло из западных областей страны большое количество оборудования и других материальных ценностей, тысячи эвакуированных людей. Для приема, учета и последующей отгрузки оборудования по назначению в срочном порядке были построены складские помещения, для чего пришлось мобилизовать немало коммунистов и комсомольцев. Эвакуированных надо было как-то устроить с жильем, снабдить продовольствием.

В районе не было ни одного предприятия, которое не производило бы какую-либо продукцию для фронта и не выполнило бы план 1941 года и первого полугодия 1942 года. Судоверфь делала бронекорпуса танков и самолетов ИЛ-2. Здесь по-ударному трудились и сталинградцы, и рабочие, эвакуированные из Мариуполя, Николаева и Харькова. 23 и 24 августа 1942 года завод дал самое рекордное количество бронекорпусов танка Т-34, хотя накануне им было отправлено 1000 рабочих и служащих на строительство баррикад. Прекратив производство бронекорпусов, завод ремонтировал танки и другую боевую технику. Для перевозки людей, а позже грузов для армии в срочном порядке была достроена и спущена на воду баржа грузоподъемностью 3600 тонн, построены два бронепоезда, курсировавшие в пределах нашего района. Для Волжской флотилии рабочие капитально отремонтировали бронекатер и боевой корабль «Красная Волга», сделали большое количество противотанковых металлических ежей и другой военной продукции по заказам 57-й армии. Самоотверженно трудились, пренебрегая опасностью, рабочие бригад тт. Иваненко и Кулика, шоферы тт. Рыжков и Алексютин, начальник цеха т. Урсол, а также и. о. директора завода В. М. Фомин и сотни других рабочих и специалистов.

На одном из заводов готовилась зажигательная смесь, она расфасовывалась в бутылки и отправлялась на фронт для уничтожения фашистских танков; завод имени Ермана делал санитарные сани, домики, окопные печи; артели района выпускали валенки, полушубки, фуфайки и шапки...

«Все для фронта!» — этот призыв стал программой действий коллектива каждого предприятия. Особо хочется сказать о сталгрэсовцах. Они вели себя как настоящие герои. Под огнем врага рабочие, инженеры, техники и служащие Сталгрэса обеспечивали электроэнергией предприятия, воинские части и одновременно ремонтировали «эресы», рации, пулеметы и другое оружие. Мне не раз приходилось видеть, в каких невероятно тяжелых и опасных условиях действовали эти мужественные люди. Помню хорошо кочегара Константина Харитонова, машиниста турбины Скотникова, начальника цеха Крыжановского, главного инженера Зубанова и многих, многих других сталгрэсовцев, о которых можно сказать так же, как мы говорили о гвардейцах, оборонявших Дом сержанта Павлова: они стояли насмерть, не оставляя своих позиций ни днем, ни ночью.

Немцы обстреливали станцию словно по расписанию. Иной раз они до того «надоедали», что кто-нибудь из рабочих или бригадиров готов был побежать туда, откуда стреляли, чтобы «заткнуть глотку» фашисту...

Высокую оценку работы предприятий района дал XI пленум обкома ВКП(б), состоявшийся в январе 1943 года. В постановлении пленума говорилось:

«В период героической обороны Сталинграда особое внимание было уделено помощи фронту со стороны таких важных заводов, как тракторный, судоверфь, Сталгрэс, которые до последнего дня, несмотря на массовые бомбежки, минометный и артиллерийский обстрел, не прекращали своей работы, давали вооружение для разгрома врага».

Я не нахожу слов для того, чтобы передать все мужество и героизм товарищей, которые организовывали эвакуацию населения. На левый берег Волги людей переправляли под бомбежкой и артиллерийским обстрелом. С конца августа и до 14 ноября у нас в районе непрерывно, днем и ночью, действовали пять переправ, особенно интенсивно работали переправы Сталгрэса, судоверфи и Красноармейска.

Многие кировчане уходили на фронт. 29 августа 1942 года в течение нескольких часов были отобраны и направлены на передовую триста коммунистов, комсомольцев и беспартийных. В числе тех, кто отправился воевать, были: секретарь партбюро И. И. Лосев, заведующие отделами райкома партии тт. Семенов и Чепурин. В ряды 64-й армии влились 245 бойцов истребительного батальона (командир т. Никонов, комиссар И. И. Толмачев). В народное ополчение добровольно вступило 2400 человек. Сотни жителей района находились в рабочих дружинах, охранявших заводы, патрулировавших по району, сотни девушек-комсомолок

стали связистами, зенитчиками в действующих частях фронта.

По просьбе командования 64-й армии райком партии подобрал из добровольцев группу разведчиц. В числе их была пожилая многосемейная женщина Ф. М. Пирогова, комсомолки Гурьянова, Мерзликина, медсестра Наташа Любович. Пирогова пятнадцать раз ходила в тыл противника — в Тундутово, Абганерово, Мал. Дербеты, Цацу, она не раз встречалась с глазу на глаз с немецкими бандитами, подвергалась изнурительным допросам и избиению, но всегда возвращалась с задания и приносила ценные данные о враге.

Каждый на своем посту делал все, что мог, в помощь защитникам города. Связистки тт. Кошмарова и Дубина поддерживали бесперебойную связь на участке Сарепта — Бекетовка, где действовал бронепоезд. На путях возле депо Сарепта возник пожар огромной силы; пламя угрожало лесоперевалочной базе и Красноармейской пристани, где находились склады с боеприпасами. Оператор станции Нина Швец пробиралась ползком под горящими вагонами к сформированным составам, расцепляла их, а затем паровоз выводил их из зоны огня.

Все железнодорожники станции Сарепта работали в дни осады города самоотверженно. Смертью храбрых пали на своих боевых постах дежурный по депо тов. Квартин, машинист тов. Зубков, помощник машиниста тов. Мельников, кочегар тов. Зарубин, кузнец тов. Букин, мастер тов. Милакумов. Нельзя не вспомнить боевого вожака комсомола района — секретаря райкома ВЛКСМ Терлецкого, погибшего при выполнении партийного задания.

Многое делалось в районе для налаживания медико-санитарной помощи фронту. Медико-санитарная служба МПВО и медработники во главе с заведующим отделом здравоохранения — коммунистом И. Д. Траером в короткие сроки подготовили помещения для госпиталей, передав им из своего скудного резерва марлю, бинты, вату, медикаменты; 50 комсомолок пошли работать в медсанбаты и полевые госпитали медицинскими сестрами и санитарными инструкторами.

Близ ст. Бекетовская кировчане оборудовали однодневный дом отдыха для фронтовиков бригады полковника А. М. Смирнова. Второй дом отдыха они открыли для офицеров дивизии полковника Д. С. Куропатенко.

Представители района часто выезжали в воинские подразделения, а делегаты фронтовиков гостили у нас. Полит-

работники наших войск бывали на предприятиях, выступали с докладами.

Крепкая дружба сложилась у нас с летчиками 102-й истребительной авиационной дивизии ПВО (командир — полковник И. Г. Пунтус). Дивизия формировалась в нашем городе; среди ее пилотов находился бывший слесарь депо ст. Сарепта Владимир Каменщиков, ставший капитаном и удостоившийся звания Героя Советского Союза. Район построил летное поле и капониры, жители поселка обслуживали лечебные пункты и столовые.

Великим праздником было для всех 19 ноября 1942 года, когда советские войска начали свое историческое контрнаступление. В эти дни мы выделили группу коммунистов и комсомольцев, которые шли с передовыми наступающими частями как проводники.

Битва за Сталинград кончилась. Начиналась битва за возрождение города.

К. С. Денисова

Мужество

Сигнал воздушной тревоги, прозвучавший в Сталинграде 23 августа 1942 года, так и остался без отбоя.

Огонь войны забушевал на улицах города. Грохот взрыва сотрясал землю, кружили огненные вихри, воздух накалился до того, что загоралась одежда на людях, бежавших к укрытиям; рушились дома, камни города обагрились кровью мирных жителей — женщин, детей, стариков. В тот день тяжелое горе вошло в тысячи семей сталинградцев.

Надо было спасать людей, тушить пожары, усилить охрану государственного имущества, продолжать эвакуацию населения. Все это делалось под руководством чрезвычайной тройки, созданной раньше по предложению городского комитета обороны. В тройку входили: я — секретарь райкома партии, председатель райисполкома А. Ф. Локтева и начальник 1-го отделения милиции П. И. Учакин.

Наступили недели постоянных тревог.

В нашем районе, как и во всех районах города, многое было сделано для того, чтобы укрепить его оборону. В полк народного ополчения поступило свыше десяти тысяч заявлений от добровольцев. Командиром полка назначили Ф. М. Дедикова — участника гражданской войны, а комиссаром — Н. С. Агринского. Формировались боевые группы противовоздушной обороны, санитарной службы, истребительные батальоны. Тысячи людей выделялись на строительство оборонительных рубежей. Здесь работало до 1000 коммунистов и комсомольцев. Они были бригадирами, политруками и агитаторами, своим примером в труде увлекали остальных. От райкома к строительству мы прикрепили тт. Карпенко, Цимбала, Блохову, Соломатину. Из числа молодежи мы подобрали 84 человека для разведывательной работы в тылу врага. Особенно отличились разведчики Е. К. Алексеева, Клара Саленко, Тамара Белова, А. Дюльденко и другие молодые патриоты. Геройской

смертью пали при выполнении заданий Тамара Белова и Клара Саленко.

В сентябре 1941 года по решению Советского правительства началось строительство железной дороги Сталинград — Владимировка. На участке, отведенном нашему району, ежедневно трудилось 800—1000 человек, главным образом женщин. Задание было выполнено в срок.

Можно сказать, что к тому времени, когда враг стоял на ближних подступах к городу, наша районная партийная организация уже основательно перестроилась на военный лад.

...Фашистские автоматчики просочились в район домов специалистов. Это было в сентябре. Группа работников района — бойцы истребительного батальона тт. Учакин, Клычов, Котов, Васильев, Майбородин, Фролов, Чекушкин и другие совместно с бойцами МПВО и Красной Армии ликвидировали вражеских лазутчиков, прошли к переправе и держали ее до прихода частей Красной Армии.

Комсомольцы судостроительного техникума рыли на оборонительных рубежах траншеи. К их участку прорвалась группа немецких автоматчиков. Комсомольцы, они являлись бойцами истребительного батальона, смело вступили в бой с автоматчиками и уничтожили их. Особенно храбро и умело сражались комсомольцы Катасонов, Новиков, Барков и Переверзев.

Тяжелая обстановка потребовала от каждого огромного напряжения сил и воли, я помню, с какой самоотверженностью вели себя женщины, заменившие мужчин у станков. На заводе «Красная застава» больше половины работающих составляли женщины. Коммунистка т. Афанасьева заняла пост начальника цеха, и цех этот выполнял ежедневные задания на 250—300 процентов. Афанасьева погибла при одной из бомбежек. Тов. Ноздрихина, придя на завод, взяла обязательство выполнять план на 300 процентов и сдержала свое слово. Тов. Поручаева заменила мужа, ушедшего на фронт, и норму выработки перекрывала вдвое. За отличную работу для фронта коллектив завода получил от Военного совета 5-й саперной армии грамоту и благодарность.

14 сентября 1942 года наступила тишина, но эта тишина была зловещей. Метрах в двухстах от районного КП засели вражеские автоматчики; комиссар батальона Ф. Г. Назаров сообщил, что танки немцев прошли по Первомайской улице около здания обкома партии и по Курской улице, вблизи поликлиники. Нужно было принимать срочные меры, так как КП оказался почти в окружении. Договорились

с комиссаром батальона одной воинской части, что бойцы МПВО будут помогать им в бою, подносить снаряды.

Руководство райкома и райисполкома, а также женщины — бойцы из МПВО и последние группы населения уходили к переправам поздно вечером. Переправу немцы обстреливали из минометов и автоматов. Утром 15 сентября 1942 года мы переправились за Волгу и расположились около озера Грязнухи, где начали строить блиндажи и землянки. После устройства с жильем и питанием часть бойцов МПВО была временно отправлена на лесоразработки, часть — в поселок «Рыбачий», на сооружение блиндажей для городского штаба МПВО.

Находясь за Волгой, райком вел работу среди эвакуированных. Возвратились мы в свой район 31 января часа в три дня и, что называется, с ходу приступили к исполнению своих нелегких обязанностей.

Тяжкое зрелище являл собой центр города. Кругом руины, нагромождения кирпича и железобетона. Специальная комиссия установила, что при бомбежках и артобстрелах погибло 11 915 жителей района. Материальный ущерб, причиненный району, достигал 1 187 540 рублей.

День ото дня в районе становилось многолюднее. Возвращались на свои пепелища сталинградцы и устраивались как могли.

С чего начать свою работу? Это была совсем не легкая задача. Все разрушено, все приходилось начинать сначала. В первую очередь следовало позаботиться о предприятиях, которые могли помочь фронту, помочь наладить нормальную жизнь в городе. Собрали коммунистов, актив, обсудили, что и как делать. Каждый получил конкретное задание и горячо взялся за его выполнение. Вторая наша задача — обеспечить население жильем и питанием. Конечно, о новых домах речи тогда не могло быть. Взяли на учет все, что уцелело: подвалы, лестничные клетки, комнаты. Достали необходимые строительные материалы, раздали людям, и вскоре задымили очаги в центре нашего города. Жизнь входила в свою колею.

Позаботились мы и о восстановлении культурных учреждений, школ. Было радостно видеть, когда детишки снова приступили к учебе.

Начиналась первая страница героической истории возрождения города-бойца.

Л. Р. Гонор,

Герой Социалистического Труда,
генерал-майор

Завод-воин

Двадцатого июля мне позвонил дежурный по областному комитету партии и попросил срочно прибыть к А. С. Чуянову. В кабинете секретаря обкома партии было много народу. Я увидел немало знакомых — К. А. Задорожного, П. В. Матвеева, Н. А. Землянского, А. И. Уфлянда и многих других директоров крупных заводов. Не один раз мы собирались здесь и, бывало, подолгу засиживались, решая важные хозяйственные задачи. На этот раз разговор был коротким. Алексей Семенович, охарактеризовав тяжелое положение на фронте, поставил перед нами боевое задание: в десятидневный срок удвоить выпуск вооружения.

Из кабинета секретаря обкома партии я поехал прямо на завод. Надо было разработать необходимые мероприятия, перестраивать производство.

Повышенные задания с тех пор, как началась война, наш завод «Баррикады» получал не раз. Самыми трудными были дни, когда мы с мелкосерийного выпуска вооружения переходили на крупносерийный и даже массовый. Пришлось, по существу, перестраивать все производство.

Новая технология не могла ужиться с прежней планировкой цехов. Путь прохождения деталей был очень велик. Технологический режим потребовал закрепления станков за отдельными операциями и побудил нас расставить станки по потоку с таким расчетом, чтобы сократить излишнее передвижение деталей.

Организация поточного производства началась с пересмотра конструкций пушек. Немало пришлось потрудиться, проявить творческой выдумки главному инженеру завода К. И. Тритько, начальнику конструкторского бюро С. М. Колесникову, главному технологу Е. М. Левертовскому. Максимально упростив процесс изготовления пушек, они пересмотрели каждую деталь с точки зрения уменьшения ее веса и облегчения ее производства.

Надо отдать должное отделу главного металлурга, который возглавлял опытный инженер М. М. Струсельба.

Металлурги перевели все печи на товарный выпуск стали. Увеличилась производительность сталеплавильных цехов. Значительно возросло производство легированных сталей в основных мартеновских печах. Мы стали делать литыми целые агрегаты, что позволило резко увеличить производительность, сократить расход металла, улучшить качество и облегчить управление производством.

Много сил отдали мы изготовлению новой артустановки. Это была очень сложная конструкция. Детали машины достигали по габариту десятков метров и весили сотни тонн. Обработка отдельных самых ответственных деталей занимала от 100 до 250 дней. И этот ответственный заказ мы выполнили в срок.

За образцовое выполнение заданий правительства по производству и освоению новых видов вооружения Президиум Верховного Совета СССР наградил наш завод орденом Ленина. Высоких правительственных наград удостоилась и большая группа рабочих, инженеров и техников завода. Для всего коллектива это была большая радость.

Да, сделано было немало, но требования росли.

Приехав на завод, я пригласил к себе парторга ЦК ВКП(б) И. А. Ломакина. Решили собрать начальников цехов. Через час они уже сидели в моем кабинете. Я рассказал им о новом задании и попросил высказать свои соображения.

Вначале кое-кто замялся. Многие участки и так работали на пределе. Но недаром говорится: один ум хорошо, а два лучше. Сообща мы вскоре наметили те пути, которые надо искать для увеличения выпуска продукции, выработали конкретные мероприятия по всем цехам.

На следующий день созвали актив завода, на котором приняли повышенные социалистические обязательства на август месяц: «Выполнить увеличенный государственный план по строго установленному суточному графику и дать сверх плана вооружения по заказу № 129 на две стрелковые дивизии и по заказу № 138 на пять стрелковых полков. Перевыполнить заказы авиационной промышленности. Сэкономить не менее 400 тысяч рублей от внедрения рационализаторских предложений и изобретений. Досрочно выполнить заказы городского комитета обороны».

Принятые обязательства были доведены до каждого цеха, смены. Борьбу за их выполнение начали с того, что ввели почасовой график по выпуску продукции цехом и заводом в целом. Однако, как вскоре выяснилось, этого было

мало, и мы разработали новый график на каждую производственную операцию.

Почасовой и пооперационный графики запуска и выпуска продукции дали возможность начальникам цехов, мастерам, технологам не в конце дня, а на протяжении всей смены, в любой момент знать, как идет работа, какие встречаются «узкие места», и немедленно принимать меры. Рабочим новый график позволял от начала до конца смены трудиться с одинаковым напряжением.

Большую роль сыграло повышение скорости резания металла. На сверлильных станках она выросла с 132 до 280 оборотов в секунду, на токарных — с 110 до 230. Осваивались новые методы обработки изделий. Так, для ускорения обработки стволов ввели хонингование многорезцовых головок. Время на механическую обработку ствола сократили вдвое.

Много забот доставляло нам отсутствие хорошего инструмента. Я пригласил к себе нашего старого токаря Соболева.

— Выручай, Марк Семенович, на заводе большие трудности с инструментом, — сказал я. — Нужен резец, которым можно было бы производить и грубую и чистовую обработку детали.

— Дело трудное, но надо подумать, — ответил Соболев.

Через несколько дней Марк Семенович пригласил меня в цех и продемонстрировал свой комбинированный резец. Работа сразу пошла веселее. Для другой операции применили составной резец. Это избавило токарей от необходимости многократно перетачивать инструмент и повысило производительность их труда вдвое.

Близость фронта ощущалась все острее, не хватало топлива, сырья и материалов. Участились случаи налета вражеской авиации на город. Опасность, грозящая городу, удесятеряла силы рабочих.

Как-то поздно вечером, когда я просматривал техническую документацию по реконструкции литейного цеха, раздался звонок из Москвы.

— Как обстоит дело с отгрузкой вооружения? — спросил заместитель наркома вооружения В. Г. Костыгов.

— Все отгружено, — ответил я.

— Нельзя ли завтра ускорить отгрузку 20 орудий сверх плана?

— Трудно.

— Примите меры, — сказал Костыгов.

Оставив все дела, пошел к сборщикам и сварщикам. Как раз шла смена бригад. Многие рабочие уже более двух

суток не выходили из цеха. Я смотрел на их утомленные лица и не знал, что говорить. У людей и так глаза слипались. Однако фронту необходимы были эти 20 орудий, и я передал сборщикам разговор с заместителем наркома.

Какую-то минуту люди стояли молча, потупив взгляд. Первым заговорил сборщик Верхоглядов. Стянув засаленную кепку, он провел рукой по сбившимся волосам, смахнул рукавом капли пота со лба и сказал:

— Промоем еще раз водицей глаза. Раз фронту надо — значит надо.

Сборщики не ушли из цеха, пока не собрали 20 пушек.

В механическом цехе я застал группу рабочих, которая сидела на ступеньках лестницы. Сразу узнал наших кадровых рабочих: В. Т. Фурманова, А. И. Кузнецова, Г. В. Пригодина и А. К. Тюваева.

— Садитесь, товарищ директор, табачком угостим, — пригласили они меня.

Разговорились. Всех волновало одно: дела на фронте.

— Что же будет дальше?—озабоченно промолвил Фурманов. — Неужели гитлеровцам удастся прорваться к Волге?

Что я мог ответить:

— Все будет зависеть от нашей стойкости и упорства.

Смена уже давно закончилась, и я сказал:

— Пора и по домам.

— Теперь здесь и дом у нас, — ответил за всех Кузнецов. — Пока детали не обработаем сверх плана, никуда не уйдем.

Так было на каждом участке. Все работали по 11—12 часов, без выходных, недоедая, недосыпая, многие часто ночевали в цехе, а утром опять становились к станку. Люди понимали свою огромную ответственность перед Родиной. Немалую роль в достижении успеха сыграло и то обстоятельство, что вопросы, связанные с производством, решались и на заводе, и в Наркомате вооружения весьма оперативно. Часто к нам приезжали заместители наркома вооружения В. Г. Костыгов и В. М. Рябиков. Постоянную связь с заводом поддерживал нарком вооружения Д. Д. Устинов.

Большую помощь оказывали нам областной, городской и районный комитеты партии. Первый секретарь обкома А. С. Чуянов чуть ли не каждый день заглядывал к нам, лично контролировал выполнение фронтовых заказов, собирал коммунистов, начальников цехов, бригадиров, мастеров. Выслушивал их соображения, советы, нужды и принимал все необходимые меры, чтобы эти нужды удовлетворялись.

Коммунисты завода во главе с парторгом ЦК ВКП (б) И. А. Ломакиным правильно понимали свою задачу. На общезаводских и цеховых партийных собраниях регулярно и по-деловому обсуждались вопросы, связанные с нашей работой, по увеличению производства вооружения. Коммунисты показывали пример в труде и вели за собой весь коллектив завода.

В гуще рабочей массы всегда находились председатель завкома профсоюза И. А. Бруйков, секретарь завкома ВЛКСМ Валентин Сизов.

По почину передовых предприятий страны широкое развитие получили у нас такие формы соревнования, как соревнование по профессиям, соревнование за лучший цех, за лучшую бригаду, движение многостаночников, совмещение профессий. Массовым было движение двухсотников под лозунгом: «200% нормы — двести снарядов по врагу!».

В ходе социалистического соревнования возникли фронтовые производственные бригады, девизом которых было: «Все для фронта, все для победы!». Каждый рабочий и каждая работница мерили свой труд меркой бойца передовой линии и стремились, чтобы их дела не уступали воинской доблести солдата.

Сотни рабочих и ИТР показывали образцы работы. Трудно назвать их всех, но отдельных товарищей мне хотелось бы особо отметить. Прежде всего это тогдашние начальники цехов К. А. Замерякин, Г. Г. Бредихин, Л. И. Файбисович, В. Н. Житарев, В. С. Ермолаев, А. В. Ефимов, В. А. Дудинов, К. А. Мамсуров. Энергичные, всегда спокойные и рассудительные, они обеспечивали систематическое нарастание темпов выпуска. Нельзя не сказать о добросовестной работе инженеров-конструкторов П. А. Тяличева, И. Г. Шабарова, М. М. Розенберга, главного механика В. С. Шачина, главного диспетчера Г. В. Соколова. Самоотверженно трудились мастера П. И. Суров, Ф. К. Великанов, Г. М. Пимкин, В. М. Рожков, токарь М. С. Соболев, сталевар В. Я. Астафуров, фрезеровщик А. И. Кузнецов, сборщик Я. А. Верхоглядов и многие другие.

С 20 августа все ожесточеннее становился натиск врага. С утра 24 августа авиация противника обрушила на завод тонны смертоносного груза. Земля содрогалась от взрывов тяжелых фугасных бомб. Пожары разрастались, от едкого дыма трудно было дышать. Горели запасы мазута, масло в баках термического цеха.

А люди наши, невзирая на опасность, как только затихала бомбежка, снова вставали на свои посты. Не было электроэнергии, сжатого воздуха, не работали краны, все

приходилось делать вручную. Сгорели запасы продовольствия, не стало и питьевой воды.

Никто не ушел с завода в те суровые дни. Все трудились, не зная страха, не зная отдыха. По неполным данным, с 24 августа и по 6 сентября на завод было сброшено свыше 150 фугасных и свыше 2,5 тысячи зажигательных бомб.

Главное внимание в те дни мы уделяли силовой станции. Без нее завод не мог работать. Под бомбами и артиллерийским обстрелом силовая жила и трубы ее дымили. Главный энергетик завода Ф. Н. Антонов и начальник электроцеха инженер Шевченко не отходили от агрегатов, котлов и компрессоров. Ветеран завода — механик И. Т. Кузяев действовал, можно сказать, за семерых. За три дня энергетики завода восстановили поврежденные турбины, систему водоснабжения завода и поселков, дали ток на хлебопекарню и хлебозавод № 2.

На Нижнем поселке рядом с заводом находились дома, в которых жили начальники цехов, инженеры, мастера. Дома горели, в них гибло все, что люди нажили за много лет, но никто не попросился спасать от огня свое имущество. Все спасали завод.

Несмотря на бомбардировку, рабочие сборочного цеха во главе с начальником цеха К. А. Замерякиным и секретарем партбюро М. П. Мартыновым собрали, испытали и передали для фронта несколько десятков дивизионных 76-миллиметровых пушек.

Баррикадцы помогали фронту не только оружием. Часто вместе с пушками уходили на передовую и орудийные расчеты из рабочих.

Еще до 23 августа бойцы нашего истребительного батальона были переведены на казарменное положение. В течение ночи и утра 24 августа мы сформировали группу специалистов-оружейников, которую вместе с пушками отправили в район реки Мокрой Мечетки, где держали оборону воинские части. В этой группе были мастера Леонов, бригадиры Коньков и Сахаров, слесарь Юдин и другие товарищи. Следом за ними еще 250 баррикадцев ушли на передовую, 200 человек составили особую рабочую дружину, а 230— отряд строителей оборонительных рубежей.

В октябре передовая прошла через заводские корпуса. Рядом с воинами Красной Армии мужественно сражался с врагом рабочий отряд П. А. Тяличева. Стойко оборонял контрольные ворота завода рабочий отряд Соловьева. В районе главного магазина поселка смело вступили в схватку с гитлеровцами бойцы рабочего отряда Арыкова.

В боях за родной завод пали смертью храбрых молодой инженер П. Д. Борозна, политрук отряда П. И. Ченцов, рабочие — бойцы А. Я. Климентьев, И. И. Федин, А. Г. Яшкин, И. М. Мухортов, Н. С. Лемяшкин, Т. В. Бузин и другие. Слава им, добровольцам, проявившим необыкновенное мужество в трудные дни испытаний!

Смело и четко действовал заводской штаб МПВО. Вот несколько примеров. Инструктор штаба, он же секретарь парторганизации, Н. И. Крючков, вел наблюдение за воздухом, находясь на вышке. Вражеские самолеты пикировали на вышку, обстреливали ее из пулеметов; загорелась крыша, но Крючков продолжал стоять на посту и оставил его лишь по приказу командования. Дружинница комсомолка Нина Таранова под огнем врага оказывала первую медицинскую помощь пострадавшим.

А каких трудов стоило нам наладить заводскую переправу через Волгу! Перевозились женщины, дети, старики наиболее ценное оборудование. По дороге от левого берега Волги до Ленинска созданы эвакопункты, куда мы перебросили продовольствие и транспорт для эвакуированных.

В течение нескольких дней было вывезено большое количество различного оборудования: станков, прессов, кранов. Эвакуировался цветной металл, заготовки и полуфабрикаты.

Ежедневно на Урал уходили эшелоны. Все, что нужно, чтобы строить артиллерийские установки, тронулось в путь. Вместе с заводом уехали квалифицированные рабочие, инженерно-технические работники и служащие.

В эти грозные дни бойцами первой шеренги были коммунисты и комсомольцы. На самых опасных участках видели тогда парторга ЦК ВКП(б) И. А. Ломакина, его заместителя А. Ф. Колчина, секретарей Баррикадного райкома партии Г. Д. Романенко и Ф. П. Котова.

До последней возможности стоял наш завод-воин, его люди ковали для фронта оружие и с оружием в руках шли на врага.

Баррикадцы не только проявляли мужество и героизм в боях за свой завод, но и на всех участках советско-германского фронта. Только из числа фронтовиков — бывших рабочих завода — 15 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

С. И. Багаев

По мандату долга

— Когда возникает разговор о Волгограде, мне иногда задают вопрос:

— Говорят, вы были во время Сталинградской битвы уполномоченным Государственного Комитета Обороны в городе?

Почему-то некоторым кажется, что в чрезвычайной обстановке могут действовать лишь люди, имеющие какие-то особые «мандаты».

У меня же такого мандата не было. И какие полномочия мне и другим нужны были в ту суровую годину, если у каждого имелся самый главный «мандат» — долг перед социалистическим Отечеством, перед народом и партией.

К тому же я являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б), избранным на XVIII съезде партии, депутатом Верховного Совета РСФСР и заместителем наркома путей сообщения.

А в годы Великой Отечественной войны железнодорожному транспорту нашей страны предъявлялись очень большие требования. На каждом ее этапе выдвигались свои конкретные и сложные задачи. С первых дней нападения гитлеровцев железнодорожникам пришлось выполнять огромные мобилизационные перевозки. Только за первую неделю погрузка воинских грузов более чем в полтора раза превысила погрузку всех воинских эшелонов в царской России в 1914 году за два месяца сосредоточения армии. Лето и осень 1941 года были также периодом перемещения миллионов людей, тысяч предприятий в глубь страны, накапливания сил и боевой техники под Москвой.

Весной 1942 года возникла острая необходимость резко увеличить вывозку нефтепродуктов с Кавказа, чтобы обеспечить растущие потребности армии в горючем и создать достаточные запасы его в центральных и восточных районах. В то время кавказские нефтепромыслы были единственным источником снабжения нефтепродуктами.

Для организации этих перевозок была создана специальная оперативная группа работников НКПС во главе с заместителем наркома. Центром дислокации группы избрали Сталинград как один из важнейших железнодорожных и водных путей Юго-Востока страны. Здешний узел не только перерабатывал и пропускал большой поток грузовых поездов, но и являлся крупным пунктом налива нефтепродуктов, доставляемых сюда по Волге.

Такая перевалка нефтепродуктов с воды на железную дорогу давала возможность намного ускорить доставку горючего фронту и увеличить пропуск по железным дорогам Кавказа воинских эшелонов.

В связи с осложнением обстановки на Юго-Западном фронте в июне 1942 года на железных дорогах вновь возникли эвакуационные перевозки. По решению Государственного Комитета Обороны началась эвакуация оборудования, рабочих и их семей с предприятий металлургической и угольной промышленности Ворошиловградской и Ростовской областей, вывозилось заводское и шахтное оборудование, локомотивный парк, семьи железнодорожников Северо-Донецкой, Ворошиловградской и Юго-Восточной дорог. Большинство таких поездов также проходило через Сталинградский узел.

В середине июля началась эвакуация населения из Сталинграда, где кроме местных жителей скопилось значительное количество людей, прибывших из оккупированных городов страны. Эвакуация населения из города и районов области проводилась весь август и сентябрь.

Людей переправляли через Волгу на левый берег, а там на станциях Рязано-Уральской железной дороги производилась их посадка в вагоны, направляемые в глубь страны. В таких сложных условиях перевезли около 400 тысяч человек. В частности, на Урал были перевезены из Сталинграда 25 тысяч рабочих тракторного завода с семьями.

Организовали отправку в глубокий тыл раненых солдат и офицеров, медицинского и обслуживающего персонала сталинградских госпиталей, их оборудования.

Летом и осенью 1942 года железнодорожники осуществили массовую переброску войск и боевой техники в район Сталинграда. Причем эти перевозки по своей сложности были необычными. Особенность их заключалась в том, что они базировались на двух однопутных, технически очень слабо развитых и недостроенных железных дорогах.

В середине августа возникла явная угроза выхода противника на участки железной дороги Сталинград—Арчеда. Поэтому потребовалось в самые короткие сроки пропустить

по этой линии и принять в узел максимально возможное количество поездов с воинскими частями и боевой техникой, направляемых для усиления Сталинградского фронта. На станциях узла скопилось 30 тысяч порожних вагонов. Для сохранения маневренности 20 тысяч из них решили вывести на подъездные пути промышленных предприятий, трамвайные линии, которые к тому времени уже бездействовали.

Вклад железнодорожников в битве у Волги можно выразить одной цифрой. За двести дней сражения в район Сталинграда было подвезено более 300 тысяч вагонов военного снаряжения.

Железнодорожники Сталинграда и работники железнодорожных линий Юго-Восточной дороги (начальник дороги А. П. Молчанов, его первый заместитель т. Левченко) и Рязано-Уральской дороги (начальник дороги К. И. Филиппов), ведущих к узлу, могут с чистой совестью и гордостью сказать, что в дни битвы у Волги они свято выполнили свой долг перед Родиной. Часто работая в условиях прямого воздействия оружия противника, ежечасно подвергаясь смертельной опасности, они проявляли исключительное мужество.

Организаторами, а часто и непосредственными исполнителями проводимых в жизнь мероприятий являлись коммунисты. Объясняется это тем, что в годы, предшествовавшие войне, по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии нашей страны была проделана огромная работа по созданию и воспитанию советских кадров железнодорожников. На решающих участках железнодорожного конвейера — паровозном, вагонном, среди движенцев и путейцев — трудилось около 56 процентов всех коммунистов-транспортников. Партийная прослойка составляла: среди паровозных машинистов — 36 процентов, составителей поездов — почти 16 процентов, кондукторов — 16 процентов, бригадиров пути — 18 процентов.

Железнодорожный транспорт располагал и значительной армией опытных партийных работников.

Вот почему, как и бойцы Советской Армии, железнодорожники в самые трудные и ответственные минуты оказывались на самых решающих участках. Это ценное качество членов партии в полной мере проявилось и в дни Сталинградской битвы, которая стала переломным периодом в ходе второй мировой войны и началом крушения гитлеризма.

Вспоминается такой случай. В середине августа один из директоров заводов с большим опозданием поставил вопрос о вывозе с завода двух эшелонов очень ценных химикатов. Мы оба вынуждены были обратиться в Военный совет

фронта с просьбой выделить самолеты для прикрытия поездов с воздуха. Но нам отказали. Объяснили, что авиации не хватает даже для необходимой поддержки сражающихся на фронте частей.

Пришлось сформированные поезда отправить на Поворино в одну из ночей. Поездные бригады скомплектовали целиком из коммунистов. И они выполнили ответственное поручение в намеченный срок, доставили важные химикаты в назначенный пункт. А ведь в то время на линии уже бездействовала и селекторная и постоянная телефонная связь.

Ежедневно Сталинградское отделение поставляло порожние вагоны соседним отделениям (Морозовскому, Котельниковскому, Арчединскому, Сальскому и др.) и вывозило от них десятки эшелонов с эвакуированным ценным заводским оборудованием, зерном. Только из одной Сталинградской области за июль и первую половину августа вывезли около 30 тысяч вагонов хлеба. Шли без задержек и воинские эшелоны. По директиве Ставки, срочно, буквально в несколько дней, погрузили и отправили сформированную в районе Сталинграда резервную армию. Она заняла оборону в районе большой излучины Дона и одной из первых встретила врага.

Вся тяжесть этой работы легла в основном на Сталинградский узел, объем перевозок которого возрос по сравнению с довоенным в 10 раз. Только на паромной железнодорожной переправе через Волгу в конце июля и августе переправлялось на Астраханскую линию до 600 вагонов в сутки.

Большинство линейных станций не были приспособлены к огромным потокам прибывающих грузов. Они не имели разгрузочных платформ и других необходимых устройств. Поэтому составы с танками, с артиллерией часто выгружались прямо на перегонах, где буквально за десятки минут собирались из шпал и рельсов самые простые разгрузочные устройства. А 21—22 августа на участке Гумрак — Иловля состав с танками Т-34 разгружали прямо в степи по команде: «Заводи мотор! Следуй за мной!» Танки, пройдя вдоль всего эшелона по платформам, «прыгали» с последней площадки на землю. В качестве амортизирующего слоя использовались копны соломы, оставшиеся после обмолота хлебов, и штабеля щитов для снегозадержания. Выгрузившись таким образом, танки сразу же шли в бой.

Возникла острейшая необходимость увеличения провозной способности дорог, так как недостаточная пропускная способность неразвитых однопутных линий сильно ли-

митировала продвижение встречных поездов. Пришлось принять ряд чрезвычайных мер: начали пропускать поезда сдвоенными (два состава в одном), ввели пакетный график движения (пакет в сторону Сталинграда из 5 поездов, следовавших друг за другом, а затем пакет из 3 поездов в обратном направлении). Иногда на короткое время вводилось одностороннее движение поездов. Они отправлялись друг за другом через каждые 5 минут. Эта мера особенно часто использовалась для пропуска подготовленной заранее большой «пачки» порожняковых составов из узла.

Ввели в работу колонны паровозов особого резерва НКПС, стали пропускать их с поездами на более дальние расстояния.

Применение новых, специфических форм и методов организации движения, ускорение производственных процессов, рожденных военной обстановкой, позволило увеличить провозную способность железных дорог Сталинградского узла почти на 50 процентов.

Сказался здесь также высокий патриотизм и боевой дух сталинградских железнодорожников. Они делали все возможное для успешного выполнения самых сложных заданий. На этот счет небезынтересным будет такое сравнение. По железным дорогам страны в целом к концу 1942 года 62 процента рабочих являлись стахановцами и ударниками. На прифронтовых и фронтовых же линиях, в том числе и Сталинградского узла, буквально все заслуживали этого почетного звания.

Значительные осложнения в работе вызывались частыми бомбежками станций, эшелонов в пути. Кроме Арчединского и Сталинградского узлов, в сентябре, октябре и ноябре большим разрушениям с воздуха подвергалась Астраханская линия Рязано-Уральской дороги, особенно пострадали ее ветка В. Баскунчак—Заплавное, идущая к Сталинграду, и крупный узел В. Баскунчак. Но, несмотря на это, железнодорожники ежедневно по нескольку раз восстанавливали и постоянно содержали в исправности главные пути, по которым поезда проходили без остановок.

Чтобы как-то сохранить и обезопасить работников станций и линий, создать элементарные условия для управления движением, основные службы были вынесены из капитальных зданий в блиндажи.

Четкую работу наших железнодорожников вынуждены были признать даже враги. Бывший начальник штаба 52-го армейского корпуса гитлеровской армии генерал-майор Г. Дёрр впоследствии писал, что во время Сталинградской битвы «...железные дороги, в большинстве своем однопут-

ные, очень эффективно эксплуатировались русскими (те же, кто утверждает обратное — заблуждаются...)», немцы же не смогли «...обеспечить такую эффективную эксплуатацию дорог, как при русских»*.

Огромную помощь железнодорожникам Сталинграда оказали паровозные колонны особого резерва НКПС и военно-эксплуатационные отделения, которые вязли на свои плечи значительную часть перевозочной работы на линиях, примыкающих к узлу, а впоследствии и в самом узле. В этих боевых отрядах в своем большинстве работали железнодорожники с эвакуированных железных дорог Юго-Запада (Южной, Сталинской, Южно-Донецкой, Северо-Донецкой и других). Работали они самоотверженно.

В связи с угрозой Сталинграду встал вопрос о необходимости усиления пропускной способности технически слабо развитых однопутных железнодорожных линий. В первую очередь решили вопрос о срочной постройке и открытии дополнительных разъездов на участке Урбах—В. Баскунчак, Астраханской линии Рязано-Уральской железной дороги. На этом участке, длиной в 300 километров, в течение двух месяцев (с 15 июля по 15 сентября) силами эксплуатационного штата дороги, из материалов, подосланных для этой цели из Сталинграда, были построены 22 разъезда, обход В. Баскунчакского узла и ряд других обводных линий. Руководил работами на месте заместитель начальника дороги И. Д. Соснов.

Продолжением Астраханской линии в сторону Сталинграда стала вновь построенная вчерне весной 1942 года линия Ахтуба—Гумрак с железнодорожной паромной переправой через Волгу в Сталинграде. К этому времени на линии не было еще хорошего водоснабжения, до проекта не развиты станции, путь был отсыпан на неполный балластный слой и т. д. Необходимые дополнительные пути на станциях укладывались уже в условиях военной обстановки. Строительство велось хорошо организованным коллективом железнодорожного строительного управления № 10, руководил которым опытный и энергичный коммунист М. Л. Бондаренко. За успешное осуществление работ ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. Впоследствии на эту линию в течение пяти месяцев легла основная тяжесть подвозки к Сталинграду воинских эшелонов, их разгрузки под непрерывными налетами вражеской авиации. Но, несмотря ни на какие трудности, железнодорож-

---

* Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, М., 1957, стр. 31.

ники работали самоотверженно, четко и в срок выполняли порученные задания.

Был быстро решен вопрос о форсированном окончании строительства железной дороги Иловля—Петров Вал—Саратов, которую начали прокладывать в конце 1941 года строители НКВД (начальник т. Гвоздевский).

...Закончилась великая эпопея у Волги. Весь железнодорожный узел представлял собой груды искореженного металла, сплошные развалины и глубокие воронки от авиабомб и снарядов. И перед сталинградскими железнодорожниками встают новые проблемы. Прежде всего нужно было в короткий срок вывезти сотни тысяч бойцов наших воинских соединений, участвующих в разгроме гитлеровцев под Сталинградом. Требовалось отправить в глубь страны 90 тысяч пленных немцев, более 10 тысяч вагонов трофейного имущества и вооружения.

Поставленную задачу железнодорожники выполнили успешно. Уже 4 февраля 1943 года со станции Сарепта через весь узел отправился первый поезд.

Огромную роль в деле восстановления линий и других сооружений железных дорог сыграли железнодорожные войска, которые совместно с восстановительными формированиями НКПС в рекордно-короткие сроки наладили регулярное продвижение поездов.

Железнодорожными частями, принимавшими участие в восстановительных и других работах во время Сталинградской битвы, командовали генерал-лейтенант Н. А. Просвиров, полковники Петров, Павлов и подполковник В. В. Безвесильный. Все железнодорожники, от рядового до командира, никогда не ждали каких-то особых поручений, а делали сами все от них зависящее, потому что считали самой большой обязанностью для себя верно служить социалистической Отчизне, народу и Коммунистической партии. Долг перед Родиной — вот главный мандат, по которому действовал каждый.

П. В. Воробьев

«Гаситель»

Помню я, каким был Севастополь в 1905 году, когда я в военном флоте служил. Не раз слышал я речи лейтенанта Шмидта, которые он держал перед матросами. Видел я, как броненосец «Потемкин» в открытое море уходил. Запало это мне глубоко в душу. Когда Советы взяли власть в свои руки, был выбран я в судовой комитет, а когда началась гражданская война, с первых дней ее пошел служить в красный флот. Был капитаном военного ледокола «Каспий», пришлось мне тогда и под Царицыном воевать, а потом назначили меня лоцмейстером Волжско-Каспийской флотилии.

Свыше двадцати лет был я капитаном пожарного парохода «Гаситель». Это — мощный пожарный пароход в четыреста индикаторных сил. Его насосы дают в час до четырех тысяч кубометров воды. А выкачать они могут за это же время больше девяноста пяти тысяч ведер. За свою службу «Гаситель» спас десятки горящих пароходов, потушил много пожаров на Волге и на берегу.

Вместе с городскими пожарными командами мы тушили горящие склады и крупные здания, расположенные вблизи Волги.

Те, кто бывал в Сталинграде, могли запомнить наш пароход: он часто дежурил у городских причалов. Он не похож на другие: сразу видно, что предназначен он для специальной службы. Ярко блестят на солнце его всегда начищенные медные лафеты, из которых подается вода. Когда мы проводим учения, во все стороны от «Гасителя» летят мощные струи воды, пароход становится похожим на огромный фонтан, который движется по воде.

В 1928 году на пароходе «Клара Цеткин» Климент Ефремович Ворошилов проездом остановился в Сталинграде. Гляжу, к пожарному дебаркадеру подходит группа людей,

среди них и Климент Ефремович. Поднялся он на «Гаситель», поздоровался со всеми и говорит:

— Ну, а теперь покажите, как пожары тушите.

Мы по тревоге отвалили за двадцать секунд. Из всех стволов дали воду. Наши пожарники показали все свои маневры. Когда товарищ Ворошилов прощался с нами, он попросил дать ему судовой журнал, в котором оставил запись: «Присутствовал на «Гасителе» во время пожарной тревоги. Команда и механизмы действовали прекрасно. К. Ворошилов. 6.X. 1928 г.».

Посетил наш пароход и Алексей Максимович Горький. В первый раз я видел его в 1896 году на астраханских рыбных промыслах и у пристани «Кавказ и Меркурий», а в 1907 году, когда я служил во флоте, мне пришлось встретить Горького и беседовать с ним вместе с другими моряками в городе Марселе.

Алексея Максимовича на «Гасителе» мы должны были отвезти в лагерь для беспризорных детей, который помещался невдалеке от Сталинграда. Прокатили мы вначале Алексея Максимовича по рейду, а потом подвезли к лагерю. Перед тем, как сойти на берег, Алексей Максимович поинтересовался нашей работой и остался ею очень доволен, похвалив матросов и пожарных. А в журнале написал: «Совершенно изумлен молодецкой работой, отличной организацией команды. Сердечно жму ее рабочие руки. Горький. 29. VIII. 1929 года».

Любили мы свой пароход, служили на нем с большим желанием. Команда у нас была боевая.

Когда началась Великая Отечественная война, мы обзавелись запасными шлангами, клещами для борьбы с зажигалками. Все чаще стали выезжать по тревоге. Но, должно быть, за всю историю Волги не было на ней таких пожаров, как в августе 1942 года в Сталинграде.

8 августа мы получили задание идти на Красноармейск, где немцы бомбили станцию и депо. Взрывы были такие, что меня чуть не выкинуло с мостика. На «Гасителе» полопались все окна. На что крепко были укреплены часы и барометр, так и их сорвало. Подошли мы к берегу, протянули три линии рукавов и начали тушить баржи, вагоны с боеприпасами; взрывавшиеся снаряды летели через нас.

28 августа мы тушили горящие бараки на пятом лесоучастке. Дул сильный ветер. И если бы вовремя мы не затушили бараки, пожар мог охватить большое пространство. В этот же день мы тушили вокзал местного флота. Наши мощные насосы ни на минуту не прекращали работу. У городского причала горел железнодорожный состав с

боеприпасами: с грохотом и треском рвались снаряды. Наши пожарные в брезентовых комбинезонах высадились на берег, положили рукава, окатили друг друга водой и, вооружившись брандспойтами, начали заливать вагоны.

С этого же дня мы начали перевозить из Сталинграда в Красную Слободу раненых, эвакуированных, учреждения, ценные грузы, а обратным рейсом — воинские части, прибывавшие в Сталинград. Садилось на «Гаситель» по 250 человек и больше. Мы все время находились в самом пекле. Немецкие самолеты — над головой, укрыться негде, а среди наших пассажиров много детей и женщин; тяжело было смотреть на их страдания. Везешь людей, а бомбы кругом рвутся, так и кипит Волга. И командовать надо было, и пассажиров успокаивать, им все казалось, что пароход наш медленно идет.

Очень часто мы выполняли особые задания. Люди нашей команды почернели от копоти, на многих обгорела одежда, многие получили ожоги.

Первые жертвы понесли мы 25 августа. Бомбы с немецкого самолета разорвались в трех метрах от кормовой части парохода. Много осколков попало в машинное отделение. Вышел из строя правый штурвал, нарушилась звуковая сигнализация. Пораженный в сердце, упал механик Ерохин, был убит и кочегар Соколов. Пять человек из команды были ранены. А в корпусе «Гасителя» мы насчитали до 80 подводных и надводных пробоин.

На место погибшего механика стал его помощник Агапов и работал один и за механика, и за помощника, и за раненых членов машинной команды. Все пробоины в корпусе решили заделать на ходу, не заходя в затон. Мы заделывали все повреждения, а трупы погибших товарищей лежали на палубе. С трудом удалось в Красной Слободе найти жену Якова Даниловича Ерохина. Время было такое, что не пришлось мне присутствовать на похоронах своего друга, стойкого большевика Ерохина. А родных Соколова мы так и не разыскали. Сами похоронили его под деревом в Сталинградском затоне.

С утра до поздней ночи и даже ночью не прекращались в это время авианалеты на Сталинград, а нам надо было все время совершать рейсы. Мы уже перестали обращать внимание на «юнкерсы», «хейнкели» и «мессершмитты». Такова уж была наша служба.

Не раз в самые трудные минуты я вспоминал, что здесь где-то рядом, на опасных заданиях, моя любимая дочка. Она училась в педагогическом институте, а теперь стала разведчицей; командование посылало ее в тыл к немцам.

Один раз только в эти дни мы встретились с дочкой. На проводы семьи ей дали отпуск. Только вышли из дома, как подожженный немецкий самолет промчался над самым нашим домом и, содрав с него крышу, упал в нескольких метрах от нас. Попрощались мы, и я вернулся на пароход, а Катя — в свою часть.

В те сентябрьские дни мы выполняли задания одно важнее другого: то под бомбежкой перевозили понтонный мост через Волгу в Куропатку, то вытаскивали из-под самого носа у немцев баржи, груженные зерном.

Немцы с господствующих высот уже контролировали Волгу. По ночам, приглушив ход, без дыма и света, мы подходили к правому берегу и принимали на свой борт ценные грузы. Когда же кончали погрузку, я тихо отдавал команду: «Отдать чалку, полный вперед».

Так работали мы до последних дней сентября, до того времени, когда выход из затона был уже пристрелян немцами, а «Гаситель» своим ходом, ввиду понижения уровня воды, уже сам не мог выйти из затона. Тогда нам приказано было поставить «Гаситель» на якорь в глубоком месте затона, а команде сойти на берег. На берегу я почувствовал себя стариком. Наступили самые тяжелые дни в моей жизни... Мне было предложено отправиться в Москву за новым назначением.

До Москвы я так и не добрался. Некоторое время прожил в Саратове, а затем вернулся в Сталинград. Последние сто километров шел пешком. Разыскал нашу оперативную группу и попросил, чтобы мне дали работу здесь же, ведь наши волгари продолжали сражаться с гитлеровцами.

«Гаситель» мой уже не на якоре стоял, а был затоплен посредине затона. И никто тогда не знал — вражеский ли снаряд в него попал или в старые пробоины проникла вода и от этого он затонул.

Тогда же я узнал, что погибла и моя дочка. Когда она возвращалась с задания, ее тяжело ранили немцы. Шкипер Плашков, который переправлял ее с правого берега, видел, что рука у Кати была перебита и ранена она в грудь и живот. Искал я дочь по всем госпиталям, чтобы хоть узнать, где могилка ее, но так и не напал на след.

Одно только было мне утешением, что все девушки, боевые подруги Кати, много хорошего мне о ней рассказали, говорили, что она бесстрашно выполняла приказы командования.

Когда 2 февраля 1943 года кончились бои в Сталинграде, пошел я на то место, где подо льдом на дне лежал «Гаситель». Стал все меры принимать, чтобы лед над ним

облегчить. Когда подняли эпроновцы мой «Гаситель», всё на нем оказалось в порядке, только пробоины надо было заделать. Быстро мы пароход восстановили, и снова стал «Гаситель» выполнять свою службу.

Л. С. Пластикова

шенко ползком по канаве пробрались в подбитый танк, зарядили орудие и, когда фашисты сосредоточились метрах в ста от танка, открыли огонь. Немцы, не ожидавшие такого отпора, отошли, а затем ударили. Снаряды сотрясали танк, но это не испугало комсомольцев, они продолжали сражаться и покинули свою позицию только после того, как связной передал им приказ вернуться в окопы.

Отличился в этом бою и Костя Сулимов, стахановец из механического цеха. Скромный и простой парень, он проявил себя героем.

Костя до этого ремонтировал машины, а когда начались бои, вместе с друзьями сел в танк и повел его на врага. Вражеский снаряд вывел из строя боевую машину. Костю тяжело ранило. Истекая кровью, он крикнул своему другу:

— Петя, совсем немного до высоты осталось. Нажми, голубчик.

Еще день тому назад тревога сжимала сердце—как поведут себя в тяжелых боях наши необстрелянные юноши и девушки? Теперь же мы знали: тракторозаводская молодежь с честью выполняет свой долг перед Родиной. Мы гордились ими и говорили о них как о героях.

Отбив натиск врага, мы снова вернулись на завод. Цехи продолжали работать: ковать оружие для фронта, возводить укрепления.

На строительстве баррикады у Нижнего поселка работал Миша Ларин. За один день у него погибли отец, мать и братишка. Миша тяжело переживал утрату самых близких для него людей. И горе еще больше ожесточило его сердце к врагу. Когда баррикада была готова, Миша Ларин пришел с рапортом и сказал:

— А теперь прошу—пошлите на фронт.

Ушли все, шестнадцать комсомольцев — Миша Ларин и его товарищи,— стали бойцами и отличились в боях за Сталинград.

Вот еще пример. Когда немецкие танки прорвались к заводской площади, комсомольцы сборочного цеха продолжали ремонтировать танки. Узнав, что враг рядом, они во главе со своим секретарем Петром Корчагиным сели в танк и повели его в бой. Вместе с ребятами на передовую ушли сотни девушек. Под бомбами, артиллерийским и пулеметным огнем они спасали раненых. Наши комсомолки-активистки печатали в заводской типографии листовки с сообщениями Совинформбюро и разносили по окопам и блиндажам.

Среди этих отважных девушек особенно запомнилась Дуся Дмитриева, дочь рабочего СТЗ. Ей не было еще

двадцати лет. До войны она работала в диспансере, в 1940 году вступила в комсомол. Началась война, и она стала медсестрой МПВО. Все мы ее очень любили, называли ее — Дуся-беленькая. Такая она была действительно: беленькая и красивая. Дуся всегда была нашим запевалой в строю. Она очень любила песню «Священная война». Вместе с другими сталинградскими девушками Дуся писала в письме к защитникам Сталинграда: «Наше счастье и будущее, наша молодость в ваших руках. Для вас мы готовы на все».

Вместе с бойцами она тушила пожары.

Дусе, казалось, неведом был страх. Никакая бомбежка ее не пугала. Вместе с бойцами она тушила пожары, разбирала завалы. Как-то Дуся сопровождала санитарную машину с ранеными бойцами. Рвались снаряды. В пути машина загорелась. Когда шофер остановил машину, Дуся вместе с ним начала сбивать пламя. Обожженная, почерневшая, она снова отправилась за ранеными на передовую.

Четырнадцать раз ходила Дуся в разведку в тыл врага. В последний раз, возвращаясь с задания, она вместе со своей подругой Надей Шуриной попала на минное поле. Дусе оторвало обе ноги и кисть правой руки. Сильные ранения получила и Надя. Умирая на руках подруги, Дуся прошептала: «Передай моей маме, подругам и товарищам, что умираю за Родину, за Сталинград».

Однажды к нам в райком приехал связной из военкомата с запиской. Военком просил прислать боевую группу для работы на переправе. Мы подобрали самых активных ребят во главе с Осиповым. Трудно им пришлось под огнем перевозить женщин, детей, стариков. Гитлеровцы непрерывно обстреливали переправу. И остановиться нельзя ни час. Людей много, среди них раненые. Комсомольцы смыкали глаз, падая от усталости, продолжали работ

Немецкие самолеты обстреливали с бреющего полет переправу. Они снижались настолько низко, что видны лица летчиков. От взрывов волны захлестывали плоты раз смывало людей. Спасая их, комсомольцы броса в Волгу. Особенно много жителей спасли комсомольцы ша Макаров и Ваня Лушниченко. У Паши в эти дни р ся сын. Жена с сыном находились в укрытии. Он оче них волновался, но так и не мог к ним вырваться: не бросить раненых, которых переправлял за Волгу.

Как сейчас помню свой разговор с сандружинницей Г стовой:

— Тоня,—спросила я, глядя на ее воспаленные глаза, ты, вероятно, сильно устала, может быть, заменить тет на время, а ты отдохнешь?

Я знала, что Тоня давно уже совсем не спит, день и ночь сопровождая на левый берег раненых.

— Что ты, Лида,—ответила мне Тоня,—я нисколько не устала, да и раненых много. Нет, не надо меня подменять.

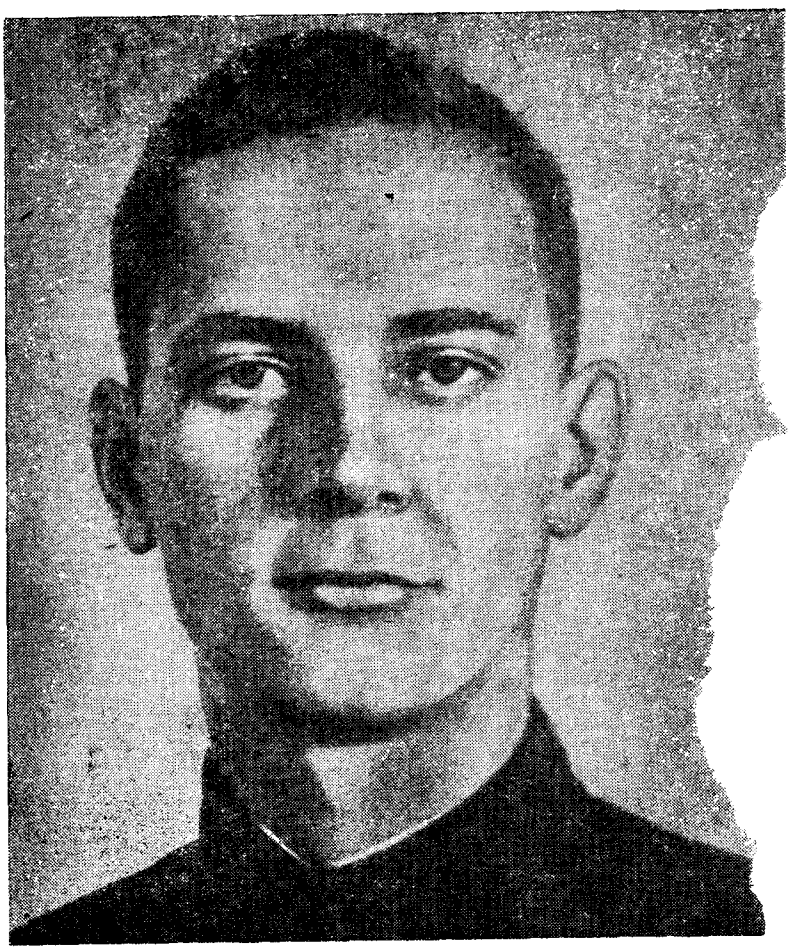
Это были скромные герои, но именно герои.

Помню общее собрание комсомольской организации нашего района, созванное уже после того, как здание райкома было разбито бомбой. Собрание проходило на рассвете в глубоком овраге. На повестке дня стоял вопрос о создавшемся положении и плане дальнейшей работы. Председательствовала на собрании Маруся Кожина, протокол вел Федя Кодышев.

Я выступила с докладом. Слушали меня молча, но очень внимательно. Решение было кратким: «Не покидать своих боевых постов, драться до последней капли крови, все свои силы отдать на оказание помощи Красной Армии в борьбе с немецкими захватчиками».

Так трудились, так сражались наши комсомольцы, комсомольцы Сталинградского тракторного.

В. А. Иванов



Партизаны из Ельшанки

В начале войны, окончив лесотехникум, я думал попасть в авиационное училище, но командование меня отослало домой, узнав, что мне только шестнадцать лет.

Отец работал тогда механиком на мебельно-ящичном комбинате в Ельшанке. Вместе с ним стал работать и я.

В августе 1942 года, при первом массовом налете немецкой авиации на город, завод наш сгорел. В заводском бомбоубежище выдали нам с отцом эвакуационные свидетельства, и мы пошли домой за мамой и вещами, чтобы тронуться в путь. Повернув за угол, увидели большой костер. Это горел наш дом. Там, где было наше бомбоубежище, в котором мы, уходя на завод, оставили маму, теперь зияла огромная воронка от разорвавшейся крупной фугасной бомбы.

Отец увидел лоскуток маминого платья, поднял его.

— Вот и все, — тихо сказал он.

Долго мы стояли около воронки молча.

— Ну, пойдем, — сказал отец.

По дороге завернули к старым знакомым — Палагушкиным. Сам М. Ф. Палагушкин на железной дороге работал, сын, Юрий, мой товарищ, в девятом классе учился.

— Что же будем делать? — спросил Палагушкин.

— Из Сталинграда никуда не поеду, пойду в истребительный батальон, — ответил ему мой отец.

Сидели две мы вместе воевали в истребительном батальоне. У Мечетки отбивали гранатами немецкие танки; в Мечетке Купоросном, возле техникума, действовали из ... как снайперы. Потом нас сменили воинские части, ... истребительный батальон решено было перебросить ... левый берег Волги. Но отец стоял на своем:

— Из Сталинграда — никуда.

Палагушкины тоже не хотели уходить из города. Решили партизанить.

Немцы, видимо, не думали, что в городе могут быть партизаны, поэтому в первое время они не очень остерегались нас. Возле станции Сталинград II они складывали под открытым небом боеприпасы — мины, гранаты, патроны. Часовых было здесь только двое. Ночью мой отец с Палагушкиным подползли к часовым и бесшумно ножами сняли их. У меня было несколько плиточек толу — утащил еще днем с немецкой автомашины, и мы с Юрием положили их под брезент на ящик с минами и подожгли шнур от папироски. Взрыв этот встревожил немцев. Они стали прибивать на уцелевших телефонных столбах доски с надписью: «Смерть партизанам».

На другую ночь мы залегли в кювете возле одного столба с такой же надписью, выжидая, пока мимо пройдет какой-нибудь немец. Дождались. Он и опомниться не успел, как повис на столбе. Надпись на доске мы не стали менять, отец сказал:

— И без того понятно, кому смерть.

Это было на Дар-горе в нашем Ворошиловском районе. Местность хорошо знакомая, укрыться есть где — кругом развалины, а пищи—сколько хочешь, мы с Юрием быстр наловчились таскать продукты из немецких машин.

Несколько дней партизанили мы вчетвером. Потом ши старики решили, что так не годится, толку мало. С они старые солдаты, участники обороны Царицына, хоте действовать организованнее, установить связь с какой-н будь воинской частью. Ночью мы переползли линию фр та, вышли к погрузочной Волго-Донской пристани. Тут н задержали моряки 92-й стрелковой бригады. Они привел нас в свой штаб, под железнодорожным мостом через Ц рицу. Дежурный оказался моим старым школьным тов щем, это был лейтенант Степаненко.

— Виктор, ты? — удивленно произнес он, освещая фонариком.

Я не видел его с начала войны, но по голосу сразу

— Сергей?

— Да, но чего вы тут?

Я говорю:

— Хотим прикрепиться к какой-нибудь воинско

И тут же, под мостом, на наших удостоверениях, ных штабом истребительного батальона, была сделан писка: «Прикрепляется к 92 ОСБ».

Моряки прозвали нас «партизанами из Ельшанки», отдельности каждого называли: стариков — «батями», лодых — «сынками». Мы выполняли задания комбатов майора Минькова и капитана Шальмана: перевозили ран

И мы увидели фашистов в нижнем пролете цеха, под рабочей площадкой, с которой печи загружаются шихтой. Они шли группами. Видать, думали, что тут никого нет. Бойцы ударили по ним из автоматов. Немцы рассыпались по цеху, скрылись за печами, изложницами и стали отходить от новой группы мартенов на старую группу.

Пока мы ходили, Почевалов с оставшимися рабочими отражали натиск врага. После этого боя из нашего отряда осталось двадцать четыре человека. Почевалов тоже был ранен, и командиром стал я. На новых печах оборону заняли наши бойцы, начиная с восьмой печи. А на первых печах засели немцы. Передовая проходила теперь по мартеновскому цеху между старой и новой группами печей. В других цехах немцы были еще ближе к Волге. Командир дивизии приказал мне занять рубеж у лесопилки, окопаться на берегу, над самым обрывом.

С 25 октября мы держали оборону у лесопилки. Справа от нас был учебный батальон. Он несколько дней подряд геройски отбивался от наседавших немцев. Фашисты подтянули новые силы и открыли по нас огонь из минометов. Мы отстреливались из ручного пулемета и винтовок и заставили поднявшихся в атаку фашистов залечь. Но враг имел больше сил, и я попросил поддержки у генерала. Гурьев ответил:

— Держитесь, товарищи, пока получим пополнение из-за Волги.

В резерве дивизии уже никого не было. Все-таки генерал прислал нам на помощь повара и двух санитаров. Выползли они из-под горы, оба молодые и, что нас особенно поразило, веселые, особенно повар—маленький, востроносенький. Он все голову задирал—каска ему, должно быть, видеть мешала: велика была для него, крутилась на голове, как на шесте.

— Прибыл, товарищ командир, резерв главного командования,—доложил он.—Какое нам будет приказание?

Я посмотрел на него — и сам повеселел.

— Да вот, — говорю, — немцы залегли рядом. Бьем-бьем, а выбить их не можем.

— Сообща выбьем, — ответил повар.

Не успели мы и оглянуться, как повар и санитар поползли вперед, к бугорку. Смотрим мы и не поймем, куда же ползут они, неужели такие отчаянные, что вдвоем фрицев атаковать хотят. Доползли они до бугра и закидали немцев гранатами. Немцы отступили и пошли в атаку левее, на полк майора Мазного. Да какой это был уже полк?! Кучка бойцов не больше, чем у нас. Пришлось ему туго, и Мазный

попросил у генерала поддержки. А что мог ему прислать Гурьев, когда даже повара бросил в бой.

— Поддержите соседа слева, подкиньте ему шесть своих заводских, — приказал мне Гурьев.

У меня к этому времени еще четверо выбыли из строя. Каменщику — бригадиру Ильюшину—миной обе ноги оторвало. Очень любили и уважали его рабочие.

Вот это чистейшей воды коммунист, — говорили про Ильюшина. Перед ранением он всех нас успокаивал:

— Чего вы ребята, скисли? Неужели думаете, что вам тяжелее всех?

Отбив вместе с Мазным атаку немцев, мы погрузили Ильюшина в катерок, даже прослезились, так жалко было с ним расставаться. Прощаясь, Ильюшин сказал:

— Бейтесь, ребята, не отступайте, дотерпите как-нибудь до поддержки, оправдайте надежду партии.

В эту же ночь прибыло в дивизию большое пополнение. Нас отправили на левый берег, чтобы переобмундировать. Мы все еще ходили в гражданском, сказать по правде, не по сезону, порядком оборвались. А холода уже прижимали. Да и неудобства от этого терпели немалые. Нас часто задерживали, документы проверяли, в штаб водили для выяснения личности. Генерал Гурьев, как только позволила обстановка, сказал:

— Пора обмундировать их по-гвардейски.

Он проводил нас своим отеческим взглядом. А вскоре в полной форме бойцов Красной Армии мы вновь заняли свои позиции, теперь уже как бойцы-гвардейцы.

Много дней и ночей шли тогда бои. А вот сейчас кажется, что будто был один длинный день да еще одна огромная ночь...

А затихнет бой, лежишь в обороне и жизнь прошлую свою вспоминаешь.

Детство я провел в селе Соблевском на Волге. А когда подрос, стал лесозаготовителем.

Потом приехал в Царицын, поступил на «Красный Октябрь».

Вся моя жизнь была связана с заводом. Работал на нем и бригадиром, и заведующим складом, техником-заказчиком и резчиком металла на блюминге. Здесь вступил в ряды Коммунистической партии.

Был у меня в поселке свой дом, построил мне его завод. Жили хорошо. И ведь не только я так жил, все мы так жили, старые кадровые рабочие. Теперь вот уже нет многих. Некоторые погибли в бою за родной завод, что вместе реконструировали. Не всегда удавалось тогда и похоронить

друга. Знаем только, что легли они, наши товарищи, где-то здесь, на заводе.

Через несколько дней после того боя, о котором рассказывал, немцы вновь пошли в атаку. Поднялись мы из укрытий и пошли на врага, теперь уж как настоящие гвардейцы 39-й. Аатака фашистов быстро захлебнулась.

Как мы были рады и горды, что и на этот раз боевое задание было выполнено с честью, по-гвардейски.

В бою я даже где-то каску потерял, на что командир, который вел нас в бой, сейчас же обратил внимание.

Потом мы готовились к наступлению. Прошло несколько дней, и Красная Армия погнала фашистов на запад.

Так мы выполняли задания военного командования, пока немцев не выгнали с «Красного Октября».

И. Т. Петраков,

генерал-майор

Вместе с гвардейцами Родимцева

Четырнадцатого сентября наша истребительная рота, сформированная из работников милиции и управления НКВД, занимала оборону на берегу Волги и от Дома специалистов до дома № 13 по Пензенской улице, прикрывая от противника центральную переправу до прибытия подкрепления из-за Волги.

Враг был где-то недалеко, но где точно, мы не знали. Я и мой помощник Ромашков пошли в разведку к площади 9 Января. Из Дома военведа немцы открыли огонь. Метрах в пяти от нас железный кузов сгоревшей автомашины прошила автоматная очередь. Рядом перебегали фашисты.

Я приказал Ромашкову вместе с пятнадцатью бойцами занять оборону и не дать прорваться противнику к переправе со стороны площади 9 Января.

При спуске к Волге, когда я шел к основной группе бойцов своей роты, невдалеке разорвался снаряд. Я был оглушен и воздушной волной отброшен в кучу золы. Не помню, сколько пролежал. Один из бойцов заметил меня и перенес к выходу штольни. Бойцы обмыли мое лицо от запекшейся крови, укрыли шинелью. Постепенно я пришел в сознание и смог разобраться в обстановке.

Немцы были уже метрах в ста пятидесяти. Они овладели Пензенской улицей, заняли некоторые дома специалистов, здание Госбанка, из которого били из пушек и минометов по городской переправе. Слышны были их голоса:

— Русь, Волга, буль, буль! Сдавайся!

Меня вызвал к телефону член городского комитета обороны А. И. Воронин. Он приказал удерживать берег.

— Надо продержаться несколько часов, так как уже идет помощь,—сказал он.

Несмотря на огромное превосходство в людях и вооружении, немцам не удалось потеснить наших бойцов. Тогда враг решил разведать наши силы.

В лощине, которая шла от домов специалистов к нашему командному пункту, появился мальчик лет двенадцати. Это вызвало подозрение у бойца-милиционера, и он задержал мальчика.

Задержанный оказался весьма смышленым мальчуганом. Он потребовал, чтобы его отвели к командиру.

— Как зовут тебя? — спросил я его.

— Коля, — ответил он.

Коля рассказал, что отец и мать его убиты при бомбежке, а сам он с другими жителями скрывался в подвале домов специалистов. Когда немцы ворвались в этот подвал, одна старуха сказала им что-то по-немецки, и они послали ее куда-то. Но старуха немка, должно быть, испугалась и скоро вернулась. Тогда офицер послал его, Колю, пригрозив, что если он не узнает, сколько нас, его расстреляют. И не только это рассказал нам мальчик, от него мы узнали о численности и о вооружении немцев. Перед нами был батальон хорошо вооруженных немецких солдат. Впоследствии было точно установлено, что против нас сражался в полном составе первый батальон 194-го пехотного полка 71-й стрелковой дивизии 6-й немецкой армии под командованием капитана Гинделянга.

Нас же, прижатых к берегу, было всего человек 60.

Около 8 часов вечера мне доложили, что большая группа немецких автоматчиков под прикрытием пулеметного огня по балке от домов специалистов продвигается к городской переправе. Около пивного завода немцы захватили две пушки, расчеты которых погибли, и готовятся открыть из этих пушек огонь.

Сдать переправу — означало сдать центр города. А мы из-за Волги ждали войска, которые должны прийти на помощь. Высаживаться войска должны были на центральной переправе.

Переправа от моего командного пункта была в 250 метрах, пивной завод—в 150 метрах. Я решил контратаковать противника с двух сторон. Ромашков возглавил группу бойцов из 15 человек. Столько же примерно было и в моей группе. С криком «ура» одновременно с Ромашковым мы бросились в атаку. По-видимому, немцы не были осведомлены о нашей численности. Дружная атака завершилась успехом. Пушки снова были наши. Но положение наше оставалось тяжелым, а главное—боеприпасы подходили к концу.

Стемнело. В небе повисли немецкие ракеты. Авиация противника продолжала налеты на территорию заводов. В Нефтесиндикате загорелись баки с горючим. Горящая

нефть поплыла по Волге, приближалась уже к нам и грозила отрезать нас от левого берега, откуда мы с минуты на минуту ждали помощи.

— Это пострашнее, чем немецкие автоматчики! Неужели погибнем? — сказал Ромашков, когда мы вышли с ним на берег Волги.

Я молчал.

Вдруг мы увидели быстро мчавшуюся к нашему берегу моторную лодку.

Прибыли наши товарищи, работники НКВД. Они привезли нам боеприпасы. Это сразу подбодрило нас. Было решено до подхода воинских частей выбить немцев из домов специалистов и из дома Госбанка, откуда они просматривали переправы и могли сорвать подход наших войск.

Пушки, отбитые у немцев, мы приготовили к стрельбе. Условились, что атака начнется после пяти орудийных выстрелов. Артиллеристов среди нас не было. Кое-как при помощи одного нашего работника, который немного разбирался в артиллерии, я дал выстрел по зданию Госбанка, затем второй, третий. В цель я, видимо, не попал, так как не умел наводить: открою замок и верчу рукоятку до тех пор, пока в просвете пушки не увижу цель.

— Смотрите!—вдруг крикнул младший лейтенант Мрыхин, находившийся при мне.

И видим, что к городской переправе плывет катер с бойцами. Немцы ведут по нему огонь: снаряды рвутся около катера. Тогда я снова бросился к пушке и начал бить по домам специалистов, откуда вела огонь вражеская батарея.

Катер благополучно достиг нашего берега. Из него вышли полковник И. П. Елин и батальонный комиссар Кокушкин. Вскоре подошло еще несколько катеров с бойцами. Это были гвардейцы дивизии генерала Родимцева.

Расположив свой штаб в штольне, полковник Елин пригласил меня доложить ему обстановку.

Тем временем его подразделения быстро заняли окопы и сразу же открыли огонь по врагу.

С прибытием дивизии Родимцева наш небольшой отряд мог считать свою задачу выполненной. Но мы не хотели покидать правого берега Волги, и генерал Родимцев, с которым мне пришлось встретиться на другой день, разрешил нам остаться в городе.

— Если вы здесь уже обжились, так и оставайтесь в своей штольне и держитесь, как держались. Ваши люди хорошо знают город, а это нам важно, мы ведь здесь пока гости,—засмеялся он.

Помню я, как, выйдя из штольни покурить, генерал остановил проходившего мимо командира:

— Ну как, орел, дела?

— Прекрасно, товарищ гвардии генерал-майор. Только что-то немцы канонаду усилили, хотят этим громом наше новоселье отметить.

— Да, не нравится им наше новоселье, — сказал генерал. — А главное потому, что у нас выгодная, заманчивая позиция. У нас рядом и воды, и рыбки много, а у немцев с водичкой, ох, как плохо... Волга рядом и жажда сильная, а попить нельзя. Наши орлы не дадут им напиться.

— Мы жадные на воду, — вставил кто-то из солдат, слушавших разговор.

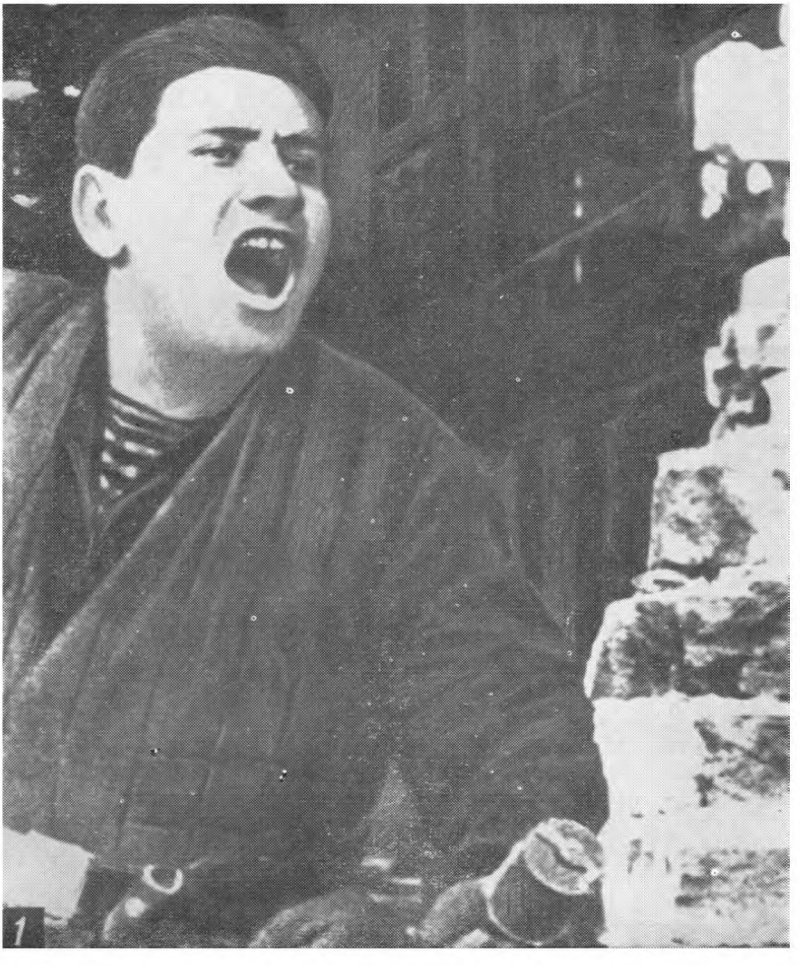
— Не можем зря воду расходовать на посторонних,— заметил другой боец,—Волга обмелеет.

Когда генерал проходил у железнодорожного полотна, тянувшегося вдоль Волги, я слышал, как бойцы в окопах говорили:

— Куда-то наш батя опять пошел, беспокоится, видимо, за фланги.

Как заняли гвардейцы позиции, которые мы удерживали до их прихода, так и простояли тут всю оборону, не сдав врагу ни одного метра.

1. Выстоим!



2. Идет заседание городского комитета обороны. Слева направо: А. И. Воронин, А. С. Чуянов, И. Ф. Зименков.

3. Обращение городского комитета обороны к защитникам Сталинграда. 1942 г.

4. Бойцы 39-й гвардейской стрелковой дивизии, принимая гвардейское знамя, клялись: «Будем стоять насмерть, но не сдадим родной Сталинград!».

3

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!
РОДНЫЕ СТАЛИНГРАДЦЫ!

Остервенелые банды врага подкатились к стенам нашего родного города.

Снова, как и 24 года тому назад, наш город переживает тяжелые дни.

Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке-Волге.

Воины Красной Армии самоотверженно защищают Сталинград. Все подступы к городу усеяны трупами немецко-фашистских захватчиков.

Обер-бандит Гитлер бросает в бой все новые и новые банды своих головорезов, стремясь любой ценой захватить Сталинград.

Товарищи сталинградцы!

Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи.

Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами.

Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью.

Выходите все на строительство баррикад. Организуйте бригады. Баррикадируйте каждую улицу. Для строительства баррикад используйте все, что имеется под руками—камень, бревно, железо, вагоны трамвая и т. д.

Построим баррикады быстро и так, чтобы боец-защитник Сталинграда беспощадно громил врага с баррикад, построенных Нами.

Бойцы Красной Армии! Защитники Сталинграда!

Мы сделаем для вас все, чтобы отстоять город.

Ни шагу назад!

Бейте беспощадно врага. Отомстите немцам за все учиненные ими зверства, за разрушенные очаги, за пролитые слезы и кровь наших детей, матерей и жен.

Защитники Сталинграда! В грозный 1918 год наши отцы отстояли Красный Царицын от банд немецких наемников.

Отстоим и мы в 1942 году Краснознаменный Сталинград.

Отстоим, чтобы отбросить, а затем разгромить кровавую банду немецких захватчиков.

Все на строительство баррикад!

Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома.

Сталинградский
Городской Комитет Обороны.

4

5. Город готовится к обороне.

6. Ополченцы завода «Красный Октябрь» на огневой позиции.

7. Рядом с передовой в заводских цехах круглосуточно кипела работа. Эти бутылки с горючей смесью уже на следующий, а то и в тот же день летели во вражеские танки.

8. Вместе с бойцами Красной Армии боевые позиции заняли рабочие.

9. Ополченец.

10. Уличные бои сразу приняли ожесточенный характер.

5

6

7

8

9

10

11. «Остров Людникова». Полковник И. И. Людников около своего штаба (стоит справа).

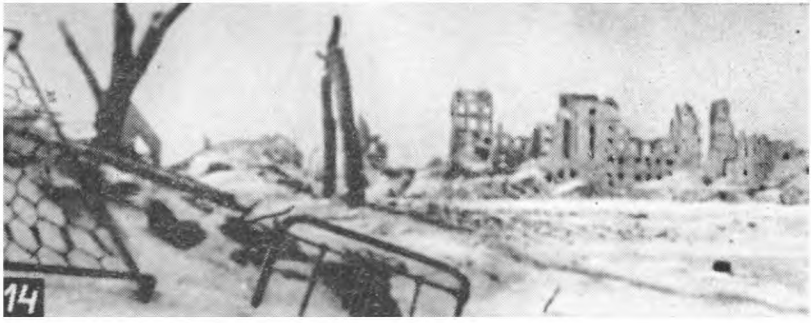
12. На наблюдательном пункте «острова».

13. Командный пункт в откосе берега Волги.

14. Город в руинах.

15. Бой на территории «Красного Октября».

16. В очередную атаку.



14

15

16

17. Заявление М. Я. Слюсарева о приеме в партию.

18. Вручение партийного билета. Декабрь, 1942 г.

19. Вражеский танк подбит.

20. К следующему рубежу.

21. Прямой наводкой.

22. На защиту родного города встала старая и молодая гвардия Сталинграда.

Г.О.С.
92

В первичную партийную организацию 1 т.б-на от Слюсарева Михаила Яковлевича

Прошу принять меня в кандидаты партии я хочу ехать в бой коммунистом. Приложу все силы, а если и потребуется жизнь для полного разгрома гитлеровских банд у стен Сталинграда

Слюсарев

17 28.1.43 г.

19

20

21

22

23. Надписи на Доме Павлова.

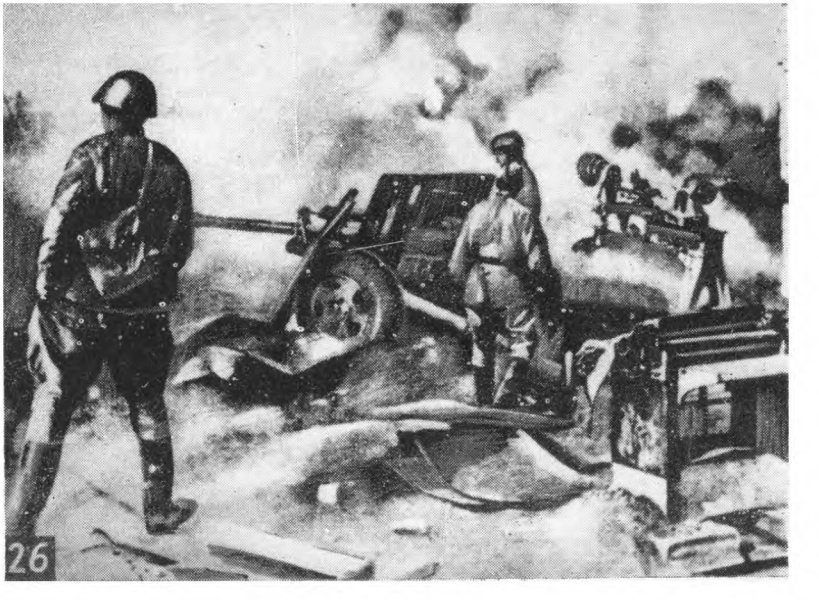
24. Таким выглядел Дом Павлова и прилегающие к нему здания после боев.

25. Записка защитников Сталинграда, найденная в Октябрьском районе Волгоградской области.

26. Артиллеристы ведут огонь прямой наводкой.

Нас здесь всем нам кроме
осталось вего Володи 20 лет, а
чи Вероя. Иван ему в марте сорок
Водин, Николай Сер третьего будет 19 лет.
Володя Косо а немцы все лезут
ничились, остал лезут, патроны
всем это на 11 гранатф 2
то чтите нашу и эту записку
погибли как герои ть и что мы
Наши пре. Я Комсомольцы
Володя из росто Новосибирска
одные есть. одних у меня нет
Украине олай и Иван.
Водин бредит. мы ранены
Володя тяжело
Надо спасти Води и

25



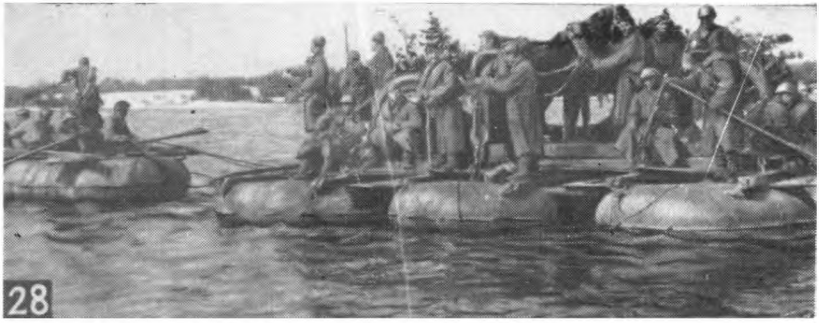
26

27. Город в огне. Август, 1942 г.

28. Переправа войск через Волгу в Сталинград. Сентябрь, 1942 г.

29. Только вперед!

30. С переправы сразу на прямую наводку.


28

29

30

31. В. И. Чуйков и К. А. Гуров на наблюдательном пункте.

32. На заседании Военного совета Юго-Западного фронта (слева направо) Л. З. Котляр, М. В. Рудаков, М. В. Лайок, Н. Ф. Ватутин, А. С. Желтов, С. А. Красовский, С. П. Иванов, В. И. Вознюк, С. П. Чернобай, А. И. Шебунин, М. П. Дмитриев.

33. Автоматчики выбивают гитлеровцев из населенного пункта.

34. Минометчики на позиции.

35. На заседании Военного совета Донского фронта (слева направо) С. И. Руденко, А. Е. Головапов, А. А. Новиков, К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, К. Ф. Телегин, М. С. Малинин, В. И. Казаков.

33

34

35

36. Боевой экипаж авиационной части.

37. Зенитчики на защите сталинградского неба.

38. Сбит очередной стервятник.

39. Воины 38-й мотострелковой бригады, принимавшие участие в пленении Паулюса и его штаба. Третий справа — командир бригады полковник И. Д. Бурмаков.

40. В штабе Донского фронта. Допрос пленного генерал-фельдмаршала Паулюса. Слева направо: К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, переводчик Н. Д. Дятлепко и Ф. Паулюс. Февраль, 1943 г.

41. Уличный бой.

36

37

38

39

40

41

42. Последний выстрел на площади Павших борцов.

43. Один из фашистов «дошел» до берега Волги.

44. В наступление!

45. Вот они остатки 5-й гитлеровской армии, рвавшейся к Сталинграду.

44

45

46. Встреча воинов 21-й и 62-й армий в районе Мамаева кургана. 26 января 1943 г.

47. Флаг победы поднят над Сталинградом.

48. Митинг победителей.

47

48

49. После победы.

50. Первый мирный день Сталинграда.

Содержание

Г. К. Жуков	Исторический подвиг советских войск	**7**
А. И. Еременко	Один из 200 огненных дней	**53**
Ф. И. Голиков	Незабываемые встречи	**63**
М. М. Попов	В наступлении	**83**
П. И. Доронин	И слово — боец	**99**
М. М. Мальцев	Труженики войны	**119**
В. И. Чуйков	Мамаев курган	**125**
В. П. Дубянский	Дивизия стояла насмерть	**139**
Ф. Н. Смехотворов	Враг к Волге не прошел	**147**
И. И. Людников	Остров мужества	**151**
В. А. Греков	Стражи мечетинского бастиона	**159**
И. П. Елин	В центре города	**181**
Я. Ф. Павлов	Как это было	**189**
М. С. Шумилов	Стойкость 64-й	**197**
С. Г. Горячев	Мужество и отвага	**209**
И. К. Морозов	Так сражались дальневосточники	**217**
Е. И. Василенко	На южных подступах	**227**
М. Т. Карначев	Бойцы укрепленного района	**231**
И. Н. Рубан	Атака морской пехоты	**235**
Е. А. Петлюк	На «Малютке»	**239**
А. В. Алелюхин	Эскадрилья атакует	**243**
В. Г. Зайцев	Метким огнем снайперов	**247**
Т. К. Коломиец	Отряд полковника Макарчука	**253**
Д. Д. Рогачев	Удары с Волги	**259**
Р. Я. Малиновский	Натиск второй гвардейской	**267**
П. А. Ротмистров	Грозная броня	**279**
М. С. Диасамидзе	У хутора Верхне-Кумского	**297**
Н. М. Брижинев	Сердца, полные отваги	**303**
А. С. Желтов	Операции «Уран» и «Малый Сатурн»	**315**
И. М. Чистяков	Доблестная 21-я	**333**
С. А. Красовский	Побеждают советские соколы	**349**
П. П. Полубояров	Стальная гвардия	**367**
К. Ф. Телегин	В дни великой битвы	**375**
В. И. Казаков	Огненный шквал	**403**
П. И. Батов	Между Доном и Волгой	**423**
А. С. Жадов	Закаленная в боях	**449**
Н. И. Бирюков	Дни и ночи	**461**
И. И. Якубовский	Суровое начало боевого пути	**467**
П. П. Толстобров	Мы — гвардейцы	**479**
А. С. Чуянов	Все были солдатами	**489**
Д. М. Пигалев	Накануне	**501**
В. И. Левкин	Комсомольцы на защите родного города	**513**
Е. Г. Куксов	Военкоматы в дни обороны	**523**
Л. Ф. Самсонов	Связисты на боевой вахте	**527**
С. Д. Бабкин	На южной окраине	**537**
К. С. Денисова	Мужество	**543**
Л. Р. Гонор	Завод-воин	**547**
С. И. Багаев	По мандату долга	**555**
П. В. Воробьев	«Гаситель»	**563**
Л. С. Пластикова	Несколько эпизодов	**569**
В. А. Иванов	Партизаны из Ельшанки	**575**
Е. Т. Сисеров	Передовая у мартенов	**581**
И. Т. Петраков	Вместе с гвардейцами Родимцева	**589**

Редактор В. Е. Зайцев
Художник Э. Д. Меджитова
Худож. редакторы С. И. Ижболдина,
С. Б. Миронова
Техн. редактор В. М. Шиян
Корректор Н. Б. Ворович

НМ 01804. Сдано в набор 8/XII 1971 г.
Подписано к печати 13/III 1972 г.
Бумага тип. № 1.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. физ.
18,5+0,75 вкл.+0,1 вкл. Печ. л. усл.
31,08+1,26 вкл.+0,17 вкл.
Уч.-изд. л. 35,17.
Авт. л. 30,16. Тираж 50 000.
Цена 1 р. 38 к.
Заказ 277. Темплан 1972 г. № 2.

Нижне-Волжское книжное издательство,
Волгоград, ул. КИМ, 6.
Типография издательства
«Волгоградская правда»,
Волгоград,
Привокзальная площадь.
Вклейки карт
выполнены офсетной фабрикой
г. Волгограда

Б66 **Битва за Сталинград.** Волгоград, Н.-Волж. кн. изд., 1972.

616 с. с илл.

Эта книга о легендарном подвиге советских людей в дни героической Сталинградской битвы. Ее авторы — видные полководцы и военачальники, политработники, герои боев, сталинградцы, оставшиеся на боевом посту в сражающемся городе.

1—12—2
2—70

9(с)27